

*Мақс Домнин
Изгнанниқи Менантра*

Книга вторая

Менантр умер, те кому повезло, оказались на родине предков. Родриго Амадо один из везунчиков, его спас случай, но новый мир, застрявший в средневековье, встречает потомка нескончаемой вереницей войн и заговоров. К интригам человеческих королей, добавляется борьба между расами населяющими мир предков. В смертельной схватке сошлись эльфы, гномы и люди. Но все это уже неважно, потому что за Родриго идут Братья, разрушители Менантра.

Второе десятилетие. Окончание

Дубравы, окружавшие обитель пророка Доминго, наглухо отделяли древние строения от сутолоки богатого городка. Неподалеку от обители, притулилась академия, похожая на крепость. Длинные, крытые террасы соединяли учебное заведение с монастырем. Вся жизнь Эльена сосредоточилась возле ученого городка. Студенты наполняли захолустье Эльена задором молодости и добавляли бурление жизни в мрачное бытие старинного центра знаний.

Благодаря академии здесь появились два борделя, крупный рынок известный своими диковинками как научными, так и шарлатанскими, аукционный дом Ретано, и богато украшенная ратуша. К которой присоседилось одно из немногих в стране мест презрения старости и инвалидов, а также один из лучших лекарских центров Амората, Лечебница Азалии Благословенной.

Несмотря на захолустный статус городка, его жители совершенно не нуждались. Население кормилось за счет огромного количества паломников, ученых, студентов, и прочих приезжих, сдавая жилые места, тем, кто посещал старинный центр веры и знания.

Солнце нещадно палило, заливая ярким светом мостовую городка. По растрескавшейся брусчатке шел паломник, несмотря на невыносимый зной, он не снимал с себя черного балахона из плотной шерстяной ткани, лицо его скрывал глубокий капюшон.

Странника сопровождали четыре монаха. Необычная процессия медленно двигалась к обители Доминго, осевшая пыль сделала их черные балахоны, серыми, красноречиво указывая на долгий путь, который им пришлось пройти.

Город не обратил ни малейшего внимания на гостей, куда больше жителей взволновало известие о том, что ночью в Эльен прибыл сам Верховный. Обыватели гадали, что могло привести Скюло в их городок, коронация не предвиделась, да и день святого Доминго еще далеко.

Визит Святейшего породил множество нелепых слухов. Досужие языки придумали, что готовится церемония провозглашения будущего монарха, наследника короны принца Гвидо. Король Гумберт, в последние годы совсем сдал, несмотря на молодой возраст его здоровье подкосили пьянка и неумная любовь к женщинам, одарившая короля целым букетом заболеваний специфического свойства.

Анна Лушич, королева Амората, давно перестала допускать мужа в постель. Королева пользовалась в народе непререкаемым авторитетом, в ее руках постепенно собирались рычаги управления королевством, отчего отношения между супругами все более накалялись. Она всеми силами стремилась как можно скорее отодвинуть, малоспособного Гумберта от власти, чтобы взять опеку над малолетним принцем, и иметь возможность управлять королевством от имени Гвидо.

Такой поворот не устраивал особо приближенных к королю рыцарей, и ту часть двора, что кормилась от щедрот развратного государя. И в первую очередь тех, кто сделал состояние, потакая порокам, и слабостям монарха.

Особенно опасным для королевы оказался союз двух сильнейших родов Амората, родственных Гумберту, Армандо, и представителя древнего аристократического рода Эрнесто Хабо, создавшего интригами и талантом дельца огромное состояние. Эрнесто

ссужал королю серьезные суммы, чем создал свое могущество, фактически получив статус второго человека в королевстве.

Скюло сохранял нейтралитет, пытаясь играть на противоречиях, соперничавших группировок. Верховного устраивал любой из предполагаемых исходов, но пользуясь моментом, старый интриган пытался выжать из ситуации максимум пользы для святого престола.

Процессия подошла к воротам обители, монахи остановились в десяти шагах от входа в монастырь. Вперед вышел высокий, худощавый человек. Легкой, почти юношеской походкой он подошел к мощным створам, и ударил в дерево, укрепленное железом. От удара сухой руки тяжелые двери обители содрогнулись, прогудел колокол. В окне над воротами появился настоятель, аббат Адамий Назарио, толстое лицо настоятеля кичливо скривилось при виде грязного паломника.

— Кто стучится в обитель святого Доминго? — прогремел бас Адамия.

— Раб божий Кейст Урбино смиренно просит Его Святейшество принять покаяния недостойного грешника! — ответил голос из капюшона.

— Жди!

Монахи окружили короля, и стянув с него балахон, облачили Кейста в рубаху. Позади встал один из братьев и возложив руки на плечи монарха, принудил его встать на колени. В такой позе король смиренно ожидал аудиенции Верховного жреца.

Время шло, жители города собрались вокруг иноземного короля, и с любопытством наблюдали как монарх изнывает от палящего зноя. Так прошел день, вечер принес тяжелые тучи и затяжной дождь, мелко моросивший весь следующий день и ночь. По телу текли студёные потоки дождевой воды, но Кейст не чувствовал пронизывающего холода, от долгой неподвижности ломило ноги. Время от времени его глаза скользили по лицам зевак, которые потеряли индивидуальность, сменяясь как в калейдоскопе. И тогда в душе некроманта начинал ворочаться внутренний зверь, требуя еды, еды, что с таким любопытством наблюдала за унижением короля.

Превозмогая соблазн, Кейст терпеливо ждал, наслаждаясь страданиями сопровождавших его монахов, что также мокли и мерзли рядом с ним, вынужденные принимать капризы погоды и волю Святейшего.

Ворота обители беспрестанно отворялись, принимая все больше посетителей. Судя по гербам, вышитым на плащах, и выгравированным на каретах и сбруе лошадей, в монастырь стекался весь цвет королевской знати Амората и Сальяда.

К исходу третьего дня ворота открылись и к монарху вышли братья обители. Они помогли Кейсту подняться, король с трудом удержался на занемевших от длительного коленопреклонения ногах. Поддерживая под руки, его ввели в ворота обители, затем провели в алтарное помещение. В центре на белоснежном троне сидел Скюло, лицо Верховного жреца сохраняло непроницаемое выражение. Он словно не заметил появление Кейста. Широкий зал заполнили знатные паломники, на балконах, идущих по периметру помещения, размещались лица королевской крови, они сидя наблюдали за происходящим. Дворянство попроще расположилось внизу по обе стороны выложенного черным бархатом пути, женщины и мужчины в богато украшенных нарядах смотрели на проходящего мимо Кейста.

Грязная рубаха, голые, покрытые черной коркой прилипшей грязи стопы, и спутанные черные с проседью волосы вызывали отвращение у высокородной публики. Несмотря на унижение, облик Кейста выражал покорность и смирение, глаз король не поднимал, не

желая встречаться взглядом со Скюло. Лишь остроконечная бородка дерзко топорщилась на удлинённом лице короля, тайно выражая истинное отношение к происходящему.

Бархат закончился у ног Святейшества, его полное тело, облаченное в пурпурно-золотистые одежды, возвышалось на троне над согбенной фигурой Кейста. Взгляд Верховного обратился на короля, глядя на него с отеческой любовью Скюло произнес.

— Что привело тебя в обитель бога, сын мой?

— Отец мой духовный, наместник Бога на земле. Раб божий Кейст приносит свое покаяние и просит прощение грехов из твоих рук — тихо, но чеканя каждое слово произнес Кейст.

По залу прошел гул, и тут же умолк, стоило Скюло взглянуть на собравшихся.

— Отраднo слышать, что отступник вроде тебя Кейст Некромант, добровольно явился принести раскаяния в своих грехах. Однако, боюсь, что тебе придется провести немало времени в монастыре прежде, чем, ты сможешь обрести прощение божье. Готов ли ты принять волю бога, и передать судьбу свою в руки его слуг на земле?

Кейст не произнося ни слова опустил на колени, после чего поцеловал перстень на руке, протянутой Верховным. Улыбка затаенного торжества блуждала на толстом лице скопца, его глаза блаженно зажмурились, а дыхание заметно участилось.

— Тогда сын мой, признаешь ли ты власть отца нашего Бога, и наместника его на земле над властью земного правителя!

— Признаю! — произнес Кейст, целуя возникший возле лица пальцы Скюло.

— Готов ли ты искупить свою вину, и пройти путь покаяния?

— Готов!

Первосвященник поднялся с места и слегка наклонившись вперед возложил правую руку на голову Кейста, со словами.

— Назначаю тебе испытание верой. Ты должен пройти путь монаха, до его пострижения, для усмирения плоти и гордыни. Все это время, ты, будешь оставаться в обители, и беспрекословно служить братьям как младший послушник. По истечению года тебя ждет покаяние перед равными и исповедь пред высшим. А сейчас, встань с колен брат Кейст! Прими свое послушание и войди в обитель как младший среди равных, да посетит тебя благословение господне в твоём не легком служении!

Кейст вновь поцеловал протянутые персты старого евнуха, и Скюло под торжественный перезвон вышел из зала.

Тощие монахи, схватили Кейста, неожиданно сильно, для их комплекции и поволокли куда-то вниз. После, его долго мыли и чесали, позже он присоединился к общей молитве монахов.

Как вскоре выяснилось звание младшего послушника, оказалось самым низшим в монастырской иерархии. Его заставили чистить туалеты, и убирать навоз за скотом, позже перевели на строительные работы. От постоянной тяжелой работы и плохого питания монарх слабел день ото дня. Тело непрерывно ныло непрекращающейся болью от усталости и голода. В келью несколько раз вламывались братья, и учиняли обыски. Часто по ночам, вместо сна, ему приходилось стоять на коленях и читать священные гимны, а утром снова возвращаться к изнурительной работе.

Спустя пару месяцев монахи поостыли, им надоело издеваться над смиренным послушником, и они переключились на вновь прибывших. Стараясь не думать о том, что происходит вокруг, монарх продолжал искать возможность попасть в архив обители. И

вскоре ему представился случай.

В светлый праздник Лаверты Чистой, который по традиции закончился грандиозной попойкой, и развратом, с привлечением дам из соседних борделей, главный архивариус, мертвецки пьяный возлежал меж огромных грудей жрицы любви. Он расположился в местной конюшне. Прямо у входа валялась ряса, там-где ученый монах, движимый страстью, стянул ее с себя. Сочный храп возвещал на всю округу, что брат спит беспробудным сном.

Холодный туман раннего утра еще густо покрывал безобразия прошедшего празднования, когда в сарай вошел Кейст. В нос пахнуло свежей соломой и терпким запахом навоза, он пришел убрать за лошадьми, и споткнулся о кучу тряпья, в которой что-то громко звякнуло.

— Ключи! — пронеслось в голове короля.

Осторожно, стараясь не дышать, он извлек тяжелую связку из складок ткани, и тихо выскользнул из сарая. Руки тряслись от волнения, вдавливая очередной ключ в хлебный мякиш. Кейст остановился, и оглядел свою работу, на не профессиональный взгляд монарха отпечатки вышли славные. Усилием воли послушник смирил дыхание, и когда удары сердца сделались ровнее, отправился в обратный путь. В тумане он налетел на кастеляна, который неторопливо ковылял через двор в сопровождении двух стражников.

— Ты что тут делаешь? — недовольно спросил кастелян.

— Иду убирать конюшню — быстро проговорил Кейст.

— Ааа!!! Это ты молодец! Хвалю, но на будущее, если еще раз будешь трезвым в великий праздник, я прикажу тебя высечь на конюшне, за гордыню и непослушание. Не тебе ли настоятель велел веселиться и славить благословенную Лаверту?

— Но он говорил о всех нас ...

— Вот! — протянул кастелян. — О всех нас! В том числе и о тебе! А ты, что же?! Постной рожей, в святой праздник, отравляешь божественную благодать, снизошедшую на братьев твоих!!! — почти крича закончил кастелян, назидательно подняв толстый палец к небу. Стражи глумливо заржали.

— Теперь иди, и помни о том, что я тебе сказал, а я в свою очередь прослежу за тем, чтобы ты впредь не позабыл моих слов.

Быстрее рысака домчал король до сарая. В дверях стояла мощная фигура архивариуса, шатаясь, абсолютно обнаженный, он справлял нужду на двор. Мутные глаза, с трудом оторвались от струи и тупо уставились на Кейста.

— Что? Ты кто такой? — растеряно спросил толстяк.

— Я брат твой, Кейст. Пришел убрать конюшню...

— Ну так убирай... Нечего пялиться на мой срамной уд! Да. А где моя ряса? — удивленно поинтересовался архивариус, скорее у себя, чем у Кейста.

— Вот, возьми — прозвучал ласковый голос короля откуда-то сбоку.

Брови архивариуса удивленно взлетели наверх, как послушник так быстро прошел мимо него в сарай. Но секунду спустя он отбросил удивление, и положившись в сем вопросе на бога, принял из рук младшего протянутую рясу. Со звоном к его ногам упала связка ключей. Он тупо уставился на нее, а затем медленно стараясь не расшевелить демона в голове опустился на колени, чтобы поднять ее. Обрато выпрямиться он не смог, пришлось вновь обратиться за помощью к брату Кейсту. Монах-монарх с превеликим удовольствием отвел архивариуса к его импровизированному ложу, и помог тому водрузить непомерную тушу, на столь же внушительную жрицу любви.

Спустя три месяца король сумел пробраться в архивы монастыря. Сидя по ночам в кромешной темноте, Кейст читал тексты пользуясь полезной способностью. Не сразу, даже как-то буднично, он осознал, что его глаза прекрасно видят и без света. Позже обострилось обоняние, оно стало настолько острым, что он мог определить приближение человека задолго до того, как слышал его шаги. Прошло еще полгода, и наконец ему попала одна единственная запись в старинной судебной книге. На длинной полоске тонко выделанной кожи, убористым почерком неизвестного монаха, сохранилась стенограмма допроса Кура Чернокнижника. Текст удивил короля, оказалось, что никто не считал Кура слугой Агара. Как показывал сам Кура ему удалось открыть путь в мир богов, именно богов, а не бога. Ниже стояла пометка комиссии, что собрали для проверки слов обвиняемого, и ее выводы подтверждали правдивость слов Куры.

«Обследование, проведенное в катакомбах, северной части лабиринтов старинных подземелий обители, привели нас к заключению, что в зале номер двадцать пять находится ложная стена, прозрачная с обеих сторон. Сквозь зыбкую пелену, можно разглядеть неведомый мир, что располагается за ней. При попытке попасть на ту сторону, члена комиссии брата Марло атаковал жуткий монстр, в результате наш брат окончил свой земной путь безвременной кончиной. Тело так и не удалось достать, при любой попытке нарушить границы призрачной завесы нас атаковала невиданная доселе тварь. По сему пришлось ограничиться осмотром внешних границ выхода в потусторонний мир, без дальнейших попыток проникнуть за его пределы...».

Далее следовал подробный отчет об установленных свойствах явления, и о том, что комиссии пришлось спешно покинуть опасное помещение, поскольку тварь перебралась на их сторону. Секрет потаенного прохода спрятали за мощной кирпичной кладкой, возведенной сразу после возвращения членов комиссии. По подсчетам Кейста с тех пор прошло более семи веков, вход в катакомбы давно перекрыли железными воротами. Обозначенные ворота располагались за алтарем в главном зале храма Эландо, поэтому искать их не пришлось, но попасть в замурованные коридоры решительно не представлялось возможным. Помимо того, что зал охранялся стражей, за прошедшие века двери изрядно заржавели, так, что любые попытки открыть их наверняка бы окончились провалом. Осматривая спаявшийся металл, Кейст покачал головой представляя, как оглушающий скрежет сдвинувшихся створ, пробуждает обитель.

И снова помог случай. При строительстве нового крыла для братии, была снесена старая часть крепостной стены. Частично ее разобрали, а частично она обвалилась, покалечив двух братьев. Вскоре во время расчистки строительной площадки от завалов рухнувшего камня обнаружился фундамент древней башни, архивариус весьма заинтересовался находкой. Когда-то еще в молодости, он читал, что на этом месте стояла башня, в которой проживал известный алхимик Риговер Артмутский. По легенде он изобрел способ превращать любой металл в золото, за что и поплатился жизнью. Тогдашний король Астурии Тимилион Красивый, попытался заполучить его секрет, сначала обещая возвышение при дворе и богатство. Однако алхимик оказался крепким орешком, тогда король обещал ему право сидеть в его присутствии, это также не соблазнило ушедшего Риговера. Наконец Тимилион предложил алхимику самому выбрать, что он пожелает в обмен на свой секрет. Недолго думая Риговер попросил руки дочери короля Динева, Тимилион согласился, но как только алхимик переступил порог его замка, схватил ученого и долго пытал. Вскоре Риговер выложил все, что знал, после чего отправился на корм собакам, а король в ту же ночь

пропал. Сколько Тимилиона не искали, найти пропавшего монарха так и не удалось.

Настоятель одобрил рвение к познанию истории, и назначил архивариуса главным на раскопках обнаруженного строения. Особенно грело душу обещание последнего добыть секрет Риговера.

В раскоп архивариус поставил Кейста и еще двух братьев. С огромным трудом удалось пробиться в нижние этажи башни. От ветхости стены кусками осыпались от одного лишь прикосновения, словно, кто-то не хотел, чтобы башню когда-либо раскопали. За неделю команда выбилась из сил. Глыбы цельного гранита, перекрывавшие проходы в комнаты, и огромные отвалы битого камня, лишили воли и желания копать дальше.

В самих комнатах ничего ценного кроме бархла, да и то в ужасном состоянии, не обнаружили. Архивариус мертвецки пьяный лежал на одном из отвалов, он понимал, что теперь придется отвечать перед настоятелем, которому было обещано возвращение секрета легендарного алхимика. Подавленный ожиданием неизбежного наказания, архивариус запил.

Вымотанные в конец братья тихо разбрелись по кельям, Кейст в гордом одиночестве продолжал стучать киркой, и ломом, где-то в глубине потерянной лаборатории алхимика. Измотанный тяжелой работой король, в раздражении нанес удар по плитке, украшавшей пол очередного помещения. Железный прут ударил в глаз изогнувшегося в причудливой позе тритона, которого неизвестный художник, в далекие времена, выложил из смальты на полу. Сверкнул сноп искр, маленькие звездочки погасли в полумраке, а в низу, что-то тихо щелкнуло, и мозаика плавно откатилась в сторону, открывая черный зев прохода в прошлое.

Уговорить Хельма вернуться в Риен, стоило немалых трудов, пришлось рассказать о заговоре гильдейцев. Узнав, что на кону судьба родного Даноста, Хельм не раздумывая дал согласие.

Риен поразил гнома, несколько лет добычи золота преобразили город. Из мертвого склепа он превратился в оживленный центр торговли, во многом соперничавший со столицей. Город хорошо охраняли, и требовалось, немалое количество везения и денег для того, чтобы попасть внутрь, и тем более проникнуть в святая святых Риена, на площадь Золотого рока.

Гильдейцы снабдили Амадо и Хельма грамотой торгового дома Фюрда, которая давала право проезда на территорию закрытого города. Родриго изображал представителя ювелирной гильдии города Кастрос, а Довард младший, торгового посредника от дома Фюрда.

Встречи с ведущими торговыми домами Даноста затянулись на неделю, за это время Амадо успел напроситься на осмотр источника ценного металла. Мастер дома Тахен, согласился показать любознательному чужаку площадь Золотой рока, как торговому посреднику Хельму тоже позволили присутствовать на экскурсии.

Первые впечатления потрясли обоих. На месте старой площади в выдолбленной породе желтыми змеями струилось жидкое золото, растекаясь по многочисленным отстойникам. Откуда дальше его разливали по формам и складировали в зданиях, окружавших центральную площадь. Ранее дома служили жилищем для отцов города, ныне же перестроенные в складские помещения, они потеряли свою прелесть и своеобразие, превратившись в часть рабочего квартала. На той стороне, за маревом, ничто не шелохнулось, лишь золото мерно перетекало из одного мира в другой.

— И что, там никого нет? — спросил Амадо у мастера, пожилого гнома, с седыми вислыми усами.

— Ну почему же нет? Есть господин гильдеец! Уж мы с ними намаялись. Прут и прут, они ж из чистаго золота, огромные! Уж сколько наших там полегло. Тут же господин гильдеец, в чем беда! У них там бывает все жидкое, тогда мы качаем золото спокойно, а бывает, оно остывает и на месте золотых морей появляются натуральные, скажу вам леса. Вот тогда-то и приходят эти, ну великаны, и начинают тут все крушить. Мы их и пальцем не трогали, а они нас как глину молотят. Утаскивают к себе, а оттуда уж никто не возвращался.

— Ну так, а чего им не нравится? Говорят, чего, или так, молча безобразничают? — спросил Родриго подстраиваясь под речь мастерового.

— Дык, кто ж их разберет, лопочут, что-то на своем. Поди, пойми их. Мы раз, еще в самом начале, вволокли одного цепями, к нам, значится сюда. Так он застыл, а мы его разбили да в переплавку, много золота тогда получили, а потом эти повадились.

— Так все-таки, кого-то из них вы убили?

— Да нет же! Говорю вам господин, застыл он, мертвый был! Никого мы не убивали! — убеждая Амадо горячился мастер.

Человек покачал головой в знак согласия, выражая лицом сочувствие, невзгодам мастера и золото добытчиков. Глядя на ручки текущего мимо золота, Хельм становился все мрачнее, черты лица заострились, а глаза сделались колючими и злыми. Посмотрев на Родриго, гном проронил.

— Надо это заканчивать.

— Как? Вам уже надоело? — удивился мастер.

— Да — отрезал Хельм.

— Мы увидели достаточно. Мое любопытство удовлетворено сполна — дружелюбно глядя на мастера ответил Амадо.

Вернувшись в гостиницу, человек пристально посмотрел на Доварда младшего, и жестко произнес.

— Ты едва не выдал нас. Что с тобой Хельм?

Подняв глаза гном, немного помолчал, затем ответил.

— Я не мог предположить, что этим все закончиться. Негодяи обогащаются, разрушая чужой мир, и причина во мне. Все-таки права была Аар.

— Аар просто дух этого мира, она не твоя жена. Не нужно ее воспринимать как Маю.

— При чем здесь это?

— Я лишь говорю, что у нее могут быть свои причины говорить тебе, то, что она тогда предсказала. Поверь моему опыту, предсказаниям не стоит верить, они могут оказаться банальной манипуляцией.

— Ты обвиняешь Аар в обмане?

— Нет. Я знаю не более твоего, но не стоит строить свою жизнь исходя из чьих-то предчувствий, видений, снов. Твоя логика и разум всегда лучше подскажут что правильно, а что ведет к гибели. Воля же поможет преодолеть любое проклятье, любое предначертание. Природа заложила все необходимое в тебя.

Хельм быстро взглянул на человека, густо покраснел, и резко поднявшись с кресла направился к Амадо, затем развернулся и вышел из комнаты.

Сон нарушил тяжелый стук в дверь, Родриго шатаясь поднялся с кровати. Тело, вялое после сна, плохо слушалось.

— Кто там? — ворчливо спросил он.

— Господин гильдеец, откройте, случилось страшное! Быстрее за мной идут! — послышался срывающийся голос.

Дверь распахнулась, впуская в полумрак комнаты скудное освещение коридора и насмерть перепуганного гнома. Дав немного отдышаться неожиданному посетителю, Амадо спросил.

— Так что случилось, господин Берли? — человек узнал в испуганном гноме младшего сына Фюрда.

— Господин все плохо. Наш глупый торговый представитель попался в лапы страже Риена. Хельм пытался пробраться в Золотой рок, и попался! Вот так! — гном вытаращил на Амадо и без того огромные глаза. — Что теперь делать? — визгливо спросил он, с надеждой глядя на человека.

— Для начала перестать кричать — спокойно ответил Родриго.

Гном осел на табурет, прикрыв рукой трясущиеся губы.

— Сейчас же уезжайте из города. Я тоже постараюсь выбраться, но вместе с господином Довардом.

— Но это невозможно! Он в тюрьме под надзором, и его так не отпустят. Его преступление относится к очень тяжким. Он покушался на собственность Торговой палаты.

— В том, что случилось, есть и моя вина. Я останусь и постараюсь его вызволить. Да и не смогу я смотреть в глаза его жене, если он сгинет в застенках Даноста, поэтому придется вытаскивать этого дурака. А вам мой дорогой Берли, я все-таки посоветую бежать, и как можно скорее. К утру здесь поднимется переполох и город закроют. Тогда ваша поимка станет делом времени — Амадо улыбнулся перепуганному Берли.

Хлесткие удары и звон мечей, разорвали ночной покой Риена. Тяжело загудел набат, звук мощной волной прошел по улицам, отражаясь от зданий. Гномы вывалили из домов, мимо зевак пробежала обеспокоенная стража и вооруженные наемники.

— Что случилось?! Война?! — отовсюду неслись вопросы, но воины, не замечая окружающий переполох стягивались к городским казематам.

При входе лежало с десятков стражей, четверо глухо стонали, остальные уже испустили дух. Осторожно переступая трупы, воины вошли в тюрьму, и застыли. Коридор представлял собой еще более удручающе зрелище. Тут и там чернели покалеченные тела охраны, выбитые двери вымостили проходы к камерам. Разрушения, оставленные неизвестной силой, произвели на гномов ужасающее впечатление. Казалось, что ураган прошел сквозь коридоры и казематы, сметая все на своем пути.

Со стороны городских ворот донеслись звуки боя. Воинственные крики стражей и звон оружия долетали до казематов, наемники кинулись на подмогу товарищам. Оказавшись на месте, они нашли лишь тела погибших соратников, из комнаты стражи вывалили оставшиеся в живых. Все как один рассказывали о рыцаре в золотистом доспехе, что напал на них вместе с бежавшими заключенными. В коридоре, между воротами, лежали тела, утыканные стрелами. Тут погибли бедолаги, что не успели пройти ворота, и оказались в западне. Рыцарь проскочил каменный карман, прежде чем опустились стальные решетки, тогда еще никто не успел понять, что произошло.

Этот случай вспоминали и много лет спустя, окрашивая историю в мистические тона. Хотя подробности вскоре стали известны, но никто не мог поверить, что один человек, пусть

даже и рыцарь, способен на такое.

Глава 2

Притихший Хельм, сидел в круге яркого света, что разливался от походного фонаря, с молочным кристаллом вместо фитиля. Пустые глаза гнома уставились на бледный камень. Не поворачивая головы, он скосил глаза на протянутый Амадо кусок вяленного мяса. Секунду колебался, затем нерешительно взял предложенное угощение.

— Прости... Я не хотел... Не подумал... Я был зол... — голос гнома затих, а глаза виновато уставились на человека.

— Задал ты мне задачку — ответил Амадо, глядя в огонь. В глубине его темных глаз играли языки пламени. — Хотя могу тебя понять. Мне самому бывает стыдно, за то, что творю. Ничего страшного. Главное, что все остались живы. Жаль конечно, что не смогли закрыть проход, но получилось то, что получилось.

— Что теперь? — спросил Довард младший.

— Теперь будем прятаться, а когда все утихнет, пробираться в Иргам. Мне пришлось устроить кровавую баню в городе, чтобы спасти тебя из тюрьмы. В следующий раз хорошо подумай, прежде чем принимать решения, потому что поступки всегда ведут к последствиям. Сегодня погибло много воинов, и они погибли зря. Такова цена необдуманного решения, да и твоя жизнь могла сегодня оборваться, также зря.

От произнесенных человеком слов гном вздрогнул, и испуганно опустил глаза. Родриго поднялся и отошел на другую сторону светового пятна, оставив Хельма наедине с его совестью.

Усталость поборола тяжелый ход мыслей Хельма, и несмотря на все потрясения, выпавшие на его долю, погрузила гнома в мрачный мир кошмара. Во сне он оказался в подземной зале, где когда-то погибли его товарищи, обороняясь от Ками и ее зверей. Медленно паря, старуха подлетела к нему, и не двигая губами произнесла.

— Вижу помощь тебе нужна, Май избранник! Я обещала защиту, и слов своих не нарушу, проснись и буди слугу смерти! К вам идут!

Хельм закричал, что есть сил, и подскочив на месте уперся рукой в каменное крошево, густо усыпавшее пол каверны, где они расположились на отдых, от боли сознание прояснилось. Еще несколько мгновений гном не мог понять, где сон, а где явь. Перед ним вырос Амадо, человек обеспокоенно озирался вокруг.

— Что случилось? Ты чего орешь? — спросил он строго.

— Сон. Просто страшный сон — задыхаясь ответил гном.

В темноте за спиной Родриго, что-то шевельнулось. Хельм подумал, что ему показалось, но вот из темноты блеснули два огромных глаза, и неподвижно застыли по другую сторону пятна, за границами света.

— Амадо там, кто-то стоит — тихо произнес гном, стараясь не спровоцировать то, что смотрело на них из темноты.

Человек медленно развернулся, тихий шелест опускающегося шлема, прозвучал как команда к атаке. Лязгнув мечом Хельм вскочил, и замер, глаза напротив не сдвинулись с места, несмотря на шум и резкие движения. Темноту прорезал яркий луч зеленого света. Черный силуэт Родриго закрывал обзор, и гном выглянул из-за плеча человека.

В свете фонаря сидело животное, одно из тех, что Хозяйка отправляла с ними в качестве проводника.

— Что он тут делает? — спросил Амадо, почему-то посчитав, что перед ними самец.

— Думаю, это послание Ками — ответил гном, неожиданно осознав, что то, что ему привиделось вовсе не сон. — Надо идти — решительно произнес Хельм.

— Куда? — удивился Родриго.

— Хозяйка сказала, за нами идут, нам надо уходить.

— Кто сказал?

— Мой сон, это Ками меня разбудила, чтобы нас не застали врасплох. Это она послала нам проводника. Давай не задерживайся, надо торопиться!

Не успели они отойти в ближайший боковой туннель, как послышался топот обитых металлом, тяжелых сапог. Возбужденные голоса, что-то обсуждали. Преследователи обнаружили их стоянку. Зверюга, повернув голову требовательно уставилась на них, приглашая продолжить путь. Не сговариваясь, беглецы заспешили, в зловещие недра древней горы.

Путь оказался на редкость тяжел, многие места настолько завалило осыпавшейся породой, что пришлось раздеваться до гола, чтобы протиснуться в узкие щели между глыбами. К тому же впопыхах Кейст проскочил нужную дверь, кладка маскировала ее, оставляя едва видимый силуэт.

Монарха обволакивала крошечная тьма, поглощая даже звуки его шагов. Впервые за последние месяцы, Кейст ощущал уют, его органы чувств полностью раскрылись в абсолютном мраке, а тело словно впитывало силу тьмы. Усталость отступила, осталось только намерение, оно вело к цели уже почти не человека.

В несколько ударов, лом обрушил кладку, и в лицо ударил яркий свет, совершенно нестерпимый после черного бархата древних галерей. Кейст застонал, и закрываясь руками отступил в темноту. Прошло много времени, прежде чем король вновь смог продолжить путь, страх перед светом постепенно прошел.

В центре большой кельи, вытесанной в далекие времена в природной пещере, переливался свет, который вздрагивал от любого дуновения. Осторожно ступая Кейст перешагнул порог, и постояв немного на краю подошел к мерцающей пелене, повисшей в воздухе. По ту сторону что-то зашевелилось. Причудливые деревья качнул налетевший ветерок, их листва заиграла в свете трех лун, что висели яркими пятнами на небосводе. Синяя, красная и белая, луны ярко освещали призрачную равнину. Рев оборвал восхищение Кейста, вызванное чудесным видением. Огромная тень выпрыгнула из-за пелены.

Стальные челюсти рвали слабую плоть еще человека. Невероятным усилием Кейст отшвырнул тварь от себя. Зверь с грохотом кувыркнулся через голову, и вновь оказавшись на лапах, с жутким скрипом затормозил инерцию толчка. Искры от железных когтей, оставлявших глубокие борозды в каменном полу, на секунду ослепили изумленного Кейста.

Сила, поселившаяся в его теле, пугала и восхищала. Голова удивительно холодная, давала точные указания телу, оно само знало, что нужно делать. Тварь вновь ринулась на короля. Взвившись под потолок, зверь рухнул на Кейста. Взвизгнул лом, от удара о морду твари железный дрын изогнулся дугой. Монстр с жутким рычанием отлетел к стене, с трудом поднимаясь он потряс окровавленной головой. С пасти хлопьями летела серая пена, яростный оскал крепких как камень зубов не сулил ничего хорошего. Снова прыжок по длинной дуге, на этот раз удачный, человек оказался повержен. Раздался тихий, мелодичный свист, тварь развернула окровавленную пасть к дрожащей пелене прохода.

— Тихо Того, оставь нашего гостя! Лучше иди ко мне, смотри, что я для тебя припас! — прокрипел старческий голос.

С трудом открыв глаза, Кейст попытался подняться, но его тело, безжалостно истерзанное тварью, отказалось слушаться. Заслышав шорох, зверь повернул морду к королю и зарычал.

— Ну же. Скорее. Смотри, что у меня есть — что-то плюхнуло в стороне, тварь сорвалась с места, и исчезла, где-то за пределами зрения короля. Через мгновение над ним склонилось старческое лицо, на котором неестественно выделялись молодые блестящие глаза. Они искрились дружелюбием.

— И кто же ты такой? Зачем пожаловал? — улыбаясь спросил старик.

Затем с кряхтением сел на резной табурет, который услужливо подставил юноша, сопровождавший его. Старик с любопытством рассматривал Кейста, ожидая ответа.

— Я Кейст Урбино! Правитель Караманта! — как-то буднично ответил король.

— Ясно, ну, а зачем к нам пожаловал?

— К вам? — не понял Кейст. — Ты ведь один.

— Я не знаю кто ты? Я представился, поэтому жду ответной любезности! — проговорил король, делая шаг к незнакомцу.

— Мое имя тебе ничего не скажет, слуга Инвентов, но можешь звать меня Випул. Для вас я бог, ну, а на самом деле житель Андланда. О котором, ты, конечно, ничего не слышал! — с усмешкой ответил Випул.

В воздухе произошло движение и перед Кейстом появилась, сначала юная девушка, с кукольным лицом и белоснежными волнистыми волосами, затем еще четверо.

Мощный великан с четырьмя руками и гривой на голове почти лишенной шеи, он улыбнулся, увидев человека.

Следом материализовался высокий, худой, с длинными руками и ногами, утонченный во всем. С огромными, невыразимо печальными глазами, мудро смотревшими на Кейста.

За мудрым вырос коренастый силач, с двулезвийной секирой на плече, и горящими глазами. Космы облепили его лицо, скрывая остальные черты.

Из-за его плеча выглянула рыжая, настолько прекрасная, что у Кейста захватило дух. Король без стеснения разглядывал ее ладный стан, высокую грудь, наслаждаясь плавностью текучих движений, пока женщина шла к старику. Благоговейный восторг заполнил почти мертвое сердце монарха.

— Мы ждем!!! — теряя терпение поторопил его старик.

Во взглядах присутствующих читалось любопытство, смешанное с отвращением. Медленно проковылял Того, он более не обращал внимания на человека. Лизнув руку старика, животное улеглось возле его ног, огромной тушей полностью сокрыв нижнюю половину тела Випула. Сухая рука прошла по жесткой шерсти Того, уши твари приподнялись и вновь легли на крутой череп, а огромные глаза благодарно скосили на хозяина.

Видя, что никто больше не собирается представляться, Кейст несмело проговорил.

— Я пришел к вам за помощью. Я совершил глупость. Я попросил дар у Братьев, а теперь не могу его нести. Оказалось, это тяжелое бремя — он посмотрел на богов, и продолжил.

— Я стал бояться себя и своей силы. Своих желаний. Я люблю Катарину, мою дочь, и... И, боюсь, что, когда-нибудь не смогу себя контролировать... И потеряю ее... Желания все

сильнее, а воля все слабее. Прошу Вас помогите мне избавиться от этого проклятья! — с мольбой в голосе просил Кейст.

Глаза короля смотрели с надеждой на внимавших ему богов.

— Я давно говорил, что надо закрыть проход! — проворчал коренастый.

— Сам видишь смертные прутся как к себе домой, пора, это заканчивать!

Его спутники закивали в знак согласия. Старик строго посмотрел на коренастого и тихо проговорил.

— Авор, не тебе решать, что должно быть открытым, а что должно закрыть. Проходами ведаю я, а твоя забота защита нашего народа, вот и занимайся своим делом. Как мне помниться в последней войне мы едва не потеряли наш мир. Твое рвение пригодилось бы нам в ту пору куда как больше, чем сегодня.

Мощная тело Авора сжалась, уверенность словно испарилась. Силач растерянно заморгал глазами, гнев обильно окрасил открытые части тела красным.

— Но мы и впрямь не должны решать проблемы смертных — капризно протянула блондинка, слегка коснувшись плеча Авора.

Силач благодарно посмотрел на девушку, напряжение спало.

— Випул, зачем ты нас здесь собрал? Все ради очередного глупца, попавшего в сети Инвентов? Ему не первому, и не последнему придется нести это бремя — прожурчала рыжая, с интересом разглядывая Кейста.

Грациозное тело тем временем опустилось подле Того, зверь раздраженно заворчал. Не обращая на него внимание, рыжая положила голову на колени старика, зеленые глаза женщины взрывали чувственность Кейста.

— Дальчи ты права. Мы не должны решать проблемы смертных, но иногда приходится, мой ангел смерти! — с раздражением проговорил Випул. — Твои коллеги рекрутируют все больше сторонников, это становится опасно, как бы не дошло до новой войны...

— Не называй их моими коллегами! Инвенты само зло, а я... я вынуждена заниматься этим! — взвилась Дальчи. — А война невозможна! — продолжала отчитывать Випула белокурая девушка. — У них нет знака, они завязли в Менантре, люди оказались им не по зубам!

— Я думаю Дальчи права!!! — прорычал гривастый.

— Тебе думать не положено Хурукам, ты здесь для полноты картины, а не для принятия решений! — осек гривастого великана старик.

— Я твой карающий меч, что бы ты делал без меня? — возмутился гривастый.

— Чтобы делал? Наверное, строил бы миры, миры в которых вы процветаете...

— Ну зачем Випул? Не обижай, нашего карателя. Мы все что-то приносим в общее благо. Ты строишь миры, я их населяю, Хурукам карает, каждый из нас несет посильную службу — почти обиженно прожурчала рыжая, но даже обида в ее голосе звучала сладчайшей мелодией.

— Ну полно те Ламина, я же не умоляю ваш вклад в общее дело, но согласитесь мы не можем оставаться в стороне, когда так много стоит на кону — примирительно проскрипел Випул, на лицо старика вернулась доброжелательная улыбка.

Длинный, с огромными, печальными глазами, скрестив руки на груди наблюдал за происходящим, не вступая в перепалку.

— Ну, а ты что скажешь Бустиа? — повернувшись к длинному спросил Випул.

— Если тебя интересуется мое мнение. То я, пожалуй, соглашусь с тобой! Мы слишком

успокоились и пустили все на самотек. Думаю, ты прав насчет Инвентов! Они слишком активно взялись за поиски Ореда. И если им будет сопутствовать удача, нас ждет много неожиданностей.

— Мне кажется, или в самом деле, кто-то не сумел покончить с этим назойливым Даадом, даже используя своего куари? — ядовито спросил Випул, пренебрежительный взгляд старика скользнул по Дальчи.

Девушка зарделась, но промолчала, от досады прикусив пухлую губку.

— Отец ты не справедлив к ней — вступилась рыжая за девчушку. — Ты ведь сам знаешь, что он такое!

— Знаю, но мне их семейка уже поперек горла! Его папаша, мясник...! — возмутился Випул.

— Чарда Ореда, был великий воин, сынок ему и в подметки не годиться — с уважением проговорил Авор.

— Я о том и говорю, что даже в подметки не годится, а укокошил куари Дальчи! Если так пойдет и дальше, то нас ждет печальный конец... А, ведь у нас в руках был знак. И снова упустили — старик раздраженно хлопнул себя по колену, тварь повела на него испуганными глазами.

— Она не виновата — вступился за Дальчи Хурукам.

— Если бы не способности этого червяка, его давно бы уже не было в живых — рычал гривастый.

— Как воин он слаб, но способность изгонять... Таких мощных, я ни разу не встречал. Интересно было бы его увидеть в деле. Ну да ладно, что теперь сокрушаться по прошедшему, надо думать, что делать с этим дальше. Знать бы, где искать этого везунчика — вмешался Бустия.

— Говорят сейчас он носит имя Родриго Амадо — отозвался Авор.

— Так почему, он еще не найден? Имя половина пути — серьезно глядя на воина произнес Випул.

Авор покраснел гуще прежнего, могучая грудь тяжело вздымалась, стремясь смирить всепоглощающий гнев военачальника Андланда.

— Эльфы слишком поздно сообщили. Даад к тому моменту уже потерял место коннетабля, и исчез на просторах Фанариона — нехотя ответил Бустия. — Похоже наши подопечные решили использовать его в своих целях, но все вышло не так как планировалось. Амадо сейчас самый разыскиваемый преступник Эманторана — завершил длинный с печальными глазами.

— Он в Иргаме — тихо произнес Кейст, его голос и без того слабый, пресекся, под стальным взглядом голубых глаз Дальчи.

Даже почти мертвое сердце короля, сжалось под мертвящим взглядом жнеца жизней.

— Откуда ты это знаешь? — прервал повисшее молчание старик, его молодые глаза лихорадочно заблестели.

— Он там уже много лет, на службе у короля Рибигуда!

— Так! Значит невозможно найти? Пропал как сквозь землю? — старик нажал, что-то на своей руке и громко произнес.

— Гурда порадуй нас своим присутствием! Будь любезен! — ласково произнес Випул.

Воздух затрепетал и в помещении возник многорукий юноша, с орлиными крыльями за спиной. Его голову украшал гордо изогнутый клюв хищной птицы, Гурда принюхался к

воздуху, и птичьи глаза сверкнули на старика.

— Зачем ты меня звал, Отец? — раздался пронзительный клекот Гурда.

— Да вот, заешь ли я нашел для тебя нашего любимца... Оредо! — сбавив тон съязвил старик.

— Как интересно? И где же?

— В Иргаме у Рибигуда! Так значит нет на земле, а посмотреть под землей, ума не хватило?!!! — почти заорал Випул.

— Ты знаешь Отец у нас договор с Хозяйкой! Верх наш, а нутро осталось за ней... — гневно заклекотал Гурда.

Старик вскочил с места, оттолкнув в раздражении Ламину, и закричал, обращаясь к собравшимся.

— Я дал вам жизнь, я спас вас от Менантра, и что в благодарность?! Нежелание, лень, не можете найти маленького человечка!!! Это же бледное подобие отца!!! Он слаб, глуп и труслив!!! И вы, зовущие себя богами не можете покончить с таким червем!!! Вам, наверное, кажется, что старик преувеличивает опасность, так советую вспомнить, а тем, кто не застал войну с Менантром, ознакомиться, что эти свиньи сделали с Андландом, когда сумели пролезть в наш мир из своей помойки — Випул устало сел на табурет, рука старика нервно прошлась по гриве питомца.

— Плевать я хотел на договор с Ками, сейчас на кону наша безопасность! А если старуха встанет у меня на пути, я покончу с ней, как и со многими до нее, поэтому твои отговорки меня не тронут — он уперся взглядом в Гурда.

— Думаю не надо объяснять, что делать? — устало спросил старик, блестя молодыми глазами на соплеменников.

Хлопнув крыльями Гурда, растворился, увлекая за собой Хурукама. Дальчи исчезла еще раньше, только напуганная Ламина, продолжала сидеть на земле подле ног разгневанного Випула.

— Как же тяжело с упрямыми, наделенными волей и амбициями! Лишь ты мой друг, верный и неподкупный никогда меня не подводишь — старик почесал Того за ухом. Зверь с благодарностью лизнул руку хозяина.

— Что же, нам пора. Фисал закрой проход, да пошевеливайся, у нас сегодня еще уйма дел — слуга засуетился подле старика. Випул раздраженно отмахнулся рукой и тяжело поднявшись с табурета направился к проходу, Того последовал за ним.

— А с этим, что делать? — прозвучал фальцет молодого слуги.

— Ах, да! Совсем забыл! — проворчал Випул, оборачиваясь к Кейсту.

— А тебе слуга Инвентов, мы помочь не можем. Твой дар уйдет вместе с твоей жизнью. Я могу сделать тебя бесплотным, но ты все равно будешь стремиться к тьме. Поэтому лучше будет если ты выберешь сам, жить и стать воплощением зла, или умереть, но на своих условиях!

Зверь, как и прежде, быстро довел путников до Иргамы, проведя беглецов охотничьими тропами глубинных хищников. В доме Довардов, заговорщики узнали, что Даност оказался на пороге грандиозной войны. Полчища орков поднялись с глубин, ведомые древними чудовищами, они приближались к столице королевства.

Чуть позе стали приходить новости одна другой страшнее, а потом наступила тишина. Несколько недель вести из Даноста не доходили до Иргамы, пока в сторону соседа не

отправилась группа разведчиков, их донесение, привело в движение все королевство.

Территория соседа вплоть до Танорта кишела орками, несколько раз разведчики вступали в бой с небольшими отрядами противника. Один из отрядов даже привели за собой к границам Иргамы.

Во дворце Рибигуда состоялся сбор командующих, на который пригласили и Амадо. Суть повестки оказалась до крайности проста. Помогать соседу или оставить ситуацию как есть, ожидая развязки. Глава Королевского совета Сумми Кальт высказался за начало военных действий, упирая на то, что после падения Даноста орки придут в Иргам. Его поддержали воеводы Пал Руки, и Край Дирс. Против вмешательства выступили старейшие аристократические семьи Иргамы Скирсы, Утланды, Тиворы, и Хьюмы, они не желали спасать врага, всего несколько лет назад подло напавшего на них.

Рибигуд задумчиво смотрел перед собой, король оказался в затруднительном положении. Отказ аристократии, лишал его двух третей войска. Начать войну с тем, что осталось король не мог, а потребовать от всех этих Бурстов, Лэвов, Дувов, Хьюмов, Тиворов, Скирсов и остальных родов монарх не имел морального права. Требовался особый аргумент, что-то, что могло сподвигнуть гордую аристократию помочь бесчестному соседу.

В какой-то момент ситуация накалилась до предела, воеводы принялись обвинять аристократов в трусости. Король остановил спор решительным жестом, и сделал знак Родриго, приглашая человека высказаться. Некоторые родовитые гномы подняли ропот, но тяжелый взгляд короля тут же утихомирил бузотеров.

— Говори Амадо! — приказал Рибигуд.

Немного помолчав человек произнес.

— Все, что сегодня прозвучало из ваших уст, самые уважаемые жители Иргамы, справедливо. С одной стороны, нельзя оставаться в стороне, когда общий враг крушит королевство соседа. С другой стороны, можно понять и тех, кто искренне считает Даност врагом, причем подлым врагом. Все говорившие здесь исходят из своих убеждений и интересов. Только ваш король вынужден думать о королевстве, как отец думает о своих чадах.

Выбор короля очень тяжел, как стратег монарх понимает необходимость войны, как правитель не желает раскола в своем доме. Единственный не заинтересованный на этом собрании, это чужак, что сейчас говорит с вами. Я смотрю на происходящее со стороны, с холодной головой, и вижу необходимость скорейшего вступления в войну. В тоже время между Даностом и Иргамом накопилось немало взаимных обид, но вина тому игры Торговой палаты, что узурпировала власть в древнем королевстве.

— К чему ты ведешь, человек? — грубо прервал речь Родриго, хриплый голос Сумми Кальта.

— Я предлагаю вернуть трон Даноста, законному наследнику!

— Но род Даина Скупого пресекается! Погибли все его сыновья! Кто же сможет предъявить права на престол? — язвительно спросил Сумми, темные глаза гнома, неприятно сощурились, пытаясь заглянуть в мысли человека.

— Почему же, пресекается? Один потомок славного рода Валлана еще жив.

— И где же он? — едва сдерживая волнение выкрикнул Сумми, оглядывая собравшихся в зале. — Ты нарочно нас водишь за нос, стремишься толкнуть в авантюру, посадив на трон самозванца...

— Что-то я не пойму Сумми, недавно ты выступал за военную помощь Даносту, сейчас

противишься тому же! — произнес Рибигуд сурово глядя на советника.

В один миг Сумми сник, и скривив губы, промолвил.

— Я, как и прежде остаюсь сторонником войны, но считаю, что надо помогать законной власти, а не ставить на царство самозванца. Мы его не знаем и посадив на трон чужака, уже завтра можем получить нового врага.

— Бедный Сумми, вечно ты видишь только плохое! — рассмеялся король. — Не беспокойся, наш наследник настоящий! — в зал вошел Торн, блистая золотом доспеха.

Аристократы обступили воскресшего потомка древнего королевского рода. Сумми недовольно хмурясь скрылся за спинами воинов.

Рибигуд удовлетворенно улыбнулся, долгие годы правления прошли не зря, они научили монарха понимать своих подданных, и умело манипулировать их слабостями. Гордые гномы готовы наказать предателей, и пожертвуют своими жизнями, чтобы вернуть трон законному правителю Даноста. Потому что аристократ это, не какой-нибудь простолюдин или барыга из Торговой палаты, аристократ живет честью и никогда не оставит в беде равного.

Глава 3

Мир Кейста рухнул, ум отказывался верить в услышанное. Руки короля безвольно повисли вдоль тела, а ноги подогнулись, он стоял на коленях, не обращая внимания на исчезающих богов. Умереть или стать зверем, вот и весь выбор, что ему оставили. Нет, он с этим не согласен. Он будет бороться и все равно избавиться от проклятья.

Одурь прошла, реальность постепенно возвращалась, до слуха донеслись быстрые шаги людей.

Кейста хватились и отправили на поиски отряд стражников. Спустя час они наткнулись на блики, разрезавшие непроглядную тьму заброшенных галерей подземелья.

Король равнодушно осмотрелся, без прохода комната казалась совсем другой, рваные полосы света бестактно ворвались в помещение. Это факелы, как в тумане подумал Кейст. Свет скорее мешал ему ощущать происходящее вокруг, чем освещал пустую келью.

Факел затрещал прямо за спиной монарха, слух оглушил нестерпимо громкий топот солдатских сапог, как будто табун лошадей пронесся в его голове. Стражи скрутили равнодушного Кейста и поволокли к выходу, назад в обитель.

Неестественно вывернутые руки ломило в плечевых суставах, но короля боль совсем не беспокоила, его значительно больше мучила неотвязная мысль о проклятой судьбе. Из марева выплыло лицо Мокрогубого Сани, местного мастера пыток. Сбоку послышалось монотонный бубнеж аббата, смысл нескончаемой речи постоянно ускользал от сознания Кейста.

Собрав последние остатки воли, король постарался уловить хоть какую-то ниточку смысла в обильном потоке вопросов, что сыпались из уст Адамия Назарио. Голос смолк и из сумрака выплыла довольно ухмыляющаяся рожа Сани. Внизу что-то зашипело, тело выгнулось, по нервам прошла жгучая, доводящая до тошноты боль. В глазах поплыло, мышцы живота свела судорога, в плечах хрустнуло, и все ушло в черноту. Яркий свет ударил по глазам, вырвав короля из забытья, и сразу же вернув боль, она словно обрушилась на него, болело все и везде. Он попытался зажмуриться, но не смог, боль резанула глаза.

— Веки! Куда делись веки? С нарастающим ужасом подумал Кейст, его сознание охватила паника, мысли метались как птицы, пойманные в силки.

— Что вы... сделали... с глазами? — запинаясь спросил Кейст.

Снова забубнил голос аббата.

— Наконец-то, вы, наш не состоявшийся брат, сооблаговостили заговорить с нами! А я уж решил, что мы так и не сможем найти путь к вашей заблудшей душе. Видите ли, непослушный вы наш брат, я не люблю подобных мер, но вы нам не оставили выбора. Отвечай! Зачем ты спускался в катакомбы?

— Из любопытства — устало отозвался Кейст.

— Не лги мне сын мой! — угрожающе предостерег короля нудный голос аббата.

— Я... Я не лгу...

— Да ладно, даже крестьяне знают легенды о местных катакомбах и о зле, что там обитает. А уж послушник, живущий среди братии, не может не знать о последствиях, что ждут его в случае сношения с нечистым. Вот ведь и святой Доминго, стал святым борясь с мороком, что навел на него нечистый Агар. Так зачем ты пошел в логово врага человеческого?

— Я не знал...

Лицо Сани расплылось в мерзкой улыбке. Рука аббата сделал едва приметный знак, которого Кейст не видел, и палач вынул раскаленные щипцы из жаровни, быстрым, уверенным движением он разорвал одну ноздрю, завоняло паленной плотью. Кейст орал как бешенный, за первой последовала вторая, потом губы, от боли король вновь потерял сознание.

На третьи сутки допроса, Сани славно потрудились, лишив Кейста лица, и большинства зубов. Иссохшее тело, изуродованное каленными щипцами, белело торчащими ребрами, что выпирали сквозь сорванную плоть. Пальца рук превратились в месиво, и беспомощно свисали с кистей. Переломы не приносили боли, в отличие от огня и каленного железа, что вызывали жестокие приступы паники у Кейста.

Ежедневно в комнату для допросов приходила комиссия во главе с аббатом Назарио, и под скрип пера местного писаря вела дознание.

— Твое упорство в неверии, ни к чему не приведет. Тебе придется признать свою вину и покаяться. Мы уже третий день пытаемся добиться от тебя смирения, но ты остаешься глух к нашей доброте. Поэтому я принял решение поместить тебя в футляр, на десять дней, а после решим, что с тобой делать — равнодушно пробубнил аббат.

Негнушащееся, измученное тело сняли с дыбы, и оттащили к стене, в которой располагалась ниша, едва дававшая возможность поместить человека стоя. Секунду спустя перед носом короля захлопнулась дверь, плотно прижавшая тело к противоположной стене. Темнота поглотила Кейста, время исчезло, он не мог определить сколько прошло дней, но боль ушла, и тело наполнилось силой. Иногда открывалось маленькое окошко напротив его лица, сквозь которое протискивалась губка, пропитанная влагой. Сухие, растрескавшиеся губы короля жадно впивались в нее, высасывая живительную влагу.

Дверь распахнулась неожиданно, Кейст выпал на руки подручных палача, тело казалось деревянным, и непослушным. Его оттащили на середину пыточной, и усадили на деревянный чурбан. Напротив, восседала комиссия и с ней творилось, что-то странное. Изумленно выпучив глаза, писарь шептал защитный гимн, а члены комиссии возбужденно затараторили на старо эльфийском. Сани обошел Кейста кругом, точно пытаясь что-то найти. Подручные с не скрываемым ужасом жались к стенам тесной комнаты. Наконец гул стих, аббат махнул палачу, и Кейста быстро заковали в цепи.

Адамий тяжело вздохнул и нервно дернув плечом, произнес.

— Вот и ответ на все наши вопросы. Десять дней показали, что ты искал в подземелье. Видно, сильно ты увяз в своем служении нечистому, раз он так заботиться о здравии твоего тела.

— Что? — удивился Кейст.

Перед ним поставили лохань с водой, король удивленно уставился на аббата.

— Сам посмотри! — произнес Адамий.

Взглянув на гладь воды, Кейст оторопел. Из темной глубины на него смотрело скелетированное лицо, ткани и зубы вернулись на место, но вместо ровных человеческих, рот наполняли острые клыки, желтевшие между ссохшимися губами. Он провел вновь обретенными пальцами по лицу, точно пытаясь удостовериться в том, что отражение его не обмануло.

— Что... Что это такое? — изумленно отпрянул от лохани король. — Я окончательно стал монстром... Я чудовище... Я живой мертвец... — беспорядочно замелькали в голове

монарха испуганные мысли.

— Это происки нечистого, которому ты продал душу, отступник Кейст.

Ты нарушил клятву, данную его Святейшеству, а посему, комиссия монастыря святого Доминго, обвиняет тебя как клятвопреступника и чернокнижника. Далее твое дело передается в муниципалитет Эльена! — аббат громко стукнул деревянным молотком по наковаленке, и комиссия поднялась с мест.

— Да, чуть не забыл — вновь забубнил пресный голос аббата. — Комиссия решила, также допросить твою дочь, на предмет сношения с Агаром. Ведь только глухой не слышал о странном порождении, что извергло ее чрево. Так, что очень может быть, что немного погодя вы с ней встретитесь, на площади Церемоний.

Аббат зло улыбнулся, и тут же позабыв о Кейсте повернулся к одному из секретарей, переключившись на обсуждение хозяйственных вопросов. Короля подняли на ноги, на голову ему накинута мешок, и подхватив под мышки поволокли прочь из пыточной. В общей болтовне никто не услышал звона лопнувшей цепи, которая скрепляла руки Кейста. С глухим стуком, напоминающим удар спелого яблока о стену, отлетели подручные Мокрогубого Сани. От удара, их тела сделались мягкими как тряпичные куклы и неуклюже упали на пол. В пыточной повисла тишина, Сани выхватил раскаленный прут из жаровни, и попытался ударить короля, рассчитывая, что Кейст ничего не видит пока его голову покрывает мешок. Палач ошибся, через секунду прут с шипением остывал в его проломленной грудной клетке.

В помещении началась паника, удары, стоны и вновь тяжелые удары, четверть часа спустя наступила тишина.

Судорожно сжатая рука короля медленно разжалась, Кейст удивленно разглядывал раздавленное человеческое сердце. Он поискал глазами отверстие, откуда секундой ранее вырвал его. Тело аббата лежало на пюпитре писаря, в развороченной грудной клетке, зияла темно красная дыра. С нескрываемым отвращением, король отшвырнул сердце, помедлив немного, он опустил на чурбан, и обхватил голову руками.

Распахнутые ворота встретили армию Иргам чернотой, притаившейся за каменными створами. Кругом лежали тела поверженных гномов, орков, гоблинов. В городе, вопреки ожиданию, жителей не оказалось. Разграбленные дома остались без хозяев задолго до прихода завоевателей. Город защищал гарнизон, и судя по количеству погибших орков, гномы заставили врага дорого заплатить за Риен. Обходя завалы, образовавшиеся на улицах, Амадо с трудом добрался до Золотого Рока. В первое мгновение он не мог поверить тому, что предстало его глазам. Золото, повсюду золото, золотые полы, стены домов, золотые статуи гномов и орков, много, очень много золотых орков и гоблинов.

За прозрачной пеленой царил мир, и покой. Пели птицы, шелестел золотой лес и травы, что-то огромное закрывало проход в мир мудрого Пурана. Подойдя ближе Амадо разглядел, что перед ним стоит статуя древнего, огромное тело пыталось протиснуться в проход ведущий в Софос. Страшный оскал монстра говорил о муках, что испытал древний попав в золотой капкан. Три пары рук все еще напряженные, застыли в попытке раздвинуть узкий проход.

— Что тут случилось? — изумленно выдохнул Хельм.

Торн молчал, настороженно оглядываясь по сторонам.

— Что-то разбудило мудрых — ответил Амадо. — Похоже Пуран слишком хорошо знаком с древними.

— Древние? Это же сказки — удивился Торн.

— Он настоящий — Родриго указал на огромную статую, уставившую несколько рядов глаз в красный закат Софоса.

— Кто они? Их много? — посыпались вопросы.

Родриго терпеливо удовлетворил любопытство гномов. Рассказ человека поверг воинов в уныние. Видя такое дело, человек посоветовал не посвящать остальных в то, что они узнали, на том и сошлись.

Следующие несколько дней произвели еще более удручающее впечатление. Везде по пути к Танорту, встречались лишь брошенные жителями города и поселения. Бежали в спешке, спасали жизни, а не имущество, вещи почти все остались на месте. Несколько раз пришлось вступать в бой с оркскими заставами, и гарнизонами занятых городов. Ближе к столице Даноста стали доноситься глухие удары, казалось, огромные молоты разбивают горную породу, тяжело сотрясая недра горы.

— Впереди идет бой — проговорил Хельм.

— Похоже еще только ворота штурмуют — ответил Торн.

— Главное успеть. Нам еще день перехода — вмешался Амадо.

— День продержатся — уверенно проговорил Торн.

Вскоре послышались барабаны, и гул множества голосов, доносившиеся звуки говорили о том, что начался штурм Танорта.

Рибигуд разбил войско на три колонны, каждая из которых пошла своим проходом, чтобы выйти в тыл врага по всей линии фронта. Орки сейчас стояли под стенами Танорта, в огромной пещере, что предвляла вход в столицу гномов. В мирное время здесь располагался Большой рынок, с торговыми рядами и площадь Тарма. На площадь легендарного Тарма, и стремились войска Иргамы. Для выполнения задачи требовалось слаженность и быстрота. Во главе армий встали сам Рибигуд, Торн, и старший сын короля Вильгот, в помощь королю Даноста придали Амадо.

Вернувшаяся разведка рассказала о полчищах орков и гоблинов, которые привели с собой, похожих на горы, огров и страшных чудовищ из недр Тенафара.

— Ворота города вот-вот должны пасть, но Танорт еще держится — рассказывал молодой воин.

Полученные известия заставили войска ускорить шаг. Уже на подходах к столице Даноста, по коридорам прошел глубокий звук столичного колокола. Один удар, второй, третий. Гномы застыли на месте, слушая весть о гибели последнего оплота соседей.

Прозвучала команда, и колонны прибавили шаг, на суровых лицах гномов читалась решимость либо погибнуть, либо победить врага.

— Похоже Танорту конец — грустно произнес Эл Бурст, по кличке Большой Эл, прозванный так из-за бочкообразного живота.

Амадо посмотрел на него и вышел вперед, задавая тем движения. У выхода из галереи замаячили огни, послышалась гортанная речь орков. Не сбавляя темп войска, смяли заставу, перекрывшую выход к городу. Рекой сверкающей сталью, гномы вливались в гигантскую пещеру, оказываясь в тылу врага, завязшего в битве с войском Даноста.

Сбоку послышались крики и звон оружия, из соседнего прохода вырвались войска Вильгота, а чуть погодя и армия Рибигуда.

Удары с тыла привели орков в замешательство, они начали отступать к воротам Танорта, из города навстречу войскам Иргамы потекли нескончаемым потоком защитники

столицы. Зажатые с двух сторон орки дрогнули и побежали, в то время как огромные огры ворвались в ряды гномов круша стройные ряды копейщиков. Следом пришли древние, под ударами чудовищ гномы разлетались в разные стороны, теряя десятки товарищей разом.

Орки перестроились и вновь вступили в бой, Амадо как сумасшедший метался среди врагов, вызывая ужас у жестокого врага. Что-то ударило в пол, окатив человека градом из щелби, скосив глаза Родриго увидел огромную дубину, которая тут же ушла наверх, поднимаясь для нового удара. Вечерняя звезда блеснула, врезаясь в массивную ногу огра, оставив в месте удара глубокую рану, булава ушла на колено второй ноги. Великан, дрожа, оступись на подкосившихся ногах, и неловко упал на живот, едва не похоронив под собой человека. Мощные руки зашарили в поисках обидчика, но булава стремительно опустилась на череп гиганта. Раздался громкий хруст, вздрогнув, тело огра судорожно вытянулось, впереди показался древний. Тяжелый шаг слоновьих ног, сотрясал землю, хобот гневно задирался кверху, обнажая острые бивни, нацеленные на человека. Толстые пальцы сжимали обломок колонны, взмах, еще один, человек успел увернуться от каменной дубины. Глаза чудовища налились гневом, пена хлопьями срывалась с ощеренной пасти. Ловко зайдя в тыл врага, Амадо нанес удар, Вечерняя звезда, мелодично звякнув отскочила от тела монстра, словно от базальтовой скалы. С натужным гулом над головой пронесся обломок колонны.

Торн заметил, как мимо пронеслось что-то огромное, навалившиеся на короля орки отвлекли внимание, раздался крик. Звук пронесся над полем битвы, вызывая ужас и трепет у каждого кто его слышал. В нем соединились отчаяние, боль и страх. Орки и гномы застыли, испуганно высматривая что-то у входа на площадь Тарма. Повернувшись на крик, Торн увидел, как один из тех, кого орки звали богом, упал на колени перед рыцарем в золотистом доспехе. Огромное тело чудовища смотрелась жалко на фоне человека, в котором король с удивлением узнал Родриго. Шлем исчез, оставив без защиты голову рыцаря, такая беспечность смотрелась странно среди только, что пылавшей битвы.

Древний застыл не в силах отвести взгляд от Амадо, время от времени из груди чудовища вырывались вопли бессилия и гнева. Неожиданно крик прервался и гигант рухнул к ногам маленького человека.

Тишина, повисшая над полем сражения, неестественно затянулась, минуту назад гремевшая битва прекратилась. В рядах орков началась паника, они массово побежали с поля боя, бросая оружие и стремясь как можно быстрее скрыться в темноте подземелий.

Оставив бой, древние обступили человека, внимательно разглядывая того, кто бросил вызов Эласмозару. Торн потерял из виду Амадо, древние боги скрыли его, встав плотным кольцом вокруг рыцаря. Затем они развернулись и медленно ушли в темные тоннели, туда, где спал мертвый город Ровалд. Гномы молча смотрели вслед уходящим чудовищам не осмеливаясь преследовать грозного противника.

Даност принял возвращение короля с восторгом. Жители практически всего королевства видели доблесть Торна сына Даина Скупого. В трудный час, когда королевство оказалось на грани гибели наследник престола привел помощь, и спас своих подданных. В такой ситуации Торговой палате ничего не оставалось как признать притязания Торна, и подчиниться его монаршей воле.

На свою беду, Торн, оказался глух к советам тех, кто предлагал молодому королю провести тщательное расследование смерти отца и братьев, и по итогам показательно наказать виновных. Немного погодя в Танорт вернулись Доварды, острая нужда легла

тяжелым бременем на жителей разрушенного королевства, требовались деньги, много денег. Верный своему слову Рибигуд вернулся в Иргам, с этого момента Даност мог рассчитывать только на свои силы, что также требовало денег. Торговля замерла, налоги, разложенные на богатейшие торговые дома, не могли наполнить казну. Купцы, ссылаясь на убытки и разруху вносили слишком маленькие суммы. Несмотря на отсутствие средств, бывшие члены Торговой палаты всегда находили нужные суммы для займа его величеству. Оставалось золото Риена, но оно лежало мертвым грузом, его добычу еще только предстояло возобновить.

Уже битый час Крамвуд ожидал аудиенции его величества. Король Торн, слишком занятый проблемами защиты границ государства, все свободное время проводил, совещаясь с воеводами. В зале ожидания старый Довард оказался не один, напротив плотной группкой стояли купцы первой гильдии, некогда входившие в Торговую палату. Наделенные в свое время огромной властью, теперь всесильные владыки Даноста ожидали, пока король соизволит принять их. От группы отделился коренастый гном, с особенно волосатым и уродливым лицом, ядовито улыбаясь он не спешно подошел к Крамвуду.

— Приветствую тебя Довард. Что, аудиенции ждешь? — спросил гном с насмешкой в голосе.

— Да Тули, жду — сухо ответил Крамвуд, стараясь не смотреть в глаза собеседнику.

— Старый король тоже любил тебя, вернее твою сноху! Кстати, как она? Жива ли? — притворно любезно спросил Тули, не обращая внимания на сухость Доварда.

— Все в порядке. Зачем ты ко мне подошел Тули? Что тебе надо?

— Мне? Абсолютно ничего, мои коллеги просили тебе передать. Все всегда возвращается. Это уже было. Может случиться так, что будет и то, что последовало за этим...

— Передай своим коллегам, меня не пугают перемены. Нынче я готов к переменам, и встречу их достойно! — вспыхнул Крамвуд.

В голове старика всплыли воспоминания разрушенного дома, и чувства, что пробудила в душе мысль об угрозе жизни любимой супруги.

— Так и передам. Твои слова мы запомним, смотри не пожалей о том, что сегодня сказал.

Зло улыбнувшись Тули, быстро отошел к своим, и они, что-то бурно принялись обсуждать, время от времени гневно поглядывая на Доварда.

В приемной короля оказалось неожиданно пусто и темно, горела лишь лампа на столе, освещая осунувшееся лицо Торна. Довард невольно сравнил это помещение с тем, что ему приходилось видеть при старом короле, и тут же устыдился своих мыслей.

— Приветствую тебя Довард, что привело тебя в мои покои! Если желание выразить верноподданнические настроения, то не стоит, я помню тех, кто остался верен моему отцу!

— Простите Ваше Величество, к Вам меня привело совсем иное дело! — с поклоном ответил Довард Старший.

— Тогда говори, я слушаю.

— Дело в том, что мы с вашим отцом, имели очень близкое знакомство, можно сказать дружбу...

— Да мне рассказывали. Вам нужна помощь? — нетерпеливо прервал его Торн.

— Нет Ваше Величество, я пришел не просить. Я пришел вернуть.

— Что вернуть? О чем ты?

— У меня Ваше Величество казна вашего отца. Перед смертью, старый король велел мне сокрыть богатства Даноста.

— Но почему?

— Не знаю сир, возможно стариковские причуды, а может быть предчувствие трагедии заставили его так поступить. Но вот, что я знаю точно, что казна цела. И я готов вернуть ее законному королю.

— И где она?

— Все Ваше Величество спрятано в королевских усыпальницах, в Зале Скорби. Я проведу.

— Да! Лишний раз убеждаюсь, как я ошибался по поводу отца. Умел он подобрать приближенных. Если то, что ты говоришь правда, я дам тебе вечное право добычи, и торговли золотом Риена. Такие купцы мне нужны. Да и потомки твои достойны отца. Вон как Хельм бился с орками, только головы летели. Я велю к вечеру приготовить сокровищницу, а ты пока подготовь все необходимое для перевозки золота в дворцовую казну.

Колокол возвестил о жутком происшествии в монастыре. За беглецами отправилась экспедиция. Помимо рыцарей в облаве приняли участие жители окрестных деревень. Они шли длинной цепочкой, с шумом прочесывая местность, проверяя потаенные места, где мог бы спрятаться коронованный беглец со своей дочерью. Старая кирха с провалившейся крышей, надежно сохранила отца и дочь от непогоды, но не от глаз назойливых селян.

Кровавый ручеек весело подтек под ноги Жоржа, седьмые сутки они всей деревней искали двух беглецов. Как сказал отец Камф, пособников Агара, принесших в жертву нечистому, их аббата.

Такое осквернение не могло быть прощено. Убийство священнослужителя в стенах божьего храма, большего святотатства и придумать нельзя. К тому же за головы убийц давали четыре сотни золотых монет. Таких денег отродясь не водилось в карманах селян.

Должно быть жрецы сильно обозлились, раз такие деньги сулят за их поимку. Так себя подбадривал Тощий Жорж, но внутри все равно словно кошки скребли. Ватные ноги и постоянно беспокоящий живот предупреждали селянина от участия в общей вакханалии. Неподалеку зазвенел металл котелков, мимо прошла группа селян из Гадины, соседнего села, они задорно посмотрели на Жоржа и крикнув ему чтобы он поворачивал домой пошли дальше. Наглость Гадинцев возмутила Жоржа, все-таки он как ни как мастер столяр, человек по всем правилам уважаемый, пусть даже и в соседнем селе. Еще не поймали, а уже насмеваются, дать бы им по наглым рожам, да слишком их много.

— Откуда кровь в луже? — Жорж отправился в поисках истока ручейка, несущего кровавый след.

Пройдя с сотню метров, столяр продрался через куст ежевики, и уперся в полуразрушенную стену, сложенную из красного кирпича. Он поднял голову над ним возвышался шпиль заброшенной кирхи. Жорж пролез в пролом стены, и оказался среди засохших деревьев, вероятно когда-то составлявших церковный сад. Яблоневые стволы зловеще скривились над обрушившейся постройкой. Кровавый ручей тонкой полоской пролегал меж остовов деревьев, приглашая столяра проследовать внутрь зловещей кирхи. Жорж сглотнул слюну, постоял немного, нерешительно переминаясь с ноги на ногу, пока жадность не победила природное чутье, вопившее в его сознании о неминуемой смерти.

Столяр ничего не понял, глухо застонав Жорж осел при входе, его голова повисла на сломанной шее, а изо рта и ушей хлынула кровь.

— Сегодня ночью пойдем дальше, тут больше нельзя задерживаться иначе нас найдут.

— Нам надо спешить, папа! Меня вырвали из кровати! Я даже не успела с ним попрощаться! — Катарина заплакала, отец подошел к дочери и приобняв за плечи попытался успокоить.

— Не плачь Кати, у кастрата не хватит влияния, чтобы убить наследника двух престолов. Такому никто не позволит свершиться, у всех есть наследники и сторонние претенденты на трон.

— Отец, что с нами происходит?

— Кати, я стал чудовищем. По своей глупости... И тебя сделал такой же... Я боялся, что ты уйдешь... Как твоя мать. Ради тебя и моего внука, я верну нам трон Караманта — девушка покачала головой, давая понять, что она разделяет чувства отца.

Она, не отрываясь смотрела в его лицо, силясь понять, о чем Кейст умалчивает. Затем взгляд Катаринины упал на растерзанные тела, тех несчастных, что нашли их убежище, плечи девушки зябко повело.

Глава 4

Страшный грохот разбудил Катарину, вокруг, что-то постоянно перебегало с места на место. В разинутый проход церкви ворвались несколько человек, они тыкали рогатинами в Кейста, стараясь загнать короля вглубь помещения. В разбитое окно запрыгнуло еще несколько селян, секунду спустя простолюдины полезли со всех щелей, напоминая коричневой одеждой копошащихся тараканов. Катарина вжалась в угол, по правую сторону от жертвенника.

Рогатины били мимо, Кейст опрокинул одного из нападавших, и выхватил его дубину. С противным свистом оружие скользнуло по рогатинам, ломая копья, второй удар пришелся на головы смельчаков, подошедших слишком близко, кровь охотников оросила замшелые стены святого дома.

Катарина забилась в своем углу, и на девушку никто не обращал внимания. Она видела, как один шустрый паренек, оказавшись позади Кейста вонзил рогатину ему под лопатку. Король выгнулся и попытался повернуться, но паренек ловко разворачивал рогатину не давая достать себя. В живот Кейста вонзились вилы, сверху в голову ударил тяжелый окованный железом цеп. Черная кровь брызнула, окропив лица убийц. Острые зубья вил методично вонзались в живот короля, оставляя глубокие раны. Сверху накинули сеть, и стянув тугим узлом скрутили агонизирующее тело Кейста. Король застыл, но простолюдины продолжали наносить удары по телу ненавистного некроманта. Подошел дюжий молодец, тяжело размахнувшись нанес удар огромным мотом, в сети громко хрустнуло.

Из угла послышался вскрик, селяне застыли, удивлено глядя на Катарину. Парень отложил молот и направился к девушке, под рубахой заиграли бугры мышц, а из-под низких надбровных дуг похотливо заблестели пустые глаза мужлана. За ним потянулись остальные. Ткань платья легко треснула под напором огромных рук детины, послышалось шумное дыхание и возня борьбы. Словно тряпичную куклу детина швырнул Катарину на пол, одновременно срывая остатки одежды.

Черные как смоль, глаза Катарины, загорелись жутким, замогильным огнем. Детина отступил на шаг, отстранив мощной фигурой остальных, его руки пытались от чего-то отмахнуться. К удивлению селян, Катарина не плакала и не кричала, обнаженная дева поднялась, и медленно пошла на них. Красивые губы приоткрылись, из горла девушки вырвался высокий звук, постепенно нарастая, голос пронзил помещение. Кладка кирпичи задрожала, руки Катарины ушли чуть назад, широко открытый рот полностью высвободил крик, ошеломляющая волна пошла на толпу. Вопли ужаса наполнили алтарную, люди падали на колени сдирая руками плоть с костей, и замирая в жутких корчах страдания. Детина, безумно крутя бельмами, ринулся к выходу, растапывая тела умирающих подельников.

Бег насильника остановил сильнейший удар, заставивший вздрогнуть все тело молодца. Катарина видела, как из широкой спины парня вырвался наконечник копья, разрезав широкую кровавую полосу. Нечто черное, похожее на скелет, подняло содрогающееся тело и уперев подток в пол нанизало детину на копье как на кол. Руки и ноги селянина беспорядочно дергались, ища опоры, но усилия несчастного только быстрее опускали его тело к земле. Не обращая внимания на человека скелет прошел к сети, и быстрым движением иссиня-черного клинка рассек узел, стягивающий путы. Катарина не верила глазам, тело отца зашевелилось, Кейст сел, правя руками раздробленный череп.

— Твоя дочь? — прозвучал громовой голос скелета.

Король попытался ответить, но его раздробленные кости не позволяли раскрыть рот. Скелет подошел к нему, и наклонившись коснулся головы Кейста, кости быстро встали на свое место, кожа затянулась.

— Да — невнятно ответил Кейст, ощупывая тело, на местах ранений остались лишь небольшие шрамы.

— Представишь нас, друг другу, или мне самому это сделать?

— Нет, не надо — пробурчал Кейст. — Даглаш, Брат Апрокса! Катарина, моя дочь!

Катарина изумленно смотрела на скелет, возвышавшийся над ее хрупкой фигурой.

— Пап, это они сделали тебя чудовищем?

— Не стоит так называть дар — прогудел Даглаш.

Рука скелета подняла подбородок девушки и горящие глазницы Даглаша уставились в черноту прекрасных очей Катарины.

— Ты тоже наша! — спокойно произнес Инвент. — Твой отец щедро поделился с тобой! Вот только не пойму зачем ты так стремишься избавиться от благодати, ниспосланной тебе Саргоном! — грозно спросил скелет разворачиваясь к Кейсту.

— Я хочу снова чувствовать. Хочу жить. Жить для своих детей! — ответил Кейст, сжимаясь под тяжелым взглядом Даглаша.

— Мы тебе подарили вечную жизнь, неужели тебе этого мало!

— Но я не человек, я... я становлюсь монстром, и... я... стал опасен для своих близких! Это постоянное желание пожирать жизнь, убивать, мучить... меня это пугает! Заберите свой дар, и я сделаю все, что захотите! — с надеждой произнес сломленный король.

— Теперь мне понятно, зачем ты отправился к Эталитам! Ты знаешь, твой поступок, это предательство. Сам того не ведая, ты выдал врагам наш замысел! Но мы решили обождать с наказанием, мы даем тебе право сделать свой выбор осознанно.

— Друг мой ты меняешься, тебе страшно, но ты становишься великим. В твоих руках невиданная в вашем мире сила. Тебе подвластна смерть, и, если ты докажешь, что мы не ошиблись, выбрав тебя, ты поведешь войска Братства. Ты принесешь новый мир. Подаришь человеку бессмертие и покой, освободишь от рабства плоти и господства лжебогов. Дашь человечеству надежду, и подаришь право властвовать над остальными расами. Поверь, вы, люди, более других способны оценить власть. Семья твоя, плата за дар, несущий величие человеку, привязанности и любовь делают тебя уязвимым, слабым. Так избавься от них, и стань воистину великим. Иди с нами, и ты будешь править в своем мире, остальные преклонят пред тобой колени. Отказ же приведет тебя к гибели и разложению. Ты создан для большего Кейст. Осознай и прими себя таким каков ты есть, не дар тебя делает монстром, а твое естество.

Слова Даглаша застыли, повисло молчание. Кейст стоял, опустив голову. Глубокая задумчивость избороздила лицо монарха глубокими морщинами. Катарина смотрела на отца, сердце замерло в ее груди. Страх, что отец склониться перед монстром схватил мертвой хваткой горло королевы. Катарина не боялась за свою жизнь, но Эбон, ее сыночек, он только родился. Своим приходом в этот мир он породил множество врагов, короли, церковники, вассалы и даже демоны хотят смерти ребенка. И если ее отец склониться перед Даглашем, то она потеряет последнего защитника. Она не может допустить, чтобы он погиб, все что угодно, только не жизнь ее мальчика, бороться, бороться до конца.

— Отец нет, не верь ему!!! — вскричала королева.

Кейст поднял голову, его глаза видели, как Длагаш коснулся головы Катарины, и девушка замятво упала на землю. Взревев от ярости, король кинулся на Инвента, удар пришелся в тело, с треском разлетелись несколько костяных сочленений, но скелет, не обращая внимания на повреждения, ловко обошел Кейста и снес его одним точным ударом кулака. Пробив каменную кладку полуразрушенной кирпичи, Кейст упал снаружи, сильно ударившись головой о мертвую яблоню. Сверху посыпались сухие ветки, король попытался встать, но сил не осталось.

Скелет приблизился, и склонившись над ним спросил.

— И так ты готов принять нас и стать одним из Братьев?

— Нет — прохрипел Кейст, задыхаясь от ярости и слабости.

Костяные пальцы Даглаша, подцепили знак Ургеноя, и быстрым движением сорвали его с шеи короля.

— Ты не достоин этого дара!!! Теперь ты сам по себе! Твои дети всегда будут носить проклятие Братьев, а ты сгинешь в вашей глупой возне за кусок земли! Но не радуйся! Ты не свободен! Ты всегда будешь принадлежать нам!

Даглаш исчез, силы окончательно покинули Кейста. Иссохшее тело короля лежало неподвижно в старом монастырском саду, наполненном такими же иссохшими деревьями.

Рассвет принес шум, где-то стучали копыта лошадей, что несли всадников в тяжелых доспехах. Гадать, кто на этот раз приближался Кейсту не хотелось, ему стало не интересно, ни его жизнь, ни королевство. Он потерял дочь, скорее всего и внука тоже, тело его обездвижено, и обессилено, жизнь закончилась. Смерть принесла бы куда большее облегчение, чем бессмысленная жизнь беспомощного инвалида.

Рядом кто-то спрыгнул с лошади, и торопливо пробежал в кирху.

— Она жива!!! Королева жива!!! Скорее!!! — послышалось из церкви.

Мгновение спустя над Кейстом вырос рыцарь, отброшенное забрало открыло суровое лицо Аугусто Виола. Дыхание сбилось, от предчувствия неожиданного спасения, даже черные усы Аугусто, всегда так раздражавшие короля, теперь казались родными.

— Сир! Что с вами? Вы можете идти? — спросил он, протягивая руку королю.

— Я не могу пошевелиться Аугусто. Я более не способен править. Оставьте меня и спасайте Кати! Я завещаю свой трон ей, а по совершеннолетию Эбону! Спаси их Аугусто! Ты самый верный из моих гвардейцев, потому только на тебя могу положиться — выдохнул из последних сил король.

— Сир мы не можем Вас бросить.

— Можете. Я приказываю. Тебе приказывает твой король! — Кейст задохнулся, тело монарха задергалось в конвульсиях, еще мгновение и он затих.

Со стороны леса донеслось ржание лошадей и топот приближающейся погони. Рыцарь огляделся по сторонам, взгляд уперся в могильную плиту, чуть впереди. Камень оказался сдвинут в сторону, следы работы гробокопателей. Резко дернув короля за ноги Аугусто потащил бездвижное тело к проему в земле. С силой втиснув монарха в черный провал, он надвинул плоский камень, служивший надгробной плитой, на прежнее место.

Мрак и тишина окружили короля, земля завибрировала, лошади уносили рыцарей Кейста, и новую владычицу Караманта.

Возвращение королевы, жители столицы встретили с плохо скрываемой ненавистью.

Они закрывали дома, и старались не попадаться на улице кортежу с телом Катарини. Кромы отказались признавать право дочери Кейста на трон. По королевству прошел слух, что Катарина поражена удивительной болезнью. Жива, но спит, спит вечным беспробудным сном. Кто-то пустил слух, что встретить кортеж с ней дурной знак, а впустить его в город значит принести проклятье. На улице и в тавернах только и было разговоров, что о семье Урбино.

Вот монах в черной рясе, рассказывает подвыпившим ремесленникам.

— Так это же началось еще с Ковельта, за то бог его и покарал ужасной болезнью. Внук его правил неплохо, людей защищал, но вот пришел гнилой книжник из Палеомии.

— С пустыни? Той, где живет сам Агар? — со страхом в голосе переспрашивали досужие зеваки.

— Проклятой пустыни, что за горами. Из упокоища темного, книжник принес проклятье, и коснувшись монарха вновь пробудил зло. Оно подобно огню поразило Кейста и дочь его, блудницу Катарину. Всем известно, чем она занималась при дворе доброго Леши.

— Уж это, точно — заржали мужики, выстукивая от удовольствия кружками по столу.

— Эта самая блудница, наущаемая Агаром, и погубила славного супруга — доверительно подтвердил монах.

— Да все знают, что Эбон, не сын Леши. Говорят, что королева подпустила к себе нечистого, от того и родилось дитя чудное — понизив голос поддержал рассказ монаха, пожилой мужик.

— Ага и я слышал, что младенец черен как смоль, и умен не по годам. Году не минуло с его рождения, а уж мужик, уже броемся говорят королевич — возбужденно поддакнул молодой, рыжий подмастерье.

— Брешут. Вечно ты Сарапий всякую чушь повторяешь! Да малой необычный, не растет, как и всякий иной младенец, соразмерно своему возрасту — осадил рыжего совсем древний старик, сурово поблескивая глазами из-под кустистых бровей.

— А теперь говорят его мать поразил еще более страшный недуг, чем некогда Ковельта, беспробудный сон. И эту шлюху везут в наш город, не к добру это, ой не к добру. Вот попомните мое слово быть беде. Привезла она с собой дедово проклятье, быть болезни неизлечимой — прорекал пожилой мужик.

— А ты, что думаешь святой человек? — спросил он, обращаясь к монаху, поднявшему тему проклятья.

Только теперь все заметили, что монах исчез, никто не мог сказать, когда божий человек вышел. Всех так увлекла подкинутая им тема, что о монахе просто забыли. Недоуменно пожав плечами, обыватели разошлись по домам, чтобы там продолжить обсуждение животрепещущей темы в кругу семьи. Спустя сутки город загудел, чернь поднялась и высыпала на улицы, требуя убрать блудницу из Кром, а ее ублюдка лишить права на трон.

Скюло довольно потирал руки, монахи сделали свое дело. Карамант оказался на пороге междоусобной войны. Большая часть дворян отошла от Кейста, приняв сторону регентского совета во главе с богатейшим родом мажордомов Чилидай. Его глава, Саймон Кривой, возглавил совет.

Когда Кейст отправился в паломничество, Саймон заточил в каземат Териса, обвинив его в чернокнижничестве, от костра ученого спасло только бывшее расположение короля.

Катарину поместили под арест, и поэтому она почти не воспитывала сына. Когда же

прибыл представитель комиссии монастыря святого Доминго, регентский совет со вздохом облегчения передал королеву в руки святош. Ребенка выдворили в родовое имение Урбино, под присмотром, отряда рыцарей Чилидай. Многие из рода Урбино в эти дни сложили головы на плахе.

До паломничества Кейст планировал вторжение в Иргам, несколько лет он собирал казну, позволившую ему впоследствии нанять одну из сильнейших армий региона. Все сломала история с Катариной, события в Лампеде вынудили Кейста обратиться к иному средству ведения войны. Войско, заботливо собранное для войны с гномами, так и осталось не востребовано. Несмотря на приказ короля, Саймон Кривой отказался от похода в земли Рибигуда.

Оплата наемников урезалась все более и более, пока не вспыхнули мятежи, после чего армия рассыпалась. Наемники попытались получить обещанное, но Саймон в несколько сражений напомнил, кто хозяин в королевстве. К тому же старший Чилидай успел разграбить казну, сговорившись с казначеем. Деньги предназначенные на содержание войска, крались, а убыль казны списывалась на военные расходы. Постепенно рыцарство подпадало под влияние Саймона, сторонники семьи Урбино гибли в мелких междоусобных войнах, либо на плахе по различным бредовым обвинениям.

Будучи не королевской крови, Саймон Чилидай не мог претендовать на трон, зато мог править как ставленник Его Святейшества Верховного жреца Скюло. Последний обещал Саймону право наместничества в королевстве, после пресечения линии Урбино.

Все складывалось как нельзя лучше, Кейста народ боялся и тихо ненавидел. Тихо потому, что помнил крутой нрав короля, а в смерть его мало кто верил. Жители королевства легко подпадали под проповеди богослужителей, особенно после похода мертвецов. Люди с ужасом вспоминали поход Кейста в Лампеду, когда толпы мертвяков прошли через все королевство, а затем возвращение еще большей армии покойников. Простолюдины разбегались от толпы смердящих воинов, бредущих за своим повелителем. Куда армия делась позже никто не знал, она вошла в город и исчезла в недрах королевского дворца. Поговаривали, что мертвые до сих пор стоят в бесконечных коридорах дворцового подземелья.

Восстание захлестнуло центральную площадь Ковельта Великого, прозванную в народе Судной, из-за частых казней, проводившихся в ее пределах во времена правления Кейста. Народ требовал показать им наследника, люди желали знать, что за королевич будет ими править. Весть о смерти старого короля быстро облетела Карамант, никого особо не огорчив. Идя на уступки толпе, Аугусто велел вывезти гроб с телом Катарини, прочь из столицы. Не обошлось без кровопролития. Толпа в какой-то момент налетела на сопровождение и попыталась отбить саркофаг, чтобы уничтожить тело проклятой королевы. Решительные действия капитана Нанта Дарроу, позволили привести чернь в чувство, и вывезти в целости тело Катарини.

Через сутки в Кромы доставили Эбона, Саймон привез из имения Урбино худого, испуганного юношу, боящегося всего на свете.

В специально отведенном для него помещении, больше похожем на тюремную камеру, чем на опочивальню принца, Эбона ждал Аугусто Виола. Как только ввели принца, рыцарь поднялся с места и испуганно заморгал глазами.

— Что это? Что за шутки? Где принц? — напустился командир гвардии на сопровождающих, в комнату вошел Саймон.

— Тише Аугусто, тише, это и есть Эбон. Все, что говорилось о столь любимой тобой королеве правда! — улыбаясь проговорил Чилиади.

— Ты лжешь — выдохнул Виола.

— Почему? Ты ожидал увидеть ребенка, а видишь мужика, которому впору бабам под юбку заглядывать? Меня это тоже сначала пугало. Ребенок, превратившийся в один год во взрослого мужчину, действительно чудо... или проклятье, кто знает. Только править он не может, сам посуди. Народ его не примет.

— Ты лжешь, где принц, что ты с ним сделал?!!! — теряя над собой контроль заорал Аугусто, страшно сверкая глазами.

— Он перед тобой — спокойно ответил мажордом. — Да он не совсем то, что ты ожидал, но о том тебе и говорят! Этот мальчик выродок, порождение зла. Он не ребенок, а земное воплощение Агара.

В комнату вошла тетка Кейста, Инна, она подошла к чернокожему юноше и погладила его по голове.

— Инна, что несет этот прохиндей — возопил командир гвардейцев.

— Это правда Аугусто. Ребенок необычный, настолько, что я право теряю в своих суждениях о его происхождении. Однако можешь не сомневаться, это Эбон — пожилая дама тяжело вздохнула и вновь погладила парня по голове.

Юноша испуганно жался к единственному знакомому ему человеку. Командир гвардейцев сел на край кровати, и разинув рот переводил взгляд с Инны на Эбона.

— Он внешне взрослый, а в голове еще ребенок, ему сейчас не больше шести лет... — продолжила Инна.

— Но ему же год от роду! — произнес оторопевший Аугусто.

— Так и есть, но растет он на удивление быстро. Еще неделю назад он понимал не больше трехлетнего, а сейчас уже много читает, и великолепно считает, трудно представить, что с ним будет через год — не без гордости рассказывала Инна.

— Сам видишь Аугусто, показать его мы не можем! — вмешался в разговор Саймон.

— Ты прав! Народ его не примет. Остановить взбунтовавшуюся чернь будет невозможно! Ребенок... Эбон погибнет! Зачем ты привез его в столицу, ты же знал, что его нельзя вывести к подданным? — согласился смущенный Виола.

— Сейчас не время выяснять причины, надо попробовать обмануть чернь. Я предлагаю вывести моего внука, вместо этого уроды? Сезар очень смахивает на семейство Урбино, может получиться.

— Да мы все знаем о связи Магдалины с Цезаре Урбино. Да и ребенок часто бывал на виду, двор может воспрепятствовать такому подлогу — жестко резюмировала Инна.

— Он лишь маленький ребенок, и как многие дети мало кого интересуется. При соблюдении необходимой секретности, должно получиться...

— А что делать с настоящим Эбоном? — неожиданно спросил Аугусто.

— Ну его можно запереть в темнице, как тайного пленника, никто никогда не узнает кто он. Его жизнь пройдет среди книг, в покое, и размышлениях о великом, или можно... можно отправить на галеры. У меня есть знакомый скупщик живого товара, он быстро переправит малого к эльфам. Там он никогда не станет свободным и не сможет вернуть себе имя, даже если вдруг узнает о своем происхождении. К тому же цветом кожи, он похож на жителей Раманиата, думаю, что особо никого не будет волновать его происхождение. Рабом больше, рабом меньше...

— Интриган!!! — вскричал Аугусто вынимая клинок из ножен, Саймон тоже выхватил меч, в комнату ввалились его воины, между мужчинами встала Инна, разведя руки она прокричала.

— Остановитесь!!! Стойте, глупые мужчины!!!

Опешив от гневного взгляда пожилой дамы, Аугусто опустил меч, Саймон также отступил, опуская клинок. Минуту спустя, регент махнул рукой, приказывая воинам выйти из комнаты.

— Что ты предлагаешь? — напряженно глядя на Инну спросил Чилиади.

Эбон спрятался за свою защитницу, и испуганно смотрел на громко кричащих мужчин, смысл происходящего до взрослого ребенка пока еще не доходил.

— Зачем ломать его жизнь, отдайте мальчика мне. Он считает меня матерью, так пусть так и остается. Я его выращу, а вы пустите слух, что он плод любви моей внучки Илоны с принцем Цейпаном Хабуби. Тем более, что многие и так знают о романе — женщина с надеждой посмотрела на Аугусто, а затем перевела просящий взгляд на Саймона.

Мужчины смущенно жмурились глаза, Саймон еще в пылу гнева, пытался осмыслить только, что услышанное.

— В принципе это может сработать, если правильно подать. Тем более, Илона уже мертва — наконец произнес Чилиади. — Но пообещай мне, что никогда не станешь претендовать на трон, а мальчишка навсегда останется бастардом.

— Слово семьи Урбино! — гордо произнесла Инна.

— Стой! — вскричал Аугусто. — Постой, что ты делаешь неразумная старуха? Ты же отдаешь престол Чилиади?

— Лучше лишиться престола. Чем потерять последнего мужчину в семье Урбино — с горечью произнесла Инна, ее глаза наполнили слезы. — Неужели Аугусто ты не понимаешь, что сейчас будет, если мы откажемся договариваться?

— Понимаю — потупив взгляд ответил командир гвардейцев.

— Это разумный шаг. Теперь мы сможем остановить народное восстание, и вернуть покой в королевство. Надеюсь, обсуждать состав регентского совета не придется. Я не желаю там видеть вас — он жестко посмотрел на Инну. — Советую отказаться по своей воле, иначе мне придется лишить вас такой возможности — недобро сверкнул глазом Саймон Кривой.

— Я не претендую на власть, и никогда ее не желала, а в сложившихся обстоятельствах предпочту оставаться в своем имении. Спасибо за ваше великодушие граф Чилиади, я вам этого не забуду — с достоинством произнесла Инна.

— А вас господин Виола я прошу оставить службу и удалиться в свое имение, до особого распоряжения. Король вас вызовет, когда возникнет нужда — повернув голову проговорил Саймон.

Виола поклонился, выражая всем своим видом подчинение. Тайный ход вывел троицу из дворца. Специально приготовленные лошади уносили последнего мужчину в семье Урбино подальше от бунтующего города.

Народу вывели нового Эбона, опровергнув слухи о его проклятье. Регентский совет возглавил Наместник Саймон Чилиади, рукоположенный Скюло в том самом соборе, что осквернил старый король Кейст.

Летом по стране прокатился мор, тысячи людей умерли, многие города опустели. Слух о проклятье вновь всколыхнул массы, Саймон заболел, но выжил, однако маленький Сезар-

Эбон скончался. Так пресекался род Урбино, на трон взошли наместники из рода Чилиади.

Саймон распорядился отправить рыцарей, в имение Инны Урбино. Спустя пять дней перепуганный гонец доставил письмо от Тулио Де Гиа, командира отряда.

«Ваше Величество сообщаю с величайшим прискорбием, что в означенном имении, искомые лица найдены не были. Из допроса слуг выяснилось, что они покинули его еще неделю назад, под покровом ночи. Преследование ничего не дало, беглецы укрылись в замке Елены Бластиты. Спящую красавицу ищем, пока безуспешно. Поиски затрудняет разветвленная сеть карстовых пещер, расположенных прямо под имением. С появлением новостей пришлю Вам гонца с отчетом.

Преданный Вашей короне барон Тулио Де Гиа!!!»

Вопреки уверениям Тулио, Инна не достигла замка Елены. Инна вспомнила слова своего слуги Синдра, старик дал ей хороший совет: «Хочешь спрятаться, стань простолюдинкой, слейся с чернью».

Мудрая Инна, так и поступила. Переодевшись в простое платье, и спрятав мальчика под мешковиной больного проказой, она отправилась пешком к месту тайного захоронения Кейста. Рыцари не могли понять, что движет старой женщиной, поэтому мнения разделились, кто-то решил, что Инна выжила из ума, а кто-то посчитал, что, пожалуй, так будет безопасней. Сама же Инна следовала зову. Вот уже несколько ночей ей снился один и тот же сон.

Черный как смоль Кейст, стоял у ее ног, и смотрел на Инну красными, горящими изнутри глазами. Король поднимал руку и указывал на спящего рядом Эбона, а затем перед ней вырастали стены полуразрушенной кирхи, со страшными деревьями мертвого сада. В голове звучало — Брат Меон Гухаря!!! Что это значило женщина понять не могла, но чувствовала, что необходимо выполнить то, что требует покойник, иначе быть беде.

Виола подчинился приказу старой госпожи, и отправился в замок Елены, сбивая со следа погоню. Развернув знамена дома Урбино, кавалькада прорвалась сквозь ряды осаждавших Белый Камень. Неожиданная атака вызвала панику среди простолюдинов Ансельма Предприимчивого, и, прежде чем толпа восставших опомнилась, рыцари Караманта с шумом скрылись в распахнутых воротах крепости. Прибывшие подкрепления оказали особое, духоподъемное действие на защитников, люди почувствовали, что они не одиноки.

Именно этот трюк Тулио и принял за бегство Инны к королеве Елене, упустив истинного наследника двух престолов.

— Стоять!!! — прогудел ветеран.

Рыцари Священной Купели потянулись за шпагами, но ситуация складывалась явно не в их пользу. Облаченные в броню, алебардисты численно превосходили противника. Закон запрещал рыцарям носить доспех и боевое оружие в столице.

— Ждите меня около паланкина — сухо скомандовал худощавый человек, с жиденькой бородкой, над которой выступал хищный нос.

Рыцари с сомнением отошли к лошадям, готовые в любой момент кинуться на помощь Великому инквизитору.

Нофль не теряя времени поднялся по широкой лестнице во дворец Верховного Жреца. В приемной зале он чуть не налетел на епископа Ренато Финоккио. Толстяк в красной сутане, нахально перегородил дорогу инквизитору, Нофль поднял на него острые как у куницы глаза.

— Вы так рады меня видеть? — немного насмешливо поинтересовался он.

— А вам смешно? Ваше святейшество? — ответил вопросом на вопрос епископ.

— Отнюдь. Мой лучший дознаватель погиб, единственный, достойный мастера Джовани ученик, в церковной пыточной. А между тем по королевству бродит лицедей, на совести которого уже несколько человек.

— Лицедей может оказаться выдумкой, а вот разрушенный город, это факт — прозвучал из-за спины епископа раскатистый бас.

Подняв взгляд от низкорослого епископа, Нофль встретился глазами с кардиналом Умберто Уго. Сухой старик напоминал мумию, завернутую в алый ковер, сходство добавляла красная шапочка на высохшей голове.

— Вы сейчас обвиняете моего мастера?

— Нет сейчас я лишь высказываю свои соображения, обвинения оставим до суда Верховного — кардинал закатил глаза к расписному потоку.

— Мне казалось, мы вчера, с Вами уже уладили это недоразумение — раздражаясь ответил Нофль, его острые глаза впились в лицо кардинала.

— То было вчера, а сегодня к нам прибыл наш брат, епископ Финоккио. Из его рассказа вскрылось немало интересного — интригуя отозвался Уго.

Позади Уго появились остальные члены собрания кардиналов.

— Ладно. Тогда оставим наши прения до приема, а там уже поговорим более предметно — свернул ненужную дискуссию инквизитор.

Вышел монах, и громко пригласил собравшихся в зал. Участники заняли свои места вокруг длинного стола, во главе которого восседал Скюло. Глаза Верховного Жреца поблескивали, его забавляли постоянные интриги между разными ветвями церковной власти.

— И что же мне принес совет кардиналов? Что такого важного случилось, что вы меня вынудили срочно созвать внеочередной совет? — пробубнил Скюло, недоброжелательно оглядывая собравшихся.

— Ваше преосвященство — начал Уго. — Как я уже Вас уведомил, в провинции Одбара, исчез город Шагалань и четыре деревни.

— Уже четыре, вчера вы мне докладывали, об одном городе и одной деревне — с

издевкой переспросил Скюло.

— Вчера к вечеру мы смогли уточнить данные. Так сказать, получили информацию из первых рук.

— И кто ваш источник?

— Епископ Ренато Финоккио, Шагалань входил в его епископство — услужливо отвечал Уго.

— Ну тогда может лучше пусть епископ нам и расскажет, что произошло в его городе.

— Позовите Финоккио! — приказал кардинал, монаху.

Перед собранием предстал испуганный Финоккио. Запинаясь и постоянно оговариваясь, епископ изложил общие сведения о событиях в Шагалане. Не забыв упомянуть о злоупотреблениях мастера Джовани. Со слов Финоккио выходило, что инквизитор больше заботился о финансовой стороне расследования, что и привело к необоснованным решениям трибунала инквизиции, в частности по делу старого бургомистра Шагалани.

— Это ложь — прервал излияния епископа Нофль, его сухая спина вытянулась в струну, а глаза вспыхнули гневом.

— Ну что Вы, уважаемый Верховный инквизитор, только факты — прикрыл опешившего Финоккио, кардинал Уго.

— Факты говорите? Ну давайте рассмотрим, где мастер Джовани оказался финансово ангажирован — зло процедил Нофль.

В руках инквизитора показалась толстая тетрадь.

— На вашу беду, уважаемый кардинал, мое ведомство работает безукоризненно. Вот и в нашем случае, нотариус успел вывезти все дела из Шагалани, в архивы Окарна. И сейчас у меня в руках подробнейший отчет о проведенном расследовании — он весомо потряс тетрадь.

— Тогда объясните нам, как уважаемый всеми человек, который обеспечил всем необходимым ваших людей, оказался пособником еретиков? — ядовито улыбаясь произнес Уго.

— Извольте ознакомиться если так интересно — Нофль передал тетрадь кардиналу. — А я тем временем ввиду в курс дела остальных.

Как известно архивы Великой Инквизиции хранят сведения о поколениях подданных королевства. Так при любом расследовании наши инквизиторы запрашивают всю имеющуюся информацию в архивах Окарна. И мастер Джовани не являлся исключением, можно сказать он был лучшим в своем деле...

— Да, да у мастера Джовани неплохо получилось снести город и четыре деревни, и только для того, чтобы покарать мнимых еретиков — перебил Нофля согнутый как сушеный стручок острого перца, старец в кардинальской мантии. — Ваш коллега, уже нам рассказал, как великий Джовани Сандальони вел расследования. И о том, как он невинного мирянина пытал, обвиняя его в том, что он де лицедей — старик рассмеялся, каркая как ворона.

За столом раздался дружный смех.

— Вы пытаетесь рассуждать о том, чего не понимаете. Да и пытки для инквизитора, не лучшее средство, чтобы узнать правду — оборвал смех инквизитор.

— Насколько мне известно, лучше метода дознания пока не придумано — улыбнулся в ответ кардинал Уго.

— Знаем мы ваши методы! Ваше преосвященство, Совет требует, чтобы функции

инквизиции были переданы в ведение церкви. Пока не закончится расследование по Одбарской катастрофе. Мы не можем каждый раз, гоняться за призраками и в этой гонке уничтожать половину провинции. Слишком дорогая цена, за сомнительные эксперименты «специалистов» Нофля. Поэтому Совет просит разрешения, отдать церкви мастеров-дознателей, дабы она могла без помех, изучить, и оценить методы и приемы инквизиторов, а самое главное их целесообразность!!! — потребовал кардинал Фабио Нери, он говорил от имени всего Совета. Кардиналы вторили его словам, выражая полную поддержку выдвинутой инициативе.

— К этому мы еще вернемся. Теперь к делу бургомистра — остановил перепалку Скюло, обрывая самую возможность начала склоки.

Инквизитор кивнул головой и продолжил.

— В архивах вскрылась информация, что мать указанного бургомистра в свое время встречалась с известным еретическим проповедником Герхардом Жуварно...

— Жуварно!!! — пролетело над столом.

— Когда мастер Джовани получил эту информацию, он не поленился поднять все должности в магистрате. И что же вы думаете он нашел? — совет молчал.

— А нашел он сына Жуварно, и этот сын не кто иной, как якобы родной брат нашего бургомистра. Допросы и обыск, прояснили картину окончательно. Оказывается, мать бургомистра, будучи в браке, и при первенце, понесла от связи с известным еретиком. Местный жрец, будучи родным братом матери бургомистра, намеренно искажил информацию при священном обряде купания.

— Ну и как вы это смогли установить если нет ни одного документа, подтверждающего выводы мастера Джовани? — скептически произнес кардинал Уго. — Только пытки? Это все ваши свидетельства?

— Но вы только, что утверждали, что пытка верное средство для установления истины. А теперь сами же сомневаетесь в правильности методов дознания, которые так умело применял мастер Джовани. Он методично провел допрос всех причастных к событиям давних лет, и добытые показания, сошлись даже в мелочах. При этом следует учитывать, что подозреваемые не имели контакта между собой, поэтому сговор исключен. В доме подозреваемого провели обыск и нашли несколько оберегов, что когда-то раздавал своим последователям Живарно. Я верю результатам расследования мастера Джовани.

— И все-таки... — начал кардинал Уго.

— Меня убедили доводы инквизитора — жестко произнес Скюло.

— Но это еще не все — продолжил Нофль.

— Есть еще, что-то? — Скюло с интересом взглянул на инквизитора.

— Да Ваше Преосвященство. Мастеру Джовани удалось также выяснить, что епископ Финоккио, имеет давние связи с семьей бургомистра. Когда-то их деды дружили, и очень тесно. Позже пути этих семейств разошлись, но похоже, что, получив сан наш предприимчивый епископ закрывал глаза на существование еретического гнезда в его пределе. Естественно, не из бескорыстного служения нечистому. Принимая во внимание, все сказанное становится понятно, почему мастер Джовани принял решение изъять все средства, принадлежавшие семье бургомистра в пользу казны инквизиции. Как я подозреваю, именно этот факт и не дает покоя нашему епископу. Такие деньги прошли мимо его рук — пафосно закончил Нофль.

Скюло поморщился, его утомили денежные склоки подчиненных, что постоянно

подрывали авторитет церкви. Ренато Финоккио едва стоял на ногах, бледное лицо епископа свидетельствовало о том, что он в одном шаге от того, чтобы потерять сознание. Не глядя на епископа, Скюло сделал знак рукой, к Финоккио подошли ветераны, и не особо церемонясь поволокли к выходу.

— Думаю, теперь конфликт улажен — спокойно произнес Верховный жрец.

— Ваше Преосвященство позвольте нам провести свое расследование, по вскрывшимся фактам — затараторил кардинал Уго.

— Это справедливая просьба. Пусть церковь займется этим вопросом — задумчиво произнес Скюло.

— Я согласен передать вам епископа Финоккио, но вы должны вернуть нам нашего мастера — начал торг Нофль.

— Но мы не можем вам доверять...

— Как так, вы мне значит не доверяете, мне псу церкви, а эльфам значит доверяете — возмутился Великий инквизитор.

При слове эльфы Скюло, слегка подпрыгнул в своем кресле, тяжелый взгляд Верховного жреца застыл на лице кардинала.

— Какие эльфы? — пытался спасти положение кардинал Уго.

— Те, что вчера были в вашей резиденции — добил врага Нофль. — Мне также известно, что вы им оказали услугу, сообщив информацию по происшествию в городе, тогда как Его Преосвященство еще два дня назад предупредил всех о недопустимости распространения информации о провинции Одбара.

— Хватит! — рявкнул Скюло.

— Нофль, ваши расследования пока будут ограничены еретиками. Все, что связано с сущностями для вас под запретом. Инквизитор ты меня понял?! — угрожающе спросил Верховный жрец.

— Да Ваше Преосвященство, мне все ясно — поджав губы отозвался инквизитор.

— Совету даю два часа, чтобы вернуть мастера Эстебана. Издержки, что пришлось понести указанному дознавателю возместить в двойне. Каррел!!! — неожиданно крикнул Скюло.

— Найди лучшего лекаря в столице, пусть он займется здоровьем мастера Эстебана.

— Собрание объявляется закрытым, по вопросу Одбарской катастрофы соберемся отдельно. В более узком кругу — закончил Скюло.

Красная река клобуков и мантий неторопливо вытекала из зала Совета, кардиналы прощались с Уго, стараясь не замечать инквизитора.

Сутки спустя по городу пронеслось известие, что кардинал Умберто Уго убит в своем доме неизвестными грабителями. Вопреки обычаю, кардинала хоронили в закрытом гробу, что немногих посвященных натолкнуло на интересные мысли.

Тетива фыркнула, стрела запела и звонко ударила в камень. Больше чем на полтуловища в сторону от цели. Дламаэль чертыхнулся. Эльф слыл неплохим стрелком, но сейчас, когда цель оказалась прямо перед ним, произошло, что-то странное. Лошадь его соратника Микерта, он двигался справа, со всей силы навалилась на его скакуна, ровно в тот момент, когда он спускал тетиву.

Лук Дламаэля опять натужно застонал, но человек злорадно улыбнулся и скрылся за высоким утесом. Эльф отложил выстрел, и помчал следом за наглецом. Утес быстро

приближался. Позади слышался храп коней его товарищей, на полном скаку лошадь шарахнулась в сторону, едва не опрокинув седока с крутого края горного серпантина. Оглушающий рев гигантского медведя сотряс окружающие горы, зверь выскочил из-за утеса, где только, что скрылся беглец. Поднявшись на задние лапы, медведь пошел на преследователей.

Зверюга чуть уступала, размерам утеса из-за которого вынырнула. Всадники едва не налетели на косолапого. Зверь, стоя на задних лапах, и безобразно тряся губами, оскалил огромные клыки. Жуткий рев снова пронесся по округе. Лошади осели на задние ноги, и сбросив всадников на землю, сбежали.

Третий день как их отряд покинул исковерканные земли Одбара. Разруха и завалы остались позади, и им наконец удалось взять след беглеца.

Приказ поступил из королевской резиденции, и наскоро сколоченный отряд выехал на место. Рассказы о катастрофе удивляли, но, увиденное потрясло куда больше.

Первым опомнился Микерт, ловко орудуя мечом, он вогнал клинок в необъятную тушу под правую лапу хищника, длинные когти скользнули по телу эльфа. Улаэль выпустил подряд две стрелы, одна попала в глаз, а вторая вошла глубоко в ухо зверя, громада черного меха и сотен килограммов мышц исчезла.

Микерт удивленно смотрел на что-то у себя под ногами, когти прошли через его тело, не оставив даже следа.

— Что там? Микерт? — подбежали остальные.

В траве валялась растерзанная заячья тушка, две стрелы, пущенные Улаэлем разможили маленький череп ушастого.

— Что за ерунда? Как такое возможно? — возмутился Дламаэль.

— Непростой нам попался разбойник — задумчиво протянул Микерт.

— Я его вижу! — крикнул Навамон указывая пальцем на голову, что появилась наверху чуть впереди, и тут же исчезла из виду.

Дламаэль опустил лук, его жертва вновь ушла. Раздосадованный очередной неудачей, эльф кинулся следом. За ним подтянулись остальные.

Крутой подъем вскоре вымотал эльфов, и они сбавили темп. Микерт уже хотел остановить погоню, когда отряд вышел на широкое плато. Ровная как стол, каменная подошва, раскинула перед ними широкий круг древнего лабиринта. Выложенный кем-то в далекой древности из плоских булыжников, он едва виднелся над толстой подушкой мха. На другой стороне мелькнула фигура человека, беглец быстро поднимался вверх по узкой, горной тропе. Дламаэль прицелился, но странное марево мешало взять цель наверняка, казалось, что от лабиринта исходит какое-то испарение. Переглянувшись, эльфы шагнули в древние круги, замысловатой спирали.

Высокие стены, сложенные из булыжника, оставили лишь узкую тропу, которая, слегка изгибаясь скрывалась за поворотом, Дламаэль не веря глазам потрогал камень. Шероховатый, слегка влажный, но совершенно точно настоящий. Эльф ударил кулаком, на косточках выступили капельки крови. Он поднял голову, примеряясь получится ли дотянуться до края стены, чтобы выбраться из лабиринта по верху. Казалось, что стены не выше вытянутой руки и достаточно лишь подпрыгнуть, чтобы задуманное получилось. Но сколько Дламаэль не прыгал, дотянуться до края так и не вышло, каждый раз он предательски ускользал, приподнимаясь на несколько пальцев.

— Микерт!!! — крикнул Дламаэль, пытаясь понять, где находится его командир.

— Эй кто-нибудь!!! — кричал эльф, в надежде, что его услышат.

Звук его голоса увязал в промозглом тумане, оседавшем полновесными каплями на булыжных стенах лабиринта. Эльф попытался успокоиться и вспомнить откуда зашел в ловушку. В голове собрался план из запутанных коридоров, которые он увидел в завитках каменного лабиринта, еще до того, как изображение превратилось в ловушку.

Лучник неуверенно шагнул вперед, следуя плану в голове. Вскоре Дламаэль уже бежал по запутанным секторам, безошибочно выбирая нужное направление. Удивительно, но он никого не встретил, хотя пару раз видел тени, мелькнувшие в густом тумане. Он кричал, и даже что-то услышал в ответ, но разобрать так ничего и не смог. Преследовать видения эльф не решился, хорошая зрительная память безошибочно вела его в хитросплетениях жутковатой ловушки. Впереди потянуло свежим воздухом, эльф прибавил шагу, и неожиданно выбежал из лабиринта. Яркий свет на мгновение ослепил стрелка.

Вскинув на изготовку лук, Дламаэль попытался раскрыть глаза, изображение впереди расплывалось, но он четко видел силуэт человека. Беглец стоял в десяти шагах перед ним, эльф прицелился, и выкрикнул.

— На этот раз тебе не повезло, человек!!!

— Это тебе не повезло мой мальчик — прозвучало в ответ.

Человек шагнул в его сторону, нежная рука коснулась лица, и обхватив подбородок подняла вверх лицо эльфа. Их глаза встретились.

— Каная?! — изумленно выдохнул Дламаэль.

— Тихо Лама, успокойся — нежно пропела эльфийка, она неотрывно смотрела в расширенные, полуслепые глаза стрелка.

— Ты же мертва?

— Сейчас я с тобой, пришла увидеть любимого брата!

В памяти всплыли картины дома, цветущего сада и гомон ярких птиц. Комната отца и матери, и... и отец и Каная. Вместе, на супружеском ложе, она его видит, и призывно улыбается. Едкое чувство гадливости, страх неминуемого позора колотятся в мозге, в руках Дламаэля натянутый лук, он вновь стоит в дверях родительской спальни. Фыркнула тетива, и стрела глухо ударила в спину отца. Руки мужчины разжались, и на подушки упала голова Канаи, в памяти застыло выражение лица сестры. Смесь наслаждения и муки, навсегда искажившая ее прекрасные черты.

Стрела упала на землю, лук повис на тетиве цепляясь за беспомощные пальцы стрелка. Эльф устало упал на колени, вытягивая кинжал из ножен, на секунду рука Дламаэля застыла. Острие кинжала, направленное в живот лучника, вздрогнуло, затем рука нанесла быстрый удар, глубоко погрузив клинок в тело эльфа.

Туман начал отступать, и Микерт, с удивлением обнаружил, что ходит по узким дорожкам изображенного лабиринта. Омшелые булыжники, точно не давали ему перешагнуть за линию его дорожки, хотя едва выступали из плотного ковра мхов.

Рядом послышалась возня, Микерт поднял глаза, прямо перед ним лежали Навамон и Улаэль, они столкнулись друг с другом и рухнули на сколький камень.

— Что за чушь?! — удивленно спросил Микерт. — Это иллюзия.

— Командир!!! — закричал откуда-то сбоку Гвавир, Микерт шагнул в его сторону, теперь легко преступая ранее не преодолимую преграду.

Гвавир стоял около Дламаэля, стрелок почему-то сидел на пятках, а голова эльфа бессильно упала на грудь, руки расслабленно повисли по бокам.

— Что случилось? Что с Дламаэлем? Он спит?

— Нет командир, у него кинжал в животе! Он прикончил себя! — отозвался Гвавир.

Теперь и Микерт увидел, точенную рукоять, изящного эльфийского клинка, торчащую из живота лучника.

— Зачем он это сделал? — испуганно выдохнул Гвавир.

— Это не человек... Это ракшас... — закашлявшись простонал Дламаэль.

Не открывая глаз, он сморщился, слеза покатилась по бледной щеке. — Этот гад... Откуда-то узнал о моей..., он знал о Канае...

— Твоей сестре? Откуда он может это знать? — удивился Микерт.

— Он не человек, он ракшас в облике человека... потому и знает... в голову залез... — преодолевая боль ответил Дламаэль.

— Возьмите его — приказал Микерт. — Возвращаемся.

— Микерт, это не понравится айларам — попытался возразить Улаэль.

— Если нас кинули на древнего, то пусть сами бегают за ним. Вы не отбросы, чтобы там себе не думали айлары. Вы высокорождённые, даже несмотря на то, что вас изгнали из ваших домов. Я не поведу эльфов на убой — оборвал возражения Микерт.

Вдалеке показались зубчатые остовы древней кирпичи. Инна сразу узнала ее, точно вновь оказалась во сне. По дороге они несколько раз чудом избежали встречи с бандами восставших. Два раза мимо них пронеслись чьи-то рыцари, сотрясая землю мощной поступью боевых коней.

Инна прошла в сад, мертвый, и такой же искореженный, как во сне, следом шел возмужавший Эбон. Она провела его в кирху, где парень присел на большой валун, некогда слагавший мощные стены церквушки. Эбон никогда не скучал, вот и сейчас, в его руках сиял, мерным, серебристым светом Хронограф. Небольшая книжка, в виде образка. Редкое изделие эльфов, в котором картинки и текст сменялись движением специального колесика, вмонтированного в торец Хронографа. Такие книги встречались крайне редко и стоили целое состояние, хотя кто-то считал их бесценными. Его дед, которого он совсем не знал, слыл ценителем старинных рукописей, за свое правление он собрал богатую коллекцию.

Часть уникальной библиотеки успел вывезти Чезаре Урбино, прежде чем его обвинили в чернокнижничестве. Желая отвести подозрения от Чезаре, Инна, на свой страх и риск, вывезла книги к себе в имение, однако это не спасло жизнь ее племянника, он сторел на костре под улюлюканье безмозгой толпы городской черни. Многие родственники Эбона окончили свою жизнь на плахе или в мареве костра. Чилиади успели основательно зачистить мужскую половину семьи Урбино.

Благодаря инициативе Инны, мальчик смог ознакомиться с богатейшим литературным наследием эльфов, людей, и даже гномов.

Могилы, покосившиеся надгробья, корни старых яблонь и груш, вывернувшие из земли погребения, и расколовшие местами камень саркофагов. Все пугало немолодую женщину, дрожь охватывала ее при одной мысли о оживших мертвецах. Когда племянник вернулся из Лампеды, она находилась в своем имении и не видела, как армия мертвецов прошествовала через Кромы и скрылась в подвалах дворца. Страх того дня не затронул ее.

Теперь же гуляя среди заброшенных могил, Инна словно заглянула в тот день и испытала чувство отвращения и животного страха.

«Брат Меон Гухаря» — прочла она, проходя мимо одной из могил. Сердце, что-то

кольнуло, но женщина пошла дальше. Инна успела сделать лишь два шага, когда услышала крик в голове — «Брат Меон Гухаря!!!».

Инна кинулась к могиле с надписью, и с разбегу налетела на что-то живое. Крик готовый вырваться из ее уст оборвала рука, крепко сжавшая рот женщины, кто-то сильно обнял ее, не давая вырваться. До сознания насмерть перепуганной Инны стали доходить слова, слова, произнесенные таким знакомым голосом, голосом Эбона.

— Тихо мама. Тихо. Это я Эбон, твой сын. Очнись, очнись же.

Тело Инны резко обмякло, в изумлении она смотрела на чернокожего юношу, с любовью гладившего ее седые волосы. Как он здесь оказался? Как почувствовал ее страх? Он ее любит. С ним не страшно ничего. Теперь она больше не видела ребенка в Эбоне, перед ней стоял молодой мужчина, готовый защитить ее в случае опасности.

— Мама вы так кричали, что я испугался. Что с вами? Что-то случилось? — обеспокоенно повторял Эбон, пытаясь понять, что приключилось с его матерью.

— Я... — судорожно сглотнула Инна. — Я увидела эту могилу — она указала на могильную плиту с надписью — «Брат Меон Гухаря».

— И, что? Что Вас так напугало? — недоумевая спросил юноша.

— Это имя я слышу во сне. Помнишь я тебе рассказывала?

— Да, и впрямь! Интересно. Я попробую ее вскрыть, может ответ внутри? — быстро затараторил Эбон.

Плита не сразу поддалась, тяжело сопя Эбон преодолевал сопротивление корней, плотно обвивших замшелый камень. Земля под камнем словно вздохнула, и плита легко отошла в сторону. Темнота скрыла то, что покоилось внутри могилы.

— Наконец-то! — донесся голос из глубины.

Инна задрожала всем телом, крупные слезы покатались по ее морщинистым щекам, женщина опустила на колени и склонившись над ямой робко спросила.

— Кейст?

— Тетушка Инна! — радостно отозвался голос из темноты. — Как я рад тебя слышать, ты всегда была ангелом хранителем нашей семьи...

— Но ты же мертв? Как ты выжил? Прошел уже год...

— Не пугайся моя милая тетушка. Позже я тебе все объясню, а теперь отойди я поднимусь из могилы несчастного брата Меона. Представляешь он всю жизнь отказывал себе в женском обществе ха, ха, ха... Жаль мужика ха, ха, ха.

Эбон помог Инне подняться на ноги, что отказывались ее держать, и отвел в сторону. Из могилы со свистом вырвалось что-то черное, тут же затерявшееся в клубах пыли.

Из клубящейся облака вышел король. Инна не могла его узнать, перед ней стоял мертвец из ее сна, черная кожа, горящие красным глаза, высокая фигура. Черный балахон, превращенный временем и битвами в лохмотья, укрывал тело мертвеца.

— Привет тетушка, ну же не бойся! Это я, Кейст! Наверное, не совсем такой каким ты меня всегда знала прежде, но это я. О, а этот великолепный юноша, мой внук?

— Да, это Эбон — как во сне отвечала Инна.

— Где Кати? — спросил Кейст.

— Она спит.

— Спит?

— Она спит беспробудным сном, и ни что не в силах вернуть ее в наш мир.

— Кто такая Кати? Кто этот чело..., мертвец? — озабоченно спросил юноша,

прикрывая собой мать.

— Не бойся Эбон, это твой дед, а Кати... Кати твоя настоящая мать — тихо ответила Инна, и погладила руку юноши.

— Как настоящая? А ты? — смущенно спросил Эбон.

— Почему мать? — не менее удивленно спросил Кейст.

— Я сестра твоего деда, мне пришлось врать тебе, этого требовало твое спасение.

Мертвец медленно подошел к Инне и взглянув в глаза, спросил.

— Где Кати?

— Она в святилище Халисы, под родовым именем. Мы ее погрузили в эльфийский фимиам, с ней все будет хорошо. Нам нужен ты. Почему ты так долго не приходил?

— Я не мог выбраться из-под этой треклятой плиты. Захоронение скованно заклятием, что меня не пускало наружу. Только живой родственник по мужской линии мог сдвинуть плиту, и дать мне свободу. Не знаю, что такого сделал этот Меон, но кто-то запер его наглухо. Ты меня спас Эбон.

Потрясенный свалившейся на него правдой, Эбон не обращал внимания на слова Кейста.

Король подошел к юноше и заглянув ему в лицо грустно проговорил.

— Твой отец передал тебе особый талант, да и Братья не поскупились. Тебе придется нести полученное наследство. Прости меня, я обрек тебя на вечную борьбу света и тьмы.

Инна осторожно взяла иссохшую длань короля и приложив ее к груди сказала.

— Пойдем Кейст, нам надо домой. Прошу тебя, там творятся ужасные вещи. Все мужчины семьи Урбино погибли, власть в руках узурпатора Саймона Чилиади, а имение занято врагом.

Кейст погладил руку женщины, и мягко проговорил.

— Мы все вернем, а врагов..., врагам воздадим должное.

Пробоина в стене расширялась на глазах, посыпались приворотные башни, первый круг стен прорвали, и теперь предстояла тяжелая борьба за жизнь Белого Камня. Вторые сутки в крепости никто не спал, начался штурм. Жак безвылазно находился на позициях, урывками успевая перехватить сон. Ситуация сложилась критическая, припасы за два года осады истощились, враг преодолел ров, пала первая линия стен, поэтому Жаку ничего не оставалось как личным примером поддерживать дух замкового воинства.

Мерандо надеялся на приход союзников, рыцарей Священного похода, что созвал Верховный жрец Скуюло. Священный поход обязался остановить заразу еретичества, отступника Ансельма. Смущало то, что под стенами Белого камня стояли как рыцари Лампеды, среди коих немало подвязалось и «гостей» из соседних королевств, так и восставшая чернь под предводительством Ансельма. Вполне мирно уживаясь в соседних лагерях. Ушлые рыцари гнали на штурм восставших простолюдинов, не считаясь с количеством жертв.

Два требушета, собранные несколько дней назад, закидывали цитадель огненными снарядами, отчего регулярно занимался пожар, грозя пожрать крепость огнем. Но под чутким командованием Мерандо, безжалостную стихию удалось остановить.

С башни Жак хорошо видел копошащийся внизу муравейник. Столько убитых, вонь от трупов, постоянно висевшая над крепостью, уже стала привычной, а внизу все прибывали повстанцы. Простолюдины гибли сотнями, но на их место приходили тысячи новых.

— Что они так поперли? — спросил кучерявый солдат, расслабленно вытянув ноги к костру.

— Так узнали, что идет армия льщарей, тех, что в Священный поход против отступника вызвались идти — ответил курносый, конопатый мужик, задумчиво ковыряя ножом в зубах.

— Аааа — протянул первый. — А я-то думаю, что за холера гонит их на стены Камня. Ведь гибнут, что блохи на дохлой борзой. Уж давно должны бы были разбежаться, ан нет! Лезут, шо безмозглые!

— Так они и есть безмозглые животные — поддержал разговор, вошедший воин в дорогом доспехе, солдаты тут же подхватились с мест, и вытянулись в струну.

— Да вольно, вольно, отдыхайте, я проверить зашел, все ли у вас есть?

— Да Ваше Сиятельство — ответил седой сержант, ткнув излишне расслабленного салагу, что воспринял слова командира буквально. — Всего в достатке, не извольте беспокоиться. Солдаты накормлены, здоровы, и готовы по приказу выступить на стены...

— Готовы говоришь? Это хорошо! Осталось недолго! Идет помощь, через день, другой осада будет снята! — приободрил солдат Мерандо.

— Служу королеве!!! Да здравствует Ее Величество!!! — громко прокричали солдаты.

Мерандо улыбнулся, и вышел вон, настрой гарнизона вселял в его душу надежду. Про скорую помощь, он, конечно, наврал. Священный поход застрял надолго в землях Лампеды. Рыцари занимались разделом захваченной земли, многие повернули назад, обремененные непосильной ношей военных трофеев. Силы союзников таяли с каждым днем, да и были ли они союзными, эти силы? Вопрос, который уже много дней не давал покоя Мерандо.

Особняк Урбино казался мрачным могильником посреди цветущего парка. Стены

дворца украшали смелые мазки кровавых всплесков, ступени устилали останки рыцарей и солдат.

Три дня назад мертвый гонец привез в Кромы послание от Кейста, на груди воина красовалась, прибитая гвоздями табличка с надписью — «Саймон Чилиади, тебя призывает твой король! Приди и прими справедливый суд своего повелителя! У тебя три дня! Затем я приду в свой дворец и накажу тебя и твой род за измену!!!»

Король Караманта Кейст Гномобоец, человек поборовший самую смерть!».

На улицах Крома, люди расступались в ужасе перед посланником мертвого короля. Наместник не мог поверить в случившееся, ближний круг с трудом привел его в чувства. Саймон обезумел, страх неминуемой гибели заставил собрать армию, и двинуться на имение Урбино, по пути к его войску присоединялись отряды вассалов. Число воинов росло, а вместе с тем росла и уверенность Чилиади в своих силах. Приступы паники почти прекратились, но Чилиади Старший постоянно ощущал, как на горле сжимается мертвая хватка неумолимой.

Кейст въехал в имение рано утром, под покровом тумана. Взошло солнце испаряя молочный полог, поднявшийся ветерок разогнал последние клочки тумана, весело раскачивая выпотрошенный труп Нанта Дарроу, повешенный в просвете ворот.

Лошадь короля неторопливо прошла по двору, зазевавшаяся стража кинулась к всаднику в черном балахоне. Кровавым вихрем король влетел по широкой лестнице главного входа. По-хозяйски, не торопливо, прошелся по комнатам родового имения, выкидывая из окон захватчиков. Гарнизон Чилиади не ожидал нападения, поэтому многие погибшие остались в исподнем. Растерзанные тела застыли на каменных плитах двора в выразительном танце смерти. Дольше остальных держалась тюремная башня. Барон Тулио Де Гиа самоотверженно оборонял последний рубеж, в столицу полетел голубь с донесением о падении имения Урбино.

Из-за запертой двери раздался приглушенный толщиной дубовой, окованной железом, двери голос коменданта.

— Кто вы? Зачем напали на коронные владения? Вас ждет смерть если вы немедленно не сложите оружие и не сдадитесь на милость Его Величества наместника Караманта Саймона Первого!

— С кем я говорю? — прозвучал мощный, глубокий голос Кейста.

— Я комендант имения, барон Тулио Де Гиа, а вы сударь? — напряженно прозвучал голос Тулио.

— А я? Я Владелец имения, Король Караманта, Кейст Гномобоец правитель всех земель Караманта и дед наследного принца Эбона Черного! Я пришел за наследием моей семьи, вернуть то, что принадлежит мне по праву! Сдавайся Тулио Де Гиа, и, может быть, я тебя пощажу!

— Ты лжешь собака! Кейст погиб во время паломничества, и принц Эбон тоже мертв!!! В прошлом году от мора, скончался! Ты самозванец, и бандит, даже если мне придется сложить голову в этом проклятом имении, тебя ждет виселица. Остановись, самозванец, иначе повешение может оказаться куда как меньшей карой!

— И что же меня должно испугать?! — с издевкой спросил Кейст, подбрасывая в руках железный, двуручный дрын с граненной шишкой на конце.

— Для таких как ты повешение, это милость, четвертование, вот достойное наказание самозванцу!!! — грозно предупредил из-за двери барон.

— Ха-ха-ха — рассмеялся Кейст и с размаху ударил булавой в дверь, размолив первым же ударом ее центр.

Тяжелая дверь щепой разлетелась по комнате, палица сокрушила копейщиков, успевших вонзить жала копий в тело мертвеца. Стража в ужасе побежала видя, как черный силуэт, не обращая внимания на копья двинулся на них, все глубже насаживаясь на древки. Булава взвыла, витую лестницу, уходящую наверх, окропила кровь защитников.

Избавившись от копий, мертвец двинулся наверх. Шаги короля эхом отдавались по башне, мерностью напоминая, призыв похоронного набата. Четверо, верных барону вассалов, ждали Кейста наверху. Остро отточенные клинки со свистом рассекая воздух метнулись к королю. Сталь звенела и высекала искры из стен, мертвец с невероятной скоростью уходил от атак воинов. Пару раз мощные удары его булавы, отражались щитами, и прочными доспехами. Клинки резали плоть Кейста, но король не терял ни в силе, ни в скорости. Лишь изрезанный в лохмотья балахон, развивался черными полосами ткани, закрывая обзор врагам, наконец булава нашла первую жертву. Рыцарь, подброшенный гигантским шестопером Кейста, ударился о потолочную балку и рухнул вниз без чувств. Капюшон упал, барон споткнулся, страх сковал тело Тулио, перед ним стоял король. Мертвый, иссохший, но король. Знакомые черты исказила рука смерти, тлен коснулся тела Кейста. Черная кожа лаково блестела в солнечных лучах, красные глаза жутко уставились в лицо коменданта, заглядывая в самую душу, и парализуя волю. Тулио подставил щит, от удара он разлетелся. Раздробленная рука барона вмялась в кирасу. В последний момент Тулио скорее услышал, чем увидел обратное движение булавы Кейста. Окровавленный набалдашник снес голову коменданта, смяв шлем в бесформенную массу. Оставшиеся без патрона рыцари попытались бежать, но беглецов настигла жуткая участь их командира. Шестопер с неизменной точностью сокрушала плоть врагов короля.

В помещении кухни нашлись слуги, по приказу Кейста они прибили доску с посланием к груди Тулио. После, коменданта усадили на лошадь и отправили по дороге к столице.

Эбон наблюдал со двора за происходящим, не вмешиваясь в бойню. Теперь он увидел проклятие Урбино в действии. Инна в ужасе закрыла руками глаза, и старалась не слушать вопли несчастных. Полчаса спустя все стихло. Во двор спустился Кейст, король обнял трясущиеся плечи Инны. Поглаживая тетку, он приговаривал.

— Ну же тетушка. Не надо бояться. Я твой должник навсегда. Ты спасла мою дочь, и внука. Ближе тебя у меня никого нет. Не бойся. Я никогда не причиню тебе зла. Весь мой гнев исключительно для врагов рода Урбино.

Женщина плакала и причитала.

— Что с тобой случилось Кейст? Как такое могло с нами приключиться? За что?

— Милая Инна, то моя вина. За мою ошибку пришлось заплатить вам всем. К сожалению, исправить уже ничего нельзя, но я сделаю все возможное, чтобы моя семья больше никогда не страдала. Прости меня, моя добрая, милая Инна.

Король обнял женщину, с любовью глядя на внука. Эбон почти плакал. Юношеское сердце, полное романтики, требовало прощения для жуткого мертвеца, которого он теперь называл дедом.

Две недели спустя на горизонте появились штандарты рыцарей Священного похода, они, не останавливаясь врезались в толпу крестьян рубя, и круша все, что не успело разбежаться. Попытки дворян Лампеды провести контратаку привели к окружению

последних, за чем случилось тотальное избиение. Живых не брали.

Замок оказался окружен «союзниками», которые потребовали от королевы Елены открыть ворота, третьей, последней линий крепостных стен. Первые две, прорвали восставшие Ансельма, самого еретика зажали между стен крепости. Священник лично командовал штурмом последнего укрепления Белого Камня, но попал в окружение.

Защитники крепости вышли навстречу отрядам прибывших союзников, Ансельм попал в руки воинов Елены, его доставили во дворец к Ее Величеству.

К удивлению союзников, далее ворот третьей линии обороны их не пустили. Раздосадованные рыцари спустились под стены крепости, где разбили лагерь и продолжили осаду Белого Камня, сменив уничтоженные войска Ансельма.

Поздно вечером того же дня, состоялся совет рыцарей Священного похода. В совет вошли Гвидо Шотали наследный принц Амората, граф Эрик Трауствайт влиятельный дворянин из Лампеды, князь Константин Овлат из Сальяда, граф Джузеппе Авиньянс близкий родственник Леши короля Лампеды, восставший против Елены Бластиты, граф Орде Де Рудо, маршал армии Амората, инквизитор Стефан Нофль, как представителю Скуюло, направленный для искоренения ереси на территории Лампеды и Мальдиды. Собрание всю ночь ожесточенно спорило о судьбе Елены и ее королевства.

Особое раздражение вызвал вопрос, что делать с Еленой. Признать ее правление узурпацией власти и вернуть ее в монастырь, или оставить ей в качестве компенсации ее родовой замок. Потребовав взамен выдачу еретика Ансельма и отказ от притязаний на престол Лампеды.

Гвидо поддержал позицию инквизитора Нофля, требовавшего жесткого исследования чистоты веры в пределах королевства, а статус отложить на неопределенный срок, заменив короля наместником.

Авиньяно требовал вернуть корону представителям семьи Инерейтов, отстранив от власти узурпаторшу.

Константин Овлат считал, что нужно разделить земли Лампеды и Мальдиды между Аморатом и Сальядом, вернув законного короля на трон, подразумевая под законным королем Гумберта Шотали отца Гвидо.

На такую наглость взъярился Авиньяно, он потребовал вывести из состава совета Овлата, но за князя вступились Гвидо и Нофль, в итоге Авиньяно разругался с оставшимися членами совета и покинул заседание, пригрозив решить вопрос своими силами.

Победила позиция Гвидо и инквизитора, в Белый Камень послали Франца Капфойя королевского хранителя печати, ему предстояло уговорить защитников Белого Камня подчиниться решению, принятому советом Священного похода. Королева Лампеды встретила посланцев совета приветливо, поблагодарила за помощь, пообещала оплату за труды бранные, после чего предложила покинуть пределы королевства.

Из ворот Белого Камня выехала кавалькада, охранявшая две подводы, наполненные золотом и серебром. Возглавлял посольство Жак Мерандо, он ехал рядом с Францем Капфойем, нисколько не смущаясь своим происхождением.

Кавалькаду встретила ответная делегация представителей Совета. Капфой сухо поклонился принцу Гвидо и вручил ему ответ королевы. Секретарь взломал печать, скрепляющую послание, и громко зачитал, лицо дофина менялось с каждым словом, оглашавшим окрестности замка.

— Да как они смеют!!! — вскричал оскорбленный принц. — Они отвергают нашу

искреннюю помощь, подозревая нас в обмане?! Нас называют предателями!!!

— Смею заметить Сир, но в письме содержится лишь просьба оставить королевство, сроки не указаны, королева просит сохранить суверенитет Лампеды. К тому же моя госпожа выражает Вам Ваше Величество свою благодарность за оказанную помощь, и просит принять ее скромный дар доблестным защитникам истинной веры... — мягко проговорил Мерандо.

— Ты кто такой? — багровея спросил Гвидо.

— Я Жак Мерандо маршал Лампеды и Мальдиды...

— Какого происхождения?

— Дворянин, некогда вышедший из мещан...

— Да как ты смеешь ко мне обращаться?! Плебей!!! — вскричал Гвидо.

От свиты отделился комендант лагеря Роальд Данберг, он подъехал к Жаку, и на скаку рассек маршалу горло, кровь брызнула фонтаном, окропив лицо и доспех убийцы. Тело Мерандо пошатнулось и начало крениться к земле. Франц Капфой, брезгливо морщась отъехал прочь, его выпученные глаза выражали непонимание и страх. Заработали луки и арбалеты, свита, что сопровождала Жака Мерандо, рассыпалась перед замком пытаясь спастись от стрел и болтов. Уйти никто не успел.

— Зачем? — выдохнул хранитель печати.

— Он оскорбил Его Величество! — отрезал Роальд и не глядя на Капфоя вернулся к королю. Откуда-то сверху раздался душераздирающий крик женщины, головы присутствующих повернулись на звук. На одной из крепостных башен стояла Елена в окружении рыцарей, ее корона сверкнула на солнце драгоценными камнями, и скрылась за зубцами.

— Франц! Принесите мне голову наглеца — потребовал принц.

Капфой несколько замешкался, но затем преодолевая тошноту, подступившую к горлу, слез с лошади. С трудом подавляя рвотные приступы, хранитель печати отделил голову Мерандо от тела. Неловко вытянув руку, он нес ее прямо перед собой. Подойдя к лошади принца, Капфой склонился, преподнося голову Жака.

Принц улыбнулся, схватил за волосы отсеченную голову и одним решительным движением насадил на пику. После чего высоко подняв вверх, и развернув коня вдоль построенного войска, проскакал с воодушевляющим криком перед строем воинов.

В стенах крепости шла борьба с королевой, ее едва успели перехватить у конюшни, и силой увели в покои.

Инквизитор, осторожно глядя сквозь опущенные ресницы на происходящее, тихо отдал приказание молодому послушнику, тот шустро скрылся в рядах копейщиков.

Воинство Священного похода ответило своему лидеру воплем восторга, и начало расходиться.

Свита Гвидо подъехала к телегам с золотом. Данберг выехал чуть дальше остальных к стенам замка, и сняв шлем, шутливо откланялся Елене, появившейся в окне, полуразрушенной башни. Охрана, оставив королеву в покоях, не могла и предположить, что она сможет пройти в башню первого ряда крепостных стен. Елена поклонилась в ответ, вызвав улыбку на грубой физиономии Роальда, и исчезла в глубине, а спустя мгновение вновь появилась. Лицо Данберга вытянулось и побледнело. Зазвенела натянутой струной, тетива боевого лука. Сомнение, возникшее на лице Роальда, вызванное уверенностью в том, что эта немолодая женщина просто не сможет попасть в него с такого расстояния,

сменилось разочарованием, когда стрела со свистом пробилась череп коменданта лагеря на вылет, опрокинув рыцаря в седле.

Шумная возня подле телег и веселый смех замаскировали случившееся, лошадь Данберга испуганно шарахнулась к свите. Рыцари удивленно уставились на мертвого всадника, не веря в случившееся.

Вторая стрела сбила с седла Эрика Трауствайтера, переполох взбудоражил свиту принца Гвидо. Смерть Трауствайтера потрясла расслабившихся рыцарей. Воины опрометью кинулись к лошадям и, прежде чем успели отъехать прочь, потеряли Константина. Стрела с сухим треском скользнула в щель забрала, клочкотание внутри и падение рыцаря не оставляли сомнения в том, что еще один мертв.

— Что случилось!!! — кричал Орде де Рудо выезжая на встречу бегущим.

— Стрелок! Стрелок! В Башне!!! — послышалось в ответ.

— Лучники!!! — скомандовал Орде осадив лошадь, на призыв начали сбегаться воины с луками, время, что потребовалось на оснастку луков, хватило для того, чтобы стрела выхватила еще одного из рядов доблестных воинов.

— Там, там в окне баба! — прокричал один из лучников, заметив Елену в окне полуразрушенной башни.

Орде взгляделся в сторону куда указывала рука воина, и оторопел.

— Вот сука! — вскричал, краснея от бешенства маршал.

— Лучники отставить! — скомандовал де Рудо. — Тысячу золотых тому, кто мне приведет эту бабу живой! — прогремел голос маршала над рядами воинов, собравшихся поглазеть.

Звякнули доспехи, заржали кони, топот сотен лошадей поглотил тишину. Елена, не двигаясь с места, пускала стрелу за стрелой, многие находили свою цель. Раненные и убитые падали под копыта лошадей товарищей.

— Тварь! — кипятился Орде, глядя как очередной рыцарь упал с коня. — Где она так научилась стрелять?

— У эльфов — мягко прозвучал голос, откуда-то сбоку.

Маршал скосил глаз и поморщился, рядом стоял инквизитор, с неизменной, мерзкой улыбочкой. Орде терпеть не мог Нофля, но приходилось мириться с его присутствием, поскольку того требовал его король.

— А вы откуда знаете? — грубо спросил маршал.

— Так известный факт! Странно, что вы не слышали. Елена выросла среди эльфов, она была аманатом. Когда ее папенька вчистую продул сражение на берегу озера Отаба, Роджер Мутноглазый воспользовался слабостью соседа, и взял в плен дочь короля. В последующих переговорах Оренея и Роджера, победило предложение эльфов, король Караманта получил Палеомию, а девочке пришлось отправиться в гости к остроухим. Судя по всему, она там даром времени не теряла... Опять попала — улыбаясь констатировал Нофль, глядя как очередной воин падает с коня.

— Понятно! — разочарованно протянул маршал, глядя в сторону, чтобы не видеть позора, творящегося у него на глазах.

Лошади достигли первого провала в стене, рыцари спешили и пошли в атаку, маршал посмотрел в сторону башни, королева исчезла.

— Куда делась, эта тварь? — словно отвечая на вопрос де Рудо, в окне полуразрушенной башни мелькнул силуэт Елены. Перехваченная неизвестным рыцарем за талию, женщина

сопротивлялась, и что-то кричала, но рыцарь неумолимо затаскивал ее все глубже в помещение.

— Кто это, не узнаю герб? — спросил неизвестно у кого де Рудо.

— Если не ошибаюсь, это герб Виола, возможно это Аугусто, командир гвардейцев короля Кейста! — бодро отрапортовал Гильом Нек, молодой рыцарь, входивший в свиту принца Гвидо.

— А этот тут, что делает? — удивился маршал.

— Они две недели назад прорвались в крепость, говорят, что пришли на помощь — доложил пожилой капитан, стоявший подле де Рудо.

— Откуда информация?

— Допрашивали пленных еретиков, они говорили, что неизвестные рыцари пронеслись через их ряды две недели назад, а затем укрылись в замке — объяснил капитан.

— Да, что там твориться? — снова взорвался маршал.

На взбирающихся рыцарей посыпались стрелы и камни. Воины падали, поднимались и продолжали медленно, но, верно, продвигаться к башне. Вот они ворвались внутрь, завязалась битва.

Аугусто тащил Елену все дальше по тайному проходу, женщина, сопротивлялась и угрожала рыцарю всеми земными карами. Виола не обращал внимания на угрозы. Вскоре присоединился Педро Додо, друг и соратник ее отца Оренея. Старик остановился на несколько минут в проходе и глядя в глаза Елене, сказал.

— Лена, что же ты наделала, ты же сдала замок! Из-за тебя погибнет столько достойных мужей! Они же сейчас найдут проход и пойдут на штурм, мы не удержим замок. Королева молчала, сверкая глазами на председателя Королевского Совета.

— Они убили Жака!!! Сволочи!!! — вскричала она в бешенстве.

— Ваше Величество... — начал Аугусто.

— Не смей ко мне обращаться, я прикажу тебя обезглавить!!!

— Елена!!! — крикнул Додо. — Остановись, он спас твою жизнь, его отвага вернула нам надежду!

— Он посмел нарушить мой приказ!

— Я не мог поступить иначе. Вы ваше величество должны думать о подданных. Вы символ. Ваша смерть, это победа врага! — запальчиво выговаривал королеве Виола.

Елена попыталась что-то ответить, но ее оборвал Додо.

— Он прав Лена. Погибнешь ты, погибнем и все мы, падет крепость. Мы не можем отдать тебя Аморатскому подонку.

Женщина заплакала, не в силах противостоять мужчинам.

— Они убили Жака — сквозь слезы жаловалась она Додо.

Старик гладил королеву по голове и прижимал к плечу.

— Поплачь Лена. Поплачь.

— Нам пора. За нами погоня. Я слышу шаги — Аугусто потянул за руку Додо, они побежали по темным коридорам потайного хода. Отсветы факела играли причудливыми тенями на кирпичной кладке сводчатых стен.

Путанные ходы, сети карстовых пещер, служили секретными проходами между имением и столицей, для многих поколений семьи Урбино. Во времена Арильда прадеда Кейста, новая династия расширила проходы. Тогда же строители натолкнулись на древний

подземный храм.

Ученые академии Караманта, прочли надписи на арке, предваряющей вход в храм, в которой говорилось: — «Путник пройди в дом прекрасной Халисы, премудрой, жизнь дарующей, любовью наделяющей! Получи благословение, посвятив самое дорогое, что дала тебе жизнь, и прекрасная Халиса не забудет твоей жертвы!!!».

За храмом так и закрепилось название святилище Халисы. Исстари мужчины семьи Урбино, оставляли тут свои дары, и к удивлению их врагов, выходили из многих передряг без потерь. Кейст не мог однозначно ответить, помогала ли кому-либо из его предков прекрасная Халиса, но традиция есть традиция, в свою очередь, и ему пришлось принести дар богине.

Одно Кейст точно знал, придя в храм он обязательно получит прилив душевных сил. Грудь переполняло чувство похожее на первую влюбленность, а мысли становились настолько четкими и ясными, что казалось, будто стоит только напрячься и ты услышишь, о чем думают твои спутники.

Сегодня, приближаясь к святилищу, Кейст впервые почувствовал тяжесть, душу заполнила непереносимая скорбь. Еще один поворот, впереди показались каменные ворота, под искусно выточенной аркой с написанным на ней приглашением древней богини. Слуги отворили тяжелые створы дверей, король шагнул внутрь. Приятный серебристый свет ударил по глазам, Кейст поднял руку, чтобы прикрыться. Из глубины что-то приближалось с тяжелым лязгом ступая по полу святилища. Мгновение спустя на короля вылетел рыцарь, облаченный в дорогие доспехи, с занесенным для удара мечом. Инна вскрикнула, и подалась назад.

— Место!!! — хлестко распорол застоявшийся воздух голос короля, отразившись многократным эхом от стен святилища.

Лязг смолк, меч, высекая искру, звякнул о резные плиты пола, и рыцарь направился в обратный путь к своему посту. Кейст подошел к постаменту, на котором возвышался каменный гроб, его поверхность испещрили знаки, похожие на те, что украшали арку входа. Надпись на саркофаге ученые так и не смогли перевести.

Мертвый рыцарь остановился в изголовье гроба. Кейст поднялся по ступеням, и склонился над прозрачной гладью геля, заполнявшего все пространство саркофага. Из глубины, словно нарисованное проступало тело Кати, казалось, что девушка спит. Глаза двигались под закрытыми веками, давая жизнь длинным ресницам. Нежное лицо выделялось необычайной белизной, на которой рдели кораллом, точенные губы девушки.

Король тяжело опустился на колени, и прислонился лбом к краю гроба. Инна удивленно смотрела на Кейста, пожилая женщина впервые видела, коронованного племянника таким слабым. Несколько минут спустя король поднялся, и взмахом руки позвал внука.

— Подойди Эбон. Посмотри.

Эбон, склонился над гладью геля, с любопытством рассматривая совсем забытые черты матери. Он впервые видел ее после того, как их разлучили люди Чилиади.

— Это твоя мама — тихо проговорила Инна.

Он качнул головой, замороженно глядя на прекрасную девушку, повисшую в подвижной массе прозрачной жидкости. Ее молодость не вязалась со словом мама, отчего Эбону казалось, что все происходящее нереально.

— Ирония судьбы, тот кто больше всех желал ее смерти при жизни, стережет ее жизнь после смерти — задумчиво сказала Инна, украдкой взглянув на Леши.

— А кто это? — спросил Эбон, с нескрываемым страхом глядя на рыцаря.

— Леши Инериит, потомок древнего королевского рода Инерейтов. Король Лампеды, супруг Катарины Урбино, твоей матери. По совместительству подлец, и извращенец, недостойный погребения — поживаясь ответила Инна, ее плечи заметно повело.

— Он мой отец?

— Нет! В тебе нет его крови. Твой отец... Твой отец из простонародья, но он стоил десятка таких как этот — Кейст указал на Леши, гримаса отвращения исказила лицо короля.

— Твой отец обладал даром, столь редким и удивительным, что проживи он чуть дольше, его либо возвели бы на трон, либо назвали бы новым пророком. Однако, воля слабого человечка оборвала жизнь гения, дарующего долголетие. Судьба, к сожалению, не справедлива. Негодяи правят и живут, не зная горя, а достойные гибнут от их рук, прозябая в лишениях и страданиях — проговорил король.

Кейст взял под руку Инну и медленно направился к выходу, оставив сына наедине с матерью.

Проклиная все на свете Саймон Первый возвращался обратно к столице. Имение Урбино оказалось пустым. Насмерть перепуганные селяне сообщили, что король ушел под землю. Много лет назад, будучи еще юным, Саймон слышал легенды о подземном проходе ведущем из Адры в Кромы. Тогда ему показалось, что это досужие вымыслы, существующие в каждом поселении, где проживают древние семьи. Усадьба такой семьи обязательно имеет некую, таинственную часть строения под землей, ведущую к тому или иному знаковому месту.

Теперь же наместник столкнулся с реальностью, подземный проход существовал. Сообщения, присланные Тулио, пестрели сведениями о многочисленных, разветвленных коридорах, проложенных в карстовых пустотах на неопределенное расстояние. Разместив гарнизон в Адре, Саймон снарядил погоню, из десятка верных рыцарей. Воины должны были обнаружить короля и его внука в катакомбах, а далее сделать так, чтобы они оттуда никогда не вышли.

После, не теряя времени, Наместник выступил в поход к столице, рассчитывая успеть в Кромы вперед Кейста.

Яркое солнце раскалило центральную площадь столицы, надрывно бил городской набат, призывая горожан в центр столицы. Не понимая, что происходит люди высыпали из домов и широкой рекой вливались на Судную площадь. Эшафот, подготовленный к казням, прижался к стене ратуши, нагнетая мрачности стругаными досками, впитавшими кровь многочисленных жертв. Часть площади отгородили воины, в старинных доспехах, такие носили сто лет назад. Кое-где ржавчина проела дыры, сквозь которые белели кости, тяжелые мечи и копья смотрели на зевак.

Набат смолк, прозвенел рог, и из раскрытых врат дворца выехал кортеж. Впереди, слегка раскачиваясь в необычном седле, ехал всадник в черном. Королевская тиара давал понять, что перед простолюдинами сам король. Необычная лошадь, похожая на скелет, несла хозяина чуть впереди остальных всадников свиты. Следом на гнедых лошадях ехали чернокожий юноша, и пожилая леди, увидев которую горожане сняли шляпы. В народе Инна считалась почти святой, ее многолетняя забота о городских низах, снискала женщине любовь черни.

— Король Кейст правитель Караманта, владетель Палеомии, Изумрудных холмов, и всех земель, что находятся на восток от Седых гор!!! — прокричал герольд.

Народ всколыхнулся, не узнавая Кейста.

— Наследный принц Караманта, Лампеды и Мальдиды Эбон Урбино!!! — продолжил звонкий голос герольда.

— Ее Сиятельство Инна Урбино владетельница имения Арды, сестра покойного короля Роджера!!!

Люди заволновались, послышались крики особо дерзких.

— Короля на плаху!!! Проклятого Кейста в огонь!!!

В руках горожан показались копья, ножи и молоты, толпа наперла на эшафот. Раздались первые крики и стоны, воины в древних доспехах рубили, кололи, наступая на толпу, люди падали, от точных ударов мертвецов Кейста. Топоры и молоты черни, не приносили особого вреда мертвым воинам. Поднялась паника, простолюдины, давя друг друга ринулись прочь с

городской площади. Узкие улочки не позволяли всем желающим покинуть лобное место. Образовалась давка, люди гибли сотнями, а рыцари Кейста неустанно кололи, рубили и наступали на обезумевшую толпу. Жители попытались бежать из города, но ворота оказались заперты, стражу составляли те же мертвецы, убивавшие любого, кто пытался выбраться за городские стены.

На следующий день жителей вновь согнали на площадь, на этот раз горожане, запуганные террором, смиренно внимали словам ненавистного им монарха.

Кейст сидя на жутком скакуне, обратился к горожанам.

— Мои подданные, с прискорбием должен отметить, что вы оказались не достойны моего правления! Стоило кучке предателей известить вас о моей гибели, как вы отвернулись от моей семьи! Едва не погибла моя дочь, Ваша королева, вы желали расправиться с моим внуком, наследным принцем Эбоном, наконец вы обвинили меня и членов королевской семьи в некромантии. Вы обвинили меня и мою семью в болезнях, что обрушились на земли моего королевства. Как ваш король, я должен предать вас суду и по вине казнить, но я милостив. Потому, что я ваш король!!! Я прощаю вас!!! Знаю, что всем вашим поступкам есть причина. Козни моих врагов, врагов нашего королевства!!!

— Ваши враги не моя семья, а Верховный жрец Скюло, возжелавший мои земли, мажордом Саймон Чилиаде, сговорившийся с церковью, что завистливо покушается на священный принцип королевской власти. Вероломные и жадные аристократы, те, что много веков сосут из вас кровь. Все они будут наказаны! Каждый в свой срок! Сегодня же я прикажу казнить смутьянов, что возглавляли восстания против моего дома, а также священников, склонивших вас, честных людей, к бунту!

Несколько минут спустя, заработал эшафот, бесконечная вереница, изрубленных тел, боль и ужас потрясли жителей Кром.

В ночь горожане вновь выступили против короля-отступника. Двое суток город скрывал дым пожарищ, утро третьего дня Кромы встретили тишиной. Мертвое воинство, запрудив узкие улочки, темной массой выливалось из городских ворот, заставляя пригороды в страхе разбегаться по ближайшим лесам.

Прозрачный воздух морозного утра приятно охлаждал кожу. Лужи хрустели тонким ледком под копытами коней, смерзшаяся земля со звоном отдавала каждый шаг. Желтая листва устилала опушку леса, поля, раскинувшиеся впереди, блестели на осеннем солнце, лаковой стерней сжатых хлебов. Тишина усиливала ощущение хрустальной чистоты окружающего мира.

Перонада высилась на противоположной стороне поля. Предыдущей ночью дым пожарищ доносился до лагеря Саймона, утром его армия вышла к городу, и наместник потерял дар речи.

Весь горизонт занимало войско Кейста, то самое войско, что два года назад испугало жителей Караманта. За рядами мертвецов высились руины сгоревшего города, еще чадившего остатками пожарищ, но южный ветер относил дым прочь.

Войска Чилиаде остановились в нерешительности, Саймон ожидал увидеть неприятеля, но то, что предстало его глазам вызвало первобытный страх. Стараясь перехватить инициативу, Наместник послал делегацию к Кейсту, спрятав истинные намерения за предложением перемирия. Отвлекая короля, Чилиади отправил конницу в обход рядов противника, рассчитывая застать Кейста врасплох ударом с флангов или если повезет с тыла.

Спустя полчаса навстречу войску Саймона выехали десять рыцарей, в старинной броне, с тяжелым вооружением времен первых королевств. На высоко поднятых пиках, рыцари несли головы вельмож из делегации Саймона. Кавалькада мертвецов, пробренчала на конях, подаренных Братями, перед войском Наместника, приведя одним своим видом в ужас первые ряды.

Стрела глухо ткнулась в щель между сегментами доспеха, мертвый всадник точно не заметил ранения, его конь, не сбавляя скорости уносил рыцаря к своим построениям. По войску Саймона прошел шелест, не предвещавший ничего хорошего. Напрасно Наместник боялся бегства войска, прежде чем он решился что-либо предпринять, прозвучал сигнал к началу атаки.

Со стороны Перонады двинулась лавина мертвецов. Впереди шли рыцари, не сбавляя хода они врзались в строй, сбивая и калеча все на своем пути. Выставленные пики и копья не остановили бега мертвых всадников, беспощадно рубя и дробя живых, рыцари Кейста разрезали войско Наместника пополам. Стрелы со свистом вонзались в тела врагов, не причиняя им вреда, лучники побежали, но задние ряды их остановили, а сотни заставили вновь построиться, и вести стрельбу по лавине, наступающей со стороны сгоревшего города.

Подоспели пешие воины-мертвецы, в общей свалке, никто не заметил удара зашедшей в тыл Кейста конницы Саймона. Под королем убили лошадь, но Кейст продолжал разить стоя над павшим жеребцом. Рыцари нападали со всех сторон, несколько раз его пронзили копьем, но булава Кейста без устали сокрушала врагов. Удар конницы Саймона, разметал тылы мертвого воинства, но вопреки ожиданиям Наместника пехота некроманта не побежала. Покалеченные мертвяки поднимались, и продолжали бой. Даже потеряв все конечности, они бились в жутких конвульсиях, сиюсь подняться для того, чтобы продолжить убивать.

Постепенно силы Кейста редели, король попытался поднять павших воинов, энергия не пришла, еще несколько раз Кейст вызывал силу, но тщетно. Его дар некроманта исчез вместе с даром Братьев.

К полудню поле устлала костяки древних воинов, и тела их противников. Кейст как гора, разбрасывая волны врагов шел вперед, стремясь добраться до ставки Саймона, которая маячила на холме возле кленового леса. Там реяли королевский штандарт и Символ наместника, лучшие воины Кривого окружили патрона. Саймон испуганно вглядывался в силуэт в черном балахоне, с надвинутым на лицо капюшоном. Воины старались обходить короля-мертвеца. Один смельчак, разогнав лошадь снес Кейста, пронзив копьем насквозь. Лицо Саймона озарила улыбка надежды, и тут же, следом перекосила гримаса ужаса. Кейст поднялся, и протащив копье сквозь тело швырнул его в ближайшего рыцаря, сбив воина с ног. Вернулся рыцарь, поразивший Кейста, что-то мелькнуло и лошадь, заржав повалилась набок. Нога рыцаря застряла в стремени, а бок коня прижал воина к земле. Пытаясь освободиться, рыцарь не заметил, как сверху выросла тощая тень некроманта. Поднявшись на тело скакуна, король тяжело размахнулся и нанес удар. Шлем лопнул в теменной области, содержимое выплеснулось наружу розово-серой массой, руки воина безвольно упали на тело. С нескольких сторон на Кейста посыпались удары гизармами и копьями.

Мертвые методично перемалывали армию живых, забирая по несколько жизней в обмен на успокоение. Конница Наместника погрязла в толпах оживших покойников, началось бегство солдат. Живые не выдерживали бессмысленной жестокости противника, отсутствие страха смерти делало воинов Кейста непобедимыми.

Сначала послышался жуткий вой, затем задрожала земля, и вскоре с фланга налетела

мертвая кавалерия Кейста, ее вел рыцарь в багровом доспехе.

Армия Саймона перестала существовать, войска побежали, наступаемые воинами на скелетированных лошадях. Много достойных рыцарей пало в тот день, на полях под стенами Перонады.

Ставка попыталась остановить бегство войска, но, когда стало ясно, что все попытки тщетны, Наместник приказал отступать к основному лагерю. К нему подвели лошадь, Саймон прыгнул в седло, но через секунду подлетел в воздух, и с силой ударился о землю. Рядом тяжело ухнула туша скакуна, двое воинов отлетели в сторону. Кто-то из гвардии пытался закрыть Саймона, но огромная булава со свистом снесла препятствие. К Чилиади подошел Кейст, он волочил оружие за собой, оставляя глубокую борозду на не паханной земле. Король хромал, израненное тело перекошило, с левой стороны висел сухой обрубок перерубленного плеча. В боку, вывернув несколько ребер наружу, торчал обломок копья. Оторванный капюшон оголил обтянутый кожей череп мертвеца, с несколькими зарубками на темени от ударов топором. Глаза Кейста горели красным, рыцари в нерешительности отступили, и секунду спустя кинулись по коням, надеясь спасти свои жизни.

От поля приближалось несколько всадников-мертвецов во главе с рыцарем в багровом доспехе. На холм въехал воин с синим плюмажем, не сбавляя хода он подхватил насмерть перепуганного Наместника. Перекинув его через седло, смельчак погнал скакуна следом за отступающей армией.

Тяжелая ноша сделала лошадь медленной, и вскоре конные Кейста нагнали Саймона, и его спасителя. Воин смело сражался, но быстро пал, а наместник сдался в плен. На веревке, в поводу лошади, багровый рыцарь подвел Саймона Чилиади Наместника Караманта к королю Кейсту. Мрачный взгляд пронзил Наместника.

— Здравствуй Саймон! Ты, говорят, Наместником стал?!

— Кейст ты погиб, мне сообщили, что твое тело пропало! Что мне оставалось? Королевство нельзя бросить на произвол судьбы, кто-то должен править. Кто если не я, твоя правая рука...

— Ну, ну. Не преувеличивай. Моей правой рукой был Терис, а ты его посадил в башню. Дочь мою тоже запер в покоях, отлучил от сына, а затем выдал святошам. Вроде ничего не забыл, а еще одно, ты выбил всех мужчин моей семьи.

Наместник молча, опустил голову.

— Подними глаза, и смотри на короля, когда он с тобой изволит говорить!!! — перепугано, подняв глаза, Саймон уставился на Кейста бессмысленным, невидящим взглядом.

— Кстати Терис был против, чтобы я тебя казнил, когда возьму в плен. Старый добряк. Все-таки сланный малый наш архивариус. Но я не Терис, мое великодушие не столь велико. Ты так много говорил о испорченности семьи Урбино, ее проклятье, моей службе Агару, что я и сам поверил в правдивость твоих слов.

— Я никогда не говорил таких слов! — закричал в отчаянии Наместник.

— Ты не говорил, а попы, с которыми ты в сговоре, только этим и занимались. За измену, подстрекательство к бунтам, оговор и покушение на жизнь особ королевской крови, я, истинный король Караманта, приговариваю тебя к смерти. Четвертуйте его! — Кейст кивнул головой в сторону Саймона.

Наместник глухо вскрикнул, и попытался сопротивляться, когда его потащили к поваленному столбу навеса.

Королю подвели жуткого коня, он с трудом взобрался в седло, и оглянулся на поле брани. Там остатки войск Саймона продолжали битву, окруженные мертвецами.

— Что делать с пленными?! — спросил рыцарь в багровом доспехе.

— Всех убейте, кто поднял против меня меч должен умереть! — прозвучал приказ Кейста.

Шпоры короля коснулись боков скакуна, лошадь понесла всадника к основанию холма. Кейст даже не взглянул в сторону кричащего мольбы Саймона, он отправлялся в погоню за бежавшими остатками армии Наместника. Немногие из рыцарских домов Караманта смогли пережить бойню, учиненную Кейстом в своих владениях. Лишь несколько человек из рода Чилиади выжили, случайно оказавшись в момент возвращения короля в землях Амората.

Брат Саймона, Рольф Благословенный поклялся уничтожить семейство Урбино и освободить Карамнат от ига короля-мертвеца. В стремлении к чистоте веры, он покорила сердце самого Верховного жреца, и Скюло призвал Священный поход в земли Некроманта.

Совсем неприметный поворот привел рыцарей к необычной арке, наглухо запечатанной мощными створами каменных дверей. Сверху причудливо вились буквы древнего языка, что-то пытаюсь сказать незваным гостям.

Высокий рыцарь скомандовал, чтобы двери отворили. Тяжелые створы, с сухим треском сдвинулись с места, открывая помещение, погруженное в серебристое сияние. Свет разорвал плотную темноту бесконечных коридоров катакомб.

Колоннада вдоль стен, алтарная часть с саркофагом, возвышающимся на высоком постаменте. Груды золота, серебра и драгоценных камней, рассыпанных вдоль стен, полностью скрывали ряд мраморных стел с надписями.

— Ковельт, шестнадцать лет. Пожертвовал Звезду Севера во имя прекрасной Халисы, да будет богиня благосклонна к нему и его потомкам, да дарует мудрая удачное правлению молодому монарху!!! — прочел один из рыцарей, откопав часть стелы.

Внизу надписи горел странный знак, нанесенный неизвестной краской. Сдвинув золото, рыцари увидели десятки других записей, под каждой неизменно горел необычный знак.

— Сколько же лет они жертвовали демону?! Еретики! — произнес сухопарый Чаваро. — Да тут поколения, отец, сын, дед...

— Уничтожить храм слугителей нечистому! — раздался приказ, командира отряда, высокого рыцаря в полном доспехе.

Воины ринулись крушить мрамор стел, постепенно продвигаясь к саркофагу. Один из вандалов взбежал на возвышение и уперся руками в край базальтового гроба, и тут же застыл, пораженный красотой Катарины. К нему подоспели товарищи, взглянув на покойницу они также замерли у края.

— Это наваждение! — вскричал сухопарый Чаваро, и начал расталкивать рыцарей. — Да очнитесь же!!! На раз, два раскачиваем и переворачиваем это оскорбительное для любого верующего человека извращение человеческой природы.

— Но она жива! Девушка дышит! — попытался воспротивиться молодой, высокий блондин, плененный красотой Кати.

— Чепуха! Что ты мелешь Валентин? Давай берись за тот край. Саркофаг разобьем, а голову этой ведьмы отсечем, думаю нам неплохо заплатят за нее — скомандовал высокий в полном доспехе.

— Да, ты прав Каврато. Я вчера слышал в ставке господина Саймона, что они ищут дочь

последнего короля. Что-то говорили о захоронении в пещере. Думаю, что это оно и есть? — поддержал высокого коренастый обладатель кучерявой бороды.

— Так и есть Вульд — Каврато кивнул бородатому.

Под общим напором саркофаг поддался, и начал двигаться к краю платформы. Блондин отказался участвовать в акте вандализма, встав в стороне он раздраженно кусал губы. За спинами вандалов, что-то звякнуло, рыцари не успели повернуться на звук. Широким веером кровь окропила базальт гроба, и с плеском, полилась по ступеням алтаря. Бардовые потеки стремились заполнить все мельчайшие неровности и трещины пола.

Пятеро упали сразу, рассеченные со спины пополам. Высокий Каврато, едва не свалился в саркофаг к спящей королеве, а один из рыцарей, скрипя помятым панцирем по цветным плитам пола, пролетел несколько метров по храму.

Не веря глазам, Валентин, наблюдал как из глубины храма вышел рыцарь в дорогом доспехе, и одним ударом разрубил бедолагу, что отлетел от гроба Катарины. Позади вырос сухопарый Чаваро, одноручный меч скользнул по гладкой поверхности дорогой кирасы. Рыцарь из храма развернулся к сухопарому и легко отошел в сторону, нацеленный удар Чаваро ушел в пустоту. Валентин взглянул на саркофаг, там, пуская кровавые пузыри умирал рассеченный пополам Зульбарг, правая рука командира. Каврато склонился к другу, но оскользнулся и съехал по ступеням постамента на пол храма. Упал сухопарый, из кульги отсеченной руки хлынула кровь. Быстрый укол пробил гамбезон Чаваро, меч рыцаря из храма сломался в доспехе. Ловко перехватив обломок, он добил раненного перекрестьем меча, орудуя им на манер топора.

Рыцарь храма повернулся к Валентину. Ударил обломок меча, но прошел мимо, в горло блондина впилося железо боевой перчатки. Страж плотно обхватил шею Валентина и оторвал воина от земли, в нос ударил запах тлена. Вглядевшись, юноша скорее почувствовал, чем увидел, что перед ним мертвец.

За спиной мертвеца что-то глухо стукнуло. Швырнув на землю Валентина, страж развернулся и одним ударом вогнал рукоять меча в шею обладателя кучерявой бороды, немного выше ключицы. Кровавый фонтан ударил из раны, с угрожающим шипением разбрызгивая горячую жидкость.

Храм огласил безумный вопль. На мертвеца набросился командир Каврато, его топор несколько раз сильно ударил по кирасе, оставляя глубокие зарубки в металле, а затем скользнул по шлему врага. Страж неуклюже пытался поймать верткого противника, нелепо проваливаясь всем телом, когда обломок меча наносил мощные удары. Топор с противным лязгом задел руку мертвеца, разрубив наруч, но ноги командира поехали, и он рухнул на спину, прямо перед стражем. Скользкий гель предательски опрокинул Каврато, он нечаянно плеснул его на ноги, когда едва не свалился к Катарине.

Леши второго шанса не требовалось, обломок его меча точно пробил лоб командира, проломив переносицу, и громко скрипнув железом о пол.

Не помня себя от страха Валентин бежал из склепа, ошибочно принятого ими за храм.

Медленно, словно понимая, что ему спешить некуда, Леши подошел к дверям храма и закрыл тяжелые створы. Лязгая по плитам, он вернулся к саркофагу, постоял немного, поправил гроб на алтаре, и отошел в тень между колоннами. Еще раз лязгнув, мертвец замер в изголовье ложа Катарины.

Свеча догорала, чадя фитилем. Комната с поделенными косою решеткой окнами, погружалась во мрак. В круге света белым пятном выделялось располневшее, но еще красивое лицо Елены. У дверей, в тени, сидел Виола, мужчина сложил огромные руки на груди. Темнота клонила Аугусто в сон, он то и дело клевал носом, поминутно возвращая себя к реальности. Королева склонилась над книгой, и делала вид что читает.

— Эльфийский! — подумал про себя ночной страж королевы, бросив попытки прочитать название.

Додо категорически не желал ставить рыцаря чужого королевства в охранение, но Елена настояла, чтобы именно Виола остался в ее спальне на ночь. Сославшись на то, что остальным она не доверяет. Додо понимая, что это очередной каприз королевы, стоически сносил причуды своей любимицы. Но предпринял необходимые меры к дополнительной защите Елены, сразу за дверью располагалась охрана из пяти человек.

Глава королевского совета перекрыл все известные ему потайные проходы, времени отдыхать почти не осталось. Внизу, у секретного входа, шла битва. Где, сменяясь, рыцари взаимно уничтожали друг друга. Пять долгих дней с начала штурма, прошли в тяжелых боях. Потери были не велики, но с каждым днем противник продвигался все ближе к проходу за третье кольцо оборонительных сооружений Белого Камня.

Додо приказал подготовить тайные ходы к обвалу, чтобы в случае бегства, хоть ненадолго задержать врага. В том, что крепость падет со дня на день, глава королевского совета не сомневался. В массиве горного хребта, к которому притулился Белый Камень, Бластиты издавна проложили широкие дороги, что вели к портовому городку Альбаро. Советник распорядился, чтобы там постоянно держали под седлом резвых скакунов. В случае падения замка, он планировал этим путем вывезти взбалмошную королеву.

— А вы знали, что эльфы отпустили первого короля людей, Инериита Великого. А война, и освобождение, это миф, созданный для героизации старой династии? — спросила Елена, глядя в сонные глаза Аугусто, лениво смотревшие из-под берета на королеву.

— Нет Ваше Величество, мне это не известно. Я мало знаком со школьной ученостью, мой отец учил меня держать меч и твердо сидеть в седле — равнодушно ответил Виола.

— Мне вас жаль, у вас не было детства — искренне проговорила Елена.

— Ну почему же? Мое детство было наполнено озорством, и приключениями. Отец часто порол нас. У меня три брата, но более остальных в озорстве усердствовал ваш покорный слуга. Я старший, поэтому и спрос с меня всегда был строже, но я не могу сказать, что у меня не было детства. Помню, мы как-то оправались на охоту, и я сделал вид, что потерялся в лесу. Хотел поугубить отца, а потом и впрямь заплутал. Неделью я искал дорогу домой, как будто, кто водил. Меня нашел лесничий отца, он и вывел к дому. Я думал отец меня убьет, но нет, он убедился, что со мной все в порядке, и не говоря ни слова зарядил такую затрещину, что у меня клацнули зубы.

— Отец вас не любил? — удивленно спросила королева, глядя в разгоряченное воспоминанием лицо собеседника.

— Любил, но он был очень суровый человек. Странно, я даже не заплакал. Только удивился и спросил: — «За что?». А он помолчал, и сказал: — «За слезы матери». Тогда я впервые осознал, что наши поступки всегда имеют последствия, то, что мы делаем

отражается на тех, кто рядом с нами.

— Понимаю — протянула Елена, обдумывая слова Аугусто. — Я виновата перед своими подданными. Виновата перед вами. Простите — произнесла она. — Но я всего лишь женщина, я хотела немного счастья — слеза покатила по щеке Елены. — Когда Леша меня упрятал в монастырь, лишив всех привилегий и статуса, я попрощалась со своей жизнью. Серые дни текли один за другим, пока главой стражи не назначили Жака. Сначала он меня страшно раздражал. Мужлан, из простонародья — на губах Елены заиграла мечтательная улыбка. — Для меня выросшей среди эльфов, и впитавшей образцы высокой культуры, поведения это казалось неприемлемым. Но его природный такт и редкое для мужчин умение слышать, сделали невозможное. Уже через месяц, я увидела в этом человеке столько достоинства, такое чистое отношение к жизни, к людям, до которого так далеко родовитым аристократам, населявшим двор моего отца. Он так нежно относился к нашим чувствам. Его неловкие ухаживания меня тронули. Жак единственный человек, который меня по-настоящему любил.

Елена умолкла, по полным щекам увядающей красавицы, покатались слезы. Блестящие, мокрые глаза искали понимания у незнакомого мужчины, ставшего случайным свидетелем ее слабости.

— Его смерть сделала мою жизнь бессмысленной, я потеряла якорь, давший грядущей старости причал.

Аугусто молчал, не умея успокоить несчастную женщину.

— Мне жаль, что жизнь обошлась с вами так несправедливо — помолчав с минуту отозвался Виола. — Я помню, как вы спасли вашего супруга, заплатив огромный выкуп за его свободу. Злые языки, тогда говорили, что проще было сразу заплатить дань эльфам, и то получилось бы дешевле, чем возвращать короля неудачника. И очень удивился, что спустя столько лет совместной жизни, он вас отправил в монастырь, поменяв на молодую принцессу.

— Не стоит винить моего супруга. Он думал о королевстве. Трон Лампеды нуждался в наследнике. Хотя признаюсь, я его ненавидела, а после стала презирать, когда узнала о судьбе юной Катарины. Прожив с человеком двадцать лет, не могла предположить, что он способен так низко пасть.

— Я его не виню, да и нет у меня такого права, он король, а я лишь гвардеец. Но чувство долга, умение ценить преданность и принимать удары судьбы достойно, есть суть короля. Прошу прощение Ваше Величество я сейчас говорю лишнее...

— Не надо официоза, когда мы находимся наедине, Аугусто. Лицо женщины приблизилось к удивленному охраннику, свеча догорела, погрузив комнату во мрак, и в тишине послышался шелест снимаемого платья, звуки поцелуев и утробные стоны страсти.

Протяжный гул набата разбудил Белый Камень, жители сбегались на центральную площадь.

— Начался штурм, нужно, чтобы мы все встали на защиту последнего оплота нашего королевства. Солдат гарнизона нуждается в поддержке каждого жителя цитадели, которую он обороняет ценой собственной жизни!!! Так встанем плечом, к плечу и дадим отпор супостату!!! — произнес духоподъемную речь Педро Додо.

Речь не произвела особого впечатления на обывателей, и они без желания прошли в арсеналы, где им роздали оружие. Через полчаса ополчение следуя приказам сержантов направилось на стены обороняемой цитадели. Женщины варили смолу и топили жир,

лазарет готовился принимать раненных, дети суетились в зоне досягаемости, оставаясь на подхвате.

Привезенные по приказу Орде де Руде, дополнительные требушеты наконец собрали и установили на позициях. В воздухе загудели каменные ядра, огромные шары размалывали стены цитадели. По насыпи, отсыпанной местными крестьянами, которых согнали участники Священного похода, к башне подползла стенобитная машина, затем еще одна к стене в пятидесяти метрах от первой. Гулкие удары сотрясали кладку замка, смола и растопленный жир полились со стен, огонь нехотя занялся на машине. Воины Священного похода, горящими факелами разбегались в разные стороны. Немного погодя они падали на землю и катаясь в страшных корчах, затихали.

Требушеты обрушили верхний этаж центральной башни, строение рухнуло, погребая под собой десятки лучников, в замке занялись пожары. Мальчишки и женщины таскали в ведрах воду и заливали огонь. Пожарная команда баграми и топорами растаскивала деревянные части постройки, но рук не хватало, стали поливать водой все, что могло вспыхнуть, чтобы оградить остальную часть цитадели от огня. Каменные шары влетали во внутренний двор давя и раскидывая людей. В одном месте разбило два котла со смолой, снова вспыхнул пожар. Следом прилетел огненный снаряд. Размазав мальчишку, стоявшего у него на пути, он влетел в арсенал. Крыша здания обрушилась, руины занялись пламенем, внутри оставалось несколько десятков солдат, которые не смогли выйти из-за обрушений. Дикая крики горящих заживо, заглушили шум боя. Все пространство перед Белым Камнем, заняли войска штурмующих. Вялая стрельба со стен цитадели не приносила особого вреда воинам Священного похода.

Кинулись искать королеву, в комнате ее не оказалось, как и Аугусто Виолы. На лбу советника выступили капли пота, Додо догадался, что произошло. Стараясь не поддаваться отчаянию, советник, приказал оправить за рыцарями из королевской роты. Вбежал паж, протягивая письмо от Елены. Трясущимися руками Педро сломал сургуч печати, и прочел.

«Дорогой Педро, прости свою Неугомонную пичугу, но я не могу поступить иначе. Я не могу покинуть Белый Камень, без королевы он падет. Я остаюсь, и, если сложится так, что я погибну, заклинаю тебя отдай корону Эбону, сыну Кейста. Знаю, что для тебя это будет непростым решением, но ради меня, ради нашей многолетней дружбы исполни мою последнюю волю. Надеюсь, ты меня поймешь, дочь Орenea Освободителя не может себе позволить бежать перед врагом. Со мной остается преданный страж Аугусто, если, случится самое худшее, он не позволит взять меня живой.

Твоя Неугомонная пичуга».

— Я казню эту падлу! Пусть только попадет мне в руки этот гаденыш Виола. Я его четвертую!!! Мудак!!! Мудак!!! — орал вне себя Додо.

Паж и члены совета испуганно шарахнулись в сторону. Им никогда прежде не приходилось видеть старика в таком гневе. Педро Додо начал службу еще при Рено, деде Елены, и видел своими глазами Священный поход против эльфов, но даже та катастрофа не вызвала в советнике таких эмоций.

— Она баба дура, а Виола рыцарь, воин, романтик хренов... — никак не мог успокоиться глава Королевского совета.

Постепенно старик начал приходить в себя.

— Где она?! Кто знает?!

Вместо ответа паж указал рукой на башню, высившуюся над дворцом.

— Срочно выслать гвардейцев, Елену доставить к часовне Агрипины! Аугусто Виола арестовать и поместить под стражу! — скомандовал Педро. — Идиоты! Дел у меня больше нет как за вами бегать! На кону судьба королевства, а она... — бурчал про себя Додо, продвигаясь с отрядом к часовне святой Агрипины.

Башня оказалась замурованной изнутри, все попытки взломать дверь не принесли результата. Елена грозно приказала гвардейцам оставить ее в покое и отправляться на стены. Оглушительный грохот заглушил ее голос, стена осела, образуя пролет, в который ворвались войны противника. Они втекали как ручей бурной реки, разливаясь по двору цитадели. Стрелы королевы разили наповал, в ответ начался обстрел со стороны противника. Гвардейцы ринулись на врага, завязалась жаркая сеча. Щит Виолы отбивал вражеские стрелы, прикрывая королеву. С сухим треском ударяясь о железную поверхность они отскакивали в сторону.

Неожиданно Елена почувствовала, что кто-то целенаправленно охотиться за ней. Королева спряталась за зубцами башни и пристально вгляделась в позиции врага. Над головой гудя пролетело каменное ядро, затем второе, башня оказалась под огнем требушетов.

— Скоро конец — спокойно произнесла Елена, Виола кивнул.

— Да, это вопрос времени. Скоро они попадут в цель, и тогда нам конец.

Неожиданно обстрел прекратился, Елена видела, как Гвидо, что-то гневно кричал в лицо маршалу де Рудо, тот красный как рак молча смотрел себе под ноги. Затем маршал вскочил на коня и ринулся к стенам замка, за ним последовали два десятка рыцарей.

Лошадь мчалась к стенам проклятой цитадели, где пряталась одуревшая королева, стрелы которой забрали столько жизней выдающихся рыцарей. Разрушенные стены быстро приближались, вскоре пришлось осадить коня и спешившись подниматься по узким улочкам Белого Камня. Гнев душил прославленного воина, отповедь принца, на глазах у подчиненных привела де Рудо в бешенство. Приказ использовать требушеты на последнем этапе штурма замка, вызвал гнев Гвидо. Видели те он хочет сделать подарок отцу, поэтому ему нужен замок, а не руины. Мелкий говнюк! Столько потеряно хороших воинов, а этот за камни переживает. Отчитал как мальчишку! Его, старого воина, отправил на передовую, в мясорубку. Ну и хрен с ним, сейчас он покажет заносчивому недомерку как должен воевать настоящий рыцарь. Сейчас он возьмет треклятый дворец, а потом разберется со старой потаскухой.

Маршал увлекся мыслями, и потерял чувство реальности. Ненависть к проклятой потаскухе, затмила его отточенное годами войны, чутье. В подзорную трубу он видел, как эта белобрысая тварь забралась на донжон при дворце, и обстреливала оттуда его воинов. В тягостных раздумьях, маршал неожиданно вынырнул из-за поворота, и подняв голову совершенно четко увидел ее.

Женщина стояла в полный рост на вершине донжона, ее тело характерно изогнулось с натянутым в руках луком. На секунду их взгляды встретились, по крайней мере так показалось де Рудо. Елена находилась слишком далеко, чтобы точно сказать куда смотрела королева. Машинально вздернув руки, маршал попытался прикрыться щитом, но стрела вошла точно в смотровую щель, опрокинув де Рудо на спину. К павшему военачальнику тут же начали стекаться рыцари, убедившись, что де Рудо мертв, они попытались его вынести.

— Как она попала с такого расстояния? — поразился молодой рыцарь.

— У нее эльфийский боевой лук, они бьют очень далеко — ответил седой сержант.

Удивительно что так метко! Эта сучка поднаторела в стрельбе — проговорил воин, стараясь не выходить на линию обстрела.

Внимание воинов привлек шум, донесшийся со стороны их лагеря. Звуки труб, призывали воинов к принцу.

— Что случилось? — вытянул шею удивленный сержант.

Внизу разворачивалось что-то удивительное. Сначала со стороны лагеря вылетели рыцари в поблекших от времени доспехах, на чем-то, что очень отдаленно напоминало лошадей. С ходу всадники врезались в войска Священного похода, кромсая и опрокидывая торопливо строящуюся шеренгу копейщиков. Некоторые воины похода создали круг, оцетинившийся копьями, однако это не остановило страшных рыцарей. Со всего маха они врывались в тесный строй копейщиков, не обращая внимания на раны, полученные от копий. Истыканные, наподобие ежей, рыцари продолжали рубить противника, чем сеяли панику среди пехоты. Вскоре воины Священного похода метались по всему пространству перед цитаделью, ища спасения от мечей жуткого противника.

— Это, что у них? Скелеты лошадей? — испуганно спросил молодой.

— Похоже не брешут, те кто рассказывали про короля-некроманта и его армию мертвецов — пробурчал ветеран. — Давай ка ребятки. Бери господина маршала, и валим отседова, покуда эти мертвяки до нас не добрались.

Внизу шевелилась темная масса армии Кейста, она неспешно огибала войска принца Гвидо. Видя бесперспективность сопротивления, принц в сопровождении ближайшей свиты пошел на прорыв еще не до конца закрывшегося кольца. Откуда-то сбоку вынырнул отряд конников на скелетированных лошадях, они пошли вровень с принцем, от страха кони Гвидо и его свиты несли, сшибая соседей. Особо выделялся среди преследователей рыцарь в багровом доспехе он напирал на скакуна Гвидо. Между ними встал дядя принца, Пирон де Крема, рыцари сошлись в рукопашной. Опытный воин сумел выбить из седла багрового рыцаря. В следующее мгновение копьё опрокинуло Крема на землю. Такой мастерский удар мог нанести лишь один рыцарь, Артего Дежар, но он скончался сорок лет назад от мора, прокатившегося по Караманту. Тогда еще молодой рыцарь, Крема впервые столкнулся с ним на ристалище. Опытный воин Дежар вышиб из седла заносчивого новичка, сумевшего к тому моменту победить многих именитых соперников. Приглядевшись Пирон узнал доспех, в котором Дежар выходил к барьеру, сомнений не осталось, это он. Воспоминания пролетели в голове рыцаря, вернув на мгновение молодость. Под Дежаром стучала костями жуткая тварь, которую Крема принял по началу за скелет лошади. Педро поднялся с земли, но второй удар копья пробил его кирасу насквозь. Мертвый всадник бросил застрявшее копьё, и помчался дальше. Удивленный Пирон обеими руками держался за древко, дальний конец, которого уперся в землю. Рыцарь хватал ртом воздух, очень напоминая рыбу, выброшенную из воды на сушу, ноги воина подкосились, и Пирон рухнул на бок, продолжая крепко сжимать древко.

Жертва Пирона спасла Гвидо от верной смерти. Принц бежал в Аморат, и поле старался никогда не вспоминать о поражении под Белым Камнем.

— Это воины Кейста!!! — вскричал Аугусто глядя на развернувшуюся внизу битву.

Рыцари Священного похода откатили от дворца, кто-то пытался организовать оборону, большинство же просто бежали.

— Они бегут!!! Они бегут!!! — кричала Елена, возбужденно блестя глазами.

— Мы победили!!! Победили! — повторяла она как заклинание.

Аугусто улыбнулся, глядя как радуется королева. Елена, слегка подпрыгивая, возбужденно выглядывала из-за зубцов башни, напоминая в этот момент маленькую девочку. Он посмотрел вниз, туда, где разбежались последние воины Священного похода, рядом что-то мягко прощуршало. Виола повернулся к Елене, королева медленно осела на пол, рыцарь подхватил ее на руки. Из груди женщины торчала стрела, серые глаза закатились, дыхание остановилось, а на губах все еще играла счастливая улыбка.

Белый Камень поднял траурный штандарт над главной башней. Люди провожали королеву воительницу, не побоявшуюся кинуть вызов рыцарскому войску, пришедшему грабить и убивать. Со всего королевства жители стремились к старинной цитадели. Древняя крипта приняла тело Елены Бластиты, сокрыв навсегда великий род защитников человечества. Церемония прощания проходила по древнему, языческому обычаю. Женщину хоронили как великих королей прошлого. Еще вчера презиравшие свою королеву простолюдины, теперь шли толпами, чтобы почтить память храброй правительницы. Сумевшей получить признание подданных лишь ценой своей жизни.

Делегация Скюло, вернулась во дворец Верховного жреца ни с чем, натолкнувшись на запрет пересекать границы Мальдиды. Ярость Скюло, проявилась в новом кличе в защиту истиной веры, армию собирали по всем королевствам. Представители Скюло отправились в Фарейз, к Железным королям. Десять королей отказали в помощи, сославшись на то, что не в традициях Железной долины влезать во внутренние распри Восточных королевств, да еще отягченные религиозными противоречиями. Фарейз давно отказался от услуг Единой церкви в своей религиозной жизни, в Железной долине исповедовали культ Вечных королей. Единая церковь первоначально пыталась обвинить Фарейз в ереси, но после того, как Десять королей перекрыли торговое сообщение с югом, заперев Восточные королевства, и разбили войско короля Астурии под стенами крепости Северный ключ, желание связываться с Железными Королями отпало раз и навсегда.

Известие о гибели Священного похода, заставило Гумберта выйти из непрерывной череды попок, а отказ Железной долины, отправил короля во дворец Верховного Жреца. Скюло делал вид, что внимательно слушает короля, наконец ему наскучило глупое нытье Гумберта, и подняв руку он остановил его бессвязную речь.

— Гумберт, ты знаешь меня всю свою жизнь. Я когда-нибудь подводил твою семью? — прокрипел Скюло, морщась от перегара, что несмотря на значительное расстояние, терзал его обоняние.

— Нет твое священство — неуверенно пробормотал Гумберт.

— Тогда выслушай меня и сделай, то, что я тебе предложу — с нажимом продолжил Верховный.

Король кивнул и наклонился к Скюло, внимая каждому слову живого воплощения святости.

— Отправь послов в Эманторан, и проси помощи...

— Помилуй твое священство, что ты такое говоришь? Ты в своем уме? — возмутился Гумберт.

— Не хаами! — резко оборвал короля Скюло, презрительно смерив взглядом тусклых глаз. Гумберт осекся, сжимаясь в комок.

— Прости твое Святейшество, я не хотел тебя оскорбить...

— Ладно, забудь. Это неважно. Просто выслушай меня не перебивая. Отправь послов к

Дарелиану, нам нужен опыт эльфов. Много веков назад они уже остановили похожую напасть. Только они знают, как извести Кейста. Ох уж этот Урбино, все семейство вырожденцы — тяжело вздыхая процедил Верховный жрец.

— Но, что, если они откажут?! Ну или потребуют мои земли — раздраженно спросил король.

— Гумберт, мой мальчик. Кому нужны твои земли, кроме соседей людей. Эльфам наша земля без нужды. Они и так ею правят. А вот опасность, что идет из Караманта не оставит их равнодушными. Можешь поверить моему слову, эльфы помогут.

Впервые за многие сотни лет, люди обратились за помощью к эльфам. Дарелиан благосклонно принял послов, и даже вручил богатые дары, в ответ на добрую волю подчиненных королевств. Выслушав предложения со стороны Гумберта, Эманторан выразил осторожную озабоченность происходящим на Востоке. Во дворце Дарелиана состоялось совещание айларов, где присутствовали главы всех крупнейших эльфийских домов. По итогам, приняли совместное решение о выделении пятисот рыцарей и двух тысяч лучников в помощь людям.

Эльфы не имели ни малейшего желания вмешиваться в войны людей, чем больше убивают друг друга, тем легче ими управлять, тем меньше проблем от назойливых смертных.

Вмешаться пришлось, Дарелиана беспокоило появление нового некроманта, ведущего армию мертвецов к границам Амората. Король эльфов не верил в то, что Кейст способен поднимать мертвецов, но осторожность требовала пристального внимания к сложившейся ситуации. Особенно если учесть опыт многовековой давности, когда Ургеной Темный сумел разбить эльфийское войско, созданной им армией мертвецов.

Тогда, Дарелиану, едва удалось остановить распространение заразы некромантии среди человечества. Пришлось вычистить все известия из источников, культурного наследия народов Фанариона. Имя нечестивца вымарали из всего, до чего смогли дотянуться цепкие руки короля эльфов.

Разведка Дарелиана проникла в Карамант, и выяснила, что регион почти пуст. Оставшиеся в живых люди бежали от короля-мертвеца и мора в соседние королевства. Дворянство, в большинстве своем уничтожено, те кто не успел бежать и принять вассалитет соседних монархов, давно кормили червей в руинах своих замков и имений. Страна опустела, и превратилась в дикий край.

Вскоре объединенная армия, обозванная в очередной раз Священным походом, во главе которого теперь стоял король Амората и Сальяда Гумберт Нерешительный, отправилась к границам Лампеды. Чуть позже к армии Священного похода присоединились войска эльфов, под командованием Грозного Фирафира. Войска перешли границу Лампеды, и быстро двинулись к Мальдидам.

Памятуя о первом Священном походе, жители Лампеды бежали в соседние Мальдида. Предпочитая защиту Педро Додо, святости благородных рыцарей.

Малые отряды инквизиции, разъезжали по территории некогда независимого королевства, и наводили ужас на оставшихся простолюдинов. Нофль развернул невиданную активность, под шумок борьбы с ересью зачищая Лампеду от представителей древнейших аристократических семей.

В Мальдида пришло известие о булле Скюло, которой упразднялось королевство Лампеда и Мальдида, в связи с пресечением линии королевских родов в оных. Сами королевства переходили в ведение кардиналов, и отдавались в управление Единой Церкви,

где Верховный Жрец выступал, как управляющий имуществом Единой Церкви.

Решение Верховного удивило даже Кейста. Король собрал делегацию, возглавил которую верный Терис. И отправил послов навстречу войску Гумберта. Терис вез послание монарху объединенного королевства, с требованием остановить нашествие на территории принадлежащие по праву рождения его внуку Эбону Черному. Единственному наследнику мужского пола, двух выморочных королевств. В знак доброй воли, делегация везла подарок, Ансельма Предприимчивого, бережно сохраненного королевой Еленой.

Как опытный политик, Кейст сильно сомневался в дееспособности Гумберта как монарха. Поэтому воздав заслуженные почести королеве Елене Отважной, король-некромант выдвинул войско мертвецов к реке Дяченцо, единственному месту, где объединенная армия могла перейти реку в брод.

Население Мальдид, воспринявшее Эбона поначалу со страхом и недоверием, постепенно привыкало к новому монарху. Королевский Совет во главе с Педро Додо принял решение о признании законности требований Эбона Урбино на престол Мальдида. Выбора у Педро не оставалось, старику пришлось выбирать меж двух зол. С одной стороны, наследник проклятого рода Караманта, но верный союзник, с другой Священный поход, под патронатом Единой Церкви, идущий смертельным катком по королевству. Последнее грозило уже непосредственно ему и его наследникам, поскольку Скюло отлучил Додо от церкви, а Гумберт назначил награду за голову советника. Для Додо выбор оказался очевидным, правда пришлось вывести из состава совета двух представителей старинных аристократических родов, ставших в непримиримую оппозицию к новому монарху.

В одном случае дело удалось решить при помощи пожертвования богатых земельных угодий, во втором помогла плаха, в итоге страна обрела молодого монарха, а народ короля способного вести жителей королевства за собой.

Мальдида значительно пополнились жителями за счет соседней Лампеды, многие присягнули на верность новой династии, отрекаясь от Единой Церкви и принимая культ Агара Справедливого.

За короткое время Эбон собрал большое войско из жителей обоих королевств. Дворяне Мальдида, учитывая крутой нрав отца нового короля, почли за благо присягнуть Эбону и выступить с ним в поход, против алчного соседа. Неприятным сюрпризом стала весть о большом отряде эльфов, что шли вместе со Священным походом. Но в случившемся были и положительные стороны, ряды Эбона пополнились кратно, подданными, желающими отразить нашествие давнего врага человечества.

Не последнюю роль в народном подъеме сыграла жертвенность Елены, поразившая жителей Мальдида. Смерть королевы вызвала всплеск верноподданнических настроений, и желание отомстить за отважную правительницу.

В Аргисе начались приготовления к казни самого известного еретика и отступника современности, Ансельма Предприимчивого, получившего от церкви имя Ансельм Отступник. Суд длился неделю, допросы каждый день приносили новые факты, говорящие о том, как далеко зашла в своей ереси Независимая церковь Лампеды.

Суд постановил повторно отлучить от церкви покойного Леши Инериита, и вымарать его имя из всех документов. Королевство Лампеда признать собственностью Единой Церкви, а жителей провести через жесткую проверку на приверженность к распространившейся в королевстве ереси.

Ансельма признали виновным, в связях с Агаром, тот факт, что священник склонил Лешу к Нечистому, особо выделялся в обвинительном заключении, многократно усугубляя вину низложенного епископа. Как один из высших иерархов, Ансельм давал определенные клятвы, и обязался служить Святому престолу. Нарушение клятв каралось смертью.

После многодневного допроса, щедро сдобренного пытками, Ансельм признал свою вину, и попросил Скуюло очистить его душу, отпустив отступнику грехи. Верховный милостиво согласился, выдвинув одно условие. Ансельм покается и преклонит колени перед ним на центральной площади, перед кафедральным собором при большом стечении народа. На том и порешили.

Казнь состояла из двух частей. Сначала Ансельма везли по улицам города, в желтой рубаше и красном, остроконечном колпаке на голове. Ансельм сидел на осле задом на перед, его руки, связанные позади прочно приторочили к шее животного, на груди висела доска с надписью: — «Ансемльм Отступник, великий грешник и клятвопреступник, раскаявшийся и принесший покаяние!!!».

Каждый желающий получил возможность выразить свое отношение к клятвопреступнику, плюнув ему в лицо, или швырнув комком грязи и протухшими овощами. Сопровождали Отступника монахи в белых рясах, с лицами, зарытыми специальными колпаками, с прорезями для глаз. В руках они несли большие, витые свечи, одни белого цвета, другие красного. Позади шла братия, вооруженная символами веры, установленными на древках. Высоко поднимая над головой священные символы, монахи пели гимны.

Показалась площадь, заполненная толпой. Ансельма провезли через специально отгороженный коридор, при этом Отступник получил множество тычков и ударов, по голове, и в лицо. На эшафот он взошел, воняя нечистотами, с избитым в большой синяк лицом, отступник едва держался на ногах. Появился Скуюло в парадной мантии. Верховного Жреца сопровождали несколько кардиналов, и отряд ветеранов.

Подошел палач, мощные руки нетерпеливо подкидывали деревянный молот, Ансельм замешкался, не успел встать на колени, когда к нему приблизился Скуюло. Быстрый удар молота перебил ему ноги, отступник со стоном упал на доски эшафота. Под возбужденное улюлюканье толпы, палач рывком поднял тело отступника и поставил его на колени перед Скуюло, причиняя тем самым невыносимую боль.

— Готов ли ты Ансельм, прозванный Отступником, покаяться в своих грехах? — ласково спросил Скуюло, медово улыбаясь страдальцу.

— Ооо... ааа... Да!!! — выдавил из себя Ансельм, с трудом сохраняя ясность сознания.

— Я слушаю тебя сын мой, но помни бог за тобой наблюдает, поэтому не пытайся обмануть всевышнего — с угрозой произнес Верховный.

Последовала унижительная сцена, покаяния сломленного человека, готового взять на себя вину за все на свете, лишь бы избавиться от невыносимых мук. Удовлетворенно кивнув, Скуюло отпустил грехи отступнику, сообщив толпе, что душа сего сына божьего спасена. Выждав паузу Скуюло уточнил, душа спасена, но тело еще только предстоит очистить.

Отступника передали муниципалитету города, и палач, не скрывая удовольствия принялся за дело.

На потеху публики отступника долго рвали каленными щипцами. Пресытившись этим развлечением, Ансельма живьем выпотрошили, а под завязку четвертовали, оборвав мучения отсечением головы. Задыхаясь от отчаяния, и боли Ансельм прокричал на всю площадь.

— Проклятый мошенник! Ты же обещал мне, легкую...

Отделенная голова еще некоторое время беззвучно шевелила губами, вызывая у публики восторг.

Останки еретика сожгли, а прах развеяли над городской клоакой, куда свозились отходы и мусор со всего города. Так закончилась история Ансельма Отступника.

В руках святой инквизиции оказался и Терис. Архивариуса с интересом изучала специальная комиссия, состоявшая из ученых и высших иерархов церкви. По итогам расследования, Скюло получил доклад, и выводы комиссии не на шутку напугали Верховного. С содроганием Скюло, читал сухой текст исследования: — «... в частности, опытным путем удалось выяснить, что объект известный под именем Терис, совершенно не чувствителен к боли. Его тело скорее мертво, чем живо, но при этом продолжает активно функционировать, и не подвержено тлению. Питание и вода совершенно не требуются, для существования этого уникама, достаточно раз в неделю предоставить объекту живое существо размером с кошку».

Описание трапезы подопытного, вызвало рвотный позыв у старого святоши. Резолюция гласила, Терис не мертв, но и не жив, однозначно не человек. Рацион составляет энергия живых существ. Своего рода вампир, или паразит. Особые способности не выявлены, чрезвычайно развит интеллект и способность к регенерации утраченных тканей. Любит темноту, плохо переносит яркий свет, особенно дневной. Рекомендуются дальнейшее изучение указанного объекта, для выявления скрытых способностей существа.

На этом научная часть доклада заканчивалась, и начиналась церковная. Скюло поморщился, и стариковски пожевав губами, продолжил чтение.

«Комиссия Священной инквизиции изучила все материалы дела, по итогам обсуждения коллегия инквизиторов пришла к заключению. Терис, занимающий должность главного архивариуса при дворе короля Кейста Урбино, что владеет Карамантом, является проявлением нечестивой силы Агара. Следствием доподлинно установлено, что Терис последователь и верный слуга Темного.

Способности, продемонстрированные подсудимым, явно говорят о глубокой степени поражения скверной Нечистого, что в свою очередь убеждает членов комиссии в полной невозможности спасения души указанного отступника. Посему коллегия считает необходимым избавить заблудшую душу от мук, происходящих от служения нечистому, путем отделения чистого духа от оскверненной плоти. Для чего рекомендуется применить очищающую силу огня.

Да прибудет с нами благословение Единого!».

Отчет упал на колени жреца, и тут же скатился на пол. Скюло кряхтя склонился, чтобы поднять бумагу, движение вызвало острую боль. Ломило стопу, сегодня особенно сильно. Уже много лет его беспокоила неприятная болезнь богачей. Красное вино, единственная радость старого кастрата, дарило удовольствие, но как известно за всякое удовольствие приходится платить, вот и любимое вино взимало свою плату.

Бумага легла на столик перед Скюло. Устало опершись локтем на поручень кресла, он положил подбородок на руку и посмотрел себе под ноги. В голову почему-то лезли воспоминания из юности. Священный поход в Эманторан, плен, изощренные издевательства эльфов. Он так желал смерти заносчивым и самодовольным садистам, причинившим ему столько унижений и страданий. Этим остроухим тварям, что считают человека вещью, предметом интереса, недостойным обращения на равных.

Старик вздохнул и взглянул в окно. Сквозь приоткрытые ставни виднелись крыши столичных особняков. Вдалеке, по центральной улице, ползла арба с бочкой воды, идущий рядом водовоз гнусаво зазывал покупателей.

Много десятилетий Скюло положил на объединение королевств Востока. Сначала он пытался создать коалицию королей, под эгидой церкви, но вскоре понял, что ограниченные короли никогда не договорятся, потому пришлось брать бразды власти в свои руки, вернее в руки Единой Церкви. Сегодня он близок к цели, выстроена единая наследственная линия в двух крупнейших королевствах Востока. Фактически аннулированы Лампеда и Мальдиды. Карамант перестал существовать, благодаря его сумасшедшему правителю. Смешно этот безумец требует Лампеду и Мальдиды для своего внука, который не имеет отношения ни к Бластитам, ни к Инериитам, потомок каких-то Урбино. Да кто такие эти Урбино? Зажравшиеся потомки грязного пастуха, потерявшие страх перед господом их создателем.

Он давно подозревал Кейста в стремлении к темному знанию, уж очень амбициозен ничемный королек. Скюло передернуло, по лицу пробежала гримаса отвращения. Пришлось купить приближенных короля, чтобы узнать, что конкретно ищет Кейст, и даже кое-что подкинуть. Правда Скюло рассчитывал, что Кейст сгинет в Палеомии, но случилось иначе. Впрочем, и такая ситуация первосвященника устраивала, удалось втянуть тупых эльфов в войну людей.

Теперь можно приводить в действие следующий этап плана. Плана по уничтожению расы угнетателей и жестоких поработителей. Расы злодеев, живущих вечно, и оттого презрительных ко всему, что непохоже на них. Он стар, но он не забыл унижения. Он приготовил остроухим мучителям наказание пострашнее пыток. Он сделает все, чтобы они исчезли из этого мира, он сотрет даже воспоминания об их существовании. Пора вернуть должок, что остался неоплаченным. Жаль, что пришлось принести в жертву дочь его кумира Орenea Бластита, но такова большая политика, никаких сантиментов, никакой жалости, только цель. В конце концов, что такое жизнь Елены в сравнении с жизнью поколений людей, что смогут жить свободно. Сам Орenea одобрил бы такой подход к вопросу.

Оставалось убрать слабовольного и трусливого Гумберта, и привести на трон злобного и тупого Гвидо. Да еще проблема с Анной, эта потаскуха очень уж активна, и слишком умна. Пожалуй, устранить эту бабу будет посложнее чем иных королей.

Да, еще же Кейст с армией мертвецов. Его армия — это проблема. Ха, тут и понадобятся наши остроухие друзья, дадим заносчивым вырождакам помножить ее на ноль. Эльфов надо только подтолкнуть, пусть развернутся, а потом мы их подставим. Думаю, Нофль не подведет. Толковый человек этот инквизитор, уж сколько раз выручал, но, как и все талантливые политики слишком амбициозен. Ну да ладно, пока он полезен, а там..., а там посмотрим, что с ним делать.

Вечер постепенно погрузил комнату в полумрак, в котором все более отчетливо проступали призраки прошлого, что никак не желали отпускать старика.

Третье десятилетие

Тишина, бесконечный мрак, сознание искало любую зацепку, лишь бы не ощущать всепоглощающую пустоту. В голове, изредка всплывали картины боя у стен Танорта, жуткие хари древних, долгий путь в царство Даймеша.

Перворожденный, много тысячелетий скованный волей Ками, с интересом смотрит на человека, посмеявшегося бросить вызов тем, кто помнит рождение земли. Слова так и не прозвучали, но древние в точности исполнили волю Даймеша.

Договор с перворожденными заставил Амадо подчиниться воле Первого, поэтому человек безропотно следовал за высоким и тощим как щепка чудовищем. Смешно подскакивая при ходьбе, урод быстро перебирал тонкими ногами с обратным изгибом в колене, он вел Родриго все глубже, к сердцу Тенафар. Древние с удивлением и любопытством разглядывали опасного гостя. Необычные галереи, поросшие подземной растительностью, казались бесконечными. Залы с потолками, терявшимися где-то далеко над головой, следовали один за другим. Несколько раз они выходили к лавовой реке, стремительно и бурно несущей свои потоки в недрах горы.

Амадо потерял счет времени. Вокруг пошли совсем дикие места, изрытые жуткими кратерами, что могли образоваться только на поверхности. Правда представить, какая сила оставила их, человек так и не сумел. Затем последовали поля утесов, устремленных в черноту невидимых сводов гигантской пещеры, точно здесь когда-то застыла бурная поверхность моря расплавленного камня.

Следующий зал стал последним в их путешествии. Покрытый сверкающими кристаллами, он казался царством мертвых. Желтоватый свет выхватывал фигуры, сидевшие вдоль стен со сложенными одна на другую ногами, их руки, покоящиеся на коленях, головы, слегка опущенные на грудь. Все говорило о покое, покое, что длиться многие века, о смерти без смерти.

Вырубленные в стенах террасы, уходили высоко под своды зала. Родриго окинул взглядом огромное помещение, конца, которому он не видел с того места, где стоял. Сплошные ряды людей, из его мира, и тех, что называли себя так после падения. Дальше от входа виделись совсем незнакомые очертания существ, что прежде жили на земле, но от которых не осталось даже памяти. Все они когда-то заключили свой договор с древними.

— Что это за место? — спросил Амадо, напряженно вглядываясь в ряды живых покойников.

— Приют Забытых! — равнодушно прохрипело существо, взглянув на человека переливающимися фасетками огромных глаз.

Навстречу к ним, из глубин зала, подходили другие существа. Черные, мохнатые, совершенно лишенные глаз. Их сильные руки с длинными пальцами ловко обхватили конечности человека и быстро поволокли к пустому месту в ряду, на третьей террасе. Его усадили в надлежащую позу, воля Амадо покинула, и у него не осталось сил сопротивляться лохматым. Все еще открытые глаза видели соседей с права и слева. Спящих густо покрывала пыль, слежавшаяся в твердую корку, отчего они походили на статуи больше, чем на живых людей.

Один из лохматых засунул палец в рот человека, Родриго почувствовал легкий укол в

язык, и сознание исчезло. Голова его чуть опустилась на грудь, а открытые глаза заботливо сомкнула ладонь существа, легко пробежавшая по лицу нового постояльца.

Откуда-то из далека доносились голоса, или просто шелест, который складывался в слова, Амадо не мог определить. Абсолютная темнота поглотила все вокруг, не оставляя даже намека на возможность существования, чего-либо. Неожиданно вдалеке вспыхнула яркая звезда, едва различимая в вязкой черноте. Прошло много времени, но ничего не менялось, только точка разгоралась все ярче, затем пришло легкое дуновение. Оно принесло с собой долгожданное чувство реальности, наконец-то человек почувствовал. Постепенно ветер нарастал, пока не превратился в шквал. Родриго понесло как сухой лист, швыряя из стороны в сторону, вращая вокруг собственной оси. Неожиданно он ударился обо что-то твердое.

Камень, удивился человек, потом еще и еще, пришла волна света и тогда Родриго увидел, что вокруг пелена из пыли и камня, который бился в беспорядке друг о друга. Нестерпимый жар опалил его, выжигая до основания и превращая в ничто.

Грохот, шум, вращение, огонь и ветер, все смешалось. Пыль сбивалась в огромные шары, спрессовываясь и раскаляясь, для того чтобы столкнуться с еще большими каменными глыбами. То тут, то там зажигались звезды, неспособные своим сиянием озарить непроглядный мрак, царивший вокруг человека. Пространство очистилось, теперь обломки, глыбы и пыль стянулись к звездам, набирая скорость вращения вокруг светил. Мимо проплыла скала, снова слышались странные шелестящие голоса, но теперь они отличались. Один выл точно неугомонный ветер, другой трещал, подобно вечно жаждущему пламени, третий глухо гудел обремененный тяжестью бытия, словно сама земля заговорила.

Глыба столкнулась с другой, потом с третьей, и притянутая звездой завертелась вокруг нее, теряя осколки и пыль окружавшую теперь жидкую массу вещества, постепенно обретающую вид ярко красного шара, бурлящей лавы.

Трескучий голос злобно зашумел, порождая удивительных существ, что плескались в потоках магмы. Гонясь друг за другом, огненные сущности, сталкивались и пожирали себе подобных. Происходящее внизу, напоминало яркий фейерверк, вырывающийся из сплошной массы текущего камня.

Время здесь не имело значение, еще не возникло того, что могло бы его оценить. Шар постепенно остывал, вздымая огненные волны острыми утесами к небу. Вращение тела стало тише, и на поверхности показался первый гигант. Он неуверенно шагнул на твердь, из огненного моря. Постоял немного, и сделал второй шаг, огненная суть погасла, обретая форму чудища, страшнее которого, мир никогда не видел.

Следом, из моря, вырвались сотни огненных чудищ, тут же застывших в причудливых глыбах. Амадо вспомнил, что видел это место, когда они шли в зал, тогда он принял эти скалы за игру стихии.

С усмешкой смотрел на них Перворожденный, участь вторых охладила пыл тех, кто еще оставался в огненной пучине. Великан, сотрясая поступью новый мир, подошел к краю тверди и что-то крикнул, плескавшимся в море огня. Чудовища поднялись из лавы, и преклонив колена оторгли часть плоти, чтобы отдать ее великану. Перворожденный с улыбкой принимал дары, собирая из частей магмы, горящую корону. Наконец, все желающие склонились перед великаном, огненный венец вспыхнул последний раз. Магма остыла, превратившись в рубины, с удивительными огнями внутри. Корона вращалась перед ее создателем, освещая лицо перворожденного. Из частей, склонившихся, родился Венец

Даймеша. Пятьдесят два величайших чудовища огненной пучины, приняли волю Первого, променяв свободу на форму.

Эпоха огня закончилась, пришло время земли. Рядом шелестели голоса создателей нового мира.

— Ты воррр! — трещал огонь.

— Я порядок — гудел в ответ камень.

— Ты обманул меня, предложил создать мир, а сам сделал моих детей рабами — не унимался огонь.

— Ты начало, я форма. Я создатель, что ты без меня, царство хаоса и небытия — мирно прогудел камень.

— Братья не ссорьтесь — просвистел ветер. — Всем хватит работы, все мы проявим себя!

— Будет болтать братец, ты принял сторону камня. Не забуду я твоего предательства — угрожающе прошипел огонь и исчез.

Земля превратилась в твердый шар, все больше остывающий под напором вселенского хлада. Солнце все ближе притягивало странника тьмы, пока не втянуло в пояс пыли и камня, началась эпоха Каменных дождей. Расплодившиеся перворожденные гибли сотнями, рассыпаясь по поверхности тверди, расплющенные гигантскими глыбами, что с остервенением били в новорожденную землю. Огненными кометами они ломали тонкий покров, тревожа вулканы, и давая свободу огненной стихии. Снова появились сыны пламени, они вступили в войну с каменными детьми земли. Перед глазами проплыли миллионы лет, огненные отступили под землю, уступив напору слуг Первого.

Недолго длился мир, из тьмы пришла новая опасность, к земле приблизилось несколько мертвых шаров. Столкнувшись, масса камня смешалась, вновь приняв жидкую форму. Длинные всплески магмы далеко отлетели от уничтоженного мира, застывая в холодном мраке бесконечности. Вращаясь с огромной скоростью, магма собирала осколки, потерянные при взрыве. Родился новый шар, вдвое больший прежнего, огонь создал еще более смертоносных детей, но формы они обрести не могли.

Высоко над землей шло сражение, камень призвал ветер в союзники, и дал бой огню. Сколько братья не пытались одолеть огонь, он все время ускользал. Вскоре ветер понял, что только дает силу пламени, и оставил брата один на один с врагом. Одолел брата огонь, и отнял его форму. Торжествовал злодей, наслаждаясь всесилием. Тогда вернулся ветер, и привел сестру их воду. Не знал огонь, что вода родилась. Бросил вызов он новым врагам, призвав свои чада, обретшие форму. Вода же, ласково касаясь, погасила пламя, и детей ненасытного опрокинула в небытие, лишь немногим удалось укрыться в пучинах нового мира.

Вместе с ветром она остудила поверхность, воскресив брата камня. Камень с тоской зывал к перворожденному, нигде его не находя. Увидела сестра муки брата, и попросила форму его, камень раздумывал долго, но согласился. Коснулась вода формой тверди земной, и плеснула немного силы морской, в тот же миг возродился Даймеш. Первый имя свое получил и принял в дар новую форму. Камень радостно прогудел, воспевая щедрость сестры. Но Даймеш не внял его зову, он спал, как и прежде, сном вечным, лишь иногда беспокоя твердь храпом могучим.

Смирённый огонь, получил в управленье звезды и недра планеты. Навсегда он формы лишился, и силы его обуздали границы, сверх которых зайти ненасытный не смел.

Много время прошло, дети воды, населили поверхность учесов и скал, что сон беспокойный Даймеша, из вод к небесам поднимал. Вода же творила, и влагой так густо покрыла поверхность земли, что, суша под ней утонула.

Новый голос услышал Амадо. Юная Мая, дочь моря и камня, легко и беспечно плескалась в воде, наполнявшей весь мир. Звонкий голос певицы разнесся от края до края. Прошли тысячи лет, вновь океан отступил, даруя свободу горам и пустыням.

Хитрый огонь отыскал, среди осколков старого мира, что сохранились с времен Катастрофы Великой, корону Даймеша, и возложил потухший венец на голову спящего бога. Даймеш пробудился, и мир незнакомый узрел. Из мертвого камня и пыли родились леса и луга, прекрасная Мая творила любовь расточая на жизнь. Даймеш оглядел, мир, рожденный любовью, и породил из венца соратников верных своих. Огнем опалили гиганты, нежной Май творение. Кинулась юная к матери, моля о защите и помощи. Улыбнулась мудрая мать и отступила вода, подарив часть владений обиженной дочери. Недовольным остался Даймеш, Первый желал возратить, все прежде потерянное.

Шли века, Мая стала Аар, грусть ее охватила. Одинокая жизнь, женскую зрелость богини теперь тяготила. Взмолилась она, обратившись к воде, чтоб та породила ей пару, сжалилась мать и обещала супруга найти.

С просьбой дочери к камню пошла терпеливая мать, брат указал ей на Даймеша. Чем не отец всех будущих чад, что мир, обновленный населят? Предстал пред отцом перворожденный гневом сверкая и требуя власти над миром, что дарован ему по праву рожденья.

Сурово ответил отец.

— Что хочешь ты мне предложить, чтоб дочь я свою уничтожил, лишив ее права на жизнь. Тебе она в мере достойной вернула все то, что когда-то ты потерял. Те земли, что были твоими, сегодня я в сушу велел превратить. Так пользуйся тем, что по праву твое, а наследство Аар оставь для нее.

Вскипел гневом Даймеш, и отказом ответил на предложение, соединить две силы великих, и стать прародителем мира живых. Обиду тая он вернулся к соратникам древним своим, и задумал восстать против воли отца.

Амадо увидел полчища древних, что шли войной на Аар, их ждал страшный бой, но они победили. Даймеш заточил воду-мать, и едва не покончил с Аар, только встретил его у границы воды и земли камень-отец. В долгой битве сумел одолеть он Даймеша, но жизнь свою отдал, спасая Аар.

Бежала Великая мать от детей перворожденного, что искали виновницу гибели их сюзерена. Форму успела Аар подобрать, что обронил погибший отец, и из камня она сотворила себе мужа и верного спутника, ставшего ей защитой надежной.

Тарм могучий, муж Аар, очистил землю от воинства Первого. Загнав под твердь гигантов огненных обратно. Аар искала воду, но, не случилось ей в ту пору, открыть темницу, где томилась мать.

Верный соратник Даймеша, Орнуатар, обратился к огню, и сила опального брата вернула ему господина.

Тем временем жизнь захлестнула пустынную сушу, из океана извергнув новых наземных. Мир насекомых, что умом и размером поспорить могли с человеком, заполнил просторы зеленого края.

Дрожь земли, и жар из расселин, вмиг уничтожили жизнь на суше и в море. Вновь

Даймеш обрел свой венец. Вышел Первый из глубины и повел войска на Аар. Тарм могучий опрокинул Даймеша, положив предел его власти. Слишком мало осталось в живых, после битвы великой, древних существей верных Даймешу. Скрылся Первый у нового друга, тысячи лет под землей он провел, ожидая отмщения час.

Сотни веков пролетело, зелень укрыла ожившую твердь, населили ее черепахи, и змеи-гиганты, крокодилы, и монстры похуже. Гнев земли их создал, процветал их народ, но войну они прежде мира ценили, и уничтожил их Тарм.

Земля сотряслась и взорвались вулканы, расползлись куски суши по морю, и пришел из-под земного царства огонь. Не успела Аар избежать встречи с ним, вмиг опалил он дающую жизнь, получив столь желанную форму.

Многих чудищ огонь породил, и возглавил их Даймеш Строптивный. Тарм могучий вновь опрокинул врага.

Став заложником формы, что так он желал, потерпел поражение жестокий отец пламенных тварей.

Узнав о смерти, Аар, с ума сошел могучий Тарм. Все, разрушая пред собой, бог камня, гнал Даймеша в глубь. И Первый, в ужасе бежал, скрываясь под землей в чертогах.

Тарм право получил творца, найдя на поле брани форму. И создал гномов, что под землей великие построят города, а позже, в шутку, гоблинов бог породил, и расселил их в диких землях, под твердь, во мрак подгорный. Рожденные его рукой, нутро земное рыли, искали гномы Даймеша чертог.

Амадо вырвало из вороха событий, и кинуло в ярко освещенную пещеру. Внизу копошились зеленные существа. В огромной каверне, освещенной мхом, родился младенец. Испуганная мать несла новорожденного к пещере шаманки. Зеленные с удивлением смотрели на дитя. Шаманка, неторопливо поднялась с вороха шкур, встречая процессию.

Увидев младенца, она возбужденно закудаhtала, о чем-то спрашивая мать. Подоспел незадачливый отец, увидел белоснежное дитя на руках зеленой жены и вlepил подзатыльник роженице, хотел еще добавить, но жилистая рука шаманки, остановила мужчину, ухватив за локоть.

Много позже он долго просил прощение у супруги, прежде чем смог вернуть ее в пещеру. Чудесную девочку оставили на попечение шаманки.

Еще в детстве обнаружился лекарский дар чудного дитя, с возрастом только усилился редкий талант. Белокурый ребенок, вырос в статную деву. Мая, так себя называла белянка, едва разменяла шестнадцать, как в Рыжие степи ушла. Молили зеленные, деву остаться, чтоб правила ими, но Мая покинула род свой, и поселилась в долине Огненных рек. Чудесные дети рождались и после, их отправляли в Рыжие степи. Где девочки жили в белой пещере, под материнским Маи крылом, что повзрослела, и имя носила Аар.

Аар породила первых людей, тех, что жили, не зная смерти. Успокоенный мир подарил им силы знания и бессмертия, пока любопытство не открыло двери в другие миры.

Встретились вновь Тарм и Аар. Любовь супруги верной очистила разум великого воина. Долго правили вместе они, миром сверху и под землей, пока хлад мироздания не сковал океаны. Одеда покров белоснежный планета. Создали люди под каменной твердью, город, укрытый от глаз посторонних, где сберегли наследие предков великих.

Пришел тогда к Аар поверженный Даймеш, огонь принес он в сердце, и одарил теплом всю жизнь, что скрылась под землей. Простила добрая Аар злодея, и Первый вновь вернулся на поверхность. Венец проклятый возродил чудовищ перворожденных и началась великая

война с воздушными ракшами, что ветром были рождены. Забыл воздушный прародитель, уроки прежних лет, и вновь раздул огонь в Даймеше, чем подарил Строптивцу мощь, которой прежде он не знал.

Сказал Даймеш Аар.

— Правь под землей, как прежде правил я, а мой удел владеть тем миром, что сверху хлад сковал на вечно!!!

И согласилась мать живого, щадя детей, что приютил подземный мир. Покинул в гневе нежную супругу Тарм Могучий. Собрал бог тверди гномов, чтоб каменный народ воздвиг великий город, где править сел суровый муж на долгие века.

Расправился с ракшами Даймеш, но обуяла Первого неуголимость, огня порок врожденный. Узнал Строптивный, от тех, что названы людьми, о способе, который позволял пройти в миры иные. Блуждая среди бесчисленных земель Даймеш набрел на форму, и породив чудовищ множество ужасных, пожрал неуголимый тысячи миров. Века бежали, Даймеш шел из мира в мир. Пресыщенный и утомленный, открыл Строптивец Андланд Благодатный.

Перед глазами Амадо проплыли цены, как огонь соратников Даймеша уничтожил леса Андланда. Как Випул пробудил детей своих, как появились куари, наполняясь жизнью они вступили в бой с врагом. Грандиозная битва развернулась в опустошенном Андланде, сошлись волны противников в безжалостной схватке, и опрокинул врага лукавый Випул.

Ведомый чувством мести Випул вторгся в Фанарион, мир Даймеша. Все любящая Аар остановила гордых Андланд у подземных границ, но силы оказались не равны, тогда-то Аар и призвала Тарма на помощь.

Сражение в Высоких чертогах, погубило не мало великих Андланд, превозмочь могучего Тарма, не достало сил никому. Пораженный силой гиганта, Випул, заключил с Великой матерью сделку. И обещала Аар, что никогда не выпустит перворожденных из-под земли, а Випул поклялся, никогда не нарушать границы подземного царства.

Остыла Сантария, Война меж Даймешем и Андландом, но неугомонный сын камня поднял руку на Великую мать, и уничтожил дом Май в Саду Огней. Тарм в гневе разрушил Покои Даймеша, и разметал чудовищных воинов злодея. Сам Даймеш вступил в схватку с Тармом, и едва не погиб. В ярости Тарм, оторвал от Даймеша чела королевский венец, и молота Хмура ударом, расколол символ власти на много частей. Разлетелись рубины по подземному миру, потерялись среди скал, лишь четыре крупнейших, Тарм достойным отдал. Гномам, тяжкий труд возлюбившим, подарил он корону, что венчали великие камни Даймеша.

Самого же смутьяна, в наказанье, сковали навечно, вместе с короной пламя древнего зла погасив. Слуги Даймеша, что живы остались, получили запрет заходить выше Сада Огней.

Оторвавшись от созерцания подземного мира, Амадо увидел, что поверхность земли, забелела одеждами вечного хлада. Безликий Хавайя морозом трещал, изгоняя жизнь из всего, что еще могла сохранить больная природа.

Не сразу Аар поняла, что случилось, а когда осознала, то пробудила Даймеша, вновь вернув пламя к жизни. Обиженный Тарм удалился в свой город, чтоб века одиночества ум повредили великого воина. Гномы бежали пред гневом безумного бога, бежали дети от гнева отца, бросая дома и города. Раз в три тысячи лет, Тарм пробуждался, разрушенья и беды неся в королевства самых верных детей. Вел с собой полоумный отец полчища орков, что стали

служить ему вместо детей, а позже привел жутких тварей, имя которым еще не дано.

Поверхность вновь ожила, вернулись леса и моря. Покинули горы все, кто под землей сохранялся от стужи. Мало людей вышло оттуда, лишь несколько городов они возродили, а мир заселили мудрые эльфы.

Новый народ засеял плодородные земли удивительными растениями, с собой они принесли утонченную культуру и жажду знания. Величественные города Панчадарма, приняли эльфов, и поделились знанием с гостем чей дом скрывала завеса.

Амадо видел, как к эльфам пришел Випул, потом наступила эпоха болезни, и место людей заняли гости. Бежал род человеческий от проклятья бесплодия в земли иные, тогда эльфы решили, что время людей подходит к концу. Двести лет шла война, пока не закрылись глаза последних из вечно живущих Панчадарма. Две тысячи лет эльфы жили спокойно, но век благоденствия подошел к концу, когда горизонт украсили белоснежные паруса. Вернулись потомки проклятых, что спаслись в землях иных.

С востока и юга пришли народы, толпы людей. Переселенцы искали спасения от неурожая и войн. Заселяя Еланду, молодой материк, что осколком отвалился от Даршана, большого материка прежних времен, новые люди строили города и воевали с мудрыми эльфами. Великие короли из выживших бессмертных, привели своих потомков в родные земли. Новые люди старели и умирали.

Остатки бессмертных сошли на нет в войнах, а смертные в несколько поколений превратились в дикарей, окончательно потеряв память предков. Причину падения, Амадо так и не увидел. С тяжелым сердцем, и подкатывавшим к горлу отвращением человек наблюдал за падением рода людского.

Спустя века эльфы уже правили Эмантораном, как домом своим, а смертные служили игрушкой в руках бессмертных. В Палеомии выросло королевство, его правитель гордый и дерзкий, принял дар жуткий. Так появилась зараза Ургеноя, стоившая эльфам больших жертв. Война с Ургеном окончательно положила конец былому могуществу человека.

Кругом пламя, и мертвая земля, все что видел Амадо. На месте королевства некроманта, осталась пустыня, на многие века, похоронив под песками остатки великого города.

Взгляд зацепился за кочевников, что длинными ручьями пришли со стороны Великих степей Еланды. Безобразные орки осадили Нгеве. Мампсис просит его помощи, он идет среди орочьих трупов, равнина Палы погрузилась во мрак.

Небытие распалось, появились первые ощущения. Покалывание кончиков пальцев, дрожание век, твердое прикосновения к центру лба. Глаза раскрылись, свет резанул их, но не сильно. Перед ним стоял Вагаал, старик убрал руку, и проговорил.

— Пора убираться, я их обездвигил, но они быстро придут в себя — он отошел в сторону.

Амадо увидел лохматых, их тела распростерлись на полу. Казалось, они мертвы, но старик настойчиво тянул Родриго к выходу. С трудом передвигая затекшими ногами, человек следовал за древним. Взглянув на руки, он заметил, что его кожа покрыта слоем пыли, той самой, что скапливается веками на телах, сидевших в зале.

— Сколько я здесь пробыл? — спросил он, удивленно глядя по сторонам.

— Не важно, надо спешить — отрезал старик и потянул его еще сильнее, увлекая прочь из мертвецкой.

Счастливая София, позабыв потери и печали бегала по дворцу распоряжаясь

приготовлениями к празднеству. Погруженная в свои мысли она вышла вместе со служанкой во двор, и замерла на месте. Посередине двора с кем-то разговаривал ее супруг, несмотря на седину, облик царя все еще дышал силой и величием. Лефтерсис неспешно вел беседу с человеком, смотревшимся напротив него мелко и невзрачно. В груди женщины кольнуло, потусторонний взгляд гостя пробил Софию до озноба. С появлением чужака всегда приходили несчастья, точно он приносит их в своих черных глазах.

Напряженно вытянувшись, она подошла к мужчинам, и легким поклоном головы поприветствовала Амадо. Рядом с гостем стоял широкоплечий, коренастый человек, невысокого роста, судя по лицу еще юноша, но жутко уродливый, так ей показалось поначалу.

— Что это? — спросила удивленная женщина.

— Дорогая, это Товард Довард, сын одного замечательного гнома!

— Я знаю, что гном. Что он здесь делает? — сверкнув глазами напала София.

— София! — жестко произнес Лефтерсис, и внимательно посмотрел на супругу.

— Что София? Может ты весь Фанарион соберешь в своем дворце? Сколько еще этот жуткий человек будет привозить с собой проблемы и подвергать нашу семью опасности? — взорвалась София, сверкая на мужа глазами.

Не в силах противостоять супруге Лефтерсис молча устался в землю, желваки заходили на скулах царя.

— Попомни мои слова, этот проходимец погубит и тебя, и меня, и наших детей! Ты не только царь, но и муж мой, так защити свою семью от беды, что несет с собой твой гость! — кинула она в горячке и развернувшись почти бегом ушла во дворец.

— Прости мою жену — смущенно проговорил Лефтерсис.

— Ничего, я все понимаю, это ты меня прости, что вновь прошу приютить сироту — ответил также смущенный Амадо.

— В моем дворце места много, еще на одного точно хватит — улыбнулся гному Лефтерсис.

По сигналу царя прибежали служанки и Товард ушел следом за беспокойными щебетуньями. Гномы на Алкмеях никогда не появлялись, поэтому подземный житель вызывал острый интерес и всеобщее умиление.

— И так, ты вновь здесь! — начал Лефтерсис.

— Как видишь — ответил Амадо, и улыбнулся старому другу.

— Сегодня свадьба моего сына! — гордо сказал царь.

— Как жаль, мой друг, что я ничего не знал о празднике, мне даже нечего подарить новобрачным.

— Ерунда, подарков будет и так много, приглашены все цари Крефей, а уж они не поскупятся, можешь не сомневаться — с улыбкой ответил Лефтерсис.

— А кто избранница? — спросил заинтригованный Амадо.

— Малышка Танаис!

— Кто знает о свадьбе? — лицо Родриго потемнело, а глаза превратились в черные ямы.

— Что-то не так? — мгновенно посерьезнев спросил Лефтерсис, его испугал вид гостя.

— Эльфы знают? — спокойно спросил Амадо, пытаясь не испортить настроение царя, также внезапно поменявшегося в лице.

— Они не знают о Танаис, а после брака будет уже поздно. Алкмеи предъявят права на Ришам — неловко улыбаясь ответил Лефтерсис.

Правитель Алкмей начал понимать, что сделал непростительно опрометчивый шаг, оповестив Крефейских царей о свадьбе.

— Ты же понимаешь, если эльфы узнают правду, они сделают все, чтобы не допустить этот брак — с расстановкой сказал Амадо.

— Ты прав, я приведу войска в боевую готовность! Я как ослеп, ведь и дураку ясно, что наследница империи Золиды, всегда будет под ударом. Эльфы уже привыкли рассматривать Ришам как часть Эмонтарана — с горечью проговорил Лефтерсис.

— Ничего, пора им отвыкать от роли правителей мира. Сегодня начнется эпоха упадка Великих бессмертных — Родриго ободряюще улыбнулся, они посмотрели друг на друга и засмеялись.

Перед праздником Амадо зашел к Лафне, но ее не оказалось дома. Дочери испуганно смотрели на незнакомого человека, которого служанки называли их отцом. Младшая даже заплакала, старшая погладила девочку по голове и принялась утешать, объясняя, что этот страшный человек их папа.

— Эли, не плач, это папа. Зачем ты приехал? — строго спросила Ланаэль старшая дочь Лафны, превратившаяся в молодую леди.

Родриго не верилось, что это та самая девочка, что когда-то назвала его отцом.

— Я хотел вас увидеть, вас и вашу маму — как-то неуверенно произнес Амадо.

— Увидел? Видишь она тебя боится, а боится потому, что не знает кто ты, она выросла без тебя. Мама не может с тобой говорить, ей очень тяжело. Ты оставил ее на многие годы, с нелюбимым мужем. Просто бросил, даже не попрощался...

— Но я ...

— Нет не надо оправдываться! — резко ответила Ланаэль, краснея от душившего гнева как ее мать. — Прошу тебя уходи, и никогда больше не возвращайся. Мы выросли без тебя, думаю и дальше сможем жить, не зная тебя.

Амадо поднялся с табурета, и посмотрев в разъяренное лицо дочери, к которой испуганно прижалась Эли, сказал.

— Я не должен перед тобой оправдываться ... — начал мужчина. — Если бы я мог быть с вами, я бы так и сделал, но жизнь не всегда нам дает то, что мы хотим. Прощай ... Маме скажи, я всегда приду по вашему зову, и ... И я ее люблю, но ... — он махнул рукой и быстро вышел.

Слезы потекли по лицу эльфийки, Лафна пряталась тут же за ширмой, и все слышала. Женщина не хотела, чтобы дочери ненавидели отца, но выйти к тому, кого она любила больше жизни, и вновь потерять его на годы, оказалось выше ее сил. Долгое ожидание испепелило сердце девушки, она ненавидела и любила одновременно. В последнее время, боль притупилась, и она не хотела вновь ощущать муку, которую почти позабыла. Лафна привыкла к спокойной размеренной жизни с тактичным Эйлайном, и что-то менять уже не хотела, да и не могла. Дочери стали смыслом ее жизни, а любовь, как она убедилась, не для нее.

Глава 2

Меньше чем в два года Даност вернул былую славу, торгового центра Тенафара. Припрятанная казна спасла короля от кабального договора с членами Торговой палаты, Довард спутал купцам все карты. Не имея возможности финансового давления, старые торговые дома лишились и значительной доли своих привилегий, а позже и доходов. Особенно болезненно торгашами воспринималось назначение Доварда королевским торговым представителем в Риене.

С тяжелым сердцем Хельм покидал супругу, оставшуюся в Иргаме, но отец настоял, чтобы сын приехал в Риен. Меньше всего Хельму хотелось заниматься выкачиванием золота из Софоса. Одна мысль о возможности встретить мудрого Пурана, вызывала в нем приступ жгучего стыда. Гном стыдился алчности своих соплеменников, в какой-то степени Хельм уже перестал себя чувствовать гномом. Слишком много пришлось увидеть молодому Доварду за последние годы.

Опасения оказались напрасны, работа быстро втянула его в обыденность, а страх встретить мудрого рассыпался в ничто, после сотого посещения Золотого рока. Благодаря его работоспособности и деньгам Иргамы, который получил свою двадцатую долю в добыче, в течении короткого времени Риен очистили от завалов, вернув многочисленные каналы, и золотые реки вновь потекли, наполняя казну обоих королевств. Через год отца отозвали в столицу, теперь Доварды жили неподалеку от королевского дворца, в огромном особняке, под защитой гвардейцев. Даже старые враги начали искать дружбы все сильного Крамвуда Доварда.

В новый дом переехала вся семья, вернулся Войта, получивший статус придворного скульптора, и, к радости, Крамвуда в доме снова раздавались команды ворчливой Ханны. Лишь Мая с сыном осталась в Иргаме. Сколько Ханна не упрашивала Маю вернуться в Танорт, девушка на отрез отказалась покидать дом в Батрах.

Сидя в удобном кресле, на балконе бывшего дома управляющего Риена, Хельм со скучным лицом наблюдал за работой литейщиков. Уже много лет он не видел кошмаров, а сегодня ему приснился храм на той стороне, он снова боролся с Алит. Сон почти стерся из памяти, осталось только ощущение ужаса и теплого прикосновения языка белой лисы. Точно она вот, только, что лизнула его в щеку. В душе снова поселилась неизбывная тоска, хотелось все бросить и бежать. Куда бежать? Он, пожалуй, и сам не знал. Возможно, к жене, к светлой Мае, что осталась так далеко, в чужом королевстве.

Уже восемь лет он качает золото для королевской казны, вокруг постоянно ходят купеческие дома, как гиены облизываясь на лакомый кусок. Ни раз его пытались обвинить в воровстве, и сокрытии истинного объема добычи драгоценного металла, но каждый раз Хельму удавалось отстоять свою честь. Одним словом, враги не дремали, именно поэтому он не стремился возвращать супругу в Даност. В памяти еще живо вставали сцены погрома их прежней усадьбы. Отец не раз писал о том, что к нему зачастили сторонники Традиции Камня, пусть и осторожно они пытались оказать давление на главу королевского совета.

Рабочие лениво разгоняли потоки жидкого золота, стараясь очистить каналы от его остатков. По ту сторону, на Софос спустилась ночь. Золото стыло, росли деревья, горы, мир наполнился звуками. К барьеру подошел олень, так они называли этих странных животных, чем-то смахивавших на привычных травоядных родного мира. Животное принялось и

учувяв тяжелый запах гномов, отскочило вглубь, быстро скрывшись в густом лесу. До слуха еще долго долетало беспокойное шуршание золота листвы и трав.

Рабочие закончили, устало подошел бригадир.

— Господин Довард, мы закончили — доложил он Хельму.

— Угу, я вижу. Можете быть свободны, через неделю новая вахта, постарайтесь вернуться в полном составе — ответил Хельм улыбаясь.

— Не волнуйтесь, уж я прослежу, чтобы в этот раз Теги не нажрался. Уж можете быть покойны за это — принялся уверять мастер.

Вспомнив как в прошлую смену, его старший сын перебрал в кабаке, и не смог выйти на работу. Чувство беспокойства и неловкости поселилось на лице пожилого гнома, Хельм еще раз улыбнулся и ответил.

— Я знаю, что так оно и будет, но все же должен напомнить.

Мастер кивнул и ушел. Хельм вновь погрузился в невеселые мысли. Сколько прошло времени гном сказать не мог, должно быть много, поскольку ноги сильно затекли. Слух что-то уловил, непривычное, что-то чего не должно было быть. Хельм оторвал взгляд от сапог и всмотрелся в марево, разделявшее два мира. Из прохода на него смотрели мудрые глаза золотого великана.

— Пуран? — удивился Хельм, приподнимаясь с кресла. — Ты давно тут? Тебе не стоит сюда приходить, это опасно — быстро проговорил гном, не сводя глаз с мудреца.

— Приветствую тебя маленький искатель правды — ответил Пуран. — Я удивлен, что увидел здесь тебя! Твои соплеменники убивают мой мир, высасывая его жизнь! Не думал, что и ты в этом примешь участие!

— Прости их..., нас, за причиненную боль...

— Прощаю, но раз ты оказался здесь, значит судьба хочет, чтобы ты поступил правильно. Искупил вину своих соплеменников.

— Не понимаю, что я могу сделать? — удивился Хельм.

— Ты знаешь. Твоя совесть тебе не раз подсказывала правильное решение...

— Я не могу..., это касается не только меня. Это касается всего моего народа, и, и моей семьи. Я не могу этого сделать...

— Можешь. Не хочешь, но можешь. Что же придет тот день, когда ты поймешь свою ошибку, осознаешь всю жесткость того, что вы творите, повинувшись жажде наживы. Твой народ убил Итель, ее превратили в металл для обмена, переплавив прекраснейший образец природной красоты в слиток.

— Вы напали, гномы защищались... — попытался возразить Хельм.

— Ты в это веришь? — улыбнулся Пуран.

Гном потупился, его придушила волна гнева и смущения, когда он наконец поднял глаза, мудрый исчез. Вскочив с кресла, Хельм в гнев разнес его в щепу, лишь боль от ушибленной руки привела его в чувства.

Солнце легло в лазурные воды Эльфийского моря, вспыхнули священные костры. Меж бушующих огней прошли молодые. Обряд очищения продолжил акт омовения, Танаис и Маттейос с разных сторон вошли в голубую чашу, вырезанную в цельной породе материковой скалы. Лазурная смальта загадочно переливалась под морской водой, внизу притаились мозаичные рыбы, в неясном свете они обрели жизнь. На краю бассейна нагие тела брачующихся, скрыли белоснежные полотнища, жрецы заботливо пристроили ткань на

гибких телах молодых. Держась за руки, они вышли к Колоннаде Праона, покровителя Алкмей. Жрец в белых одеждах, подал кубок с кровью быка, тут же принесенного в жертву.

Отпив по глотку, новобрачные, взялись за руки, и глядя в глаза друг другу принесли клятвы верности. Невеста скинула верхнюю одежду, а Маттейос, на правах мужчины, обмакнув свой клинок в кубок с кровью, вылил его содержимое в священную жаровню. Запах паленной плоти, смешался с благовониями, одуряюще кружа головы. Жених подхватил невесту на руки и понес в священный грот, расположенный в самом конце портика, посвященного Иллидану, богу морей. Вскоре жрецы вынесли белоснежное полотно и торжественно пронесли одеяние перед собравшимися, демонстрируя алое пятно, расплывшееся на его поверхности.

Гости восторженно вскричали, воодушевленные чистотой невесты. Веселая гурьба ввалилась в пиршественный зал, песни и танцы наполнили царский дворец. Вино разливалось на ходу молодыми рабами, гибкие путаны обольщали пьяных гостей, борясь за внимание мужчин со жрицами храма Элои, покровительницы всех тех страстей, что украшают отношения мужчин и женщин.

Столы ломились от вина и яств, гости разбрелись по дворцу и садам, примыкающим к нему. Толпы разодетых людей шутили, веселились, и любили друг друга.

Мрачный взгляд Амадо, выбивался из атмосферы общего веселья. Чужестранец охранял молодых, оставаясь незаметным, чтобы им не мешать. Настроение испортили не только обязанности стража, но и случайная встреча с Лафной, они столкнулись в преддверии церемонии. Лафна в сопровождении Эйлайна и дочерей прогуливалась в кругу эльфов, осевших на Алкмеях, с любопытством наблюдая за приготовлениями к свадьбе. Столь неожиданная встреча привела всех в смущение. Вежливо раскланявшись, эльфы прошли мимо, Майда как всегда надменно проигнорировал Амадо, а Лафна испуганно отвернулась и сделала вид, что не узнала его.

С испорченным настроением человек заступил на свое дежурство. Молодые постоянно смеялись и о чем-то тихо шептались. Родриго не вслушивался в милую болтовню влюбленных, тихо сидя в своем укрытии. Стараясь не производить лишнего шума, он внимательно всматривался в ночные тени. В предрассветный час, мимо проплыл темный силуэт. Поначалу Родриго принял его за тень пробежавшей по небу тучки, на секунду перекрывшей свет яркой луны.

Он вновь погрузился в свои мысли, но рядом звякнуло железо, адреналин расширил зрачки Амадо. Острота зрения обострилась до предела, теперь он отчетливо видел три, а затем семь призраков, тихо крадущихся к гроту. Стражи, ничего не подозревая, в полголоса вели беседу, собравшись у костерка. Кто-то пронес бурдюк с вином, и они украдкой праздновали свадьбу на посту.

— Вот уроды — выругался про себя Родриго.

— Убийцы!!! — прокричал он, выскакивая из своего укрытия, и влетая в стайку крадущихся теней.

Похватав копья и щиты, стражи кинулись на помощь гостю, завязался бой. Булава Родриго выхватывала врагов одного за другим, несколько раз о его броню стукнули стрелы, пущенные откуда-то из зарослей дворцовых садов.

Схватив щит одного из павших стражей, Амадо ринулся к выглядывающему из грота Маттейосу. Круглый щит прикрыл жениха от неминуемой смерти. Стрелял кто-то очень меткий, стрелы, пущенные из далека, летели точно в цель, если бы не броня Родриго, они

давно бы поразили его глаза, или сердце. Прикрывая щитом молодоженов, рыцарь затолкал их как можно глубже в грот. Амадо надеялся переждать атаку, пока придет подкрепление.

Стрелы сыпались не только на грот, расстреляли и пиршественный зал, и гостей, разбежавшихся по дворцовым садам. Меткие выстрелы убили Майда, пробив на вылет голову эльфа, потрясенная Аная качала мертвого отца на коленях сидя возле его тела. Несколько командиров Алкмей также пали, пораженные смертоносными снарядами, гости в панике разбежались. Мужчины хватались за все, что хоть как-то напоминало оружие, и пытались сопротивляться убийцам. Многие падали, пробитые стрелами так и не найдя врага.

Люди металась как помешанные, кто-то опрокинул жаровни, начался пожар. У выхода случилась давка. Отряд эльфов, облаченных в доспехи, прорубался к Лефтерсису. Копье царя сбило одного с ног, пригвоздив к полу. Круглый щит отбил атаку, эльфа в черных доспехах, что-то знакомое показалось Лефтерсису в облике убийцы.

Прежде он уже встречал его. Вот, только где? Меч врага снова слетел со щита, ловкий удар царя опрокинул эльфа на пол. Лефтерсис нацелил край щита на голову врага, стрела пробила ему горло, застряв в толстой шее воина.

Вскочив на ноги, эльф навис над упавшим на колени царем, и крикнул.

— Я пришел, за тобой и твоими детьми!

Лефтерсис вспомнил имя убийцы, перед ним стоял Фирафир. Стараясь пересилить слабость, непреодолимо гнущую к земле, он попытался встать, но меч Фирафира не дал царю шанса. Голова упала возле тела мертвого правителя, все еще продолжавшего стоять на коленях.

На эльфа навалились воины Алкмей, жала копий соскальзывали с доспеха невиданной прочности. Меч Фирафира летал из стороны в сторону, перерубая копья и забирая жизни атаковавших его алкмейцев. Под прикрытием стрелков эльфы, пробились к внутренним покоям дворца, где скрылись в жилых помещениях. Подоспевшие копейщики заперли все выходы из дворца, рассчитывая загнать убийц в ловушку.

Эльфы пробежали по коридорам и залам царского дворца, останавливаясь только для того, чтобы убить еще одного случайно вставшего у них на пути. Огромный эльф остановился у неровной кладки, и нажав нужную комбинацию отворил потайную дверь. Подбежал отставший Фирафир, он тащил за собой упирающуюся эльфийку, настолько хорошенькую, что ни у кого не возникло сомнений, что перед ними представительница рода Аманитель. Весело гогоча на проклятия малышки, эльфы спустились к секретной пристани, где их уже ждали быстроходные эльфийские корабли.

— Кого только не найдешь в покоях дворца Лефтерсиса! Вот такие у нас союзники — возбужденно проговорил Фирафир. — А мы ищем куда делась Лафна, а тут уже целый выводок — малышка попыталась вырваться, но мощная оплеуха погрузила девочку в одуряющую черноту.

Обстрел прекратился так же неожиданно, как и начался. Эльфы, запертые во дворце, точно растворились, их поиски ни к чему не привели.

Вскоре подоспел Амадо, взбежав по ступеням он застыл на месте. Пиршественный зал устилали тела расстрелянных, затоптанных, и сожженных заживо. Возле тела Лефтерсиса стенала София. Родриго не решился подойти ближе, боясь попасться женщине на глаза. Он осмотрел помещение, но определить откуда велся огонь так и не смог. А вот следы отряда убийц четко отпечатались на залитом кровью полу.

Десяток эльфийских воинов вышел из внутренних покоев, а после кровавой расправы,

убийцы прорвались обратно во дворец.

Из задумчивости его вырвал знакомый голос.

— Амадо! — он повернулся и увидел Эйлайна. — Амадо похитили Эли! — неуверенно произнес эльф.

Амадо рванулся к комнатам Лафны, но Эйлайн его удержал.

— Постой — это еще не все. Ланаэль смертельно ранена, а Лафну я нигде не могу найти.

Не слушая более эльфа, Родриго побежал в покои Лафны.

Грудь Ланаэль тяжело вздымалась, стремясь насытить легкие кислородом, большая потеря крови вытягивала жизнь из юной эльфийки.

— Папа... — проговорила она, едва разлепляя спекшиеся губы. — Папа, я пыталась, но он меня... ууу — застонала девушка, корчась от боли.

Родриго почти не слышал слова дочери, все внимание поглотила рана Ланаэль. Он умело пристроил серебристый стек к глубокому порезу, затем отбросил прибор в сторону, здесь кальцер не поможет, требовалось покрывало. Трясаясь, от нервного напряжения, он рылся в круглом сундуке, но оно, как назло, куда-то задевалось.

Ланаэль застонала, повернувшись к дочери, Амадо увидел внутренним взором куда сунул релаксатор.

Отряд двигался осторожно, стараясь не шуметь. Разведка всегда требовала полного внимания, и тишины. Войдя на чужую территорию, гномы несколько робели. Все помнили золоченные останки собратьев и орков, что остались после нашествия. В любой момент могли появиться великаны. Никто не горел желанием входить в мир, где в любой момент прохлада долгой ночи, может смениться жутким жаром. Вылазку пришлось организовывать, так как вопреки ожиданиям, на этот раз ночь в золотом мире не закончилась, ни через неделю, ни через две. И даже спустя месяц, золото все также оставалось твердым. В столице начали беспокоиться, поскольку поток драгоценного металла резко прекратился, нарушив все планы и расчеты.

Новый король вел столь масштабные стройки, что и много веков спустя Торна вспоминали не иначе как короля-строителя, создавшего неповторимый облик позднего Даноста. А строительство как известно требует больших денег. Король озаботился причиной перерыва в золотых поступлениях, и принял решение направить большой отряд в неизведанный мир. Чести первыми ступить на вражескую территорию, удостоились воины Каменной головы, но даже головорезы элитного отряда испытывали неосознанный страх перед тем, что скрывал золотой мир.

Отряд вошел в лес, шуршаине золотых листьев, разнесся по чаще. Всполошились птицы, и громко крича улетели прочь, тяжело разрезая воздух золотыми крыльями. Воины замерли, но странный мир дышал покоем и миролюбием. Спустя сутки в Софос вошли первые бригады горняков.

За месяц на новом плацдарме выросла целая система добычи золота. Быстро углублялся открытый карьер, гномы не успевали вывозить все добытое за день. Пришельцы постепенно нагнали и вот уже отряды рудознатцев, принялись совершать длительные рейды в глубь территории, проводя разведку полезных ископаемых.

Хельма вызвали в столицу, отказаться он не мог, управляющего пригласил сам король. Пришлось вызвать Маю с сыном из Иргамы, поскольку Торн хотел сам увидеть знаменитую

белую деву, ту, что так поразила его отца. Эта затея не нравилась ни Хельму, ни Мае, лишь юный Товард радовался, возможности увидеться с дедом и бабкой.

Встретив Маю на границе, Хельм вместе с супругой и сыном въехал в Танорт. Вопреки ожиданиям столица встретила знаменитого управляющего, славя имя Довардов. Королевский прием порастил даже выдавших виды сановников. Среди хвалебных речей и благодарностей Кальвайсу, отцу камня, прозвучало обещание отдать золотой прииск Риена в вечное управление семье Довардов. К удивлению торгашей, Мая произвела на Торна столь же сильное впечатление, что и на его отца. Король настоял, чтобы она осталась при его дворе.

Оставив супругу на попечение отца, Хельм вернулся в Риен, тут его ждала неожиданность. Пока он отсутствовал управление городом перехватил Ниту Канфер, новый командующий Каменной головой. Между управляющим и командиром элитного отряда произошла ссора, гонец с посланием от Хельма выехал в столицу. Требовалось личное вмешательство короля, чтобы приструнить распоясавшегося вояку. Ночью Хельма, выволокли из его постели, и изрядно поколотив кинули в тюрьму. Придя в себя, гном долго не мог понять, что с ним случилось, в поисках воды он принялся шарить в темноте каменного мешка, пока не наткнулся на что-то мягкое. Присмотревшись внимательнее Хельм с ужасом, узнал в бесформенной куче тело гнома, того самого гонца, что он накануне отправил в столицу с донесением. Первый шок прошел. Хельм напряженно размышлял, глядя на одинокое пятно света, падавшее из оконца под потолком. Происходило, что-то странное, что-то, что очень смахивало на заговор, против него, а возможно и против короля.

Сетка мерно мигала, спокойное дыхание Ланаэль подарило надежду, что девушка оправится от тяжелого ранения. Глубокий сон избавил ее от мучительной боли, а прибор постепенно восстанавливал поврежденные такни тела. Амадо лихорадочно пытался найти в своей памяти последние сведения о местопребывании Риманта. Кажется, в последний раз лекаря видели, в городе под названием Лофант. Мелкий городишка на границе Амората и Лампеды, там вроде свирепствовала чума. Дверь распахнулась в комнату вошла Лафна, не глядя на Родриго она подбежала к дочери, он ее остановил, не давая прикасаться к девушке.

— Пусти меня, гад! — кричала эльфийка, в ярости стуча кулачками в грудь мужчины.

Амадо молча принимал удары, требовалось время, чтобы женщина успокоилась и пришла в себя.

По войску поползли разговоры о предательстве, и первым под обвинения попал мрачный чужак. Его попытались арестовать, Родриго ответил отказом, началась схватка, лишь вмешательство Маттейоса предотвратило кровопролитие. Наследник алкмейского престола, приказал оставить чужестранца в покое и предложил поискать предателей среди соратников.

Вскоре вскрылся источник обвинения. София в безумной ярости искала виновных в гибели мужа, и первый кто пришел на ум несчастной женщине оказался чужак с жутким взглядом. Маттейос рассказал Софии кто спас его и Танаис в гроте, рискуя своей жизнью. Потрясенная вдова рыдала, не находя выхода ненависти. Несколько дней спустя женщина принесла извинения в коротком письме, посланном Амадо со служанкой.

Молодой наследник столкнулся с притязаниями на трон старших стратиотов, опытных мужей, что стремились воспользоваться ситуацией и вернуть Алкмеи к старым порядкам. Маттейос удивил многих, в том числе и свою мать. Собрав всех на совещание, молодой

принц устроил допрос, и вскрыл предательство. К удивлению Софии, совет, не осудил предателя, а встал на его сторону, требуя от Маттейоса отдать приказ войскам провести выборы нового царя. Архонты молчали, не вмешиваясь в дела военных. Многолетнее правление Лефтерсиса приучило старейшин оставаться в тени, их голос потерял решающее значение, приказ василевса стал законом.

— Мне надо подумать — ответил принц.

Он поднялся, и обойдя священный очаг, открыл дверь, приглашая кого-то принять участие в Совете. Стратеги с интересом наблюдали за Маттейосом, в зал вошла Танаис. Воины вскочили со своих мест, и выкрикивая оскорбления, потребовали вышвырнуть женщину из собрания мужчин.

Игнорируя оскорбления, Маттейос спросил супругу.

— Дражайшая моя жена мне предлагают отказаться от наследия отца, и отдать власть предателю и убийце царя Алкмей! Как по-твоему мнению я должен поступить?

В зале повисла тишина, безоружные командиры замерли в ожидании развязки спектакля, что перед ними разыгрывал сынок почившего василевса.

— Я думаю, что мой царь не оставит без наказания преступление и предательство. Предатель, а вместе с ним и те, кто его поддержал должны умереть — улыбаясь проговорила Танаис.

— Что же, я не ошибся в своем выборе, судьба подарила мне умную жену. Это здоровое предложение, не так ли? — обратился Маттейос к членам Совета.

Воины кинулись к принцу, пытаясь его скрутить. Танаис, попытавшуюся встать у них на пути, отшвырнули в сторону. Маттейос нанес несколько ударов, прежде чем его повалили. Позади послышались стоны, и багровая лужа потекла к ногам членов Совета. Оглянувшись, стратеги увидели, как молодая царица оттолкнула тело воина с перерезанным горлом. Разбрызгивая кровь, мертвец упал на пол. Секунда и шок прошел, опытные воины, ловко уворачиваясь от клинка бросились к девушке, обходя ее с разных сторон.

Спокойствию, с которым Танаис встретила нападавших, мог позавидовать выдавший виды ветеран. Несколько человек застонали, кто-то хватался за распоротый живот, кто-то прижимал края раны на шее. Легкость, с которой Танаис двигалась, поражала, как в жутком танце девушка, убивала мужчин одного за другим. Маттейос с благоговейным страхом наблюдал как жена справляется с убийцами его отца.

Вдруг Танаис сбилась, и упала на пол. Сверху навис мощный торс Ведалиса, когда-то считавшегося соратником Лефтерсиса. Меч воительницы оказался в руках стратиота. Резко размахнувшись клинком, он прицелился, желая отсечь прижатую к полу руку Танаис, с тем расчетом, чтобы отрубить девушке кисть.

— Назад!!! — раздался грозный окрик, воины застыли.

Маттейос повернул голову на крик, со стороны входа к ним приближались чужак и эльф, оба вооруженные и, вне всякого сомнения, готовые вступить в бой.

— Отпустите вашу царицу! — приказал Маттейос.

Нехотя члены совета отпустили Танаис.

— Это предательство!!! — закричал Ведалис. — Ты щенок посмел ввести в зал мужчин, свою бабу, и чужаков. Посмотрим, как ты это объяснишь войск... — прошипел старый воин.

Точный удар Амадо оборвал речь Ведалиса, воин повалился с разmozженной головой, остальные члены Совета подчинились, ломаясь под жутким взглядом горящих, черных глаз.

Несколько дней спустя Маттейос получил обруч царя. После чего новый василевс начал

репрессии. Члены Совета подверглись пыткам и допросам. Немного погодя их казнили, лишь несколько заговорщиков получили право покончить с жизнью собственноручно.

Над городом повисла ночная тишина, лишь постоянная дробь орудий, добывающих драгоценный металл Софоса, нарушала покой Риена. В голове роились мысли о судьбе короля, постепенно росло беспокойство, переросшее в страх за семью.

Мысли вырвали управляющего из реальности, но мозг назойливо сигнализировал, о переменах что наступили пока гном копался в своих чувствах. Над городом повисла гробовая тишина, стихли шахтерские работы, не стучали вагонетки, встали механизмы. Едва гном осознал перемены, тишину разорвал громкий звук, резкая боль прошла уши Хельма. В голове пронеслась мысль, что это женский крик, гному даже показалось, что голос ему знаком. Голос, вызвал в памяти образ танцующих дев, золотых жительниц Софоса. Хельм подскочил к окошку и подтянувшись на решетке, посмотрел в сторону Золотого рока.

У прохода, на площади, два десятка воинов Каменной головы при помощи веревок и сети пытались удержать золотую деву. Напрягая все силы в попытке избавиться от пут, дева издавала время от времени трубный крик, словно взывая к тому, что осталось за маревом. Бросалось в глаза, что ее тело становилось все более скованным, а попытки освободиться все слабее, чужой мир лишал жизни тело несчастной. Вперед вышел коренастый воин, он неторопливо подошел к голове девы, вальяжно пройдясь перед ее лицом, гном посмеиваясь вскинул кайло. Острие взметнулось над головой война, глаз Хельма не успел заметить, когда гном исчез. Дева неожиданно легко поднялась, и освобождаясь от пут, медленно побрела в сторону прохода.

До камеры донеслись звуки тяжелых ударов, в мгновение ока площадь превратилась в муравейник, отовсюду высыпали гномы в полном боевом снаряжении. Удары становились все громче, взгляд Хельма уловил движение, что-то огромное отливая золотом вылетело на площадь. Тараном влетев в толпу гномов, золотая скала, принялась крушить мелких врагов. Воины Каменной головы разлетались в разные стороны как щебень. Сети и веревки, набрасываемые на великана, рвались, подобно тонким нитям. Золотая машина методично разбрасывала налетавшие на нее отряды, топча и размазывая врагов по камню площади.

Из прохода появились еще несколько великанов, а затем, на площадь вышли сотни воинов золотого мира. В считанные минуты город превратился в руины, кто успел тогда бежать, еще много лет с содроганием вспоминал эту ночь.

Стена темницы исчезла, открыв выход на свободу. Хельм едва успел отскочить от окна. В камеру заглянуло огромное существо, занесенная для удара рука повисла в воздухе.

— Приветствую тебя менестрель! — услышал Хельм знакомый голос.

— Пуран прошу останови уничтожение Риена, я закрою проход, только останови этот ужас! — взмолился гном.

— Хорошо, что ты осознал то, что я тебе говорил. Жаль, что так поздно. Я верю твоему слову, менестрель, и потому остановлю разрушение столь любимого тобой города. Только помни ты дал слово, и, если нарушишь его, мы завершим начатое. У тебя есть время до завтра! Утром мы вернемся и уничтожим твой народ.

— Почему? Вы же мудрецы! Вы любите жизнь! — испуганно спросил Хельм.

— Вы нам не оставили выбора! — спокойно ответил великан.

Громовой крик заставил гигантов повернуть к мареву, где спустя четверть часа скрылась золотая армия.

Поиски флейты осложнялись непроходимыми завалами, дом в котором Хельм жил последние восемь лет лежал в руинах. Оставшиеся в живых рабочие расчищали центральную улицу, чтобы выжившие могли бежать. Довард младший пытался подсчитать убытки и примерно оценить разрушения. Вонь разможённой плоти, вызывала тошноту. Хельм старался не смотреть на изувеченные останки воинов, боясь, что его выкрутит.

Частично обвалившаяся стена скрывала чье-то тело, из-под обломка торчали только ноги. Хельм попытался поднять кусок камня, но сил не хватило. На помощь управляющему пришли горнорабочие, вместе они сдвинули глыбу.

Под обвалившейся стеной лежал сильно покалеченный воин. Освободив проход в нижние помещения, Хельм склонился к телу погибшего, чтобы сдвинуть обезображенный труп в сторону. Едва он коснулся мертвеца, как сильные руки схватили отворот его кафтана, и притянули ближе к себе.

— Они ушли? — раздался голос.

— Да, да сейчас я тебе помогу... — попытался поддержать раненного Хельм.

— Да прекрати ты. Мне конец. Ты что меня не узнаешь? — спросил раненный.

Внимательно приглядевшись Хельм с изумлением, узнал Ниту Канфера.

— Ты сгубил своих воинов! — гневно выпалил гном, в лицо командиру Каменной головы. — Ты их убил, идиот! У вас не было ни пол шанса... Они же разрушили город! Риена больше нет! Понимаешь, город погиб, из-за тебя дурак!!!

— Ха, ха, ха, а ты все-таки тупой... — смеясь проговорил Ниту. — Я прекрасно понимал, что многие погибнут..., я знал, что придут они... Мы для того ихнюю бабу и отловили...

— Но зачем? — изумился Хельм.

— Затем, что теперь Доварды никогда не будут владеть золотом Риена... После такого — он обвел глазами руины. — Никогда... — дыхание Ниту прервалось, глаза закатились.

Времени на эмоции не осталось, приходилось спешить. Хельм перешагнул мертвеца, и продолжил поиски флейты. Он судорожно переворачивал, то, что уцелело после погрома, но флейта никак не находилась.

Ситуация повернула по спирали, в столице вновь назревал переворот, его семья в очередной раз оказалась в опасности. Долгие часы пролетели незаметно, постепенно подходил час, назначенный Пураном. Хельм заметно нервничал, флейта словно провалилась сквозь землю. В отчаянии гном пнул фигурный осколок, еще утром украшавший фасад его дома, из-под ноги мелодично звеня выскользнула флейта и подскакивая на рваных краях камня покатила вниз. Не веря глазам, он кинулся следом, и едва успел подхватить ценный артефакт, который чуть снова не закатился под обвалившийся фасад.

Не теряя ни минуты гном подбежал к проходу, сквозь марево, разделявшее миры, Хельм увидел стоящие рядами золотые громады воинов Софоса. Горы металла, покрывавшего тела великанов, блестели в свете трех лун, где-то позади виднелись стройные девы, испуганно выглядывавшие из-за спин гигантов. Верные данному обещанию мудрецы ждали урочного часа.

Над руинами Риена, разлилась тоскливая мелодия. Мареву вздрогнуло, воздух загудел, золотой мир подернулся дымкой, видения с той стороны поплыли, теряя внятные очертания. Хельм никогда не мог сказать, что исполнит. Музыка флейты рождалась сама в душе гнома, на этот раз мелодия закрыла проход, оставив на его месте глухо гудящую стелу. Единственный уцелевший памятник в разрушенном городе. Памятник жадности гномов.

Толпа неразборчиво шумела прямо за створами мощной двери, снаружи долетали отдельные крики.

— Вон из Даноста!!! Предатели!!! Смерть чародейке!!!

Испуганная Мая прижималась к подростшему Товарду. Юноша не боялся, он не помнил тех дней, когда разгневанная толпа также стояла под стенами дома Довардов.

Приоткрыв окошко в двери, Ханна спросила командира гвардейцев, что защищали подходы к дому.

— Капитан у вас все в порядке?

— Все хорошо госпожа, вам не стоит беспокоиться! — ответил капитан, приподняв забрало, он сильно кричал, стремясь перекрыть шум толпы, окружившей дом. — Сейчас придут дополнительные отряды, и мы разгоним смутьянов! Главное оставайтесь под защитой стен! — воин улыбнулся, Ханна сразу успокоилась.

Страшнее всего для хозяйки дома, оказалось отсутствие Крамвуда. Довард старший с утра отправился во дворец, и, хотя от их дома до резиденции Торна расстояние не превышало и трехсот метров, Крамвуд все еще не появился. Напрасно волновалась Ханна, по приказу Торна Крамвуда не выпускали из дворца. Король лично потребовал, от королевского советника остаться при его величестве. Взамен обещая отправить гвардию разогнать, взбунтовавшуюся толпу.

В холл вышел Войта, он удивленно спросил.

— Мам, что случилось? Откуда толпа?

— Наши доброжелатели, настроили плебс против нас. Горожане требуют Маю и ее сына на расправу — расстроено ответила Ханна.

— Это опасно? — обеспокоено спросил скульптор.

В холл вбежали его дети, а за ними вошла супруга Войта.

— Что за шум? — спросила она в свою очередь.

— Маю требуют выдать, а нас обвиняют в попрании традиций, ну все как обычно. Ты же знаешь? Вопрос кто это все организовал — ответил Войта, успокаивая супругу.

— Это опасно? — спросила испуганная женщина.

— Нет, конечно! Нас охраняет гвардия короля. Если, кто-то попытается к нам прорваться они остановят негодяев — ответила Ханна.

В душе женщины вновь всплыли чувства, казалось, давно забытые. Долгие годы Ханна старалась не смотреть на причину своих бедствий, но сейчас она снова ненавидела Маю, внутренне коря сына за столь неудачный выбор пары.

Мая словно угадывая чувства свекрови, молча смотрела в пол перед собой, крепко прижимаясь к Товарду. Стараясь развеять напряжение, Уля, супруга Войта, увела детей и Ханну на кухню, в то время как скульптор остался у дверей.

Войта плохо знакомый с войной, вооружился большим молотком, и облачился в кольчугу прадеда. Шлем на нем сидел как-то неловко, и Товард рассмеялся, глядя на дядьку. Мая подняла испуганные глаза и тоже растянула бледные губы в улыбку. Смущенный скульптор неуверенно поглядывал на странных родственников, но столкнувшись со взглядом Май, стыдливо опустил глаза. Его смутил взгляд чужачки. Беззащитная доброта, и необычное тепло ее улыбки, что-то перевернули внутри скульптора. Глядя на Маю, он не

испытывал отвращения или страха, наоборот что-то родное и теплое прокралось в его душу. Только теперь он понял, почему брат выбрал ее в жены.

На кухне, послышалась возня, упала сковорода, вскрикнула кухарка Рина, Войта поморщился и проговорил.

— Ну начинается. Рина, как всегда, паникует. Ох уж эти простолюдины, чуть, что паника.

Резко развернувшись на звук Мая, напряженно всматривалась в дверной проем, ведущий на кухню.

— Там чужаки! Убийцы! — быстро проговорила женщина.

Войта изумленно уставился на Маю, но спорить не стал. Легко поднявшись с табурета, он направился к закрытым дверям кухни, и едва не получил по лицу, внезапно растворившейся створкой. В комнату ввалилась Ханна, а за ней вошел воин в боевом снаряжении. Блеснул меч, резкий выпад пронзил Ханну, и Войта, в руки которого, женщина упала, вырвавшись с кухни. Удивленно округлив глаза Войта, пытался поддержать мать, но его тело оседало вниз, следом за телом Ханны. Мать и сын медленно упали на пол, заливая кровью ковер. Не обращая внимания на убитых, воин направился к Мае. Девушка успела отойти на середину комнаты, и закрывая собой сына, сурово смотрела на убийцу. Случайно брошенный взгляд на кухню, выхватил еще пятерых гномов в военном облачении. Тело кухарки Риной, с почти отрубленной головой, и сидящую прислонившись к каменному столу супругу Войты.

Не дойдя трех шагов до Маи воин остановился, его подельники подошли следом, и также застыли напротив женщины. Из-за спины матери вышел Товард, парень подхватил табурет, на котором мгновение назад сидел его дядька. Седой ветеран неспешно двинулся ему наперез. Табурет взлетел в крепкой руке Товарда, клинок звякнул о деревянную ножку. Нехотя, как через силу убийцы развернулись к юноше. Тяжелые движения, точно в глубокой воде, удивили Товарда, враги застыли и повернули головы к женщине.

— Убей их! — зазвенел хрустальный голос Маи, разрывая неправдоподобно густой воздух.

Первый убийца развернулся и хлестнул мечом своего соседа. Удар пришелся в лицо, в ответ клинок пробил глаз нападавшего. Медленно оседая на пол, воины смотрели друг на друга, не веря в происходящее. Остальные застыли на секунду, а затем началась всеобщая свара. Звон оружия разлетелся по помещениям, мужчины бились насмерть. Товард, раскрыв от удивления рот, смотрел во все глаза на безумный поединок убийц. Неожиданно все стихло. Последний, которому повезло выжить, тяжело дыша уставился на товарищей, что убила его рука. Гном силился вернуть власть над своим телом. Медленно подняв глаза, убийца процедил.

— Сука!!! Правду говорят! Проклятая колдунья!

Тяжело волоча раненную ногу, убийца Ханны приблизился к Мае, он, не отрываясь смотрел женщине в глаза. Беспшумные движения Товарда не привлекли внимания убийцы. Сильные руки юноши подхватили молот одного из павших воинов Каменной головы. Громкий хруст сломанной шеи оборвал повисшую тишину. Руки убийцы разжались, громко звеня на пол упал меч, следом рухнул воин. Тело ветерана дергалось точно тряпичная кукла, подвешенная на нити. Разбитая голова неестественно запрокинулась. Товард опустил фигурный молот, звонко щелкнув стальной чушкой по полу. Удар юноши оказался точным, несмотря на трясущиеся руки.

Благодарно взглянув на сына, Мая побежала на кухню, громко выкрикивая имена детей Войта, но ответа не последовало. Все еще не желая верить в случившееся, Мая обогнула каменную тумбу, служившую кухонным столом, и там нашла детей. Девочка лежала навзничь с пробитой навывлет грудью, а тело мальчика наполовину скрывала темнота секретного прохода в стене кухни.

Тайный проход, о котором никто из Довардов не знал, послужил дверью для убийц. Предыдущий владелец имения, Пет Кахта, из богатейшего торгового дома, оставил этот секрет для себя. Все встало на свои места, пока толпа отвлекает гвардейцев, убийцы по наводке Пета Кахта пробираются потайным путем в дом Довардов, и убивают всех, кого найдут внутри. Совершив убийство, воины должны скрыться тем же путем, что и пришли, оставив власти в недоумении, по поводу случившегося.

Дверь снаружи отворилась в помещение вошел Крамвуд. Старик застыл на пороге, уставившись на тела сына и жены, гном не мог поверить, что они мертвы. Гвардейцы проверили дом, но никого более не обнаружив, окружили Маю с сыном и повели их к выходу. Воины попытались захватить с собой Крамвуда, но Довард старший не реагировал на них, и гвардейцы оставили потрясенного горем старика. Снаружи, у дома, и у тайного входа, дежурили воины Торна, они остались на случай опасности.

Прошло не меньше получаса, дверь тихо скрипнула и на пороге показался знакомый силуэт. Крамвуд пытался припомнить, где видел его ранее, пока с изумлением не узнал в вошедшем Хельма.

— Сынок? Ты здесь? Прости не уберег — тихо проговорил Довард старший.

Войдя в дом Хельм обессиленно опустился на табурет, на котором еще совсем недавно сидел Войта.

— Ну хоть Мая жива, и Товард... — успокаивал его отец, говоря скорее для себя, чем для сына.

— Она погибла отец — глухо прозвучал голос Хельма.

Крамвуд сначала не понял, о чем ему говорит сын, но секунду спустя поднял глаза на Хельма. Только сейчас старик увидел, в каком состоянии его сын. Опущенные плечи, пустой взгляд, и слезы, текущие по щекам сурового гнома, говорили о внутреннем сломе.

— Что ты говоришь? Она жива! Я же сам видел, как ее и Товарда уводили гвардейцы! — с жаром залепетал старик.

— Ее убили на площади. Я видел тело, отец. Она мертва — Хельм плакал, не скрываясь как ребенок, Крамвуд молча отвел взгляд в сторону.

От пустынной пристани, скрытой в пещере, отплыл одинокий корабль. Он уносил с Крефей чужака, тем же путем, что ушли эльфы в день кровавого возмездия Фирафира. Пристань обнаружила Лафна, которая преследовала похитителей Эли. Эльфийка не сумела нагнать убийц, за что Амадо благодарил небеса, иначе он потерял бы и ее. Путь его лежал в Лофант, туда, где сейчас спасал жизни, лучший лекарь этого мира.

Лампеда сотрясаемая династическим кризисом переживала эпидемию Красного мора, а где мор там и лекарь.

Вонь горящего тряпья, и паленой плоти, предупреждали путника о заразе, задолго до появления крепостной стены на горизонте. Войска намертво закрыли проход в город, карантин остановил все движение в округе.

Хмурые стражи у ворот, беззлобно обругали Амадо, когда он попытался всучить взятку.

Местные запуганные болезнью, вполголоса рассказывали о Черном докторе, что много лет назад заключил пари с самой смертью. С тех пор они бьются за каждую жизнь, с переменным успехом. Родриго сидя на пенке свежесрубленного дуба, с интересом слушал местные байки о подвигах Риманта, дивясь про себя богатой фантазии селян.

— Черный Доктор ушел в Лампеду, но там война, опасно — смилостивился молодой парнишка, видать совсем недавно поступивший на службу.

— А где сейчас больше всего болеют — не теряя надежды отыскать друга, спросил Амадо.

— Так нынче из Транки староста пришел. Сказывал, что у них там от кровавого поносу людей много померло. Стало быть, там и мор.

Не рассчитывая на успех Родриго, поспешил в злополучные Транки. Как назло, к полудню зарядил нудный дождик. Он методично барабанил по плащу, вызывая сонливость, с капюшона ручьями стекала вода, то и дело попадая за ворот. Лошадь лениво брела по склизкой дороге, противясь воле неразумного наездника, что тащился в глухомань в такую непогоду. Дождь не унимался, и к вечеру совсем расквасил колею, пришлось остановиться на постоялом дворе.

Местный трактирщик рассказал о том, что Черный доктор и впрямь сейчас борется с мором в Транках. Общительный владелец заведения, не советовал туда соваться. Сообщив по секрету, что нынешний мор совсем не похож на прежние, злее падла стал.

Амадо понимающе покачал головой и поблагодарив трактирщика золотом, отправился в рассадник заразы.

Деревенька с названием Транка, пугала вымершими улицами, ни скота, ни птицы, ни людей, только постоялый двор раздражался время от времени громким смехом. В стойле, в кормушке ковырялся чей-то боевой конь, сильно выделявшийся на фоне захудалых лошаденок простолюдинов.

В душной комнате постоялого двора обнаружился с десяток воинов, они сидели за столами, сдвинутыми вместе, так, что получился один большой. В изголовье стола развалился молодой рыцарь, удобно пристроив обширный зад в хозяйское кресло. На щите, притулившемся у стены, Амадо заметил герб с пикирующим ястребом на желтом поле. С появлением путника, смех стих, воины враждебно поглядывали на нового посетителя.

Хозяин двора подобострастно попытался объяснить, что местов нету, и господину рыцарю, лучше остановиться у его шурина, в самой деревне.

Не слушая объяснений, Родриго уселся при входе, за единственный свободный стол и потребовал принести чего-нибудь съестного.

— Уважаемый Вам же сказали, что мест нет! — жестко произнес пожилой воин, уставив мутные глаза на незваного гостя.

По виду говоривший напоминал старого оруженосца, рыцаря, что сидел во главе стола. Амадо даже голову не повернул в его сторону. Лишь требовательно уставился на хозяина двора. Мужичок, испуганно озираясь на воинов, растерянно стоял подле него, не зная, что делать дальше.

— Тебе же сказано проваливай! — взревел седой и поднялся со своего места, с ним вскочили остальные воины.

Амадо резко повернулся к говорившему и посмотрел ему в глаза, у телохранителя волосы зашевелились на загривке, но упрямство не позволяло признать слабость, и он продолжил напирать. Не отрывая взгляда от окружающих его воинов, Родриго произнес.

— Господин Гильом Жуфре, успокойте ваших холопов, пока дело не дошло до крови.

— Мы с вами знакомы? — удивился молодой рыцарь.

— Мы с Вами не знакомы, но я знал вашего отца, Йорма Жуфре — ответил Амадо.

— Себастьян уймись! — остановил седого, рыцарь. — Ну раз вы меня знаете, то и я хотел бы знать с кем говорю — заинтригованно ответил Жуфре.

Себастьян нехотя вернулся на свое место, и принялся сверлить гневным взглядом наглого чужака.

— Извольте, Родриго Амадо — представился путник.

— Ба, да мы столкнулись с преступником, которого ищут в двух королевствах. Вы хоть представляете сколько дают за вашу голову? — смеясь спросил Гильом.

— Намного меньше, чем я того заслуживаю — хмуро ответил Амадо.

— Что вас привело в край, охваченный войной? Лампеда для вас сейчас не лучшее место, везде разьезды Гумберта, да и Нофль не дремлет!

— Ваша правда — ответил Родриго, ковыряя ложкой принесенное варево. — У меня дело в Лампедо, поэтому придется пренебречь опасностью.

— Интересно, мой отец рассказывал, о вас чудеса. Будто вы в одиночку разгромили отряд рыцарей Железной долины.

— Ерунда, там было всего три человека, и они спешили.

— Ха, ха, ха он так и говорил, что вы любите приbedняться.

— Ваш отец, тоже никогда не давал оснований сомневаться в его доблести. Он достойный рыцарь — ответил Амадо. — Жаль прошли те времена, когда честь была не пустым звуком. Страшно смотреть, что сотворили с цветущей Лампедой. Лишний раз убеждаюсь, что союзы с его святейшеством очень опасны.

— Прискорбно, но должен с вами согласиться. Похоже святейшество сумел добиться того, что так желал, Лампеда у него почти в кармане, вернее в дароносице — мужчины переглянулись, и Родриго впервые улыбнулся.

— Позвольте узнать, что за дело заставило вас рисковать жизнью? — спросил Гильом.

— Не знаю, сможете ли вы мне помочь — с сомнением протянул Амадо, но подумав немного произнес. — Я ищу Черного Доктора!

— Кого? Ха, ха, ха — рассмеялся рыцарь, его поддержал дружный гогот солдатни. — Дорогой мой Родриго, это же легенда, как вы можете верить в такую ерунду — выдавил Гильом сквозь смех.

— Гильом вы не правы, хотя это не важно. Меня интересуют все знахари, что прибыли в Лампеду с началом мора. Я ищу того, кто не боится болезни, кто смело может войти в охваченный эпидемией город, излечить жителей и остаться в живых...

Смех затих, Гильом силился, что-то вспомнить, затем произнес.

— А знаете, господин Амадо, есть такой лекарь, его зовут Питер Варго! Я слышал, что он остановил эпидемию в Матее, все так, как вы сказали, пришел, остановил и выжил, но он ушел в Цаахен уже с неделю как.

— А сколько от Матеи до Цаахена?

— Верхом неделя пути, но лекарь передвигается пешком, так, что он скорее всего в Цаахене. Отсюда кстати, день пути верхом. Цаахен на северо-восток от Транок.

Амадо молча считал расстояние и время, и его подсчеты подтвердили слова Гильома. Снаружи наступила ночь, и путник заночевал на постоялом дворе, предварительно забаррикадировав двери своей комнаты. Годы научили его не доверять никому, даже тем,

кто кажется совершенно безобидным.

Утром вышло яркое солнце, природа точно извинялась за предыдущий день. Воины Гильома еще спали, завалившись кто где, они кутили всю ночь и теперь наворачивали. Стараясь не нарушать идиллию всеобщего отдохновения, Амадо вышел во двор и оседлав коня помчался по дороге в Цаахен.

Жидкая грязь тормозила бег лошади, поэтому до Цаахена Родриго добрался лишь глубокой ночью. После долгого торга со стражей его наконец пропустили в город, предупредив, что в там свирепствует чума.

В городе Амадо остановился в Серебристом Фазане, где у неприветливого корчмаря выяснил, что дохтур все еще в городе. Не теряя времени, путник отправился по адресу, но в доме Риманта не оказалось, хозяйка сообщила ему, что доктор сейчас у больной, и будет только утром.

Родриго вернулся в корчму, и лег спать. Проснулся он засветло, от легкого прикосновения. Молодая служанка будила его чтобы сообщить, что господин доктор ждет его к десяти утра.

В кабинете стоял душный воздух, семь столов, заваленных бумагой, и книгами занимали всю комнату. У стены, на верстаке, покрытом медными листами, поблескивали крутыми боками перегонный куб и реторты. На полу примостилась пара скелетов, каких-то животных, и несколько прозрачных емкостей с частями тела человека. Из-за стеллажей с книгами, что перегораживали комнату на двое, пробивались лучи солнца, оттуда же доносились звуки неспешной беседы.

Родриго осторожно обходя завалы вошел на вторую половину комнаты. Яркий свет солнца, бьющий из переплетенного окна, после полумрака предыдущей половины помещения, на несколько секунд ослепил.

Около окна, спиной к проходу, в кресле сидел Римант, его рука нежно сжимала тонкую, девичью ладонь. Саму девушку скрывала высокая спинка кресла. Римант услышал шаги и быстро поднявшись, шагнул к Амадо.

— Приветствую тебя, мой друг! — доктор вымученно улыбнулся.

Синие круги под глазами, и замедленные движения, говорили о том, что он уже много часов без сна. Римант пожал протянутую руку, и обеспокоенно взглянул на кресло. Родриго обошел его и встретился взглядом с обладательницей тонкой кисти.

Белые кудри, обрамлявшие нежное лицо ранней гостьи Риманта, всколыхнули в памяти Амадо образ ухоженного садика деревенского старосты в Пассаках. Голубые глаза, смотрели удивительно зло, для невинного лица юной девушки.

— Дальчи — поклонился Амадо.

Холодный взгляд впился в него, и застыв на несколько секунд в бездонных глазах гостя, сломался.

— Зачем этот человек здесь? — спросила она, краснея от возмущения.

— Дальчи... — лекарь попытался остановить взрыв.

— Больше не делай так — прервала доктора Дальче, в звенящем голосе девушки зазвучал укор.

Яркая вспышка заставила мужчин зажмуриться, кресло опустело.

— Зачем ты меня, позвал? — удивился Амадо. — Она же меня ненавидит, и боится...

— У нее есть на это причины. Не мне тебе говорить, что мы сделали с их миром... —

вступился за Дальчи лекарь.

— Тогда, чтобы быть до конца честным, может вспомнишь, что они сделали с твоим домом! Их мир и сегодня принадлежит им, а мы... — Амадо прервался, чтобы перевести дух, и продолжил. — А, мы скитальцы. Мне не за, что чувствовать вину перед ними — он указал на место, где только, что сидела девушка.

— Правда? — спросил Римант, гневно сверкнув глазами.

Затем он застыл на месте, а секундой позже отошел к окну, и устало опустил в кресло.

— Прости. Все слишком сложно. Системы не учитывают индивидуальность, и там, где они сталкиваются нет места личности. Виноваты и мы и они, просто им повезло, и они победили...

— Как ты не видишь, Римант! Им не повезло. Это они сделали. Они привели Братьев — грустно ответил Амадо.

— Я не могу в это поверить. Дальчи совсем другая, она точно не смогла бы так поступить. Нет они, конечно, очень прагматичны...

— Да очнись ты, дурак!!! — вскричал Амадо, подсакивая к креслу. — Твоя Дальчи, убивает людей тысячами, и не только людей! Ради чего?! Скажи мне?! Кто дал им право решать, кому жить, а кому умереть?!

— Это система. Родриго она не может ее перешагнуть, у нее такая задача, и она не в силах снять ее с себя, но все ее существо противиться этому. Ты просто не видишь какая она. Я хотел тебе показать, но ты глух и слеп. Как и тогда, когда все начиналось, если бы не ты...

— Я знаю. Не надо мне напоминать об этом каждую нашу встречу — раздраженно огрызнулся Амадо. — Видел я истинный облик твоей Дальчи, если бы тебя не оказалось рядом, меня бы уже не было среди живых. Римант оставь свои игры, они приведут тебя к гибели. То, что ты видишь, как женщину, на самом деле жестокое чудовище!

— Ты не прав. Твой взгляд затуманен ненавистью и желанием мести, и... Ты не можешь называть ее так, после того что мы сделали с ее народом.

— Друг, пожалуй, я единственный, кто может тебе сказать точно, что она дерево в оболочке прекрасной девушки. А остальное, иллюзии твоего сердца, порожденные страстью зрелого чувства — с горечью в голосе проговорил Амадо. Он посмотрел в окно на грязную улицу, бедного городка и глубоко вздохнул.

— Прости мне мою резкость, я..., я...

— Я понимаю — ответил Римант, улыбнувшись старому знакомому. — Зачем ты меня искал? — спросил доктор, складывая усталые руки на животе.

— Мне нужна твоя помощь.

— Угу — отозвался доктор.

— Мне нужно, чтобы ты отправился со мной. Требуются твои знания и навыки врача.

— Что случилось? — озабоченно спросил доктор.

— Недавно эльфы напали на Алкмеи, они ранили девочку. Ранили тяжело, мечом в живот. Сейчас она под релаксатором, но без тебя ее жизнь оборвется — заметно волнуясь рассказывал Родриго.

— Понимаю — ответил доктор. — Ты желаешь, чтобы я поехал с тобой на Крефеи?

— Нет, не со мной. Тебе придется это сделать самому. Вот письмо, оно поможет тебе попасть во дворец царя Маттейоса.

— Постой, но как? В таком случае я должен оставить больных Лампеды...

— Они люди и все равно умрут, рано или поздно, даже если ты их спасешь. А девочка,

девочка эльф, ее жизнь вечна. И сколько ей предстоит прожить сейчас зависит только от твоего решения.

— Вот ты и ответил на свой вопрос. Ты поставил ценность одной жизни выше ценности многих других, пусть и не столь долгих, но все же жизнью. Прости, я не могу произвести такой обмен...

— Она моя дочь — спокойно проговорил Родриго.

Римант поперхнулся и уставился на Амадо. Затем ничего не спрашивая, вышел в соседнюю комнату, через минуту он вернулся в дорожном плаще, остановился против Амадо и спросил.

— Я помогу, но объясни мне почему я еду один?

— Я иду спасти вторую дочь — ответил Амадо, и улыбнулся, глядя на изумленное лицо Риманта.

Город спал, ночью Танорт становился особенно опасным. Как столица он привлекал сброд со всего королевства. Целые кварталы населяло различное отребье. На ночь такие районы запирали, но слуги закона за сдельную плату неожиданно оказывались слепы и глухи к происходящему вокруг.

Тихо позвякивала броня в сочленениях, два гнома вышли из секретного хода в гостиную богатого особняка. Охрана не успела ничего сделать, тела стражи раскинулись перед входом. Почти бесшумно воины проследовали внутрь дома, раскрывая по ходу движения двери в комнаты. Достигнув жилой зоны, гномы уже не скрываясь выбивали двери, наводя диким шумом ужас на обитателей дома.

От удара дверь слетела с петель, охрана кинулась на вошедших. Точный удар молота, и быстрый финт мечом убрали с дороги защитников.

— Кто вы? Что вам надо? Вы не имеете право здесь находиться! — вытаращив перепуганные глаза орал пузатый гном, в смешном ночном колпаке.

— Здравствуй Пет. Мы пришли к тебе с ответным визитом — процедил сквозь зубы Крамвуд.

— Крамвуд ты знаешь, что тебе за это будет? Тебя же на плаху отправят! — начал угрожать хозяин дома.

— Мне все равно — равнодушно ответил гном, недобро сверля Пета, налившимися кровью глазами.

— Послушай, я тут ни причем! Это все Ули Норва, это его идея! Я пытался их отговорить, но они меня не слушали! — сменил тактику ушлый Пет.

— Так, так, так вот, наш храбрый Пет и начал сдавать подельников — зло процедил Довард старший.

— Рассказывай, кто, когда и зачем — грозно сверкая глазами спросил Хельм.

— Это Норва решил вас извести. Он прознал про тайный ход, и заставил меня показать его убийцам.

— Кто еще в заговоре? — сурово спросил Крамвуд, упершись грудью в рукоять боевого молота.

— Норва, Тули Сейд, Реда Апрост, Гун Дловвер, Кап Роса, все больше никого не знаю — испуганно ответил Пет.

— Понятно весь кабинет Торговой палаты — заключил Довард старший.

— Зачем? — задал вопрос Хельм, уже зная ответ.

— Вы слишком высоко взлетели. Пренебрегали нашими предложениями... вы посмели отстранить от власти кровь этого королевства, торговый клан. Естественно, вас наказали. Ни вы создавали эту систему, ни вам ее рушить — осмелев ответил хозяин дома.

— Вы хотели получить обратно рычаги управления? — спросил Хельм.

— Не только! Вы захватили наши прииски. Мы так долго их делили, пока пришли к взаимовыгодному договору, а потом ваш король, и вы на золотой жиле.

— Теперь можешь не беспокоиться, делить вам больше ничего не придется — ответил Хельм, усмехаясь.

— Почему? — напряженно спросил Пет.

— Я закрыл проход в Золотом роке, золота больше не будет.

— То есть как закрыл? — взвизгнул толстяк, и даже притопнул ногой, забыв о своем положении.

— Заткнись! — рявкнул Крамвуд. — А ты если пришел разобраться в том, что случилось не мели лишнего — сказал Довард старший, укоризненно глядя на сына.

— Ты прав отец — смущенно ответил Хельм.

— Значит вы убили мою семью из-за золота и власти? — спросил Крамвуд.

Пет на него удивленно посмотрел и спросил.

— А, что? Этого мало?

— Я тебя понял, у меня еще один вопрос. Почему на нас напали последователи Традиции камня? — спросил Крамвуд.

— Деньги, дорогой мой Крамвуд, а ты не знал, что золото может все. Апри Он давно куплен, как, впрочем, и Гидо Воллан. Эти боровы лишь возглавляют безмозглую силу, и направляют ее туда куда надо нам. Истинным правителям королевства! — не без гордости произнес Пет, торгош становился все наглее.

— Но вы же боретесь друг с другом, Традиции камня и Торговая палата непримиримые враги... — удивился Крамвуд.

— Да говорю же тебе дураку, это плебс живет в мире, где все белое и черное, а элита прекрасно знает, чего стоит любая крайность. Стабильность государства, вот главная забота любого купца, стабильность приносит нам всеобщее благо.

— Ты хотел сказать вам — поправил Пета, Крамвуд.

— Нам, это значит элите. Остальные не в счет, они навоз, гумус, благодаря жертвам, которого произрастает великое и достойное.

— Угу! О благе, о стабильности они радуют — прозвучал голос Хельма, полный скепсиса.

— Тут ты не прав мальчик. Война обогащает немногих и нарушает баланс сил, поэтому для нас она всегда менее предпочтительна — с усмешкой ответил Пет.

— А теперь пошли вон от сюд...! — заорал толстяк совсем обнаглев.

Громкий хруст, и звук расплескавшейся воды наполнил комнату Пета. Молот Крамвуда пролетел с такой скоростью, что хозяин опочивальни даже не успел среагировать. Его голова треснула как перезрелый арбуз расплескав содержимое по дорогой обстановке спальни.

Следуя за отцом, Хельм не сразу увидел, как по выходе из тайного хода Крамвуда скрутили гвардейцы. Выхватив клинок Хельм попытался сопротивляться, но и его скрутили, а затем волоком препроводили в казематы Танорта.

Спустя несколько дней кованная дверь темницы отворилась и на пороге в круглом пятаке света переносной лампы появился Торн. Он подошел к заключенному, и поставив фонарь на пол, сел на табурет услужливо подставленный одним из охранников тюрьмы. Некоторое время они смотрели друг на друга, затем Хельм произнес.

— Ваше Величество против вас собирается заговор... — король прервал его жестом руки.

— Зачем ты закрыл Золотой мир? — неожиданно спросил Торн.

— И это все?! Все, что вас беспокоит?! — удивился гном. — Из-за этого я в тюрьме?

— Нет! В тюрьме ты потому, что совершил государственное преступление. Ты обокрал казну, совершив необдуманый поступок, а за такие преступления сам знаешь, что положено — быстро парировал король.

— Его надо было закрыть — убежденно ответил Хельм. — Мы своей жадностью и жестокостью пробудили то, что будить не надо вовсе. Если бы вы видели, что они сделали с городом, вы бы меня поняли.

— Хорошо, ты испугался. Я могу это принять. Но ты же понимаешь? Проход надо снова открыть. Иначе эти торгаши меня сожрут — угрюмо ответил король.

— Ваше Величество я не могу — упрямо проговорил гном.

— Не можешь или не хочешь — с угрозой спросил Торн.

— Я его не открою Ваше Величество — отрезал Хельм.

— Ты можешь понять, глупец, что этим ты меня ставишь в безвыходное положение. Твой отказ, по сути, предательство, потому что ты лишаешь меня единственного источника моей силы. Ты пытаешься мне рассказать о предательстве торгашей, и тут же, сам обрекаешь меня на переворот. Обдумай все хорошенько и прими правильное решение! — король встал и не оглядываясь вышел из камеры.

Несколько раз Крамвуд пытался добиться аудиенции у короля. Все попытки оказались безуспешны. После того, как его освободили из тюрьмы, о нем словно забыли. Гвардейцы, знавшие его лично, старались не замечать бывшего главу королевского совета. А если он настаивал, говорили прямо, что у них приказ не пускать старого Доварда во дворец.

Несколько дней спустя, к Доварду старшему в дверь постучал гонец, он принес приглашение во дворец. Обрадованный купец представлял, как он сорвет покров лжи с предателей в присутствии короля.

Торн встретил Крамвуда в своих покоях, предложил ему сесть, и внимательно слушал долгий рассказ старика о том, что ему рассказал Пет Кахта. Голос Крамвуда давно уже смолк, а король все продолжал молчать, словно ожидая чего-то.

— Спасибо за предупреждение. Я всегда знал, что Доварды преданы моей семье. Твои доводы, к сожалению, некому подтвердить...

— Но Ваше Величество...

— Не перебивай меня! — резко произнес Торн. — Вы убили знатного аристократа, богатейшего купца Даноста. Как король я должен вас за это на плаху отправить, а я сию и

веду с тобой беседы, закрывая глаза на совершенное преступление. Я готов начать расследование против членов Торговой палаты, но мне нужно, чтобы твой сын открыл проход в Риене. Мне нужно золото, много золота, иначе я не смогу разобраться с моими врагами. Поговори с сыном, завтра у тебя назначено свидание с ним. Постарайся убедить Хельма в справедливости моего требования.

Король сделал знак рукой, давая понять, что прием закончен. Довард поднялся, и столкнулся глазами с королем. Взгляд Торна испугал старика, холодный, и жесткий он выражал решимость человека, не знающего сомнений.

— Да, Довард, если ты не сможешь убедить сына, его ждет плаха, а твой внук навсегда останется во дворце. Я сделаю так, что он случайно исчезнет. Это, чтобы ты все-таки сумел убедить твоего упертого отпрыска.

Проход вибрировал, Амадо почему-то медлил, ему не хотелось возвращаться в Менантр, в дом, что стал чужим и враждебным.

— Они там — прозвучало предупреждение из маски Тизкара.

Правитель Ура, настороженно прислушивался к порталу, стараясь уловить, происходящее на той стороне. — Тебе больше не стоит приходить ко мне — предупредил колдун.

— Почему? — с недоумением поинтересовался Родриго.

— Андланд! Они отслеживают, твои перемещения, и рано или поздно поймают тебя — ответил Тизкар.

— Не беспокойся, если я смогу добраться до крипты Валаира, встречи со мной придется бояться Випулу — хищно усмехнулся Родриго, и решительно шагнул в марево прохода.

От толпы амфибий отделился страж с огромными глазами на выкате, радужка которых, непривычно ярко блестела. Тизкар склонил голову и отлетел в сторону, пропуская воина. Выстукивая острыми конечностями по мрамору, страж пробежал в проход.

— Закрой за мной! — прозвучал строгий приказ.

Чутье правителя Ура, не обмануло. По ту сторону, сверкая золотом выстроились рыцари, их силуэты резко выделялись на фоне темного неба. Гортанный звук, разнесся по округе, и лошади двинулись на появившегося из прохода гостя. Постепенно набирая ход, они разгонялись для таранного удара. Не дожидаясь развязки, Родриго побежал к кромке темневшего неподалеку леса. Верховые пустили лошадей в объезд, стремясь перехватить человека с другой стороны чащобы.

Проход завибрировал и выплюнул разномастный отряд великанов, и чудовищ. Вытянув руку, воин похожий на гигантского краба, выпустил в небо бабочку. Порхая, она покружилась над местом, где только, что стоял Амадо, и взяв след потянулась к кромке леса. Сотрясая округу тяжелым шагом, гиганты вошли в чащобу, прорубая широкую дорогу среди вековых деревьев. Мощные тела выворачивали с корнем стволы в три обхвата. Белоснежные доспехи куари резали глаз на черном фоне проклятого леса. Имея три с половиной метра, роста, гиганты быстро настигали беглеца. С другой стороны, по краю леса шла конница Братьев. Постепенно сходясь в одну точку, они неожиданно столкнулись, гиганты повернули навстречу рыцарям, и валя лес вырвались на открытое поле, сметая всадников, оторопевших от яростного натиска.

Всадник с синим плюмажем на шлеме, на полном скаку снес великана, пробив копьем его тело насквозь, но тут же лишился скакуна. Вылетев из седла, он поднялся и прикрываясь

щитом, отразил удар огромного клинка похожего на фальшион. Щит выдержал, но ноги рыцаря погрузились в мягкий грунт, почти по колено. Бивший ту же поплатился, его ноги подрубили соратники обладателя синего плюмажа.

Оглушая округу воплем, великан рухнул, чей-то клинок оборвал его крик перерубив горло. Огромная алебарда, прогудела над рыцарями, заставив уклоняться. Удары посыпались со всех сторон, не оставив шанса Братьям. Гиганты окружили врага и методично вбивали его в почву, сотрясая ударами землю. На звуки битвы вышли, сотни, а затем тысячи воинов из армии Братьев.

Гиганты остановились и построились в каре, приготовившись дать бой врагу. Над степью выросли местные чудовища мало чем уступающие в размерах воинам отряда Андланда. В немом почтении воины Братьев расступились, пропуская скелетированного всадника, голову которого венчал железный обруч.

— Как интересно, и зачем же к нам пожаловали славные Андланды? — прогремел голос короля скелета.

— Вы слуги нашего мира! Вы не смеее нам препятствовать! — прокричал в ответ краб, что выпустил бабочку. — Уходите, и дайте нам закончить, то зачем мы пришли!!! — грозно прокричал андланд.

— Мы никогда вам не служили! Мы ваши попутчики! — миролюбиво ответил король-скелет. — Между нами был заключен союз! Мой брат Наргал, вам поверил, а вы верные своей природе, нас предали!

— Не тебе нас осуждать! Мы не пожираем миры, превращая их в царство нежити! Приказываю тебе, кто-бы ты ни был отведи войска и освободи наш путь!

— Такова наша природа! Заключая договор, вы знали на, что идете! Мы вас не обманывали! Я отпущу вас, но для начала верните наше до!

— Ваш король его потерял! Вы сами себя заперли в этом мире! Ищите того, кто украл ваше до. Мы здесь не причем...

— Хватит лгать! Каждый из вас имеет до! Вы вольны передвигаться куда захотите! Отдай нам свое до, и мы вас пропустим!

— Мое до? Ты и впрямь ничего не знаешь! Мое до, существует только для меня, тебе оно не подвластно! Так, что тебе в том толку, даже если я тебе отдам его?! Ищите свое, и вновь обретете свободу, а сейчас пропустите нас, или мы начинаем бой!

Король-скелет сделал знак, чтобы андланд пропустили. Отряд куари быстро подхватился и побежал, сотрясая огромными телами и тяжелой броней седую степь.

— Рано или поздно мы найдем до и тогда я приду в твой мир, и разорю его дотла, а тебя сделаю своим рабом, как поступил ней! — крикнул скелет дернув длинную цепь, из-за его спины вышла иссохшая женщина, скорее труп, чем живой человек. Пробежав несколько метров, от сильного толчка, она повалилась на колени, возле ноги короля-скелета.

— Буду ждать! — ответил командир отряда, внимательно взглядевшись в лицо рабыни. Плечи гиганта повело, он узнал скованную.

Тюремная камера, днем еще более мерзкая чем ночью, едва освещалась сквозь решетку окошка. Отец и сын сидели на куче гнилой соломы. Довард смотрел на осунувшееся лицо Хельма, тому явно не здоровилось.

— Как там Товард? — дежурно спросил Хельм.

— У него все в порядке — соврал Довард старший.

— Он знает, что Мая... — осекся Хельм.

— Да, он все видел — ответил Крамвуд, прикусывая губу.

— Сынок, я к тебе пришел, не просто так... — нерешительно начал Крамвуд.

— Угу.

— Вчера я встретился с королем, он меня послал к тебе...

— Понятно — досадливо поморщился Хельм. — Отец, я этого не сделаю. Я дал слово.

— Не понимаю, ты, что дурак? Тебе же голову отрубят, дебил! — вскричал Довард старший. — Себя не жалеешь, так о сыне подумай, он же во дворце и с ним могут сделать, что угодно...

— Это король сказал? — резко спросил Хельм.

— Да, он лично мне это сказал. Торн не шутит сынок, он сделает то, о чем говорит.

— Я знаю, но, если я открою проход, гномы обречены. Мы слишком жадно расхищали чужой мир, за что нас изгнали. И это не в силах изменить, ни я, ни ты, ни даже король. Торн не понимает, о чем говорит, а я отец видел своими глазами, как в несколько минут разрушили Риен. И я не могу допустить, чтобы то же произошло с остальным королевством. Поэтому нет отец, и это мое последнее слово.

Довард в отчаянии ударил наотмашь Хельма, звонкая оплеуха отбросила голову гнома назад. Хельм зло улыбнулся и отвернулся от отца. Выходя из камеры Крамвуд оглянулся и посмотрел на сына с сожалением, но гордость не позволила ему извиниться. Так они и расстались.

Ярость монарха бывает страшна, своей необузданностью. Довард выбежал из покоев короля, красный как рак. Тяжело отдуваясь от волнения, гном медленно поплелся через зал ожидания. Ему преградили дорогу, подняв затуманенный взгляд Крамвуд увидел перед собой Тули Сейда. Нагло ухмыляясь, Сейд пробасил.

— Похоже король сегодня не в духе?

— Отстань от меня Сейд, я не в настроении вести светские беседы — ответил Крамвуд, пытаясь обойти назойливого собеседника.

Гном не сразу заметил, что его обходят с нескольких сторон члены Торговой палаты.

— Ты думаешь тебе сойдет с рук убийство Пета? За него мы заберем у тебя внука, может убьем, а может кастрируем и продадим шутом или евнухом в Ришам, там ценят экзотику. И все это случится на твоих глазах, а потом ты отправишься следом за своей женушкой и снохой, гоблинской шлюхой, что ты пригрел у себя в доме. Ее ублюдка не грех и продать — процедил Сейд зло кривя губы, раздался дружный смех.

Довард едва себя сдерживал, в голове началась круговерть, дыхание сбилось.

— Оставь меня в покое! — с трудом выдохнул Крамвуд.

Со всех сторон на него посыпались удары, не ожидая такого поворота Довард поначалу опешил. Немного придя в себя могучий Крамвуд, нанес удар в первого попавшегося обидчика. Тело гнома отшвырнуло на стену, бузотер начал оседать на пол, остальные рассыпались в стороны. Кровавый след, оставшийся на стене, говорил о том, что торговец мертв. Вбежавшая в приемную стража скрутила Доварда и вывела вон, проходя мимо тела, Крамвуд с удивлением отметил, что его рука попала в Сейда.

Камера во дворце оказалась такой же непригодной для жизни, как и в городской тюрьме. Из забытья Крамвуда вырвал разговор перед его решеткой, гном поднял голову и увидел по ту сторону Норва. Подтянутый старик жестко смотрел на Доварда.

— Сегодня ты убил второго члена Торговой палаты, и король тебя защитил, но это

сегодня. Король не всегда сможет тебя оберегать. Пока ты останешься жив, а за твои преступления ответят дети — сморщил свиной пятак Норва, острые уши торгаша прижались к голове.

— Король не допустит — спокойно ответил Довард.

— Король? Это ты про болвана, что сейчас носит корону. Ну так и на королей, как ты помнишь, можно найти управу. Я бы не стал так легкомысленно полагаться на сюзерена. Поверь деньги куда более прочная связь, нежели честь, они правят миром. Помни, он нас не тронет, даже если ты принесешь ему мое письмо с приказом свергнуть короля. Без золотых рудников Риена, он никто. Деньги имеют свойство кончаться, особенно когда живешь не по средствам. Ты, конечно, нам здорово подгадил, со своей казной, лучше бы ты ее украл. Ты лишил нас возможности повлиять на короля, но теперь благодаря удачно проведенной операции в Риене, все встанет на свои места. Дурак будет играть в короля, а управлять будут серьезные торговцы, ну а твоя роль мучиться в назидание остальным.

— Чтобы ты понимал, у меня к тебе лично нет претензий, но другие должны на твоём примере запомнить, что переходить дорогу Торговой палате равносильно тому, что ты заключил контракт со смертью. Так, что прими свою судьбу и смирись. Такова большая политика, слабым в ней нет места.

— Как же тяжело иметь дело с предателями — раздражался Амадо, продираясь сквозь чащобу. Позади доносился треск деревьев, его преследовали от самого Ура. Шум становился все ближе, неожиданно направление звука изменилось, что-то огромное, повернуло в сторону.

— Неужели потеряли? — удивился Родриго. — Да нет, вряд ли, слишком они умелые. Немного погодя донеслись звуки битвы. Человек облегченно вздохнул, иногда предатели совершают благие поступки сами того не подозревая.

Дикий лес неожиданно перешел в полуразрушенный город, кривые деревья выросли в прямые улицы огромного поселения, становясь к центру все реже. Лес точно терял силу в столице давно ушедшей цивилизации. Над Амадо нависли высокие здания, несмотря на тысячи лет они все еще стояли, гордо возносясь к небесам. Абсолютно пустой, словно гигантское кладбище, город пробуждал в душе человека чувство горечи.

Будучи ребенком Амадо много раз, посещал Ирдамию, тогда он и представить не мог, что увидит ее такой.

Осмотревшись Родриго, сориентировался, вот ратуша, вот банк, а рядом площадь Валаира, теперь заросшая мрачным лесом. Там за зданием музея и библиотекой, на другом краю города, выглядывал зеленый купол крипты Валаира. Древняя как сама история Менантра, крипта никогда не открывалась для посетителей. Покой захоронения тщательно охраняли, не допуская посторонних даже на ее территорию. Легенда гласила, что если открыть могилу Валаира, то начнется последняя война. Несмотря на то, что уже в отроческие годы Родриго, никто не верил в глупые пророчества, люди так и не решились нарушить покой воина древней эпохи. Даже когда началась война с Андландом, оружие, что оставил после себя наследник цивилизации первых людей, так и осталось не тронутым. Много раз Амадо спрашивал себя, почему никто не пытался использовать, то, что само просилось в руки.

Впереди выросла громада мавзолея, мрачные стены гробницы, давили непроницаемой тишиной. Серо-желтые разводы лишайников, скрыли полировку красного гранита, указывая

на крайнюю древность строения. Постояв в нерешительности, Амадо вошел в здание. Широкие ступени круто убегали вниз, теряясь в сумраке подземелья. Он сбежал прямо во тьму, и уперся в ворота из незнакомого металла. Пасис засиял, освещая ровным светом широкую камеру превратной. В двух шагах от него, привалившись к стене, сидел истлевший страж. Судорожно сведенная рука все еще сжимала копье, упертое подтоком в пол, в то время как жало облокотилось о стену высоко над головой мумии. Родриго склонился к высохшему телу, и отломил палец от свободной руки стража. Поискав глазами едва заметную выемку на створе, он поднес иссохшую плоть к углублению в металле. Внутри, что-то зажужжало, двери плавно ушли в стены, яркий свет озарил широкий тоннель, указывая путь в недра крипты.

К горлу подступил комок, сердце в груди забилося быстрее, он спускался к могиле героя, что с детства волновал его воображение, порождая неизвестностью самые причудливые фантазии.

Коридор резко раздался, открывая широкую залу с каменным кубом саркофага в центре. Едва Амадо ступил на пьедестал, на котором покоился куб, яркий свет и громкая музыка оглушили человека. Прямо в воздухе, невидимый проектор создавал картины, оживляя образы прошлого. Перед глазами пробежали сцены из давно ушедших эпох, голос рассказывал историю человека, что нашел покой в крипте.

По краю саркофага побежали огни, сливаясь в единую линию, сквозь стенки каменного гроба проявилось тело. Валаир лежал на спине, руки воина, скрещенные на груди, поначалу неподвижные слегка дрогнули. По лицу прошла волна, веки взметнулись вверх, глаза героя уставились в пустоту. Верхняя плита мягко отъехала в сторону, а ложе тем временем поднялось над прозрачной жидкостью. Тело воина скрючилось, и Валаир согнувшись пополам резко сел, в его груди всхлипнуло, и изо рта вырвался фонтан брызг. Герой натужно втянул первую порцию воздуха, и закашлявшись упал с ложа на пьедестал. Неловко оскальзываясь на гладких плитах, он встал на колени, продолжая втягивать тугой воздух.

— Который сейчас год? — всхлипывая еще не до конца очистившимися легкими, спросил древний герой.

— С конца вашего летоисчисления прошло, десять тысяч, семьсот тридцать лет...

— Что ты несешь? Ничего не пойму — все еще откашливаясь пробурчал Валаир. Он облокотился спиной о каменный гроб, и равнодушно уставился на Амадо.

— Вы... Ты уже четырнадцать тысяч лет в гибернации. Во времена Кризиса Лимандра, летоисчисление сменилось...

— Что за Лимандр? Хотя это не важно. Зачем ты меня разбудил? Кто ты?

— Я Даад Оредо, мой отец Чарда Ореда — ответил Амадо, с нескрываемым любопытством глядя на легендарного воина.

— Не знаю такого. Как ты сюда попал?

— С наружи труп стража, его плоть все еще открывает двери твоей крипты.

— Труп? Что случилось? — удивился Валаир.

— Менантра больше нет. Этот мир погиб — с расстановкой, ответил Родриго.

— Погиб? Что могло погубить нашу цивилизацию? Когда я в последний раз дышал нам и боги были не страшны — брови героя удивленно взметнулись.

— Мы вернули себе право путешествовать между мирами...

— Стой! Что ты такое говоришь? Мы же заключили договор с Випулом. Они нас не касаются, а мы не покидаем наш мир. Хорошие условия, учитывая, что Андланд ни с кем

никогда не заключал договоров. А теперь ты мне говоришь, что вы нарушили наш уговор! Зачем?

— Любопытство — ответил Амадо.

— Любопытство? Какое любопытство? Там за гранью нечего искать, там есть такое, что лучше никогда не находить.

— Мы это уже знаем — грустно отозвался Амадо.

— Что уничтожило Менантр? Кого вы привели оттуда?

— Это долго рассказывать.

— Рассказывай. Я никуда не тороплюсь — отозвался Валаир.

Его руки коснулись серьги, едва заметная рябь пробежала по телу героя, сменяясь темной тканью, обтягивающей одежды. Валаир тяжело поднялся, и спустился вниз. Пошатываясь, он прошел мимо Родриго, и скрылся в полумраке огромной залы.

— Рассказывай! Чего молчишь? — прогудел голос Валаира из сумрака.

Зала озарилась светом, льющим прямо с потолка, Валаир уже сидел в кресле, подле широкого стола. Руки героя быстро ходили по плоской крышке, вызывая к жизни, различные окна на гладкой поверхности. Посередине столешницы вырос фантом планеты, затем он приблизился, и на плоскость легло объемное изображение столицы.

— В молодости, я отличался особым рвением в науках — нехотя начал Амадо. — Статус моего отца, все-таки Первый рыцарь Золотого корпуса, открыл мне дорогу, туда, куда остальные и не мечтали попасть. Я даже сюда пытался проникнуть, но...

— Это все прекрасно, давай ближе к сути — прервал воспоминания основательного потомка, Валаир.

— Это я открыл способ путешествия между мирами.

— Молодец! Что тут скажешь. История ничему не учит — оборвал Амадо, Валаир.

— Война с Андландом привела наши миры на грань гибели, но тогда мы остановились в шаге от последней черты. Я думал, что никому, никогда больше не придет в голову лезть за ткань — сокрушался древний герой.

— За ткань?

— Предел, что отделяет миры. Ты даже не знаешь, как называется та область, в которой считаешь себя специалистом.

— Твой сарказм понятен, но именно я, вновь открыл это явление. И поверь, мне неплохо известно то, что ты называешь тканью...

— Тогда почему умер твой мир? Если ты так хорошо разбираешься в сути вещей, случайно приоткрывших тебе край необъятной тайны? Что ты привел в Менантр?

— Я не знаю, как, и почему, но к нам вторглись Инвенты.

— Мертвечина? Куда же ты залез? Те миры, где они обитают, не могли тебя обмануть. В них нет ничего, что могло бы привлечь жизнь. Что за блажь толкнула тебя во мрак, где обитают такие чудовища?

— Я не видел эти миры. Нам ничего не известно о твоей эпохе. Мы не знаем древней истории. Я искренне полагал, что нашел утраченный секрет величия предков. Первые опыты меня вывели в миры схожие с нашим, я даже побывал в мире откуда вы пришли. Затем открывая новые и новые миры, я стал осознавать всю серьезность своего изобретения, но до конца так и не смог оценить последствия грозившей нам опасности. В одном из миров я встретил эмиссара Андланда. Меня обманула его любезность. Он же, выяснив, что перемещаюсь только я, арестовал меня и этапировал на Андланд. Я отсутствовал больше

года. Все это время меня искал отец. Он собирал экспедицию за экспедицией прочесывая различные миры. Благо я вел подробные записи, о моих путешествиях.

— Андланд тоже не сидел сложа руки, и в первой стычке опрокинул наш отряд. Отец отступил в Менантр, но сумел отследить место, куда ушли враги.

Началась подготовка к вторжению, и создание порталов для армии. Дело двигалось на удивление быстро, и спустя полгода Менантр, потребовал вернуть меня. Випул согласился на переговоры, он даже дал согласие вернуть меня, но потребовал навсегда закрыть исследования в области Пограничья. Андланд ссылаясь на какие-то договора, о которых мы никогда не слышали. Недоверие и взаимные претензии все более росли, пока Випул не поставил ультиматум. Либо мы уходим из Пограничья, и живем в своем мире, либо они насильно закроют нас в Менантре. Переговорами занимались политики и дипломаты, поэтому, многое так и осталось засекреченным. До людей донесли лишь, что нам объявили войну, и враг желает нашего истребления. С этим мы и пришли в их мир, опередив Андланд.

Излишняя самоуверенность подвела андланд, они несли тяжелые потери. Менантр спасала лучшая организация, хотя их вооружение значительно превосходило наши возможности.

Амадо замолчал, погрузившись в воспоминания.

— Ну? И, что дальше? — напомнил о себе Валаир.

— Войну мы выигрывали. Андланд постепенно погибал, если ты там бывал, то понимаешь, о чем я.

Валаир кивнул в знак согласия, вспомнив, как яркая флора удивительного мира поразила его, и как она превращалась в мертвый лес, по мере их продвижения, во времена первой войны. Даже океан, словно живой стремился сбегать от их грубых рук, когда они пытались зачерпнуть воды. Станный, чудесный, прекрасный живой мир. Мир, который не любит чужаков.

— Меня освободили, я успел повоевать рядом с отцом, и, судя по всему, воевал неплохо, меня наградили броней «Вестника смерти». Все шло к победе, но в один прекрасный день, у нас в тылу появился новый, неведомый доселе враг. Не живые, или лучше сказать противные жизни Инвенты. Само их пребывание в нашем мире оказалось губительным для Менантра, новый враг имел врожденную способность менять все вокруг себя.

— Наверное для андланд мы также выглядели, когда вторглись в их мир — задумчиво проговорил Валаир. — Да, а почему бы нет — думал предок в слух. — Похоже они решили выбить клин, клином. Вот хитрые баобабы, это их рук дело, не иначе — заключил Валаир.

— Многие так думали, но поверить в такое оказалось сложно — поддержал догадку предка Амадо. — Поэтому упустили драгоценное время. Мы начали войну с новым врагом, в то время как старый, собравшись с силами нанес удар уже в нашем мире. Потери ужасали, но ситуацию усугубило то, что Андланд выполнил свое обещание. Они заперли нас в нашем мире.

Менантр держался до тех пор, пока не пришел Наргал, король Инвентов, он сумел разорвать предел между мирами, и привел свою чудовищную армию. Мы сделали все, что смогли. Отец пал за долго, до прихода Наргала, и не видел гибели нашего мира. Мне же выпала участь убить короля Инвентов, после чего я многие века не мог вернуться домой.

— Почему? — удивился Валаир.

Амадо полез за пазуху и извлек знак, что выбросил его с поля решающей битвы.

— Вот из-за этого, он меня закинул в ваш старый мир.

— Хм. Ты и впрямь не знаешь, что это? — удивился Валаир. — Вина за произошедшее не только на тебе. Мы, старики, перестарались в своем стремлении стереть память о Пределе, а последователи похоже еще и историю подчистили. Потому вы оказались не готовы.

— Я слушаю твой рассказ и задаюсь вопросом, почему вы не разбудили меня в последний час?

— Думаю, все считали, что в саркофаге твои останки. По крайней мере так нам рассказывала официальная история. Конечно, могли воспользоваться оружием твоего времени, почему не воспользовались я так и не узнал, а сейчас уже не у кого спросить.

— Постой, если подумать — бурчал себе под нос Валаир, ковыряясь в бесконечных окнах на светящейся поверхности стола.

— Арсенал в порядке! Почему его не использовали? Не понимаю. Следуй за мной — приказал Валаир, и быстро поднявшись с кресла прошел к панели на стене.

Пальцы ловко забегали по окошку, меняя комбинации знаков. В стене загудело, тонкая щель рассекла ее пополам. С другой стороны, ударили зеленные лучи, пробежав по лицу предка, они погасли, а в помещении за стеной вспыхнул свет, открывая бесконечные ряды военного снаряжения. Щель превратилась в широкий проход, гудение стихло.

— Сейчас. Подожди минуту — Валаир отошел к саркофагу, и извлек несколько округлых предметов, напоминающих металлические шарики. Прижимая поочередно к костюму блестящие сферы, он слил металл шариков с тканью темной одежды.

— Теперь в путь! — скомандовал Валаир.

Они шагнули в пределы древнего арсенала, Валаир застыл на пороге, и с расстановкой произнес.

— Кто-то живой остался?

— Да, но все в анабиозе, в Улитке...

— Что за Улитка?

— Сеть хранилищ. Их создали еще до войны — пояснил Амадо, с любопытством разглядывая ряд доспехов, отливающих вороненной сталью.

— Мы оборудовали их, под нужды стазиса. Сворачивать пространство умели еще при вас, этот принцип и положили в способ хранения, в момент падения туда спустились тысячи людей.

— Да я видел в отчетах, что кто-то провел эвакуацию. Только сохранить секрет не удалось, Инвенты ищут хранилища, вскрывая их одно за другим — озабоченно ответил Валаир, толкая носком ноги шлем.

— Страшно представить, что происходит с теми, кто пробуждается в новом мире — повел плечами Родриго.

— Мне нужна полная карта сети хранилищ.

— Они могут быть у Алхимая Шестирукого, но за тысячи лет ландшафт поменялся, поэтому найти их будет непросто даже имея карты.

— Ну может оно и к лучшему? А кто такой Алхимай Шестирукий?

— Главком, в случае гибели его тело должно храниться в Изнанке Ирдамии. Думаю, там его и придется искать — ответил Амадо.

— А почему шестерукий? — с улыбкой поинтересовался Валаир.

Предок уверенно шел вдоль длинных стеллажей, забитых ящиками с оружием. С другой стороны, к стенам прислонились копья, гизармы и алебарды. Стойки для оружия, на которых покоились луки, и арбалеты прерывали бесконечную череду древкового оружия. С потолка свисали элементы брони, пыль покрывала их толстым слоем, лишив за долгие века бездействия, парадного блеска.

— Его доспех имел уникальную особенность, вместо одной пары рук, три. Потому и шестерукий — ответил Амадо.

— Понятно — с сомнением в голосе пробубнил Валаир.

Он остановился возле неприметной полки и вскрыл коробку. Порывшись в ней Валаир извлек чудной прибор, и развернувшись на каблуках вновь зашагал вдоль стеллажей. Родриго последовал за ним, терпеливо ожидая итогов поиска.

— А вот и он! — громко проговорил предок, остановившись на пороге новой комнаты, больше походившей на ангар. Все видимое пространство заполняли ряды доспехов, различной модификации. Некоторые совсем архаичные, эпохи первых переселенцев, ряд модификаций смахивали на доспех предка. В дальнем углу Амадо заметил модель Пасиса.

Неторопливо прохаживаясь вдоль рядов, Валаир внимательно всматривался в таблички под образцами.

— Вот этот! Это то, что тебе надо — проговорил он, остановившись напротив мощной конструкции, надпись под которой гласила.

«Тяжелый доспех рыцаря первого эшелона, с особой системой защиты. Имеет

встроенную систему ночного видения, тепловизор, и функцию оказания первой помощи. Отличительная особенность, универсальность, компактность при хранении, неприхотливость к условиям эксплуатации».

— Это тебе! — торжественно произнес Валаир, и довольный собой улыбнулся.

— Откуда это оружие?

— Твои предки умели организовывать и массовое производство, и армии способные опрокинуть даже самых необычных врагов. Поверь это хороший доспех, он из умного металла, ему не страшен ни огонь, ни холод, универсальная штука.

— Да, но у тебя совсем другой — с сомнением разглядывая мощную конструкцию, проговорил Амадо.

— Ха! Мой доспех, особенный! Сделан под заказ! Таких больше нет. Тебе не стоит переживать. Этот не хуже. Другой, но не хуже — он хлопнул по плечу Родриго, и ободряюще подтолкнул его к модели со стенда.

— Меня и мой устраивает — огрызнулся Амадо.

— Твой совсем устарел, мы в таких с Ура уходили, еще в самом начале. Они уже тогда были архаикой. Кстати, Пасис не так и хорош, «Вестник смерти» был потрясающий мастер в деле войны, только это его и спасало. Правда жутко невезучий был, как-то все не так у него получалось. Давай же, не упрямясь. Ты должен его коснуться, костюм запишет твой геном, и будет служить только тебе, в каком-то смысле вы станете одним целым. Странное чувство, но оно того стоит — продолжал уговаривать Валаир.

Медленно, словно в тягучей смоле, Амадо протянул руку и коснулся доспеха. Палец кольнуло, броня вздрогнула, и исчезла. С тонким звоном, на подставке завертелось кольцо, перекатываясь на округлой грани, выбрав положенные обороты, оно упало и застыло.

Амадо разинув рот смотрел то на пустое место, то на кольцо. Рядом прогремел смех Валаира, предок хохотал от души.

— Ну у тебя и лицо, ха, ха, ха!!! Осталось только упасть на колени и вознести хвалы богам ха, ха, ха! Ну давай бери кольцо и пойдём дальше — успокоившись немного поторопил Валаир.

Тяжелое кольцо крепко обхватило палец владельца. Металл точно прирос к коже. Время от времени руку покалывало и Родриго напряженно поглядывал на подарок, чем вызывал снисходительную улыбку Валаира.

— Не беспокойся, костюм синхронизируется с твоей нервной системой, скоро он выставит все необходимые настройки и тогда ты перестанешь его замечать.

— Что это за технологии? Кем вы были в первую эпоху? — спросил Амадо со скрытым восхищением в голосе.

— Богами. Люди были богами. Богами, что опирались на рацию! В тебе также горит огонь предков, твоё стремление к неизведанному, страсть познания, жадность исследователя, все это родовые черты человека.

— К чему они привели — грустно отозвался Амадо.

— Не надо, винить в этом знание. К сожалению, в мире есть немало сил, стремящихся властвовать, ограничивая развитие других. Знание это, свобода! — Валаир серьезно посмотрел на Родриго.

Они остановились против витрины, закрывавшей развешенное на стене оружие. Валаир задумчиво смотрел на представленный ассортимент, явно затрудняясь с выбором.

— Оружие не надо — сказал Амадо.

— Не мели чепухи! «Вечерняя звезда» оружие легендарное, но слишком известное. Я бы не стал его использовать. Слишком заметно, а тебя как я понимаю ищут. К тому же оно архаично, хороший представитель первых оружейных линий, но устарел. Тебе нужно, что-то более совершенное, что будет неприметно, и в тоже время достойно заменит старушку.

Валаир прикоснулся к стеклу витрины, растворяя прозрачный барьер рука предка легла на меч, резко сужавшийся к концу.

— Этот меч, пожалуй, подойдет как нельзя лучше — прокомментировал свой выбор предок.

— Короткий меч, вместо булавы, достойная замена — скептически отозвался Амадо.

— Ха, да ты я смотрю знаток — съязвил Валаир. — Ну ка возьми — протянув клинок Родриго потребовал предок.

Рука потомка нехотя приняла подарок, но клинок лег в ладонь настолько точно, что Амадо тут же смутился проявленному недоверию.

— Теперь представь, что ты хочешь копьё — потребовал Валаир.

Немного напрягшись Родриго, представил копьё. Рукоять меча вытянулась в древко, превратив короткий клинок в металлическое копьё, с наконечником в виде меча.

— Вот видишь, все не то, чем кажется — проговорил Валаир, протягивая Амадо щит, подобранный им с одного из стеллажей.

— Бери, пригодиться! — Амадо машинально принял подарок.

— Теперь приложи щит к кольцу — продолжал удивлять потомка Валаир.

Родриго поднес щит к кольцу, тот неожиданно свернулся в маленькую копию самого себя, и прирос к поверхности кольца, образовав перстень.

— Ну, вот теперь ты достаточно неплохо экипирован, осталось средство передвижения.

Стальные копыта механических лошадей, дробно стучали по выглядывающим из-под мха плитам городской улицы.

— Осталось зайти в центр информации! На Апрена! — прокричал Валаир.

— Зачем? — удивился Амадо.

— Будем будить — кратко ответил предок.

— Кого? — изумился Родриго, он не мог поверить, что после всего, что было рассказано, Валаир планирует вернуть к жизни остатки его народа.

— Менантров! — Валаир спокойно посмотрел на удивленного Амадо.

— Ты в своем уме? Они же все погибнут — попытался возражать недоверчивый потомок.

— Погибнут? Они погибнут если будут как сурки дрыхнуть по своим норам! Когда их одного за другим выволокут на поверхность, тогда они погибнут, а пока менантры борются, они с каждой победой увеличивают шанс на спасение. К тому же я не единственный древний воин Менантра. Мы разбудим остальных, а потом отвоюем наш мир...

— Я не могу остаться! — твердо произнес Амадо.

— Что значит не могу остаться? — возмутился Валаир.

— Мне надо вернуться в мир твоих предков. У меня там неотложное дело, и любое промедление грозит непоправимыми последствиями.

— Что может быть важнее спасения твоей родины? — глаза Валаира сузились с сомнением глядя на Амадо.

— Спасение моей дочери. Кроме меня ее некому защитить. А Менантр охраняет армия

предков. Думаю, он обойдется без меня — жестко ответил Родриго.

Валаир замолк, и сумрачно глядя перед собой, о чем-то думал. Вскоре он остановил коня, и спешил. Они стояли в тени огромного здания, вернее его руин. Глядя на развалины Амадо понял, что информация, когда-то хранившаяся в его недрах навсегда утрачена.

— Знаешь, ты, наверное, прав, у нас еще есть время. В конце концов, стоял мир в разрухе тысячи лет, постоит еще немного. Отправляйся в свое путешествие, а я пока займусь поиском соратников, и хранилищ с выжившими, но как только справишься со своими делами возвращайся. В этой битве нам понадобится каждый. И твой меч тоже!

Слова Валаира оборвал громкий топот. Амадо давно заметил легкую дрожь, но посчитал, что это вес его скакуна сотрясает неустойчивый грунт древней столицы. В проход между домами ворвались великаны, от их поступи дрожали остатки зданий, осыпая многовековую пыль на заросшие улицы. Разбежавшись, великаны налетели на людей.

В тот момент, когда Родриго осознал опасность, его кольцо развернулось в доспех, быстро покрывая тело. Щит удобно лег в руку, а меч вытянулся в копьё. Механический конь встал на дыбы, выражая мысли хозяина.

В тоже время Валаир ловко маневрируя между гигантами, снес одного из них, поразив длинным клинком. Стараясь не отставать от предка, Амадо разогнал коня и встретил великана мощным ударом копьё, пробив навывлет тело и доспех врага.

Вместо того, чтобы застрять в недрах туши гиганта, копьё свернулось в меч, и с шумом вырвалось из плоти великана, вернув свободу движения владельцу. Мощный удар, снес лошадь вместе с седоком, тяжело саданув о стену здания.

Стена медленно обвалилась, погребая под обломками Амадо. Валаир методично выбивал противников, великаны не успевали за вертким врагом, и впадая в исступление, крушили остатки обветшавших зданий Ирдамии.

Из-под обломков выбрался Родриго, бросив скакуна под завалом, он кинулся на обидчика в пешем порядке. Меч гиганта несколько раз с силой ударил в большой щит человека, но Амадо остался на ногах, вызывая тем самым недоумение врага. Выставив щит, и коротко ткнув копьём, Амадо поразил великана, тело гиганта согнулось пополам. Обойдя умирающего врага, он с удивлением отметил, что с андландами покончено.

Пока Родриго возился с одним великаном, Валаир разобрался с шестью оставшимися. С самодовольной улыбкой древний герой, показал на одного из великанов.

— Это Рован, один из лучших воинов Андланда!

— Ты его убил?

— Нет я убил его оболочку. У него их много, андландов не убить в нашем мире. Для этого нужно идти к ним домой...

— Да, но это невозможно — возразил Амадо.

— Почему, невозможно? У тебя есть все необходимое! Твой знак это, не просто маяк, это ключ, открывающий миры. Это ты запер Братьев в Менантре, а не Андланды!

— Я не понимаю — с трудом принимая суть сказанного, проговорил Амадо. — Я не хотел такого исхода. Возьми его — протянул он знак Валаиру.

— О нет. Мне он не нужен. Я не хочу, чтобы за мной охотился Випул, мне и Братьев хватит. Война с ними предстоит нелегкая, поэтому со знаком разбирайся сам. Мой тебе совет не используй его, или они тебя найдут.

Звон ключей вырвал Крамвуда из оцепенения сна.

— Господин Довард, поспешите. Времени почти нет — проговорил стражник, испуганно оглядываясь на вход тюрьмы.

Не веря себе Довард, торопливо вышел из камеры, и поспешил следом за охранником, тот повел его узкими коридорами подземелья дворца. Пока они не уперлись в невысокую дверь. Несколько раз постучав условным сигналом, страж дал знать на ту сторону о своем прибытии. Шум засова послужил ответом на их призыв. В распахнувшийся проход ворвался мягкий свет, в комнате беглецов ждала служанка с сонным Товардом. Юноша тут же встрепенулся и порывисто поднялся со стула. Радостная улыбка напозла на мужественное лицо парня, когда он увидел деда. Прошло несколько недель, с тех пор как Товард в последний раз видел кого-то из близких.

Дед и внук крепко обнялись, скупая слеза скатилась по бородатой щеке Крамвуда.

— Мне очень жаль, что с Маей так получилось... Я не хотел — выдавил из себя Довард Старший.

— Я знаю, дед. Я знаю — ответил Товард. — Я ничего не успел сделать, эти из Камня налетели с ножами, а меня оттеснили гвардейцы — в глазах юноши заблестели слезы.

— Надо торопиться — напомнил стражник.

Спохватившись, Крамвуд крепко сжал плечо Товарда и слегка хлопнув подтолкнул юношу, чтобы он следовал за служанкой, позади топал охранник, прикрывая беглецов со спины.

— Почему вы мне помогаете? — спросил Довард, повернувшись к охраннику.

— Мы помним добро — ответила вместо стража, служанка.

— Да господин Довард, вы меня не помните, но несколько лет назад вы спали мою жену от смерти.

— Действительно не помню — удивился Крамвуд.

— Вы дали мне рекомендательное письмо, и я смог устроиться в королевскую стражу. За что я вам очень признателен. Работа при дворе позволила мне оплатить лечение моей дорогой Фанни. Если бы не вы, то ее бы уже не было в живых. Да и простой народ вас уважает, за справедливость и честность.

— Да я видел... — с горечью проворчал Крамвуд.

— Это не простой народ, к вам пришли фанатики Традиции камня, эти гномы давно оторвались от своего рода. Они уже не понимают гномов. Не знают их бед и чаяний, они поклоняются тому, что умерло, и умерло навсегда.

— Кем ты был до службы у короля? — удивленно спросил Крамвуд, слишком грамотная речь простого стража удивила купца.

— Помощником архивариуса, господин — улыбаясь ответил стражник.

— А почему оставил, такое прибыльное место?

— Я люблю правду, а зачастую это качество входило в противоречие с тем, что требовалось от работы архивариуса. Честно говоря, меня выгнали, и лишили возможности занять какое-либо достойное место в нашем обществе. Вот мне и пришлось беспокоить вас своими бедами, и вы единственный, кто не отказал мне в помощи.

— Спасибо вам большое — поддержала стража служанка.

— Это моя дочь Хола. Она мне и рассказала, о том, что с вами приключилось.

— Куда мы идем? — спросил Довард.

— А куда вам надо?

— Наверное лучше всего будет на тракт ведущий в Иргам, если возможно, а если нет, то

на поверхность.

— Почему невозможно, надо в Иргам, значит проведем в Иргам — ответил стражник.

— Стой, а как же вы?

— За нас не беспокойтесь, моя семья уже на поверхности. А вас мы выведем к дороге, ведущей в королевство Рибигуда. Обрато мы не вернемся, пора обосноваться где-нибудь на поверхности — улыбнулся страж.

Лес зашумел, обеспокоенный появлением живого. Проход исчез, Амадо покачал головой, положению Тизкара не позавидуешь. Жизнь последнего монарха умершей цивилизации всецело зависела от воли Андланда. Неподалеку прогудел рог, топот множества ног, растревожил жителей леса. Оставалось слишком мало времени, чтобы искать путь назад, да и вряд ли таковой существовал, андланды тщательно запечатали мир Менантра.

Секунда раздумий, и Амадо коснулся оберега Наргала, темнота родного мира исчезла, в глаза ударил солнечный свет. Шум прибоя умиротворенно шуршал где-то внизу, накатывая на крупную гальку побережья. С высокой скалы открывался вид на лазурное море, раскинувшееся до горизонта, сбоку мирно суетился портовый городок Ита. В удобной лагуне сновали разнокалиберные корабли, казавшиеся сверху игрушечными, в порту кипела работа. Грузчики, пьяные моряки, торгоши и горожане, наполняли грязный городок жизнью. Глядя на живой мир, Родриго вспомнил Менантра, его дом потерял краски, потерял радостное биение жизни. Внутри шлохнулась надежда, что может быть все еще можно изменить, но он тут же отогнал шальную мысль.

Ветер надувал паруса, ускоряя ход небольшой лодки, несущей загадочного чужестранца, к берегам Эманторана. Моряки с подозрением смотрели на путника, что им пришлось взять с собой в море. Капитан не смог отказаться от золота, щедрого незнакомца. Команде пришлось смириться с его решением.

В порту Эльнаама, худшие опасения моряков оправдались, их корабль арестовали, а капитана утащили в застенки. Команду допросили. Как выяснилось из вопросов, эльфы искали чужестранца, что прибыл на их корабле в город. Кто-то из команды проболтался в портовом кабаке и все выплыло наружу. Морякам пришлось расстаться с имуществом, домой морские волки добирались кто, как мог.

Дорога вилась среди рошиц, и полей Эманторана, навстречу попадались разъезды эльфийской стражи. Остроухие с пристрастием изучали документы чужеземца, внимательно вглядываясь в печать. Так странный агент торгового дома Фюрд, добрался до столицы королевства. Неприметный человек быстро слился с толпой иностранцев, бурной рекой расплескавшихся по широким улицам Амрунты. Несмотря на все предосторожности, в тот же день на стол Дарелиана легла записка, с донесением о появлении в столице нежелательного лица.

Некий Родриго Амадо, человек по происхождению, имеющий многочисленные связи и склонный к различным авантюрам, отличившийся в многочисленных заговорах и переворотах, в том числе и на территории Эманторана нарушил границы эльфийского королевства. По сведениям анады нарушитель принимал участие в уничтожении старшего дома Аманитель, заговор известный под названием «Ночь кровавых снов». По итогам расследования преступник был признан виновным, осужден и приговорен к пожизненным работам на королевских галерах. Откуда бежал, с помощью сообщников.

В задумчивости Дарелиан прохаживался по балкону дворца, разглядывая дивные пейзажи Самрумы, но мысли монарха блуждали далеко от родного Эманторана.

Прекрасно спланированная операция по устранению Танаис, повернулась совсем другим боком, погиб Лефтерсис, Танаис даже не пострадала. Такого провала эльфы давно не знали, объявили войну склочному вассалу, не устранив его главного союзника. Разведка все чаще доносила, что Ришам готов к восстанию. Южане ждут возвращения императрицы. Этот придурок Фирафир, со своей мстостью, испортил все дело, да еще припер дочь Лафны Аманитель, будто никто не знал, что она плод кровосмесительной связи. Как он мог так ошибиться. Доверить столь важное дело мстительному идиоту. Родовитый имбицил провалит даже собственные похороны, всем известный факт, а он поручил ему настолько тонкую миссию. В итоге расплата за неосмотрительность. Главная задача не достигнута, единственный разумный василевс убит, а союз Танаис и молодого короля Алкмей остался в силе. Со временем он может стать очень большой проблемой.

Итак, Амадо прибыл в Эманторан, ясно, что ему нужна девчонка. На старшую девчонку, что убил Фирафир, ему, конечно, плевать, но за младшей он придет обязательно. Без потери лица отдать девочку нельзя. Остается только один путь устроить засаду, и если все пойдет удачно, то можно уничтожить и докучливого человечешку, и его ублюдка.

А если не получится, то придется пожертвовать дураком, что заварил всю эту кашу. Ох как же надоело, опять претензии старших домов, их обиды, требования справедливости, как все надоело.

Король остановился и уставился на яркую пичугу, выводившую затейливую трель. Она сидела на цветущей ветке, прямо напротив Дарелиана, король смотрел на нее и не видел, погруженный в тяжелые раздумья. Гибель Фирафира вновь приведет к кризису внутри великих домов, одни будут искать происки конкурентов, другие требовать наказать людей.

Хотя, что-то он совсем потерял веру в свой род. Не стоит так преувеличивать возможности одного человека, пусть даже и столь удачливого...

Размышления короля прервал тактичный кашель мажордома. Дарелиан резко повернулся к Ридеэну, испуг искажил правильные черты монарха, мысли полностью поглотили его внимание, надолго вырвав из реальности.

— Что случилось Ридеэн? — раздраженно спросил король.

— Ваше Величество... Фирафир убит, имение полководца разрушено. Погибло сорок эльфов...

— Чтоооо!!! — прокричал Дарелиан, выпучив глаза на мажордома, он не верил своим ушам. — Убит?! Кем?!

— Рыцарем в иссиня-черной броне. Выжившие показали, что он пришел за девочкой — многозначительно закончил Ридеэн.

— А засада?

— Прошу прощения Сир, но засада не помогла. Погибли все. Человек необычный рыцарь, он волшебный что ли, его не остановить...

— Где он сейчас? Его кто-то преследует? Что вообще делает моя армия?! — все сильнее заводился Дарелиан, затем резко пустив плечи, король неожиданно спокойным тоном произнес.

— Вы свободны — Ридеэн с удивлением посмотрел на короля, но послушаться не посмел, поклонившись мажордом тихо вышел.

— Ну, как я и ожидал. Ситуация пошла по наихудшему пути — обреченно подумал

Дарелиан. — Как же мне надоел этот Амадо, пора решить эту проблему раз и навсегда.

Могильный холод камеры пронизывал до костей тело Хельма, вызывая непрерывную зубную дробь. Напряженный кулак свело, чудесная дудка, что он так тщательно прятал последние дни, жгла кожу ладони. В заточении она его предала, Хельм надеялся, что ему удастся бежать, используя силу флейты, но сколько гном не выводил мелодии, проход так и не открылся. Звук только привлек охрану, его знатно поколотили, но дудку стражи так и не нашли.

Уже несколько недель его почти не кормили и лишь один раз в день приносили воду. Постоянная слабость притупила чувство самосохранения. Хельм не сразу понял, что тяжело болен, и вот уже четвертый день он не может подняться с кучи гнилой соломы, провонявшей тюремными миазмами. Жажда становилась все невыносимее. Вода стояла рядом, но дотянуться до нее у Хельма уже не осталось сил, их едва хватало, чтобы дышать.

На руку легло что-то теплое, приятно согревая заледеневшую кожу. С трудом разлепив глаза Хельм увидел красивую женщину. Глядя с нежностью на гнома, красotka погладила его руку.

— Ну вот мы и встретились вновь — ласково проговорила женщина.

— Мы с вами встречались? — удивился гном, пытаясь припомнить, где он мог видеть необычную посетительницу.

Человек! Как же раньше его это не удивило, откуда здесь, в тюрьме гномов, человек. Для себя это противоречие Хельм решил, приняв за факт, что у него галлюцинации, и красавица ему привиделась.

— Ты видение? — спросил он в слух.

— Нет! Что ты дурачок! Я так же реальна, как и ты, как и твоя скорая смерть! — она звонко засмеялась, что-то знакомое послышалось в смехе женщины.

Нежность исчезла, Хельм почувствовал от красотки ненависть и злорадство.

— Кто ты? — спросил он, вглядываясь в прекрасные черты незнакомки.

Женщина посмотрела в удивленно-испуганные глаза гнома и перед внутренним взором Хельма пролетели картины. Мертвый Риен, его путешествие в мир величественных храмов, гибель друзей и ненасытная Алит.

— Ты! — прокричал гном задыхаясь, сердце едва справлялось с напором крови, в ушах зашумело, сознание отказывалось подчиняться.

— Как видишь, я слов на ветер не бросаю — проговорила Алит, польщенная произведенным впечатлением.

— Но, зачем ты тут? Что тебе надо? ... Ты же мертва! Я убил тебя. Там, в храме... — выпалил гном, путаясь в мыслях.

— Меня нельзя убить дурачок, я бессмертна. Я тебе кое-что обещала, поэтому пришла посмотреть на результат своих трудов. К тому же у тебя есть вещь, что принадлежит мне — красавица протянула руку и разжав ослабевший кулак Хельма, забрала флейту.

— Так это ты белая лиса... но зачем ты меня вывела из своего мира? Зачем дала дудку?

— Ты милый мой Хельм, оскорбил меня, и я решила наказать тебя и твоих близких, а как ты выразился дудка, лучший способ чтобы исполнить это.

Флейта тебя привела к твоей необыкновенной супруге. Жаль Маю. Бедняжка! Флейта же помогла тебе открыть мир полный золота, породив страсть наживы в твоих соплеменниках, и превратив их в непримиримых врагов рода Довардов. Остальное сделали

глупость и жадность твоего народа. Мне осталось лишь ждать и вкладывать в твои уста нужные мотивы. Скажу тебе мой маленький гном, мне понравилось играть с твоей жизнью, жаль, только, что она так коротка.

— Тварь, ... Гадина — задыхаясь, попытался крикнуть Хельм, но дыхания не хватило. Тяжелый вздох оборвался, тело гнома резко обмякло и расслабившись упало на соломенное ложе.

В дверное окошко заглянул удивленный стражник, он отчетливо слышал, как узник с кем-то разговаривал, вроде-бы он даже слышал голос женщины. Сумрак камеры ничем не удивил, лишь тело заключенного неестественно вытянулось на соломенной подстилке.

— Умер, бедолага — пробормотал страж, и неторопливо пошел в караульную, чтобы сообщить о покойнике, смотрителю тюремного крематория.

Насмерть перепуганная Эли вцепилась ручками в плащ страшного незнакомца, от которого все еще воняло металлом пролитой крови. Лошадь несла их, не сбавляя хода, стальные ноги высекали искры из древних плит эльфийской дороги. К вечеру он планировал достичь ворот Железной долины, а там уже осмотреться, и действовать по обстоятельствам. Девочка взвизгнула на перерез им выехал эльфийский разъезд. Не сбавляя хода, Амадо выставил копы и снес верхового, опрокинув лошадь вместе с седоком. Погоня вскоре отстала, неутомимый скакун позволил оторваться от преследователей, эльфы скрылись за поворотом дороги.

Родриго сошел с Гостевого тракта, который вел напрямую от Амрунты, до Южных ворот Железной долины. Эта дорога, единственная разрешенная для посетителей Эманторана стала опасна, поскольку ее охраняли особенно тщательно. Углубившись в лес, Амадо сумел на время спрятаться от зорких глаз эльфийских стражей, но, чтобы не потерять направление приходилось идти параллельно дороге.

В голову лезли мысли о том, что случилось в усадьбе Фирафира. Родриго пришлось побегать за ребенком по комнатам особняка, заваленного трупами эльфов милашек. Как их называла его дочь. Девочка протестовала против жестокости, с которой он расправлялся с врагами. Эли не могла понять зачем он убил добрых дядей и тетей, приютивших ее. Почему-то вспомнилось удивленное лицо Фирафира, когда Амадо ему рассказал, кто стоял за его поражением на Крефеях. Перед внутренним взором возникли бешенные, горящие гневом глаза эльфа, а затем гаснущие, теряющие последний проблеск мысли. Убийство негодяя почему-то не принесло удовлетворения, на душе стало мерзко, от произошедшего воротило как от кучи дерьма.

Темнота опустилась незаметно, вдали, черным пятном, выделялись железные ворота Южной крепости. Стража Железной Долины внимательно изучила его документы, и все еще медлила с решением пропускать или нет ночного гостя, когда из леса почти бесшумно вышла колонна эльфов, затем еще одна, по бокам показались всадники. Вперед выехал герольд. В ночной тишине чеканно прозвучали слова, продекламированные поставленным голосом глашатая.

— Вас приветствует командующий его величества Дарелиана, Алатаэль Белый! Мы требуем передать нам преступника, что находится подле ворот вашего королевства! Человек, известный под именем Родриго Амадо, обвиняется в убийстве высокородного, и краже ребенка эльфийского происхождения, а точнее Элатаэль наследницы старшего рода Эйлель Аманитель!!! Король Дарелиан будет признателен за ваше участие в поимке преступника, что несомненно укрепит и без того замечательные отношения между нашими коронами!!!

Повисло молчание, капитан стражи отправил за комендантом замка, тот отправил донесение маршалу, наконец известие дошло до командующего армией Железной долины, Армина Карната.

Ближе к утру, мимо Амадо проехал кортеж из рыцарей долины, во главе с маршалом. Сухой старик с задиристой эспаньолкой, и желчным лицом, злорадно взглянул на беглеца, и тут же отвернулся. Взгляд Армина не предвещал ничего хорошего, Родриго не очень доверял новоявленному представителю своих интересов. В руках старика находилась его жизнь,

жизнь его дочери, и возможно Лафны.

На высоком, белом скакуне выехал Алатаэль, вечно молодой эльф с белоснежными волосами, и по-женски красивым лицом. Его скакун грациозно затанцевал перед командующим долины.

Лицо старика презрительно сморщилось, в ответ на приветствие эльфийского героя, но командующий ответил вежливостью на вежливость. После парадных приветствий завязался долгий разговор. Говорили в пол голоса, потому договоренности остались между переговорщиками, но судя по выражению лица эльфа, слова заносчивого старика, больно ранили самолюбие героя. Карната нимало не заботясь о чувствах визави, что-то выговаривал ему нагло глядя в глаза. Дипломатический этикет уступил схватке несгибаемого духа с обеих сторон.

Вежливо раскланявшись, всадники разъехались, проезжая мимо коменданта крепости Армин скомандовал.

— Этого пустить! Ворота закрыть! Гарнизон приготовить к бою! О любых перемещениях, сообщать мне лично!

Командующий не удостоил Амадо даже взглядом, и выставив вперед задиристую бородку проследовал мимо него. Подхватившись, комендант, лично взялся за оформление пропуска для хлопотного гостя. После чего в сопровождении стражи проводил его до самого дорогого постоянного двора Феррочи. Пообщавшись минуту с владельцем «Железной Короны», комендант пожелал всего наилучшего Родриго и его дочери, передав почетного гостя заботам владельца постоянного двора. На предложение внести плату, хозяин изобразил обиженный вид, все происходящее удивляло и забавляло видавшего виды путешественника.

Тихо посапывая, Эли спала на руках отца. За день ребенок успокоился и смирился со сложившимся положением вещей. Большая кровать поглотила маленькое тельце, и только теперь Амадо расслабился. От долгой дороги ныло тело, а в голове стоял туман. Придумать более-менее убедительную причину особого расположения со стороны командующего Железной Долины, Родриго так и не смог, потому для себя сбросил все, на личные противоречия между Карнатой и героем эльфов. В конце концов что может лучше украсить день, чем вежливая пощечина заносчивому эльфу.

Громкий стук в дверь развеял сон как летнее солнце иссушает утренний туман. Выплывая из сонной одури, Амадо взялся за рукоять меча и пошатываясь побрел к двери. Девочка пошевелилась в кровати, и едва взглянув на него, погрузилась обратно в сон. В комнате царил утренний хмарь, солнце еще не взошло. Долгая дорога вымотала их, они проспали больше суток.

Прежде чем отодвинуть засов, Родриго прикрыл тело новым доспехом. В дверях показался старый знакомый, тайный агент, что много лет назад положил в его постель роковую обольстительницу Беатрис. Агент постарел, но расплывшиеся черты лица оставались узнаваемы. Он смущенно представился и попросил разрешения войти. Амадо отошел в сторону пропуская агента в комнату, и снова задвинул засов.

— О нет, это вы зря. Вам ничего не угрожает — успокоил посетитель хозяина комнаты.

— Зачем вы пришли? — не обращая внимания на любезный тон агента спросил Родриго.

Холодные глаза впились в мутные глазки агента, с любопытством изучавшие важного гостя.

— Меня прислал господин канцлер, он вас приглашает на прием. В зал королей — важно произнес агент.

— Хорошо я учту предложение канцлера. Что-то еще? — сухо ответил Амадо.

— Да. Видите-ли, вам нужно пойти со мной, именно сейчас. Чем меньше людей будет знать о вашем визите к их высочествам, тем лучше.

— И как вы себе представляете, что я брошу дочь и пойду неведомо куда, неведомо зачем...

— Ну что вы, мы все предусмотрели. За дверью стоит профессиональная нянька, она не оставит ваше дитя без должного внимания. Не стоит беспокоиться. Я повторяю, вам ничто не угрожает!

Подумав немного Амадо согласился. Внимательно осмотрев няньку, он все-таки решил, что она достойна доверия и оставив дочь на ее попечение, проследовал за агентом.

От любопытных глаз их отделяли стражники, бойко прижимавшие случайных прохожих лицами к стенам домов.

Зал Железных королей оказался пуст, Родриго пришлось ждать более получаса, прежде чем вошедший управляющий, торжественно объявил о появлении канцлера.

Вошел упитанный человек средних лет, с пушистыми бакенбардами, и острым взглядом. Канцлер подошел к Амадо, и внимательно взглянул в его глаза, после чего ответил на приветствие чужестранца.

— Я слышал, вчера Вам пришлось спасаться за стенами нашего королевства? — спросил он участливо.

— Да Ваша светлость — подтвердил Родриго.

— Что же, мы всегда стараемся находить способы избегать прямых конфликтов, и не принимаем участия в чужих распрях.

— Я понимаю вас — быстро проговорил Амадо.

— Вы меня перебили, ну да ладно! Это сейчас не самая большая проблема. Куда большая беда, это ваше присутствие в пределах королевства! Как мне не прискорбно, но я вынужден просить вас покинуть Железную долину, сегодня же — скорчив скорбное лицо, проговорил канцлер.

— Ваше сиятельство я готов выдвинуться хоть сейчас, если вы позволите. Единственное, что мне нужно собрать мою дочь в дорогу...

— Об этом не может быть и речи! — взвизгнув перебил его канцлер. — Девочка эльф отправиться к сородичам, а вы уедете без ребенка...

— Это моя дочь!!! — взревел Амадо.

Стены зала ответили многократным эхом.

— Доказательства — сухо проговорил чиновник, успокоившись при виде чужого гнева. — Чем вы можете доказать родство с данным ребенком? То, что она эльф это я вижу, а на то, что она ваша дочь ничто не указывает!

Доспех напалз на тело, канцлер испуганно отшатнулся от гостя и завизжал.

— Стража!!! Гвардейцы!!!

Острые клинка уперлось в горло чиновника, он машинально схватился за клинок и тут же обрезал пальцы.

Размазывая кровь по металлу, канцлер отдернул руку и застыл в ожидании развязки.

Гремя доспехом, вбежали гвардейцы. Воины остановились позади канцлера, не решаясь что-либо предпринять. По залу разнесся чеканный шаг подбитых сапог, в помещение вошел

командующий, язвительно улыбаясь старик остановился подле Амадо.

— Ну, что мой закулисный друг, как вам игры с профессиональным убийцей? — поинтересовался командующий Армин, выставив задиристую эспаньолку вперед.

— Прикажете ему опустить меч — выдохнул канцлер, испуганно скосив глаза на клинок.

— Я не могу приказывать гостю его величества — с усмешкой ответил Армин.

— Господин командующий, прошу вас остановите людей канцлера, не позволяйте выдать мою дочь? — не сильно надеясь на успех, попросил Родриго.

— Так все-таки дочь! А мы то все гадали, что за блажь на вас нашла! Залезть в осиное гнездо, да разворошить его так основательно, что за вашу голову дают десять тысяч золотых! Не припомню, чтобы когда-нибудь, давали такие деньги, за голову смертного! Может потрудитесь объяснить, ради чего я поставил королевство на грань войны! Да опустите вы меч, ради бога, а то, не ровен час, мы с вами услышим миазмы благородного кишечника канцлера. Он человек сугубо мирный, оттого ко всякого рода военным опасностям испытывает робость. Пожалейте его психику. О дочери не беспокойтесь, с головы ребенка волоса не упадет, ее уже доставили в мой дворец. Уверяю вас, там она в полной безопасности.

Амадо внимательно взгляделся в лицо командующего, его речь казалась настолько необычной для этого мира, что в голову полезли странные мысли.

— Откуда вы? — спросил он, опуская клинок.

— Мое семейство имеет местные корни, и отличается особой древностью, еще дед моего прапрадеда служил королям Железной долины. Скажем без прикрас, Карнаты плоть и кровь долины, поэтому благо железной короны для меня дело личное. Кстати, я тут по поручению королей, правители хотят вас видеть. И вас господин канцлер тоже! — командующий повел рукой, приглашая следовать за собой.

Витражи причудливо окрасили стены и потолок приемной залы. Напротив, Амадо сидели Железные короли, столь же неподвижно, как и в первую их встречу. Совершив дежурный поклон, Родриго всмотрелся в маски, что скрывали лица королей, ему показалось, что нечто похожее он уже видел, но не здесь.

— И так, вы и есть причина надвигающейся войны? — спросил бесцветный голос одного из королей.

— Выходит так, Ваше Величество — ответил Амадо.

— Тогда расскажите нам все обстоятельства конфликта. Во имя чего мы ввязываемся в войну с нашим соседом! — проговорил другой голос, столь же бесцветный.

Не вдаваясь в подробности Амадо рассказал о событиях, приведших его в Эманторан.

Повисло молчание, наконец рука одного из королей поднялась и сделала знак. Командующий быстро подошел к Родриго и попросил следовать за собой. Откланявшись, он проследовал за Армином, в смежный зал, где придворные ожидали аудиенции.

— Зачем вы меня спасли? — спросил Амадо, присаживаясь на скамью.

— Знаете, иногда мне приходится решать вопросы связанные с интересами государства. И я стараюсь личное оставлять в стороне, но вчера... Вчера я увидел наглые рожи остроухих. Военные успехи совсем вскружили им головы. Да и Гинну уничтожили именно вы, поэтому я ваш вечный должник.

— Не понимаю? — удивился Амадо. — Как это связано?

— Гинну получила заказ на Армина Карната, а погибла его жена — сдержанно ответил командующий. — Наши дети остались без матери, ну вы меня поняли — сглатывая комок проговорил Армин, командующий отвернулся в сторону пряча глаза. — Что-то они долго, опять канцлер плетет интриги — заволновался старик.

Дверь распахнулась канцлер бегом прошел мимо Родриго, даже не взглянув в его сторону. Улыбка Армина выражала удовлетворение тем, что он увидел.

— Все в порядке — прошептал он на ухо Амадо, одновременно приглашая вернуться в зал королей.

Монархи, все также сидя на креслах, молча взирали на вошедших. К Родриго подошел пожилой воин, судя по доспехам гвардеец. Высокий и худой он казался чем-то карикатурным, но грозный взгляд рыцаря заставил отбросить первое впечатление. Гвардеец протянул стальную руку Амадо, сжимая свиток с королевской печатью.

— Это ваша грамота, дающая право беспрепятственно посещать Железную долину. Отныне вы находитесь под защитой Короны десяти! Мы помним ваши заслуги, и предлагаем вам остаться в королевстве до тех пор, пока не решится вопрос о вашем статусе вне королевства!

— Благодарю Ваше Величество за Ваше покровительство — с поклоном проговорил Амадо, глядя мимо тощего. — Но я хотел бы сегодня же отбыть в Алкмеи.

— Боюсь это невозможно! — бесцветно отозвался голос одного из королей. — Долина в окружении, нас осадили. Эльфы принудили свои протектораты вступить в войну с Железной долиной. Поэтому мы предлагаем вам стать нашим вассалом, дабы снять все вопросы о вашем статусе. И устранить ненужные кривотолки относительно вашего пребывания в Фарайзе. К тому же вы известны как опытный воин, что в сложившихся условиях может оказаться очень кстати. Совет ждет ваш ответ!

Сомнение легло на лицо Амадо, но решение пришлось принять.

— Я принимаю ваше предложение! — произнес он глухо.

— Великолепно! Хонинг! — в зал вбежал канцлер. — Эрих, выделите господину Амадо содержание, а вы господин Карната определите воина в часть, соответственно его происхождению и навыкам.

Канцлер и командующий склонились в глубоком поклоне, короли поднялись со своих кресел, и неспешно покинули зал.

— Давай пошевеливайся! — грубо толкнув Крамвуда, прокричал наемник.

Слегка покачнувшись Довард пошел в указанном направлении, где-то позади шел Товард. Они брели в компании бандитов, и повстанцев, не принявших власть Торна. Главной заботой Крамвуда сделалось убереечь внука от покушения, различного отброса. Не так давно, задремав всего на несколько минут, он не нашел внука рядом с собой. Неподалеку он заметил группу заключенных, бандиты, что-то окружили и весело подначивали, кого-то в центре круга. Крамвуд ворвался в круг раскидав в стороны сразу нескольких бандитов и двоих стражников.

В первые секунды Довард старший опешил, Товард стоял над трупом бандита, того, что затащил юношу в круг жаждущих поделщиков. Широкий мордovorот, дружок убитого, хлестал пацана по лицу, разбив в кровь нос Товарда. Удар Доварда старшего сокрушил обидчика, сломав с характерным хрустом шею здоровяка. Со всех сторон на Доварда навалились поделщики убитых бандитов, прибежал начальник конвоя. По результатам

разбирательства, Товарда определили в окружение начальника стражи, а Крамвуда заковали в кандалы, и приставили к купцу двух стражей.

Добравшись до Иргамы, Довард испытал самое большое в своей жизни разочарование. Рибигуд отказался принять беглецов, ссылаясь на договор с новым королем Даноста. Он арестовал Крамвуда и отправил под конвоем обратно, вместе с внуком и другими плененными подданными Торна. Конечно, король Изумрудных холмов, мстил Доварду, за его отказ представлять торговые интересы Иргамы. Рибигуд не забыл Крамвуду его переезд в Танорт.

В голове старика крутились мысли о том, что его род проклят, но за, что Довард старший никак не мог взять в толк. А малец молодец. Все сделал как учили, и ударил куда надо, и ведь нашел где-то гвоздь. Да, он уже не пропадет, есть воля к жизни, не то, что его отец, размышлял Крамвуд шагая по темным тоннелям.

Сбоку раздался свист, стрела воткнулась в шею охранника и тот повалился на Крамвуда, заливая одежду гнома кровью. Старик кинулся в сторону начальника конвоя, но споткнулся о тело раненного конвоира и растянулся, со всей силы ударившись головой о каменный пол торгового тракта. Сознание уплыло, лишь отдаленный шум словно морской прибой долетал до сознания.

Из черного омута старика вырвала сильная боль. Он открыл глаза, перед ним стояли огромные орки, один из них ковырял ножом грудь гнома, обжигающая боль заставила Доварда отпрянуть от мучителя. Орки хрипло засмеялись.

— Кто такой? — спросил вожак, выделявшийся особой мощью и безобразностью.

Одетый в латный доспех, орк выглядел более чем эпично.

— Гном из Даноста — ответил Крамвуд, морщась от боли.

— Куда твой шел?

Гном огляделся, вокруг лежали тела убитых конвоиров и заключенных, Товарда он не увидел. Немного успокоившись Крамвуд, поднял глаза на орка.

— За, что твой в кандалы?

— Бежал от короля. Он мой враг — ответил Довард.

Его ответ прервал крик Товарда, наклонив голову вперед, как бык, юноша несся с мечом на орков. От волнения тяжелый клинок гулял из стороны в сторону, грозя вырваться из рук отчаянного парня. Ловко отбив удар одного из орков, и вертясь как волчок, пацан почти добежал до вожака, когда тяжелый пинок одного из воинов опрокинул юношу на спину. Меч, звонко лязгнув, отлетел в сторону. Тяжелая стопа, упершись в грудь, крепко прижала Товарда к полу. Сердце старика оборвалось, орки весело заржали. Вожак, что-то крикнул на своем наречии, парня отпустили.

— Ты кто таков? — улыбаясь спросил вожак.

— Деда отпусти! — гневно глядя на орка процедил юноша.

— Бешенный! — вскрикнул орк и заржал, воины весело поддержали командира.

Товард не мог понять почему, жуткие орки смеются. Глаза старика наполнили слезы, Крамвуд понимал, что история скорее всего закончиться печально, но гордость за внука наполняла сердце гнома радостью.

— Твой? — спросил могучий орк, повернувшись к Доварду старшему.

— Да — с гордостью ответил Крамвуд.

— Смелый! Ты такой же?

— Да — ответил Крамвуд не пряча более глаз.

— Вон видишь, — орк показал на воина, — если победишь, оставлю жить и тебя и мальчишку!

Крамвуда отпустили, и дали меч. Против старика вышел орк в доспехах, вдвое шире гнома, шансов на победу не осталось никаких. Позади Крамвуда раздался истошный крик, гном повернулся, кричал гоблин, из сопровождения орков. Вожак внимательно его слушал, и лицо его становилось все серьезнее. Довард старший не мог понять ни слова, зеленые говорили на одном из наречий подземных орков.

— Почему не сказать, что пацан внук Аар — грозно спросил вожак.

Ничего не понимая Крамвуд молча смотрел на орка, тот нетерпеливо крикнул воинам. Окружив плотным кольцом, орки повели их к тропам, ведущим в глубь горы.

Несколько дней пути занял переход до первых поселений гоблинов, после пошли города орков, когда-то бывшие городами гномов. Наконец пленных привели в огромный город, который орки называли Гар, здесь гномов принял вождь орков Великий Урга, носивший прозвище Говорящий с Богами. Такой же огромный, как и его соплеменники, орк оказался весьма неглуп, он свободно изъяснялся на языке гномов, зная по всей видимости еще немало других.

— Мне сказали, что ты враг Торна Строителя? — спросил Урга, внимательно глядя в глаза Доварду.

— Да, он виновен в гибели моего сына — ответил Крамвуд, едва выдерживая пронзительный взгляд орка.

— А сам ты кто?

— Я занимал должность старшего советника, а после убийства моей семьи был отстранен от двора.

— Как интересно, а за что убили твою семью?

— Из-за моей снохи!

— Из-за снохи? — удивился орк.

— Да. Мой сын женился на гоблинше, но не обычной, а белой такой, знаете...

— Знаю, знаю. Мы их зовем сестры Аар, а гоблины девы Шугул. Так значит не солгал Зама Охотник. Твой внук сын одной из дев?

— Наверное — смущенно подтвердил Довард.

— Удивительно, но Аар спасла тебя и твоего внука, даже несмотря на то, что мертва. Вас узнал Зама, он во время Исхода стоял в лагере Вуда Мудрого. Охотник хорошо тебя запомнил — сказал Урга, невесело улыбаясь. — Сейчас вам покажут, где ты сможешь расположиться с внуком. Здесь вы можете жить без опаски. Единственное условие, не покидать Гар, по крайней мере пока я не стану вам больше доверять.

Длительная осада не впервые случалась в истории Железной долины. Четыреста лет назад восточные короли объединились в борьбе против богатого соседа, решив, что железные короли несправедливо владеют долиной в одиночку, снимая сливки со всей торговли региона. Много лет продолжалась осада, пока между союзниками не начались распри, и тогда, они, переругавшись разошлись каждый по своим домам. А железные короли подняли транзитные пошлины вдвое, и держали их на таком уровне десять лет. Остальным ничего не оставалось как платить или забыть о торговле, поскольку путь через долину оставался единственной приемлемой дорогой для торговли северо-востока с югом и западом. Обходные маршруты слишком длинные и опасные снижали доходы в несколько

раз, делая зачастую саму торговлю бессмысленной.

Несколько дней ничего не происходило. Со стороны Южных врат вырос укрепленный лагерь эльфов, где сотни рабов спешно строили каменные башни. Неделю спустя прибыли метательные машины и крытые телеги, знакомые Амадо по Крифеям. В таких возили горючее вещество, что плавало камень и железо. Похоже эльфы всерьез решили взяться за королей Железной долины.

Эли постепенно привыкала к отцу, но все равно сторонилась жуткого человека, принимая его любовь как неизбежное зло.

Несмотря на войну, в королевстве все находились в приподнятом настроении. Предстояло большое празднество, пожалуй, самое главное для Железной долины. Фарайз славился тем, что его землями никогда не правили старики. Каждые двадцать лет старых королей сменяли молодые. Специально отобранные мальчики, много лет обучались в закрытой школе искусству управления, чтобы сменить старых правителей. В назначенный день старые короли уходили в Священное пламя перерождения. Считалось, что, принося себя в жертву, старые короли передают свой опыт и опыт предков, молодым правителям. Церемония Круга жизни всегда проводилась с особой пышностью, вызывая невиданный подъем среди подданных, желавших узреть чудо перерождения.

В комнату Родриго вошел Армин, он пригласил его принять участие в обряде Воскрешения королей. Смутно припоминая, что речь идет о самосожжении, Амадо попытался уклониться от своих подданических обязанностей, но командующий настоял, пришлось уступить.

С широкого балкона королевского дворца, где расположились особо приближенные короны, хорошо просматривалась улица Старых королей, главная улица Феррочи.

Одетые в длинные балахоны короли проществовали по улице. Головы монархов скрывали колпаки, чтобы подданные не видели лица состарившихся правителей. С песнями и музыкой, процессия празднично одетых жителей долины, провожала правителей к террасе Перерождения. Короли неторопливо взошли на террасу, и опустили в резные кресла, обложенные хитро переплетенными связками хвороста, которые туго перетягивали шитые золотом ленты. Небольшой пруд вместил всех десятерых. Каменная чаша, наполненная маслом, матово отливала в утренних лучах солнца. Стопы состарившихся монархов утопали в пахучей жидкости по щиколотку. От пруда отходило несколько узких каналов, по которым масло стекало в небольшие углубления, на периферии широкой террасы. Возле углублений в задумчивости стояли факельные, с головнями. В восторженном напряжении они ожидали условного сигнала, поблескивая глазами в прорезях красных колпаков.

Вперед вышел жрец Актор Мунке, слышались мелодичные напевы гимна. В руках факельных сам собой вспыхнул огонь. Актор оборвал гимн, и торжественно воздел руки к небу. Головни жадно занялись огнем, и в унисон опустили в предназначенные для них чаши с маслом. Жрец упал на колени, уткнувшись лбом в землю. Факелы в руках поджигателей тут же потухли, восторг на их лицах, сменился выражением глубоко разочарования.

Пламя быстро объяло все пространство террасы, обжигая тех, кто по неосторожности подошел слишком близко. На удивление, старые короли совершенно не кричали и приняли смерть от огня без страха и мук. Лишь мышцы сгорая причудливо выкручивали уже мертвые тела. В этот момент на балкон Башни молодых королей, вышли десять новых правителей. Уже облаченные в стальные одежды, они поприветствовали толпу. Актор оторвал лицо от

земли, и раскатисто завел очередной гимн. Толпа взорвалась восторгом, экзотические телодвижения женщин вызвали ассоциации с племенами туземцев, что доводят себя до иступления неистовыми танцами. Короли еще раз поприветствовали подданных, и скрылись в недрах башни, чтобы спустя двадцать лет в свою очередь проследовать на террасу Перерождения.

Вонь паленной плоти, и удушливый шлейф дыма, еще долго преследовали Амадо, вызывая отвращение и стыд за людей. В то время как вся остальная долина предавалась разгулу, празднуя перерождение молодых королей. Торжества отгремели, и Феррочи постепенно опустел, город возвращался к обычной жизни. Томительное ожидание выматывало деятельного человека, ситуацию спасали частые встречи с Крапором. Из долгих бесед с ценителем реликвий, Родриго узнал много интересного об истории своих предков.

С праздника прошел месяц, в дверь комнаты Амадо постучали. На пороге стоял молодой оруженосец Карната, вежливо склонившись он передал послание от командующего. Бегло пробежав по строкам записки, Родриго вслед за оруженосцем вышел на улицу. Возле входа в таверну он заметил черный паланкин, шторка отошла в сторону, и рука Армина подозвала его. Старик прищурился, заглядывая в глаза Амадо, и предложил прогуляться до Южной крепости.

С высоты крепостных стен, Родриго увидел, как преобразился лагерь эльфов. За месяц шатры сменила полноценная крепость, со множеством башен и тройным кольцом каменных стен. Взглянув вниз, под стены, Амадо увидел то, что ему так настойчиво желал показать Армин.

Там прямо перед воротами Южной крепости, в окружении нескольких эльфов на коленях стояла темноволосая женщина. Родриго хватило одного взгляда, чтобы узнать Эвелин. Женщину порядочно избивали, рубашка порванная и едва прикрывавшая тело баронессы застыла от запекшейся крови. Над беззащитно голой женщиной, возвышался брат Фирафира, Аманасар. Рыцарь с золотыми кудрями, о подвигах, которого эльфийские музыканты сочиняли баллады, воспевая красоту и силу воина. Дом Кулам гордился своими чемпионами, Аманасар во всем отличался от брата, единственное, что их объединяло это их необузданный темперамент.

— Что смотришь человек? Выходи и сразись со мной, если хочешь спасти ей жизнь — крикнул эльф, заметив Амадо на крепостной стене. Точеная чешуя доспеха заиграла на солнце, стоило эльфу повернуть мощный торс в сторону человека.

— Как ты оказалась у них в руках — спросил Родриго, у Эвелин.

— Меня выдали. Правитель Арси, посчитал, что я стою тех денег, что эльфы давали... — попыталась ответить Эвелин, но тяжелый удар латной рукавицы, рассек ей губы, кровь залила шею и грудь женщины.

— Я жду твоего ответа! — крикнул Аманасар, и схватив Эвелин за волосы рванул их вверх, заставляя женщину кричать от боли. — Если будешь тянуть, я ее разрежу на куски прямо у тебя на глазах!!! — прокричал златокудрый герой, примеряясь ножом к глазу Эвелин.

Она плюнула ему в лицо, забрызгав белоснежную кожу красным.

Тяжелый удар о землю заставил эльфа повернуться к стене, рука разжалась, отпустив волосы женщины.

— Куда!!! — вскричал Армин, перегибаясь через парапет.

Амадо разогнул слегка согнутые ноги, вернув чувство равновесия. Хищная улыбка

наползла на красивое лицо эльфа. Надев шлем, он взялся за копьё, и отклонив тело назад послал его в человека. Щит задрожал от удара, копьё отскочило и вибрируя всем древком отлетело в сторону. Удивление наползло на лицо эльфийского героя. Осторожно, точно леопард, Аманасар начал подбираться к Родриго. Несколько обманных финтов, позволили его клинку выбить меч из руки человека, но быстрый тычок в тело Амадо, вновь натолкнулся на щит. Внешне расслабленно, эльф прошел полукругом и сделал резкий выпад, опрокинув человека на спину. Скорость эльфа поражала, Родриго и прежде приходилось сталкивался с чемпионами остроухих, но этот отличался редким сочетанием мощи, скорости и ловкости.

Аманасар попытался вырвать щит, Родриго припал на колено, удерживая его мертвой хваткой. Сверкнув, меч эльфа, звонко ударил о шлем человека. Стальная перчатка Амадо, тут же схватила клинок, крепко удерживая полотно меча. Аманасар дернул клинок на себя, Амадо используя инерцию рывка поднялся на ноги. Щит с силой ударил эльфа, сбив его равновесие. Рука разжалась, выпуская полотно клинка Аманасара, а стальной кулак человека нанес резкий удар в голову эльфийского героя. Споткнувшись Аманасар осел, Родриго вновь схватился за полотно меча, и рывком выдернул его из ослабевшей, на доли секунды, руки эльфа.

Тонкий, граненный кинжал Аманасара глухо ударил о доспех человека, но не оставил даже следа. Удар за ударом сталь со скрипом соскальзывала с невероятно прочного металла. Удерживая меч эльфа за лезвие, Амадо нанес удар яблоком эфеса, на манер булавы, в голову Аманасара. Шлем слетел с головы эльфийского героя вместе с подшлемником, золотые кудри рассыпались по плечам воина. Удар отшвырнул Аманасара, в группу эльфийских воинов, что стояли позади дуэлянта.

Легко поднявшись, эльф отобрал у кого-то из соратников копьё, и оглашая округу воинственным кличем вогнал его тонкое острие в кирасу Амадо. Человека опрокинуло на спину, герой навалился всей мощью на древко, стремясь как можно глубже вогнать жало копья. В этот момент нависший над распростертым Амадо эльф вздрогнул. Пытаясь давить на копьё, Аманасар повис на древке, всем весом тела.

Эльфы не видели, что случилось и изумленно смотрели как их чемпион, упал на колени, а затем уперся ягодицами в пятки, стараясь сохранить баланс. Наблюдавшие с крепостной стены люди, застыли в немом изумлении.

Амадо сбил острие копья, и поднявшись на ноги, обошел противника. В животе эльфа зияла жуткая рана. Бессмысленно глядя перед собой, Аманасар пытался прижимать руки к разорванному краю доспеха, но кровь просачивалась сквозь сжатые пальцы стальных перчаток. Человек отшвырнул в сторону эльфийский клинок, и подобрал свое оружие. Превратив копьё в одноручный меч, Амадо подошел к эльфу и резко подняв клинок над головой Аманасара, едва заметным движением опустил его вниз. Завиток золотых волос, легко коснулся вытопанной земли. Аманасар удивленно повернул голову, глаза противников встретились. Эльф, что-то хотел сказать, но голубые глаза закатились, и герой повалился на бок. С неприятным щелчком Амадо вогнал меч в ножны.

Эльфы невольно попятнулись, оставив женщину победителю. К вечеру прибыли послы от Эманторана. Война закончилась.

Здоровье Эвелин медленно, но верно шло на поправку. Изошренные пытки эльфов оставили немало следов на теле женщины. Эли сразу же взяла шефство над пострадавшей. Создавая больше суеты, чем оказывая помощь, девочка не отходила от больной ни на минуту. Единственное, что могло заставить ее покинуть Эвелин, это редкие появления отца. Эли по-прежнему избегала его, даже рассказы о подвиге Амадо, не помогли сблизить отца и дочь. Девочку пугал темный человек, давно потерявший сострадание ко всему живому. Думая об отце, перед ее взором всегда вставали истерзанные тела эльфов, что приняли ее как родную. Даже Фирафир ей казался куда менее страшным, чем тот человек, которого все зовут ее папой.

По случаю окончания войны, состоялось грандиозное празднование, на котором короли не пожелали присутствовать. Герольд зачитал поздравления от их имени, чем официальная часть мероприятия и ограничилась. Личная аудиенция прошла как-то буднично, складывалось такое ощущение, что смена королей носила формальное значение. Все тот же невзрачный голос, те же маски, и даже те же фигуры и пропорции, ничего не изменилось. Родриго высочайшим соизволением даровалось право выехать из долины, чем он незамедлительно и воспользовался.

Амадо устало присел на камень, вода набежала и слегка лизнула носок его сапога. Пергамент в руках человека, трепал шаловливый ветерок, в голове неприятно звенело. В письме сообщалось о гибели семьи Довардов. Старый друг семьи Гуннар Ноа, глава королевских стражей Батры, сообщал ему о страшном несчастье, постигшем Хельма. Также Гуннар рассказал, о том, что Довард старший и его внук пропали, по пути в Даност. Ноа считал, что они живы, поскольку тела на месте нападения найдены не были, а разведка докладывает, что орки кого-то увели с собой в глубины Тенафара. Гуннар надеялся, что судьба Товарда не безразлична Амадо, и указывал точное место, где случилось нападение.

Пускаться в авантюрное путешествие Родриго казалось глупым и бесперспективным, но речь шла о сыне Хельма. В такой ситуации он никак не мог отказать Гуннару, да и долг перед старым товарищем требовал от него приложить все имеющиеся средства к розыску пропавшего юноши.

Человек вышел в поход прямо с Алкмей, используя известные только ему ходы под мелководным Алтеем. Один из них располагался в имении Эйлайна, хозяин не имел ни малейшего представления о тайнах, что скрывали его новые владения. Эльф немало удивился, когда на пороге его жилища появился Амадо, которого Эйлайн считал погибшим. Странное происшествие, случившееся под стенами Танорта, разлетелась со скоростью ветра по королевствам гномов. В итоге Эйлайн получил письмо от Хельма, в котором расстроенный гном сообщал о гибели Родриго от рук древних. Сомневаться в словах уважаемого чиновника Эйлайн не мог, и лишь по случайности не успел сообщить эту прискорбную весть Эвелин. Деятельная женщина перебралась в Арси. Эвелин писала, что у нее там какие-то дела, хотя скорее всего она не желала более видеть Лафну. Женщины друг друга невзлюбили с первого взгляда, и конфликт приобрел весьма серьезные формы.

С Лафной оказалось все сложнее, она до сих пор не знала, о гибели Родриго. Эльфу стоило немалых трудов оградить супругу от страшной новости.

На расспросы чужак, как всегда, отвечал неохотно, объяснил только, что идет спасать сына Хельма.

Путь из дома Эйлайна привел Амадо к заброшенной развилке древнейших дорог подземного Тенафара, которые в былые времена носили имя Крест Малла Первого. Некогда оживленный торговый путь теперь лежал в руинах. Времена первого короля гномов остались в преданиях седой старины, а знающие о существовании Креста давно превратились в прах.

Через неделю Амадо вышел к участку дороги, где погибла экспедиция арестованных гномов. На месте нападения орков, остались только кровавые следы, остальное растащили подземные хищники. Внимательно изучив едва заметные следы, человек двинулся секретными тропами орков. Несколько раз его путь пересекала сама, но зверь быстро скрывался во тьме, не нападая на путника.

Десять дней спустя он подошел к пещере, название которой он никак не мог вспомнить, хотя совершенно точно раньше ему приходилось тут бывать. След пропавших Довардов он давно потерял и теперь пытался выйти к одному из городов подземных орков.

Каменные двери, обрамлявшие вход в пещеру, казались настолько древними, что их почти полностью скрыли наплывы сталактитов. Превратив огромные створы в бесформенные столбы, чем-то напоминавшие ствол дерева. Амадо решительно шагнул в черную неизвестность, до слуха долетел мелодичный перезвон капли. «Поющий зал» — прорезала сознание мысль.

Он прислушался, только звуки падающей воды, и ничего более. Стараясь ступать как можно тише, человек двинулся вперед, обходя густо стоящие колонны известняка. Крошево под ногами предательски скрипело, хлестко разнося трескучий звук, по мрачному лабиринту.

Каменный лес, он помнил это место, и то, что обжило его хитросплетения. Безотчетный страх заставлял волосы подниматься дыбом.

В круге, бледного, зеленого света показались останки четырех орков. Привалившись к стволу одной из колонн, орки точно присели для небольшой передышки. Известковая корка покрывала застывшие тела, погруженные хозяином леса в вечный сон.

Легкая дрожь пробежала по спине, между лопатками, Амадо остановился и поискал глазами хозяина леса. Необычайная тишина оглушала, он сделал шаг вперед, треск из-под ног разлетелся по пещере.

Прямо перед ним, по воздуху прошла рябь. Родриго нанес удар, Звезда тяжело опустилась на что-то невидимое спереди. В тот же миг пещера закружилась, чернота ударила в глаза, а в голове прозвучал голос.

— Спать.

Повелительные нотки тихого приказа, не оставляли никакой надежды на сопротивление.

Шлем сполз, глаза человека слепо искали жертву, пока не застыли на бледных пятнах, слегка выделявшихся на черном фоне клубящейся субстанции. Протяжный крик разорвал ватную тишину, тварь вибрировала, испуская волны, видимо колыхавшие воздух. Неодолимо навалила дурнота, и человек плашмя упал на спину, точно парализованный. Тварь нависла над жертвой, и вновь издала истошный вопль, волны воздуха сотрясали ближайшие колонны, но клубящаяся чернота не сдвинулась ни на сантиметр. Застыв над человеком, она кричала и таяла, растворяясь подобно утреннему туману. Волна резко расширилась, затем сошлась в одну точку, и вновь разошлась, разрушая известковые стволы леса.

Тело человека застыло, неподвижно глядя в черноту свода Поющей пещеры. Амадо попытался пошевелить пальцами, но не смог даже вздохнуть. Воздух попадал лишь незначительными порциями, через сведенные судорогой губы.

Спустя час появились орки, их привлек шум в Каменном лесу. Родриго чувствовал, как его тело подняли на плечо, точно полено, двое здоровенных орков. Долгий путь, во время которого одни орки передавали его тело другим, привел Амадо в Приют Забытых. Черные твари приняли утерянного постояльца. Вечный сон окутал человека, но в этот раз, что-то ослабило влияние стражей зала. Пелена морока спала вместе с оцепенением наведенным хозяином Каменного леса.

Амадо проснулся среди спящих богов, удивленно глядя на ряды тел, покрывшихся твердой коркой. Преодолевая всепоглощающую слабость, он пошевелил пальцем правой руки. Тело проснулось, сердце с силой ударило в груди, ноги разогнулись, поднимая непослушное туловище. Руки легко прошли по Звезде, древко вытянулось. Со всех сторон к Родриго двигались черные стражи.

Сон никак не шел, Крамвуд ворочался с боку на бок. Гном потерял счет времени, с тех пор как они поселились в городе орков. Сами орки оказались не так плохи, как привык их воспринимать Довард старший. Они хорошо относились к нему и Товарду, правда он так и не имел права покидать город, а вот внук напротив постоянно где-то болтался. Поначалу это радовало Крамвуда, он надеялся, что вскоре и его отпустят и тогда они смогут бежать, но время шло и гном начал замечать, что внук меняется. Из неопытного мальчишки, Товард превратился в жестокого воина. Орки его научили охоте и владению мечом, он уже бегло говорил на их языке. Такие перемены пугали старика, он не хотел, чтобы его внук превратился в кровожадного орка, да что тут говорить орки действительно отличались особой кровожадностью. Рядом с ним Крамвуд иногда видел местного шамана, Яла Мертвые Глаза, который присматривал за юношей. Шаман часто водил его куда-то в глубины. На вопросы обеспокоенного деда, Яла либо отвечал молчанием, либо говорил, что Товарда повели на встречу с богами. Крамвуд с содроганием представлял себе, что за боги могли покровительствовать столь жестокому племени.

Сначала шум пришел со стороны городских ворот, затем поднялась страшная сумятица. По улицам гремя доспехами бегали воины, вокруг разжигались огни, натужно лаяли свеги, подземные твари, которых орки держали вместо собак.

— Что случилось? — поинтересовался Крамвуд у пробежавшего мимо орка, попутно заталкивая обратно в дом любопытного Товарда.

Воин, не останавливаясь крикнул.

— Прячьтесь, Ксенон вырвался!

— Что за Ксенон? — удивился Крамвуд.

— Рыцарь. В долине богов сидел. В зале Забытых — ответил Товард.

— Постой, ты его видел?

— Да. Он обычный человек. Не такой как боги.

— А какие боги? — с интересом переспросил Довард, он давно пытался вытянуть хоть, что-то из Товарда, и обрадовался представившейся возможности.

— Я дал слово. Я не могу тебе рассказать — смутился юноша.

— Ладно, ладно понимаю — старик потрепал внука по плечу. — А как выглядит Ксенон?

— Он перед тобой — Товард ткнул пальцем в окно.

Мимо их дома пробежал рыцарь в золотистых доспехах. С ближайших улиц к нему устремились орки, завязался бой. Многие знакомые им воины пали от бледного меча, необычной формы.

В дверь сильно ударили, и она, натужно застонав упала в прихожую. Из сумрака подземного города хлынул зеленый свет, на пороге стоял рыцарь. Шипастая дубина в его руках превратилась в булаву на длинной рукояти, Ксенон одним махом снес еще несколько орков, и переступил порог.

Оружие Ксенона валило врагов без разбора. Точно выщеливая момент удара, он клал сразу по несколько орков, кто-то вставал, но одной встречи со Звездой большинству хватало, для того чтобы они предпочли бегство, продолжению боя. На короткое время, враги отступили, оставив старика и мальчика наедине с Ксеноном.

Рыцарь неспешно прошелся по прихожей, оглядывая убранство дома, пока не остановил взгляд на гномах.

— Доварды? — прозвучал вопрос из шлема, который полностью скрывал лицо говорившего.

— Да — ответил Крамвуд, скорее удивленно, чем испуганно.

— Следуйте за мной! Я вас выведу! — приказал рыцарь.

— Кто вы? — спросил Довард старший.

Рыцарь вновь повернулся к гному, шлем сполз с его головы обнажая лицо.

— Господин Амадо — выдохнул Крамвуд. — Мы думали вы погибли в битве у Танорта, вы тогда исчезли вместе с богами орков.

Парень удивленно посмотрел на деда.

— Откуда ты его знаешь?

— Этого человека хорошо знал твой отец, очень уважал и ценил — быстро заговорил Довард старший, глядя Товарду в глаза. — Ты веришь мне?

— Да — ответил юноша.

— Тогда ты должен уйти с этим человеком — убежденно сказал Крамвуд.

— А ты? — спросил Товард, испуганно глядя на деда.

— Я могу вас обоих вывести — спокойно произнес человек.

— Нет, господин Амадо, не надо меня спасать, спасите моего внука, а мне уже нечего там делать. Я останусь здесь, у меня еще есть незаконченные дела — говорил Крамвуд глядя с мольбой на Амадо.

Без лишних слов рыцарь махнул Товарду рукой, чтобы парень следовал за ним, и выскользнул из дома.

Тяжелый бой закончился, орки окончательно отстали, здраво оценив, что противник им не по зубам, и оставив заботу о нем своим богам. Человек исчез в переплетениях заброшенных коридоров.

Беглецы расположились на ночлег. Человек протянул Товарду что-то похожее на хлеб, после чего сел на пол прислонившись спиной к скале.

Молодой гном уже умел определять, когда жертва спит, а когда притворяется, сейчас человек спал тяжелым, глубоким сном. Не теряя времени, юноша нырнул в темноту коридоров, и пошел назад, рассчитывая вернуться в Гар по их следу, но быстро заблудился. Глаза гнома не могли так адаптироваться к крошечной тьме подземелий, как зрение орков, слишком давно они жили на глубине. Товард спешил назад, к единственному близкому, что

остался у него на этом свете. Немного поплутав, он набрел на заброшенный городок, обслуживавший в далекие времена выработку.

Расположившись в ближайшем доме, Товард подпер дверь ржавым ломом, и разведя огонь в очаге грел воду. Юношу поражало, как же все-таки основательно строили его предки. Сохранились и трубы, подводившие подземный газ к очагу, и каменная чаша с проточной водой, и даже домашняя утварь все также стояла в каменных шкафах кухни. Напившись кипяченной воды Товард устроился на ночлег, он поднялся на второй этаж, и пристроил кучу старого тряпья в качестве постели на каменном ложе бывших хозяев.

Резкий звук пролетел по помещению, долетев до верхнего этажа. Прислушавшись Товард понял, что снизу кто-то пытается открыть дверь. Сильные удары в створы, постепенно отталкивали ржавы лом в сторону. Опрометью гном сбегал вниз, и едва успел удержать лом, но в образовавшуюся щель просунулась лапа с острыми как ножи когтями. Лапа пыталась подцепить лом, вслепую шаря вдоль двери. Юноша навалился всем весом тела на створы, стремясь закрыть щель, но они даже не тронулись с места. Что-то очень тяжелое, с другой стороны, не давало сдвинуть дверь на место. Закричав что есть мочи, Товард пнул лапу ногой, когти с невероятным проворством впились в ногу парня. Закричав еще громче, гном хватил лапу подвернувшейся под руку вилкой. Зубцы вошли глубоко в плоть зверя, но когти еще крепче впились в ногу, и резко рванули юношу к щели. Не помня себя от ужаса Товард быстро наносил удары по жуткой лапе, когти ослабли, и парень вырвался из их железной хватки. Рык, раздавшийся по ту сторону сотряс стены дома, и эхом ушел в подземелья. Мощный удар согнул лом, и железяка упала на пол, дверь распахнулась, на пороге вырос огромный силуэт хищника, за ним мелькнули еще несколько теней.

Замерев на несколько секунд, зверь изготовился к прыжку, но позади творилось, что-то странное. Стая с воем разбежалась в разные стороны. Зверь удивленно оглянулся, и едва успел дернуться обратно, во мглу заброшенного города, как огромная пасть сомкнулась на его казавшейся теперь тонкой, шее. С громким хрустом, гигантские челюсти перемололи зверя, оборвав истошный вопль.

Несколько минут спустя, проход открылся, обладатель огромных челюстей бесшумно исчез. Товард все еще лежа на полу, и не мигая смотрел на выломанную дверь, залитую кровью зверя.

Вошел человек, он жестко посмотрел на Товарда, затем проговорил.

— Ты зачем убежал? Зачем так рисковать? Твой дед хочет тебя спасти. Ты не должен жить среди орков. Ты гном. У тебя другой путь.

— Я не брошу деда — упрямылся молодой гном.

— Я вижу — улыбнулся Амадо.

— Давай посмотрю, что с твоей ногой — человек протянул руку к ране, и Товард испуганно зацикал, предупреждая боль.

— Не бойся, больно не будет — успокоил его Родриго, ставя укол в мякоть ноги.

Парень вскрикнул, и уставился на человека.

— Ты же сказал, что больно не будет! — укорил он обманщика.

— Так и есть — невозмутимо ответил Амадо, проводя кальцером по ранам. Багровые полосы быстро стянулись, юноша удивленно протянул.

— Ого!

— Что это за штука? — блестя глазами спросил Товард, гном уже забыл о ранах и боли.

— Это кальцер, он заживляет раны — терпеливо отвечал Родриго.

— Можно посмотреть?

— Нет! Это не игрушка — отрезал человек. — Ходить можешь?

Юноша ловко поднялся на ноги, и попрыгал, пробуя силы.

— Вижу, можешь — прокомментировал Амадо.

Привязав гнома веревкой к себе, человек пустился в опасный путь, теперь внимательно приглядывая за беспокойным спутником.

Товард всю дорогу угрюмо молчал, только когда они попали в оазис Фальганы, представлявший собой многие километры фосфоресцирующей растительности, из груди гнома вырвался вздох изумления. Такие места вызвали замирание сердца, невероятной красотой. Казалось, реальность перевоплощалась, и путешественник попадал в сказочный мир. Впрочем, так лишь казалось, многоцветная природа таила в себе одну из самых больших опасностей подземелий, Фальгану, которую путники, на свое счастье, не встретили. Им крупно повезло, потому что помимо легендарного чудовища, в таких местах особенно часто встречались различные подземные гады, и хищное зверье, шедшее за травоядными.

На пятый день пути они покинули оазис, без приключений. Правда Амадо заметил, что за ними увязались скальные волки. Звери иногда перебежали им дорогу, не решаясь напасть, вероятно, провожая жертву к надежной западне. Дорога вытянулась в узкий коридор, между двух обвалов породы. Как и предполагал Родриго, едва они ступили на тропу, показались волки, они трусили, вытянувшись в линию, перекрывая путь назад. Путники прошли треть коридора, впереди их тоже ждали. Из темноты жадно сверкнули глаза, доспех Амадо разгорелся зеленым свечением, выхватив спрятавшихся в темноте противников.

Родриго отвязал гнома, и выставив вперед бледный клинок пошел прямо на матерого зверя, походившего на вожака стаи. Вожак начал обходить по кругу, стараясь зайти человеку за спину, или развернуть его спиной к стае. Громко, стуча лапами подбежали остальные волки. Звери окружали путника, и готовились к нападению.

Первым ринулся вожак, удар меча точно прошил тело зверя, но оставшиеся волки напали следом за вожаком. Клинок глубоко вошел в тело матерого зверя и меч вырвался из рук рыцаря. Безоружный Амадо, латными кулаками раскидал волков. Узкое пространство прохода наполнил пронзительный визг, перемежающийся утробным рыком. Со стороны оазиса что-то оглушительно взревело и в проход ворвалось огромное чудовище, волки в панике прыгнули в разные стороны. Товард сразу узнал рев обладателя мощных челюстей, а увидев гиганта, гном окаменел от ужаса.

Монстр смотрел на них, светящимися глазками, а они на него. Звезда несколько раз сменила форму, Амадо не мог решить стоит ли нападать, или лучше уйти. Рыцарь предполагал, что его доспех может и не выдержать испытание гигантскими челюстями. Стараясь двигаться плавно, он вытащил меч из тела вожака, и начал отступать к выходу из западни. Зверь не двигался, затем сел на задницу, и отвернулся от них, показывая, что не намерен нападать.

— Ками! — дошло до Родриго.

— Что? — спросил испуганный юноша.

— Это зверь, присланный Ками. Хозяйка его приставила к нам, чтобы охранял — пояснил довольный Амадо.

— Ками, она же хозяйка подземного мира, почему она помогает нам?

— Ты сын Май — не вдаваясь в подробности ответил Родриго.

— Да — ответил юноша словно его спросили.

— Да нет, я говорю ты сын Майи, сестры Ками, и Аар, тут все сложно, я тебе позже объясню!

Товард махнул головой в знак согласия. Хоть его и распирало любопытство, но он побаивался странного человека, поэтому промолчал. Веяло от него чем-то запредельным, не человеческим.

Теплые воды Алтея, с гневным шипением накатывали на прибрежную гальку. Перемены, случившиеся в Алкмеях сразу бросались в глаза, город готовился к войне. Соседи по архипелагу первыми вкусили силу союза военной мощи Алкмей и богатства Ришама. Танаис открыто заявила права на империю деда. Эльфы делали вид, что ничего не случилось, кинув невзначай, что очередная самозванка пытается поднять бунт в беспокойном протекторате. Внешне спокойное заявление эльфов расхлестилось со скоротечным сбором армии, для похода в империю Золиды Седьмого.

Для того, чтобы началось всеобщее восстания хватило пары недель, по истечению, которых Ришам запылал. Эльфы бежали, оставив небольшой гарнизон в прибрежной крепости Лагаш. Те, кто не сумел вовремя добраться до порта, окончил свои дни в страшных муках. Народ Ришама ждал возвращения истинной правительницы, армия Алкмей уже стояла на границах Конфеи. Правитель города сбежал в Эманторан, ища спасения у эльфийских покровителей.

Спустя четыре месяца, к Крефеям прибыл огромный флот эльфов, армия Маттейоса уже переправилась на материк, и принимала под свое покровительство богатые города Ришама. К своему удивлению, спасители из Эманторана столкнулись с упорным сопротивлением местных, не желавших возвращения эльфийской руки на территорию архипелага. Конфеи так и не открыли врата, ссылаясь на подданство императору Маттею, и его супруге Танаис Самудр.

Чтобы ускорить отбытие незваных гостей, крефейские моряки выманили флот эльфов на мыс, прозванный местными в честь бога ветра Рог Энола. Неожиданно налетевшая стихия потопила немало эльфийских кораблей, разбивая их о подводные камни. Эманторан отступил в Ришам, где столкнулись с народным восстанием.

Позорное отступление еще многие годы темным пятном лежало на личной гвардии Дарелиана. Взбешенный король эльфов, срочно собрал совет айларов в надежде призвать под свои знамена армии Великих домов. Спустя полгода, три армии Эманторана сосредоточились на границе с протекторатом. На этот раз остроухие подготовились тщательно, Ришам подлежал полному уничтожению. Империю предполагалось очистить от проживающего населения, которому уготовили судьбу рабов, вечнозеленой империи эльфов.

Последний оплот эльфийской администрации на территории мятежной империи, Лагаш, встретил армию Эманторана со слезами на глазах. Суровые воины рыдали как женщины, доведенные до отчаяния голодом и болезнями. Силы Ришама, что осаждали крепость последние полгода, спешно отступили вглубь материка, едва на горизонте возникли паруса сотен кораблей эльфийской армады.

Рассказы выживших поражали, воины гарнизона в один голос говорили о мощи, и выучке армии молодого императора Ришама. Вскоре пришли данные разведки, навстречу эльфам шла многотысячная армия Крефей, пополняясь с каждым днем за счет местных повстанцев.

Король эльфов в раздумье мерил шагами желтый мрамор кабинета, за окном мелькал безмятежный пейзаж родной Самрумы.

Понятно, что, кто-то опытный стоит за мальчишкой. Кто-то, кто знает обстановку в мире, много лучше, чем заштатный царек, едва вылупившиеся в императоры дикого

архипелага — размышлял Дарелиан, разглядывая резное кресло, повисшее над полом. Тонкий палец монарха ткнул его, и кресло легко скользнуло к окну. С глухим стуком толкнувшись в деревянную панель под окном, оно отлетело обратно. Стремительный шаг монарха пронес его тонкое тело мимо застывшего кресла, описав полукруг по краю вытянутого стола, что уперся фигурной ногой в инкрустированный пол кабинета, Дарелиан резко остановился и задумчиво уставился перед собой. Рыжая яшма всегда завораживала взгляд короля, вот и сейчас он загляделся изгибами прожилок, избородивших столешницу.

— Молодая императрица, мало чем отличается от алкмейца. Учитывая, что и сама вышла из того же свинарника, что и ее резвый муженек. Кто же ведет их? И самое главное почему именно сейчас?

В кабинет тихо вошел глава разведки Эманторана Иллонар Кивой, он остановился подле двери и грациозно склонил голову, приветствуя короля.

— Сир позвольте? — несколько смущенно поинтересовался Кивой.

— Что еще случилось, мой милый друг Кивой? — устало вздохнув, Дарелиан повернулся к командиру разведки.

— Нам удалось выяснить, кто стоит за молодым Атнайцем.

— И кто же? — с деланным равнодушием произнес король, после недолгой паузы.

— Его имя Ксенон, пока непонятно откуда этот человек родом, и что за интерес заставляет его помогать самозванцам.

— Ксенон? Вы уверены? — удивился Дарелиан.

— Тут не может быть сомнений сир. Один из раджей Гуппарана прислал нам своего человека. Он много лет служит короне, и потому нет оснований сомневаться в его словах.

— А конкретнее — раздраженно переспросил Дарелиан.

— Мачарахра Гундра, правитель королевства Чадарай. Если верить его словам, то вся долина Заванара, готова примкнуть к нам, взамен они просят вернуть им право выбирать царя Ришама, согласно традиции их предков.

— Мачарахра, внук Чадаара?

— Именно так Ваше Величество.

— Передай раджам. Эманторан готов удовлетворит их просьбу.

Король отвернулся к окну, Иллонар Кивой также тихо покинул кабинет, а Дарелиан погрузился в глубокую задумчивость. Вспомнились мрачные подземелья гномов, где ему впервые пришлось столкнуться с Золотым Ксеноном. Этот человек появился ниоткуда, и также исчез, три поколения гномов назад. Прошло более тысячи лет. Люди так долго не живут, скорее всего самозванец. Вопрос только откуда ему известно о Ксене, если только он не связан с гномами... Ну конечно, это все тот же интриган. Родриго Амадо! Этот авантюрист имеет тесные связи с Рибигудом, отсюда и Ксенон. А он не так глуп, как мне казалось. Вытащить древнего героя, чтобы поднять боевой дух людей, весьма неглупо. У людей короткая жизнь, и еще более короткая память, их так легко обманывать. Сейчас уже, пожалуй, никто и не помнит настоящего Ксена, а зря.

Король улыбнулся, план созрел. Теперь осталось привести его в исполнение.

Поражение Эманторана в войне с Железной долиной вызвало внутренний раскол, старшие дома вновь сцепились с младшими. Пока еще не появились мысли о необходимости перемены короля, но они появятся, Дарелиан это знал. Положение удачно спас тупой братец Фирафира, эпично стравивший пар. Поражение поостудило чрезмерную активность айларов, но больше так не повезет, с Ришамом придется вести войну всерьез.

Внутри Дарелиан даже восхищался удачливым авантюристом, который уже раз сумевшим поломать планы эльфов.

В ставку эльфийской армии прибыли послы от императрицы Танаис. Правительница Ришама потребовала от эльфов покинуть границы ее государства. Впервые люди выдвинули эльфам ультиматум, мирное предложение содержало угрозу. Танаис пообещала уничтожить всех захватчиков, что решаться остаться на ее земле к началу следующего дня.

Сознательный вызов, брошенный эльфам, не остался без ответа, из всего посольства вернулся только один, с мешком у седла, в котором терлись друг о друга окровавленные головы послов. У самого посыльного отсутствовал язык, и все пальцы на руках, на шею болтался свиток, с печатью короля Дарелиана.

В свитке содержалось требование сложить оружие, и подчиниться воле хозяев, что рождены править смертными рабами. В противном случае все участники похода объявлялись врагами Эманторана, и подлежали полному уничтожению. Полному, что означало уничтожению даже семей восставших.

Со стороны Ришама послышался звук боевой трубы, забренчали доспехи и оружие, топот тысяч ног поднял облако пыли, скрывшее начало построения армии Маттейоса. В ответ зазвенели трубы эльфов. Лагерь остроухих ожил, собирая в спешке стройные ряды, против построения повстанцев. Эманторан успел выстроить войска раньше людей, и Каэлькор повел свою армию навстречу мельтешившим впереди Ришамцам. Молодой полководец представлял интересы младшего дома Кладае. Несмотря на молодость Каэлькор обладал большим опытом ведения войн, его армия ни разу не потерпела поражения, что пугало многие старшие дома. Никто не желал появления нового Эйлаха.

Заря окрасила медные доспехи гоплитов в красный, утренний туман сполз с полей, открывая полный обзор. Со стороны людей высились стены городка Рафа, прямо под ними показались длинные шеренги воинов Алкмей. Гоплитов скрыли войска Ришама, теперь же южане отступали неорганизованной массой к стройным рядам островитян. Фаланга медленно разошлась, пропуская ришамцев между рядами. Каэлькор обомлел, слухи об огромной армии оказались правдивы.

Все поле закрывала армия Моттейоса, центр заняли построенные зигзагом гоплиты Крефей. С левого края, наступали Алкмеяне под командованием самого Маттейоса, его тыл и фланг прикрывали мечники Гуппарана, а с правого края расположились копейщики ришама.

Каэлькор приказал построить войска таким образом, чтобы его преимущество в луках сказалось максимально эффективно в ходе сражения. Эльф собрал войска в компактную группу построив перед укрепленным лагерем копейщиков, в пять рядов, разместив по бокам по девять сотен мечников.

Первыми в бой вступили лучники, точный огонь эльфов-стрелков косил войска противника сотнями. Стоявшая позади пехота Эманторана ждала команды разойтись, чтобы пропустить лучников в тыл, за укрепленные стены лагеря, откуда им предстояло продолжить вести огонь по неприятелю. Эльфийская конница томилась в ожидании сигнала к атаке, на левом крыле, в ста метрах от пешего построения.

Не дожидаясь пока эльфийские луки возьмут свою кровавую жатву, Маттейос приказал фаланге выдвинуться на противника, от топота тысяч ног вздрогнула земля. Стрелы легко поражали воинов Ришама, но от прочной брони алкмейчких гоплитов отскакивали, подарок Рибигуда спас в этот день не одну человеческую жизнь.

Медленно, но непреодолимо, фаланга приблизилась к эльфийским порядкам. Лучники легко проскользнули в открытые для их отхода коридоры, в построении копейщиков, и влившись в лагерь расположились по краю стены, продолжая расстреливать людей уже с защищенной позиции.

Копья скрестились, щиты ударили в противника, люди пошатнули эльфийский строй. Челночные удары, находили наиболее открытые участки в броне врага. Из-за стены копий эльфийской стороны, на корточках подползли легкобронированные мечники. Задние ряды крефейской фаланги уперлись жалами копий в хитрецов.

Тяжелый шаг словно единое движение ощутило толкнул врага, эльфы падали, или поворачиваясь спиной протискивались между соратниками, подставляя себя под меткие уколы гоплитов, и мешая товарищам по оружию отбивать стремительные атаки человеческих копий. Конница эльфов врубилась в правый фланг, Ришам побежал. Тяжелые всадники Кулума растоптали легкую пехоту южан.

Стрелы, завывая впивались в тела бегущих, всадники Кулума развернули лошадей и направили атаку в тыл алкмейской фаланге. Со стен Рафа прогудел сигнал рога, и дробный топот тяжелой кавалерии Ришама заставил эльфов спешно перестроиться на встречу коннице врага.

Каэлькор не ожидал увидеть всадников противника на поле, они появились точно из-под земли. Позже, лучники, наблюдавшие из лагеря наступление южан, рассказали, что люди вывели конницу из города, где, судя по всему, и скрыли ее для хитрого маневра.

Звук флейты привел в движение построение алкмейцев, гоплиты забегали, перестраивая ряды. Крефейская фаланга продолжила наступление по фронту, тогда как алкмейцы развернули построение в тыл, и выставив копья неспешно двинулись в направлении эльфийской конницы.

Эльфы заматались, ища подсказки командующего конницей. Старый Здоар по прозвищу Ветер, протрубил в рог, указывая направление атаки. Всадники Кулума развернули лошадей навстречу коннице южан. Стальная стена из всадников и лошадей, сшиблась с конницей людей опрокидывая менее крупных скакунов Ришама. С трех сторон появились конные стрелки, засыпавшие стрелами бронированную конницу Кулума. Эльфы опрокинули тяжелую кавалерию южан и атаковали конных стрелков, но тяжелые лошади Кулума не могли тягаться в быстротности с легконогими лошадами стрелков. Стрелы, громко щелкая отскакивали от доспехов, почти не причиняя вреда эльфам, метавшимся по полю в бесплодных попытках наказать зарвавшегося врага. Здоар Ветер, натужно выдувал очередной сбор, стремясь собрать кавалерию, для организованного удара по медленно, но, верно, приближающейся фаланге. Но всадники, окрыленные легкой победой, слишком увлеклись погоней за разбитым противником.

Крефейцы уже опрокинули пешее построение эльфов, Каэлькор в бешенстве метался по стенам укрепленного лагеря, выстраивая оборону. Несмотря на прочность доспехов, меткие выстрелы эльфов постепенно вырывали воинов из стройных рядов фаланги, поражая даже самые узкие просветы в защите.

Собрав все, что услышало его призыв, Здоар обошел алкмейцев, и нанес удар в незащищенный фланг. Неповоротливая цепь копейщиков, попыталась развернуться для того, чтобы принять удар, но гоплиты не успели. Удар пришелся в то место, где стоял Маттейос, завязалась жестокая рубка. Охрана императора прикрыла его отход, приняв на себя весь удар. Бронированные лошади топтали бронированных копейщиков, уничтожая лучшие силы

Алкмей. Отряд вскоре смяли, и размотав в разные стороны оголили полководца. Верный удар копья пробил голову Маттейоса. Амадо видел, как император упал на землю, но пробиться к нему не смог. Подоспели отставшие эльфы Кулума, они оттеснили еще живых телохранителей, и вывели из-под удара своего командира.

Фаланга не смогла даже приблизиться к врагу, конница Кулума стремительно ушла в сторону, и ударила в тыл крефейской фаланги, опрокинув ее центр.

Воспользоваться победой эльфы не успели, тяжелый топот, заставил остроухих развернуть лошадей. Стальные ноги механического скакуна вырывали куски земли, отбрасывая их далеко назад. Иссиня-черный доспех играл синим отливом в лучах жаркого солнца. Копье ударило в доспех рыцаря Кулума, пробив его насквозь, и опрокинув тело на землю, как тряпичную куклу. Клинок, то превращаясь в копье, то снова становясь мечом, разил эльфов, одного за другим. Рыцари попытались окружить человека, но его конь пугал лошадей всадников Кулума, а клинок слишком точно наносил удары. Оружие эльфов оказалось бессильно против доспеха мстителя. Конница дрогнула и подалась в разные стороны, подоспела алкмейская фаланга, сходясь, с вернувшей порядок в свои ряды крефейской. Рыцари Кулума пустили лошадей вдоль сходящихся построений фаланги, стремясь выбраться из ловушки. Позади заработали луки, стремительно вырывая гоплитов из строя, в ответ засвистели стрелы конных лучников Ришама.

Мощный удар подбросил Амадо в седле, он оглянулся. И прозевал второй удар, по звону отскочившей стрелы он понял, что кто-то его выцеливает, надеясь покончить с ним, здесь и сейчас. Глубокие вмятины медленно затягивались, металл восстанавливал первоначальную форму. Родриго скорее почувствовал взгляд своего врага, чем увидел его. Со стены лагеря какой-то эльф целился в него.

Человек рванул коня и помчался по прямой к противнику, стрела звякнула и отлетела в сторону. Удар разошелся по металлу брони, стальной скакун врезался в стену, разбрасывая бревна ее составлявшие, и повергая эльфов в ужас. Армия побежала, спасаясь через противоположный выход, эльфы садились на корабли и тут же поднимали якоря, бросая товарищей и лошадей. Большая часть, видя, что на корабли им не успеть кинулась к мосту, ведущему через глубокий ров к воротам крепости Лагаш.

Что-то сильно рвануло седока вниз, и Амадо оказался на земле, под ногами отступающих. Сотни ног, втоптывали его в грязь центральной улицы лагеря. Кто-то, проходя над ним наносил удары, но из-за дефицита времени бросал начатое и бежал за остальными.

С трудом, словно из трясины, Родриго поднялся на ноги, шею кренило на бок. Поводок не пускал, его сдернули шипованным ухватом. Освобождаясь от цепкого захвата поводка, Амадо увидел того, кто его скинул с лошади. Юноша эльф, лежал уставив стеклянные глаза в синеву летнего неба, его нижняя часть тела, безвольно распласталась по земле растоптанная отступающими. Рука все еще сжимавшая древко ухвата, держалась не нескольких сухожилиях, лишь петля на конце древка не давала ей отпустить оружие. Судя по всему, мальчишка упал, стягивая Амадо с лошади, и был растоптан своими же.

Родриго застыл на несколько секунд, разглядывая изнанку войны. Лошадь оказалась неподалеку, вскочив в седло, Амадо огляделся в поисках стрелка, но эльф сбежал вместе с отступающими. Подбежал Кагемон Широкий стратег Маттейоса, окровавленный доспех, покрылся пылью и теперь казался черным.

— Бегут суки!!! — прокричал гоплит. — Победа наша!!! Мы победили!!!

Его крик эхом отразился в рядах алкмейцев, входивших в лагерь врага. Начался грабеж,

и Амадо повернув скакуна протиснулся к выходу, он торопился к месту гибели Маттейоса.

Флот эльфов уходил в Эманторан, на другую сторону Эльфийского моря. Давка на мосту унесла сотни жизней воинов врага, в беспорядке отступивших в Лагаш. Маленькая крепость не смогла всех вместить, многие знатные рыцари старших домов попали в плен, их свобода дорого обошлась надменным эльфам. Несмотря на понесенные потери Эманторан оказались в выигрыше, за одного своего воина эльфы забрали жизни двадцати человек.

Армия Ришама перестала существовать, гоплиты союзников с архипелага потеряли до двух третей своего состава, легко отделались лишь Алкмеи, сказалась выучка, и дисциплина. Правда, они потеряли лучших из лучших, что составляли охрану царя.

Идея Амадо о том, чтобы Маттейос оделся обычным гоплитом и встал в их ряды, спасла жизнь молодому царю, и дала шанс нарождавшейся империи.

Родриго перевернул тело Аналая Решительного, молодого стратега, одного из немногих, кто сразу поддержали нового царя. Копье пробило шлем, расколов сферу пополам, вместе с черепом, Аналай умер мгновенно.

— Что же это за воин? Такой удар — поразился Амадо.

— Это Гилха из дома Саэсел — ответил седой ветеран, Родриго с трудом припомнил его имя. Евкадий кажется.

— Ты видел, как это случилось? — спросил он ветерана.

Ветеран криво улыбнулся и вытянул перевязанную руку.

— Это его лошадь меня ударила. Гилха никогда не мажет. Великий воин, хоть и остроухий — Евкадий щербато усмехнулся.

Амадо улыбнулся в ответ и слегка кивнул головой.

— Похороните его со всеми почестями. Он спас жизнь императора — сказал Родриго, прикрывая плащом, расколотый череп Аналая.

Поднимая пыль подъехала Танаис, возбужденно сверкая глазами, и весело смеясь она рассказывала о том, как гнала остроухих до самой воды. Императрица выросла странной, вместо шитья, отдавая предпочтение мечу, и луку, балам, конную выездку, а семейным радостям, боевой кураж.

Вместе они вернулись в Рафа. По дороге Танаис не умолкала, а Амадо грустно улыбаясь слушал ее болтовню, вспоминая маленькую девочку, спасенную им когда-то.

Поражение Эманторана не помогло окончательно решить вопрос о статусе Ришама. Эльфы продолжали считать эту территорию своим протекторатом, который узурпировала парочка самозванцев. В то же время жители империи с восторгом приняли возвращение законной наследницы трона. Пышная церемония сочетания Танаис и Маттейоса по материковому обряду, закрепила соединение государств в единую империю, получившую вместе с новым императором и новое имя, Протены.

Молодой император предпочитал заниматься внутренними делами, оставив внешнюю политику своей неумной супруге. Танаис провела несколько компаний против мятежного Патара, принудив горделивых махараджей признать власть нового императора.

Протены быстро набрали мощь, подавив пиратство в Эльфийском море, и вернув в свои уютные гавани торговые корабли. Несколько неудачных морских компаний вынудили Эманторан подписать перемирие, и согласиться на раздел сфер влияния в водах Эльфийского моря, которому люди подарили новое имя, в честь молодой императрицы Киританаис.

Год спустя родился Латрей, будущий император Протены. Танаис постаралась

переложить все заботы о ребенке на плечи многочисленных няnek и кормилиц. Почти сразу же, после родов, включившись в новую военную компанию против Арси. Поэтому сын лучше знал отца, чем мать, и во многом перенял его рассудительность и осторожность.

Тишина, воцарившаяся во дворце, могла поспорить с глухой тишиной Великой бездны, что рассекала подземелье Тенафара пополам. Угрюмо глядя на склоненного гнома Торн, молчал, обдумывая как поступить. Редко приходилось принимать столь тяжелые решения. Сейчас перед ним лежал его враг. Простершись ниц, он умолял помиловать, и разрешить вернуться в город.

— Итак Довард, ты пришел предложить мне свою жизнь, рассчитывая искупить вину, что легла на твой дом несмываемым пятном. Смело ничего не скажешь, но глупо, что тоже факт. Однако меня зовут милосердным и не зря, поэтому хоть ты и заслуживаешь смерти, я подарю тебе жизнь. С одним условием, ты завтра покинешь город и более никогда не вернешься в Даност, иначе тебя казнят без следствия, как беглого преступника. Ступай и обойди город, когда-то бывший тебе домом, запомни его запах, дома и лица жителей, вслушайся в его звуки, поскольку ты более никогда их не услышишь, и не увидишь.

Довард растрогал сердце Торна, но король тут же забыл о старике, к столице подходил новый вождь орков, Урга Кар Турх, что значило Угодный Богам. Железные воины орков, разрушали поселения, и мастерские, а гномов убивали или уводили глубоко под землю. По донесениям разведки, орки должны подойти не ранее чем через неделю, но в городе уже ввели сухой закон и комендантский час. Правда пришлось сделать исключение для Крамвуда, всего на один день. Пусть старик попрощается с домом.

Не теряя драгоценного времени, Довард отправился в кабак «Белокурая Роза», и гульнул от всей души, пол квартала стояло на ушах. Стража не вмешивалась, приказ короля запрещал им мешать Крамвуду прощаться с родным городом.

Глубоко за полночь гном подошел к часовым городских ворот, и разговорившись предложил выпить за его отъезд. Стража отказалась, и чуть не избивала старика, на что Довард упрекнул воинов в жестокости и не благодарности. Напомнив им, что именно его сын принес Танорту процветание, а он сам помогал вернуть корону законному монарху.

— Ведь ты же Тен стоял плечом к плечу с Хельмом во время битвы. Ты помнишь, как он храбро сражался, а теперь ты меня как последнюю собаку, пинком!!! — старик заплакал и отошел прочь.

Немного погодя стража заметила, что Крамвуд забыл бутылку превосходного эля. Сухой закон гномам уже поднадоел, да и стража сегодня не смогла насладиться временной поблажкой, подаренной королем жителям Танорта. Близился третий час ночи, командир давно спит дома со своей благоверной, почему бы не выпить по чуть-чуть. Все равно завтра старику Крамвуду будет не до эля, да и прав он, хороший у него вырос сын, жаль только с королем не сумел поладить.

И повод есть выпить: «За Хельма Доварда верного слугу короля, без временно почившего от королевской опалы».

Старик плакал совершенно искренне, сегодня он узнал, как умер его сын. Его Хельм умер в тюрьме от сердечной болезни, тело кремировали, а прах удобрил поля гномов. И теперь он лежит где-то внутри горы, освещенный отраженным солнцем, питая своим прахом злаки. Сердце старика сжалось и окаменело, большего оскорбления к останкам его сына и представить сложно, саму память о Хельме смешали с навозом, чтобы удобрить поземные

поля, вместо того чтобы вернуть отцу камня, как это принято у гномов. Терпеливо ожидая пока воины по очереди отопьют из его бутылки, Крамвуд предвкушал месть. Мертвым сном отблагодарил Довардов эль вояк. Гном прислушался, и когда все стихло быстро прошел к вороту, что открывал городские врата.

С грохотом отворился проход в Танорт, стража всполошилась, но поздно в город уже вошли отряды бронированных орков. Их становилось все больше, зазвучал набат, на улицу повалили горожане, встречая смерть на пороге своих жилищ. От казарм побежали воины гномов, завязалась беспорядочная битва на городских улицах, появился Торн, король вел в бой гвардейцев.

Воодушевленные примером монарха горожане оказали яростное сопротивление, орки дорого заплатили за разорение столицы Даноста. И все же численный перевес армии Урга не оставил шанса защитникам Танорта. Окруженный телохранителями Торн утонул в волнах атакующих орков, его, до неузнаваемости изрубленное тело, позже выставили на площади перед дворцом, привязав к позорному столбу.

Почему-то последнее, что выхватил взгляд погибающего монарха, оказалась лицо Доварда, смотревшего как его убивают с высокого парапета дворцовой лестницы. Их глаза встретились, и король поразился холодной ярости, горящей внутри безумных глаз Крамвуда, улыбка торжества играла на губах старика. Торн все понял, и умирая, монарх впервые испытал чувство сожаления о том, что когда-то совершил.

Ночью голова Торна исчезла, и никто не мог сказать кому она понадобилась и куда делась, исчез и Крамвуд. Сколько не искали старика, найти так и не смогли. Оставшихся в живых гномов насильно увели в орочье королевство, бросив город абсолютно пустым. Вскоре Танорт наводнили поселенцы, те кто проживал неподалеку пришли заселить разоренную столицу. Вернулись и бежавшие тайными тоннелями члены Торговой палаты. После недолгой междоусобицы, торгоши вырезали последние силы Традиции камня. Патриоты обвинили Торговую палату в предательстве, и подняли мятеж, не мало поселенцев поддержало восставших.

После восстания торгоши провели расследование обстоятельств последней ночи перед падением Танорта. Немногие выжившие, кого судьба увела из столицы в роковую ночь, все как один вспоминали проводы Крамвуда Доварда. Быстро выяснилось, что произошло, и Довардов официально прокляли, навечно запретив им появляться в границах Даноста, а за голову Крамвуда объявили солидную награду.

Вновь Даностом правили торгоши, они собирали в королевство гномов со всего света, приглашая всех желающих поселиться в разоренных городах. Чтобы привлечь переселенцев, из казны даже выделили подъемные деньги.

Орки вывезли из Танорта, так много золота, что их арбы рассыпались под тяжестью драгоценного металла, а длинна обоза растянулась на пять километров. Богатая добыча позволила Урге собрать мощную армию, его войска начали войну с независимыми племенами подземных орков Тенафара. Решительный предводитель постепенно собирал орков во едино, под своей рукой.

Торгаши Даноста не желая мириться с потерей значительных территорий, начали войну с орками. С трудом возвращая утраченные шахты и мастерские, они завязли в бесконечном противостоянии. Отряды Каменной головы наводили ужас на жителей Дикого подземелья, террор, развернувшийся против орков и гоблинов, вскоре переплюнул потери гномов в

столице. Гномы мстили, и мстили страшно, казалось, все вернулось на свои места, королевство возродилось.

Джунгли зашумели, предупреждая о приближение чужаков. Открытый двор богатого особняка, покрытый утренней росой, мирно спал. Выложенная камнем дорога, терялась в бурной растительности, едва свернув от высокого крыльца. Амадо облокотившись на парапет, вглядывался в зелень чуждой его сердцу природы. От постоянной влажности и невыносимой духоты ему приходилось скрываться в доме, где царили прохлада и спасительны сумрак. Единственным приятным временем, когда он мог наслаждаться пейзажами Ришама оставалось ранее утро.

За четыре года, что прошли с момента битвы при Рафах, его жизнь сильно изменилась. В благодарность за оказанную поддержку Маттейос подарил Амадо имение с несколькими деревнями, в котором неприкаянный чужак и осел. Под крышу его дома вернулись Лафна и дочери, гордая эльфийка вновь горела страстью любви. В отличие от матери, девочки ни в какую не желали уезжать с Крефей, от любимого папы Эйлайна.

Ланаэль совсем уже взрослая, постоянно пропадала при дворе Маттейоса, и почти не виделась с отцом. Поэтому все внимание Родриго доставалось подросткой Эли, к ужасу девочки, теперь ей приходилось постоянно общаться с отцом.

Послушная первые пару лет, теперь Эли начала бунтовать, доводя мать до бешенства своими выходками. Год назад положение еще более усугубилось, родилась ее сестра Руаэль. Появление маленькой, сильно задело самолюбие Эли, она чувствовала себя преданной, и забытой, поскольку внимание Лафны полностью переключилось на новорожденную.

Глаза Амадо рыскали в плотной завесе джунглей, рука сминала вымокшую записку, написанную детским подчерком. Из глубины дома доносились рыдания Лафны, почувствовав настроение матери, подключилась Руаэль.

Расправив записку, он еще раз пробежал глазами по строчкам послания.

— Куда же она могла убежать? Во дворец. Нет, вряд ли. Терпеть не может свою сестру, надо заметить у них это взаимно — Амадо улыбнулся, вспоминая бурные ссоры дочерей. — А куда еще? Ну конечно! Как же мне сразу это не пришло в голову. Крефеи, только туда, больше некуда. К Эйлайну отправилась. То-то Элли прожужжала все уши в последнюю неделю, о том, как она скучает по Алкмеям. Остается вопрос на чем. Она слишком мала, чтобы ее взяли на борт, хотя деньги открывают все двери!

Он вбежал в кабинет, порылся в шкафу, где хранил золото, как он и предполагал драгоценный металл значительно убавился в количестве. Тут же лежала записка с извинениями, и обещанием вернуть деньги, как только выдастся возможность. Амадо криво улыбнулся.

— Авантюристка — слово засело в его голове, но почему? Немного постояв, он неожиданно нашел причину, Товард. Да, да только этот молодой авантюрист, мог подвигнуть пугливую Элли на такой шаг. Громко, топя Родриго пробежал в комнату гнома, и сразу же приказал запрягать.

Кони быстро домчали до Ленивого порта. Спустя два часа он выяснил, что утром гном и девочка отправились, на судне «Марла» в сторону Крефейского архипелага.

В пути пролетел день, подъезжая к имению Амадо представлял глаза Лафны, когда сообщит ей, что не успел перехватить беглецов. Дорога перешла в грунтовую ленту, на джунгли мгновенно опустилась южная ночь. В темноте он едва не проехал мимо усадьбы,

поскольку дом стоял погруженный в темноту. Ни одного огонька не освещало его нутро, в сердце что-то екнуло. Стараясь не впасть в панику, он попытался подъехать к крыльцу, но его конь фыркал и упирался, не желая идти вперед.

— Да, что с тобой? — спросил Амадо, досадуя на лошадь.

Перстень кольнул палец, и броня расползлась по телу. — Значит дело плохо! — подумал про себя человек.

Костюм всегда точно улавливал его эмоции, сейчас он почувствовал опасность, хотя сознание Амадо еще не успело определиться в оценке происходящего.

По округе разлился зеленый свет, в окнах дома показалось движение. Родриго переключил на инфракрасное свечение, сквозь стены он увидел десяток фигур в броне. Они рассыпались по дому и рыская из комнаты в комнату, что-то искали, убивая всех, кто вставал на их пути. На кухне толстая кухарка Анрита, лежала лицом в жаровне, а коренастый коротышка рубил на куски ее малолетнюю дочь.

— Убийцы!!! — вспыхнуло в голове.

Тяжелая махина опрометью влетела на крыльцо, опрокинув двоих здоровяков, меч Амадо точно нашел промежутки в прочной броне убийц. В общий зал, он прошел уже не скрываясь, его поступь отдавалась эхом по многочисленным комнатам особняка. С треском отлетел в сторону огромный кухонный стол, опрокинув коротышку, что кинулся на него. Труп поварихи, и ее дочери еще горели красным.

— Тепло, значит совсем недавно — пронеслось в голове Родриго.

Мелкий вскочил, но копье пробило его кольчугу, точно в области сердца, коротышка застыл и повалился на бок, когда его тело освободилось от жала клинка Амадо. Из подвала вывалили пятеро, их он не заметил в тепловизор. От неожиданности они не успели, что-либо предпринять. Меч рубил с жуткой неотвратимостью расчленяя тела врагов. Родриго перешагнул изуродованные трупы, и наступил ногой на спину человеку, ползшему к выходу в тщетной надежде выбраться из злополучного особняка.

Громко крикнул младенец, и тут же замолк. Амадо вогнал клинок в затылок раненного врага, и рванул в детскую, он снес открытую дверь, разбив дерево в щепу. На пороге комнаты лежал небольшой сверток, боясь поверить в случившееся, Родриго толкнул его носком латного сапога. Сверток перевернулся, милое детское личико, безмятежно смотрело на него, сомнений не осталось перед ним Руаэль.

Он поднял налившиеся кровью глаза и встретил укоризненный взгляд Лафны. Она сидела, облокотившись о стену подле детской кроватки. Руки безвольно лежали по бокам, разверстый живот на несколько секунд приковал его взгляд. Стряхнув одурь Амадо, кинулся к супруге. Кальцер прекрасно сращивал ткани, но не мог вернуть кровь и кислород в умирающий мозг эльфийки. Он рылся в сфере в поисках покрывала, рука Лафны упала на его кисть. Он оглянулся на жену, едва разлепляя сухие губы, она тихо произнесла.

— Я тебя люблю... Отомсти за нашу дочь... Это эльфы... — глаза устало закрылись, навечно сомкнув длинные ресницы Лафны. Холодная рука соскользнула на пол, Амадо вскрикнул, и вновь схватил ладонь жены, но жизнь уже покинула ее.

Свет нового утра нерешительно заглянул в детскую, точно страхась высветить жестокость, свершившуюся под покровом ночи. Родриго отнес тела супруги и Руаэль в их спальню. Положив рядом на кровати мать и дочь, он бесцельно бродил по дому, постоянно натываясь на мертвецов. Слуги, его охрана, убийцы всюду кровь и беспорядок. Он остановился над одним из убийц, перед ним лежал молодой парень, по виду обычный

крестьянин. Амадо огляделся, чуть в стороне лежал эльф. Он побежал от тела к телу, срывая капюшоны, маски и шлема. Удивительно, но среди убийц оказались и эльфы, и ришамцы, и крефейцы. Эльф, судя по внешности из благородных, крефейцы опытные воины, ришамцы крестьяне.

— Кто они? Зачем приходили? — недоумевал Родриго. — Что их может связывать?

Звонкое пение девушки разливалось над широким полем. Высокий холм, на котором они стояли, открывал превосходный вид. Внизу паслись коровы, яркое солнце играло на изгибах речки, разрезавшей долину пополам, высоко в небе звенел жаворонок, вторя нежным переливам женского голоса. Девушка казалась знакомой, ее голос нежно ласкал душу инквизитора. Эстебан, не отрываясь смотрел на тонкий стан, четко выделявшийся через ткань белоснежной сорочки. Длинные волосы, ниспадая до крутых изгибов молодого тела, что бередили воображение мужчины средних лет, отказавшего себе в земных радостях многие годы назад, атласно переливались в лучах жаркого светила.

Как же прекрасно она поет, но как ее зовут? Где он ее видел прежде? Память отказывала ему в ответах на эти вопросы. Он нерешительно шагнул к певунье, сухая трава затрещала под ногами, девушка испуганно обернулась, пение оборвалось.

— Сессилия — пронесся звонкий голос в голове инквизитора, он уставился на пухлые губки, облизывая пересохший рот.

— Пришел? — спросила девушка, не раскрывая рта, ее голубые глаза жестко смотрели на инквизитора.

— Да — сам не зная почему ответил Эстебан.

В горле встал комок, руки затрясло, а по лицу поползли слезы.

Нежные пальцы коснулись поседевших волос мужчины.

— Я была твоя — с укором проговорила девушка.

— Прости. Прости! — вскричал инквизитор, падая на колени, его голова бессильно упала на грудь.

Пальцы девушки впились в гриву инквизитора, и резко закинув голову назад, заставили Эстебана посмотреть в глаза Сессилии.

— Зачем ты убил меня!!! — неожиданно закричала она, высоким голосом, полным страдания и тоски.

Волосы за спиной красавицы поднялись, словно подхваченные сильным порывом ветра, и секунду спустя обвили беззащитную шею мужчины. Они лезли в рот, впивались в поры кожи, в глаза и ноздри, нещадно разрывая плоть.

— Прости!!! — Эстебан резко сел на кровати. Одеяло упало на пол, соскользнув с мокрого от испарины тела инквизитора.

Дыхание все еще не пришло в норму, а испуганные глаза искали, следы ночного кошмара в предраассветных сумерках спальни.

— Уф, кошмар — наконец выдохнул Эстебан, его тонкие ноги опустились на холодные доски пола.

После смерти мастера Джовани, он часто видел этот сон. Незнакомая девушка, виденная им лишь один раз, да и то мельком, уже много лет преследовала его во сне. Возможно, он и впрямь виноват перед покойницей, погибшей из-за уловок поганого лицедея. Он не сумел сразу разглядеть козни коварного врага, и позволил Сандро убить невинную. Хотя слишком уж часто она приходит к нему, за последнюю неделю уже

четвертый раз. Больше всего Эстебан боялся, что когда-нибудь не сможет проснуться, и тогда ему не удастся убежать от жутких объятий красавицы. От этих мыслей плечи инквизитора повело, слегка встряхнув ими, он встал с постели. Утренний холод неприятно сковал тело, одежда, отсыревшая за ночь, казалась чужой, неудобной.

В дверь осторожно постучали. Секунду помедлив, Эстебан подошел к выходу и распахнул тяжелую створу.

— Мастер Баргас, простите, что я вас беспокою... — начал его ученик Жерар Чаллоти.

— Ближе к сути — оборвал его извинения инквизитор.

— Мы его нашли.

— Где? — с нетерпением выпалил Эстебан.

— В Сарпенто. Он срывается под видом наемного каменщика, сейчас подрядился на ремонт местной часовни.

— А почему вы решили, что это он? — с сомнением спросил инквизитор.

— Местные мальчишки рассказали жрецу, что видели, как он превратился в девочку, которая утонула полгода назад. Ее мать помутилась рассудком, так этот гад ходил к несчастной женщине, и о чем-то с ней долго беседовал, а потом преобразился в утопленницу.

— Дети? Не самый надежный источник, но к матери утопленницы надо зайти. Как ее зовут?

— Илгая Нерато, она полотерка в доме местного жреца Юлая Непрада. Скорее всего у него и придется остановиться, в городе сейчас нет приличной гостиницы, по крайней мере такой, что достойна вашего звания.

— На месте решим, как поступить — рассеянно ответил инквизитор, возвращаясь к столу, на котором громоздился, весь его нехитрый скарб.

Рука привычным жестом откинула ларец, и пробежала по фиалам, еще пустым, они совсем недавно оставили в Безмолвной обители ранее собранные сущности. Крышка с шумом опустилась на место скрывая сверкающее стеклом утро.

— Вели седлать. Через час выезжаем — тихо проговорил Эстебан.

В дверях показался Патрицио, совершенно седой, но все еще крепкий, рыцарь легко поклонился инквизитору.

— Мастер Баргас, мы берем с собой рыцарей или вы рассчитываете на свои силы? — поинтересовался он буднично, точно речь шла об обычной поездке.

— Патрицио возьми с собой пару человек, больше не нужно. Не стоит привлекать лишнее внимание — рассеянно проговорил инквизитор.

— Понял — отозвался рыцарь.

Широкая шляпа почти скрывала скуластое лицо Эстебана. Кряжистая фигура, совершенно не вязавшаяся с привычным образом инквизитора, быстро прошагала до конюшни постоянного двора. В отличие от мастера Джовани, Эстебан предпочитал передвигаться верхом, что давало невиданную для его дела мобильность. За привычку появляться там, где его менее всего ожидают, он получил прозвище Тень.

Конюх испуганно отпрянул от рванувшей с места лошади, Эстебан слегка пригнулся к шее животного, когда проезжал под невысокой притолокой ворот постоянного двора. Мощные скакуны рыцарей проследовали за патроном, разбрызгивая в стороны сырую землю.

— А что с нашей спутницей? Я ее не успел разбудить — поравнявшись с Эстебаном, спросил сутулый юноша, с печальными голубыми глазами.

— Пожалуй для госпожи Зайцфур, будет лучше если ее дальнейший путь пройдет отдельно от нашей компании. Не беспокойся о ней, лучше соберись. Впереди у нас, наверно, самое опасное следствие, что тебе когда-либо приходилось пережить.

Юноша отъехал в сторону, пропуская вперед рыцарей, он уже третий год служил под началом мастера Баргаса, и достиг не малых успехов в их деле, но его патрон все также оставался чужим и непостижимым. Как-то Патрицио объяснил ему, что на характере Эстебана не лучшим образом сказалась потеря его учителя. Жерар слышал о Шагалани еще будучи совсем ребенком, событие настолько поразило мальчика из аристократического рода, что он решил посвятить свою жизнь служению делу инквизиции. В тайне надеясь, что когда-нибудь и в его жизни случится что-то столь же великое.

Инквизитор тут же забыл о существовании ученика, стоило юноше исчезнуть из поля его зрения. В голове вертелся давешний разговор с неожиданной спутницей, которая прибилась к ним по дороге четыре дня назад. Эффектная шатенка, с пронзительным взглядом больших голубых глаз, она путешествовала под охраной рыцаря ее супруга. Нелюдимый громила совершенно не вязался с утонченностью, ладно скроенной фигуры подопечной.

В несколько минут общительная спутница сумела обратить внимание обычно сдержанного на слова Эстебана. В разговорах выяснилось, что женщину зовут Фрида Зайцфур, ее родное имение находится неподалеку от границ Сальяда, а едет она в поместье супруга, что расположено к югу от Сарпенто. Она навещала отца, который по старости слег, и вот-вот готовился отправиться к предкам. На наследство ей претендовать не приходилось, имение переходило к ее старшему брату, но женщина не могла не проститься с последним из родителей, мать Фриды умерла, когда ей еще не исполнилось и семи лет.

Фрида поражала особым женским обаянием, даже холодный на чувства инквизитор подпал под влияние ее необычного магнетизма. Поначалу Эстебан с удивлением отмечал, что его тянет к этой женщине, но спустя сутки он поймал себя на ощущении, что когда-то уже знал Фриду. Цепкий ум инквизитора без устали перебирал сотни лиц и имен, что прошли перед ним за долгие годы бесконечных переездов. Пока жгучая мысль не обожгла его ледяной разум, Сессилия, как же Фрида похожа на белянку из Тульхой. Те же глаза, те же черты лица, улыбка и взгляд, только вместо белых волос каштановые.

Новое открытие породило еженощные кошмары. Если раньше Сессилия приходила лишь изредка, то теперь, инквизитор просыпался в холодном поту каждую ночь. Поразмыслив, Эстебан пришел к заключению, что так на его душевное равновесие повлияло необычайное сходство новой знакомой с покойницей.

Из-за поворота разбитой дороги вывернула двойка волов, тянущих скрипучую телегу. Оборванный селянин неспешно шествовал подле, изредка охаживая ленивую скотину толстым прутом.

— Далеко ли до города! — прокричал Коррадо Донато, рыцарь средних лет, с заметной сединой в короткой бородке.

— Да тут, всего-то четверть часа пути, господин рыцарь — без тени страха отозвался селянин.

— Брешешь смерд! Почему города не видно?! — зло прогорланил Донато, приближаясь к мужику.

Волы остановились и опустив рога, попятились от напиравшего скакуна рыцаря. Селянин испуганно осел на неверных ногах и выронив пруток нерешительно оглянулся на

жидкую полоску придорожного перелеска.

— В низине он, господин рыцарь. Не извольте гневаться, его отсель не видно. Как повернете, там, за перелеском и увидите Сарпенте — прикрываясь руками взмолился мужик.

До слуха донесся звук полуденного колокола, Коррадо удовлетворенно кивнул головой, и подстегнув лошадь объехал не на шутку перепуганного обывателя. Селянин с удивлением и страхом наблюдал как мимо проносятся лошади, несущие людей в черных плащах, и широкополых шляпах. Он никогда не видел инквизиторов, но сразу узнал их по одежде, и чаще с восходящим за ней солнцем на щитах рыцарей. В город пришла беда.

Хриплый всхлип затих, широкоплечий эльф тонким стеклом коснулся лобной доли мозга, тик пробежал по лицу человека. Тело раба, закрепленное на специальном столе, в полусидящем положении, скреплялось тугими петлями ремней. Голова, притянутая к изголовью, широкой лентой тонкой кожи, лишилась верха черепной коробки, обнажив серое содержимое.

Еще раз коснувшись области, спрятанной среди морщинистой коры мозга, эльф отвернулся к висевшему в воздухе пюпитру, и неспешно что-то записал. Затем смочил губку в растворе, густо черневшему в фарфоровой чаше на столе. Легко касаясь губ человека, эльф смочил перекошенный рот подопытного.

Удовлетворенно причмокнув губами, исследователь продолжил ковыряние мозга подопечного. Легкий шум отвлек алхимика от поглотившего все его внимание занятия.

— Кто вы? — спросил он, обернувшись на шум.

У дальнего стола появился рыцарь, необычный доспех полностью покрывал тело человека. В руке он держал меч из незнакомого, блестящего металла. Острие клинка касалось пола, легко вгрызаясь в камень, выстилавший лабораторию.

— Турнаэль? — нагло спросил незнакомец, не двигаясь с места.

— Да! А вы кто? — раздражаясь ответил эльф.

— Мы не знакомы, хотя вы меня видели, при дворе Дарелиана. Правда много лет назад, и я тогда находился под судом. Меня обвинили в том, чего я не делал.

— Хватит прелюдий! Кто вы?! Назовите имя или я позову своих воинов! Кстати, как вас пропустили? И самое главное кто? — с угрозой в голосе произнес Турнаэль, и шагнул к колокольчику.

Длинный меч, уперся в руку эльфа, кожа расползлась под натиском металла, кровь закапала столешницу.

— Вы можете это сделать, но не стоит. Я к вам пришел поговорить — спокойно произнес рыцарь.

— Ладно. Я вас слушаю — раздраженно ответил Турнаэль, отступая от незнакомца, и пряча за спину раненную руку.

— Месяц назад в Ришаме убили дочь Эйлель Аманитель. Убили зверски, вместе с ребенком — начал свой рассказ незнакомец.

— И что? Я тут причем? — искренне удивился эльф.

— Мне удалось найти одного из напавших на Лафну, и он, не сразу, конечно, но сообщил, что приказ ему вручили в этом самом доме. Если у вас есть сомнения, вот его голова — к ногам эльфа, с глухим стуком подкатилась отсеченная голова.

Турнаэль отступил от трофея странного рыцаря.

— Да, я вижу, это эльф — испуганно ответил Турнаэль, косясь на двери. — Как вы сюда

попали? — спросил он, подозрительно сощурился глаза.

— Я использовал ключ — рука незнакомца коснулась знака на шее.

— Нгеве? — изумился эльф. — Кто ты?

— Вы меня называли Ксенон...

— Врешь! Мертвый город непреступен уже много веков! Там нет жизни! — вскричал Турнаэль.

— Прекрати орать! Пока не пролилась кровь. Я пришел поговорить с тобой, а не убивать — строго проговорил рыцарь.

— Ксенос исчез тысячу лет назад, когда сумасшедший Мамписис предал героя. Ксеноса убили по приказу Чумного короля — успокаиваясь ответил эльф.

— Тогда как у меня оказался ключ королевы Нгеве?

— Не знаю. Может кому-то удалось украсть его, и вовремя сбежать от жуткой семейки — предположил Турнаэль.

— Ты же сам знаешь, что это чушь. От того, что живет в городе спастись невозможно, если у тебя нет способностей Ксеноса — шлем сполз с головы рыцаря.

— Постой. Ты же этот, ну да. Ты же Родриго Амадо. Тебя ищут во многих королевствах. Мести ищешь? Тогда тебе не ко мне.

— Почему?

— Потому, что этот — он ткнул, носком бархатной туфли, отрубленную голову. — Он служит семье Дэйван, его зовут Ровоаль Анвэй, и он мой враг. Это его месть за пытки, которым ты его подверг. Хитрец решил тебя сравнить со злейшими врагами его дома — усмехнулся эльф.

— Похоже, что ты прав — кивнул головой Амадо.

— Еще бы. Мне жаль твою супругу, мы любили Лафну как свою. Все-таки жемчужина Эманторана. Равная ее красоте не скоро появиться, удивительно как передается красота по их роду. Я тут видел ее старшую дочь, девочка без сомнения продолжила линию прекрасных представительниц рода Аманитель. А вот вторая пошла в папу, примесь человеческой крови сразу огрубела прекрасные черты бессмертных. Еще ребенок, но уже сегодня видно, что от эльфа почти ничего не осталось. Интересно сколько эта особь проживет... — эльф оборвал себя на полуслове, вспомнив, что перед ним стоит виновник падения рода Аманитель.

— Интересные рассуждения. Как в вас смешалась спесь, ум, и нечеловеческая жестокость, для тебя мои дочери лишь материал, как вон тот несчастный — Амадо ткнул рукой в сторону подопытного с разворочанной черепной коробкой.

— Я ученый и не могу предаваться сомнениям и сочувствию. Да он для меня не более чем объект исследования, в то время как Лафна, цветок, сорванный грязной рукой смертного. Погубленный в самом начале пути...

— Грязной рукой? А кто сорвал цветок жизни Эйлель? Тоже грязная рука человека? — усмехнулся Амадо.

— Эйлель, конечно, прекрасна, но она обладала неизлечимым пороком. Она была потаскуха, грязная шляха. Для тебя наверно секрет, но ее и из Паленаля выдворили за невоздержанность...

— Впервые слышу, чтобы красавицу осуждали за невоздержанность, она была такой, какой ее желал видеть эльфийский двор.

— В отличие от человеческих королевств, при дворе Мудрого Дарелиана, порочность не приветствуется — назидательно ответил Турнаэль.

— Правильно попользовали и можно убить — зло отозвался Амадо.

— На что ты намекаешь? — сверкнул глазами эльф.

— Для тебя, наверное, секрет, но ваш Храбрый Кеннар похоже имел прямое отношение к нравственному падению Эйлель. А когда женщина, уступившая его напору, оказалась в опале, он просто убил ее, также как ты, не вдаваясь в эмоции. А его племяш изнасиловал, тот самый цветок по утрате которого ты так скорбишь.

— Ты понятия не имеешь, о чем говоришь, глупец — выдохнул эльф. — Нет вины Кеннара в смерти Эйлель, приказ пришел от королевского архивария. Кеннару ничего другого не оставалось, либо война между великими домами, либо жизнь потаскухи и ее сына, что возомнил себя великим полководцем. По-моему, выбор очевиден — жестко отчеканил Турнаэль. — А Лафну жалко, девочка попала в страшную историю, действия Раннира не похвальны, но мальчик спас девчонку от поругания вложив в ее лоно свое семя. Трагедия, ха, девчонке сделал ребенка член королевского дома, да Лафна осталась в неоплатном долгу перед домом Аллар. И можешь мне поверить Кеннар никогда бы не позарился на потаскуху Эйлель. Он герой, он выше всей этой грязи.

Амадо удивленно смотрел на Турнаэля.

— Ну, да, то старая история, не стоит ее ворошить. Убийцы твоей жены находятся рядом с тобой, ищи среди Ришамцев. У них там появилась Королева смерти, она возглавила секту служителей богини смерти Утнаты, по крайней мере это ближе к правде, чем участие Эманторана. Какой смысл? Чем могла угрожать падшая Эманторану?

— Ничем — ответил Амадо, скорее себе, чем собеседнику.

— Вот именно, ничем — удовлетворенно подтвердил Турнаэль. — Теперь, когда мы все выяснили мне пора возвращаться к своим исследованиям. Оставь знак, и возвращайся в Ришам, я прикажу тебя выпустить — деловито зататорил эльф.

Рука эльфа взялась за колокольчик, на звон, распахнулись двери, и комната наполнилась воинами. Клинки зашелестели в ножнах, серебристой молнией сверкнул меч Амадо, отлетели первые руки и голова.

— Ты думал я поверю в твое вранье?! Ксенос мертв, а ты простой мошенник, что случайно сумел избежать правосудия, ну теперь то я исправлю это недоразумение!!! — орал Турнаэль брызгая слюной.

Эльф попытался спрятаться за столом, за которым, только, что обещал отпустить нежданного гостя.

Сделав полукруг, клинок настиг Турнаэля, пробив тело ученого-эльфа навывлет. Не веря в произошедшее, хозяин лаборатории медленно осел подле подопытного, перед глазами метался человек в черном как смоль доспехе с блестящим мечом в руках. Удары рыцаря вырывали все больше воинов айлара, воздух вздрогнул и человек исчез, оставив охрану Турнаэля в недоумении.

Затуманенный взор эльфа блуждал по лаборатории, с удивлением отмечая, что в помещении вновь идет схватка. Воздуха уже совсем не хватало, жизнь утекала из его тела. Лабораторию сотряс мощный вопль, эльфы кинулись в рассыпную, спасаясь в путанных коридорах подземелья имения Илкатаэль. Последнее, что увидели глаза Турнаэля, это высокий черный силуэт, очень похожий на скелет, но в то же время совсем иной. К нему склонилась огромная голова чудовища, а в мозг впилась два изумрудно-зеленных глаза. Удовлетворенно хмыкнув, скелет поднялся в полный рост, и точно прислушиваясь к чему-то, повернул голову в ту сторону, где совсем недавно исчез человек. Тяжелый шаг, и скелет

растворился в воздухе, как и его предшественник десятью минутами ранее, глаза Турнаэля сомкнулись.

Лошади хлюпали по зловонной жиже переполненных нечистотами улиц Сарпенте. Над головами нависали вторые этажи покосившихся зданий, составлявшие главную улицу убогого городишки. Жерар прижимал надушенный платок к носу, силясь хоть как-то отбить нестерпимую вонь, Эстебан с улыбкой наблюдал за мучениями ученика.

— Потерпи Жерар, вон дом Непрада, там должно поменьше вонять — произнес Патрицио, указывая на потертый, но все еще красивый особняк, показавшийся в конце клоаки, что служила улицей.

Жерар кивнул, и благодарно глянул на рыцаря. Эстебан пришпорил коня и брызги мерзкой жижи полетели во все стороны, оседая на одежде путников. Чаллоти едва сдержал рвотный позыв, когда капли грязи окропили его лицо. С невероятным усилием, ученик справился с навалившейся дурнотой, и покачав головой последовал за мастером.

Пышность дома жреца, совершенно выбивалась из окружающей городок убогости, помпезные ворота отворились, пропуская путников внутрь. Копыта застучали по камню, мостившему двор, навстречу засеменил объемный мужчина, облаченный в одежды жреца, следом вышла вся его родня, и дворя.

— Как мы рады видеть в своем доме великого мастера Баргаса — затараторил хозяин дома. — Позвольте — не унимался жрец, помогая Эстебану спуститься с коня. — Представляете, у нас вчера разразилась жуткая гроза, а тут вы, словно сам господь пожелал смыть всю скопившуюся в городе скверну, к вашему приезду — смущенно хихикнув продолжил толстяк.

— Юлай мы устали с дороги, потому у меня будет к вам просьба — повелительно оборвал излишества жреца, инквизитор.

— Да все, что угодно — неуклюже подпрыгнув на месте ответил Юлай.

— Приготовьте для нас ванну, а к вечеру отчет о положении дел в вашем приходе — инквизитор внимательно взглянул в испуганное лицо жреца.

— Как пожелаете ваше священство — сглотнув комок, подступивший к горлу, ответил толстяк.

Сильные руки быстро перелистывали желтые листы книги прихода города Сарпенто.

— Так значит у вас нет никаких проявлений темного? — с нажимом спросил инквизитор, после внимательного изучения содержимого отчета, что предоставил ему писарь жреца.

— Ваш вопрос, говорит о сомнениях в правдивости моих отчетов — с обидой ответил жрец. — Я понимаю, что раз вы здесь, значит что-то произошло мимо моего внимания. Потому прошу вас мастер Баргас, скажите прямо, что случилось.

— Приятно наконец увидеть жреца, а не подобострастного лакея, что встретил меня у порога этого дома — с улыбкой ответил инквизитор.

Юлай поежился, и густо покраснел. Толстые щеки воротником, ложившиеся на шею, покрылись капельками пота, а лысая голова заблестела.

— Скажите в вашем доме работает полотерка Илга ...?

— Илгая Нерато — подхватился Жерар, заметив сомнение мастера.

— Да именно.

— Илгая? Ну да, есть такая. А, что? Она замечена в колдовстве? — удивленно спросил

жрец.

— Пока нет.

— Она немного помешанная, дочь потеряла недавно, но честно скажу вам, вряд ли эта женщина способна, на что-то большее чем сплетни — с сомнением произнес Непрада.

— У Илгаи есть супруг? — продолжал допрос Эстебан.

— Да какой там супруг, был когда-то мой конюх, а потом истопник, а теперь она уж второй год одна.

— Странная осведомленность о личной жизни прислуги — с сомнением заметил инквизитор.

— Ваше святейшество, Илгаия с самого детства при моем доме. Сирота она, можно сказать выросла на моих глазах. Потому мне многое известно, я ей заменил мать с отцом — пояснил жрец, еще больше краснея и потея.

— Ясно. А что вам известно о каменщике Джероме Мирамо?

— О ком? О таком лучше спросить у управляющего моим приходом, он ведает набором мастеров.

— Тогда позовите его к нам.

— Лоренцо!!! — закричал жрец.

В комнату вбежал служка, и подобострастно согнувшись подле Юлая, остановился в ожидании приказаний.

— Позови сюда Николо Абеле — приказал Непрада.

Служка выбежал прочь, оставив за собой неистребимый запах Сарпенто.

— И чем же этот каменщик привлек внимание инквизиции? — нервно теребя край сутаны поинтересовался жрец.

— Это мы узнаем, как только я смогу поговорить с Илгаей, господин жрец — оборвал ненужный разговор Эстебан, крепко сжимая жесткие губы.

— Я могу ее позвать — спохватился Непрада.

— Нет! Не сейчас — повысил голос инквизитор.

Резкий окрик остановил, поднявшуюся в порыве услужливости, тушу жреца. Он испуганно взглянул на инквизитора, и обреченно осел на стул, специально приготовленный для него. Инквизитор занял его кабинет, и казалось совершенно не смущался тем, что допрашивает хозяина в его же доме. Эстебан сидел, откинувшись на высокую спинку резного стула, руки инквизитора спокойно лежали на красном сукне, вместительного стола черного дерева. Широкополая шляпа распласталась на пюпитре писаря, что расположился подле окна.

Холодный взгляд остановился на пухлом лице жреца, казалось, инквизитор задумался, и совсем не смотрит на свою жертву, но жрец ерзал на месте, поминутно отдуваясь. Из своего угла, за всем происходящим наблюдал Жерар, подмечая малейшие подробности инквизиторского ремесла.

В дверь постучали, Эстебан гаркнул, разрешая войти. В комнату прошел невысокий мужик средних лет, он остановился в нерешительности у двери, теребя поношенную шляпу из серого войлока. Бросалось в глаза отсутствие большого пальца на левой руке, крупные капли пота поползли по морщинистому лицу управляющего. Служка скрылся, тихо прикрыв за собой двери.

— Проходи! Чего встал? Не бойся — нетерпеливо морщась подбодрил его Эстебан.

— Звали ваше священство? — сделав неуверенный шаг вперед склонился управляющий.

— Звал. Скажи-ка нам, есть в твоей бригаде Джером Мирамо? — слегка улыбаясь спросил инквизитор.

— Хромой что ли? Ну, да. Он у нас работает больше года, но ничего плохого, я о нем сказать не могу...

— А тебе и не надо ничего говорить. Меня интересует только один вопрос, где проживает этот человек? — прервал оправдания управляющего инквизитор.

— У сторожа церковного кладбища, в его домике на краю городского погоста — испуганно ответил Николо Абеле.

— Сейчас он там?

— Думаю, что там. Работы закончились больше двух часов назад — нехотя ответил Николо.

Инквизитор сделал знак рукой, Жерар быстро вышел из кабинета. Минуту спустя по лестницам протопали рыцари, во дворе заржали лошади. Зацокали подковы, отряд проехал в ворота, и исчез на грязных улицах Сарпенто.

— Спасибо господин управляющий, ты нам очень помог. Сегодня тебе придется провести ночь в стенах гостеприимного дома Юлая Непрадо — ехидно улыбаясь проговорил инквизитор.

Жрец подхватился и попытался выйти из кабинета, но по другую сторону двери его уже ждала городская стража. С бесстрастными лицами они преградили дорогу Юлаю, жрец отшатнулся обратно в комнату.

— Что вы делаете? Это нарушение субординации — вскричал он в отчаянии.

— Вовсе нет, вы допустили появление ереси в вашем приходе. Мало того, о случившемся нам доложили прихожане города, а не тот, кто поставлен блюсти волю всевышнего. Так, что заткнись и сядь в кресло! — рявкнул Эстебан на жреца.

Туша Юлая безвольно осела, удивленно открытый рот беззвучно зашевелился, а затем закрылся, так ничего и не извергнув. Стальной взгляд Эстебана окончательно раздавил волю Непрадо, управляющий ошалело глядя на патрона, присел возле шкафа, прямо на ковер устилавший пол кабинета.

Шум во дворе возвестил о возвращении отряда, вскоре по ступеням прогромыхали тяжелые шаги рыцарей. Двери распахнулись в кабинет внесли, придерживая под руки молодую женщину. Рыцари поставили арестованную на ноги, но она тут же повалилась на пол. Патрицио сдержано, но твердо вернул ее в исходное положение. Коррадо отошел к двери, перегородив собой выход, латная перчатка легла на эфес меча. Жрец скосил перепуганные глаза на рыцаря, а затем на женщину.

— Здравствуй Илгай! Меня зовут Эстебан Баргас, я дознаватель...

— Я знаю, кто ты такой — хрипло прозвучал голос Илгаи.

— Тем лучше — после некоторого молчания произнес инквизитор. — Ты знаешь зачем я здесь?

— Тебе нужен Джером Мирамо.

— Так, и что ты нам можешь рассказать о ...

— Ты ищешь не того. Не он зло.

— Что ты имеешь в виду? — удивился инквизитор.

— Джером излечил мои раны, освободил меня от страданий. Он добро, он посланник всевышнего — произнесла полотерка кусая губы.

— Понятно. А кто тогда зло? — все более веселясь спросил инквизитор.

Женщина дернула рукой, освобождаясь от стальной хватки Патрицио. Рыцарь придержал ее, но Эстебан кивнул, и латная перчатка разжалась, даруя свободу полотерке. Женщина развернулась и ее тонкий, дрожащий палец указал на Юлая. Глаза жреца расширились, и поползли из орбит, дыхание сбилось, а руки непроизвольно попытались отстраниться от него обвинения.

— Жрец? — еще более удивляясь произнес Эстебан. — Ты должно быть шутишь?

— Нет господин инквизитор. Он убил мое дитя, на его руках кровь моей девочки... — голос оборвался, женщина застыла, уставив безумный взгляд в жреца.

Дальнейшее осталось в памяти инквизитора в виде отрывочных воспоминаний. В дверь постучали, Коррадо отошел в сторону, показалась рыжая голова Жерара. Патрицио повернулся к двери, Эстебан кивнул, давая разрешение войти, Илгая, с удивительной для ее тела ловкостью подскочила к Юлаю. Прежде чем Патрицио успел перехватить ее стремительное движение, она оказалась сверху на туше жреца, продолжавшего все так же сидеть на стуле. Резкий рывок опрокинул женщину на пол. Она упала на спину и безумно рассмеялась, Патрицио вынул меч, и пригвоздил сумасшедшую к доскам пола.

Рука, поднятая для того, чтобы предупредить убийство, опустилась на стол.

— Зачем?! — вскричал Эстебан.

Жерар изумлено, тараша глаза прошел к столу, и застыл, уставившись на жреца, его рука слегка дрожала, когда он указал на Юлая.

Толстое тело медленно завалилось на бок, и опрокинув стул, ножки которого не выдержали непомерный вес жреца, упало на пол. Инквизитор присмотрелся, из глаза Юлая торчало оголовье женской заколки, которую рыцари проглядели в густых волосах Илгаи.

Патрицио сплюнул, и резким движением вынул клинок из тела убитой.

— Что за привычка сразу убивать!!! — заорал Эстебан. — Она же не одержимая, ты убил ценного свидетеля!!! — продолжал кипятиться инквизитор, гневно сверкая глазами.

Патрицио смущенно уставился себе под ноги. Жерар осматривал тело жреца, а Коррадо сдерживал натиск любопытной стражи, ввалившейся в раскрытые двери кабинета. Клокочущий кашель заставил всех повернуться к телу полотерки. Эстебан выбежал из-за стола, и склонился к женщине, отмахиваясь от Патрицио, который попытался отстранить инквизитора от опасного свидетеля.

— Почему ты считаешь, что жрец убил твою дочь?

Она взглянула на него совершенно ясными глазами, от безумия не осталось и следа.

— Потому, что он ее убил. Мне показал Джером... он... он добро, не за тем ты охотишься господин инквизи... — глаза женщины уплыли под верхнее веко.

— Сейчас же поезжайте на городской погост, в домик могильщика! — скомандовал инквизитор.

Забренчали латы, все вокруг пришло в движение. Эстебан приподнялся, но холодная рука удержала его.

— Ты опоздал, его предупредили, еще тогда, когда вы только въезжали в Сарпенто — Илгая усмехнулась и застыла, хищно оскалив зубы. Холодный пот прошиб инквизитора столь ужасен оказался облик умершей женщины.

— Постойте! Я с вами! — выглядывая в окно крикнул Эстебан.

Домик, как и следовало ожидать оказался пуст, допрос могильщика ничего не дал. Пришел вечером, поел, лег спать, а куда пропал после не знаю. Вот и все полезные сведения, что удалось выбить из несчастного.

Пристрастного допроса не избежал никто из подчиненных жреца. Под конец подошла очередь и членов семьи Непрадо. В процессе скончался управляющий Николо, и могильщик. Жерар не узнавал мастера, инквизитор точно одержимый пытал, допрашивал, не жалея крови и каленного железа, его жестокость казалась неуголимой.

Город тихо сопротивлялся насилию инквизитора, пришлось отойти от террора и переключиться на самый эффективный метод поиска виновных. Весть о вознаграждении мигом облетела все окрестные деревеньки, но вопреки ожиданиям, очередь так и не выстроилась к дому жреца. Эстебан метался по кабинету, лихорадочно думая, как еще можно заставить простолюдинов выдать лицедея.

Время давно перешагнуло за полночь, когда в дверь постучали, на пороге переминаясь с ноги на ногу стоял Жерар. Лицо парня белело полотном, в свете ручного фонаря.

— Что случилось? — нетерпеливо выпалил инквизитор.

— Он здесь — выдохнул Жерар.

— Откуда сведения?

— Сейчас в своем доме убит Витале Тристар.

— Как убит? Кем?

— Родственники слышали крики и пока добрались до спальни градоначальника, нашли только его труп.

— Почему думаешь, что это наш? Может это родственнички разборки устроили под шумок общей сумятицы? — раздраженно спросил Эстебан.

— Это вряд ли, чтобы не повторяться, я прошу вас спуститься во двор. Там тело убиенного.

Не говоря более ни слова, инквизитор сбежал во двор, там возле ворот, на телеге лежало тело, укутанное в простыни. Стражники перешептывались и постоянно, повторяли гимны-обереги.

Легким движением Эстебан скинул холстину, и отшатнулся. Из-под полотнища на него смотрел бледный, точно бескровный, труп градоначальника. Вместо глаз зияли провалы глазниц, но их не вырвали, а скорее высосали, стянутый в гримасе ужаса рот также обескровленный, оголил плохие зубы. Эстебан раздвинул его еще шире, в поисках языка жертвы, у самого корня он нащупал иссохший остаток тканей.

— Упырь? — спросил он скорее у себя, чем у Жерара.

— Вряд ли — отозвался ученик.

— Вот и я думаю, что вряд ли. Точно темный, но лицедей ли? — задумчиво ответил Эстебан.

Весть о смерти прекрасной эльфийки, принявшей после гибели матери титул самой красивой женщины Эманторана, потрясла двор Протены. О жутком убийстве говорили несколько месяцев, пышные похороны прошли без Амадо.

Чужеземец исчез, а немного погодя пришли вести об убийстве двух глав старейших домов Эманторана. Дома Дэйван и Илкатаэль лишились своих айларов, разгневанные эльфы объявили награду за голову убийцы. Имя убийцы называлось совершенно четко, Родриго Амадо.

Маттейос не узнал чужестранца, когда Амадо появился при дворе, его потемневшее лицо осунулось, а глаза горели странным огнем. От взгляда Родриго и раньше часто пробирала дрожь, а теперь они вызывали оторопь, и панику.

— Зачем ты убил этих эльфов? — спросил Маттейос стараясь говорить, как можно мягче.

— Меня ввели в заблуждение — сухо ответил Амадо.

— Ты опять поставил себя вне закона, за тобой будут охотиться — нерешительно произнес император.

— Я скоро уйду. Мне нужно, кое, что выяснить, но как только получу нужные мне сведения, я покину твое королевство — спокойно ответил Амадо.

— Что ты ищешь? — спросил Маттейос, после некоторого молчания.

— Слышал ли ты о культе Королевы смерти?

— Да. Это древний культ Ришама, но зачем тебе дикие фанатики?

— Возможно убийцы адепты этого культа — ответил Родриго.

— Это вряд ли, они приносят в жертву коз, и овец. Никогда не слышала, чтобы они убивали людей — с сомнением проговорила Танаис, внимательно слушавшая разговор мужчин.

— Откуда ты знаешь? — удивился Маттейос.

— Я родилась здесь! Это история моего народа — не без гордости ответила Танаис.

— Я не уверен в словах моего информатора, но все же проверю — ответил Амадо. — Ты не знаешь кто стоит во главе культа? — спросил он девушку, уставив на нее жуткие глаза.

— Что убьешь? — спросила она с улыбкой.

— Нет, поговорю — спокойно ответил Родриго.

— О твоих беседах легенды ходят, да такие, что от подробностей кровь в жилах стынет — отозвался Маттейос.

— Я не испытываю удовольствия от мук людей, но порой это единственный способ узнать правду — грустно ответил Амадо.

— Ну, и как? Узнал? — спросил Маттейос.

— Нет, но зато точно знаю, что они не виновны...

Высокий смех Танаис прервал его слова, заливисто смеясь она хваталась за живот. Маттейос с удивлением посмотрел на жену.

— Что смешного в том, что он говорит?

— Нет ты представь, ... он приходит, мучает, пытает, а потом говорит, извини, я ошибся. Редкостный цинизм, но забавно ха, ха, ха!!! А я тебе помогу, ты мне помог, и я тебя не оставлю в беде — проговорила она, вдруг сделавшись совершенно серьезной.

— Буду благодарен...

— Ой да не стоит, ты меня не сможешь отблагодарить. Ну если только согласишься выйти со мной на поединок в полную силу! А?! — хитро прищурившись спросила Танаис.

— Нет! Мы уже не раз это обсуждали! — быстро вмешался Маттейос.

— Нет Ваше Величество, я никогда не посмею бросить Вам вызов — с поклоном ответил Амадо.

— Ну как хочешь, а другого мне от тебя не надо, так, что прими мою помощь как подарок — озорно улыбаясь ответила императрица.

Спать по ночам инквизитор не мог, его вновь мучали кошмары. На несколько недель они отступили, и, казалось, оставили в покое. Но после смерти Витале Тристара, Сессилия возвращалась каждую ночь, все настойчивей требуя ответа на свой вопрос.

— Ах вы негодник, бросили меня одну, а сами уехали в Сарпенто — прозвучало точно

гром над ухом инквизитора. — Приветствую вас мой дорогой Эстебан!

Инквизитор испуганно оглянулся, перед ним стояла невысокая женщина, с переплетенными в витиеватый узор волосами, каштанового цвета. Огромные серые глаза лучились добротой и радостью встречи.

— Фрида? Как вы здесь оказались? — удивился инквизитор, стряхивая ставшую уже привычной одурь бессонницы.

— Я слышала о страшной судьбе Витале. Мы старые приятели, сразу я не смогла приехать, но то, наверное, и к лучшему. Говорят, что на завтра назначены похороны градоначальника, теперь у меня есть возможность поприсутствовать на печальном мероприятии. Засвидетельствовать свое почтение к покойному.

— Что ж, вы вовремя. Сейчас покойника готовят к обряду. Вот только не знаю, как быть, родственники требуют скорейшего погребения, а расследование нуждается в уликах.

— Поговаривают, что Витале умер не своей смертью. Говорят, что-то неестественное — улыбнулась Фрида.

— Да умер он прямо скажем жутко — отозвался инквизитор и поманил Фриду за собой.

Они прошли в комнату бальзамирования, где тело умершего набивали соломой, пытаясь придать хоть какой-то объем. Нарисованное лицо, мало похожее на настоящий облик покойного, безмятежно улыбалось.

— Фу, какой ужас — прикладывая носовой платок к лицу выдохнула Фрида. — Он точно вяленое мясо — проговорила женщина, легко касаясь тела градоначальника, с видимым отвращением отдергивая палец. — Известно, что с ним произошло?

— Пока не ясно. Может вампир, но тоже странно, обычно у кровососов иной почерк.

— Я полагала, что упыри суть выдумка необразованных обывателей? — сверкнула жемчугом зубов Фрида.

— К сожалению, не только — грустно улыбнулся инквизитор.

— А что ваши сны? Все также докучают? — участливо спросила женщина.

— Да, все также — смущенно ответил Эстебан, и взглянул в ясные глаза собеседницы.

Как и много раз до этого, его сердце часто застучало, а голова слегка закружилась, он отвел глаза и порывисто вздохнул.

— Что совсем худо?

— Не могу спать, сегодня уже третьи сутки. Пару часов днем, и то пока солнце в зените, вот весь мой отдых. У меня такое чувство, что она хочет моей смерти, требует отмщения.

— Ну не сгущайте краски. Вам это не к лицу, мой дорогой инквизитор. Вас боятся все монстры Амората, а уж с каким-то сновидением я думаю мы как-нибудь справимся. Нужен хороший лекарь. У меня, к сожалению, на ум не приходит ни один из близ живущих. Нет лекари, конечно, есть, но они нам не подойдут.

— Есть один лекарь, Римантом зовут, но найти его не просто, а иной раз и небезопасно — вспомнил Эстебан.

— Что ж это за лекарь, которого опасно искать? — удивилась Фрида.

— Опасен не сам лекарь, а болезни, которые он лечит, чаще всего это мор. Там, где вспышка заразы, там и он.

— Хороший должно быть лекарь — задумчиво протянула женщина, глядя как покойного облачают в тунику.

— Я попробую найти его для вас, мой дорогой друг — сказала Фрида, легко касаясь

руки инквизитора.

Эстебан удивленно и испуганно взглянул на спутницу, и устало улыбнулся в ответ на ее улыбку.

Год поисков не принес никаких результатов, кто-то постоянно опережал его, уничтожая любого, кто хоть, что-то знал об убийстве Лафны. Протены захлестнула волна террора, дороги стали опасны, с заходом солнца люди бесследно исчезали. Иногда несчастных находили, в наскоро вырытых могилах, как правило неподалеку от места гибели. Вскоре появился и почерк, общий для всех убийств. Стены гостиниц и сараев, где приняли смерть жертвы, стали украшать изображения цветка рафлезии, что прямо говорило, кому погибшие принесены в жертву. Королева смерти снимала жатву, оставляя свой символ, рисованный кровью жертвы. Изображение называли глазом Утнаты, несущей разложение и красоту.

В особняк, Амадо так и не вернулся, хотя несколько раз внимательно осматривал дом, и, к своему удивлению, обнаружил глаз Утнаты в детской. Он мог поклясться, что ранее рисунка там не было.

Эли с Товардом удачно добрались до Алкмей. Эйлайн прислал письмо, где просил не волновать Эли известием о смерти ее матери и сестры, обещая рассказать девочке о случившемся, когда придет время. Ланаэль избегала Амадо, он так и не смог с ней поговорить. Спустя год Эйлайн приехал в Протены. Перед отъездом он рассказал о трагедии Эли. Узнав о смерти матери, она отказалась возвращаться в Ришам. Месяц девочка молчала, Эйлайн уже начал беспокоиться за ее рассудок, но молодость взяла свое и вскоре Эли пришла в себя.

Родриго случайно встретил эльфа в дворцовом саду, первая неловкость скоро прошла, и теперь сидя у каскада они вспоминали былые времена. Эйлайн рассказал об Эли, о том, как Лафна страдала, от долгих разлук с Амадо.

— Не думаю, что это эльфы — с сомнением произнес Эйлайн.

Брови эльфа сошлись на переносице. Разговор коснулся щекотливой темы, и Эйлайн не знал, как себя вести.

— К сожалению, я тоже пришел к такому заключению — ответил Родриго, глядя как прозрачные струи срываются с искусственного возвышения, и пролетев кристальной полоской до следующего уступа разбиваются на мириады брызг. Отчего сбоку постоянно блестела неполная радуга.

— Почему к сожалению? — удивился Эйлайн.

— Потому, что я убил твоих соплеменников. Убил зря, и теперь Эманторан обязательно ответит Протенам, а убийца остался безнаказанным — с досадой в голосе ответил Амадо. — Иногда мне кажется, что в этом и заключается истинная причина убийства.

— Это слишком изощренно, кто может так умело сталкивать стороны? — с сомнением отозвался эльф.

— Да кто угодно. Не исключая и твоих сородичей.

— И все-таки я сомневаюсь, что это Эманторан — продолжал настаивать Эйлайн. — Сам посуди, у них и официальных поводов достаточно, чтобы лишить жизни Лафну и ее детей, так зачем скрывать свою причастность к настолько показательному убийству. Ведь эльфы и были первыми к кому ты отправился.

— В твоих словах звучит мудрость, Эйлайн. Наверное, ты прав, но меня все больше беспокоит вопрос. Зачем? Спустя год мне кажется, будто это я, сам убил их — с горечью

произнес Амадо.

— Твоей вины тут нет, Родриго. Лафну не вернуть, но мы сделаем все, чтобы не пострадали твои девочки. Я прослежу за ними — Эйлайн положил руку на плечо Амадо, и открыто улыбнулся.

Человеку очень хотелось верить мудрому эльфу, но он знал, что ему придется дойти до сути случившегося. Иначе девочки останутся под ударом, и рано или поздно невидимая рука убийцы вновь его нанесет.

Старик в грязной чалме, прислонился к обшарпанной стене постоянного двора, в котором остановился Амадо. Суковатая палка преградила путь, попрошайка блеснул бельмом из-под густых бровей и поманил к себе узловатым пальцем.

Удивленно взглянув на нищего, Родриго подошел и склонился к грязной чалме. Сквозь черноту загара на морщинистом лице внезапно проступила бледность, взгляд Амадо впился в полуслепые глаза попрошайки. Заметив страх Родриго, опустил глаза, он все время забывал про жуткий взгляд.

— Слушаю — спокойно проговорил он.

— Считаю — дерзко ответил старик.

Лениво пошарив в кармане халата, Амадо вынул тугой кошель золота, и отсчитал в сухую ладонь десять золотых.

— Мало — сказал старик.

Еще двадцать золотых упали в ладонь нищего вымогателя.

— Сегодня в час красной луны, в храме Утнаты, что за городом, у северных врат.

— Это все? — недоумевая спросил Амадо.

— Его зовут, Арим, но это прозвище. Он точно будет там, где я сказал, главное не опоздай.

Амадо оставил нищего на его посту, и сразу же пожалел о деньгах, отданных проходимцу, который, судя по всему, просто его надул. Он присел на край дивана, за окном послышались крики. Родриго выглянул в окно, нищий лежал ничком на дороге, а из его головы торчала стрела. Местные попрошайки споро растаскивали имущество мертвого коллеги. Теперь Амадо успокоился, словам старика можно верить.

Ночной воздух, напоенный ароматом тысяч цветов, дразнил ноздри ночного пешехода. Днем это место не знало тишины, но ночью сюда возвращалась власть дикой природы. Мириады насекомых, и сотни птиц и животных оглашали округу, из зарослей то и дело светились глаза, внимательно следившие за человеком.

Амадо спрятался под потолком, прямо над жертвенником, удобно примостившись на широкой каменной плите служившей балкой свода храма. Мрак и одиночество повисли в храме той, что забирала жизни. Спустя час от входа донеслись звуки, приглушенный плач женщины или девочки, с такого расстояния он разобрать не мог. Свет факелов разорвал темноту храма, и звук шагов наполнил помещение. Два десятка человек тащили троих селян, их руки, заломленные за спину, туго стягивали веревки.

Процессия остановилась перед истуканом Утнаты. Разложенные венки из цветов несколько оживляли безобразное капище. Каменная чаша, стоявшая в ногах идола, наполнилась водой, принесенной в высоком, серебряном кувшине.

Снова послышался плач, теперь без сомнения женский. С головы несчастных сняли мешки, в свете факелов показались мужчина, и женщина, к последней испуганно жался мальчик лет семи. Сектанты в шелковых халатах, воздели руки к лику Утнаты, к потолку взлетели звуки гимна. Женщина завывала от ужаса, предвидя жуткий конец.

Пение стихло, двое сектантов подхватили мальчика и подтащив брыкающегося ребенка к краю чаши, наклонили его так, чтобы шея оказалась прямо над ней. Жрец, крупный мужик, развернул шелковый сверток. Черненный клинок, старинной формы, удобно лег в его

широкую ладонь. Кинжал показался знакомым, Амадо приходилось видеть такие в школе бардов, у послушников Гинну.

Не дожидаясь конца церемонии, рыцарь спрыгнул прямо в чашу, расколов вазон пополам. Изумленные сектанты ничего не сумели предпринять. Выверенные движения Родриго не оставили шанса никому. Раненный жрец, жутко тараща глаза на статую, что-то бормотал на непонятном языке. Заглянув в его глаза, Амадо произнес.

— Ты не того боишься, дурак! Ее не существует, а я реален! И можешь мне поверить я намного страшнее вашей Утнаты. Я буду тебя пытаться пока ты не потеряешь рассудок от нестерпимой боли. пытки мне не приносят удовольствия, так, что избавь меня от необходимости прибегать к ним. Расскажи, кто возглавляет вашу секту? Кто приказал убить мою жену? И самое главное зачем?

— Кто ты? — спросил жрец, застряв в бездонных глазах Амадо.

— Меня зовут Ксенон. Твои последователи убили мою дочь и жену. Объясни мне, зачем.

— Мы не убивали — кряхтя ответил жрец, рана в боку, намокала все сильнее.

— Тогда кто?

— Не знаю, это не мы.

— Кто вами командует? Кто Королева смерти?

— Ты слишком любопытен Ксенон. Но ты не там ищешь. Королева смерти тут не причем.

— Тогда почему я нашел на стене моего дома глаз Утнаты? Знак вашей чокнутой богини — скрежеща зубами спросил Амадо.

— Утната все видит! Она тебя покарает за твое пренебрежение к священному имени смерти.

Семья молча наблюдала за происходящим, Родриго взглянул в их сторону, и они тут же опустили лица.

— Не понимаю, как вы можете так бояться несуществующего, и так легкомысленно относиться к реальной опасности — раздраженно произнес Амадо.

Пытка длилась полчаса, по истечению которых, жрец начал задыхаться. Рана медленно, но, верно, истекала кровью, вскоре тело забила мелкая дрожь конвульсий. Из несвязных воплей замученного, Амадо сумел разобрать лишь то, что Утната прислала настоящую повелительницу Ришама, и она будет и дальше собирать жизни для своей покровительницы. Утната обещала королеве великое правление, тысячу лет, если она не забудет о своем долге.

— Никто не знает всех слугителей. Нас тысячи. Мы не знаем друг друга в лицо, тебе никогда не найти всех, никогда ха, ха, ха — рассмеялся жрец, в лицо своему мучителю.

Уже заговариваясь, он указал на статую, и проговорил.

— Только она знает кому умереть, без нее ни один человек не уйдет из этого мира. Ты еще это увидишь, когда она придет за тобой — едва слышно произнес жрец, судорожно цепляясь руками за сталь доспеха Амадо.

Насмерть перепуганные селяне, долго не могли решиться выйти из храма, они не верили, что их жизнь вне опасности. И правильно не верили, через сутки всю семью убили.

Глубокий сон сморил Эстебана едва солнце опустилось за горизонт. Пятый день бессонницы принес вести о том, что на окраине города видели человека похожего на Джовани. Во сне он бродил вдоль внешних стен Сарпенто, внимательно вглядываясь в

противоположный берег канала, что служил одновременно и рвом, и речной дорогой.

— Где же треклятый лицедей?

Показались дома предместий Сарпенто. Круглая луна выползла из-за кучевых облаков, осветив мертвым светом редкие деревья, клонящиеся к воде канала.

— Как все хорошо видно — удивился инквизитор.

Резкие тени, вот и все, что говорило о ночной темноте. Глаза прекрасно различали движение ветвей прибрежных кустов, тронутых случайным порывом ветра, ночная прохлада обдала обнаженную кожу. Между домами мелькнула тень. Невысокий, приземистый силуэт человека, пригнувшись почти к самой земле, пробирался к пчельнику Матиаса Дундука.

Перед глазами замелькали река, мост, сердце рвалось из груди, он остановился на другой стороне канала. Пчельник тихо гудел, густой звук, долетал даже сюда, до воды. Впереди возвышались два дерева, между, которыми притулился старый понтон. Взгляд вновь вернулся к пчельнику, где между ульев кралась темная фигура.

Тихий всхлип заставил Эстебана посмотреть в сторону деревьев. Там, у самой реки, опершись на перила понтона, стояла девушка. Волнистым ручьем белые волосы спускались на крутые ягодицы молодки. Лица ее он не видел, она смотрела на реку, слышались только всхлипы, и слегка подрагивали плечи, облаченные в тонкую материю ночной рубахи, свободно ниспадавшей до щиколоток голых ног. Белая ткань соблазнительно выделяла зад девушки, который слегка подался в сторону инквизитора.

Снова все замелькало, и Эстебан увидел, что теперь стоит прямо за декой, понтон легко покачиваясь потрескивал в местах крепления досок. Холод пробежал по спине, снова кошмар, он попытался проснуться, дико вращая глазами яблоками, но ничего не изменилось.

— Ах да, нужно коснуться — вспомнил инквизитор.

Рука потянулась к белоснежной рубахе, от реки пахнула влажной прохладой, ветерок принес сладковатый запах каких-то цветов.

— Мастер Баргас, не трогай — разорвалось в голове Эстебана.

Он удивленно оглянулся, горло сильно сдавило, на глазах выступили слезы, ноги сделались ватными, пальцы утонули в чем-то спутанном, и жестком. С огромным усилием Эстебан развернулся к Сессилии, и тут же попал в объятия прекрасных волос девушки.

— Мастер Баргас — послышалось совсем рядом.

Голос показался знакомым, но голова сильно кружилась и вспомнить кому он принадлежит не осталось сил. Глухо ударил металл, прямо перед лицом сверкнул клинок меча, воздух наполнил легкие, темнота отступила. Эстебан с удивительной ясностью увидел, как перед ним закрубились волосы, меняя форму они приняли облик Сессилии, затем вновь раскинулись в стороны. Сильный толчок опрокинул инквизитора на доски понтона, впереди выросла спина Патрицио, его меч, с железным визгом ворвался в спутанные витии волос. Чудовище качнулось и тут же опутало рыцаря, проникая тонкими щупальцами в отверстия брони. Крик отчаяния и боли разорвал ночную тишину, рядом вспорхнул испуганный дрозд. От моста послышался шум, Эстебан попытался прочесть гимн, но голос его не слушался. Подбежал Жерар, парень протянул руку предлагая мастеру принять кулон. Инквизитор отстранил его и показал жестами, чтобы ученик одел кулон на себя.

— Но я не готов, мастер — попытался сопротивляться Жерар, но настойчивая рука Эстебана заставила подчиниться воле инквизитора.

— Читай Вирану — прошептал он, почти касаясь губами рыжих кудрей Жерара.

Воздух наполнил низкий гул, от которого по воде пошла рябь, амулет разлетелся на сотни осколков, определяя круг, в котором оказался заперт темный. Коррадо оттаскивал в сторону Патрицио, из доспеха слышалось хриплое дыхание, волосы застыли в воздухе, трепеща каждым локоном. Жерар понизил тон, чудовище рвануло с места и впилося точно иголками в лицо юноши, одновременно обхватывая горло ученика.

— Парана — просипел Эстебан. — Читай Парану — из последних сил выдохнул инквизитор, стусток крови вырвался из-за стиснутых зубов, заливая подбородок мастера.

Волосы несколько отстранились от своей жертвы, продолжая сжимать шею Жерара. Меч со звоном пронесся между учеником и чудовищем, отсеченные локоны упали под ноги Жерара, он натужно вздохнул полной грудью, и закашлялся.

Из домов вывалили зеваки, факелы четко отделяли толпу от понтона, на котором разворачивалась трагедия. Люди удивленно переговаривались, позади послышались приветствия. Расталкивая плотно стоящих зевак, к месту битвы пробирався невысоких, хромой мужик. Плотной сбитая фигура выдавала человека средних лет. Не обращая внимание на лежащего на краю понтона инквизитора, он решительно вошел в круг осколков. Мужик перешагнул тело Патрицио и плотно ухватив копну беснующихся волос оторвал их от полуживого Каррадо. Покраснев от науги Жерар пытался выдавить хоть, что-то из распухшего горла.

— Заткнись — скомандовал мужик.

Тварь оплела руку, подбираясь к шее незнакомца.

— Спать — глухо прозвучал приказ.

Волосы разом опали, и скользя между пальцами мужика скатились на доски, атласно блеснув в свете луны.

— Спасибо незнакомец — просипел Жерар.

— Кто ты? — придушенно спросил Эстебан, с трудом поднимаясь на ноги.

— Надо полагать, мастер Баргас? — вместо ответа спросил мужик.

— Правильно полагаешь, но ты не ответил на мой вопрос — раздраженно отозвался Эстебан.

— И как тебя угораздило налететь на Фридарму? Хотя, наверное, виной всему твоя известность.

— При чем тут моя известность? — удивился инквизитор.

— Она коллекционер.

— Коллекционер? — переспросил Жерар.

— Да коллекционер. Для нее ты не более чем почетный трофей. Вернее, твой вкус, она живет в мире вкуса — ответил мужик.

Со стороны городских ворот торопливо бежали стражи. От толпы отделился местный староста, размахивая факелом над головой, он кричал.

— Сюда!!! Сюда!!!

Эстебан, пошатываясь подошел к Патрицио и откинул забрало его шлема. Рыцарь еще дышал, но судорога то и дело пробегала по его мышцам, искажая морщинистое лицо старого воина.

— Так кто ты? — вновь обратился инквизитор к незнакомцу, но ответа не последовало.

Он удивленно поискал глазами в толпе, мужика нигде не оказалось, легкий всплеск заставил его повернуться к каналу. В небольшой лодочке-плосколонке стояла маленькая девочка, она ловко управлялась с веслом. Легко касалась глади воды, дитя все дальше

удалялось от понтона. В чертах ребенка Эстебану что-то показалось неуловимо знакомым, но шум и суета вокруг отвлекли его внимание. Стражи погрузили на телегу рыцарей инквизитора, там же с краю примостился и Жерар, теребя в руках собранный во едином кулон. Инквизитор огляделся в поисках жутких волос Сессилии, к его разочарованию они исчезли, также, как и странный мужик.

— Еще пару дней и можно вставать — весело проговорил лекарь, ощупывая горло Патрицио.

— Господин Римант, думаете, он поправится окончательно — спросил Эстебан.

— Ну, скорее всего в полной мере его правая рука действовать более не сможет, но в остальном наш Патрицио будет как прежде — уверил инквизитора Римант.

— Никак не могу понять, как вы узнали, о том, что здесь случиться? — просипел Жерар.

— Думаю, это заслуга вашей спутницы, как вы ее величали, Фрида кажется? — с неохотой ответил лекарь.

— Фрида, или Фридарма как ее называл наш спаситель — ответил Жерар.

— Да Фридарма — с тоской произнес инквизитор. — Наверное и ваш вкус захотела в свою коллекцию.

— Интереснейший экземпляр, я бы с удовольствием познакомился с ним... — начал Римант.

— Уверяю вас, не стоит — остановил разыгравшуюся фантазию лекаря Эстебан.

— Эта встреча скорее всего стала бы последней для вас, уважаемый доктор — печально отозвался Патрицио.

— Наверное — задумчиво произнес Римант. — Сегодня я отбываю, в Лампеду. Ваши рыцари почти здоровы, а вам рекомендую еще две недели принимать мои порошки, и сон должен наладиться.

Поклонившись, лекарь вышел, не дожидаясь ответных поклонов. Следом за ним в двери ввалилась дородная служанка Непрадо.

— Мария кажется? — спросил инквизитор запыхавшуюся прислугу.

— Верно ваше святейшество — испуганно отозвалась женщина.

— Помогите одеться господину Патрицио, а после спуститесь ко мне, у меня буду к вам вопросы.

— Все сделаю — глупо моргая глазами ответила Мария.

Трескучие ступени верхнего этажа занудно отзывались под тяжелым шагом инквизитора. В зарешеченное окно заглянуло солнце, осветив жидким лучом небольшой кусок кладки коридора.

— Ваше священство — тихо прозвучало от дверей спальни, покойного жреца.

Эстебан остановился и удивленно уставился на молодую служанку, стоявшую в дверях.

— Простите мою дерзость ваше священство... Я подруга Илгаи, и...

— Ну, что случилось? — напряженное предчувствия охватило инквизитора.

— Илгаю не дают похоронить на городском кладбище — женщина всхлипнула.

— Таков закон. Церковь не может принять грешницу на своей земле. На ее совести убийство жреца Единой церкви...

— Ваша правда, но Илгая не грешница, она... она отчаявшаяся — слезы покатались по розовым щекам служанки.

— Что ты имеешь в виду? — удивленно заломил бровь Эстебан.

— Илгая отчаялась найти справедливость — женщина приблизилась к инквизитору и почти на ухо произнесла. — Пала его дочь.

— Пала?

— Дочка Илгаи.

— Ты хочешь сказать, что Илгая и Юлай...

— Да, но она не по своей воле. Он ее принудил, а потом приказал убить Палу.

— Но зачем? Кому есть дело до амурных дел жреца, случившихся в его доме, да еще с прислугой — удивился инквизитор.

— Я служу у его святейшества пять лет, и много чего слышала за это время — служанка остановилась в нерешительности.

— Ну. Говори — поторопил ее инквизитор.

— Господин Юлай собирался в столицу. Его должны были включить в кардинальский круг, но недавно к нам приехал посыльный от кардинала Анкелано. Он привез письмо, от его святейшества. Не знаю, что было в том письме, но господин с тех пор стал словно сам не свой. Господин Юлай вызвал к себе Илгаю, и кричал на нее, а потом выгнал из дома, и с тех пор она снимала жилье в городе. А весной мы узнали, что Пала... — женщина вновь захлюпала.

— Почему вы уверены, что Пала дочь жреца? — спросил инквизитор.

— Илгая мне рассказывала, что пять лет назад, я тогда еще только пришла в дом его святейшества, он напал на нее в своей спальне. А после Илгая понесла дитя, да и обликом девочка вылитая мать Юлая, тут не ошибешься. Прошу вас не дайте случиться несправедливости, позвольте Илгае обрести покой, хотя бы после смерти — пухлые ручки отерли влажное от слез лицо.

— Хорошо. Я проверю, то, что ты мне сказала, и если в твоих словах есть правда, то я позволю похоронить Илгаю на церковной земле.

Служанка склонилась и исчезла в огромной спальне Непрадо. Оставшись один, Эстебан потрянул головой, изгоняя навалившееся волнение. Сейчас он вспомнил письмо от кардинала Анкелано, что нашел в бумагах покойного. Тогда, после гибели жреца, он не смог понять истинный смысл слов кардинальского послания. Теперь все встало на свои места, похоже Анкелано шантажировал Нерпадо, отодвигая жреца от намечавшегося повышения. В письме шла речь о каком-то грехе, что говорит сам за себя.

Развернувшись на каблуках, он быстрым шагом спустился в общий зал, где вдоль стен висели портреты предков Юлая Нерпадо. Длинный ряд завершала картина, изображавшая молодую даму. На багете красовалась натертая до блеска табличка, с надписью: «Далия Непрадо — владетельница поместья Равардо».

Сердце Эстебана захолонуло, с полотна на инквизитора смотрела девочка, та самая, что уплыла в роковую ночь на лодке от понтона.

Сорвавшись с места, инквизитор побежал к новому управляющему, затем застыл у входной двери. Стража вытянулась, удивленно глядя на метания инквизитора. Эстебан немного постоял и медленно повернувшись пошел в свою комнату.

Два часа спустя кортеж инквизитора выехал из южных ворот Сарпенто. На окраине, возле церковного кладбища, инквизитор слез с лошади и ненадолго скрылся в церкви. Четверть часа спустя он вышел, отряхнул широкополую шляпу, и водрузил ее на голову, после чего вскочил в седло. Застоявшаяся лошадь затанцевала, пришпорив скакуна,

инквизитор помчался прочь от вонючего городка.

Еще не успели улечься клубы пыли на горизонте, как улицы Сарпенто наполнились людьми, а рынок привычным гамом. Город праздновал возвращение покоя, дремотного, убаюкивающего, но столь милого сердцу провинциала.

В комнату вошел прямой как жердь Эйлайн, его лицо необычайно бледное, выдавало несвойственное эльфу волнение.

— Что случилось Эйлайн? К чему столь ранний визит? — удивился Родриго увидев на пороге своей комнаты старого друга.

— Давно надо было тебе сказать... — нерешительно начал эльф, опустив глаза он продолжил. — Мы с Ланаэль, уже больше месяца вместе... Она живет в моем доме.

— Угу — озадаченно произнес Амадо.

Смушение Эйлайна его позабавило, особенно учитывая тот факт, что он не приходился Ланаэль родным отцом.

— Ладно, это я переживу — ответил он наконец, едва сдерживая улыбку.

— Это еще не все. Сегодня ночью, когда Ланаэль находилась в спальне, на нее напали четверо неизвестных. Похоже слуги Утнаты.

— Ее пытались убить? — со страхом в голосе проговорил Амадо.

— Да, но она оказалась не одна, потому осталась жива, а нападавшие сейчас мертвы — все также смущенно ответил эльф.

— Значит жива. Спасибо тебе...

— Не стоит благодарности... Я думаю, нам надо уехать на Алкмеи — взволнованно проговорил Эйлайн.

Амадо внимательно посмотрел на приятеля, и улыбнулся, стараясь успокоить его волнение.

— Хорошо. Забирай с собой Ланаэль, и сегодня же уезжайте. Это моя вина, что ты едва не лишился...

— Это убийцы, они в любом случае пришли бы.

— Нет Эйлайн, они пришли потому, что я разворошил их осиное гнездо. Но этого мало, надо уничтожить их королеву, тогда и осы расползутся кто, куда.

— Делай, что задумал, только останови их. Я не хочу потерять еще и Ланаэль — обеспокоенно произнес Эйлайн. — Если понадобится помощь, позови меня.

— Спасибо друг. Ты и так спас мою дочь, побереги ее, и, если сможешь, присмотри за Эли, этого будет достаточно.

— Я сделаю все, что смогу.

Император внимательно слушал старого друга семьи, ситуация с убийствами перешла все рамки разумного. Последователи Утнаты словно взбесились, теперь они уже не прятали трупы, скорее наоборот выставляли принесенных в жертву на показ. Беспокойство двора вызвал тот факт, что фанатики переключились с простолюдинов на аристократию. Проникая целыми шайками в дома богатых и уважаемых подданных императора, они совершали свои гнусные убийства, неизменно рисуя на стенах цветов своей покровительницы.

Амадо предложил дать ему отряд и особые полномочия, чтобы очистить Ришам от озверевших сектантов. Здоровые мысли чужеземца воодушевили Маттейоса, и несколько дней спустя, начались облавы на храмы Утнаты. Поклонников богини смерти подвергали пыткам, и прилюдно казнили. Террор на некоторое время остановил убийства, но через полгода

империю сотрясли несколько масштабных восстаний. А затем начались убийства, в которых гибли как простолюдины, так и представители высшего света. Среди народа пошли слухи, что Утнаа воплотилась в Королеве смерти, и что она пришла освободить простого человека от гнета аристократии.

Обеспокоенный сложившимися обстоятельствами, Маттейос собрал Большой совет, пригласив представителей всех знатных семейств Протены.

Зал гудел от голосов сотен людей, разномастная аристократия, шумно делилась последними известиями. Чалмы и халаты, перемежались хитонами, и костюмами северных королевств. Среди мужчин затесалось и несколько дам, казавшихся чем-то инородным в таком обилие мужского начала. Получил приглашение и Амадо, прохаживаясь в коридорах императорского дворца, он натолкнулся на Танаис.

Она улыбнулась ему, и спросила.

— Дорогой Родриго вы слышали новости?

— О чем вы моя госпожа?

— Как? Вам не сообщили? Тем не менее спешу вас поздравить, вы стали дедом! — лицо Амадо вытянулось, а рот открылся в немом изумлении.

— Ха, ха, ха — весело рассмеялась Танаис, заглядывая в растерянное лицо Родриго.

— И кто именно подарил мне внука? — неуверенно спросил Амадо.

— Ланаэль. Вы не рады? — спросила она участливо.

— Отчего же, а кто отец? — спросил он с расстановкой.

— Ее супруг. Кстати, это ваш друг Эйлайн. Как? Вы и этого не знали? — она покачала головой. — Уже полгода как. Я думала вы знаете... — голос ее угас, и девушка отвернулась, чтобы поздороваться с очередным гостем.

Повернувшись обратно Танаис не обнаружила собеседника, поискав взглядом мужчину, она поняла, что он покинул прием.

Амадо давно привык к тому, что дочери, мягко говоря, его недолюбливают, но что его вычеркнули из жизни, для него оказалось неожиданностью. Жаркое солнце бесило, он подошел к колонне и взглянул на город с высоты портика, венчавшего ступени дворца. Затем ударил камень, что было сил, резкая боль обожгла руку, сознание начало очищаться. Взгляд за что-то зацепился, характерный свист заставил его резко развернуться на звук. В грудь сильно толкнуло, в сторону отскочила стрела. Броня, как всегда, почувствовала его состояние раньше, чем он успел осознать, что происходит. Рядом упал страж, с другого конца еще один, стрелы посыпались дождем из дворцового сада.

— Да сколько их там? — поразился Амадо, плотности стрельбы.

Рыцарь опрометью кинулся обратно во дворец. В проходе он споткнулся о тела стражей. В дальнем конце коридора гоплит отбивался от наседавших повстанцев. С разбега отшвырнув двоих нападавших, Родриго влетел в свару, и начал рубить, кто-то попытался просить пощады, но клинок забирал жизни без жалости. Перед ним замелькал быстрый как ветер воин, противник оказался, чрезвычайно ловкий и опытный.

— Это не убийцы, — подумал Амадо, — для убийц слишком слаженно ведут бой.

Тем временем, его копьё покончило с ловкачом. Гоплит сообщил, что еще больше убийц прорвалось внутрь, и истекая кровью сел на пол, дрожащей рукой воин зажимал рану на ноге.

Оставив копейщика, Родриго побежал в зал, где собрались аристократы. На пороге он остановился как вкопанный. Пол устлала тела убитых, ноги скользили на крови.

Осторожно продвигаясь вперед, Амадо заглянул в соседний зал, там творилось то же самое. В дальнем проходе мелькнула белокурая головка, настолько знакомая, что у Амадо от гнева зазвенело в ушах, рыцарь кинулся за девушкой.

— Стой! — крикнул он, едва справляясь с бешенством. Гнев душил его, и забирал львиную долю сил.

Повернув в следующий зал Родриго, увидел тонкий силуэт девушки на фоне окна, она растворилась у него на глазах.

— Стоять, тварь!!! — кричал он в бессильной ярости.

Рука потянулась за знаком, но тут же отдернулась, точно обожженная невидимым пламенем, Амадо не знал куда убежала Утната.

Опомнившись от видения, теперь ему казалось, что это всего лишь галлюцинация, Родриго ринулся на звуки боя. Позади дворца в висячих садах, шла жаркая битва. Нападавших оказалось так много, что сомнений в том, что Маттейоса предали не осталось. В дальнем углу, укрывшись внутри ротонды, защищались Танаис и Маттейос. Гоплиты выставили копья и не подпускали врагов, к императору и его супруге. Латрея с ними не было, Амадо побежал в детскую, где скорее всего остался принц. Сейчас его защищали только няньки.

Плохо зная дворец Родриго пробежал мимо покоев принца. Пол устилала тела слуг, вокруг стояла непривычная для дворца тишина. В одной из комнат он налетел на убийц, завязался короткий бой, у Амадо оказалось преимущество, неожиданность. Включив тепловизор, он принялся просматривать помещение за помещением, пока не увидел, два скорченных тела за одной из стен. Войдя в комнату, он никого не нашел, но два силуэта четко выделялись на фоне глухой стены.

— Потайная комната — решил Амадо.

Извлеченный из укрытия принц заплакал, а нянька кинулась на рыцаря с ножом.

Мощным ударом он сшиб женщину с ног, и подхватив ребенка выбежал из комнаты. Прямо за дверью топтались убийцы, стремительное движение Амадо опрокинуло их на пол, раскидав в разные стороны. Спрятав ребенка позади, рыцарь методично заработал мечом. На шум боя, в коридор из соседних комнат вывалили еще убийцы. Прикрывая ребенка щитом, Родриго отражал их атаки. Некоторые повстанцы забегали обратно в комнаты спасаясь от точно разящих ударов Амадо. Используя широкий щит как таран, рыцарь прижал врагов к двери в конце коридора, в самый разгар боя она распахнулась, и позади убийц показались выжившие аристократы. Вперемешку с гоплитами они атаковали врага.

Прикрыв глаза Латрею, Родриго пронес ребенка через залы, которые устилала тела погибших.

— Латрей! — закричала Танаис увидев сына.

Она обхватила ребенка и теребила его кудряшки, проверяя все ли в порядке, мальчик разревелся. Маттейос подошел к Амадо, и протянув руку проговорил.

— Точно, как в Алкмеях! Эльфы!

— Да похоже на них. Тебя кто-то предал, иначе невозможно объяснить, как они оказались здесь, и где гвардия. Во дворец входили воины, словно отвечая на вопрос Родриго.

— Это было условие раджей Гуппарана — словно отвечая на немой вопрос чужака, проговорил Маттейос. — Они просили убрать войска из дворца, обещая в таком случае прибыть на Совет. Я пошел на уступки, и оставил во дворце только телохранителей. Похоже это их рук дело, они ушли раньше остальных, чтобы обсудить наше предложение.

— И что вы им предложили? — спросил Амадо.

— Поддержать нас в нашей борьбе со слугами Королевы смерти. Меня предупреждали, что многие члены королевских семей Гуппарана верховные жрецы культа, но я не думал, что они решатся на мятеж — разочарованно ответил Маттейос.

Вошел гиппарх, наматывая пыльный плащ на руку, он поклонился, и доложил, что часть нападавших отступила в направлении Гуппарана. Другая скрылась на кораблях, в море.

— Ты сам все слышал! — обратился Маттейос к Амадо.

— Мне нужно, чтобы ты нашел руководителей мятежа, и тех, кто стоит за ними! Бери все, что тебе потребуется, но накажи виновных!

Черные клубы дыма стелились по земле, заволакивая полосу горизонта, где сходились джунгли и ухоженные поля Гуппарана. Горела цитадель Хуфар, разрушенные стены завалили широкий ров. Воины чистили оружие, и приводили в порядок амуницию. Амадо смотрел как языки пламени пожирают следы последнего оплота культа Королевы смерти. Раздражающий запах паленной плоти и тряпок въелся во все, что посмело приблизиться к разрушенной твердыне. Перед Родриго лежал туго свернутый ковер, из которого торчала окровавленная голова махараджи Мачарахры. Радость от победы испарилась, когда ему доложили о судьбе отчаянной Танаис.

Больше года они уничтожали врагов короны. Танаис вызвалась помочь ему в борьбе с культом Утнаты. Император запретил культ, по его указу войска Протены разрушали храмы жестокой богини, карая всякого кто осмеливался нарушить запрет. Не устоял и оплот верования, долина Гуппарана. Возмездие Маттейоса настигло коварных раджей в их родовых гнездах, только Чандра, молодой правитель Делаллии, удостоился помилования. Он вовремя смекнул на чью сторону следует перейти, и бросив союзников на поле боя, отступил, в самый ответственный момент, а после сдал на милость императора лагерь со всем обозом.

Война окончена и пришло время возвращаться в Лакмиш к императору Маттейосу, но он потерял императрицу. В голове крутились обрывки событий вчерашней битвы. Танаис как с цепи сорвалась, она носилась на своем белом скакуне по полю битвы точно демон мести, бесстрашно врываясь в самую гущу схватки. Итог оказался закономерным, Амадо не успел пробиться к воительнице, лошадь унесла ее вслед за отступающими жрецами, в дебри джунглей Хабадара. Скакуна позже нашли, но Танаис пропала без следа, и теперь ему предстояло сообщить о случившемся Маттейосу. Именно ему император поручил защищать и беречь безрассудную жену. Родриго обещал, но не сумел сдержать нрав правительницы Протен. Амадо не отпускало беспокойство, что что-то в этой истории не так, кто-то предал, но найти кто, ему так и не удалось.

В небо взвился голубь, и сделав круг над отрядом, взял курс на столицу Протен. Вот и ушло известие о судьбе Танаис.

Прозвучал приказ собираться в дорогу, сегодня война закончилась, армия возвращается к столице. Только отряд Амадо продолжит поиски адептов Утнаты.

Проходя селения, и городки Родриго видел только ненависть и страх, уже несколько дней как пропал отряд разведки, высланный в сторону дороги на Лакмиш. Он не сомневался, что это дело рук дезертиров местных раджей. Второй отряд повторил судьбу первого, тогда Амадо отправился в разведку сам, взяв с собой четверых воинов.

Они быстро достигли торгового городка Паррава. Городок слишком скромное название для маленькой торговой империи в границах Протены. Здесь правили свои короли, стояла своя армия, Паррава жила по законам свободного города, с Лакмишем ее связывали только налоги. Въехав в город, отряд растворился в многотысячной толпе покупателей, торгашей, воров и проституток. Их появления казалось никто не заметил, но внимательный Куги Ланар, предупредил Амадо.

— Командир за нами, следят.

— Я вижу — коротко ответил Амадо. — Нам это и надо.

Отряд остановился в типичной южной гостинице, в которой гости располагались под

навесом по периметру закрытого двора. Внутри произрастали жиденькие кустарники, дававшие в полуденный зной спасительную тень.

Прохладная ночь на несколько часов смягчила невыносимый зной, глубокий сон сморил путников. Ближе к воротам толстый купчина оглашал округу сочным храпом, что нисколько не помешало часовому впасть в забытие.

Хриплое дыхание, и шум возни разбудили Амадо, тело, окруженное своевольной броней, неловко перевернулось. Темнота покрывала источник хрипов, но звук скребущих по земле ног вызвал выброс адреналина, зеленая свет проявил сокрытое тьмой.

Десяток паломников, под командой купца, душили его воинов. У ворот, на боку лежал часовой, из его рта с хрипом вытекала багровая пена. Кути выгибаясь пытался освободить руки, на которых повисло по паломнику, третий упершись ногами в плечи воина, с заметным напряжением тянул широкий пояс, закрученный в несколько оборотов вокруг шеи воина. Шея хрустнула, ноги перестали скрести по земле. Амадо вскочил и отшвырнул подбежавшего мальчика, раздробив ему ударом кулака кадык. Тут же качнув в сторону, он латным плечом отшвырнул детину с занесенным для удара кайлом. Паломники переключились на Амадо, его оруженосец Шорда Зендара поднялся на ноги и шатаясь пошел на выручку командиру. Тощий адепт изловчился накинуть петлю на шею Родриго и напрягая сухожильное тело пытался его задушить, но броня не позволяла добраться до жертвы. От рывка со спины, Амадо упал, и теперь с трудом поднимался. Шорда махнул саблей и отсек руки тощего, в тот же момент голова оруженосца взорвалась. Кайло с шумом пролетело, завернув по оси детину, которого несколько мгновений назад Родриго так удачно поддел плечом.

Резким рывком Амадо отшвырнул цепкие как у мартышек руки адептов, тяжелые удары раскидывали убийц. Ноги громко топали, поднимая набрякшую влагой пыль, Родриго остановился подле спальника, рука привычно взялась за эфес. Железное древко выбросило клинок, и сталь мягко чавкнув прошил тело детины с кайлом. Здоровяк с маниакальным упорством следовал за ним, и не доходя нескольких шагов нашел свою смерть от меча, неожиданно превратившегося в копьё. Его пустые глаза удивленно уставились на оружие, все еще не веря, что такое возможно, он бросил кайло и взявшись руками за эфес попытался вытащить лезвие. Амадо легко двинул клинок в сторону, высвобождая лезвие из тела, меч вырвался, распоров бок врага. На землю упали отрубленные пальцы детины, точно личинки майского жука, они застыли в луже крови и дерьма.

Впереди показались еще адепты, теперь они уже не полагались на свои пояса, руки паломников оскалились тальварами. Тугая петля вновь обхватила броню, Амадо привычным движением перекинул через себя повисшего позади душителя. Удар стальной стопы размозжил череп бедолаги, тальвар ткнулся в живот, лезвие изогнулось дугой, сбоку шелкнул еще один клинок. Копье Амадо сделало полукруг, точно отмахиваясь от назойливых врагов. Придушенные крики и стоны, огласили гостиницу.

Началась резня, паломники пытались бежать, но Амадо настигал убийц раньше, чем им удавалось достичь спасительной дверки в стене. Вскоре все стихло, он осмотрелся, возле затухающего очага сидел грузный купчина.

Амадо неспешно подошел к костру.

— Встань! — разорвал тишину его голос.

Купец нехотя поднялся, широко расставив ноги, он нагло уставился на Родриго.

— Давай! Чего ждешь?! Смерть меня не пугает, Утната благословила меня. Чем скорее умру, тем быстрее приму великое воплощение. Я верно служил моей богине, даже Королева

смерти признала мою избранность.

От испуга купец говорил явно больше чем хотел, сейчас язык руководил его сознанием.

— Не стоит торопить, что для тебя и так неизбежно — с улыбкой ответил Амадо. — Сегодня твой последний день, но прежде ты расскажешь мне о Королеве смерти.

Нервный хохот, неприятно резанул слух Родриго. Шлем сполз, жуткие глаза уставились на купца. Смех оборвался, ноги избранного подкосились, опустив толстое тело на колени.

— Кто ты? — испуганно выдохнул торгаш. — Ты, ты никогда не узнаешь — заговорил он, точно в бреду. — Даже когда смерть накроет тебя саваном, ты лишь почувствуешь свое ничтожество, но не узнаешь ее имя.

Резкий удар оборвал запальчивый бред купца. Толстяк повалился на бок, и засмеялся, отплеывая кровь. Жутко сверкая глазами Амадо склонился над ним, в этот раз он применит весь арсенал садиста, что освоил за многие годы допросов.

Утром хозяин гостиницы нашел истерзанное тело важного постояльца, вид останков вызвал приступ тошноты даже у выдавших виды городских стражей.

Спустя сутки в Парраву пришел мор, а оттуда болезнь в считанные недели разошлась по империи. Террор с новой силой выплеснулся на дороги империи, взгляд то и дело натывался на захоронения путников, задушенных и ограбленных во имя Утнаты.

Княжества Гуппарана, тоже начало трясти, один за другим гибли раджи, большинство от рук неизвестных душителей. Культ Королевы смерти переродился в культ Душителей Утнаты. Эстафету террора от жрецов переняли простолюдины, рассказывающие под пытками о Королеве смерти, повелевшей нести служение Великой Утнате, чтобы остановить мор.

События в Гуппаранах радовали Амадо, теперь наследникам малых княжеств точно не до претензий на верховную власть в Протенах. Пусть режут друг друга. Чем их меньше, тем спокойнее в государстве.

Узнав о пропаже любимой супруги, Маттейос собрал войска, чтобы идти на земли мятежных князей с намерением уничтожить все живое в змеином гнезде. Начавшийся было поход затих. Болезнь забрала армию, лишив Маттейоса возможности отомстить непокорным князьям. В землях князей Гуппа заметили эльфов, болезнь и тут свирепствовала, унося тысячи жизней, не болели только эльфы.

Спустя месяц огромный флот высадил армию Эманторана на земли Протены. Быстрю вернув Лагаш и войдя без боя в Рафу, армия двинулась к столице, опустошая по пути к Лакмишу селения и города. В ответ в тылу захватчиков, вспыхнула партизанская война.

Простолюдины неожиданно нападали на мелкие отряды эльфов, и быстро растворялись в джунглях. Все попытки остановить невидимого врага терпели неудачу, немного погодя начали сказываться проблемы со снабжением. Действия партизан перерезали пути снабжения углубившейся на территорию Протены армии врага. Продвижение эльфов замедлилось, им пришлось отвлекать значительные силы на карательные экспедиции в тылу, таких зверств война не знала ни до, ни после.

Мягко положив руку на лоб женщины, сгорающей в лихорадке, Римант, смущенно пожевал губами. То, с чем ему пришлось столкнуться на сей раз, оказалось совершенно не знакомо. Вирус убивал быстро, но во втором поколении значительно слабел, а в третьем становился совершенно безвредным. Будучи биологом, Римант понимал с чем ему пришлось столкнуться. Мор как оружие, что же, в его жизни было и такое, но очень давно и не в этом

мире. Доктор не мог поверить, что столкнулся с делом рук прекрасной Дальчи.

На определенной территории произошел взрывной рост болезни, и тут же пошел на спад. Спасения от вируса ему пока найти не удалось, но мор уже терял свою летальность. Выжившие приобрели иммунитет, которым эльфы, судя по всему, обладали с рождения. Тихие шаги позади заставили Риманта вздрогнуть, он резко повернулся.

— Привет Доктор, ты как всегда там, где беда — поприветствовал глухой голос.

Приглядевшись Римант узнал Амадо, но что с ним случилось, воин постарел, лицо осунулось, а жуткие глаза горели внутренним огнем глядя прямо в душу лекаря.

— Должен же кто-то спасать жизни, не все рождены их отнимать — неприветливо ответил доктор.

— Все борешься со своей возлюбленной? — язвительно спросил Родриго.

— Это не она...

— Да ну, а кто тогда?

— Говорю же тебе, не она. Здесь, что-то совсем иное, с таким мы сталкивались во время войны с Ермитом — серьезно ответил Римант.

— Ермит?! Но там же использовали боевые вирусы?

— Вот именно...

— Здесь нет таких технологий. Нет науки. Они же просто дикари, даже эльфы.

— Уже не дикари. Кто-то научился копаться в ДНК, я так и не смог подобрать ключ к болезни, без лаборатории здесь не разобраться.

Неприятное гудение заставило их обернуться. В комнате возник силуэт девушки, он сгустился и к мужчинам вышла Дальчи.

— А вот и стервятники! — съязвил Амадо, вынимая меч. Броня едва успела закрыть человека, яркие искры упали на пол бедной деревенской хаты.

— Что ты делаешь! — закричал Римант, вставая между Амадо и Дальчи.

Девушка едва не пронзила доктора витой заколкой, с длинным волнистым зубом. Родриго не растерялся, легко обойдя доктора, он приставил к белоснежному горлу Дальчи клинок, и тихо спросил.

— Зачем?

— Что зачем? — спросил за девушку Римант.

Шлем сполз на затылок, глаза Амадо впились в небесно-голубые озера богини смерти. Заколка выпала из дрожащих рук девушки, теряя последние силы она пыталась сопротивляться.

— Остановись! — вскричал Римант закрывая собой Дальчи.

— Отойди Римант! Иначе я за себя не ручаюсь! — прошипел Родриго, приходя в бешенство.

— Она убила мою жену и ребенка, и я хочу знать зачем — цедил он, едва сдерживая дрожь ярости, с каждым звуком глаза человека становились все страшнее.

— О чем он говорит? — спросил доктор, заглядывая в лицо Дальчи.

Глаза девушки закатились, опасно оглянувшись Римант прикрыл возлюбленную.

— Не... знаю... — с трудом произнесла девушка и повисла на руках доктора.

— Стой!!! Стой!!! — закричал Римант, повернув к Амадо бледное лицо. — Ты заблуждаешься, она здесь не причем! Зачем ей твоя семья? Что решит смерть твоей эльфийки? Да и если бы она хотела, то давно бы помогла своим найти тебя. Так зачем ей убивать твою семью, когда твоя жизнь в ее руках?

— И как же она могла меня найти?

— Она знает о ключе, знаке, что висит у тебя на шее. Она чувствует твои передвижения. Дальчи приходила ко мне, когда ты прыгнул из Менантра. Ее испугало, что ты так неосторожно используешь могучий артефакт. Твой скачок могла заметить не только Дальчи, или андланды, но и Братья.

Амадо молча слушал, мысль о том, что в его версии действительно много пробелов раньше не посещала голову мужчины.

— Может ты прав — с расстановкой ответил он. — Но объясни мне, что она делала во дворце Маттейоса, когда его семью атаквали адепты Утнаты?

— Я приходила, за Танаис. Вины моих служителей в смерти твоей семьи нет — тихо проговорила Дальчи, приходя постепенно в себя. — Ты убил куда больше моих жрецов, обвинив их в убийствах, что они не совершали. Более жестокое существо, чем ты, найти сложно — ответила девушка, обдав Родриго холодом голубых глаз.

Амадо не выдержал ледяного взгляда девушки, полного презрения и отвращения, он развернулся всем телом и вышел из хаты.

Вечером пришло письмо императора с приказом вернуться в столицу. Вперив взгляд в горизонт, Амадо мчался в старый храм Утнаты, что спрятался в горах Кайсадера. Стальные ноги скакуна вышибали яркие искры из древнего камня горного серпантина. Приказ императора пришлось проигнорировать, впервые за много месяцев ему удалось напасть на след Королевы смерти. Римант показал ему на карте место, где прячется неуловимая властительница жизни. Дальчи не смогла отказать лекарю, после его бесстрашного заступничества.

Крутые подъемы остались позади, спереди раскинулось широкое плато, покрытое слепящим белизной снегом. На противоположном конце, под сильно выпирающим скальным выступом, что навис над равниной причудливо изогнутым клювом, притулилось источенное временем здание храма. Черный базальт, служивший материалом, слагавшим стены сакрального места, как никакой другой отвечал общему настроению места. Изумрудные пятна мхов, еще более оттеняли мрачность последнего прибежища той, что себя называла избранницей Утнаты.

Боясь упустить Королеву смерти, Родриго терпеливо ждал темноты, спрятавшись за утес, похожий на гигантский зуб.

Темнота спустилась неожиданно, накрыв непроницаемым покрывалом гору. Посыпал снег, пряча грязный камень под белым саваном. В здании храма зажглась одинокая звездочка, над плато разлился протяжный звон колокола, тоскливо призывая на службу. Мимо потянулись сотни адептов, люди шли к храму поднимаясь по серпантину, они точно не замечали всадника, одиноко стоящего в стороне. Амадо дождался конца процессии, и последовал за служителями Утнаты в распахнутые двери храма.

В зале пахло одуряющими благовониями, смешанными с неистребимым запахом тлена. Храм из далека казавшийся игрушечным, вблизи оказался огромным и судя по эрозии камня очень древним.

Шаги латных сапог гулко разнеслись по залу, отражаясь многогранным эхом, звуки гимна стихли. Адепты повернулись к вошедшему, понять кто из них, кто не представлялось возможным. Одинаковые халаты, и маски на лицах скрывали даже принадлежность к полу. Королевы нигде не было видно, алтарь венчала статуя Утнаты, в чаше у ее ног парила свежая

кровь. Сотни глаз напряженно следили за каждым движением чужака. Амадо вошел в ряды адептов и остановился у алтаря. Секунду он молча разглядывал статую, затем развернулся к служителям, и резким толчком ноги опрокинул чашу. Кровь багровым языком, лениво растеклась по полу, мгновенно впитываясь в белоснежные халаты адептов, что не успели отскочить в сторону. Родриго тем временем поднялся на постамент, под ноги идола, и крикнул.

— Хватит прятаться, лгунья!

Тишина, повисшая на несколько секунд, прервалась звонким смехом молодой женщины.

— Тебе не терпится умереть? Уходи прочь, пока я тебя отпускаю! — звук шел откуда-то из толпы, поэтому понять, кто говорил Амадо не мог.

— Меня смерть не пугает, а вот ты заигралась! Мне нужна твоя жизнь, но если ты будешь продолжать скрываться, то умрут твои адепты!

Он спустился в ряды верующих, вытаскивая клинок. Меч, превратился в копье, и прошел ближайшего адепта.

— Ты сам выбрал! — игриво проговорил женский голос.

Амадо развернулся на звук, но совершенно одинаковые адепты, не давали шанса определить источник.

О броню звякнул первый кинжал, затем удары посыпались со всех сторон, адепты навалились сразу всей массой, пытаясь повалить рыцаря. Но тяжелый доспех стоял как вкопанный, широкими ударами Родриго раскидал ближайших служителей. Тела, рассеченные пополам, отсеченные руки и ноги, чья-то голова откатилась к перевернутой чаше. У Амадо мелькнула мысль, что сегодня Утната получит более чем щедрое подношение.

Клинок со свистом описал полукруг, адепты окружили его, но оставались на расстоянии вытянутого древка, страхась подойти ближе. Откуда-то сбоку вынырнул сухой юноша, судя по тому, что облегал белый халат. Он ловко ткнул кривым клинком в кирасу Родриго, надеясь протолкнуть лезвие в щель между сочленениями доспеха, и тут же увернулся от ответного удара рыцаря. Тощий силуэт то подскакивал к нему, то исчезал в темноте храма, неизменно успевая нанести два, три удара. Амадо попытался нагнать врага, но скорость и ловкость остались за нападавшим. Нанося удары по разным уровням, враг, несколько раз грозил перерезать сухожилия на ногах Амадо, спасли латы. Из темноты, в шлем, с тихим звоном прилетело кольцо, от удара голова рыцаря откинулась назад. Тем временем сухой ткнул мечом в открытую шею, грозя если не пробить доспех, то сломать позвонки. Родриго оскользнулся, и едва не упал, неловко взмахнув мечом. Сухой опять появился из темноты, клинок стукнул о доспех и тело адепта ушло за спину рыцаря. Из рукояти, там, где размещалось навершие, прямо из металлической шишки вырос длинный, четырехгранный клинок, не поворачиваясь Амадо ткнул за спину. Сухой замер, только рука адепта, точно чужая продолжала наносить удары. Меч, мягко всхлипнув вырвался из тела щедро орошая кровью пол. Родриго развернулся, прокручиваясь вокруг оси и метя в то место, где должна была находиться голова адепта, но клинок вспорол пустоту. Сухой успел отскочить к толпе, испуганно расступившейся в стороны, белый халат, на глазах покрылся багровыми разводами.

Рыцарь шагнул к нему, но сухой согнулся пополам и упал на бок. Судя по частому дыханию служителя, ему остались минуты до встречи со столь любимой им богиней.

— Хватит прятаться! Пожалей своих людей! — прокричал Амадо оглядывая ряды

одинаковых фигур.

— Я... здесь... — прохрипел сухой.

Из раненного тела вырвался стон, Родриго подбежал к адепту, несколько человек преградили ему путь, взмах меча отшвырнул двоих, остальные не шелохнулись.

— Не надо... оставь их... Не препятствуйте ему... — простонал женский голос.

Амадо бросило в жар, расталкивая адептов он кинулся к телу, и сорвал маску с головы Королевы смерти.

— Странно, ты меня так и не узнал... — выдавила мучительную улыбку Танаис, струйка крови потекла из уголка ее губ.

Руки мужчины задрожали, глядя на холодеющее тело молодой женщины, он не видел королеву, перед ним лежала девочка, та, что он спас много лет назад из рук жестоких эльфов. Тогда он не смог пройти мимо, и спас ей жизнь, а теперь оборвал ее собственными руками.

— Да, что же это такое? — спросил он в растерянности. — Зачем?

— Я хотела... спасти мужа и сына... только так я могла... остановить князей предателей. Я почти справилась с ними... если бы ты ... — ее тело задрожало, дыхание стало прерывистым.

— Что же ты наделала девочка!

Амадо отпустил ее руку и попытался снять пояс, чтобы достать кальцер, она его остановила.

— Не надо... уже поздно... Родриго обними меня... как в детстве... — крупные слезы покатались по щекам девушки.

Склонившись, он притянул расслабленное тело к себе.

— Я тебя люблю... — прошептала она, Амадо отстранился и удивленно заглянул в лицо Танаис, но девушка уже умерла.

Стенания и плач наполнили храм. Люди падали на колени, кто-то кинулся к Родриго, стремясь нанести удар пока шлем не скрыл голову рыцаря. Не помня себя Амадо рубил, нападавших, неожиданно сильный удар отшвырнул его на одну из многочисленных колон, что укрепляли свод храма.

Вскочив, рыцарь огляделся, ища противника, что-то огромно надвигалось из сумрака, новый удар отшвырнул тело рыцаря к выходу. Высекая искры Амадо, старался зацепиться за плиты пола, но инерция неумолимо тащила его к раскрытым воротам. Каменная нога прижала рыцаря к полу, сверху выросла гигантская, безобразная харя, разевая зубастую пасть она исторгла вопль, в котором человек отчетливо разобрал.

— Убирайся вон из моего храма!!! Ты получил, что хотел!!! — рука чудовища легко оторвала его от пола, и швырнула в синее пятно прохода.

Вспарывая снежную белизну Родриго, долетел до скалы, и гулко ударившись о гранит, уперся спиной в гору. С трудом восстанавливая дыхание он поднялся на ноги, доспех изрядно помятый, скрипел восстанавливая исходную форму. Пошатываясь Амадо побрел к лошади, в голове звучали слова Риманта.

— Иди в Кайсальдеры, на Север, до плато Белого языка, там храм Утнаты. В нем и найдешь Королеву смерти. Но прежде подумай хорошенько, действительно ли ты этого хочешь! — теперь все встало на свои места, как всегда лживые андланды столкнули людей. Прекрасно зная о том, кто такая Королева смерти, Дальчи позволила ему убить Танаис. Чистая Дальчи сделала его руками, то, что не смогла во время покушения на Матейоса. Да

и Рима́нт хоро́ш, ве́дь наве́рняка зна́л пра́вду.

Гнев, отчаяние, невыносимая тоска рвали душу Родриго, он долго еще вдыхал холодный воздух стоя возле коня. Проклятие его преследовали всю жизнь, женщины, любившие его, гибли, одна за другой не оставляя надежды, на счастье.

— Где моя жена? — спросил Маттейос, в упор глядя на Амадо.

Вместо ответа Родриго, что-то поискал в кармане, и положил перед императором на столик. Маттейос побледнел, опустил глаза и на несколько минут замолчал. Кольцо Танаис тускло блеснуло, слегка качнувшись на ажурном столике.

— Как это случилось? — наконец спросил император.

— Я ее убил — спокойно ответил Амадо. — Королева смерти, это Танаис — пояснил он, встретив грозный взгляд императора.

— Я всегда этого боялся. Она так и не смогла перебороть гнев, что исковеркал ее детскую душу... Я так и знал... — начал и оборвал себя Маттейос.

Родриго молчал, испытывая отвращение к себе, и своей глупости.

— Она всегда почему-то хотела проверить себя в бою с тобой. Какая ирония. Ты стал ее последним противником. Она любила тебя, хоть и не понимала этого, а я давно понял... ревновал сначала, потом смирился, а что я мог с этим поделать... — слезы покатались из глаз императора, он быстро отвернулся, и махнул рукой чтобы Амадо уходил.

Вечером в комнату постучали, на пороге стояло несколько гоплитов, они вручили Амадо свиток, скрепленный императорской печатью. В письме Маттейос уведомлял Родриго, о том, что более не желает видеть его в пределах своего государства, и настоятельно рекомендует покинуть Протены. Имущество Маттейос обещал возместить деньгами, титула его лишали, и до особых распоряжений он объявлялся в бессрочном изгнании.

Прочитав письмо Амадо усмехнулся, и принял кошель, наполненный драгоценными камнями. Ему вновь предстояло скитаться, впереди лежала новая часть его бесконечной жизни.

Горделивый Феррочи мирно спал, когда Амадо постучал в двери особняка Эвелин. Час спустя женщина с сочувствием слушала рассказ старого друга. Хоть у нее и не сложились отношения с Лафной, она жалела гордую эльфийку. Судьба Танаис поразила женщину еще сильнее, они провели несколько вечеров в длинных беседах, и мертвая императрица показалась ей неординарным человеком. Смерть Танаис потрясла Родриго, но поиски продолжались. Оставалась надежда только на один источник, к которому он обратился бы лишь в крайнем случае, но теперь похоже наступил именно тот самый случай.

Зазвонил колокол, по улицам забегала стража, Амадо выглянул в окно, мимо пробежал возбужденный горожанин. Родриго окликнул бегущего, горожанин удивленно уставился на человека в окне.

— Что случилось? Почему такой переполох?

— Да, ограбили карлика-старьевщика, того, что возле казарм лавку держит. Вот и переполох. Говорят, эльфы — уточнил прохожий, с подозрением глядя на побледневшего Амадо.

В несколько минут, он оказался возле лавки «Чудеса и артефакты. Удивительное и не только». Протолкнуться через плотный круг зевак оказалось куда более тяжелой задачей,

чем пройти через кордон стражей. Крапор увидел его из далека, и попросил пропустить в лавку.

— Тебя ограбили? — с порога спросил Амадо.

— Как видишь — Крапор обвел рукой разоренную лавку.

Перевернутые столы, сломанные стеллажи, растоптанные артефакты, и порванные манускрипты, все свидетельствовало о совершенном разорении.

— А мой артефакт?! Он у тебя? Он цел? — с волнением спросил Родриго.

— Мне жаль. Но вынесли все ценное, в том числе и твою шкатулку...

— Кто? Может ты помнишь, как они выглядели?

— Нет! Нет! Нет! Меня связали, в рот вставили кляп. Да к тому же я спал, когда молодчики ворвались и ничего толком не мог разглядеть. Единственное, что помню, это эльфийский акцент, я почти уверен, это эльфы.

— Странно, но что они искали? Неужели позарились на твою коллекцию манускриптов? — недоумевал Амадо.

— Господин, нам надо здесь все осмотреть — жестко проговорил чопорный страж, оттесняя Родриго к выходу.

— Заходи попозже, я тебе все расскажу — крикнул вдогонку Крапор. — По крайней мере все, что запомнил — добавил он, уже тише.

Не дожидаясь вечера Амадо предпринял собственное расследование. Через Эвелин он смог добиться приема у Армина Карната. Старик приветливо поздоровался с навязчивым гостем, особое внимание уделив гостю, Эвелин отправилась вместе с Родриго в дом главнокомандующего. К удивлению, гостя, Армин сообщил, что в город действительно проникли эльфы, через старые копи. Туда же они, судя по всему, и ушли. Четверть часа спустя, Армин смотрел в след человеку, что скрылся в коридорах выработанных Железных копей. Карната подал знак, стальные створы сошлись, отрезая Феррочи от мрачного подземелья, стража вытянулась перед командующим.

Амадо знал эти шахты, и не тратя времени, пустился в погоню за грабителями. Подземная выработка ветвилась на двенадцать рукавов, как в свое время располагались залежи железа, так и прошли подземные коридоры. Только два из них вели в Эманоран. Шахты считались непроходимыми, одну почти двести лет назад завалило при землетрясении, а по второму пути ходить никто не рискнул-бы, там жило, что-то жуткое. Если разведчики пошли этим путем, то следует отметить их необычайную храбрость, или безумие.

К вечеру следующего дня он нагнал группу из четырех эльфов в землях Даноста, куда выходили шахты железных королей. Амадо ошибся, оценивая безумие эльфов, они пришли через земли торгашей.

Завидев человека, эльфы вступили в бой. Родриго уложил двоих, оставшихся ранил, и учинил допрос с пытками. Эльфы долго упирались, пока из отрывков информации не стало ясно, что их обвиняют совсем не в том, что они скрывают.

— Да не грабили мы Крапора! Мы что на идиотов похожи! Кто к нему полезет, он ведь под охраной, это все равно, что к королям в казну лезть. Да и что там брать?! Все, что насобирал старый скряга есть и у нас, мы разведчики, а не грабители! — возмутился эльф, перебарывая невыносимую боль. Второй молча кивал, подтверждая слова товарища.

Амадо поразился, как ему раньше эта мысль не пришла в голову. Вытащив кальцер, он залечил раны разведчиков и отпустил восвояси. Эльфы, не веря в случившееся, благодарили

человека. Родриго не слушая их, прыгнул в седло стального скакуна, и отправился в обратный путь.

Связанный карлик притих, и настороженно смотрел на Амадо. Человек сел напротив и глядя прямо в глаза спросил.

— Где мой артефакт?

Крапор покрутил глазами, затем улыбнулся.

— Да, о чем ты?! Не пойму? Мы же с тобой знакомы столько лет, а ты меня кулаком в морду.

— Правда твоя. Знакомы много лет. Сейчас я в сомнениях, не могу решить для себя. Ты либо мошенник и вор, либо негодяй, что намеренно подводит меня к смерти. Надо сказать, не первый раз — спокойно ответил Родриго и улыбнулся в ответ.

Приободренный улыбкой чужестранца Крапор ответил.

— Ну, ну так уж и к смерти? Что-то не припомню такого!

— Могила Сарназара, сведения о убийцах Лафны, теперь пропажа моей шкатулки. Мне продолжать? — спросил Амадо, впиваясь взглядом в мутноватые склеры Крапора.

В глазах торговца, что-то блеснуло, Амадо застыл, да сомнений не осталось.

— Стой да ты же андланд — изумился он. — Но почему я тебя сразу не распознал?

Крапор молча смотрел в глаза Родриго, впервые он почувствовал себя в ловушке.

— Кто ты? Откройся. Назови имя!

— Ха, ха, ха я не древний, мое имя тебе ничего не даст! — рассмеялся не своим голосом карлик.

— Тогда, чего ты боишься?

— У тебя сильный дар, но меня тебе не победить! — ответил андланд.

Глаза Крапора ярко засияли, воздух в помещении потрескивал от напряжения, глаза Амадо разгорались все сильнее, неожиданно внутри вспыхнуло пламя. Карлик попытался сдвинуться с места, но тщетно, и тогда он закричал, что есть силы, глаза человека пылая черным огнем, продолжали вытягивать жизнь из уродливого куари андланда. Крапор дернулся и рассыпался в прах, оседая крупными хлопьями на стул и ковер. По краю хлопьев пробежали искры, превращая их в седую пыль еще до того, как они успевали коснуться твердой поверхности.

В комнату вбежали стражи, выставив на Амадо острия алебард, они устали на пустой стул. Один из стражей с опаской подошел к горке пепла, и склонившись резюмировал.

— Сгорел! Полностью сгорел!

Скрутив Родриго стража поволокла убийцу уважаемого купца в комендатуру, а оттуда, арестованного отправили в башню. С рассветом пришел Армин, он расспросил подробно о произошедшем, но остался в недоумении, как Крапор мог сгореть дотла, даже не опалив сидевшего напротив убийцу.

Командующий ушел, и следом появились люди канцлера. При помощи стражи они попытались снять кольцо с арестованного, но жесткий отпор принудил их отступить за двери камеры. Своевременное появление Армина, остановило назревающее кровопролитие, маршал приказал оставить почетного пленника в покое. Немного погодя вернулся его капитан с приказом от королей, дававшим право Амадо вернуться в свой дом. Где ему рекомендовали оставаться до окончания расследования.

Ночь погрузила город в дремоту, пустые улицы наполнились влажным туманом, оседавшим крупными каплями на плаще. Пробраться в дом Крапора было не просто, но поиски внутри, заставили Амадо еще больше попотеть. Перевернутая вверх дном лавка, скрывала множество тайников, он перерыл весь дом, но так и не нашел свой артефакт. Потеряв всякую надежду, Родриго присел в углу и принялся размышлять куда бы он положил шкатулку, так, чтобы ее не нашли.

Яркий свет резанул глаза, шлем закрыл голову, прямо перед Амадо открылся проход. В комнату шагнул невысокий эльф, проход потух у него за спиной. Ночной посетитель остановился, прислушался. Затем, убедившись, что он один, бесшумно двинулся в противоположный от Родриго угол. Не шевелясь, человек наблюдал за происходящим. Эльф открыл потайной карман в ножке антикварного стола, и вынул артефакт. Наблюдая за действиями остроухого, Амадо убедился, что никогда бы сам не нашел шкатулку.

— Рад видеть тебя в добром здравии — негромко поприветствовал ночного гостя Родриго, но тихий голос произвел эффект взорвавшейся шутихи под ногами.

Эльф подпрыгнул на месте, и выронил шкатулку, наклонившись за ней, он получил мощный пинок под зад. Отлетев на кучу барахла, эльф, обвалив ее с грохотом на пол. Опомнившись, он кинулся на Амадо, тыкая в него коротким мечом, вовремя выставленный щит спас человека от неминуемой смерти. Клинок прошел сталь насквозь, едва не зацепив руку человека. Повернув щит, Родриго вырвал клинок из рук эльфа, вспышка света озарила помещение. Эльф нырнул в открывшийся проход. Прежде чем Амадо успел шагнуть следом, проход схлопнулся, оставив его в комнате, в которую уже вбегали стражники, рука человека коснулась знака.

Вспышка света рассеяла темноту мрачного города чумного короля, желтые глаза исковерканных созданий загорелись, выглядывая из-за углов. Мгновение замешательства сменилось общим ревом, все жители Нгеве кинулись к королевскому дворцу. Человек в масляно поблескивающих латах огляделся. Снова разгорелась вспышка, и монстры застыли на месте удивленно-разочарованно вглядываясь туда, где только, что стоял незванный гость.

Прекрасный мотив эльфийской песни, разливался по двору, заставляя рабов застыть в немом восхищении. Бросив работу, они внимали каждому звуку девичьего голоса. Ланаэль выводила грустную мелодию старинной эльфийской песни, расчесывая золотые кудри маленького мальчика, который неотрывно смотрел на мать в отражении эльфийского зеркала.

Воздух задрожал, на мгновение перед взором удивленной эльфийки возник Амадо, она продолжала петь, ребенок изумленно посмотрел на незнакомого человека, а рабы в испуге шарахнулись в стороны под защиту колонн портика.

— Папа?! — слетели с губ Ланаэль слова удивления.

Несколько секунд они смотрели друг на друга, а затем он также исчез, как и появился. Эйлайн только, что спустился во двор и увидел побледневшее лицо супруги.

— Что с тобой? Ты белая как полотно — спросил эльф.

— Я только, что видела отца — ответила девушка, удивленно глядя на супруга.

— Странно!

Монстры мрачной Нгеве, шарахнулись в стороны, забиваясь в щели и полуразрушенные дома. Около дворца стоял Инвент, горящие огнем глаза впились в непроглядную тьму

королевского дворца. Из его недр вышла сутулая тень, длинные волосы, скрадывающие лицо и силуэт существа, подметали пол. Она склонилась перед королем-скелетом, он коснулся ее головы, темно-фиолетовая вспышка и Инвент растворился, а скрытая волосами фигура, несуразно спотыкаясь и раскачиваясь в разные стороны снова вползла во мрак полуразрушенных врат дворца.

Рабы едва приступили к работе, во дворе появился новый незнакомец, он деловито прошел к месту, где совсем недавно выбросило Амадо, что-то посмотрел, и растворился в воздухе. Прислуга долго потом обсуждала его необычную внешность, карие птичьи глаза, грозные как у бога воителя, и особенно орлиный клюв, что украшал голову существа, который точно вынюхивал след. Выбежавший во двор Эйлайн, обеспокоенно расхаживал взад и вперед, раздумывая о причинах появления необычных гостей.

Вонь пожарища, смешанная со зловонием разлагающихся тел, ударила в нос. Застыв, рыцарь медленно повернулся, разглядывая окружающее его запустение. Город исчез, на его месте, скалились лишь остовы деревянных домов, да часть оборонительной стены, местами прерывала ровную линию горизонта великой степи.

Оскальзываясь на разложившихся останках, покрытых толстым слоем гари и пепла, Амадо пробирался среди руин. По остаткам башни он определил, где когда-то стоял дом воеводы, превращенный пожаром в выжженное пятно. Рядом валялись трупы убитых защитников города, оголенные черепа уставили пустые глазницы на чужака. Ограбленные тела погибших бросили прямо на разоренных улицах, предоставив их останки жадному воронью, слетевшему с не довольным карканьем с кучи тел при появлении человека. Постояв минуту на границе поля и руин, Родриго снова прикоснулся к знаку, но на этот раз он остался стоять на окраине разрушенного города. Покрутив знак в руках, рыцарь с недоумением вновь тронул ключ.

— Оставь! У тебя не получится вечно бежать! — раздался гнусавый голос позади, слишком сильный, чтобы принадлежать человеку.

Разворачиваясь Амадо, успел заметить, как в его сторону метнулось копье, с силой ударившее человека в грудь. Он упал на спину, броня выдержала сокрушительный удар, а щит вовремя подставленный под булаву спас человека от неминуемой смерти. Высекая искры, тяжелый пернач слетел с покатога щита, и прочертив в земле борозду, взметнул облако пепла и пыли, погрузив место боя в непроглядную хмарь.

Легкий меч человека, глухо ударил в костяную руку Инвента, не причинив вреда неживому. Скелет взялся двумя руками за стальной черен булавы и мощным ударом отшвырнул человека далеко за пределы поднятого им облака пыли. Кувыркнувшись через голову, человек вскочил на ноги, стараясь не упускать из виду облако перед собой. Из серой мглы выпрыгнул скелет, огромный пернач ударил в щит, рыцарь осел на колени, его клинок скользнул под руку врага, погрузившись в черное тело.

Скелет даже не заметил ранения, ударив древком булавы о щит человека он оттолкнул его в сторону, заставив оступиться. Машинально Амадо шагнул в сторону, и возле его стопы, взвился столб пепла, снова окутав все вокруг мглой. Случайность спасла человека, от упавшей сверху булавы.

Клинок постоянно соскальзывал с рук Инвента, костяная броня прочно защищала его конечности. Возвышаясь над рыцарем более чем на две головы, скелет схватил правой рукой его щит, и рывком притянул к себе. Левая рука чудовища отпустила булаву, ребристая чушка

воткнулась в землю. Узловатые пальцы Инвента намертво впились в горловину доспеха человека. Сжимаясь все сильнее, они с жутким скрежетом сминали металл, защищавший горло Амадо.

Человек поднял меч, и клинок, превратившийся в копьё, влетел в глазницу, тлевшую раскаленным улем. Кисть разжалась, скелет откатнулся, сильный толчок отшвырнул рыцаря на землю, Инвент застыл на несколько секунд.

Брат пошарил рукой в поисках оставленной булавы. Секунду спустя скелет нащупал оружие, звеня от натуги, пернач прошел в нескольких миллиметрах от тела Родриго. Он едва поднялся с земли, и потому успел отклониться немного назад, человека спасла хорошая реакция. Провожая глазами смертоносный металл, Амадо вырвал копьё из черепа, и тут же ткнул во вторую глазницу.

Пробирающий до дрожи вопль сотряс округу, пернач ударяя о землю в бессильной ярости искал обидчика. Из-за поднявшегося пепла Родриго ничего не видел, поэтому побежал, чтобы вырваться из облака.

Клубящаяся темнота осталась позади, Амадо остановился в тревожном ожидании, и прикрывшись щитом, искал глазами малейшие признаки движения в сером мареве перед собой. Стало тихо, пыль и пепел осели, показались глубокие борозды, оставленные Инвентом. Скелет исчез, лишь небольшая лужа горячей лавы багровела на сером фоне пепельной пустоши.

— Допрыгался! Братья, меня нашли. Но как они могут отслеживать мои передвижения? — размышлял Амадо наблюдая как доспех постепенно восстанавливает форму.

От степи донесся мерный топот, большого числа всадников. К руинам, приближалась чья-то конница. Прикрывшись щитом Родриго, прижался спиной к остаткам кирпичной стены, и выставив копьё напряженно ожидал появления очередных гостей. В прорехах разрушенной крепостной стены, показались всадники. В глаза бросалась пестрота их одеяний, и странные шапочки, свесившие острые верхушки вперед. Дорого расшитые золотой чешуей, кожаные штаны и куртки, отражая свет, блестели в лучах солнца.

Только сейчас Амадо обратил внимание, что до прихода всадников все в мертвом городе напоминало его родной мир, даже свет с трудом пробивал себе путь сквозь повисшую над руинами хмарь.

— Рыцарь опусти оружие! — властно прозвучал женский голос.

Родриго медленно опустил щит, и копьё, шлем исчез, обнажив расплывшееся в улыбке лицо.

— Липита!? — удивился Амадо.

Женщина подъехала к рыцарю, и объехав вокруг осмотрела со всех сторон.

— Что ты здесь делаешь? — сухо спросила амазонка.

— Хотел встретиться с местным воеводой, а нашел пепелище — развел руками Амадо, удрученно оглядывая остатки города.

— Орки.

— Орки? — недоумевая переспросил Родриго. — Не понимаю, как они смогли взять город? Они же пастухи, а не воины.

— Пастухи не пастухи, а город разрушен, и так до самой границы с полем. Урсум сокрушен, его города лежат в руинах, а жители либо мертвы, либо в рабстве — недовольно

морщась ответила Липита. За прошедшие годы она сильно изменилась, сетка из морщин легла на ее некогда гладкое лицо, жесткие складки возле губ красноречиво говорили о сильной воле степной воительницы. Впервые Амадо заметил сходство Липиты с ее матерью.

— Как Ментеселая? — спросил он скорее из вежливости, чем из любопытства.

— Она все еще королева — кратко отозвалась Липита. — Садись на коня, поедешь с нами — скомандовала женщина, указывая на лошадь, узду которой Амадо протянула девушка с суровым взглядом, под стать командиру.

В скудных беседах, сопровождавших краткий отдых, Амадо выяснил, что амазонки свернули к разрушенному городу, заметив клубы пыли, повисшие над пепелищем. Поначалу воинственные девы решили, что это мародеры пытаются чем-то поживиться на пожарище. Подъехав ближе, они услышали звуки битвы, а затем жуткий вопль, переполошивший привычных к звукам боя коней воительниц. Амазонки не проявили ни малейшего интереса к необычному рыцарю, только Липита украдкой кидала взгляды, отчего Родриго не мог решить, узнала она его, или нет.

Шли медленно, постоянно пропуская крупные отряды орков, и стараясь не вступать в бой. Ближе к степи, вдоль дорог, стали попадаться кучи человеческих останков, разбросанные группами по несколько десятков. Останки тысяч пленных, не сумевших добраться до степи. Орки убивали тех, кто не мог по тем или иным причинам продолжать путь. Несколько раз они проезжали мимо пепелищ деревянных городов. Села и деревни, лежавшие по дороге, также встречали частоколом не до конца обглоданных огнем бревен и белевшими, среди серости и черноты, костями погибших жителей.

Масштабы трагедии вырисовывались все более отчетливо, захватчики оставили после себя выжженное поле. Тягостное настроение повисло над отрядом, все ждали выхода на просторы приморской степи.

Перейдя границу, отряд столкнулся с орками, степняки небольшими группами утюжили поле. С тяжелыми боями амазонки пробивались к Наполю, высокие стены царского города надежно укрыли воительниц.

Встреча с Ментеселаяй оказалась еще более холодной, королева просто не обратила на Амадо никакого внимания. Удивленный мужчина решил, что его не узнали, но, когда девы направили стрелы ему в лицо и приказали проваливать, мысли о том, что его не узнали отпали.

За стены рыцаря не пустили, поэтому пришлось расположиться подле глубокого рва, вместе с остальными счастливыми мужского пола, что освободил отряд в ходе рейда. Беженцы его побаивались, и сторонились, многие видели чудесное появление брони Черного колдуна, как прозвали его люди.

Среди ночи раскрылись ворота города, мимо удивленных поселенцев проскакали несколько всадниц, подняв пыль они исчезли в степи.

Утром Амадо разбудил громкий клетот. Высоко в небе кружил десяток соколов, радуясь свободе, птицы то пикировали к земле, то стремительно уходили ввысь, а немного погода разлетелись в разные стороны.

Похоже война, амазонки разослали призыв по стойбищам и городам соплеменниц.

К вечеру горизонт задымился, а несколько часов спустя донеслись первые звуки тяжелой поступи пехоты орков. Двери Наполя отворились, женщины что-то кричали мужчинам, призывая их рукой. Люди кинулись к вратам, создавая давку в узком проходе,

несколько мужиков получили по шам, за особо безобразное поведение. Над головой просвистели первые стрелы, пролетев по дуге куда-то назад.

Амадо остался за рвом, в поле, рыцарь спокойно наблюдал, как на него несется огромный волк, с мощным орком в седле. Копье отлетело от щита, зверь перемахнул Родриго, мимо пронесли еще волки, подгоняемые гиканьем всадников. Ворота с грохотом сомкнулись, перекрывая путь. Амазонки на крепостных стенах открыли огонь. С жутким свистом стрелы впивались в тела животных, и опрокидывали всадников. Всего этого хаоса Родриго уже не видел, он методично уничтожал налетавших со всех сторон врагов.

Звук рога огласил равнину, и орки также стремительно откатились от стен города, как и появились.

Тяжело дыша, Амадо огляделся вокруг, возле стен города лежали десятки волчьих туш, тут же стонали недобитые орки. Стрелы амазонок безжалостно обрывали любые попытки спастись. В пылу битвы у Родриго не хватило времени разглядеть врагов внимательно, только теперь он увидел, что орки значительно продвинулись в воинском искусстве. Перед ним лежали не дикари с каменными копьями, и топорами, а облаченные в чешуйчатую броню воины, с прекрасно выполненными стальными мечами, и копьями подозрительно знакомого вида. Наклонившись к одному из павших, рыцарь поднял клинок, сомнения отпали в его руках лежал меч эльфийской работы.

— Что за ерунда?! — изумился Амадо.

— Эльфы! — прозвучал совсем близко хрипловатый голос Липиты, заставив вздрогнуть от неожиданности.

Мужчина не слышал, как она подошла, непривычно смотрелось ее стройное тело, без лошади. Амадо отметил, что Липита неплохо сохранилась. Протянув руку, она положила ладонь ему на плечо, и проговорила.

— Не бойся, я тебя не обижу — улыбка осветила суровое лицо воительницы.

Амадо глупо улыбнулся в ответ, не зная, что ответить.

— Все-таки узнала! А то я уже засомневался... — неловко начал он.

— Конечно узнала, и не только я, но и моя матушка. Так, что впустить тебя в город я не могу, но за помощь спасибо. А теперь уходи, скоро Наполь осадят, и тебе придется столкнуться с целой армией степных воинов. Поверь то, что ты видел не самое страшное. У орков есть и по серьезнее...

Липита не успела договорить, над их головами пронесся огромный горящий шар, с оглушающим ревом приближающийся к высоким стенам Наполя. Липита подбежала к лошади и вскочив в седло, сорвалась с места.

— Уходи отсюда, оставь эту войну нам — прокричала воительница на скаку.

Река огня потекла вниз по стенам, пропитывая все поры и щели, выжигая даже камень. Над головой заревели новые снаряды, перед Амадо вырос стальной скакун, и спустя мгновение конь резво понес хозяина следом за амазонкой.

Оказавшись с другой стороны города Родриго обнаружил, закрывающиеся за Липитой Северные ворота, все пространство до горизонта занимало колышущееся море армии орков. Рыцарь повернул коня, и устремился в направлении метательных машин, их охраняли отборные латники, вооруженные длинными копьями. Конь прорвал первую линию копейщиков, вторая линия склонила жала копий в сторону мчащегося рыцаря. Опытные орки сохраняли спокойствие рассчитывая, что конь, увидев препятствие остановиться, но к удивлению степняков, стальной скакун с размаху влетел в ряды, ломая копья, и топча

воинов.

Тараном прошел Амадо, сквозь строй орков, заставив зеленых разбежаться в страхе. Резко развернув скакуна, рыцарь налетел на обслугу одной из машин, не прошло и двадцати минут как он разогнал воинов, стрелявших из метательных машин. Головня полетела в бочки с горючей смесью, огромный орк в вычурной броне, не успел прокричат до конца команду, волна отшвырнула его к стенам Наполя. Страшный взрыв разметал линию машин, расплескав горючую жидкость по округе.

Орки метались по степи словно слепые, сдирая с себя броню, вместе с плотью, от тяжелого топота тысяч ног задрожала степь.

К месту взрыва спешила тяжелая конница орков, восседающая на жутких свиноподобных тварях, с огромными клыками. Жаркое пламя остановило их далеко от источника огня, они наблюдали как из огненного кошмара на них движется черный всадник на стальной лошади.

Малодушные подались назад, но окрик здоровенного орка с шлемом, увенчанным клыками жутких тварей, что живут в сердце Великой степи, заставили воинов собраться в полукруг. Орки двинулись к Амадо, забирая рыцаря в кольцо. Не желая сталкиваться с таким мощным противником, человек вновь нырнул в пламя. Разочарованно вскрикнув, орки осадили тварей, служивших им скакунами, и откатились назад, стремясь уйти как можно дальше от нестерпимого жара.

Вынырнув из сплошной стены огня, рыцарь вихрем пронесся через ряды перепуганных насмерть орков, сея вокруг себя смерть. Его пытались преследовать, но вскоре отступились, за машиной человека никто не мог угнаться, а впереди лежала бескрайняя степь.

К вечеру он достиг стойбища орков, и не останавливаясь пронесся мимо, сметая все, что осмелилось встать у него на пути. Доспех сильно износился и требовал починки, пришлось остановиться и дать время металлу вернуть прежний вид. Конь также пострадал, левая, задняя нога плохо гнулась, отчего он странно подскакивал при движении. Пришлось вспомнить уроки механики и потратить немало времени на ремонт, благо сфера в очередной раз выручила.

Оторвав глаза от деталей механического скакуна, Амадо заметил облако пыли, повисшее над горизонтом. Он коснулся земли, степь дрожала, сбоку показалась еще одна полоска пыли, на него что-то надвигалось. Поле выплеснуло с бескрайних просторов, очередную орду.

Оглушающий топот тысяч коней, не оставлял сомнений, на Амадо двигалась армия людей. Чуть позже стали видны специфические шлемы, и яркие шапочки. — Амазонки! Он и представить не мог, что их так много. К нему подъехала одна из девушек, и склонившись весело крикнула.

— Рыцарь, идем с нами!

Остальные всадницы оставались на почтительном расстоянии, с любопытством разглядывая его коня. Воительницы громко обсуждали удивительного скакуна.

— Даже не знаю, как и поступить! Липита меня прогнала! — ответил он девушке, узнав ту, что поделилась с ним лошадью, в землях Урсума.

— А ты попробуй еще раз! Женщины любят настойчивых! Да и робость тебе не к лицу — насмешливо проговорила девушка.

— Кто ты?

— Авдалея, я старшая над эклеотками!

— Совсем еще дети, что ж похоже дела и впрямь плохи, раз столь юные девушки идут в бой — подумал он, но в ответ лишь улыбнулся приветливой девушке.

Путь до Наполя показался много короче, кони словно летели, подгоняемые бесстрашными наездницами. Воительницы стремились успеть к началу штурма столицы. К исходу второго дня со стены Наполя увидели, как запылил горизонт. Орки тоже видели, что к ним приближается армия воительниц.

Кровавый закат, сменился ночным мраком, который скрыл враждующие стороны. С наступлением ночи орки пошли на приступ столицы. Тараны ломали окованные медью ворота, Южные устояли, а Северные пали. Волна степняков вливалась в образовавшуюся брешь, оказываясь между первой и второй стеной города. Теряя каждую минуту десятки воинов, они продолжали штурмовать неприступные стены. Под натиском, обитого металлом тарана, пали внутренние ворота с северной стороны.

Шум боя привлек амазонок, пришедших из степей. Девы окружили армию степняков, завыли стрелы, волки металась по полю выхватывая воительниц вместе с лошадьми, пехота, прижатая ко рву, оскалилась лесом копий. Ответная стрельба выбила из седел немало воительниц, кони заходили кругами. Стрелы орков тут же потеряли в точности, пролетая мимо, пернатые убийцы осыпали землю, не успевая за движущейся массой всадниц.

Вошедшие в город орки, не имея поддержки снаружи, быстро потеряли инициативу и побежали. Следом побросав тараны и лестницы, откатились степняки штурмовавшие стены. Предрассветные сумерки четко выделяли темное кольцо засыпанного рва, что служил границей, по которой выстроилась армия орков. Позади, со стен, вновь посыпались стрелы, защитницы Наполя вернулись на оставленные врагом рубежи. Обезумевшие орки кинулись на наездниц, пришедших с поля, в последней, отчаянной попытке вырваться из ловушки.

Ряды тяжелой пехоты разошлись, в прорехи, с рычанием вырвались гигантские волки. Оскалив длинные клыки, звери мчались на воительниц, не обращая внимания на тучи стрел, осыпавших их сторону. Воя от полученных ран, волки достигли конной массы, и принялись терзать лошадей. Завязалась рукопашная схватка. Лошади отбивались, громко фырка и брыкаясь. Амазонки потеряли инициативу, оставаясь без скакунов воительницы погибали от тяжелых сабель облаченных в броню орков-наездников. Выехав на линию соприкосновения войск, Амадо пустил коня вперед, рассекая враждующие стороны. В его доспех летели стрелы и копья, стучали мечи и булавы орков, но стремительный натиск стального коня, вынуждал степняков откатываться обратно к стене. Где их встречали меткие выстрелы амазонок, засевших в неприступной твердыне.

Отлетела чья-то рука с зажатым в кулаке клинком, голова покатила, сверкнули волчьи зубы, визг и хриплый рык, умирающего зверя затухал далеко позади. Рука ныла от бесконечных ударов и уколов. Вскоре Родриго понял, что его атака бесполезна, ему не удалось пробиться через линию соприкосновения войск. Он ворвался в самую гущу битвы, встречая сотни ударов, и рискуя потерять защиту, поскольку повреждения на броне накапливались и в любой момент она могла свернуться.

Рассвет тонкой полоской окрасил горизонт, темнота окончательно рассеялась, открыв весь ужас произошедшего побоища. Орки дрогнули, зажатые между двух армий, они продолжали сопротивляться, но все больше степняков бросало оружие и падало ниц, стремясь таким образом спасти свою жизнь. Но неумолимые воительницы никого не щадили.

Окруженный дюжиной всадников-орков, Амадо продолжал бой, пока семеро оставшихся в живых не побежали в поле. Отвлекая на себя самых выдающихся воинов врага, он спас не одну жизнь, и, если бы не доспех, то наверняка пал бы в этой битве. Стрелы амазонок настигли сбежавших от Амадо всадников-орков. Тяжелая броня хорошо защищала от попаданий, но меткие выстрелы находили щели между массивными щитками орочьего доспеха. К Родриго подъехала Авдалея, девушка часто дышала, ее глаза блестели из-под низко надвинутого шлема.

— А ты и правда храбрый — крикнула она. — Твой конь из железа, но как настоящий. Без такого товарища в бою не устоять — добавила она, разглядывая в восхищении стального скакуна.

— Это механизм — ответил Амадо, но девушка его уже не слышала, развернув лошадь она помчалась к разбитым воротам города.

Отдуваясь Родриго, отер пот со лба, конь вновь требовал ремонта, а броня, испещренная следами многочисленных ударов, отдыха. Утомленный длительной битвой он сел прямо на землю, оглядывая пустым взглядом поле, усыпанное телами павших врагов. Не было ни радостных победных песен, ни смеха, усталость валила с ног. Воительницы, сбиваясь в небольшие группки, разводили костры, и тихо переговариваясь перевязывали раны, либо умывались. Легкий ветерок принес аромат варенного мяса.

После полудня амазонки вышли в поле. Девушки методично добивали выживших, попутно обирая все железо и ценности степняков. К вечеру появились пришлые мужчины, под неусыпным наблюдением амазонок они оттаскивали тела в поле, подальше от города.

Вечерняя серость опустилась на степь, остановив непрерывное движение под стенами Наполя. Амадо целый день провозился с лошадьё, и теперь отдыхал, расположившись подле брошенной кибитки орков. Сон постепенно сковал тело, сознание погасло, человек наслаждался покоем. Рядом что-то звякнуло, Амадо резко повернулся на звук, и встретил испуганный взгляд молодого орка, ползком, выбравшегося из самого сердца вражеского лагеря. Судя по всему, зеленый притворился мертвым, и по какой-то случайности не попал под безжалостные клинки воительниц. С наступлением темноты орк решил спастись. Несколько секунд Родриго смотрел на бедолагу, решая, как поступить. В голове промелькнули разные мысли. Жалость и ненависть к этому роду, смешались в его душе, но все быстро улетучилось, когда он вновь взглянул в глаза затравленного существа, ждущего своей участи. Амадо отвернулся, трава зашуршала у него за спиной, где-то заржали лошади, и вскоре над полем брани вновь повисла тишина.

Огромная яма быстро заполнилась телами, разлагающихся на жарком солнце орков. Неподалеку, в степи, вырос гигантский курган, где совсем недавно провели прощальную тризну, по воительницам, что сложили головы в бою. Копали и таскали трупы освобожденные пленные, которых орки привели к Наполю. Тысячи пленных пришли с кибитками, следом за основным войском. Урсумцы послужили живым щитом для зеленых, во время штурма Наполя. Видя огромную массу людей, копошащихся возле ямы, Амадо все ярче осознавал, масштабы трагедии, постигшей Урсум.

Женщины, дети, мужчины, все оборванные, истощенные, большая часть из них, вскоре погибнет от голода и болезней. Не хватало воды и еды. Требовалось срочно выводить народ из степей, но куда? На родные пепелища? Время торопило, лето пошло на вторую половину, и скоро должна прийти осень, с ее слякотью, и грязью, а затем чистая, белоснежная зима-убийца.

Тяжелый разговор с Ментеселаей, не принес никаких результатов, царица отказалась принимать какое-либо участие в судьбе освобожденных.

— Мне и так стоило немалой крови их спасение! — гневно отвечала она на обвинения в жестокости. — Да и с чего-бы! Помниться в прежние времена Урсум не раз отказывал нам в помощи, говоря, что дела степи его не касаются. Так почему мы теперь должны, отрывать от себя, чтобы помочь этим глупцам, потерявшим свою землю из-за легкомыслия и гордости.

— Потому, что орки не повержены! Выиграна битва, но не война, и завтра вам понадобятся союзники. Если погибнет Урсум вместо союзных воинов, вы получите лишь вой

ветра в разрушенных городах соседа — ответил Амадо, рискуя, навлечь на себя гнев престарелой воительницы.

Женщина поднялась со своего трона и подошла к нему в плотную, глядя прямо в глаза, пронзительным, умным взглядом.

— А ты изменился Амадо! Твой взгляд поистине страшен. Я думала байки, но сама вижу, так оно и есть. Кто ты? Что ты за существо? Зачем рыщешь среди живых? Сталкиваешь нас, обманом принуждая делать, то, что хочется тебе! Да, да я вижу твои козни! Меня тебе не провести. После твоего последнего визита, я зарекалась более не пускать тебя в наши города и стойбища, злокозненный интриган. И сейчас я в сомнениях как с тобой поступить — женщина вернулась в свое уютное кресло, и задумчиво опустила голову, словно прислушиваясь к чему-то внутри себя.

— Мнтеселая ты ищешь врагов, там, где их нет — дерзко ответил Амадо, стараясь при этом сохранять дружеский тон.

Женщина резко вскинула голову, охрана вынула мечи, а сбоку натужно хрустнул лук. Взгляд Родриго оставался прикован к глазам правительницы, несколько секунд они молча смотрели друг на друга, затем Ментеселая подняла руку и мечи вернулись в ножны.

— Ты нам не друг, но в твоих словах есть правда, поэтому я дам освобожденным немного продовольствия, и лошадей, также с вами пойдет наш отряд, для защиты. Мы вас проведем до границы, а потом вы сами. И если в вас есть хоть капля чести, в следующий раз вы не оставите наш призыв без ответа — говорила царица, обращаясь к делегации освобожденных Урсумцев, стоявших со склоненными головами.

Юноша с горящими глазами, смело подошел к степной королеве и встав на колено проговорил.

— Царица прекрасных дев воительниц, я Рабор Хоробр внук воеводы Малвея Хоробра, клянусь тебе своим потомством, мы никогда не забудем твоей доброты! Прими мою клятву в вечной дружбе! — выпалил парень, испуганно сглатывая, и косясь на клинок, упершийся в его горло.

Царица макнула палец в кровь, выступившую на шее юноши, в том месте, где в нее уперся клинок телохранительницы, и улыбаясь, протянула ему перстень, снятый с пальца, юноша хотел взять подарок, но она убрала кольцо в сторону.

— Твоя кровь, теперь скрепляет твою же клятву, а мой подарок служит тому подтверждением и печатью — с этими словами Ментеселая провела окровавленным пальцем по ярко оранжевому камню перстня. — Мое кольцо с солнечным камнем, свидетель твоих слов, нарушишь, и мой гнев падет на твой народ — женщина вручила перстень юноше, и положив ему руку на плечо, отстранила от себя, заглядывая в его открытые глаза.

— Ты честный, и еще чистый, если хочешь таким оставаться откажись от помощи этого человека, если это вообще человек — она указала на Амадо. — Он сеет интриги и вражду, умножая печаль и скорбь, сторонись его и возможно тебя минует участь твоего деда и матери, столь опрометчиво доверившихся чужеземцу.

Юноша взглянул на Амадо, отстраненно и холодно. Поблагодарив царицу Рабор, удалился из зала вместе со всей делегацией урсумцев.

Махнув головой в сторону, где только, что стоял Рабор, Ментеселая язвительно проговорила.

— Твой! Красивый — добавила она задумчиво.

Затем кивнула головой давая понять, что Родриго пора покинуть, ее дворец.

— Да, Амадо, если ты еще раз появишься в пределах моего царства, я прикажу тебя убить! — сказала она, и дружелюбно улыбнулась, изумленному рыцарю.

Расхаживая взад и вперед, Рибигуд мучительно размышлял. Природная жадность вопила, где-то на задворках разума, требуя принять предложение этого необычного, но полезного человека. Природная же осторожность и опыт, противились жгущему разум родовому признаку всех гномов.

— Что тут сложного? — удивился Амадо. — Ты получаешь прибыль в чистом виде, теряя лишь незначительную часть своего состояния.

— А риски, а если это спровоцирует Карамант, про Кейста вон какие слухи ходят, аж мороз по коже! — при этих словах плечи Рибигуда передернуло.

— Ну давай еще раз пройдемся, по пунктам! — терпеливо проговорил Родриго. — Ты получаешь в перспективе мощного союзника...

— В том-то и дело, что в перспективе, а мне союзник нужен уже сейчас. Со дня на день Кейст начнет свое наступление, а ты мне про перспективы! — раздраженно откликнулся король Иргамы.

— К тому же ты получаешь, прекрасную возможность наладить монопольную торговлю ценными мехами с королевствами Востока, да и эльфы не откажутся от такого предмета роскоши, не говоря уже о королях Железной долины. Баснословные барыши, а ты медлишь, в то время как мимо проходит такая сделка.

— Ой, да хватит меня соблазнять, и так тошно... А, ты подумал, как переправлять все, что требуется твоим Урсумцам. Дорог нет, а морем только до степи, а там орки.

— Это я возьму на себя. Дорога будет, и такая, что ее никто не найдет, да и вам по таким путям привычнее передвигаться.

— Это ты, о чем? — заломив густую бровь спросил Рибигуд.

— Копи Перта! Там они подходят к самому краю владений Урсума, надо лишь пробить проход и обустроить тракт.

— Да ты себе представляешь в какие деньги это выльется? Нет определенно, ты зря ел хлеб при Инане, не удивительно, что все так закончилось — покачал головой Рибигуд.

— Твои расходы с лихвой покроет монополия — спокойно ответил Амадо, игнорируя язвительные выпады короля гномов.

Несколько мучительно томительных часов, Рибигуд размышлял, пока наконец согласился, потребовав еще в придачу от Родриго личной клятвы его короне.

— Клятву я дать могу, если тебя Рибигуд не смущает, что я уже на службе у Железной короны.

— Да, мне все равно, ты профессиональный предатель, поэтому все равно... — он немного помолчал, а затем добавил. — Но очень уж полезный предатель, поэтому мне все равно, кого ты предал, главное, чтобы не меня.

Старый скряга посчитал все риски, и прикинув в голове прибыль, решил, что новый вассал никуда не денется, если хочет длительных торговых отношений с Урсумом. Уж очень за урсумцев просил, что-то здесь не так.

Посольство Иргамы наконец добралось до крепостей Урсума, построенных по берегам реки Нерчи. Одну назвали Нерча, вторую Малвеей, Рабор не принял Амадо, сославшись на занятость. Пришлось вести переговоры с вертким стариком Лукьяном Комолым. Несмотря

на свое прозвище Лукьян оказался еще тем дельцом, и в короткий срок сумел добиться от гномов значительных уступок в цене на продовольствие.

Переговоры прошли удачно, заключенная сделка принесла свои плоды уже через полгода, сохранив жизнь одним и обогатив других.

Так и не сумев добиться личной встречи с князем, Амадо покинул Малвеи. В воротах замка, он столкнулся с кавалькадой степных воительниц во главе с веселой Авдалеей.

Девушка приветливо улыбнулась рыцарю, и поравнявшись бросила.

— Что старый волк ищет в нашем телятнике?

— Я уже уезжаю, а что тебя сюда привело?

— Решила остаться с Рабором. Ему сейчас нужны опытные воины. Их дружина погибла с царем Сужем, в битве на Желтых нивах.

— Неужели Ментеселая сменила гнев на милость? Это странно. После того, что я видел в Наполе — удивился Амадо.

Девушка хитро улыбнулась и отъехала в сторону, пропуская спутниц, рыцарь вынуждено проехал вперед, стараясь держаться подальше от лошадей амазонок. Степные скакуны боялись его коня. Авдалея помахала ему рукой в знак прощания, и направилась к ожидавшему ее во дворе князю. Взгляды отца и сына на мгновение пересеклись, кто-то тронул Амадо за локоть.

— Господин нам пора! — сурово проговорил дружинник Нивар Сумрачный, приставленный к гостю, чтобы проводить его до границ княжества.

— Что? — удивленно спросил Амадо.

— Гномы ждут — мрачно проговорил седоусый воин.

Степь отогревалась, пользуясь последними теплыми деньками. Погруженный в созерцание Родриго, отпустил коня и неспешно следовал в направлении колонии Миата, на берегу Урсумского моря. Из задумчивости его вырвал топот множества лошадиных ног, вытащив меч, путник огляделся. Огромной массой шла лавина амазонок, от конной лавы отделилась небольшая группа всадниц и направилась к Амадо. Вскоре он смог различить знамена Ментеселай, не приближаясь всадницы окружили его.

— А вот и Амадо! Что ж, там, где интриги всегда готовы прийти на помощь чужестранец — криво улыбаясь крикнула царица.

— Что случилось уважаемая Ментеселая?! Чем вызван ваш поход?! Уж не моей ли скромной персоной?!

— Не льсти себе! Ты свое получишь! Для этого армия вовсе не нужна!

В Амадо посыпались стрелы, от неожиданности он едва не выпал из седла, развернув скакуна он попытался уйти, пользуясь более высокой скоростью своей лошади.

Но тугие петли арканов спеленали его тело, и с силой вырвали из седла. Меч остался, где — то позади, щит прикрыв грудь и голову закрыл обзор. Кто-то с силой рванул щит, на секунду показались лица женщин, склонившихся над ним. Затем перед глазами завертелось, его крутили, все сильнее пленая. В итоге лицо уперлось в зелень молодого ковыля, пробивавшего себе путь через бурые остатки летнего степного ковра. Немного погодя его перевернули, над головой синело бескрайнее небо. Амадо перевел дух, синеву закрыла громада лошади, сверху прозвучал голос Ментеселай. Искривленные яростью черты еще красивого лица, уже немолодой женщины, удивили Родриго, он никак не мог взять в толк, чем вызвана ненависть царицы.

— Как ты посмел, увести от нас Авдалею? Ты уничтожил ее будущее, а теперь еще решил и отнять у нее ее народ? А о Раборе ты подумал? Ведь мне теперь придется уничтожить его народ! Он нарушил принесенную мне клятву! Он предал меня!!! — кричала в ярости Ментеселая.

Шлем сполз с головы, Амадо глупо моргая глазами улыбнулся, он наконец начал понимать, что происходит.

— Ты зря улыбаешься! Мы тебя вытащим из твоей железной скорлупы! Я обещаю тебе, и в этот раз ты заплатишь за все, что сделал! — взорвалась воительница.

— Прости Ментеселая, что ввел тебя в заблуждение, но могу ли я сказать? — непривычно учтиво поинтересовался Амадо.

— Мне не о чем с тобой говорить! — отрезала Ментеселая. — Кузнеца сюда!!!

— Мама, постой! Дай ему сказать! Может мы ошибаемся — неожиданно вмешалась Липита.

— Чтобы он опять выкрутился, солгав в очередной раз, и затуманив тебе голову! — выпалила царица.

— Может он не причем! Мы можем ошибаться!

— Ошибаться! Только не с ним. Этот пройдоха, погубил жизнь твоей дочери, а ты его оправдываешь?! — укоризненно произнесла Ментеселая, и отвернулась. Царица переводила дух, вперив взгляд в горизонт.

— Ладно, говори! — смилостивилась воительница, после долгой паузы.

Сглотнув слюну, чтобы смочить пересохшее горло, Амадо произнес.

— Многомудрая Менеселая, ты ошибаешься. Я тут ни причем. Меня не было в Урсуме все последние недели. Я прибыл в королевство Рабора в составе торговой миссии гномов, пять дней назад, а вчера я уже отъехал от врат Рибигуда. Поверь, я никак не мог повлиять на решения Авдалеи.

Ментеселая молчала, ожидая продолжения лживых речей чужеземного негодяя.

— Я действительно встретил Авдалею в замке, но она мне сказала, что решила остаться, чтобы помочь Рабору. Как мне стало известно, там назревает война между княжествами бывшего Урсума.

— Хватит лгать!!! Ты прекрасно знаешь, что она вышла за него, и отказалась от титула хатанаи!!! Она потеряла связь со своим народом, и свое право владеть Великой степью. Я не верю тебе!

— Ничего не понимаю — искренне удивился Амадо. — Зачем, по-твоему, мне это нужно?

На минуту повисло молчание, Ментеселая увидела, что Амадо не лжет. Она опустила глаза, затем смущенно посмотрела на Липиту.

Лошадь отошла в сторону, голубое небо вновь отрылось. Яркий свет ударил в глаза Родриго, заставив зажмурить глаза. Немного погодя путы ослабли, и тело обрело свободу.

Он сел, подъехала Липита.

— Уезжай отсюда — сказал она, глядя на него глазами уставшей женщины.

— Почему вы меня считаете врагом? Мы же когда-то любили друг друга! Что случилось? Чем я заслужил такое отношение? — опасно глядя на разъезжающихся в стороны амазонок, спросил Амадо.

— Авдалея твоя дочь! — ответила Липита, вглядываясь в Родриго.

Открыв рот, он молчал, затем судорожно сглотнув спросил.

— Почему...?

— Потому, что ты отец.

— Нет, почему вы ее не остановили?

— Она не спрашивала — с грустной улыбкой ответила Липита.

— Она лишила себя права наследовать знамя, и не сможет теперь стать королевой.

Никогда — с болью в голосе ответила Липита, едва удерживая набежавшую слезу.

— Но почему? — изумился Амадо.

— Эмпарии не одобряют этот брак, он нарушает традиции...

— А при чем здесь Эмпарии, что могут решать эти старухи? — возмутился Родриго.

— Они хранительницы знаний предков, и только им позволено присутствовать на

Оналгане, потому эти старухи могут все.

— Я думал удел отставных воительниц, трактовать закон, а не выносить решения.

— Они и трактуют, а решения вынес Парий, спорить с амазонками никто не решиться.

— Общий совет решил, что нарушена традиция? — удивился Амадо.

— Авдалея отреклась от Думилы, и заключила брак с инородцем, ей нет места в нашем племени. Такова традиция — раздраженно ответила Липита.

— Мне многих трудов стоило скрыть, что она рождена от чужака...

— Но вы же рождаете от иноплеменников? Я же сам не раз видел.

— Эти дети не претендуют на трон. Царица должна иметь чистую родословную. Ее отец должен происходить из старинного рода степных царей. Наши мужчины...

— Я думал это миф. Никто, никогда не видел, ваших мужчин.

— Они в Тафале.

— Город, которому десять тысяч лет? Это же миф?

— Повторяю тебе, это не легенды. Город существует. Как существуют и степные цари.

Думаешь мы живем только грабежом и войной?

— Если честно — Амадо не решился закончить, Липита покачала головой.

— Каждый год из степей приходят огромные табуны лошадей и стада овец. Их ведут амазонки, что живут летом в стойбищах. Там они от своих мужей зачинают детей, там они рожают, там же оставляют мальчиков. Ты когда-нибудь видел среди воительниц малых детей?

— Нет. Но я думал, что вы убиваете мальчишек.

— Да, и готовим из них священную похлебку. Как можно верить в такую чушь? — возмутилась Липита. — Мы же не животные.

— Прости, я лишь повторяю нелепые слухи, что ходят среди ваших соседей. Почему ваши мужчины бросили вас? Ведь орки напирают из глубин степи.

— Орки не из степи, они кочуют по краю. Их родина горный край Адана, и они как раз звери.

— Ладно, но ваши мужья?

— Они не могут прийти. Великая степь уже восемь веков ведет войну с самым жестоким врагом. Потому окраины остались нам, наши мужья нас спрятали за своими спинами — Липита посмотрела в сторону бескрайнего поля.

— Я думал орки ваш главный враг — удивленно проговорил Амадо.

— Орки? Они одни из многих, кто пришел в степь. Скимы, вот те, кого действительно стоит бояться.

— Никогда не слышал. Кто они? — Родриго с интересом посмотрел на амазонку.

— Кочевники, как и мы, только не настоящие.

— Что значит не настоящие? — Амадо вернулся в седло, и теперь мог заглянуть в испуганные глаза Липиты.

Женщина оглянулась на мать, Ментеселая терпеливо ждала пока они закончат свой разговор. Амазонки держались на почтительном расстоянии от них, потому суть беседы осталась для них тайной.

— Когда-то они жили в больших городах и сеяли хлеб, по крайней мере так говорят их легенды. А потом бог Скимов привел их в наши степи, пообещав им эти края. Уже восемь веков мы пытаемся остановить захватчиков, но с каждым поколением Тафал теряем все больше земли. У них мало женщин, потому они крадут наших, и только здесь мы в безопасности — они двинулись в путь, окруженные всадницами.

— Впервые слышу, чтоб амазонки кого-то боялись.

— Мы не боимся, просто враг слишком силен. Скимов очень много, они не хуже нас держатся в седле и стреляют из лука, у них есть прочное железо и умелые кузнецы. Но самое главное, они любят войну.

— Вы тоже ее любите.

— Нет, мы воюем для того, чтобы выжить, а не для того, чтобы воевать. Скимы же воюют, потому что такой путь для них определил их бог. Эти дикари даже не имеют своих священных знаков, они украли наше небо с дождем, и вписали в него свой меч.

— Круг? Они заменили волну, на меч?

— Не просто меч, их клинки в виде фаллоса, они им поклоняются. Наши предки не могут быть в одном мире, нас ведет женщина, а их мужчина.

— Я знаю. Думила Дающая дождь, ваши зигзаги по всем скалам, с этой стороны Тенафарской гряды.

— Возможно скоро на их месте появится круг с расходящимися лучами, или эрегированный член. Их Рияло, либо импотент, либо ненасытный извращенец с коротким членом — зло съязвила Липита.

Амадо удивленно посмотрел на женщину, и улыбнулся.

— Прости Липита. Я не знал, что у нас дочь.

— Не надо — оборвала она его. — Я ни о чем не жалею — ее ноги уперлись в бока лошади и всадница отъехала в сторону.

Удивленные амазонки, натягивая луки, целились в Амадо, идущего к Ментеселаяе, его броня постепенно исчезала, сворачиваясь в кольцо.

— Ведун! — прошелестело по рядам воительниц.

Ментеселая подала знак, чтобы его пропустили. Подойдя на расстояние, позволявшее говорить, Родриго встал на колени, и обратился к царице.

— Великая Ментеселая, позволь мне обратиться к тебе?

— Говори.

— Прости мне мою дерзость и неразумность, я нарушил ваши традиции, и обрек Авдалею на судьбу простой воительницы, но поверь ни этого я хотел бы для своей доч...

Резко подняв руку, Ментеселая оборвала его на полуслове, она дала понять амазонкам, окружавшим их, что хотела бы остаться наедине с Амадо. Степная царица подъехала совсем близко к нему и приказала подняться с колен.

— Какое мне дело, до того, что ты думал, когда нарушал наши обычаи. Что сделано, то, сделано. Меня страшит, что их связь порочна, ты же понимаешь, что не могут, брат и сестра

сожительство. Это запрещено. Я иду к Рабору не убивать, я хочу остановить внучку от непоправимой ошибки, пока не появился наследник. Неужели ты мог подумать, что я убью свою любимую внучку? Эх мужчины.

— Ты, несомненно, права мудрейшая, но может этот союз единственный путь для сохранения твоего рода. К тому же новый союз укрепит как Урсум, так и Наполь.

— А если потомки понесут уродства и болезни, как тогда будет себя чувствовать моя девочка? Или ты думаешь, что твои политические игры заменят ей семейное счастье? — жестко спросила пожилая царица. — Поверь, я знаю свою внучку, она не сможет стать хорошей женой. Ее судьба степь и война, а не пеленки и заточение в светлице. Надолго ее не хватит.

— Прости мою дерзость, но мне кажется, что следует дать выбор молодым. Пусть решают сами.

Ментеселая внимательно посмотрела на Амадо, и ничего не ответив, отъехала в сторону.

Каменные створы тяжело разошлись в стороны, зловеще завывая метель ворвалась в душный сумрак подземных галерей. Сотни саней, ожидавших у входа, направились к выезжавшим из-под горы арбам с продовольствием, и металлом. Бодро перегружая в сани товар, урсумцы деловито оговаривали следующую поставку. Вскоре длинная вереница выползла на гладкий лед Патары, ведущей через ее приток Нерчь к крепостям Рабора.

Охота не могла прокормить тысячи людей, что встретили зиму в полуразрушенных городах разоренного Урсума. Как могли беженцы укрепили свои поселения, превратив города в подобие крепостей. Но голод и мороз забирали тех несчастных, что не успели подготовиться к зиме. Десятки поселений наполнились замерзшими урсумцами, люди благополучно избежали участи рабов, но стали жертвами суровой хозяйки границы между лесом и полем. В Малвеях и Нерче голод тоже нашел свои жертвы, а скученность и жестокие морозы привели в дома людей болезнь. Помощь амазонок, пригнавших Рабору стада овец и лошадей, спасла крепости от вымирания. Ментеселая не могла оставить без подарка свою внучку в день свадьбы. Хоть сама и не присутствовала на торжествах.

Рабор уже неделю как отправил отряд разведчиков проверить оставшиеся земли Урсума, в надежде найти выживших, и сейчас с нетерпением ожидал их возвращения. Пришедшая зима оказалась необычайно суровой, словно сама природа решила известить стойкий народ морозного края. Молодой правитель так и не узнал, кому обязан особым отношением амазонок к его маленькому княжеству. Списав случившееся на личное обаяние, Рабор погрузился в решение насущных проблем.

Прозвучал рог, кто-то приближался к крепости. Выглянув в окно башни, Рабор увидел небольшую группу всадников, чернеющих на белоснежных просторах, что окружали Малвеи. Ворота отворились, и верховые проехали во двор замка. Стремительно сбежав по крутой лестнице, князь вышел на высокое крыльцо, с лошадей слезли его разведчики, и несколько незнакомых воинов. Улыбаясь, Рабор крикнул.

— Какие новости Ардос?

Седовласый воин, развернулся на голос князя и щербато улыбнулся.

— Ваша светлость нас сопровождала удача. В двадцати верстах к северу мы нашли Новый Туров, а в сторону, где Седые горы, стоят новые города Ругоз, и Вагла. Выжили не только мы, на наше счастье, жители деревень бежали в леса, где смогли переждать ужасное

нашествие. Из Турова с нами приехали тысяцкий и конюший. Хотят договор заключить с нашим княжеством, вот! — закончил доклад воевода Ардос.

Молодой князь внимательно посмотрел на тысяцкого, тот вышел немного вперед и неглубоко поклонился. Опытный воин, из тех, что составляли дружины князей Урсума до нашествия орков, хоть и принимал новый статус Рабора, но никак не мог оставить в прошлом его детство и юность. Тем более, что Малвей, по сути, никогда и не были князьями, их род воеводствовал, но не правил.

— Ты дружинник? — спросил он тысяцкого.

— Да ваша светлость, я дружинник князя Светара Туровского, Никита Псарин. Вернее был дружинником, пока нас не разбили зеленокожие — с достоинством ответил тысяцкий.

— Что за договор хочет заключить твой князь?

— Светара нет, он погиб во время штурма старого города, но мне удалось спасти молодого княжича Ярополка. По его малолетству нам пришлось учредить опекунский совет из выживших бояр и дружинников. Меня к тебе направил Ульян Древня, он возглавляет совет опекунов.

— Хорошо и что предлагает Совет? — хмурясь, спросил Рабор.

— Мы предлагаем тебе, воеводин сын, присоединить твои крепости к княжеству малолетнего Ярополка. В землях своих ты останешься полноправным хозяином, воеводой, но служить будешь князю Туровскому.

— Зачем мне принимать твое предложение. Я и сам могу защитить свои владения, мне не требуется князь — с улыбкой ответил Рабор.

— Ты не княжеского рода. Твое княжество разрушено. Сам понимаешь линия пресеклась. Эти земли принадлежали прадеду Святополка Молодого, поэтому после пресечения линии Зменских князей, в права должен вступить молодой княжич. А тебе следует преклонить колена перед ним, и перейти на службу его светлости.

— Однако, как же дерзко ты договариваешься тысяцкий! Не боишься? — заломил бровь Рабор.

Бледность выбелила смуглое лицо дружинника, но старый воин тут же подавил мимолетный испуг. Подняв глаза на Рабора, он жестко произнес.

— Так, что мне передать в Туров?

— Передай, что старый Урсум убит орками. По сему старое престолонаследие для Змени ничего не значит! Впрочем, мы не против заключить с вами договор о торговле, и границах наших земель. Если твой Совет пожелает, то мы также можем заключить договор о союзе наших княжеств.

Тысяцкий фыркнул, и улыбаясь ответил.

— Я передам твои слова молодой воевода Змени.

— Ты ошибаешься, я не воевода! Я царь Малвейского княжества, и заявляю права на все земли Змени! А если ты Никита Псарин еще раз посмеешь меня назвать воеводой, я прикажу отделить твою неразумную голову от тела! — грозно сверкая глазами, прервал наглеца Рабор.

— Что ж спасибо за теплый прием, соседи! — ответил тысяцкий, багровея лицом.

Конюший, косясь на Рабора, потянул тысяцкого к лошадям. Гости вскочили в седла, и потрусили к воротам. Ардос выдохнул, и опустил клинок в ножнах.

— Не взыщи батюшка, что не досмотрел, если бы я знал... — начал оправдываться воевода, краснея и смущенно хлопая глазами.

— Царство наше молодое, мы его только начали строить, поэтому нам предстоит еще многому научиться — ответил Рабор.

Улыбка напозла на добродушное лицо седого воина, сделав и без того слишком простое лицо воеводы, совершенно глупым.

Ожидание саней с грузом из Иргамы затянулось, уже несколько дней как должны были появиться купцы, но разъезды, выехавшие на их поиски, ничего не нашли. К вечеру прибыл еще один разъезд, всадники, что-то возбужденно рассказывали страже на воротах.

— Что там случилось? — спросил Рабор, услышав шум во дворе.

Крепость возбужденно гудела, в шуме слышались подвывания женщин, произошло, что-то страшное.

В комнату вбежал Ардос, суровое лицо старика, подергивалось от возбуждения.

— Купцы, Ваша светлость... — он осекся, затем сделал усилие над собой и договорил. — Погибли наши купцы, батюшка, кто-то разграбил наш караван! Как же мы теперь доживем до весны? Чем же кормить людей? — запричитал Ардос, опустив грузный зад на табурет, нарушая при этом все мыслимые правила приличия.

Известие потрясло Рабора, на несколько мгновений молодой царь потерял веру в себя, чувствуя беспомощность перед всевластным роком.

— Кто напал? Известно уже? — неожиданно спокойно прозвучал голос царя.

— Точно сказать сложно, но это не орки, похоже кто-то из наших — ответил Ардос, зажмуривая глаза от мучительной мысли о предательстве соседей.

— Туряне?

— Наверное, а может Ругоз, он ближе всех к Патаре.

— Зачем? Ведь это же война? Зачем? — недоумевал Рабор.

— Голод там жуткий, батюшка, вот и позарились — горестно качая головой ответил Ардос.

— Тогда собирай дружину, я сейчас отошлю письмо в Наполь, накажем убийц! — решительно скомандовал молодой царь.

— Тут надо разобраться. Нам сейчас война ни к чему — отозвался Ардос, испуганно взглянув на Рабора.

— Что ты предлагаешь? — удивился князь.

— Нужно отправить отряд охотников, пусть поищут следы. Может тогда и найдем виновных — ответил Ардос зажав в пятерню широкую бороду, и дергая ее так, словно желал оторвать.

Решение оказалось очень удачным, охотники быстро нашли настоящих виновников. Сложнее оказалось успокоить жителей крепости, потребовавших от князя выступить в поход на Туров. Рабору пришлось дать клятву, что он найдет и покарает виновных, только тогда жители разбрелись по своим домам.

Деревянные стены города пылали, выбросив в небо черные клубы дыма. Свист стрел, крики воинов, стоны раненых, мерный стук тарана в ворота Турова все смешалось. Амазонки легко сбили стрелков со стен Турова, и воины Рабора беспрепятственно поднялись на них по лестницам.

Спустя пять часов, Туров пал, очаги пожаров с трудом удалось погасить, местное население с ужасом смотрело на захватчиков. Истощенные бабы, и мужики по большей части в обносках, смиренно ожидали пока новый царь решит их участь. Рабор запретил грабить город, вызвав своим решением ропот среди дружины, и степных воительниц. Пришлось пообещать возмещение всем участникам похода. В Турове молодой царь оставил

гарнизон и своего воеводу. Жителей он заставил принести клятву верности, что означало присоединение Турова к его царству.

По возвращении из похода в Малвей прибыли посольства Ругоз и Ваглы, эти города остались без князей и им требовался новый. Весть о победе над Туровом, Зменского царя, быстро облетела Западную часть урсумской земли, и к Рабору потянулись слабые городки и крепостцы. Все стремились примкнуть к молодому царю, сохранившему жизнь урсумцам в Турове. Лютая зима, и без войны унесла много жизней, но за белой злодейкой пришла весна, а затем лето, подарившее поля покрытые золотом пшеницы, что склонила тяжелые колосья к черной земле.

Голод остался позади, а гномы впервые почувствовали выгоды от торговли с новым соседом. В семье молодого царя родился наследник, Авдалее пришлось оставить седло и войну своим подругам.

Владения Рабора значительно расширились, теперь мало кто посмел бы сомневаться в его праве называть себя царем Змени, получившей новое название, царство Малвей. Вместе с тем, назревала война с князьями коалиции Южных земель Урсума. Молодой князь не стал ждать нападения и выступил в поход на юг, где в одно лето сокрушил слабые войска коалиции. Помощь амазонок оказалась настолько действенной что большая часть поселений сдавалось без боя, а решающая битва превратилась в парад предателей, перешедших на сторону Рабора еще до начала сражения.

Победы соседа, беспокоили Ментеселаю. Ее амазонки, воспитанные в строгости воинской традиции, начали оседать в городах урсума. Многие вышли замуж и превратились в верных жен. Боясь потерять армию, правительница Наполя, все чаще отвечала отказом на призывы Рабора. Степь и лес снова начали расходиться. Степь боялась раствориться в городах земледельцев, а лес, нарастив мощь почувствовал свою силу, и перестал нуждаться в опеке степных воительниц.

Волны с шумом ударяли в борта корабля, парус с треском надувал выпуклый бок, стремительно толкая легкое суденышко вперед. От качки немного мутило, Амадо уставил пустой взгляд на доски. Мимо шатаясь, проходили какие-то люди, на дальней скамье расположились торговцы из Иргама. Большие головы коренастых гномов, торчали словно грибы. Впечатление усиливали острые капюшоны, из-под которых задиристо выглядывали окладистые бороды купцов. Возле рулевого пристроился ришамец, сухопарый, как и большинство жителей юга, с большими маслянистыми глазами. Грива черных волос с седой прядью, украшала небольшую вытянутую голову воина, ладно установленную на длинной шее. Пронзительный взгляд черных глаз, внимательно ощупывал попутчиков. Амадо несколько раз чувствовал его глаза на себе, но стараясь оставаться незаметным, лишь глубже заворачивался в темно-зеленый плащ.

В воздухе появились чайки, птицы с оглушительным гамом проносились над кораблем.
— Земля! — негромко протянул капитан.

Впереди замаячила полоска суши, с далекими возвышенностями, это пики Терауа показали из-за прибрежной полосы тумана.

Как по команде вскочили солидные гномы, плащи слетели, и бородатые двинулись нетвердой походкой к Родриго. Оружие в руках низкорослых наемников зловеще заблестело, чешуя, приятно шелестя пошла переливами по широкоплечим телам. Со стороны рулевого шагнул тощий южанин, все также не сводя жгучего взгляда с рыцаря.

Амадо поднял бледное лицо на наступающих врагов, и неспешно обнажил меч, одновременно облачаясь в броню. На несколько секунд необычное зрелище остановило уверенное наступление убийц. Команда жалась к веслам, капитан осторожно выглядывал из-за широкой спины рулевого.

Первый укол прошел насквозь тело низкорослого воина, опрокинув гнома на спину, следом меч, отразил удар кривого клинка ришамца. Началась свалка, удары посыпались в выставленный щит, широкий круг закрыл полностью тело Амадо, отрезав гномов от рыцаря. Нижний край щита уперся в доски корабля с такой силой, что дерево затрещало. Миг и щит свернулся, прикрывая теперь лишь руку, копьё пронзило самого ретивого из убийц. Прошив голову, острие вырвалось из затылка, окропив багрянцем толпившихся позади соратников. Шлем гнома не спас, понимая, что справиться с наскока не получится, лжекупцы отступили, рассчитывая перегруппироваться и уже в строю атаковать крепко защищенного врага.

Амадо не дал им опомниться, высоко взмыв над палубой он приземлился прямо в центр построения гномов. Ломая щитом вытянутую руку одному из бандитов, он пронзил второго клинком. Вертясь с удивительной для тяжелого рыцаря ловкостью, Родриго сокрушил оставшихся убийц.

— Вяжи его Арбо! — скомандовал капитан.

Здоровенный рулевой, умело сплетая морские узлы, связал ришамца. Южанин водил выпученными глазами из стороны в сторону, выражение недоумения застыло на его лице.

Неторопливо вытирая клинок Родриго, подошел к южанину и заглянул в глаза. Недобрая улыбка наползла на лицо рыцаря, жгучие глаза южанина распахнулись и испуганно захлопали.

— Вот господин рыцарь, мы спластали этого душителя — сказал капитан, заискивая, и приторно улыбаясь.

— Благодарю вас — Амадо достал кошель и отсчитал десять золотых. — Это за помощь, и молчание, и молчание здесь стоит дороже — сказал он, протягивая деньги капитану.

Капитан улыбнулся, и раболепно склонился.

— Ну и кто ты? — спросил Родриго южанина.

Южанин плюнул под ноги рыцаря, и с вызовом уставился на Амадо, но не выдержал жуткий взгляд и отвел глаза в сторону.

— Молчание ничего не даст, ты все равно умрешь, с той лишь разницей, что в случае откровенности твоя смерть станет намного легче.

Южанин усмехнулся, и отвернулся.

— Как же я не люблю это делать! — с раздражением проговорил Амадо.

Пытка, длившаяся более часа, казалось, не произвела особого впечатления на убийцу. Он кричал от боли, но как только Родриго останавливался дерзко насмехался.

— Кто приказал убить мою семью? — монотонно-нудно повторял свой вопрос Амадо.

— Смерть твоей семьи случайность, платили за твою голову... — усмехнулся южанин, впервые ответив на вопрос.

Казалось ему кто-то разрешил говорить, и он с трудом подчиняясь чужой воле рассказывает о убийстве.

— Твоя сучка визжала как свиноматка, пока я ее резал... о как... — глаза ришамца засверкали. — Ха-ха-ха... Твой выродок так смешно хрюкнул под ногой... а рожа, рожа... ты бы видел свою рожу, когда понял, что все твое семейство сдохло ха-ха-ха... — издевался

южанин.

Медленно, растягивая удовольствие Амадо, срезал ухо убийцы тот орал и бился в бессильной ярости.

— Кто оплатил убийство? — прозвучал следующий вопрос, так же буднично, как и прежде, лишь страшные глаза Родриго время от времени сверкали, выдавая его состояние.

— Хочешь знать, кто? Я тебе скажу, и запомни хорошенько его имя! За все приходится платить, за все... — от удара под дых южанина подбросило.

— Имя!

— Сингель Скамеш — с трудом выдохнул убийца. — Он оплатил твою голову. Ты забрал его брата, он твою суку и выродка — в глазах ришамца причудливо отразилась голубизна неба, и они неожиданно потухли, быстро затягиваясь мутной пеленой. Тело обмякло как тряпичная кукла и словно потеряв все кости рухнуло на палубу корабля.

Тихий ход стрелок отсчитывал время в ночной тишине кабинета. Дверь распахнулась в комнату вошел аскетичного вида человек, тяжелый взгляд пробежал по столу с аккуратно разложенными бумагами. Дверь захлопнулась, немного погодя вспыхнула искра, разгорающийся свет выхватил нутро кабинета.

Несколько шкафов, массивный сундук и огромное кресло для посетителей поблескивали темным лаком в мерцании огонька свечи. Человек сел на стул с высокой, резной спинкой, задумчиво глядя на стол перед собой. Худая рука нервно теребила редкую бородку, такую, что принято носить среди жрецов высшей иерархии.

— Сингель — тихо прозвучал голос.

Церковник вздрогнул всем телом, он вытянул тощую шею, из-за обилия кладок напоминавшую черепашью. Испуганно вглядываясь в неясный сумрак помещения, хозяин кабинета пытался понять откуда прозвучал голос.

— Кто здесь? Что тебе нужно? — задрожал голос жреца.

— Ты меня хорошо знаешь — на свет вышел рыцарь, темный доспех масляно переливался изгибами отвлекая внимание от лица говорившего.

— Знаю? — переспросил удивленный Скамеш. — Представься! И объясни, что тебе нужно — уже спокойнее спросил жрец.

— Родриго Амадо.

— И что мне теперь, упасть на колени в ужасе, от того, что в мой дом пробрался преступник, которого ищет пол мира! — усмехнулся Сингель, откинувшись в кресле, и нагло глядя на Амадо.

— Ты меня так упорно искал, что я решил избавить тебя от столь хлопотного занятия. Поэтому пришел сам в твой дом, к тому же у меня накопились вопросы. Я пришел за ответами — рыцарь наклонился к Скамешу, поставив руку в латной перчатке на столешницу.

— Не стоит! Некоторые вопросы лучше оставить без ответа — откачнувшись на спинку кресла отозвался Скамеш. — Говоря, по совести, твоя семья мне была не интересна. Хотя признаюсь я испытал истинное наслаждение, когда узнал о смерти эльфийской шлюшки, что наплодила тебе целый выводок — Скамеш ядовито улыбнулся, провоцируя Родриго.

— Это я уже знаю, меня интересуют те, кто оплатил мое убийство — неожиданно спокойно произнес Амадо.

— С чего ты взял, что кому-то еще нужен кроме меня? Ты убил моего брата, а в нашей семье не принято оставлять долги неоплаченными. Мы сами всегда платим по счетам, и с

других взимаем то, что нам причитается. Всегда и до последней копейки.

— Звучит правдоподобно, но можешь мне поверить, сегодня ложь тебе не поможет. У меня большой опыт в пыточном деле, и я приложу все усилия, чтобы докопаться до истины — глаза Родриго вспыхнули.

— За этой дверью стоят пять наемников из Катафы. Можешь поверить мне, этот дом станет твоей могилой — улыбнулся Сингель, его рука дернула шнурок.

За дверью раздался резкий звон колокольчика. Застучали кованые сапоги, дверь распахнулась и в помещение ворвались катафанийцы. Махайра ударила в щит, копьё пробило панцирь наемника, Амадо развернулся и сдвинул угол стола отсекая Сингеля от его телохранителей. Хозяин кабинета при этом упал на спину вместе со стулом, нелепо задрал ноги к потолку. Родриго отвлекся, в шею с силой ткнулся меч наемника, рыцарь ответил ударом под мышку катафанийца, и тут же вытаскивая из раны клинок ударил в сторону рассекая щеку напавшему сбоку.

Сингель с трудом вскочил и заковылял старческой походкой к одному из шкафов, резкий удар щита вновь опрокинул архиепископа Рапана. Махайра переломилась у основания оставив глубокую зазубрину на затылке Амадо, прочный шлем спас рыцаря, а амортизация защитила его от сотрясения и перелома шеи. Резко развернувшись Родриго, снес ударом щита, нападавшего и тут же добил его копьем. Снизу донесся гулкий топот, охрана особняка поднималась на звук сражения. Последний катафаниец наносил дар за ударом, его ксифос искал слабое место в броне Родриго. Бесплодные поиски оборвал незаметный удар снизу, пронзивший голову воина через подбородок к затылку. Шлем слетел, расплескивая кровавую жижую, а тело повалилось на пол дергая ногами в конвульсиях.

Амадо захлопнул дверь и подпер ее массивным шкафом.

Перепуганный Сингель смотрел на гостя широко открытыми глазами, посиневший рот архиепископа жадно хватал воздух, неожиданно при выдохе из горла церковника вырвался хрип. Лицо Скамеша посинело, губы безвольно обвисли, а пустые глаза уставились в одну точку. Амадо увлеченный сражением не сразу заметил перемены в лице Сингеля, а когда склонился к архиепископу, понял, что тот уже умер.

В дверь постучали, затем послышались удары топора, затрещало дерево посередине пошла трещина. Немного погодя в кабинет ворвались стражники, но никого кроме павших катафанийцев и умершего от страха архиепископа, не нашли.

Письма, украденные у Сингеля удивили Родриго. Переписка старого негодяя вскрыла многочисленные преступления и череду предательств, Амадо осознал, что разворошил змеиное гнездо. Заинтересованные персоны, теперь не оставят его в покое. В архиве попало несколько писем Великого скопца, на страницах, которых раскрылся заговор против Сигизмунда. Тут же нашлось и письмо с приказом о его убийстве.

Вчитываясь в ровные строки, написанные округлым, почти женским почерком, Родриго неожиданно для себя увидел суть Скюло. Все встало на свои места. В какой-то степени он даже почувствовал уважение к верховному, понимая всю грандиозность задумки жреца. Глубоко проработанный, стратегически и тактически, план, удивил даже его неординарный ум.

Скамеша много лет выполняли грязные поручения сильных мира, стараясь не оставлять следов. Особое расположение Верховного жреца сделало эту парочку фактически неподсудной, и в какой-то степени второй, после Скюло, властью в Аморате и Сальяде.

Среди особо секретных бумаг попало письмо, от Ули Норва главы Торговой Палаты Даноста. В короткой записке оговаривались условия контракта с организацией, названной как «Душителы». В качестве услуги прописывалось убийство Родриго Амадо, скрывавшегося под именем Ксенос в Ришаме. Жизнь Амадо оценили в пять тысяч золотом. В ответном письме Скюло, подтверждал передачу необходимых средств, и оговаривал с Торговой палатой, условия нового союза Амората и Даноста.

Интересная сделка, подумал Амадо, зачем его жизнь этому Норва. Впервые он почувствовал присутствие третьей силы, что оставалась в тени королевских договоров. Мысли настойчиво возвращали его вниманию к личности первосвященника. Похоже Великий скопец что-то замыслил, и сейчас пытается расчистить пространство для маневра, и для этого ему требуется избавиться от назойливого коннетабля, чтобы избежать в дальнейшем неожиданностей.

Привычный шум и гомон Иргамы окружал Амадо, он ехал по до боли знакомым улицам. Проезжая мимо дома Довардов, он отметил, что в нем кто-то живет. Из-под ног его лошади прыснула рыжая детвора, смешная и трогательная, как и все дети.

Показался дворец, его жесткие линии и великолепная лестница, казались пустынными после гвалта и толчеи жилых районов. Стража лениво посматривала на редких прохожих, откровенно скучая. Увидев Родриго, гвардейцы вытянулись, из ворот вышел капитан, приосанившись гном ожидал пока человек подойдет.

— Господин Амадо, позвольте вас проводить! — поприветствовал он путника.

Человек кивнул головой в ответ, и последовал за франтоватым капитаном.

В тронном зале толпились военные и члены королевского совета, что-то случилось, о чем Амадо еще не знал. Аристократия косилась на него, недоброжелательно перешептываясь. Он пересек зал и прошел в кабинет Рибигуда. Король сидел, уставившись на стол прямо перед собой, он словно не заметил вошедших, капитан тихо удалился.

— Ваше Величество — негромко поприветствовал короля Родриго.

Острые глаза пожилого монарха приобрели осмысленный вид и уставились на посетителя как на совершенно не знакомого человека.

— А, это ты! Ты как всегда вовремя! — с раздражением ответил Рибигуд. — Слышал, сегодня через ворота Урсума прорвались степные орки. Они уже взяли укрепления возле ворот и перебили гарнизон. Мои купцы ограблены, воины убиты, а союзники не пришли на помощь. Вот цена твоего поручительства. Ты мне обещал их помощь и защиту с этой стороны границ моего королевства. И где эта помощь?!!! Где она?!!! Я тебя спрашиваю!!! Что молчишь?!!! — заорал, наливаясь кровью, Рибигуд.

— Если Урсум тянет, значит готовится основательно, и приведет мощную армию. Предать вас они не могут.

— Они уже предали!!! Что ты тут мне ищешь оправдания для этих людишек!!! Вы никогда не держите слова, такова природа твоего рода, ложь и предательство!!! — задыхался от гнева Рибигуд.

В дверь постучали.

— Что!!! Кого там несет!!! — проорал король в ответ.

— Ваше Величество, срочное донесение! — поставленным голосом доложил командующий Ангус Енге.

Рибигуд смягчился, увидев старого вояку и уже более спокойно спросил.

— Ну что там еще!

— Ваше Величество плохие новости Изумрудные ворота атакованы войсками Караманта!

— Что?!!! — заорал Рибигуд. — Когда?!!!

— Чуть более часа назад Ваше Величество!

— Собирай войска, готовимся к походу! Гарнизону Изумрудных ворот передай держаться до конца! Цитадель не сдавать! Ждать прихода войск!

— Слушаюсь! — ответил командующий и вышел из кабинета.

Едва за ним закрылась дверь, вновь раздался стук.

— Да! — крикнул король с некоторой опаской в голосе.

В комнату вошел командир Туро Парад, его лицо сияло.

— Что лыбишься?!!! Дурак!!! — поприветствовал его Рибигуд.

— Ваше Величество, Урсум ударил в тыл оркам! Зеленые зажаты в тоннелях и несут большие потери, часть их сил уже опрокинуты и отступают вглубь подземелий!

Рибигуд повернулся к Амадо, и тут же отвернулся, чувствуя себя неловко, под укоризненным взглядом черных глаз.

— Ну хоть где-то порядок! — пробурчал король уже более спокойно. — Принимай командование второй армией и выдвигайся на встречу северянам. Орков преследовать! Уничтожить всех до последнего! В плен никого не брать! — приказал Рибигуд.

— Слушаюсь! — прозвучал голос командующего уже в районе двери.

— Ладно, ладно неправ был! — отмахнулся от него вопроса король. — Давай думать, как Кейста остановить. Пошли в зал, пора начинать совещание.

Совещание оставило тягостное впечатление, Амадо впервые увидел, насколько гномы разобщены. Королевский совет требовал, чтобы армия оставалась в стенах столицы, и именно тут дала бой войскам Кейста. В ответ аристократы кричали, что совет ничего не смыслит в военном ремесле и ему не следует находиться на военном совещании. Конечным решением оказался план, который предполагал выйти к Изумрудным воротам всей армией Иргамы. Военные рассчитывали нанести поражение Кейсту, и опрокинув его войска выйти на поверхность, после чего разгромить Карамант, по возможности уничтожая все живое, что попадется на их пути.

Войска медленно втягивались в проходы унося с собой веселые песни гномов, идущих навстречу к врагу, осадившему Изумрудные врата.

Родриго вышел вместе с гвардией короля. Основная колонна двигалась по огромным проходам, оглашая топотом, песнями и шутками полумрак подземелий. Гвардия замыкала шествие армии, неподалеку в седле качался Рибигуд, его баран мелко цокал по камню древнего коридора. Несколько особенно доверенных гвардейцев окружали его, построившись ромбом, в центре которого располагался король.

Мимо проехал молодой гном, поднятое забрало не скрывало лицо всадника. Черты лица показались человеку знакомыми, неожиданно Амадо узнал гнома, это Товард. Юноша возмужал, превратившись в настоящего воина, молодого еще, но уже воина. Товард его не вспомнил, кивнув головой, гном присоединился к группе гвардейцев, двигавшейся чуть впереди.

Через два дня к войскам вышел единственный выживший из гарнизона Изумрудных врат. Воин передал последние слова защитников крепости. Начальник гарнизона просил не

приходить к воротам, а организовать оборону на перекрестке Олада Верата, поскольку к моменту прибытия армии, крепость падет. Расположение войск на перекрестке позволяло закрыть сразу два пути. Тракт Столичный, что вел к воротам Батры, и Рудный тракт, который упирался в мастерские, где переплавлялась руда и ковался митрил.

После короткого совещания Рибигуд принял решение остановиться на перекрестке. В несколько часов его перегородила крепостная стена, в бойницах разместились войны, сменявшие друг друга каждые полчаса. В лагере за стеной, стояло веселое напряжение, старики подбадривали молодежь рассказами о былых подвигах.

В ставке Рибигуда царила атмосфера напряженного ожидания. Король нервно передвигал кубок с эльфийским вином по карте, рассматривая все новые и новые варианты развития сражения. Командиры в полной тишине наблюдали за его манипуляциями, лишь иногда кто-то осмеливался вмешаться в размышления монарха, вставляя критическое замечание, отменявшее очередную комбинацию, составленную Рибигудом.

Пред битвой Амадо старался избегать покоев короля, оставаясь у костров. Среди простых воинов его принимали неприветливо, остерегаясь шедшей за ним славы. И все же он чувствовал себя спокойнее с этими угрюмыми бородачами чем среди заносчивой аристократии.

Раздался глубокий звук боевого рога, воины вскочили со своих мест, и помогая друг другу принялись облачаться в доспехи. Собравшиеся тут же строились в десятки, а те в свою очередь в сотни. Лагерь пришел в движение, огромное море живых тел колыхалось в такт присущий только стихии армейского порядка.

В стену что-то сильно ударило, пыль облаком накрыла защитников. Затем удары посыпались настолько часто, что казалось будто кто-то выбивает неизвестную мелодию на барабанах.

Луки защитников Иргамы работали без перерыва, от ответных выстрелов гибли гномы, раненных относили в тыл, в лазарет. Вид первых убитых и раненных угнетающе подействовал на все войско.

Подвели самострелы, и большое количество каменного масла. В стене появились первые прорехи, кладка покосилась. Войска отошли назад, оставляя голое поле перед разрушающейся стеной. Четверть часа спустя жуткий грохот, и волна пыли, окатившая войска, известили гномов о падении рубежа обороны.

Самострелы сделали залп, затем второй, огромные копья уходили в туман из пыли. С той стороны слышались крики и стоны, затем по тоннелю прокатился громовой крик и из облака вырвались орки на огромных волках. Они быстро приближались к рядам гномов, которые выстроились в длинную шеренгу щит к щиту. Копья грозно торчали в сторону атакующих, самострелы замолкли, зону обстрела перекрыла пехота. Орки не успели домчаться до гномов, по бокам раздались взрывы, и из горшков разлилось каменное масло. Огонь пожрал верховых, с безумным воем волки уносили горящих седоков обратно, к своим.

Копейщики разошлись и вперед выехали огромные меха, их установили против горящего коридора, и несколько гномов принялись бодро раздувать огонь. Волна жара понеслась в сторону войск Кейста, на другом конце галереи раздались вопли ужаса, судя по крикам у врага началась паника. Со стороны Кейста прозвучал рог, король Караманта отводил армию.

Гномы дружно издали победоносный клич, всеобщая радость охватила воинов, не радовался лишь рыцарь в вороненных доспехах. Рибигуд толкнул Амадо в плечо и широко

улыбнулся.

— Что такой хмурый? Мы победили, так натяни на свою постную рожу улыбку — беззлобно сказал король.

— Ваше Величество мы еще не победили, это только нач... — договорить он не успел. Огонь начал затухать, раздраженно шипя и сопротивляясь пламя пригнулось к полу и перед изумленными гномами показался сам король Кейст.

Высокий, худой, в одном плаще, с огромной булавой на плече. Он разбежался и с одного удара снес несколько воинов из центра. Не обращая внимания на копья, проткнувшие его тело, он раскрутил оружие вокруг своей оси и снес еще несколько бойцов. Из-за его спины показались пятнадцать воинов в старинных доспехах, они медленно шли на ряды противника, и ускорились лишь перед самой атакой. Скорость с какой они ворвались в строй гномов, поразила даже бывалых ветеранов. Воины Рибигуда гибли десятками, рыцари шли вперед, не обращая внимания на удары и уколы, что сыпались на их тела со всех сторон.

— Мертвецы!!! — пронеслось над строем, и началась паника.

Гномы сломали строй и побежали кто куда, стараясь избежать неминуемой смерти от врага, не знающего жалости, страха и боли.

Показалась отставшая пехота Караманта. Чтобы остановить бегство армии, Рибигуд вышел впереди гвардии, и атаковал левое крыло противника. Мимо Родриго пронесся отряд воинов, гномы отступали.

— Куда?!!! — крикнул Амадо.

— Ваше превосходительство король Рибигуд приказал, мчаться к Батре, и организовать оборону. Сейчас отойдут ветераны, а затем и гвардия, сражение проиграно... — Родриго не дослушал, что ему пытался объяснить ветеран.

Вскочив на стального скакуна, он приказал своему отряду отступить в проходы, на Рудный тракт. Там он планировал выйти на обходной маршрут и ударить в тыл врагу, используя потайной проход. Гномы отказались ему подчиняться, и самовольно отправились на выручку королю. Поверить ему и не могли, о проходе знал только Амадо, слишком много времени прошло с тех пор, как его забросили.

Ход оказался заперт, пришлось повозиться, чтобы открыть хитроумный замок. Войска Караманта ушли далеко вперед, битва еще продолжалась, но где-то далеко за поворотом. Он вышел прямо на обоз, и сокрушил караул, оставленный для его охраны.

Высекая искры из камня, конь нес Родриго на тылы врага. Как смерч из стали, он промчался напрямик к Кейсту. Паника охватила воинов Караманта, полоска погибших, оставшаяся за Амадо, красноречиво говорила о судьбе вставших на его пути.

Впереди маячили рыцари мертвецы, с разгона Родриго снес нескольких, разрубив одного вдоль. Люди побежали, мертвые рыцари не успевали за конем Амадо.

Родриго отметил удивленный взгляд Кейста, застывший на стальном скакуне Амадо, сбоку промелькнуло перекошенное от испуга и гнева лицо Рибигуда. Булава короля-лича со свистом ударила коня Родриго, опрокинув седока и его скакуна. Копье пробило тело Кейста, но он не заметил раны, и попытался добить рыцаря сокрушительным ударом булавы сверху. Брызги камня со звоном отскочили от брони, рыцарь уже стоял на ногах. Мощный удар шитом покачнул Кейста, но король устоял, ответный толчок опрокинул Амадо. В падении быстрый клинок рыцаря отсек руку Кейста.

Краем глаза Родриго видел, как гвардейцы уводят Рибигуда с поля боя, закрывая короля щитами от летящих со всех сторон стрел. Подошел рыцарь мертвец, и рубанул Амадо

длинным, двуручным мечом. Шагнув в сторону человек пробил голову рыцаря мертвеца превратив клинок в копьё. Мертвый рыцарь упал, но тут же снова начал подниматься. Щит отклонил удар булавы короля, в тоже время Амадо мечом отсек ногу Кейста немного ниже колена, а затем скользнув клинком по внутренней стороне бедра покалеченной ноги, рассек его тело от промежности до горла. Кейст застыл, этого мгновения хватило, чтобы вырвать меч из рассечённого туловища, и резким ударом снести голову короля. Лишенные воли некроманта воины-мертвецы упали.

Оглядевшись вокруг, Амадо понял, что война проиграна. Армия Иргамы лежала грудой покореженного металла, и истерзанных тел, вперемешку с людьми и орками. Пнув голову Кейста, Родриго перешагнул тело короля Караманта, и наклонился чтобы подобрать скакуна. Механизм, сильно разрушенный ударом Кейста, все еще сохранял способность менять размер. Он убрал его в сферу, и пешком пошел за отступающей армией Иргамы.

Доспех то и дело давал сбой.

— Слишком много повреждений — подумал Амадо.

Он бежал, что было сил, понимая, что лишь страх воинов Караманта спасает его от верной смерти.

Рибигуд сидел на троне, король уже успел переодеться и смыть кровь сражения, сбоку звучал монотонный голос Сумми.

— Ваше Величество мы должны увести жителей прочь из столицы, лучше в земли Даноста. Слюдяной проход единственное наше спасение, как и союз с соседом. Пора переступить прошлые обиды и протянуть руку дружбы нашим братьям! — слова советника вызвали смешанные чувства.

Воины зашумели, требуя выдворить Сумми из зала. Купцы и гильдейцы бурно поддержали предложение королевского советника.

Рибигуд поднял тяжелый взгляд и уставился на толпу у трона, монарх поднял руку, повисла тишина.

— Мы потерпели поражение в бою, но это лишь бой, война еще не проиграна. Наш город всегда оставался последним оплотом горного народа. Наши предки выстроили его так, чтобы мы никогда не знали горечи поражения. Я следую традиции камня, и верю в то, что наши стены, наши камни, защитят нас. Если мы не предадим их, они не предадут нас! Наша стойкость придаст прочности стенам Батры и укрепит сердца ее воинов! Мы жили здесь много тысяч лет, здесь же будут жить наши потомки! У нас нет другого дома, поэтому гномы должны оставаться в родных стенах. Никто не уйдет из Батры, женщины и дети, должны поддержать своим примером солдат, а если потребуется, то и вступить в бой с врагом, такова традиция. Наши деды так воевали, и нам так следует поступать!

Гномы смотрели на короля с удивлением и страхом, теперь пути к отступлению не осталось.

— Ваше Величеств, но ведь армии больше нет — попытался возразить Сумми.

— Сумми Калыт, я всегда прислушиваюсь к твоим советам, потому ты и королевский советник, но сейчас мои решения не обсуждаются, и любая попытка нарушить их будет наказана смертью! Надеюсь, ты услышал меня! — грозно сверкнул глазами Рибигуд. Сумми поклонился, сжимаясь в комок под взглядом короля.

От входа донесся шум, через толпу пробирался Амадо.

— Чем порадуешь Родриго, что мне пообещаешь, или чем попытаешься соблазнить? — спросил Рибигуд заметив рыцаря.

— Кейст мертв, рыцари-мертвецы тоже, но армия Караманта все еще цела и скоро будет под стенами Батры!

— Приятная весть, без старого вора, Карамант сильно ослабеет, тем проще будет покончить с захватчиком! Я тебя благодарю, за оказанную короне услугу! Проси все, что хочешь! Ты заслуживаешь награды!

— Благодарю Ваше Величество, ваше расположение для меня дороже наград, лишь об одном посмею Вас просить! Позвольте мне возглавить вашу гвардию и ветеранов, в предстоящем сражении!

— Вот хитрец! — улыбнулся Рибигуд. — Что ж я обещал, так тому и быть, ты меня слышал Ангус?

— Слушаюсь Ваше Величество! — ответил командующий, едва скрывая обиду.

Ночью поднялась суматоха, крики и шум за окнами разбудили Амадо. Немного погодя

он узнал, что Сумми Кальт увел жителей города в Слюдяной проход. Стража ушла вместе с советником, лишь под утро открылось, что город пуст. Рибигуд метал громы и молнии, грозно рассыпая проклятья и обещания страшных мук для предателей. В гневе он приказал собирать погоню за беглецами, планы Рибигуда нарушил враг, подошедший к городу.

Ворота натужно отзывались на удары тарана, люди гибли сотнями, но на их место приходили новые. Наконец ворота пали, разбитые створы обрушились внутрь, из сумрака вышли первые воины врага, рыцари-мертвецы, а за ними король Кейст.

Стоя на верхних этажах королевского дворца, у смотрового окна, Рибигуд побледнел.

— Ты же говорил, что они мертвы!!! — вскричал король, выкатив налитые кровью глаза на Родриго.

— Я ошибся — ответил Амадо.

— Ангус, принимай командование гвардией, а ты мой друг иди и исправляй то, что не доделал вчера!!! — приказал король, тыкая пальцем в Кейста, орудуящего булавой в гущу воинов Иргамы.

Спустя десять минут в общую свару ворвался рыцарь в вороненных доспехах. Огромный щит полностью закрыл Амадо, умело используя стальную преграду, рыцарь раз за разом отражал могучие удары Кейста. Вновь встретились король-лич и его неуязвимый противник. Рибигуд не отрываясь смотрел на бой двух монстров, случайно взглянув в сторону ворот, он увидел, как войска Караманта вливаются сплошной массой в город. К нему подбежал капитан гвардейцев и доложил, что Дворцовая улица занята, и противник скоро будет внутри.

Рибигуд повернулся к капитану гвардии и приказал ему взять сорок гвардейцев.

— Держите секретный проход, до моего прибытия — проговорил Рибигуд, облачаясь в доспех.

Через четверть часа король бился на ступенях перед дворцом. Гвардия, воодушевленная присутствием короля, сражалась необычайно стойко. Несколько раз опрокидывая врага, и освобождая Дворцовую площадь, они развивали наступление, но вновь прибывшие силы врага, заставляли гномов отступать на прежние позиции.

Амадо отвлекал Кейста, он метался как демон среди его воинов, оставляя вокруг себя десятки погибших. Король Караманта вновь потерял ногу, и опираясь на булаву следил за Амадо. Рыцари-мертвецы неотступно следовали за воином, пока не зажали его возле Кейста. Мертвяки то отступали от Родриго, то вновь наваливались на него, Кейст изловчился и метким ударом опрокинул рыцаря.

— Вот и все — подумал про себя Рибигуд, заметивший с высоких ступеней дворцовой лестницы падение Амадо.

Сверху с грохотом ударила булава, окропив щебнем плотный круг воинов Караманта, оружие оставило яму на том месте, где только, что лежал Амадо.

— Предатель! — мелькнула в голове Рибигуда мысль. — Бежал, трус! — но на гнев не осталось времени, на гвардейцев Рибигуда вновь навалилась вся мощь Караманта.

Проход, едва освещенный факельным светом, скрывал гвардейцев. Снаружи донеслись топот и крики, в открывшееся окно света ввалились несколько воинов и резко закрыли за собой дверь. Снаружи слышались стук, и ругань.

— Кто идет! — громко спросил капитан.

— Гвардейцы его Величества! — ответил из темноты молодой голос.

— Где король?

— Пал перед дворцом, нам приказано спасти корону! — ответил тот же голос.

— Где сыновья Рибигуда? — все еще не доверяя молодому гному спросил капитан.

— Погибли, он приказал Вильготу уходить с нами, но когда принц увидел, что Перт, и Арон погибли, то ослушался приказа и вернулся к отцу... — дверь начала поддаваться, и вот-вот грозила уступить натиску врага. — Нам надо уходить, снаружи рыцари Мальдиды, во главе с сыном Кейста! — предупредил молодой гном.

— Сколько вас? — спросил капитан, знаком приказывая следовать за ним.

Отряд быстро побежал по коридору, позади с грохотом отворилась дверь.

— Десять гвардейцев и пятеро ветеранов, мы отступили после гибели Рибигуда и Вильгота! — ответил молодой.

— Как тебя зовут? — поинтересовался на бегу капитан.

— Товард Довард, я недавно в гвардии его величества.

— Ну так слушай Товард, тебе приказ, отступить к Сумми Кальту, и спасти корону Иргамы. Спаси ее любой ценой! Ты меня понял? Любой ценой мальчик, а мы остановим погоню.

Гномы выстроили стену из щитов и страшно крикнув сделали шаг навстречу врагу. Затем следующий шаг, сопроводив его таким же оглушающим криком, вскоре послышались звуки битвы. Добравшись до выхода, Товард остановился и прислушался, позади все стихло. Обладая жестким характером и чрезвычайно отчаянным нравом, молодой гном мало чего боялся. Немного помедлив, он повернул назад. Через восемьсот метров Товард оскользнулся на луже крови, и едва не упал. Первым попался капитан, он еще дышал, привалившись спиной к стенке туннеля.

— Что предатель? Вернулся посмотреть на дело своих рук? — проговорил старый гвардеец.

Товард ничего не ответил, его меч коротко ткнул в горло капитана, не обращая внимания на хрипы умирающего, гном пошел дальше. Навал тел перегородил проход, люди и гномы лежали вперемешку. С большим трудом ему удалось преодолеть препятствие, по ту сторону в живых никого не осталось, Товард повернул назад. Перелезая завал, он оперся рукой о голову человека, приваленного телами погибших. Раздался стон, Товард осветил лицо раненого. Угольно черный цвет кожи, и красивые черты не оставили сомнений. Перед ним сам Эбон, сын Кейста, о котором ходили слухи, что он почище папаши колдун, а также аспидно-черный враг человечества с прекрасным ликом, и глубокий умом. Кривая усмешка исказила губы Товарда, он осмотрел рану, копье глубоко рассекло скулу и черкнуло висок, не разрушив череп, что и спасло жизнь короля Мальдиды.

Лагерь располагался на выходе из Слюдяного тоннеля, со стороны Даноста. Проход восстановили в правление Торна Строителя, с одобрения Рибигуда. Песочные часы расширили, чтобы усилить поток грузов, что оказалось особенно важно, когда из Риена непрерывной рекой потекло золото.

Появления Товарда никто не заметил, охрана проглядела, как он вышел со связанным пленником из бокового прохода. Гном находился уже посреди лагеря, около костра Сумми, когда их окружила стража. Вокруг быстро собралась толпа любопытных зевак. Беженцы с интересом разглядывали необычного человека с черной кожей. Эбон сумрачно смотрел на низкорослых подземников. Иргамцы наперебой расспрашивали Товарда о случившемся в столице.

Подошел Гуннар Ноа, капитан королевской стражи, по его приказу стража разогнала зевак, а пленник и Довард, под конвоем, отправились к костру капитана. Короткий допрос закончился дружеской беседой, в которой выяснилось, что в лагерь прибыла делегация из Даноста, и сейчас советник пытается договориться, чтобы их пропустили на территорию соседнего королевства. К костру подошел гонец от Сумми, он сообщил, что советник хочет видеть капитана.

Гуннар поволок Товарда прямо к Сумми, и прервав говорившего посла, сообщил о падении Батры. Гномы плакали, узнав о гибели их королевства, рассказ о последних минутах Рибигуда произвел неизгладимое впечатление на иргамцев.

Переговоры прервали, и Сумми созвал Королевский Совет. Долго спорили что делать, кто должен наследовать корону, наконец, как быть с пленником. Все-таки это сын короля Кейста, да и сам Эбон король, пусть маленького, но легендарного королевства.

За отвагу, Товард получил звание капитана гвардии, совет поручил ему заново создать элитный отряд. Бывшие граждане Иргамы преклонялись перед молодым воителем, сумевшим в одиночку одолеть такого страшного врага как Мальдидский колдун. Влияние Товарда выросло настолько, что ему отдали в подчинение остатки войск. Сумми рассчитывал использовать популярность нового капитана гвардии. Учитывая его неопытность, советник полагал, что это самая беззубая фигура на его доске.

Переговоры оказались удачными, войска Даноста пропустили беженцев и перекрыли проход. Большая часть иргамцев расселилась по опустевшим, после нашествия подземных орков, городкам. Армия и гвардия Товарда влилась в войска соседа, сам молодой авантюрист получил звание сотника, и право проживать в столице. Так Торговая палата отметила заслуги юноши перед гномами, его пленник оказался золотой жилой. Только Кейст предложил за освобождение сто тысяч золотых, плюс рыцарство Мальдиды пятьдесят тысяч.

От крика пришедшего советника дрожали стены небольшого помещения, Ули Норва прищурившись смотрел на Сумми, и ядовито улыбался.

— Хватит орать!!! — наконец рявкнул председатель торговой палаты.

Крик Сумми неожиданно оборвался, и советник застыл, выпучив налитые кровью глаза. Его тяжелое дыхание говорило о крайнем напряжении сил, Норва показал пальцем на кресло и кивком приказал сесть. Сбитый с толку Сумми сел в кресло, и испуганно посмотрел на председателя палаты.

— Что тебя не устраивает? — спросил Ули, сверля взглядом советника.

— Вспомни Ули сколько я для вас сделал. Если не забыл именно благодаря мне вы окончательно не потеряли королевство, когда вас выкинул Лефтерсис из Батры.

— Да. Я помню, и мы благодарны, но тебе неплохо заплатили, и вспоминать теперь старые заслуги как минимум глупо! Сейчас все иначе. Ты потерял власть, твое королевство больше не существует. Так, на что ты претендуешь?

— Как это на что, я привел к вам тысячи гномов, принес часть казны и реликвии Иргамы, и это, уже не говоря о крайне прибыльном пленнике!

— Ну, ну, ты себе то не приписывай то, что сделал ваш молодой капитан. Твоя заслуга лишь в том, что ты оставил своего короля в столице одного, на верную погибель! Так кто тебе доверит управление Даностом. Ты же предатель Сумми, жадный до денег и власти! Так, что без обид. И речи быть не может о твоём назначении членом Торговой палаты, да и чем

ты, собственно, будешь оплачивать членский взнос? Ты же банкрот! Вопрос закрыт, но, чтобы ты не продолжал упорствовать, члены палаты проголосуют по твоей кандидатуре. Итак, кто за включения нового дома в состав Торговой палаты голосуем! — ни одно кольцо не упало на стол, глядя с улыбкой на Сумми, торгошаи ждали окончания представления.

— Кто против?! — кольца дружно легли на малахитовую столешницу, Норва удовлетворено развел руками, продолжая усмехаться.

— Сам видишь Сумми, я не все решаю единолично. Палата не видит необходимости в твоём включении в её состав. Прими и смиришься с решением лучших гномов Даноста.

— Тогда..., тогда, я уведу народ Иргам! Я требую вернуть королевские регалии... и казну!!! — вскричал Сумми, губы гнома тряслись от гнева, а краска заливала лицо.

— Мы обдумаем твоё требование, Сумми. Сегодня уже поздно, я тебя приглашаю на завтрашнее заседание палаты. Там и обсудим твои требования — тихо ответил Норва, его лицо приобрело землистый оттенок, а глаза холодно блеснули.

Сумми покинул кабинет, остальные члены палаты остались для дальнейшего обсуждения возникшей проблемы.

— Что будем делать Ули? — спросил Ред Апрост, угрюмо поглядывая на председателя.

— Да, это и впрямь проблема. Если этот дурак пойдет к своим беженцам, он может поднять восстание, и нам мало не покажется — добавил Кап Роса, ковыряясь в огромном носу, и увлеченно разглядывая добытое из его недр содержимое.

Норва с отвращением посмотрел на Роса, и подавив волну гнева, спокойно ответил.

— Сумми сам решил свою судьбу, пора подключить героя.

— Что ты имеешь в виду? — удивился Апрост, внимательно глядя в лицо председателя, Кап бросил свое увлекательное занятие и тоже уставился на Норва.

— Пора подключить, еще одного предателя, Скауга Хельмита? — загадочно ответил Норва.

— Кого? — удивился Гун Дловер.

— Ты что в камне провел последние дни? — с раздражением спросил Кап Роса. — Молодой капитан гвардии, тот, что приволок Эбона.

— Вот именно, этот молодчик для нас и сделает всю грязную работу. Вопрос только в том, что ему дать взамен? — задумался Норва.

— Ну, что, обычно любят предатели, деньги и кусочек власти — предложил Апрост.

— Зачем тратиться, можно и шантажом принудить. Предложить ему на выбор либо мы рассказываем, как он бросил короля и его сыновей погибать, или он делает то, что нам... — отозвался Гун Дловер.

— Не мели чепухи! — оборвал его Норва. — Сейчас нам никто не поверит. Если бы у нас остались свидетели, но Апрост дал возможность Сумми спрятать концы, потому теперь только поощрение. Другого пути нет. Вот, что предложить молодому и ненасытному, чтобы он не так быстро нас предал?

— Можно назначить его товарищем командующего. Пусть Таго Оллап подергается, а потом его руками уберем молодого. Скауг еще не остыл и опыта кот наплакал, быстро сориентироваться не сумеет — подал голос Кап Роса.

— Недурная мысль — отозвались члены палаты.

Норва молчал, лихорадочно взвешивая все риски.

— Боюсь ты его недооцениваешь Кап. Мальчишка шустрый. Как-бы нам потом локти кусать не пришлось — с сомнением ответил председатель.

— Да хватит тебе Ули, и не таких поворачивали как нам надо — возмущенно ответил Апрост. — Хорошее предложение, что тут тянуть!

— Я тоже думаю, что это удачное решение, лучше так, чем деньги или доля в деле — поддержал Апроста, Гун Дловер.

— Ладно попробуем, хотя я сомневаюсь, что это лучшее решение, но раз вам нравится эта идея, так и поступим — пересиливая себя, согласился Норва, пятак председателя страдальчески сморщился.

Новости облетели Танорт со скоростью птицы, а затем вышли за пределы столицы, беженцы из Иргамы одели траур. Великий Сумми Кальт погиб от руки наемника, ходили слухи, что это подлый Кейст отомстил, тому кто вывел из-под его тяжелой длани жителей ненавистного королевства.

С другой стороны, народный герой Скауг Хельммит, получил повышение и отстоял для своих, право гражданства Даноста. Вскоре начались нападения на вновь заселенные городки. И именно Скауг потребовал возродить систему застав, построенную еще во времена Торна Строителя. В то же время, зам командующего сам возглавил подвижные отряды легкой конницы. Оставив заседания в совете командирам Даноста, Скауг защищал границы королевства, снискав всеобщую любовь и славу. Смелость и несгибаемость молодого товарища главнокомандующего подкупали жителей маленьких городков, раскинувшихся по границам королевства.

Орки дали прозвище герою Грозный Скауг. Его появление наводило ужас на банды бродячих орков, с другой стороны, совсем прекратились нападения гоблинов. Как Скаугу удалось с ними договориться, для гномов осталось загадкой, но сложившееся положение вещей всех устраивало, а предприимчивый полководец получил еще и прозвище Скауг Миротворец. Доказав на деле, что и политика молодому воину не чужда.

В Торговой палате начали беспокоиться ростом влияния Скауга Грозного. Пока наконец не созрело решение об освобождении должности товарища командующего. Секретное письмо пришло в дом Таго Оллапа, главнокомандующий долго сидел за столом и перечитывал приказ. Прожив немало лет, он понимал, что Даносту повезло с молодым Хельммитом. Не имеет амбиций, активный, и борется с врагом не жалея себя, опять же любит свой народ. Какое редкое сочетание достоинств, и теперь он, старый воин, прошедший множество битв еще со времен отца Старого короля, должен превратиться в убийцу. Лишить надежды на избавление королевства от орочьей угрозы, из-за под коверных игр продажных торгашей из опустылевшей Торговой палаты. По лицу главкома бродили тени сомнения, как старый военный он не мог не выполнить приказ, но как честный гном он отказывался сделать, то, что от него требуют.

В дверь позвонили, адъютант бегом промчался по коридору и без стука вломился в кабинет главкома.

— Что такое? Что случилось? — всполошился Таго Оллап.

— Уважаемый Оллап на границе армия орков, они опять идут на Танорт! — отрапортовал адъютант.

— А что Хельммит? — спросил Оллап.

— Отступает, и уводит жителей к столице, сегодня, завтра в Танорт придут тысячи гномов!

— Тааак! — протянул главком. — Надо срочно доложить в Торговую палату, пусть

думают, куда разместить беженцев и главное, чем их кормить.

Беженцы наводнили улицы Танорта, власти разместили их в заброшенных штольнях серебряных рудников, создав очередные трущобы, а заодно санитарный кордон между потерявшими все беженцами и столичными жителями.

Спустя неделю под стенами Танорта встала настоящая армия, возглавлял которую король орков Урга, по прозвищу Угодный Богам. Утром следующего дня по городу прошел слух, что члены Торговой палаты бежали, оставив жителей на произвол судьбы. Вновь возродившаяся партия Традиции Камня, попыталась взять власть в оставшемся без руководства городе.

На следующее утро очередная новость повергла Танорт в шок. Все члены партии Традиция Камня, оказались либо убиты, либо в темнице. Жители трущоб прорвали кордоны и вылились на улицы благополучной столицы, требуя избрать нового правителя. Огромная толпа гномов совещалась несколько дней, пытаясь выставить представителей от гильдий и различных районов города, затем подключились беженцы. В виду превосходства последних в числе, жителям Танорта пришлось принять во внимание и их интересы. Еще на три дня затянулось заседание представителей, где во время дебатов дело не раз доходило до драк.

В самый разгар политической неурядицы, начался штурм ворот города. Много часов в каменные створы стучали тараны, но ворота выстояли. На несколько дней штурм прекратился, орки чего-то ждали.

На четвертый день ворота отворились и из города вышли войска, стройные шеренги сверкали металлом. Орки едва успели собрать воинов в боевые порядки, когда плотный строй копейщиков смял первые шеренги врага. Вперед вырвались огры, огромные и тупые, они сумели прорвать строй гномов. Некоторые ворвались в город, но тут их жали сети и цепи. Спеленав громил, гномы отсекали их несуразные головы. Видя явное преимущество врага, Урга приказал вступить в бой гоблинам, но ему доложили, что охотники предали подземного короля, и покинули лагерь. Стало ясно, что гномов кто-то предупредил о начале атаки. Тем временем битва превратилась в кровавое месиво, волны орков разбивались о непреступную стену щитов. Несмотря на превосходство гномов в военной стратегии и тактике они постепенно отступали, теряя соратников.

Наблюдатели доложили Урге, что гномами командует старик, так они звали Таго Оллапа. Это известие очень обеспокоило подземного короля, потому что возник вопрос, куда делся Скауг Грозный.

Войска с оглушающим стуком сошлись. Шеренга гномов встала на пути огромных орков, закованных в железо. Завязалась принципиальная битва, где каждая из сторон стремилась уничтожить как можно больше врагов, кромсая и раненных, и сдающихся в плен. Изрядно вымотав стороны, битва постепенно перешла в положение устойчивого равновесия, как вдруг со стороны Иргамского тракта раздались звуки трубы, огласившие гигантский проход.

Дробный топот копыт тысяч козлов, известил о приближении Скауга Грозного. Козлы влетели в ряды орков, разбрасывая врага мощными рогами, и легко перескакивая через завалы тел.

— А вот и Скауг! — подумал Урга, пришлось командовать отступление.

Барабаны ударили напряженный ритм, призывая всех искать спасения в узких проходах, где кавалерия становилась уязвима. Преследовать отступающих ни у кого не осталось сил, и

орки растворились в черной утробе подземелья. Обессиленные воины расселись прямо на поле сражения, переводя дух. У кого остались силы помогали раненым, победа не принесла радости. Всех охватило чувство горькой утраты, слишком много славных воинов унесла эта битва.

Не теряя времени Товард отправился в зал где продолжали заседать представители народа Даноста, и первым принес известие о победе над врагом. Выборщики приняли это сообщение восторженными криками, и в полчаса договорились о кандидатуре зачинателя новой династии.

Решающее значение на выбор представителей, оказала поддержка нового монарха главнокомандующим армии Даноста Таго Оллапом. Именно пламенная речь Оллапа о достоинствах молодого героя, заставила растаять сердца суровых, но сентиментальных рудокопов, горняков, кузнецов, и ремесленников, а также аристократов, выживших после террора, устроенного Торговой палатой.

Торговая палата пыталась противостоять выбору соплеменников, но и внутри торгового сообщества произошел раскол. Бедные дома встали на сторону нового лидера, рассчитывая улучшить собственное положение при новом короле. В итоге верхушка купечества оказалась в подземелье, а их дома подверглись уничтожению. Имуущество торговых факторий перешло в ведение королевской казны, а сами члены привилегированного сословия оказались фактически вне закона, кто сумел бежать, тот остался жив. Остальных ждала каторга, в то время как их семьи оказались выброшены в низы общества.

Длительное расследование преступлений членов Торговой палаты, раскрыло среди прочего и историю гибели семьи Довардов. Под пытками, враги его дома с удовольствием делились информацией, перекладывая ответственность друг на друга. Особенно расстарался старый Худо Беда, лидер движения Традиция камня. Старик выложил всю подноготную политики королевства, за последние сорок лет.

Выяснилось, что Старого короля убили по указке Ули Норва и его компании. Именно деньги и влияние Ули стояли за восстанием партии Традиции камня. Прояснилась судьба отца. Худо рассказал о роли Торговой палаты в гибели Хельма Доварда, а также о том, как он искал убийц для его матери и бабки. За несколько месяцев перед Товардом открылась вся суть политики королевства гномов, и в голове молодого короля созрел план.

Грозный Скауг, так теперь он себя называл. Настоящее имя могло стоять Товарду жизни. Гномы Танорта хорошо помнили жуткий погром и гибель Торна, из-за предательства его деда, поэтому истинное имя его семьи пришлось предать забвению. Попутно сочинив новую историю молодой династии.

Учитывая ошибки предшественников, Товард решил покончить с купеческим заговором, раз и навсегда. Осталось найти того, кто исполнит задуманное.

Слепящий свет ударил в глаза. Родриго глупо таращился, его органы чувств притупились от избытка раздражителей. Грохот разрушающейся стены, дрожь земли от падения каменных снарядов, крик раненных и всхлипывания женщин. Впереди слышался звон оружия, слепота отступила, и рыцарь увидел разрушенную стену, в проем вливалась река воинов.

— Орки! — узнал нападавших Амадо.

Сбоку плакала женщина, она сидела на земле склонившись над телом знатного воина. Родриго видел только ноги, но не сомневался, что это кто-то из княжеской дружины. Он подошел к женщине и тронул ее за плечо, она повернула заплаканное лицо.

— Авдалея? — удивился Амадо, только теперь он узнал замок Малвей.

— Они разрушили стену, и убили Рабора — выдавила между рыданиями амазонка.

За несколько лет Авдалея совсем превратилась в женщину, материнство стерло суровость степной воительницы.

Родриго обошел амазонку и склонился над телом. Первое, что отметила его броня, это едва заметный пульс, поднесенная к лицу Рабора, зеркально отполированная перчатка запотела.

— Жив — спокойно сказал Амадо.

Глаза Авдалеи расширились, вздох радости, смешанной с беспокойством, вырвался из груди девушки.

— Спасибо, тебе чужеземец! — повернулась она к Родриго, но рыцарь уже врезался в поток орков, заливающих нижний ярус крепости.

Вскоре пришлось отступить в верхнюю крепость, Амадо последним прошел через ворота. Доспех рыцаря быстро залечивал повреждения, чужестранец достал специальный ремкомплект, восстановление значительно ускорилось. Дружинники Рабора с немым удивлением смотрели на чудо, творившееся у них на глазах.

— Колдун! — удивленно переговаривались они меж собой.

— Колдун, не колдун, какая разница! — гаркнул Ардос. — По мне так хоть сама смерть, лишь бы на нашей стороне, а остальное не важно! — речь воеводы прервал удар тарана в двери.

— Вот неугомонные говнюки! — сплюнул воевода.

На стены вскарабкались первые орки. Завязалась жесткая рубка, ворота упорно держали удары тарана. Пытаясь спасти положение Родриго, спрыгнул со стены, орки в ужасе побежали в разные стороны. Крики триумфа раздались со стен замка. Разбрасывая врагов, Амадо сумел добраться до тарана, пробившись внутрь, он превратил крытый подвес в крепость.

Орки рвались внутрь, стараясь пробиться сквозь щит рыцаря, который вырос до размеров навеса и отделил Родриго от воинов врага. Копье то и дело выстреливало в напирających орков, неся смерть и ужас. Щит уходил в сторону, создавая прореху для копья, и по возвращении смертельного жала занимал прежнее место, словно жидкая ртуть.

Вскоре враг потерпел поражение и на стенах, орки начали откатывать обратно к пролomu во внешней стене, увлекая за собой еще стойкие части. Утробные призывы труб и рогов не помогли, остановить массовое бегство зеленых. Тем временем, на горизонте появились первые конники соседних княжеств, они выступили на помощь объединившему

их монарху.

Орки откатились в степь, их пытались преследовать, но атака элитных воинов зеленых на свиноподобных тварях опрокинула конницу. Жуткие свиньи рвали коней, и давили дружинников копытами, лошади в ужасе понесли, и атака кавалерии захлебнулась. Сталкиваясь и сшибая всадников, кони топтали и своих, и чужих. Животные в страхе стремились уйти как можно дальше от хищных созданий. Несмотря на локальную победу, у орков не осталось сил для продолжения полноценной войны с Урсумом, и они ушли в степи.

Бледное лицо Рабора казалось мертвым, если бы не пульсирующая жилка на виске. Разбитая голова, замотанная в холстину, лежала на высокой подушке. Над раненным склонился Амадо, синяя туника рыцаря, обрызганная кровью, ярко выделялась на фоне красного покрывала, поверх которого лежал Рабор.

Кальцер сделал свое дело, и теперь оставалось только ждать, пока молодой организм справиться с последствиями большой потери крови. Авдалея обтерла влажным полотенцем, полуголое тело князя, затем одела на шею мужа оберег. Знакомые очертания подвески, все поставили на место.

Кулон, подаренный матери Рабора все-таки спас жизнь ее потомку. Теперь стало ясно, что Авдалея, сама того не желая, вырвала его из Иргамы. Сняв с шеи раненного супруга медальон, женщина повернула втулку и оберег-маяк выкинул его в малвейскую крепость. В очередной раз Амадо поразился как все в жизни связано, если бы не оберег-медальон, он потерял бы сегодня и дочь, и сына. Стремясь защитить Рабора, Славна отдала юноше медальон. Считая предмет магическим, она не могла представить, что оберег приведет помощь вполне осязаемую, и в итоге сохранит жизнь всему роду Малвеев.

Неделю спустя подошли степные воительницы, Ментеселаю принимал Рабор. Все еще слабый и бледный, но уже полный решимости продолжать борьбу с орками. Царица амазонок крайне холодно поздоровалась с Амадо, после чего его выставили из зала, вместе с остальными гостями.

В коридоре, что вел к гостевой зале, около окна стояла Липита, Амадо подошел к воительнице и поприветствовал.

— И тебе Родриго — ответила амазонка, немного испугавшись неожиданного приветствия, ее мысли унеслись слишком далеко от замка Малвея.

— Спасибо, что спас Рабора, и... и нашу дочь — ее глаза влажно блеснули, но женщина сдержала слезы. — Как ты узнал, что они в опасности?

— Это сложно объяснить, когда-то я подарил матери Рабора медальон. Хотя это и не медальон вовсе, а прибор, такой механизм, который перемещает владельца второй половины к владельцу первой. Авдалея случайно активировала его, нажала рычажок на медальоне, когда снимала оберег с шеи Рабора.

— Ничего не понимаю, что это за медальон? Это оберег? Колдовство? Ты колдун? — испугалась Липита.

— Нет — отрезал Амадо. — Я ученый, а этот медальон машина, а не оберег, что-то вроде моего коня, только намного сложнее — попытался объяснить Родриго.

— Понимаю — протянула Липита, совершенно ничего не понимая. Страшный, железный конь Родриго ее удивлял не меньше остальных воительниц. — Кто ты Родриго? — спросила она, заглядывая в его глаза. — Откуда?

— И это тоже очень непросто объяснить. Моя родина в другом мире, во многом похожем на ваш, но в тоже время совсем другим.

— Но ты человек?

— Да. Я человек — успокоил он женщину, и мягко улыбнулся.

— Я тебе верю — ответила Липита, глядя в него.

— Ментеселая пришла на помощь внучке? — сменил тему Амадо.

— Мы не видели, как орки шли на Урсум, зеленые пробрались через Дремучи. Лишь несколько недель спустя до нас дошли слухи, об осаде. Я думала мы опоздали... особенно... особенно когда появился дым на горизонте, а потом орки, бегущие в степь. Мама решила, что они разграбили Урсум и возвращаются в стойбища с добычей, но среди захваченных в плен, все как один рассказывали о страшном рыцаре в вороненных доспехах без герба. Я уже тогда сказала маме, что все в порядке. Мне почему-то казалось, что ты не оставил своих детей — Липита вновь подавила слезы.

— Ты обо мне думаешь лучше, чем я того заслуживаю — ответил помрачневший Амадо.

— Нет! Я знаю! Ты все сделаешь ради своих близких — поспешно проговорила Липита. — Моя мать ошибается, ты не такой как ей кажется, ты мне подарил мою Авдалею, и сберег ее для меня — ее глаза светились нежностью.

Вышли Рабор и Ментеселая, в глаза бросалось явное расположение пожилой воительницы к зятю.

— Сегодня мы заключили союз, я жду от тебя, что весной ты не забудешь своих обещаний. Жду тебя у капища Турада, с твоей дружиной, пора остановить орков, и вернуть покой в Великие степи — женщина испытующе посмотрела в глаза Рабора, молодой король, немного смущаясь ответил.

— Не сомневайтесь дорогая Ментеселая. Орков я ненавижу также, как и вы. К тому же они уже второй раз пришли за моей семьей, и я не прощу им этого — Ментеселая бегло улыбнулась, и повернулась к Авдалее.

— Береги своего короля Авдалея, а я всегда буду приглядывать за тобой и моим правнуком — королева обняла внучку, и поцеловала в лоб.

Во дворе замка толпились девушки воительницы, сдерживая строптивых коней. С высокого крыльца спустилась Ментеселая, она видела, как Амадо разговаривал с Липитой, и жестко приказала дочери готовить армию в обратный путь. Родриго покачал головой, Ментеселая поравнялась с ним и не глядя на него произнесла.

— Благодарю тебя — слова прозвучали настолько отстраненно, что Амадо не сразу понял, что они обращены к нему.

Поэтому поклон чужестранца поблагодарил спину королевы.

Лошади беспокойно ржали и рвались с места, амазонки окружили Ментеселая, и кавалькада неспешно тронулась в путь. Амадо покинул замок следом за воительницами. Немного отъехав в сторону от дороги, Родриго остановился, осмотрелся и секунду спустя растворился в воздухе. Ментеселая единственная, кто смотрел на него в этот момент, царица не могла поверить своим глазам, она оглянулась на телохранителей, но никто из девушек ничего не заметил. Воительницы продолжали сумрачно всматриваться в горизонт, в ту сторону куда им предстоял долгий и опасный путь.

Тело окунулось в безбрежную черноту, холод пронизал каждую клетку, одновременно стягивая в единую точку и разрывая все существо Амадо. Чернота рассеялась перед рыцарем возник полуразрушенный Иргам, ступени королевского дворца, черные от запекшейся крови, четко выделялись среди навалов тел.

Сладковатая вонь разложения ударила в нос, спазмами сжимая желудок. Прямо перед Амадо стоял высокий шест, на котором красовалась голова Рибигуда с выбитым глазом и вывернутой челюстью. Сверху, от ворот дворца донесся каркающий говор, он развернулся на звук. К нему бежало несколько орков, воины размахивали копьями, одно из которых со свистом пролетело в сторону человека и ткнувшись в камень, пружинисто отскочило.

Знак завибрировал, вновь темнота окутала Родриго, Иргам сменился площадью перед Танортом. Мимо сновали купеческие телеги, слышались окрики стражи, гомон детей, водивших свои игры. Жизнь вырвала его из объятий вечного. Кипение Даноста настолько сильно отличалось от мертвящего зловония Иргамы, что мозг отказывался верить в реальность происходящего.

Какой-то гном сильно толкнул его, сознание медленно вернулось в тело, и Амадо решительно зашагал к воротам города.

Товард поначалу не поверил, когда ему доложили о появлении Родриго Амадо. У молодого монарха, созрело несколько вопросов к своему опекуну, в конце концов именно Родриго привел на трон убийцу его отца. Вопреки ожиданиям Товарда в зал вошел, сильно постаревший мужчина, все еще моложавый, но уже не молодой.

— Странно, я тебя хотел искать, а ты сам пришел ко мне — вместо приветствия произнес монарх.

— Ваше Величество, прошу уделить мне немного вашего драгоценного времени — с поклоном ответил Амадо.

— Отчего ты не смотришь на меня? — спросил Товард, наслаждаясь своим положением, слишком много неприятного лезло в голову короля. — Можешь поднять глаза, я не Хазробадский халиф — улыбнулся Товард.

Родриго поднял горящие глаза на него и гном тут же пожалел о своем приказе, что-то холодное поползло по спине бесстрашного Скауга.

— Зачем пришел? — жестко спросил он, уже совсем без игривости.

Амадо сразу узнал Товарда, несмотря на величественный вид и новое имя, он оставался все тем же дерзким, не знающим страха мальчишкой. Истории в изобилии, ходившие вокруг молодого монарха, вызывали в опытном интригане здоровый скептицизм. Родриго понимал, что миф привел случайного счастливчика на трон Даноста, но что этим счастливчиком окажется отпрыск дома Довардов, он и предположить не мог.

— Я пришел просить справедливости Ваше Величество! — ответил Амадо.

— Справедливости? У меня? — удивился король. — И что за обида тебя привела?

— Ваше Величество я обвиняю Ули Норва в организации нападения на мою семью, и в заговоре против меня, целью которого является мое убийство! — громко произнес Амадо.

Прозвучало имя Ули Норва, Товард вытянулся на троне, прислушиваясь как сторожевой пес к словам человека. Родриго с удовлетворением отметил реакцию монарха.

— Что же, предельно ясно изложено. Ну а кроме ваших слов уважаемый Амадо у вас еще что-то есть?

— Вот это письмо, оно написано Сингелю Скамешу, причем к нему прилагается выписки по оплате указанной услуги, за подписью Ули Норва — Родриго протянул королю письмо.

Товард нетерпеливо вырвал сверток из рук человека, и быстро пробежал письмо глазами, затем выписку.

— Да, и впрямь заказ на убийство — он немного помолчал, затем резко поднял глаза на

Амадо.

— Ваши обвинения справедливы, но вот в чем загвоздка. Норва бежал вместе с подельниками из Торговой палаты. Хотя если поразмыслить, то он все еще подданный Даноста, и я как король могу приговорить преступника к наказанию. Вот мое предложение. Я вам вручу уведомление о праве привести в исполнение мое решение по данному преступлению, а вы его обязуетесь исполнить.

— Меня это устраивает, единственное мне неизвестно где его искать — сдержанно ответил Амадо.

— Ну это-то как раз не тайна. Преступник сейчас находится в Железной Долине, в Феррочи. Он основал там торговый дом, и дал присягу десяти, оставаясь при этом подданным короны Даноста. Посему Ули Норва обвиняется в покушении на убийство равного, в измене короне, и предательстве интересов Даноста. За что я, Его Королевское Величество, Король Даноста и Иргам Скауг Хельммет приговариваю преступника к смертной казни. Исполнение приговора возлагается на Родриго Амадо, выступающего в данном процессе одновременно и как истец и как палач.

Стряпчий быстро составил соответствующий документ, скрепленный печатью Скауга Грозного, а тем временем, Товард встал со своего трона, и знаком пригласил Амадо в кабинет позади тронного зала.

— Ну здравствуй дядя Родриго, я очень сочувствую твоей потере. Поверь, когда узнал, неделю в себя приходил. Эли рыдала... — Товард сглотнул ком подступивший к горлу. — В общем, все мы понесли утрату, прости, что тогда убежал...

— Тебе не за что просить прощение. Ты спас Эли, если бы вы остались, то погибли бы вместе с Лафной — ответил Амадо.

— И еще, благодарю, за то, что не выдал моего происхождения — Товард улыбнулся. — Когда услышал, что ты пришел ко мне, очень удивился. Мне старый Худо рассказал, во время беседы с глазу на глаз, что это ты привел Торна на трон.

Развалившись в кресле старого короля Товард, выглядел мальчишкой, что в шутку примерил корону древнего государства. Амадо с улыбкой смотрел на него, вспоминая резвого сорванца.

— Это правда, но тогда никто не мог предположить, как это обернется для твоей семьи. После битвы с орками под стенами Танорта, я вынужден был уйти с древними. Я до сих пор не понимаю, зачем твой отец закрыл Софос...

— Что сделал? Какой Софос? — не понял Товард.

— Золотой мир, из которого Торн качал золото. Как ты думаешь на что он отстроил Даност? Софос приносил столько золота, что его хватило бы на все поколения с запасом, а Хельм, почему-то закрыл проход в этот мир.

— Ничего не понимаю, разве это не гигантская золотая жила?

— В старом выработанном городе? Ну что ты? В том вся и суть, что твой отец умел открывать миры, и даже ходить между ними. Когда-то в Риене открылся портал, и оттуда пришла Алит, а Хельм как-то сумел отнять у древней, серебряную флейту, что дала ему возможность повелевать проходами между мирами. К сожалению, это все, что мне известно.

Товард задумчиво теребил бороду, слушая удивительные рассказы отчима. Постучали в дверь, это стряпчий принес королевский приказ. Король внимательно его изучил, и приказал стряпчему удалиться.

— Родриго мне нужно, чтобы ты избавил меня от этого интригана. Помоги мне, и я

сделаю для тебя все, что пожелаешь. Я все-таки король — гном улыбнулся.

— Не сомневайся, я найду Норва, и казнь негодяя — успокоил пасынка Амадо. — Мы отрубим голову змее, а остальные члены Торговой палаты, уже не смогут вернуться, они предатели, и жители Даноста их не простят.

— Будем надеяться, что ты прав. Слышал, что Танаис погибла? Говорят, от рук душителеей — неожиданно спросил Товард.

— Да, до меня тоже дошли слухи — неприветливо отозвался Амадо, пряча глаза.

Разговор сам собой разладился, и вскоре они расстались, каждый уносил в душе чувство грусти.

Стальной запах крови, исходивший от покалеченных тел, растекался по помещениям усадьбы. Гном с разбитым лицом, и множеством надрезов на коже рук и ног сидел на стуле. Широкие кисти подземника держали тугие путы, прижимая толстые предплечья к поручням старинного стула, короткие ноги время от времени семенили от невыносимой боли. Кричать уже не осталось голоса, Амадо методично пытал Ули, не обращая внимания на причитания торгаша. Охрана, заботливо истребленная рыцарем, не могла помешать творившемуся священнодействию.

Родриго ничего не спрашивал, пытая несчастного вслепую. Норва не мог понять, что от него хотят, неизвестность и боль сбивали купца с толку.

— Кто ты? Что тебе нужно? — в очередной раз взмолился Ули, на что Амадо ответил прижиганием очередного пореза. Вопли ужаса и отчаяния наполнили кабинет купца.

— Мы не знакомы — наконец ответил человек. — А интересуется меня, тот же вопрос, что и тебя. Что тебе от меня нужно? — спокойно спросил человек, гном изумленно выкатил глаза.

— Не понимаю, что ты хочешь? — произнес Ули, и снова застонал, новый порез и прижигание. — Я... Я ничего не знаю, я не могу тебе ответить... Я не знаю!!! — логичный ум купца, начал давать сбои.

— Странно, ты меня не знаешь, а деньги за мое убийство платишь — удивился Амадо.

— Что плачу? Какие деньги? Ты кто?

— Меня зовут Родриго Амадо, и ты оплатил мое убийство. Вот я и хочу знать, где я перешел тебе дорогу? — рыцарь внимательно посмотрел на свиное рыло Норва, и криво усмехнулся.

— Амадо?! — испуганно переспросил Ули. — Ты не того мучаешь, не я хотел твоей смерти... — вновь порез и прижигание.

— Я послал письмо и оплатил, а заказ сделал канцлер Железной Долины. Уж не знаю, чем ты разозлил королей, но ты не жилец — Норва неожиданно успокоился, и тихо захихикал.

— Зачем им меня убивать?

— Да говорю же тебе, не знаю. Знаю, что существует организация наемных убийц Душителеей. Но это не ришамцы, этим безмозглым фанатикам далеко до убийц, что работают на Железных королей.

— Что-то ты врешь мне, я слышал про убийц Гинну, а про Душителеей впервые узнаю от тебя. Почему я раньше о них не слышал?

— Потому, что эта организация создана десятью, они наняли каких-то дураков уничтожить Гинну, а затем создали своих Душителеей.

— Хорошо, ладно. Тогда кто возглавляет Душителей? Где они располагаются?

— Ты и впрямь дурак! Ха, ха, ха они же тайная организация! Откуда я могу это знать? Да лучше такие вещи и вовсе не знать. Теперь отпусти меня! Что знал, я тебе рассказал. До утра у тебя еще есть время, чтобы убраться отсюда подальше.

— Не могу! У меня с собой приговор Скауга Грозного. Я обещал ему, что при встрече с тобой приведу его в исполнение — озорная улыбка осветила лицо Амадо, гном взвился и заорал, неожиданно прорезавшимся голосом.

— Ты мозгляк, даже не представляешь, как устроена политика!!! Ты и так не жилец!!! Тебя все равно найдут!!! Тебя ждет четвертование!!! Ты думаешь, что тебе поможет, то, что я рассказал?! Ха да это только верхушка айсберга, все, абсолютно все, связаны между собой. Противоречия всегда решаемы, вопрос в цене, твоя жизнь стоит не так уж и дорого, а вот моя может оказаться непосильной ношей для тебя. Бумажка, написанная молодым жуликом, здесь не имеет никакого значения! Убив меня, ты станешь таким же преступником, как и Скауг Хельммет. Он предал своего короля, бросил глупого Рибигуда на поле боя, а его сына оставил на растерзание оркам. И ты считаешь, что такого монарха кто-то признает?!

— Признают. Можешь не сомневаться. Он молод, амбициозен, и главное беспринципен, так, что он мало чем отличается от большинства монархов нашего времени. Вопрос в цене — лицо Ули вытянулось, гном не знал, что ответить. — Да, и последнее. Скауг не из рода Хельммет, его род всегда носил фамилию Довард — Амадо жестко посмотрел на купца, удивление и испуг исказили лицо Ули Норва.

Купец сник, и больше не пытался торговаться.

Родриго монотонно зачитал приговор Товарда, после чего отсек голову. В комнате наступила тишина, человек вышел, а тело купца все также сидело на старинном стуле, с отрубленной головой на коленях.

Весна принесла тревожные известия, что-то неладное творилось на берегу Эльфийского моря, там расположилась эльфийская колония Оланада. Поход вглубь Великой степи пришлось отложить, вместо этого Рабор спешно собирал всех лояльных владетелей, в крепости Нерчь. Общее собрание князей решило выступить в поход против беспокойного соседа.

Армия разбила лагерь подле узкого прохода, носившего название Губы Думары. Проход узким перешейком спускался к морю, с боков его подпирали белые массивы песчаника, нависшие над узким коридором. Внизу виднелась оборонительная стена, а еще дальше, в море, как белые чайки на воде качались эльфийские суда. Часть судов уже подошла к причалам, далеко врезающимся в морской залив, остальные ждали своей очереди. Разведка сообщила о прибытии в эльфийскую колонию большой армии. Наученный горьким опытом коварных нападений степных соседей, Рабор предпринял объединенный поход всех княжеств Урсума, пока еще хватало его влияния, позже эльфы могли купить лояльность его вассалов.

Урсумцы ждали, но со стороны Оланады все оставалось спокойно. Хотя уже чувствовалось, что это спокойствие обманчиво, эльфы явно что-то затевали.

К вечеру подошла армия амазонок. Ментеселая рассказала Рабору об орках, что ее разъезды заметили возле границ Малвейского княжества. Старая королева посчитала это признаком заранее спланированного нападения, ее поддержала Авдалея. Рабор хмуро слушал советниц, все еще сомневаясь в тесных связях остроухих и зеленокожих.

Его главной заботой оставалось свести недопонимание с соседом, к мирным переговорам и взаимным уступкам.

Липита предложила приготовить позиции для более удобной стрельбы из лука. Предполагалось разместить самых метких воительниц на верху отвесных скал, нависавших над проходом. Так и поступили. Оставалось дожидаться дружины из Ругоз и Варг, союзные князя сильно задержались из-за неожиданных ливней, что испортили дороги.

Солнце уже село за линию горизонта, темная южная ночь быстро опускалась на степь, накрывая черным пологом бескрайние земли. Патрули расслабились, несколько дней ничего не происходило. Из темноты открытой степи засвистели первые стрелы, в лагерь ворвались растрепанные амазонки. Воительницы уже вступили в бой с врагом, и многие получили ранения. Девушки сбивчиво сообщили, что с тыла подошла огромная армия степняков. Орки прошли через земли Урсума, обходя крепости и укрепленные города, но безжалостно разоряя деревни и поселения. Они привели с собой жителей Урсума, и теперь гонят их перед своей армией, в качестве живого щита. Амазонки понесли немалые потери из-за того, что не могли стрелять в орков, когда те прятались за спинами урсумцев. В шатер Ментеселаи ворвался Рабор, он застал королеву не совсем собранной, и смешался, но амазонка снисходительно отшутилась.

— Говори Рабор, если ворвался в мой шатер, и застал меня в исподнем значит случилось, что-то страшное!

— Да дражайшая Ментеселая, нас берут в клещи, со стороны Оланады идут эльфы.

— Ну как я и говорила. Договорились значит — спокойно ответила королева.

— Я предлагаю вывести амазонок на скалы, а навстречу оркам отправить мою дружину, проход тем временем будут держать союзные князья.

— Вашей дружины не хватит, орков тысячи, а у вас несколько сотен. К тому же у орков прекрасные луки, они перебьют ваших воинов, и ударят в оголенный тыл. Может будет лучше оставить на скалах самых метких стрелков, а остальных воинов послать навстречу оркам. Вы ударите в лоб тяжелой конницей, а мои девочки подготовят атаку дружины — несколько секунд сомнений не принесли иных идей, и Рабор согласился с опытом степной воительницы.

Вскоре степь озарилась заревом пожара, амазонки подожгли сухую траву и огонь пошел в сторону орков, воительницы шли следом за огнем.

Со скал полетели стрелы, эльфы принялись обстреливать теснину при помощи машин. Огонь, выжигал камень, и землю, оставляя пепел, и спекшуюся массу. Меткие стрелы воительниц быстро сократили расчеты машин, и их скорость и точность заметно ослабли.

Встречным палом орки остановили пламя, бегущие войска начали обретать порядок. Десятники и сотники выстраивали плотные ряды копейщиков, полчаса спустя армия вновь двинулась к перешейку.

Прозвучал рог, воительницы призывали дружину Малвея. Рабор опустил маску, и наклонив копьё, пустил коня в неторопливый разгон. Из-под копыт вылетали черные клубы пепла и сажи, дышать стало тяжело, но сажа и пепел маскировали их приближение. Орки видели лишь черную тучу, что двигалась на их построения. Увидеть сколько воинов их атакует, они не могли, по мере приближения к позициям врага, конница рассыпалась в цепь, обеспечивая максимально широкий охват. Поначалу лишь некоторые из орков бросали копья и убегали с линии атаки, затем, когда раздался рог Урсума, дрогнула вся первая шеренга. Крики и удары сабель командиров не помогли, армия рассыпалась и побежала. Всадники

бежали еще раньше, дикие животные в ужасе унесли своих седоков от надвигающегося пожара, инстинкт переборол преданность.

Многие плененные урсумцы сгорели заживо, либо погибли от стрел как своих, так и врагов. Небольшую часть амазонки все же сумели вывести в сторону соленного озера Очага.

С наскока взять проход эльфам не удалось, пришлось выдвинуть лучников под прикрытием тяжелой пехоты. Эльфийские мастера стрельбы быстро подавили обосновавшихся на скалах воительниц, а тяжелая пехота мощно врезалась в ряды спешенных дружинников, началась жестокая сеча. Вернулись амазонки Ментеселаи, их меткие стрелы остановили врага, лошади метались как бешенные, эльфийские стрелки заметно потеряли в точности, и начали нести большие потери, в основном ранеными, спасала великолепная эльфийская броня.

Со скал вновь ударили стрелы амазонок, выкашивая пехоту эльфов. Немного погодя эльфы отступили, неся тяжелые потери. Пленных никто не брал, пехота урсума двинулась в проход, задние ряды добивали еще живых врагов.

Увлеченные преследованием урсумцы вышли к стенам колонии, и на них обрушилась тяжелая кавалерия эльфов. Сминая людей, всадники пронеслись через спешенные дружины урсума, и вырвались на свободу, вклинившись в ряды амазонок, которые не успели отойти в степь.

Удар конницы оказался столь стремительным, что Ментеселая попала в ловушку. Девушки рубили врага, стараясь вогнать свои чеканы как можно глубже в доспехи эльфов. Остроухие даже немного отступили, оробев от яростного сопротивления, но в какой-то момент эльфийская стрела поразила королеву.

Ментеселая упала с лошади. Из груди великой воительницы торчала оперенная убийца, кто-то подхватил ее на своего коня и унес прочь в зарево горящей степи. Девушка, увозившая королеву, натолкнулась на дружину Рабора, которая возвращалась к проходу после погони за орками. Князь не сразу понял, что случилось, но, когда до него дошло, что произошло страшное, приказал спасти королеву любой ценой. В помощь девушкам он отрядил несколько человек, а сам направился к месту боя. Рабор надеялся успеть до окончательного разгрома, веря, что сможет спасти положение.

Урсумцы вышли к теснине, усталые лошади тяжело набирали ход, выходя на потерявшего бдительность врага. Атака дружины урсума оказалась полной неожиданностью для конницы остроухих, эльфы не успели закрепиться за перешейком, и ударились в беспорядочное бегство. Теряя коней, эльфийские рыцари стремились к спасительным стенам города.

Бой закончился победой, а война оказалась проигранной. От княжеских дружин остались жалкие крохи, множество раненных, и еще больше убитых. Из пятнадцати князей в живых осталось шесть, остальные пали в бою. Амазонки потеряли королеву, Рабор не питал иллюзий, он слишком часто видел смерть, и точно знал, что Ментеселая долго не протянет при таком ранении. Ругозы и Варги так и не успели к сражению, Рабор отправил к ним гонца, с вестью о победе, тем самым сообщая союзникам об окончании похода.

С утесов, во главе с Липитой, спустились лучницы. Амазонка еще не знала о печали, что постигла ее дом. Стараясь не породить панику среди воительниц, Рабор тихо сообщил Липите о ранении матери. Воительница тут же собрала армию и увела амазонок в степи, Липита стремилась перехватить Ментеселаю в пути.

Следом, под покровом ночи, ушли войска Урсума. Рабор уводил все, что могло идти, к

своему замку, надеясь, что эльфы не скоро оправятся от поражения под стенами Оланыды.

Загнав несколько лошадей Липита нагнала Ментеселаю, но как она не спешила, живой мать, так и не застала. Тело королевы везли в Наполь, тщательно забальзамировав смолами и маслами. В столице Липиту встретили уже как королеву.

Больше месяца длились похороны великой воительницы. В долине Царей вырос еще один огромный курган. Печальная весть, заставила Авдалею покинуть замок мужа, и отправиться вместе с сыном в Наполь, на похороны бабки.

Рабор укрылся в своем замке и готовился к последней, в своей жизни, осаде. До жителей Малвея доходили слухи о зверствах эльфийских захватчиков, которые выступили походом на Урсум. Пало несколько княжеств, их жителей обратили в рабство, и вывезли в Эманторан. Оставшихся в живых князей, эльфы заковывали в цепи и сажали в клетки, после чего возили следом за собой, показывая в качестве наглядного примера, что ждет тех, кто осмелится противостоять воле айларов.

Ко всем бедам, свалившимся на Рабора, вернулась Авдалея. Амазонка привезла с собой сына, за закрытыми дверями спальни состоялся тяжелый разговор. В итоге Авдалея дала слово, что уедет на следующий день под защиту своей матери, и увезет малолетнего княжича.

Утром пришли вести из Турова, гонец сообщал что войска эльфов осадили город, и активно готовят штурм. В зал вошел Ардос, глаза старика сверкали, а губы что-то шептали. Раздался набат, колокол известил о появлении врага под стенами.

— Ваше Величество — как-то растеряно, и неловко произнес Ардос. — Туров пал, и...

— Я понял! — ответил Рабор, набат мог означать только одно, эльфы подошли под стены Малвея.

Князь приказал подготовить доспех, и коня. Дружинники собрались перед княжеским теремом. Вышел Рабор, уже облаченный в доспех, и решительно прошел к конюшням, дружина последовала за ним. Молча, без пафоса, и эмоций они сели по коням. Рабор приказал открыть ворота. Заскрипели ворота, поднимая стальную решетку. К князю подбежал Ардос, он получил ранение в битве у Оланады, и не мог принять участия в сражении, схватив за повод княжеского коня, воевода быстро затараторил.

— Князь, остановись, не погуби себя и дружину, нужно верить в удачу до конца — Ардос говорил быстро, боясь, что Рабор его оборвет, и он не успеет остановить князя.

— Чего ждать Ардос? Завтра, послезавтра они притащат свои машины и сожгут крепость вместе со всеми жителями. Лучше погибнуть в поле, чем сгореть как крыса в своей норе. Уведи из города Авдалею и Малвея. Спаси их.

— А как же твои подданные? Что будет с людьми? Они пойдут в рабство, а рабство ты сам знаешь, хуже смерти. Князь покорись остроухим, и мы останемся живы, а потом их обманем, и сделаем так как нужно нам. Ты же видишь полчища их пришли на нашу землю, нет у нас сейчас силы дать им отпор. Так давай перехитрим врага. Подумай о том, что ты оставишь сыну! — убеждал Рабора воевода.

Князь задумчиво посмотрел на свою дружину, на крепость, потом повернулся к Ардосу и проговорил.

— Приготовь мне коня для выездов, и пару человек в сопровождение, я последую твоему совету. Хоть это и ляжет на мою честь темным пятном, но рабство хуже. Готовь

посольство, будем заключать мир.

Пять суток прошло, с тех пор как князь ушел в ставку врага. Ардос извелся, разные мысли посещали седую голову воеводы. Неопределенность сковала жителей Малвея, спокойствие за стенами радовало, пока не начался штурм, надежда на мир оставалась.

Кто-то дернул за рукав, вырвав Ардоса из невеселых раздумий, воевода повернулся, на него смотрели белесые глаза старика Нарета. Он улыбался беззубым ртом, сжимая в руке узкие полоски пергамента.

— Прилетели голуби из Ругоз и Варги, принесли сообщения!!! — прокричал сокольничий.

— Ну?! Что пишут?! — с тревогой спросил воевода.

— Выстояли голубчики, живы!!! Эльфы ушли!!! В ночь собрались и отступили, проклятые вороги!!! Они идут к нам на помощь, сегодня, завтра придут к Малвеям!!! Глядишь не пропадем!!!

— Да что ты брешешь старый пес! — вскричал Ардос, не веря словам сокольничего. — С чего им уходить, они победили, вон Рабор уже пятый день у них в плену!

— Хватит ворчать, лучше вели приготовить войска, да и жителей надобно подготовить!!! Чтобы выставить дорогих гостей понадобится каждый мужчина способный держать топор или копье!!!

— Ну если соврал, держись! — пригрозил Ардос, Нарету, быстро сбегая по ступеням с крепостной стены, смешно переваливаясь при этом с боку на бок, точно старый медведь.

Гулко ударил набат, ворота отворились, мрачный Рабор въехал в крепость и не глядя ни на кого прошел к Авдалее. Дружина столпилась возле крыльца, в ожидании выхода князя. Ардос собрался с духом и поднялся в сени, стража вытянулась, пропуская его внутрь. Не глядя на них, воевода прошел в Людную, и остановился в ожидании, прислушиваясь. Но из-за тяжелой, дубовой двери не доносилось ни звука. Дверь распахнулась Рабор выскочил как ошпаренный, и едва не столкнулся с воеводой.

— Чего подслушиваешь! — крикнул он на старика, и побежал дальше.

Ардос заглянул в комнату, Авдалея сидела в дальнем углу большой залы. Забравшись с ногами в кресло, что стояло против окна, княжна плакала, спрятав лицо в коленях. Плечи женщины мелко вздрагивали. Она повернула заплаканное лицо на звук шагов. Заметив Ардоса, Авдалея смутилась. Ее лицо приобрело холодное выражение, а слезы отер широкий рукав рубахи.

— Ардос он хочет отдать им Малвея — проговорила она упавшим голосом.

— Зачем? — изумился воевода.

— Эльфы! Эти проклятые звери, требуют моего сына. Хотят залог. Им нужен аманат. Вот гады, они хотят отнять у нашего народа будущее, а у меня мое дитя! — ее лицо покраснело, а глаза засверкали неистовой яростью, той, что отличала степных воительниц от всех других женщин.

— Я поговорю с князем, что-нибудь решим — попытался успокоить княгиню Ардос, она печально посмотрела на него и ответила.

— К сожалению, мой дорогой воевода, никто не сможет изменить решения Рабора, или мы отдаем Малвея, или они начнут штурм и сами возьмут, что захотят — она странно улыбнулась и отрешенно уставилась в окно.

Ардос постоял еще немного и чувствуя неловкость момента покинул княгиню,

решительно настроенный переубедить Рабора. Ведь князь еще не знал последних вестей.

Ворота отворились, и одинокий всадник проехал через арку, на подъемный мост. К могучему телу воина прижималось маленькое, беззащитное тельце. Удивительно тихий и покорный, ребенок принял известие с достойным взрослого мужа спокойствием. Смелости предавала близость отца, он еще до конца не знал, что его ожидает в ближайшие годы. Малвей много не понял из того, что сказал отец, единственное, что он сумел осознать, это, то, что его жертва подарит жизнь матери. И этого оказалось достаточно, чтобы ребенок без колебаний согласился отправиться в лагерь врага.

Проковылял Ардос, он опоздал, перехватить князя ему помешал сокольничий. Назойливый Нарет впился мертвой хваткой в воеводу, пытаясь рассказать, что из Нерчи пришла весточка, о подходе дружин Ругоз и Варги. Несмотря на свой возраст Ардос быстро взбежал на стену, и попытался докричаться до Рабора, но тот не повернул даже головы в его сторону.

Утром князь вернулся, а эльфы свернули лагерь и отошли на Запад. За мирный договор они потребовали дань десятую часть с каждого дыма, тысячу юношей и девушек каждый год, и княжича в аманаты. Кроме перечисленных пунктов, мирный договор предусматривал передачу всех территорий за рекой Овла, с оставшимся населением. Урсум обещал в течении года скрыть все крепости, и впредь не сооружать крепостных стен вокруг городов. Условия оказались много тяжелее того, что ожидал Рабор, но выбирать не приходилось. Требовалось усилие воли, чтобы задушить гордость и позволить остроухим втоптать в грязь свое имя.

Одно смущало князя, эльфы так спешно отступили, что казалось будто кто-то подтолкнул их к мирному соглашению. Ответ вскоре пришел издалека, и заставил Рабора, горько пожалеть о необдуманном решении.

Земля эльфов всегда оставалась таинственным миром, наглухо закрытым для представителей иных рас. Любое внимание жестко пресекалось, Эманторан с пугающей неизбежностью поглощал искателей приключений, шпионов, бандитов и мошенников. Ходили слухи о чудовищном количестве рабов, обслуживающих эльфийские имения, и сады. Их участь оставалась для близких тайной, на протяжении многих веков. Одно люди знали точно, из эльфийского рабства не возвращаются.

Великий поход, оказался тем толчком, что побудил живые орудия труда к восстанию, первому за последние триста лет. Идея Великого похода родилась в недрах коалиции Молодых домов, новые аристократы стремились расширить свои возможности, для чего искали богатый источник доходов. Разведка эльфов раскинула свои щупальца по всему миру, в итоге в поле ее зрения попал Урсум.

Богатые дичью и мехами леса, плодородная земля лесостепи, и большое количество серебра привлекли внимание алчных Иланов. Старые дома с презрением смотрели на потуги младших сородичей, первородство подарило им знания и мастерство в таких редких сферах как магия и тайны вселенной. И все же амбиции молодого дома вполне устраивали старший, поскольку в самом Эманторане с годами стало тесно, а активность Иланов требовала выхода.

Хитрый Айлэтха, глава дома Вонаэль, придумал план, который позволил занять воинственных Иланов. Свой план эльфы приводили в действие постепенно, создавая почву для широкой экспансии. Логично рассудив, что лучший путь в сердце вражеского королевства торговля. Айлэтха заключил торговый договор со старым Урсумом, а немного погодя выкупил удобную бухту под постройку Оланыды.

Торговая фактория никого не смутила, город быстро превратился в центр торговли Эманторана с Великой степью, посредником в которой всегда выступал Урсум. Пока доверчивые люди укрепляли торговые связи с новым соседом, агенты Эманторана нашли себе союзника.

Противоестественный союз орков и эльфов оставался долгое время секретом двух рас. Эльфы принесли оркам, не знавшим металла, кузнечное мастерство, знания в строительстве крепостей и сооружении сложных машин, хотя последние приходилось создавать самим эльфам. Знания в области механики плохо давались номадам.

Огромные затраты, окупились в несколько лет. Эльфы создали мощную угрозу Урсуму, построив и вооружив армию из выносливых и бесстрашных воинов степи. Используя ненависть орков к людям, они сумели сподвигнуть их орды на поход против извечного врага. Нашествие орков опрокинуло старый Урсум, уничтожив почти всю прежнюю элиту.

Независимость орков и плохая управляемость их войсками несколько подпортили эффект, от полного разгрома восточного соседа. Орки быстро растеряли приобретенные территории, но для нужд короткой войны они вполне сгодились.

Полной неожиданностью стали воинственные бабы, которые вмешались в конфликт, и в разрушенном царстве Урсума вновь появился князь. Такой поворот никак не мог устроить дом Вонаэль. Стало ясно, что для осуществления экспансии, сил Иланов не хватит. Пользуясь положением, Айлэтха сумел склонить на свою сторону большинство старых домов Эманторана. Стариков устраивало, что война займет на время младшие дома, к тому же покорение Урсума сулило не плохие доходы самим айларам. Собранный Дарелианом Совет, утвердил поход за новой землей, обещая все территориальные приобретения младшим домам. Так и возникла идея Великого похода. Для ведения военных действий на необъятной территории Урсума, пришлось задействовать почти все наличные силы. Принц Амаэль увел в Великий поход пять армий. В Эманторане осталась только одна, ее сил едва хватало, чтобы закрыть границы, и обеспечить порядок внутри королевства.

Спустя несколько недель после начала похода, хозяева имений заметили, что рабы ведут себя необычно. Внутренняя затаенность, и приподнятое настроение вызывали некоторое беспокойство, но и только.

Вскоре подошло время празднования дня Зеленого Эндо, мифического создателя эльфов. По легенде Эндо спустился к эльфам, и подарил первые знания, культуру и мудрость. Каждый год эльфы славили своего благодетеля. Торжества длились неделю, в течении которой остроухие давали волю всем страстям, что тщательно скрывали в иное время.

Кульминацией праздника становились песнопения в священной роще. В которых эльфы славили Эндо и его детей, за блага дарованные щедрой рукой бога, и приглашали вновь спуститься к благодарным ученикам. Этому занятию остроухие предавались с особым рвением. В Эманторане с давних пор бытовала легенда, что создатель обещал эльфам вернуться, когда они будут готовы принять последний дар щедрого бога.

Жаркое солнце нехотя выползло из-за горизонта. Назойливые лучи коснулись натертой щиколотки, рана заныла, распространяя болезненный жар вверх по ноге. Гюло отдернул ногу, и попытался спрятаться в тени, но распростертые тела его соседей не позволили этого сделать. Сверкая черными глазами, недовольно затараторил Умар, зазвенели цепи, и южанин повернулся спиной к Гюло.

Сон улетучился. Скоро придет надсмотрщик и всех раскует, а затем палкой погонит во двор, где их будут ждать миски с жидкой похлебкой. Сильно мутило. Постоянное чувство голода уже давно стало фоном, который сопровождал весь тот ужас, что творился в Эманторане.

Он потянулся, глядя на четко выделяющиеся под кожей ребра, и повернувшись на бок погрузился в чуткую дремоту. Воспоминания роились в голове, смешивая реальность и сон. Вот всплыла картина последнего бала, устроенного Сигизмундом. Красивые женщины, одуряющий запах изысканных духов, они кружатся, унося чувство реальности, и постепенно превращаясь в огромные цветы. Протяжная музыка танца, сменилась чувством полного отчаяния. Прямо перед Гюло возвышался воин из Арси, бесцветный голос мытаря сообщал ему, что он потерял доверенное ему состояние. В голове билась одна мысль. — Что делать?

Строгий взгляд Азараэля, глава дома внимательно слушает доклад Гюло, затем раздается звонок. В кабинет входит молодой эльф, перед Гюло ложиться листок. Он понимает, что не может отказаться, и берет немеющей рукой протянутое перо, быстрый росчерк, и теперь он личная собственность Азараэля.

Шум, топот и звуки битвы, дом перевернут вверх тормашками, Гюло едва дышит, его не заметили, но он видит воинов, опустошивших имение Безбаэль. Труп господина лежит на полу, тягучая кровь стекает под кровать, дубовая панель надежно скрывает Гюло. Убийца в рыцарском доспехе остановился и внимательно всматривается в узор, он смотрит прямо на него. Сердце перестало биться, дыхание замерло, но воин повернулся и вышел прочь, тогда Гюло подумал, что ему повезло.

Стук молотка, каждый удар как будто прямо в голову.

— Сто раз! Сто два! Сто три! Продано!!! — орет гнусавый голос.

Тело подхватывает непреодолимая сила, и его куда-то волокут, он плохо соображает, но в голове бьется мысль. — Меня продали, продали как скот, как вещь, сволочи!!!

Жуткий жар и усталость, лицо горит, жар идет от текущего металла. Рядом надрываются его товарищи, кто-то упал, свист кнута рассекает кожу, добивая лежащего. Ужас бессилия, и обреченности все сильнее распаляет сознание. — Надо бежать! Во чтобы, то ни стало, бежать!

Острая боль, все расплывается, Гюло неожиданно осознает, что висит вниз головой, потом резкий удар о землю, он на секунду теряет сознание. Вокруг леса Эманторана, ночь, прохладная влага приятно холодит кожу, опьяняющее чувство свободы. Вдали раздалось ржание, земля сотрясается, топот, нетерпеливый вой собак. Ветки хлещут по лицу рассекая кожу, далеко позади отстал Марат. Сердце готово вырваться из груди, легкие горят, ноги словно чужие, но Гюло бежит. Позади радостно залаяли собаки, крик ужаса. Крик поднимается в небо, затем резко обрывается.

Впереди река, осталось совсем немного, только бы дотянуть, и тогда он спасен, по крайней мере сегодня. Сильный рывок опрокидывает его, Гюло летит вперед руками, стараясь затормозить локтями, сверху, что-то наваливается. Резкая боль сковывает тело, она пришла сразу с нескольких сторон. Он пытается отмахнуться, что-то хрустнуло, правая рука перестала слушаться. Гулкий топот, свист бича, визг собак. Тяжесть исчезла, а боль словно остервенела, разлилась по всему телу, норовя вырвать Гюло из сознания.

Тяжелые корзины тянут к земле, повиснув спереди и со спины. Широкие лямки безжалостно давят на плечи. Где-то глубоко за носом стоит аромат, поначалу приятный, теперь же вызывающий приступы тошноты. Закидывать корзины на плечи не удобно, рука

плохо срослась и теперь приходится ждать пока помогут. После побега его поставили работать в садах, где он собирает эльфийские фрукты. Все плоды разные, объединяет их только одно, Гюло никогда раньше таких не видел.

Сон окончательно ушел, остались только горькие воспоминания. Вспомнилось, что он еще несколько раз бежал, за что лишился четырех пальцев, а затем ему сломали ноги, и теперь он может только нелепо ковылять. Позже его снова продали, и сегодня он раб семьи Саэсель. В садах Гюло работать уже не мог и его отправили чистить уборные, работы стало меньше, а вот вонь не выветривалась никогда.

— Сегодня, что-то задерживаются! — удивился Омро, второй сосед по цепи.

Этот северянин попал в рабство меньше года назад, потому еще плохо ориентировался в местных обычаях.

— Вчера был день Эндо, перепились, в том числе и Саван — равнодушно ответил Гюло. Услышав имя надсмотрщика, Омро поежился.

Некогда Саван сам был рабом, однако его физическая сила, и жестокость позволили человеку сделать карьеру. О жестокости Савана ходили легенды, он не различал ни возраст, ни пол, ни происхождение, одинаково безжалостно расправляясь с любыми признаками своеволия и лени.

За дверями барака раздался шум, зазвенело оружие, послышались крики и стоны.

— Да что там происходит? — испуганно переговаривались меж собой рабы.

Альбен, прикованный к двери ближе всех, приложил конопатую физиономию к щели между досок, и начал комментировать увиденное.

— Бегают какие-то голодранцы. Такие же, как и мы. Только без цепей. Ага вон их главный, здоровый мужик. Берегись он сюда идет! — Альбен отшатнулся от двери, стараясь спрятаться за других, но цепь его не пускала.

Зазвенел мощный замок, и с шумом упал на землю, двери резко распахнулись, выпуская жуткую вонь, скопившуюся в бараке за ночь. Огромный мужик, встряхнув черными кудрями, рубанул цепь. Гремя звеньями, она поползла как змея, освобождая кандалы, нанизанные на нее. Рабы испуганно жались в дальний угол барака, с опаской глядя на мужика.

— Чего испугались братья кандальники? Свобода пришла! Выходите и накажите ваших мучителей! Сегодня ваш праздник!

Рабы неуверенно поползли наружу. Первое, что бросилось в глаза Гюло, это разрушенная ротонда и запертые двери усадьбы, которая стояла выше, на холме. Вокруг сновала беднота. Вчерашние рабы разрушали все, что ненавидели столько лет. Кто-то снял кандалы с его рук и ног. Странное, чувство неловкости сковало движения Гюло.

Чуть поодаль выстроились в ряд захваченные в плен надсмотрщики и эльфы охранники, некоторые раненные, другие совсем не знавшие боя. Среди пленных выделялась, необычайно широкая фигура Савана. Несмотря на небольшой рост, его могучее сложение вызывало животный страх, у всякого, кто с ним сталкивался. Все еще не уверенно рабы обступили пленных, и начали выхватывать по одному, и прежде, чем старший успел что-либо сделать, растерзали несколько эльфов. Саван отчаянно сопротивлялся, ударом головы надсмотрщик успел опрокинуть одного, а другому переломить ногу, в колене. Подоспели вооруженные повстанцы, они оттеснили рабов от пленных, те начали обвинять своих освободителей в предательстве. Вперед выступил мужик, который разрубил цепи, он поднял руку и громко произнес.

— Тихо!!! Меня зовут Кудо из Крефей! И я вам даю слово, что ваши мучители будут

наказаны, но не как несчастные жертвы восстания, а как преступники! Их ждет наш суд, а затем заслуженное кара!

Люди продолжали волноваться, тогда вперед вышел хромой человек невысокого роста, и тихо произнес.

— Он вам принес свободу, так зачем ему спасать жизни этих уродов. Кудо правильно говорит, их надо судить, и казнить как преступников. Они нас считают животными, так покажем им, что мы выше этих зверей! — Гюло показал пальцем в сторону имения.

Толпа одобрительно загудела, Кудо хитро прищурился и подошел к Гюло.

— Как тебя зовут старик?

— Гюло ммм... Шарль Гюло, гвардеец его величества Сигизмунда, законного короля Амората! — представился хромой, и в этот момент во всем его облике проявилось достоинство, присущее только людям особого воспитания.

— Как же ты оказался рабом? — удивился Кудо.

— Попал в долги, и пришлось продать себя во временное рабство Азараэлю из Безбаэлей, а потом он погиб, а меня продали уже как обычного раба. Так и оказался.

— Ясно, а я попал в плен в бою подле Рафы. Жизнь меня здорово помотала, пока не купили Ролаен Саэсель и его женушка Лутаэль. Редкая потаскуха! Много хороших мужиков сгубила тварь эльфийская. Думал и мне придется остаться в этом треклятом саду — Кудо задумчиво посмотрел на свою «армию». — Я когда-то командовал фалангой, а теперь вот мои воины — с горечью произнес он, и махнув рукой пошел к толпе истощенных оборванцев.

Затягивать с судом не стали, к вечеру всех осужденных казнили. Усадьбу штурмовать не решились, и забрав тех, кто пожелал уйти, Кудо отправился к следующему имению. За неделю банда Кудо превратилась в подобие армии, восставшие вооружились за счет арсеналов, что сумели захватить в эльфийских имениях. Дворцы старались обходить, освобождая только рабов, вскоре пришлось войска разделить на две армии. Одна под руководством Кудо пошла в направлении столицы, вторая под руководством Гюло провела рейд по имениям, оставшимся в тылу у первой армии. Немало рабов не приняли руководство Кудо. Значительная их часть собралась возле столицы в надежде взять город измором. Всецело полагаясь на свое численное превосходство, они грабили, насиловали и убивали. Быстро оголив округу, повстанцы начали голодать, из-за чего вспыхнули ссоры, переросшие вскоре в стычки уже между собой. Эльфийки закончились и насилие перекинулось на сестер, по несчастью. Садисты сбивались в банды и не скрываясь творили бесчинства на глазах у вчерашних союзников. Толпа начала рассасываться, все слабое расплозлось по округе, прячась от своих же, по разрушенным особнякам.

Кудо не торопился к столице, он ждал армию эльфов, и тщательно готовился к решающему сражению. Уже стали доходить слухи об отрядах эльфов отсидевшихся в стенах усадеб, теперь они преследовали одиночек и жестоко карали погромщиков.

Движение армии Гюло перекрывало тылы Кудо, иногда попадались малочисленные отряды эльфийской конницы, но они старались не связываться с большими массами людей, и быстро растворялись в лесах.

Неделю спустя от Кудо прибыл гонец, он привез послание от Крефейца. В нем Кудо просил Гюло выдвигаться к столице ускоренным маршем, сообщая, что армия эльфов замечена на подходе к городу.

Гюло развернул войска и двинулся на встречу с армией Кудо. Скорый марш позволил в несколько дней пройти косою по имениям дома Арназа. Посчитав, что повстанцы ушли, эльфы ослабили охрану владений, и многие эльфийские воины влились в армию, шедшую к столице.

В имении Колмаэль Гюло не смог остановить разъяренную толпу. Старик беспомощно смотрел как рабы насилуют и истязают свою хозяйку. В этот момент он испытал отвращение к соплеменникам. Во двор выволокли юную эльфийку, девочку не старше одиннадцати лет. Огромные глаза девчушки, стеклянные от испуга, уставились в пустоту, рот искривила спазма ужаса. Женщины-рабыни, весело смеясь, подбадривали мужчин разжигая их ненависть и похоть. Тонкая туника легко расплзлась под грубым натиском мозолистых рук вчерашних рабов. Голое тело, белое и совсем еще не сформировавшееся, смотрелось трогательно и незащищено.

Из дома выбежал мальчик, из рабов, на вид ему можно было дать не более десяти лет. Громко, крича, он расталкивал насильников, пытаясь отбить эльфийку. Его отшвырнули в сторону, влепив хорошую затрещину. В беснующуюся толпу ворвались новые люди, они ударили по морде насильников, не желавших расстаться со своей добычей, началась свара.

Гюло дал знак, наиболее верным воинам, развести дерущихся. После нескольких серьезных тычков, дерущиеся рассыпались на два лагеря.

С одной стороны, толпа требовала эльфийскую девку на расправу, со второй такие же рабы, что-то кричавшие в ответ первым, закрывали собой девочку.

К Гюло подбежал Варон, он поклонился и доложил.

— Ваше превосходительство, там вас требуют! Говорят, только вы сможете решить спор! А то, как бы бойня не случилась, уж больно горячи все!

— Идем — ответил Гюло.

При появлении Гюло гомон стих, пристальные взгляды жгли лицо командира. Не обращая внимания на опасность, он встал между враждующими.

— В чем спор? — помолчав немного, тихо спросил Гюло.

— Дак, вот девку эльфийскую нам выдать не желают! А мы хотим ее истязать, как еенные родичи нас — ответил за всех косматый мужик, заводила и бузотер, имевший влияние на ту часть толпы, что требовала убить эльфийскую девочку.

— Понятно — ответил Гюло. — Ну, а вы, что скажете? Чего молчите? — спросил он защитников.

— Так не виноватая она! — вскричал сухой мужичок, подскочив на месте словно ужаленный в зад. — Не виноватая! Она на днях спасла моего пацана, попросила за него свою мать. Да и не только его спасла, столько добра нам сделала, и лечила, кого хворь какая одолела, и... и, если, что нужно приносила нам, рискуя получить от мамыши своей. Чиста она, аки цветок полевой, нельзя ее так!

— Нельзя!!! — убежденно вторили ему рабы из разоренного имения.

Впервые за много лет Гюло улыбнулся, и тихо проговорил.

— Мы не животные, чтобы убивать невиновных, даже если они эльфы. Мы осудим и накажем виновных, а невиновных оставим нетронутыми, чтобы, когда наше восстание будут вспоминать, никто не осмелился сказать, что мы пролили невинную кровь. А ты дружек если еще раз попытаешься самосуд устраивать, будешь повешен, и это касается всех. Мы не банда, мы войско свободных людей, несущих кару нашим мучителям — лохматый испуганно поежился. От тихого голоса Гюло его пробирал мороз по коже. Глядя в его глаза, он верил,

что старик сделает, то, что обещает.

Девчонку Гюло взял с собой, оставить ее в разрушенном имении означало обречь ребенка на гибель. Дорога заняла слишком много времени, рабы стремились разрушить и убить все, что напоминало об их нелегкой участи. Вскоре Гюло стал замечать, что восставшие постепенно разбегаются. Потеряв управление, люди быстро превращались в бандитов, и очень скоро уже грабили друг друга, насилюя и убивая соплеменников.

Огромные черные тени выросли перед Гюло, они чернели даже на фоне совершенно темного неба. Звезды еще не успели зажечь свой таинственный свет, а луна где-то заблудилась. Подступы к лагерю эльфов преграждал вал, сложенный из тел, уничтоженных накануне повстанцев. Отщепенцы и откровенные бандиты массово стекались к столице эльфов, надеясь разграбить сердце королевства, но они не хотели подчиняться. В итоге многоязыкая, разношерстная толпа, осадила неприступный город, рассчитывая взять его измором. Отсутствие порядка и организации охранения лагеря, позволили армии эльфов подойти незаметно, и застать повстанцев врасплох. Последовавшая резня, сопровождалась издевательствами и насилием. Бывшие рабы вынесли за эти часы много больше того, что им пришлось претерпеть за долгие годы неволи.

Кудо прислал гонца с планом нападения, он просил Гюло сообщить о готовности вступить в бой. Пока Гюло читал послание, ночь взорвалась громовым воплем. Где-то неподалеку начался бой, осознав, что выбора нет, он приказал ударить в барабаны. Свою армию бывший фаворит Сигизмунда повел в бой сам. Смешно ковыляя на неправильно сросшихся ногах, он сумел преодолеть вал одним из первых, и едва не упал на выставленное копьё. Личная охрана, оттащила его в сторону, и намертво прикрыв щитами, отбивала все атаки обезумевших эльфов. Лагерь противника горел, сжигая в палатках еще не проснувшихся воинов Эмонтарана.

Нападение оказалось столь стремительным, что рабы почти овладели воротами города. Эльфы с трудом отбили атаку восставших, их спасла кавалерия, ударившая в тыл запрудившим мост рабам. Рассекая основные силы Кудо и тех, кто пробился в ворота столицы, эльфийские рыцари очистили путь для отхода. Тем временем фалангисты Кудо создали коридор из щитов и копий, который вел к откидному мосту, зажатая конница потеряла инициативу. С грохотом опустилась решетка, перекрывая путь в город, лошади повернули с моста, эльфы пошли на прорыв, стремясь вырваться из тисков копейщиков Кудо. Со стен посыпались стрелы, и болты, с башен ударили машины, огромные валуны выкатывали широкие дорожки в построениях повстанцев. Первые конники уже вырвались на широкое поле перед городом, когда подошли части Гюло. Плохо обученная, разношерстная, но очень многочисленная толпа повстанцев бывшего фаворита, закрыла эльфам выход из ловушки Кудо.

Машины замолчали, эльфы боялись задеть своих рыцарей, но стрелы все также точно выкашивали обезумевших от страха и гнева людей. Эльфийское рыцарство отчаянно рубило врага, повергая рабов своей яростью в ужас. Многие из эльфов потеряли лошадей и в пешем строю опрокидывали отряды Гюло, но более-менее обученные воины Кудо переломили ситуацию в свою пользу. Лишь немногие, из тех, кто сохранил коня, сумели вырваться из окружения. Рыцари в окровавленных и изрубленных латах пронеслись сквозь ряды бывших рабов неся панику и смерть, этих счастливиц спасли густые леса неподалеку от города.

Несмотря на неожиданность ночной атаки, повстанцы понесли огромные потери, более половины воинов либо остались на поле боя, либо получили тяжелые ранения и далее сражаться не могли.

Подсчитав потери, Кудо принял решение выводить людей к границам Железной долины, в надежде на помощь соплеменников. Гюло предложил другой путь, он знал, что

Железная долина не станет вмешиваться в дела Эманторана, и предложил пройти через пустыню Палеомию, в земли Амората, или Лампеды. Обсудив перспективы, главари восставших уговорились идти каждый своим путем.

Двумя потоками повстанцы разошлись в разные стороны. Спустя десять дней Кудо подошел под стены Эльфийской крепости, что расположилась напротив Южных ворот Железной долины. Небольшой гарнизон со страхом наблюдал как огромная толпа повстанцев обтекает ров, их цитадели. Южная крепость долины, отказалась открыть врата для беглецов. Кудо попытался договориться с местным командующим, но желчный старик встретил его холодно, и даже не поздоровавшись жестко отчеканил.

— Короли Железной долины, поздравляют вас с триумфом, но они не могут поставить под удар многолетний мир с Эмантораном. Посему просят войска восставших отступить от стен нашей твердыни. Иначе мы воспримем вас как врагов, что посмели осадить крепость Фарайза.

Изумленный Кудо попытался что-то объяснить, но старик не стал его слушать.

— У вас время до вечера, по его истечении вы будете иметь дело с рыцарями Феррочи — Армин развернул коня и не прощаясь уехал в цитадель.

Армия Гюло, уже дошла до владений Арназа, углубившись далеко на юг, когда их настигла конница эльфов, она появилась неожиданно и со всех сторон. Повстанцы не успели, что-либо предпринять, люди многие дни находились в походном строю, и чрезвычайно вымотались. Гюло спасло от пленения, наличие лошади, и верность охраны. Остатки его войск сумели уйти в леса, а немного погодя заняли замок Гельелон, один из родовых замков дома Саэсел.

Заброшенный замок окружали густые леса. Многие годы крепость пустовала, лишь с началом восстания небольшой гарнизон сторожил ее стены, от разбойников и грабителей. Для обороны цитадель не годилась, ее стены дали трещины, а лес так плотно подступал ко рву, что противник мог подойти почти вплотную, прежде чем его заметят с полуразрушенных башен.

Замок взяли быстро и бескровно, Гюло запретил убивать пленных эльфов. Дни потекли медленно, и однообразно, восставшие еще надеялись на спасение, но Гюло знал, что это последние дни их свободы.

Эльфийская девчонка, хоть еще и сторонилась, опасаясь его увечий, но уже начала отвечать на вопросы. Особенно ее пугало и в тоже время привлекало изорванное собаками лицо Гюло. В кабинете суетился Санай, мужичок, что отстоял эльфийку. Его шустрый десятилетка, по имени Тарат весело болтал с девчонкой сидя у раскрытого окна. Детский смех долетал до леса, который словно угрюмый нелюдь уставился на жизнь в полуразрушенном замке. Знакомая считалочка подумал Гюло, и прислушался к разговору детей, он плохо знал язык эльфов, но все-таки сумел разобрать Майси и Афкейр.

— Как тебя зовут? — спросил он с волнением.

— Майси Афкейр — нерешительно ответила она, и испуганно глянула в сторону.

Бледность легла на искаженное лицо Гюло, теперь надежды не осталось, им не спастись. Пощады не будет, волей случая в его руках оказалась племянница короля Дарелиана. Он вспомнил растерзанное тело матери девочки, никто не будет искать настоящих душегубцев, для эльфов именно он убийца сестры короля Эманторана.

Восставшие Кудо повернули назад в сады Самрумы, но далеко отойти им не дали.

Армия рабов налетела на преследовавшую их армию принца Амаэля. Тяжелые рыцари эльфов растоптали восставших, Кудо пытался организовать фалангу, но конница превосходила их числом. Удар в тыл восставшие не выдержали, затем подоспела пехота. Стрелы со свистом обрывали жизни рабов, сражавшихся за свою свободу. Вскоре эльфы отступили и их луки завершили разгром. Кудо повел в атаку самых смелых воинов, но стрелы быстро остановили их бег. Стратег удивленно оглянулся, эльфийские стрелы с непостижимой точностью разили соратников, в то время как его ни одна не коснулась. Кудо остановился, взгляд воина застыл на рыцарях, которые мчались к нему. В голове мелькнула мысль, что всадникам приказано взять полководца живым. На землю, звякнув, упала кольчуга. Перевернув меч, стратег упер острие в грудь, и решительно шагнул вперед, полотно клинка вышло из спины. Всадники окружили его, еще живого, им не хватило совсем немного, чтобы получить в руки главного преступника королевства.

Ночью испуганный Санай прибежал в покои Гюло. Спросонья фаворит никак не мог понять, что мужичок пытается ему сказать. Дверь резко распахнулась, и Гюло все понял, в проеме показались высокие силуэты эльфов.

Тяжесть кандалов, привычно натиривших руки и ноги, даже как-то умиротворяла. Впервые за последние недели Гюло испытал покой, все кончилось и теперь он мог расслабиться и принять то, что ему приготовила судьба. Его не били, и даже не пытали, что удивляло, и пугало еще больше. С остальными восставшими расправились прямо на месте, их застали ночью, многие даже не поняли, что замок захвачен. Вдоль дороги, палач из Ришама, умело насадил повстанцев на колья, оставив еще живых умирать от мук боли, и жажды.

Позже Эдвайлер, старший охраны приставленной к Гюло, рассказал, что войска Амаммы окружили замок еще за день до штурма, и ждали только владельца, чтобы он провел их потайным ходом внутрь. О своей участи Гюло не спрашивал, он знал, что его везут на суд, за которым последует жуткая казнь. Всю дорогу ему попадались нанизанные на колья рабы. Проезжая мимо рудника Имеранта, Гюло с отвращением разглядывал кучи мертвецов с разможенными головами. Одни рабы скидывали покойников в заброшенные шахты, другие убивали своих товарищей разбивая им головы. Позже на другом руднике, он увидел, как восставших скидывают живьем в черную пропасть. Чем ближе они подъезжали к столице, тем строже за ним следили, его раздели и бросили в клетку, но кормили хорошо, явно стараясь сохранить жизнь.

С утра эльфы оживились, тщательно начищенные доспехи заблестели в лучах солнца, запыленные плащи сменились чистыми, старательно расчесанные лошади величаво вышагивали под седоками. Из-за поворота показалась кавалькада, которую возглавлял, высокий, молодой рыцарь. Доспехи всадника и сбруя лошади притягивали взгляд, особенной изысканностью и дороговизной. Громко, цокая по граниту дороги конные приблизились к Эдвайлеру. Обменявшись приветствиями, они что-то обсудили на эльфийском, и высокий рыцарь пристально посмотрел на Гюло. Красивое лицо исказила гримаса отвращения, он что-то резко приказал Эдвайлеру, настроение командира охраны сразу испортилось. По его приказу воины выволокли Гюло из клетки, надели ему на шею широкий ошейник из стали, на котором красовалась надпись «Раб». В ушах стоял звон от ударов молота по металлу, пленник тряхнул головой отгоняя назойливый шум. Кузнец так ревностно расклепал заглушку в петлях ошейника, что едва не ударил Гюло по затылку.

Цепь натянулась и резко дернула шею Гюло, пленник выругался, быстро перебирая ногами. Лошади резво пошли вперед, потащив его за собой. За поворотом показались высокие стены Амрунты. Возле главных ворот толпилась нарядная публика, вдоль дороги стояли стражники. Гюло догадался, что его показывают, как главный трофей войны. Из разговора эльфов, он узнал, что впереди едет сам принц Амаэль, а остальные всадники, командующие войсками в том числе Амамма, Каэлькор и Гилха представлявший дом Саэссел.

Толпа радостно приветствовала героев. Гюло отметил, что эльфы сильно отличаются от людей, их радость проявлялась сдержанно без издевательств и насмешек. На него смотрели с ненавистью, но без звериной злобы, скорее с недоумением. Никто не мог поверить, что виновник страшных событий старый калека.

Белые мостовые, стены домов из розового мрамора, и выразительные статуи окружали человека со всех сторон. Мощенные улицы разбегались по многочисленным переулкам и паркам. Скромное величие архитектуры эльфийской столицы поразило Гюло, никогда ранее ему не приходилось видеть такого гармоничного сочетания форм и материала. Широкие улицы города охраняла богато снаряженная гвардия. Рыцари выстроились по пути следования триумфа, их серебряные плащи развевались на едва заметном ветру, а головы воинов смотрели в сторону короля. Дарелиан сидел в кресле, на площадке, что венчала парадную лестницу королевского дворца. Вокруг монарха толпились придворные, но сейчас они забыли о своем правителе. Все внимание приковал тщедушный человек, неуклюже ковылявший следом за лошадьми триумфаторов. Продолжение церемонии Гюло запомнил смутно, от жары, и долгой дороги в его ушах стоял звон, а в глазах вертелись вихри. Ноги то и дело норовили подогнуться, но воля и чувство достоинства заставляли бороться с приступами предательской слабости.

В память врезалось, только что его обвинили в мятеже, и обещали страшную кару за совершенные рабами преступления. Затем долгая дорога, по затененным улицам, и ненависть в глазах жителей. Удивительно как могут исказиться прекрасные лица злобой и презрением, по чему-то подумал Гюло.

Затем спасительный полумрак темницы, его клетка, вода и баланда. Клетку повесили под потолком, и Гюло видел, как охрана внизу играет в пелснecк, игру, напоминающую человеческие шахматы. Спасительное забытье закончило бесконечный день предводителя восстания рабов.

Нутро башни заходило ходуном, Гюло испугано вскочил на ноги. Клетка, раскачиваясь опускалась вниз к эльфу, который пленнику показался знакомым. Прижавшись спиной к противоположной стороне клетки, Гюло смотрел на посетителя, а посетитель смотрел на него, спокойно и печально. В лице эльфа не было злости или ненависти, умные глаза светились интересом, смешанным с недоверием.

— Вы Шарль Гюло? — наконец спросил посетитель.

— Да — удивленно ответил Гюло.

— Я Дарелиан — скромно представился посетитель. — У меня к вам будет несколько вопросов, вы готовы ответить на них?

— Да — все более робея ответил Гюло.

— Первый вопрос. Вы возглавляли восстание рабов?

— Не хочу приписывать себе чужие заслуги, я был одним из командующих. Восстание

организовал и возглавил Кудо Крефейский, благодаря ему мы смогли создать, что-то похожее на армию, и разгромить ваши войска — улыбаясь ответил Гюло.

— Второй вопрос — не обращая внимания на язвительный тон пленника продолжил король. — Вы приказали убить мою сестру Баэльду Златовласую?

— Нет — резко мотнул головой Гюло, и опустил глаза, лицо пленника сразу потемнело.

— Хотя в ее смерти виноват я, не смог удержать людей от расправы. Я не вижу смысла в убийствах без осуждения, поэтому всегда требовал проведения суда над пленными. И исходя из степени их вины ... — он осекся под пристальным взглядом короля. — Я принимал решения о том, как с ними поступить. Ваша сестра стала жертвой гнева толпы, сочувствую... — он замолчал, не смея поднять глаз на эльфа.

— Третий вопрос. Почему вы спасли мою племянницу?

— Не знаю — честно ответил Гюло. — Она мне показалась слишком чистой, и невинной, чтобы отдавать ее на поругание толпе. Да, потом за нее заступились рабы из имения Баэльды. Этот, мальчишка и его отец. Как их там, Санай и Тарат, они меня убедили сохранить ей жизнь.

Король молча развернулся, и вышел из башни. Клетка снова поползла вверх, натужно скрепя цепью, и раскачиваясь на ходу.

Прошло несколько дней, от тесноты ныло тело, требуя движения. Внизу стражник с кем-то разговаривал, до Гюло долетали обрывки слов, поэтому он смог понять, о чем говорят. Странно подумал пленник, голос ребенка, девочки: «Кто это может быть?».

Бурный спор внизу затих, и клетка начала опускаться, от качки к горлу подступила тошнота.

— Майнси? — удивился Гюло. — Ты что здесь делаешь? — девочка неуверенно улыбнулась и протянула руку, чтобы погладить его высохшую ладонь.

— Они делают вам больно? — спросила она, доверчиво глядя в его глаза.

— Нет Майнси, мне не больно, просто я стар, и уже плохо переношу сырость. Я пленник, и для пленника меня не дурно содержат — он ободряюще улыбнулся, девочка улыбнулась в ответ.

— Может вы, что-то хотите? Я принесу, обязательно! Только скажите, что! — быстро пролепетала Майнси.

Она хорошо помнила, как он закрыл собой ее, когда в палатку командующего ворвались заговорщики и попытались убить девочку. Вспомнил об этом и Гюло, перед его взглядом промелькнули лица женщин и мужиков, с разъяренными глазами и перекошенными злобой губами. Его тогда едва не закололи. Затем всплыли отекавшие и почерневшие от удушья лица повешенных, особенно почему-то в памяти застряли сведенные судорогой ноги главаря заговорщиков.

Он погладил девочку по белым волосам и озорно улыбнулся.

— А знаешь, что, принеси мне вина. Да, вина из Амората. Если получится. Хочу вспомнить вкус солнца благодатной земли Астурии.

— Я очень, очень постараюсь! Сегодня вечером. Дяденька Арль, я обязательно приду — серьезно уверила она старика, и быстро развернувшись выбежала из каземата.

Майнси, как и обещала пришла вечером. Девчонка стащила на кухне бутылку превосходного Глювейна из южного Амората. Совершить преступление ей помог Тарат, пока Майнси отвлекала повара, мальчишка стащил бутылку.

Гюло с наслаждением отпил глоток из хрустального бокала, эльфийка принесла его с

собой, чем немало удивила старика. В голове пронеслись воспоминания далекой юности. Солнце Амората, такое родное и теплое, первая пирушка, первая любовь, дом матери и ее мягкий голос.

— Дядя Арль, а вас казнят? — неожиданно серьезно спросила девочка, оборвав воспоминания старика.

Он немного помолчал, затем неуверенно ответил.

— Да Майнси. Я для твоего народа преступник. Хотя рабство само по себе преступление не меньшее, чем те убийства, что совершили рабы.

— Но это же ужасно, я сегодня же поговорю с дядей Дарелианом! Он должен вас освободить! Ведь вы спасли меня. Вы спасли жизни многих эльфов, он должен вас помиловать! — убежденно затараторила Майнси.

— Меня казнят, в этом нет сомнения, но ты не печалься, я свое прожил. И главное я больше не буду рабом. Иногда свобода стоит выше жизни — лицо старика сморщилось в усталой улыбке, а безобразные шрамы еще больше исказили некогда красивое лицо фаворита.

Шум толпы пробивался сквозь закрытые ворота. Дарелиан тихо беседовал с главой дома Кохекейра Луимайром. Луимайр выглядел молодо, несмотря на то что его возраст на несколько сот лет превосходил возраст Дарелиана. Эльфы обсуждали меры по восстановлению разрушенных имений семей, принадлежащих к старым домам. За ажурной решеткой дверей ожидал город, приготовившийся к празднику. Радостное возбуждение от предстоящего события охватило Амрунт. Казнь главного мятежника Эманторана, прозванного восставшими рабами Справедливый Арль, символизировала торжество справедливости, и служила назиданием для всех, кто считал, что жизнь эльфа можно забрать безнаказанно.

В коридор выбежала девочка, она остановилась подле взрослых, и схватив Дарелиана за рукав потянула, стараясь привлечь внимание.

Король вопрошающе посмотрел на Майнси, девочка, набравшись смелости выпалила.

— Дядя Дарелиан, помилуйте Арля, пожалуйста! Я вас очень прошу, оставьте ему жизнь! — брови Дарелиана удивленно взлетели ко лбу.

— Почему ты просишь, за этого мятежника? Он же тебя пленил? По его приказу убили твою мать...

— Это не правда, дядя Дарелиан! Вас обманули! Он хороший! Дядя Арль спас меня, и защитил от убийц! — Дарелиан досадливо поморщился, и строго посмотрел на племянницу.

— Послушай Майнси, мы не всегда можем делать то, что хотим. Шарль Гюло возглавил мятеж, и за это поплатиться головой! Он должен ответить за те преступления, что совершили рабы. Он их вел, он и отвечает за убийства и насилие, причиненное твоим родственникам и соплеменникам — строго отчеканил слова король.

— Но он пытался остановить людей...

— Он мятежник и будет сегодня казнен, точка! — отрезал Дарелиан.

Огромные слезы покатались по кукольному личику Майнси. Девочка попыталась сквозь слезы защитить Гюло, но король потерял к ней интерес, и отвернувшись дал знак гвардейцам, чтобы девочку вывели.

В слезах Майнси побежала в свою комнату, где плюхнулась всем телом на кровать и зарыдала, уткнувшись лицом в подушку. Спустя полчаса послышались нечеловеческие

крики, она знала, что это кричит Арль, но старалась себя обмануть, представляя, что на площади мучают кто-то другого.

Пытка длилась больше часа, наконец Справедливый Арль затих. Тело мятежника мумифицировали, и чучело главаря повстанцев заняло свое место в Зале Справедливости, рядом с мумиями других врагов Эманторана. Потомки поставили Шарля Гюло в один ряд с Оредо, королем Мальдиды. В честь вождя армии рабов называли монастыри, а несколько лет спустя после его казни в память о нем учредили праздник. Так фаворит короля Сигизмунда стал почти святым.

Подземный город бурлил, кругом сновали люди, по улицам величаво раскачиваясь на волках разъезжали степные орки, присматривая, что еще можно прибрать к рукам. Из глубин подземелий стали подходить безобразные сородичи степняков, принося с собой удивительные вещи. Тому, кто видел город при старом Рибигуде, Батра показался бы совсем иным городом, тем более что и назывался он теперь Карраль. Сам Иргам перестал существовать, его земли влились в королевство Карамант. Сбылась мечта семьи Урбино, митрил принадлежал Кейсту, его воины получили великолепную броню, лучшую среди человеческих королевств.

— Как работы на Слюдяных проходах? — строго спросил Кейст.

— Вчера, очередной обвал похоронил проходчиков, пока все без изменений — ответил Терис невольно сжимаясь под пристальным взглядом короля.

Кейст недовольно поморщился, и отвернулся к карте, лежащей перед ним на широком столе.

— Ладно придется пока оставить все как есть — рассеянно произнес он. — Поставьте там охрану! — приказал король, все также не отрывая взгляда от карты. — А то эти мелкие проныры быстро соорудят подкоп, со своей стороны.

— Слушаюсь Ваше Величество! — ответил Терис и бесшумно выскользнул из зала.

— Виола! Виола!!! — позвал монарх.

Дверь отворилась, в зал вошел Аугусто, как всегда мрачный, и неприветливый. Воин молча остановился подле дверей, в ожидании приказов.

— Что слышно о моем внуке?

— Эбон сейчас на Крефеях, а точнее в Алкмеях! Посольство уже неделю как отправили, скоро должны прийти первые вести! — отрапортовал Виола.

— Как только появятся какие-то новости сразу ко мне! — приказал Кейст.

Виола поклонился и вышел. Кейст напряженно всматривался в карту, в голове короля зрел план новой войны, что-то внутри толкало его вперед. Митрил Иргамы теперь в его руках, осталось собрать сильную армию, и для начала вернуть золото Лампеды, а там уже можно подумать и о соседях. Надо вернуть долг зарвавшемуся святоше, что возомнил будто имеет право от имени бога решать судьбы сильных мира.

Вот только, что делать с Даностом? Оставлять в тылу такого врага опасно, гномы все еще сильны, да и желание взять реванш не оставляет жадных торгашей. Уж больно жирный кусок он вырвал изо рта правителя Даноста. До него дошли сведения, что в Танорте на трон вошел новый король, какой-то Скауг Хельммит. Судя потому, что рассказывают подземные орки, малый шустрый. С ним могут возникнуть большие проблемы, а это сейчас очень не вовремя. Придется отправить к ним посольство, вернее будет поручить это дело Терису. Архивариус поручение выполнит, в лепешку разобьется, но выполнит.

Молодой король Даноста с неприязнью смотрел на иссохшее лицо королевского советника правителя Караманта.

— И впрямь точно мертвец смотрит, и чем-то мрачным, нехорошим веет от этого Териса — думал Товард разглядывая мумию, возглавлявшую посольство, прибывшее от Кейста.

В качестве подарка ему вручили бесполезный кусок пергамента с неизвестными письменами, и ларец с королевским перстнем Рибигуда. Причем вместе с пальцем покойного короля. Обрубок заботливо уложили на красном шелке, отчего разлагающаяся плоть выделялась еще сильнее. В ответ Товард приказал передать Кейсту, сломанный меч его внука, завернутый в окровавленный плащ Эбона.

Обменявшись подарками стороны, приступили к переговорам, теперь все участники события прекрасно понимали, что каждый готов предоставить в качестве аргумента в предстоящем торге.

— Итак, что вы хотите мне предложить, дорогие гости — спросил напрямую Товард.

— Мой король предлагает Вам Ваше Величество заключить договор о торговле под гарантии взаимного уважения сложившихся территорий королевства, а также заключить договор о ненападении. Его Величество король Кейст, дает гарантии в случае заключения договора, исключительного права торговли для купцов Даноста, а также предлагает новый военный союз, как в прежние времена — Терис изобразил подобие улыбки, и немного склонил голову показывая свое почтение.

Участники посольства последовали его примеру.

— Приятное предложение! — ответил Товард, хитро глядя на Териса. — Хотя военный союз, это слишком. Для нас сейчас это неприемлемо, а вот вопрос о факториях может оказаться весьма интересным для моих торгашей, но не для меня.

Терис смущенно посмотрел на Товарда и спросил.

— Так, чего же хочет Ваше Величество? Мы готовы рассмотреть иные предложения. И если они устроят нашего короля заключить с вами договор.

— Хорошо, скажу прямо. Меня интересует митрил, мне нужно право на покупку этого редкого металла! Тогда я готов заключить договор о ненападении, и торговле между нашими королевствами — ответил Товард.

— Мы услышали ваши условия — ответил Терис. — Теперь позвольте мне откланяться, нам необходимо обсудить Ваше предложение, и узнать мнение Его Величества Кейста короля Караманта.

Товард кивнул, и отвернулся от Териса, давая понять, что аудиенция закончена.

На следующий день Терис вновь стоял в приемной зале короля Даноста, и передавал слова короля.

— Карамант согласен на ваши условия, но только если вы подтвердите военный союз, некогда заключенный между нашими королевствами. Также за Даностом будет закреплено право беспошлинной торговли в королевстве Карамант, и исключительное право создавать торговые представительства. Вопрос о покупке митрила может быть решен позже, после заключения договора. В случае отказа, мне приказано свернуть посольство.

— Жаль, что Ваш король столь категоричен, но это не мы к вам прислали посольство, поэтому ультиматумы как минимум неуместны, а как максимум оскорбительны! — вмешался глава Королевского совета Дули Брот.

Опытный царедворец, служивший еще во времена Старого короля Даина Скупого.

— Прошу простить наш резкий тон! — подхватился Терис. — Мы вовсе не желали Вас оскорбить, однако ваши требования достаточно высоки, и нам нужны гарантии Вашей лояльности. Учитывая тяжелое положение Даноста, мы предлагаем крайне выгодные условия, за совсем небольшую уступку. Ваш союз, в обмен на процветание, и военную помощь в случае опасности. Что может быть выгоднее? — уговаривал Терис.

— Это прекрасно, но в чем Ваш интерес? Зачем это Караманту? — неожиданно спросил Товард.

Терис поморщился и пожевав губами ответил.

— Мы желаем мира с соседом. Наши королевства теперь разделяет лишь Слюдяной проход, поэтому нам нужен мир. К тому же Даност сменил короля, и Карамант желает заручиться союзом с новым правителем гномов. Ваше благородство, что Вы проявили по отношению к Эбону Черному королю Мальдиды, который как вам известно приходится внуком королю Кейсту, также может служить залогом нашего особого расположения.

В голове Товарда пронеслись воспоминания, как ему пришлось срочно вывозить Эбона из Даноста. Королевского пленника могли убить в любой момент. С одной стороны, бежавшие из Иргамы гномы, с другой изгнанники Торговой палаты. Первые в отместку за уничтоженную родину, вторые чтобы разжечь войну между Крамантом и Даностом. В надежде, что молодой король сгинет в вихре войны, как это когда-то случилось с Торном Строителем.

— Передайте королю Кейсту, что я принимаю его предложение! Даност готов восстановить союз с Карамантом, дабы вернуть добрососедские отношения между нашими королевствами! — неожиданно решительно сказал Товард. — Передайте Вашему правителю, что я поспособствую возвращению его внука, по крайней мере сделаю все, что в моих силах — добавил он весело улыбаясь.

Новости из Даноста, позволили Кейсту приступить к следующему этапу своего плана, но начало войны пришлось отложить по совершенно неожиданным причинам.

От Урсумских ворот двигалась бесчисленная масса армии орков. Степняки с боями пробивались через земли Урсума, и теперь нескончаемой рекой вливались в подземные лабиринты Иргамы. Первые крепости пали почти сразу же, орки, их охранявшие, предали Кейста и перебив всех людей в гарнизонах, сдали укрепления своим собратьям.

Вскоре поток подошел к перевалу Гиндуна. Для огромной массы орков перевал оказался слишком мал, и для экономии времени они принялись наводить переправы через глубокое ущелье Дудлина отделявшее жилые районы королевства от заброшенных. Тем временем к ущелью подоспела армия Кейста, он вышел к самому перевалу, и попытался вступить в переговоры с ханом Утеем. Посольство не удалось, Кейст получил, мешок полный головами его послов, пришлось отказаться от мирного решения.

Удар конницы Кейста застал орков врасплох, конные латники скинули в обрыв пешее войско зеленых. Особый ужас вызвал отряд мертвых под предводительством самого короля, он врвался в самую гущу сражения, уничтожая орков десятками. В сражении погибли лучшие воины степняков, самые смелые полегли на краю пропасти Дудлина.

В результате стремительной атаки, многие зеленокожие попали в плен. Кейст приказал не убивать пленных, предложив тем, кто пожелает, пойти под его начало, те же кто не желал могли вернуться в степь. Казнили только предателей. Многие из тех, кто сумел выжить в мясорубке у перевала Гиндуна, уверовали в божественное происхождение короля людей и

преклонили перед ним колена, признав его власть над собой. Те немногие, что отказались подчиниться, ушли в степи, чтобы предупредить идущих за ними, что под землей правит страшный король-мертвец, там нет места для степняков, там только смерть.

В назидание будущим поколениям, Кейст приказал отыскать труп хана Утея, и сделал из него чучело. Его поставили в зале Славы, где позже к нему присоседилось еще не мало врагов короля Караманта. Так появился знаменитый Гостевой зал Карраля, украшение дворца Кейста, у владельца вызывавшая гордость, а у посетителей суеверный страх.

Не успел Кейст добраться до столицы, как его встретил посыльный от Виолы. Гонец сообщил, что с Алкмеями договорились, и вскоре король Мальдиды вновь сядет на оставленный трон.

Эли порхала по комнате, беспрестанно щебеча и смеясь, точно птица из эльфийских садов. Эбон с улыбкой смотрел на приготовления супруги. Служанки сбились с ног, не успевая за хозяйкой, по временам впадая в отчаяние от ее неумеренной энергии.

В комнату вошел Эйлайн, следом за ним Ланаэль, она с улыбкой смотрела на суету младшей сестры.

— Оставишь? — спросила Ланаэль поднимая с небольшого столика медальон. Серебряный дельфин закачался на витой цепочке, поблескивая синим глазом.

— Да — поморщившись ответила Эли.

— Зря, все-таки это подарок — начала Ланаэль.

— Я не хочу брать в новую жизнь плохое! — темные глаза девушки блеснули, Ланаэль в очередной раз поразились как же Эли похожа на отца.

— Ладно, ладно, не хочешь не надо, в конце концов это твое дело — сдалась Ланаэль. Медальон исчез в ее кулачке, Эйлайн одобрительно посмотрел на жену.

— Ну вот ты и отправляешься домой — сказал эльф, присаживаясь рядом с Эбоном.

— Вот только не знаю, радоваться этому или грустить? Спасибо тебе! Ты мне подарил новый мир, научил чувствовать — задумчиво ответил король Мальдида.

— Это не моя заслуга Эбон, основа всему твое желание! Твое сердце всегда стремилось к добру, и лишь обстоятельства и неопытность заставляли склоняться в сторону гордыни, гнева и жестокости. Ты изначально был иным, чем твой отец, так, что я только показал тебе дорогу, а выбор куда проложить свой путь ты сделал сам.

— И все-таки твои советы и опыт, мне здорово помогли. Сегодня мне кажется, что именно здесь в Алкмеях, я впервые увидел свет, словно только, что родился.

— Любовь сила удивительная, она как стихия в зависимости от направления может лечить, а может и разрушать. Для тебя Эли оказалась лекарством, и я, честно говоря, рад, что именно ты стал ее спутником в этом жестоком мире. Эли не замечает, но она очень похожа на своего отца. Судьба не зря вас свела, вы созданы как две половинки одного целого. Твоя сила и ее умение гасить губительные проявления темного дара, сошлись в вашей любви. Иногда поражаюсь мудрости природы. Ничто не имеет пустоты, всему есть место и роль, всему есть половинка — Эбон молча согласился, качнув головой.

Тем временем в комнате воцарился полный хаос, Эли тиранила служанку, а та, испуганно хлопая глазами пыталась угодить молодой хозяйке. Вмешалась Ланаэль и быстро привела в равновесие накалившуюся атмосферу.

Мужчины с улыбкой наблюдали за происходящим.

Эбон вспомнил как очнулся в землях Даноста, и долго не мог понять, что с ним случилось. Несколько недель спустя он оказался в казематах Танорта, там его посетил молодой гном, позже Эбон узнал, что это новый король подземников. Король и пленник долго разговаривали о войне, о бремени власти, и о его участии. Уходя Скауг пообещал сделать все, чтобы сохранить ему жизнь. Потом в памяти всплыло море, безбрежная гладь темно синей воды, и нежные прикосновения теплого ветерка. Ласково касаясь лица, он оставлял соленый привкус на губах, и ворошил копну темных волос на голове Эбона.

Лазурные воды у берегов Крефейского архипелага навсегда покорили сердце монарха. Никогда ранее ему не приходилось видеть более прекрасного зрелища. Вспомнилось, как он

впервые увидел Эли, девушка вместе со служанками танцевала на Селинианы. Эбон попал на праздник дочери бога морей Ирридана, который особо почитался жителями архипелага.

По легенде дочь море держателя, в далекой древности пришла к жителям Крефей, и научила их возвращать злаки и оливу. Люди любили мудрую Селиниану, но суровый бог Эндариал, коего прочие боги именовали отцом, разгневался на щедрую дочь Ирридана. Затаил он обиду на непокорную деву и пригласив на пир подал зелье, что погубило добрую Селиниану. В отчаянии Ирридан вырвал свое сердце, и разделив пополам вложил вторую половину в тело дочери, когда Селиниана сделала последний вдох. Дева осталась жива, но суровый Эндариал, узнал о тайно спасенной богине. В гневе он пришел к Ирридану, требуя исполнить его волю, волнователь моря обманул отца. Он утопил на глазах Эндариала Селениану, но хитрый владыка морей превратил утопленницу в рыбу луну, и сохранил жизнь любимой дочери. С тех пор Селиниана выходит из моря только с наступлением темноты, когда Эндариал засыпает. Так зародился культ плодородия, тесно связанный с циклами луны, постепенно переросший в праздник Дни Селенианы.

В тот день на голове Эли пестрел искусно сплетенный венок, легкая туника едва прикрывала красоту юного тела. Длинные ноги с тонкой щиколоткой легко взлетали над землей, подбрасывая высоко вверх стройную Эли. Цепочка танцовщиц двигалась прямо к Эбону, весело смеясь и переговариваясь они прошли мимо, едва не касаясь юноши. Сцепленные руки задавали ритм всей группе. Раскрасневшиеся от вина и жары лица приветливо смотрели на мужчину, загадочно блестя кроткими глазами, в которых билось затаенное желание. Эбон стоял под оливой, не в силах отвести взгляд от красивых черт девичьего лица. Эли почувствовала взгляд, и обернувшись встретила его глаза. Ее огромные, черные с длинными ресницами, и его столь же непроглядно темные, по-мужски суровые. В голове закружилось, а сознание погрузилось в отрешенное созерцание. Тело исчезло, время исчезло, осталась только женщина, что смотрела в его душу. Он понимал ее, она видела его, видела то, что всегда оставалось скрытым за внешним, наносным.

В доме Эйлайна его приняли как друга, забыв о том, что он почетный пленник. Отношения внутри семьи, в которой ему пришлось оказаться, вскоре сломали привычное равнодушие. Пример иной жизни, иных принципов, растворил природный цинизм многознающего короля Мальдиды. Позже он узнал историю удивительного эльфа, и именно дружба с Эйлайном и опыт его борьбы с недугом одержимости, показали Эбону новый путь. Вместе они смогли обуздать темный дар. Вспомнились жуткие ломки, несколько раз Эбон едва не погиб, пока однажды случайно не столкнулся с поразительным даром Эли. Девушка сумела погасить пламя дара Братьев, медленно, но верно сжигавшего человеческую суть в его душе. Ее глаза остановили разрушительную силу неживой энергии. Впервые за многие годы Эбон чувствовал, король Мальдиды жил.

Тела охранников устало прислонились по обе стороны приоткрытой двери. Казалось, они спят, истинное положение вещей выдавали два кровавых пятна расплзшихся по гладко натертому паркету. Особняк молчал, лишь ступени витой лестницы, натужно скрипели под тяжестью воина, облаченного в черный доспех. Латный ботинок коснулся паркета, дерево напряжилось.

— Убийца — донеслось от входа.

Амадо обернулся, в сумраке угадывался только силуэт. Кто-то высокий расположился в кресле закинув ногу на ногу. Из темноты зловеще светились белые радужки глаз ночного

гостя.

— Кто ты? Что здесь делаешь? — спросил Родриго, медленно вытягивая клинок.

— Кто я? Вопрос должен признаться весьма наглый, учитывая, что все, что вы видите вокруг, принадлежит мне. Я хозяин этого дома — весело произнес незнакомец.

— Странно, а я думал это дом Ули Норва — ответил Амадо, приготовившись к атаке.

— Это не совсем так. Видите-ли, Ули мой должник, как и его отец, и дед, они мои, понимаешь? Ты убил мою собственность.

— Кто ты? — снимая шлем спросил человек.

— Как вы смертные, любите определения. Ну ладно, если для тебя это так важно. Меня зовут Пергвайл. Я из той породы, что прежде звалась древними. А этот засранец, — Пергвайл ткнул пальцем в потолок, указывая на комнату Ули, — мой должник. Все его богатства есть плод моих трудов. Семейка я тебе скажу, негодяи из негодяев. Убийцы, клятвопреступники, предатели, воры и мошенники, а последний еще умудрился не оставить наследника — раздраженно закончил древний.

— И что тут такого странного? Обычные торгоши — удивился Амадо.

— А то, что он мне должен первенца мужского пола, по договору с его дедом.

— Это ваша сделка. Я тут не причем — сухо ответил человек, и вложив меч в ножны шагнул к двери.

— Постой, не спеши — дверь с грохотом закрылась, неизвестно как оказавшаяся у входа высокая тень, метнулась к человеку. Андланский меч ярко вспыхнул ослепительно-белым светом, клинок рассек тьму. Пергвайл шарахнулся обратно к креслу, в котором только, что мирно сидел. На паркете осталась сизая полоса, непонятной субстанции.

— Ты убил моего должника. Теперь ты мне должен вернуть его зарок!!! И я получу то, что мне причитается!!! — прогремел голос Пергвайла.

Тело древнего разросло до гигантских размеров, огромная голова обрушила потолок, а стопы проломили пол. Теперь перед человеком стоял гигант, все его тело вспыхнуло темным пламенем. Взламывая паркет Пергвайл кинулся на Родриго, одновременно поджигая своим телом нижний этаж особняка. Человек ударом плеча вышиб дубовую створу, вместе с косяком и вывалился на улицу ночного Феррочи. Из проема ударило ревущее пламя, разом осветившее все потаенные закоулки купеческого района. В доме, что-то рухнуло, а затем особняк осел, обдав волной жара соседние жилища. Мириады искр взвились к черному небосводу. Из завала вышел горящий гигант. Пергвайл возвышался над домами купеческого квартала больше чем на две головы.

Люди вывалились из своих домов с ужасом наблюдая огненный кошмар. Стража остановилась в нерешительности на почтительном расстоянии. Амадо кинулся под ноги гиганта, его меч с неприятны свистом, перерубил левую лодыжку Пергвайла. Наружу плеснула жидкая лава, но доспех выдержал нестерпимый жар раскаленной породы. Тяжелый удар сотряс улочку, подбросив Амадо на метр в воздух. Рыцарь упал на брусчатку, вихрь огня рассеялся, перед глазами возник гигантский кулак. Сбоку язык лавы вытек из культи, восстанавливая ногу великана. Рука Пергвайла вновь взмыла в небеса, чтобы обрушить всю ярость подземной твари на смертного.

Секунду спустя Родриго уже стоял на ногах. Смело наступая на гиганта, он вплотную притерся к чудовищу. Меч засвистел, от натуги полотно завибрировало, куски огненной плоти пылающими ошметками разлетались в разные стороны. Великан сотряс столицу Железной долины, воплем отчаяния, и боли.

Похожие на бочки из-под воды, кулаки Пергвайла, беспорядочно молотили мощенную улицу, подбрасывая брусчатку над землей. Амадо ловко уходил от атака коварного врага, андландский меч, легко испарывал тело неуклюжего гиганта, вызывая новые всплески ярости.

Зеваки разбежались подальше от купеческого квартала, улочку прожгла волна огненного шторма. Вспыхнули соседние дома, стекло в окнах потекло, а камень растрескался.

Тем временем в торговой фактории Норва, в столице Амората, отошли воды у младшей дочери Ули, Кенлы Безносой. Частые схватки настойчиво указывали на, то, что вот-вот случится долгожданное событие, появиться наследник рода Норва. Кенла почему-то верила, что это будет мальчик.

Пергвайл повернул горящую голову, в сторону Амората и к чему-то прислушался. Родриго не теряя времени нанес колющий удар в ногу твари. Великан развернулся и их глаза встретились, нестерпимый жар погас, точно кто-то задул свечу. Тело гиганта зачатило, но глаза, огромные стеклянные зрачки неотрывно смотрели в бездонные пропасти Амадо. Пергвайл дернулся, но силы оставили древнего, ноги подогнулись, и великан упал на колени. Теперь его голова оказалась напротив глаз человека.

— Ах ты человечиска! Вонючий муравей! Я свое все равно возьму, и никто, слышишь никто не посмеет мне помешать! — взревел гигант вскидываясь всем телом наверх. Амадо шагнул в бок, андландский меч сверкнул, легко пройдя шею великана. В потоки жидкого камня упала голова чудовища, и слегка покачнувшись, застыла раскрыв рот в немом изумлении.

В Аморате, поветуха вскрикнула от неожиданности, вместе с первым воплем народившегося младенца.

— Мальчик?! — в надежде спросила Кенла.

Ее нос, совершенно лишенный крыльев, шумно втягивал воздух.

— Мальчик. Моя голуба. Мальчик! — радостно прокричала повитуха. — Да еще какой! — руки женщины протянули младенца матери. Кенла заплакала, отирая пухлой ладошкой покрасневшие глаза.

— У него нос — плакала мать, не в силах сдержать наплыв чувств. — У него есть нос.

— Да он у нас носатый — улыбнулась повитуха, касаясь кончиком пальца грушевидного безобразия, что украшало лица большинства гномов.

Привычным движением Амадо рассек череп Пергвайла и вытащил светящийся рубин, величиной с перепелиное яйцо. Тело, лишенное головы, постепенно оседало, расползаясь остывающей лавой по ближайшим улицам.

Родриго сунул камень в пояс, над головой стрелой пронеслась оранжевая птичка, заливиная трель огласила горящий квартал. Сделав круг над человеком, певун взмыл в небо унося прекрасные переливы за зарево пожарища. Амадо задрав голову удивленно вслушивался в угасающие звуки. Птица скрылась, человек тряхнул головой, сбрасывая наваждение и зашагал прочь, расплескивая ногами застывающую лаву.

Страж в воротах, внимательно осмотрел всадника. Амадо узнали, но по какой-то причине начальник гарнизона тянул, не давая разрешения покинуть Железную долину. Он слез со стального скакуна, и опираясь рукой на седло, забавлялся тому, как стража с суеверным страхом разглядывает его «питомца». Тяжелый топот кованных сапог, сразу же

изменил его настрой. Сомнений не осталось его пытаются арестовать. Броня мгновенно окутала тело Родриго, из-за угла вышли стражники, они быстро образовали полукруг, впереди на колени встали арбалетчики, позади копейщики, а между ними прикрывая небольшими щитами себя и соседних копейщиков мечники. Из окон крепости показались лучники, а тяжелая решетка с грохотом упала вниз, отрезая всякую возможность к прорыву из города. На землю упал меч, Амадо поднял руки, щит исчез.

— Снимай латы Амадо, ты арестован! — крикнул Кай Упрехт, начальник гарнизона крепости.

— В чем меня обвиняют?! — спросил Родриго.

— В убийстве Крапора Семипалого, и Ули Норва! Сдавайся и останешься жив, по крайней мере до суда! — прокричал в ответ Упрехт.

Не говоря ни слова Амадо, свернул броню, к нему подбежало несколько стражников, грубо повалив на землю, его связали, выкрутив руки назад. Содрали плащ, и перстень с руки. Родриго плохо видел, что происходит, но хорошо чувствовал сильные тычки и удары, пока его волокли в тюремные башни.

Темнота каменного мешка, казалось, выела глаза, нестерпимо давя на сознание. Вокруг повис запах испражнений и гнилой соломы, где-то попискивали крысы. Стук засова, и прямоугольник света упал в каземат, осветив отвратное нутро тюремной камеры. Вошли два амбала, сковав руки заключенного, они поволокли Амадо, по многочисленным переходам и лестницам. Вскоре затхлые, узкие коридоры, со склизкими от постоянной влаги стенами и ступенями сменились обжитыми светлыми залами. Пока наконец они не оказались в уже знакомом ему зале королей.

— Стоять!!! — заорал, прямо в ухо здоровяк, что привел его во дворец.

Резкий удар в бок едва не опрокинул Родриго на пол.

— Хамстон уймись! — извиняясь проговорил, кто-то сбоку.

Амадо повернул голову и узнал, говорившего.

— Канцлер? Что за ерунда? Почему меня арестовали, ограбили, да еще избили в добавок ко всему! — возмутился заключенный, стараясь наглостью выторговать хоть какую-то информацию о своей дальнейшей судьбе.

— Не стоит так волноваться, господин Амадо! Вы прекрасно понимаете, за что вас арестовали, а за издержки нашего судопроизводства прошу прощения.

Канцлер повернулся к невысокому человеку в длинном плаще, с шапочкой судьи на плешиной голове. Толстяк сидел рядом с ним в резном кресле, его безразмерный зад с трудом помещался на широком сидении, а тело натянуло ткань туники выпирая безобразными буграми. Они пошептались, и судья подозвал одного из гвардейцев. Через несколько минут Амадо вернули плащ, деньги и кольцо с медальоном.

— Это не все! У меня отобрали еще пояс и оберег! — попытался потребовать Родриго.

— Амадо не нагле! — резко оборвал его канцлер. — Все равно все твои вещи после суда уйдут в казну, а ты пойдешь на плаху — не без злорадства добавил Эрик Хонинг.

В помещение вошли короли, гвардейцы вытянулись, а судья и канцлер поднялись со своих мест кланяясь правителям. Короли величественно опустились в выставленные полукругом кресла.

Повисла тишина, канцлер, неловко подпрыгнув, вышел вперед и с поклоном доложил.

— Карната Ваше Величество еще не прибыл, но все готово. Мы можем приступить к рассмотрению дела?

Один из королей махнул рукой. В комнату вошли слуги, они быстро принесли необходимые для допроса приспособления. Стол с креплениями, такой же стул, набор инструментов для пыток, жаровню, и систему перекладин и веревок. Запахло каленым железом, маслом и потом помощников палача. Минут пять спустя, появился и сам палач, сухой, жилистый мужичок, с недобрый, пронзительным взглядом.

Кольцо плотно сжало палец, моментально реагируя на опасность, оно окутало тело человека броней. Разорванные цепи упали на пол. Детины схватили арестанта за руки, но Амадо резко развел их в сторону раскидывая охрану. От входа побежали гвардейцы, внезапно появившийся щит закрыл Родриго от удара копья. Щит замелькал, сливаясь в плоское пятно. Подсудимый с непостижимой скоростью отражал удары, сыпавшиеся со всех сторон. К гвардейцам на помощь подоспели стражи из других залов. Удары щитом отшвыривали воинов одного за другим, канцлер Хонинг забеспокоился и не выдержав напряжения убежал из зала.

Усталость сделала руки тяжелыми, а тело неповоротливым. Удары копий и мечей начали достигать цели. Пока броня выдерживала уколы, но долго так продолжаться не могло. Амадо поднял чей-то меч, и ранил одного из гвардейцев, но сильнейший удар алебарды опрокинул его на спину. Сверху рубанул кривой топор, выставленный Родриго клинок, со звоном, переломился.

— Стоять!!! — раздался крик от дверей.

Гвардейцы застыли, Амадо успел подняться и отпрыгнуть в сторону. В дверях стоял Армин Карната, поджарый старик, жестко смотрел на воинов.

— Все по местам! — приказал командир гвардейцев, беспокойно оглядываясь на Карнату.

В зал вбежали два десятка рыцарей, за ними вошел канцлер. На минуту все застыло, стрела просвистела и отскочила от щита Родриго. Затем еще несколько стрел ударили в щит, Армин что-то кричал канцлеру, но тот гадко улыбнулся и снова убежал за дверь.

Не дожидаясь развязки Амадо подобрал меч, брошенный одним из гвардейцев и ринулся на рыцарей. Тараня щитом врагов, он прорвался к дверям, но створы оказались заклинены. Растерянные гвардейцы смотрели на своего командира, а командир на Карнату. Армин что-то пытался объяснить одному из королей, покачивание головы показывало, что командующего внимательно слушают.

Опрокинутая жаровня запалила стол. Используя веревки, Амадо скрутил нескольких воинов, меч вновь переломился. Рука нащупала раскаленный прут, и тут же ткнула алеющим железом в смотровую щель одного из нападавших. Жуткий вопль разнесся по зале, двери отворились и в комнату вбежали воины, на балконах поверху залы, выстроились лучники. Фыркнули тетивы, громко клацнув отскочили первые стрелы. Оперенные снаряды сильно сбивали плавность движения, Родриго постоянно опаздывал, его уже несколько раз задели, пробив доспех. Щит раскрылся на максимум, броня пыталась спасти жизнь владельца.

Армин скомандовал гвардейцам, воины атаковали солдат и рыцарей, внимание нападавших переключилось. Краткая передышка позволила броне немного восстановиться. Шаги позади заставили Родриго обернуться. Он едва успел подставить щит, клинок соскользнул по касательной, но следующий удар ловко подсек его руку, оставляя глубокий след на металле доспеха. Отскакивая и вращаясь Амадо ушел от еще одной атаки, это же короли, успел удивиться подсудимый. Короли ворвались в строй воинов и быстро опрокинули гвардейцев, а те, что остались живы побросали оружие, вставая на колени и

прося пощады.

На Родриго наступали трое, техника боя и вооружение оказались ему хорошо знакомы, он и сам прошел ту же школу.

— Менастры? Тут? Откуда? — билось в голове Амадо.

Между тем, его профессионально прижали в углу. Щит еще не закрылся, но конец неумолимо приближался. Если бы у него, хотя бы меч был, а так в рукопашную шансов нет. К тому же усталость сильно сковала его движения. Король с жуткой личиной, откованной из металла, нанес удар сверху. Амадо поднял щит, чтобы защитить голову, но тут же рухнул на землю. Что-то сильно ударило по ногам, от перелома их спасли наголенники, но его тело швырнуло на стену. Пытаясь подняться Родриго, заметил стальную чушку молота, которая летела к его голове и отклонив тело назад, снова повалился на спину. Громко, фыркнув молот пролетел над его распластанным телом.

— Трое против одного, шансов нет — промелькнуло в голове.

Сейчас он понял, что, атакуя в голову его спровоцировали поднять щит, для того чтобы другой король мог ударить по незащищенным ногам молотом. Дыхание сбилось, сквозь одурь боя Амадо видел, как один из королей занес узкий топор над головой.

— Последний удар — подумал он.

Неожиданно король с топором исчез. С неприятным хрустом ударившись о стену неподалеку, монарх затих. Родриго оглянулся, король превратился в смятый кусок металла.

Про него забыли, короли напали на кого-то, кого Амадо не мог увидеть из-за их спин. С трудом поднимаясь на ноги, он наблюдал, как еще один менастр упал. На месте его головы красовался смятый в блин шлем, из разрывов и щелей которого вытекала кроваво бурая жижа.

Что-то мощное опрокинуло королей, они разлетелись по залу. Один встал на колени, и опираясь на боевой молот, пытался удержать равновесие. Остальные быстро поднимались с пола неподалеку. Глаза Амадо успели заметить сгорбленного старика, со спутанными пепельными волосами, и тощей бородой до колен, прежде чем он невероятно быстро подбежал к раненному, и рывком сорвал его голову, вскрыв пальцами металл шлема. Все произошло настолько быстро, что тело еще некоторое время оставалось в коленопреклоненном положении. Вторая рука старика резко взмахнула отобранном у короля молотом, отшвырнув одного из нападавших.

— Доспех выдержал удар. Похоже среди королей не все менастры. Латы одних не уступают моим, в то время как у других, судя по всему, точные копии, внешне не отличимые, но в бою разница сразу видна — поползли равнодушные мысли в голове Амадо. — Хотя технику боя им поставили профессионально, явно лжекоролей готовили мои соплеменники.

Молот жуткого деда зацепил одного из королей, его отбросило в сторону и протащило по полу. Старик тут же метнулся к поверженному, и нависнув тощей фигурой над рыцарем, быстрым ударом сверху, размозжил его голову. Оставшиеся двое королей подоспели к своему товарищу. Копье одного из них пробило спину старика, он дернулся и попытался достать обидчика, но древко не позволило ему развернуться и молот, натужно гудя ударил в гранитный пол, оросив округу каменной крошкой.

Меч второго короля отрубил руку, державшую молот, а следом снес голову монстра. Она покатилась по полу, и глухо ударилась о запертые двери.

Возле дверей сидел канцлер, багровая рана расплосовала его лоб. Под грузное тело чинуши подтекала кровь, но он этого даже не замечал, с ужасом наблюдая за происходящим.

Амадо посмотрел вверх, там, где раньше стояли лучники, теперь зияли проломы в балясинах балкона. Между ними сочилась кровь, тягуче роняя капли, на мраморные полы залы.

Один из королей повернулся к Родриго и грозно произнес.

— Прими свою судьбу Даад, твой защитник погиб! Тебе не место в этом мире слуга оборотней древности!

Короли не спеша наступали на свою жертву. Амадо огляделся, на глаза попался молот. Обманчивым движением он спровоцировал атаку короля в жуткой личине, его меч скользнул по щиту Амадо. Разворачивая тело на ходу, Родриго ударил краем щита короля копейщика с грохотом опрокинув его на землю. Молот удобно лег в ладонь, и подброшенный сильной рукой встретил короля в безобразной маске. Клинок со звоном отлетел в сторону, а сам король упал на спину, и сила инерции потащила его тело по скользкому от крови полу.

Копье второго короля ударило в щит, но соскользнуло с покато́й поверхности. Родриго попытался достать молотом копейщика, но тот ловко присел, и пропустив над собой тяжелую чушку, ответил быстрым уколом. Щит вновь успел закрыть тело Амадо, сбросив жало копья к полу. Нога Родриго встала на древко, прижимая копье к земле, и вырывая оружие из рук короля. Монарх лихорадочно искал эфес меча, полотно клинка едва вышло наполовину из ножен, когда острая пятка молота вонзился в грудь копейщика, проламывая сталь, и грудную клетку. Глухо ухнув, король упал, из раны брызнула кровь, но Амадо этого уже не видел.

Позади налетел последний из королей. Полоторный меч монарха в шлеме с личиной, ткнул Родриго в спину. Пробивая доспех, клинок прошел по ребрам распоров бок. С громким скрежетом меч короля вырвался из кирасы Амадо. Монарх вскинул клинок над головой, для последнего удара, но резкий толчок щитом отшвырнул его в сторону. Неожиданный удар ошарашил короля, он споткнулся о тело мертвого рыцаря, и едва сумел удержать равновесие. Родриго бросил молот и наклонился за копьем, боковым зрением он успел заметить движение. Секундой позже на полу перед ним зазвенел клинок врага, подпрыгивая на каменных плитах.

Амадо поискал глазами противника. В дальнем углу он заметил серую тень, склонившуюся над телом последнего короля. Пальцы монстра впились в шлем и с хрустом сминали сталь. Рука короля истерично наносила удары кинжалом в тело старика, туда, где у нормального человека должно находиться сердце. Жуткий дед, не обращая внимания на рану, все сильнее сжимал хватку узловатых ладоней. Металл не выдержал, руки чудовища мягко погрузились в живую плоть, кость черепа хрустнула, рука короля так и не завершив удар бессильно упала на пол.

Старик поднялся над телом поверженного врага, и брезгливо стряхнул с рук прилипшую плоть.

— Не думал, что ты так просто позволишь себя обмануть — сказал он, не поворачивая головы к Амадо. — Теперь обо мне знают они — он протянул руку и показал в сторону прохода, зиявшего на месте кресел королей.

На той стороне все искрилось и переливалось чудесным разноцветием. Родриго не сразу заметил среди великолепия пейзажа Андланда, высокого старика, его рука лениво перебирала густую шерсть огромного зверя, сидевшего возле ноги. Тварь, задрав голову смотрела печальными глазами на хозяина.

Амадо шагнул в сторону барьера.

— Стой дурак! — крикнул старик и преградил путь человеку. Родриго с удивлением узнал Армина Карната. — Стой человек, не время еще! Рано! Ты отомстишь, но не сейчас!

Кровь отлила от лица Амадо, он словно пришел в себя, от окрика старика.

— А где Вагаал? — спросил он все еще не соображая, что происходит.

— Ты и впрямь дурак — с отчаянием в голосе произнес Армин.

Амадо удивленно уставился на командира гвардии, он только теперь увидел, что из одежды на старике остались лишь брюки, да и те порваны в нескольких местах. Руки Армина покрывала бурая корка высохшей крови, а в глазах все еще таилась мрачная жуть. Старик быстро отвел взгляд, и шагнул к проходу. Переход начал сужаться, сворачиваясь в точку, пока не исчез совсем.

— Теперь тебе надо спрятаться. Андланды не отпустят тебя. Ты вмешался в их планы, а Випул не любит, когда в его дела суют нос — размеренно говорил Армин, облачаясь в подвернувшуюся тунику.

— Что будет с королевством? — спросил Амадо.

— Вспомнил! — улыбнулся старик.

Он оглядел комнату, заваленную телами королей, солдат и рыцарей.

— Не беспокойся в башне томятся трое менантров, их заточили эти четверо — он махнул в сторону тел. — Сейчас спустимся и освободим их, а потом тебе надо бежать, бежать как можно дальше.

— Разве это спасет? — с сомнением в голосе поинтересовался Амадо.

— Нет, но у тебя будет хоть какой-то шанс — ответил Армин.

Деревья хлестко шелкали, не выдерживая объятий холода. Конь шел ровно, без остановок, пробивая дорогу в глубоких сугробах. Мороз загнал людей под крыши, заставив забыть все дела, кроме забот о сохранении тепла. Сейчас он не прятался, природа сама надежно укрыла его от любопытных глаз.

Однообразие долгой дороги, рождало в сознании впечатления последних дней. Вспомнилась тюремная башня, такая же отвратная, как и та, в которой ему пришлось обитать перед судом королей. Перед глазами стояли осунувшиеся, бледные от долгого пребывания в темноте лица менантров, которых оказалось трое. Узники долго не могли поверить, что короли повержены. Пришлось проводить их в Зал Десяти, увидев печальную участь соплеменников, менантры закрылись. Желая добиться от них правды о том, что случилось в Железной долине, Амадо раскрыл свое происхождение.

Узники рассказали, что последняя битва с инвентами уничтожила те немногие силы, что сохранили способность противостоять неживым. Их группа бежала прямо с поля битвы, менантры надеялись, что вскоре смогут вернуться, но проход закрылся навсегда.

Первое время пришлось тяжело, чужаков не хотели принимать на службу ни в одном королевстве. Тогда Койжет Уруган предложил, создать свое собственное, они долго искали место, пока не наткнулись на проход, с удобной долиной внутри.

Дикари, живущие в тех местах, быстро признали их власть, и подчинились как королям. Богатая земля прекрасно кормила, но рядом выросло королевство Энерат, на его месте сейчас находится Сальяд. Энераты воинственный и дерзкий народ, неоднократно пытались завоевать долину. Тогда пришлось соорудить первую крепость, давшую название долине.

Строительство опорожнило казну и требовался новый источник доходов, и Спар Пе предложил сделать долину территорией транзитной торговли. Менантры наняли гномов пробить проход в сторону Эманторана, создав таким образом сквозной путь через королевство. Гномы Даноста, выполнили заказ, обнаружив в процессе главное богатство долины, богатейшие залежи железа.

Плата за работу жадным гномам показалась недостаточной, и они устроили войну за богатства Феррочи, в которой сформировалась знаменитая армия долины. Для защиты южных рубежей молодое королевство Фарейз построило Южную крепость, а Железная крепость, закрывающая северный проход, получила название Северной.

Транзит товаров, оказался крайне востребованным, поскольку прежний путь вынуждал купцов обходить горы Тенафара, по краю пустыни Палеомии. Получалось долго, дорого и опасно. Новый путь, лишенный всех перечисленных недостатков, быстро превратился в основной. Низкие пошлины окупались оборотами с торицей, но торговые фактории гномов и тут не смогли стерпеть. Используя влияние при дворе монарха Астурии, гномы сумели убедить его в необходимости захвата прохода, так начались Торговые войны. В которые на разных этапах сорокалетнего противостояния включались поочередно все королевства востока, за исключением, пожалуй, лишь Караманта. И то, наверное, лишь потому, что в то время эта земля еще не стала королевством. Для королей востока эта война закончилась плохо, они на четверть века потеряли возможность пользоваться транзитом через земли Железной долины. Гномов выручал черный рынок и контрабанда, которой эти хитрецы возмещали убытки от запрета транзита через долину.

Для того, чтобы скрыться, короли Железной долины придумали традицию, смены королей. Раз в двадцать лет, старые монархи уходили, сжигая себя на костре, а их место занимали молодые специально отобранные еще в детстве юноши. Все действие окружал ореол сакральности. В действительности, прячась под масками, старые короли имитировали смену правителей, сжигая молодых наследников, предварительно подготовив их к этой церемонии. Юношам внушали, что они не сгорят, а лишь перейдут из одного тела в другое, омоложив своей жертвой старых монархов, и присоединившись к сомну предыдущих правителей, обитающих в телах истинных королей.

Андланды вошли незаметно в королевство, канцлер Убандо Луанс, оказался куари Бустия одного из андландских богов. Лукавый Бустия сумел склонить Койжета Улутана к предательству, обещая прощение и спокойную жизнь если он отдаст им маяки, ведущие в Менантр. Койжет сумел убедить троих склониться перед Андландом, и они отдали свои маяки, остальные шесть отказались. На следующее утро Ару Ентар, Ет Руто и Удо Рошпар очнулись в башне, скованные цепями на сотни лет.

О судьбе еще троих узнали позже из переписки Койжета. Оказалось, что он и не собирався договариваться, лишь проверил кто еще готов примкнуть к нему. Троиш, что оказали сопротивление, предатель убил, а на их место назначил постоянно сменяемых правителей из смертных. Так обряд смены королей обрел настоящее воплощение, пусть и в усеченной форме.

История поразила Амадо до глубины души, он знал, что и в менантрах есть все пороки присущие смертным, но, чтобы предать и расправиться со своими, это у него не укладывалось в голове.

Мороз спал, поднялась снежная буря, свет далекой харчевни, тускло пробивавшийся сквозь снежную пелену, заставил путника сойти с намеченного маршрута.

Возвращение наследника Караманта, праздновало все королевство. Кейст закатил грандиозный пир, длившийся несколько дней. Радость от встречи с дедом, омрачило, только его раздражение. Король Караманта не принял супругу Эбона, ему не нравилось, что внук так опрометчиво распорядился свободой. В свою очередь супруга Эбона, очень остро восприняла выпады Кейста, по поводу происхождения ее семьи. Король не очень хорошо представлял родословную девушки, поэтому считал этот брак ошибкой.

Кейст постоянно удалялся в свой кабинет в столичном некрополе, куда бдительная стража никого не пропускала. Воины не сделали исключения даже Эбону, но его напор заставил бывалых вояк отступить. Теперь он жалел, что настоял на своем и ворвался в кабинет деда.

Он застал Кейста за трапезой. Положив сухую ладонь на голову юноши, король напряженно смотрел прямо перед собой. Юноша под рукой, дрожал всем телом, но не мог пошевелиться, тем временем тело парня начало усыхать, превращаясь в мумию.

Кейст не слышал, как вошел Эбон, настолько его сознание поглотил процесс.

— Что ты делаешь? — в ужасе крикнул Эбон.

Кейст вздрогнул, и повернул лицо к внуку. Черные ямы на месте глаз, заметно светились мертвенным светом полной луны. Король плотоядно улыбнулся.

— Жаль, что ты так об этом узнал! Тебя надо было подготовить. Теперь ты напуган.

— Ты же стал упырем! Дед, что с тобой?!

— Эбон, мальчик мой, пойми, сейчас не важно, что будет со мной, сейчас надо думать о

твоим наследством. Чтобы вернуть его нам потребуется немало сил. Поверь эти люди совсем небольшая цена за силу, что мне дает их жизнь. Я это делаю для тебя и твоих детей, вон какую жену привез — король по-отечески улыбнулся, и протянул руку к плечу внука.

Король Мальдиды отшатнулся, и не в силах что-либо ответить вышел вон.

К концу лета, армия Кейста и Эбона выступила против Амората. Разношерстные войска короля Караманта сильно отличались от рыцарей Мальдиды, особенно выбивались степные орки и их подземные сородичи. Свита Кейста, мертвые всадники, приводила в священный трепет бесстрашный степной народ.

Впереди раскинулись широкие луга Лампеды, армии двигались слишком быстро, чтобы Аморат успел собрать, что-то способное противостоять мощному натиску хорошо оснащенных войск Кейста. В сражении возле Дубравы Шестопята армия Гумберта потерпела поражение, и бежала, бросив Лампеду на произвол судьбы. Кейст отдал столицу Лампеды на разграбление войскам, после чего отступил в Карамант. Сильно разрушенный город достался в наследство Эбону. Несмотря на ценность приобретения, монарх досадовал на кровожадного деда, его совсем не радовала перспектива подавления восстания отчаявшихся жителей многострадального королевства.

В походе Кейст основательно повздорил с внуком. Поводом послужила новость, что Эбон отказался от дара. Внук темного короля категорически отказывался использовать свои способности, даже перед лицом смертельной угрозы.

К весне от Эбона пришло известие, что он ждет первенца, радостный дед отправил богатые подарки своему правнуку. С началом лета в Лампеду вторгся Аморат. Армия Гумберта, состоявшая из рыцарской конницы, легко обошла крепости. И одним быстрым ударом разбила Эбона под стенами монастыря Атира. Кейст подошел слишком поздно, рыцари Амората уже успели уйти к своим границам. Радовало только то обстоятельство, что на этот раз Эбон не попал в плен. Кейст оставил войска на Виолу, а сам отправился в Белый Камень, там его ждал внук, живой, но с потрепанным самолюбием.

— Теперь-то тебе придется дружок использовать дар, речь идет о престиже твоей династии, твоего имени, имени, что понесут твои потомки — размышлял Кейст по пути в Мальдиды.

Вопреки его ожиданиям, Эбон держался холодно, и старался всячески оттянуть момент встречи Эли и Кейста.

— Что-то ты сегодня холоден? — раздраженно спросил Кейст. — Супругу мне так и не покажешь?

— Не думаю, что сейчас это уместно — недружелюбно ответил Эбон.

— Что с тобой? После Алкмей, ты совсем изменился. Тебя унизили, подло разорив твои земли, а ты так спокоен и ленив, что меня начинает беспокоить сомнение, тому ли я отдал земли своей дочери. Соберись Эбон! Пора вступать в войну! Пришло время наказать врага! Пробуди свою силу, то, что ты получил по праву рождения. Покажи свое величие, чтобы все враги ужаснулись и более не смели даже помышлять противостоять твоей воле.

— Дело не во мне, Кейст. Дело в мировой гармонии, разрушая мы порождаем хаос и горе. Я не желаю чужих земель, пора заключать мир и строить нормальную жизнь.

Кейст поежился под строгим взглядом внука. Впервые он назвал его по имени, отодвигая родство в сторону. Темный король понимал, что давить на Эбона бесполезно, нрав он унаследовал от матери, столь же упрямый, поэтому сменил тему.

— Ладно твое дело! Ну, а Эли мне сегодня покажут? — делано весело спросил он, не

желая портить отношения с внуком.

Эбон кивнул, и послал слугу позвать Эли.

— А ты похож на твою мать, она также не любила, когда на нее давят — задумчиво произнес Кейст. — В итоге ее упрямство сделало тебя сиротой, а мне пришлось воевать за твое наследство.

— Я тебе благодарен, за то, что не оставил меня, но я принял решение и оно не изменится — упрямо ответил Эбон.

— Хорошо, тогда я король Караманта прошу тебя, как союзного нам правителя оказать мне помощь в войне с Аморатом. Откажешь своему деду? — улыбнулся Кейст.

— Мне надо обдумать предложение — уклончиво ответил Эбон.

Кейст опустил глаза и покачал головой, в этот момент двери открылись и в комнату вошла Эли. Девушка шла вперевалку, огромный живот сделал, когда-то тонкую фигуру неповоротливой и тяжелой. Жесткий неломкий взгляд уперся в лицо Кейста.

— Дерзкая! — с раздражением подумал Кейст.

Королю сразу не понравился выбор внука. Эльфийка полукровка, да еще из какой-то глуши, выросшая без отца. Всего этого хватило бы за глаза, чтобы аннулировать неразумную связь, но девка оказалась еще и дерзкой до безобразия. Кейста бесил ее сильный взгляд, твердость характера супруги Эбона вскоре приобрела легендарную известность.

Более года по дворам востока ходила история о том, как Эли заставила легата Кейро Парвини встать перед ней на колени. Легат попытался сослаться на авторитет Верховного жреца Скюло, но это его не спасло от неизбежного обряда повиновения. Рыцарство Амората пришло в ярость узнав об унижении представителя святой церкви, принесшего обещание мира от самого Скюло.

Верховный хорошо запомнил ответ гордой полукровки.

— Такой мир хуже войны, он унижает короля Мальдиды, а значит и меня. Мир может восстановить лишь торжество справедливости. Когда моему мужу вернут все земли, что принадлежат ему по праву, тогда мы подпишем мир. А до тех пор легаты Верховного жреца объявляются вне закона на территории Мальдиды и Лампеды.

Кроме того, королева Мальдиды и Лампеды посоветовала Скюло умерить аппетиты, и вспомнить, что еще несколько сот лет назад на ее землях славили совсем иных богов.

Слова они и есть слова, но самое неприятное для Скюло последовало после. Священнослужители Единой Церкви массово бежали с территории обоих королевств, поскольку жители принялись истреблять священную братию с таким воодушевлением, что только за первые десять дней истребили четверть всего жречества, имевшего неосторожность оказаться на территории Лампеды. Монастыри и храмы безжалостно громились, а имущество и убранство разворовывалось. Такого удара Скюло не ожидал. За долгие годы руководства церковью, он привык к своей неприкосновенности. Никто ранее не смел прямо бросать вызов самой церкви и Верховному жрецу как представителю бога на земле. Ну разве, что смутьян Леши с его епископом еретиком, но даже этот сумасбродный королек признавал учение церкви. Никто не смел проявлять сомнение в священности самой фигуры верховного, никто до этой дерзкой полуэльфийки, несущей в своей крови, мерзость эльфийской скверны.

Недолго думая Скюло обвинил ее в ереси, и поставил Эбону условие. Либо монарх отрекается от своей супруги, и выдает Эли на суд инквизиции, либо он, отлучается от церкви, и теряет право считаться законным правителем Мальдиды, признается еретиком и

подлежит осуждению совместно со своей супругой.

Долгие разговоры с Эли, ничего уже не могли изменить. Эбону пришлось смириться с опрометчивым поступком супруги. В случившемся он винил больше себя, чем взрывной характер жены. Его отсутствие поставило Эли перед выбором, к которому она оказалась не готова. В конце концов он знал о ее нраве, когда брал в жены, потому за все случившееся отвечает только он.

Эбон отказался от предложения Верховного, и принял отлучение от церкви. Военных действий за этим не последовало, но он знал, что Скуюло ведет переговоры с королем Амората и Сальяда, постепенно собирая силы для того, чтобы уничтожить гнездо еретичества.

Знал об этом и Кейст, необдуманное поведение и вседозволенность молодой королевы бесило монарха Караманта. Сдерживая раздражение, он поздоровался с Эли, слегка склонившей голову в знак приветствия.

— Здравствуй дорогая родственница, как бремя твое?

— Здравствуйте Ваше Величество! Дитя для меня вовсе не бремя. Для меня наш малыш радость! — ответила Эли, жестко взглянув в глаза короля.

— Это прекрасно, тогда поделишься со мной твоей радостью? — спросил Кейст доброжелательно улыбаясь. — Позволь мне прикоснуться к будущему королю великой империи, ощутить первые движения моего наследника — глаза Кейста загорелись, и нехорошо блеснув застыли точно не в силах оторваться от круглого живота Эли.

— Да..., Ваше Величество... — она растерянно посмотрела на мужа.

Эбон кивнул, и Эли отвела руки чуть назад, открывая беззащитный живот. Как под гипнозом Кейст подошел к девушке и склонившись приложил к животу ладонь. Ребенок тут же сильно дернулся, Эли вскрикнула и немного подалась назад. Кейст злобно сверкнул глазами, и обхватив талию девушки сильно притянул к себе. Рука короля легла на живот Эли, а вокруг ее талии появилась едва заметная темная дымка, она вращалась против часовой стрелки с каждым мгновением становясь все более плотной. Эбон подскочил к деду и попытался его оторвать от Эли, но Кейст одним движением руки отшвырнул внука в сторону. На шум, в кабинет вбежала стража, Кейст на несколько секунд оторвался от живота и схватил одного из стражников за горло. Шея хрустнула, и воин упал на пол, второй стражник воткнул клинок в живот Кейста, но король схватил его за голову. Страж затрясся, и в минуту высох до костей.

Тем временем Эбон успел подняться и снова налетел на деда. Кейст ударил внука в грудь, и он повалился на пол. Король Караманта наклонился и поднял его с пола, обхватив пятерней голову внука. Тело Эбона завибрировало, руки взлетели к Кейсту и обхватили кисть сжимающую голову, затем резко опали. Пальцы разжались, и Эбон мягко осел, точно куль соломы.

Глаза короля Мальдиды медленно открывались и закрывались, стянутый спазмой муки рот с трудом втягивал воздух. Эбон отрешенно наблюдал, как Кейст разворачивается к его жене, но сил помешать уже не осталось. В ушах что-то прозвучало, но сознание с трудом различало смысл сказанного. Неожиданно Кейст споткнулся и упал на одно колено, потом на второе, все тело короля Караманта клонилось к земле, а голова, неестественно задранная, стремилась вверх.

Эбон попытался встать, но смог лишь немного сдвинуться в сторону, зато теперь он понял почему Кейст стоит на коленях. Король как замороженный уставился в глаза его

супруги. Огромные, и блестящие, они странно горели. Прежде Эбону никогда не приходилось видеть такую Эли. От супруги исходило что-то жуткое, безысходно смертельное. Неожиданно он осознал, что тоже не может отвести взгляд, голова разрывалась от боли, мелькнула мысль, что Эли сейчас убьет и его, и Кейста.

— Эли остановись — едва слышно проговорил Эбон, его голос тихий и бесцветный, точно разорвал мертвую тишину комнаты.

Эли отвела взгляд, Кейст упал на пол. Король не мог пошевелиться, и удивленно хлопал глазами, не понимая, что с ним произошло.

Глаза Эли изменились, в них снова появилась знакомая Эбону нежность.

— Прости любимый, прости! — залепетала она, с трудом склоняясь к мужу.

— С ребенком все в порядке? — спросил Эбон, вымученно улыбаясь в ответ.

— Да... Да, кажется все нормально. Ты успел ему помешать... — она всхлипнула и погладила большой живот.

В дверь тихо постучали. Кейст с трудом поднял голову, столь целительная прежде темнота в этот раз почти не помогала. Пять недель прошло, с тех пор как его привезли в Карраль, случившееся в замке Эбона потрясло короля не меньше, чем его внука. С трудом вспоминая подробности происшествия, король никак не мог избавиться от постоянно присутствия смертельно притягательного взгляда мерзкой полукровки. Кейст никак не мог понять, что на него нашло, когда он увидел ребенка в ее чреве. Маленькую девочку, еще не совсем сформировавшуюся, но так похожую на его Катарину. Не чертами, они еще не оформились, а чем-то внутренним, непознаваемым. Он пытался припомнить, как завязалась драка, и восстановил в памяти почти все, но из-за чего она произошла так и не смог вспомнить.

Терис рассказывал, что его тело вышвырнули за ворота рыцари Мальдиды. Поначалу Виолла решил, что Кейст мертв, но позже выяснилось, что король не имеет сил не только шевелиться, но и говорить. Две недели армия Кейста осаждала Белый Камень, пока он не смог произнести свои первые слова.

Король Караманта приказал снять осаду и выдвигаться в Изумрудные холмы. Войска отступили, и Кейст спрятался глубоко под землей во дворце Рибигуда.

Прошло столько времени, а силы все еще не вернулись. Надо дать указание Терису, пусть поищет, что такое эта эльфийская шлюшка, с чем ему пришлось столкнуться. Старинные книги многое знают, в них можно найти ответы почти на любой вопрос, главное знать где искать. Вон как славно получилось с огнем, умница Терис, нашел-таки средство от его уязвимости. Теперь он может не бояться пламя, а весь секрет в фиале. Много лет назад купленном в Ришаме у заморского купца редкими диковинками. Тогда жуликоватый торгаш в грязной чалме, рассказывал чудеса о бутылке, обещая защиту заключенного в ней ракша. С тех пор тридцать лет прошло, и вот только теперь, он понял, как ракша можно использовать. Его питомец, к примеру, умел забирать воздух, лишая пламя питания, наверняка есть средство и против странного дара его снохи.

Стук повторился, Кейст тихо произнес.

— Войдите.

В дверях возник несуразный силуэт — Кейст узнал верного Териса.

— Что тебе? — спросил он неприветливо.

— Ваше Величество, эээ...

— Ну что там? Говори, и хватит там топтаться. Закрой дверь, ты же знаешь, меня раздражает свет.

— У вас родилась правнучка. В Мальдидах объявили праздник — неуверенно доложил Терис.

Кейст подскочил на месте, но тут же повалился без сил обратно на кровать.

— Родилась значит — наконец послышался его голос из темноты.

— Да ваше Величество... — обрадованно ответил Терис.

— Позови ко мне, хотя нет. Бери перо. Сам пиши.

Влажная ночь приятно холодила лицо, на стене темнел одинокий силуэт короля Мальдиды. Эбон смотрел на залитую луной равнину, раскинувшуюся под стенами Белого Камня, она плавно уходила в даль, до самых Тенафарских гор.

Звезды весело мигали с темного неба, слабый шорох привлек внимание короля. Открытая галерея позволяла увидеть всю крепость как на ладони. Стены башни напротив лоснились в лучах ночного светила, и совершенно отчетливо выдавали силуэт, быстро спускавшийся вниз.

Король подбежал к стражнику, дернул его за плечо, тело упало на камень, зазвенело оружие. Эбон опрометью кинулся в башню королевы. Уже на ступеньках он споткнулся о тело, взглянув под ноги, король увидел еще одного стражника. Вприпрыжку взбежав на верх, Эбон бросился к дверям спальни жены, и с лету навалился на запертую дверь. Сильно ушиб плечо, и отлетев назад, едва не рухнул, оскользнувшись на луже крови.

Потребовалось еще несколько ударов, прежде чем дверь в комнату распахнулась. Паланкин над кроватью, плотно задернутый чьей-то заботливой рукой, не позволял увидеть спящую. Быстро откинув полог, Эбон застыл. Эли лежала на подушках, и плотно прижимала ладонь к шее. Сквозь пальцы медленно просачивалась кровь. Она увидела мужа и протянула свободную руку, но удержать ее навесу у королевы сил не хватило, бледная ладошка упала, хлопнув кровью, что скопилась лужей на шелковых простынях.

Обхватив голову руками, Эбон испуганно смотрел как Эли умирает. В голове билась мысль.

— Что делать?

Почему-то вспомнился отъезд с Крефей. Всплыл образ Ланаэль, она протягивала ему руку, в которой связанный витой цепочкой, блестел голубым глазом серебряный дельфин.

Спотыкаясь на нетвердых ногах, Эбон добежал до своей спальни. Раскидывая содержимое ящиков огромного сундука, король искал оберег. В его память четко врезались слова Ланаэль: — «Поверни хвост дельфина в другую сторону, одновременно нажимая на голубой сапфир, и придет помощь».

Обратный путь до спальни жены Эбон совсем не запомнил, Эли еще дышала, но пульс становился все призрачней. Он повернул хвост и надавил на сапфир, в комнате появился темноволосый человек средних лет.

Не обращая внимания на Эбона, он опустил на пол сферу, и расширил ее до размеров приличного сундука. Недолго порывшись в ее недрах, незнакомец достал продолговатый предмет и небольшую коробочку. Он подошел к кровати, и с трудом разжал руку Эли, зажимавшую рану на горле. Кровь, уже не била, а едва вытекала, продолговатый предмет выпустил луч, и в месте куда он упал плоть срослась, оставив едва приметный шрам. В несколько минут, незнакомец залечил страшный разрез. После чего положил небольшую

коробочку на грудь Эли, и отступил назад. Щелкнув, шкатулка раскрылась, и извергла тонкую паутину, сеткой опутавшую все тело девушки.

— Кто ты? — спросил незнакомец, изволив наконец заметить короля.

При этом он уселся в кресло подле кровати, точно находился у себя дома.

— Спасибо незнакомец — ответил потерянный Эбон. — Ты спас мою жену. Я Эбон.

— Давно она вышла замуж?

— Уже почти два года — неуверенно ответил Эбон. — А кто ты такой?

— Я ее отец — спокойно ответил незнакомец. — Сегодня я буду с ней, а завтра поеду по следу тех, кто это сделал — добавил он, и молча уставился на зятя.

Эбон отметил, что глаза у жены, такие же как у ее отца. Только у отца в глазах было что-то еще, что пробирало до мурашек.

— Вам не стоит тратить время на поиски. Это сделал мой отец, вернее, он оплатил убийство.

— Боже, Лафна?!

Эбон вскочил с места и бросился в детскую. В нос ударила железная вонь крови, перевалившись через люльку, лежала нянька с пробитым сердцем. Король оттолкнул тело в сторону, колыбель оказалась пуста.

— Украли! — прозвучал голос позади, Эбон подпрыгнул от неожиданности.

Тяжелая рука легла ему на плечо.

— Я их найду и верну младенца, а ты береги мою дочь, завтра к рассвету вернусь.

— Постой, я сейчас снаряжу гвардейцев, они помогут тебе — Амадо кивнул, а король позвонил в колокольчик призывая охрану.

Четверть часа спустя, по мощенным улочкам Белого Камня, застучали ноги резвых скакунов.

Рассвет окрасил алым цветом стены крепости. Эбон всю ночь так и не сомкнул глаз, он ни на минуту не отходил от жены. Изменения, произошедшие с девушкой, радовали. Лицо супруги сменило земляной оттенок на розовато-белый, глаза иногда открывались, а с полуоткрытых губ слетали неразборчивые звуки.

Со двора донеслись характерные цокающие звуки копыт железного скакуна незнакомца. Десть минут спустя в комнату вошел слуга и доложил.

— Родриго Амадо, странствующий рыцарь, просит встречи с вашей милостью!

— Пусть войдет! — приказал Эбон.

В комнату вошел Амадо, осунувшееся лицо выдавало сильную усталость, он поклонился Эбону и вытащил сферу. Произведя уже известные королю манипуляции, Амадо раскрыл хранилище, и осторожно извлек ребенка. Девочка мирно посапывала, время от времени дрыгая ручками и ножками. Эбон склонился над ребенком, Родриго нажал кнопку на коробочке установленной на груди дочери. Светящиеся нити свернулись, радуя глаз красивыми переливами, и исчезли внутри. Элли широко открыла глаза, удивленно глядя в потолок, затем резко поднялась на локте и застыла. Крупные слезы текли по розовым щекам молодой мамы. Легко подхватившись, она спрыгнула на пол, ноги подогнулись, и Эли упала на колени. Эбон повернулся на шум, и поспешил к ней на помощь. Эли ползла к Лафне, преодолевая непривычную слабость, плач становился все громче. Эбон поднял супругу с пола и крепко обнял.

— С ней все в порядке — успокаивал он, глядя прижатую к груди голову жены.

Эбон помог супруге добраться до дочери.

— Но как? Я же помню... Это был сон? — не понимая спрашивала Элли.

— Нет дорогая, но плохое уже позади. Оставь волнения, ты жива, Лафна с нами. Все хорошо — он не решился рассказать о случившемся, боясь навредить едва оправившейся супруге.

Родриго уже исчез из комнаты, немного погодя, внизу раздался гулкий шаг железной лошади. Скакун быстро уносил седока прочь из древней крепости, которая стала домом для его дочери и внучки.

Неудача нисколько не расстроила Кейста, как и объявленная Мальдидами война. Силы к темному королю вернулись, и теперь он основательно готовился к покорению строптивного внука. Собранные в мощный кулак войска выдвинулись к границам соседнего королевства, но занесенный кулак развернул свою мощь в сторону подземных владений. Из глубин Тенафара пришла армия орков. Они появились неожиданно и лавиной затопили владения Кейста, быстро погрузив подземное королевство в хаос. К приходу основных сил Караманта, жители подземных городов уже давно переварились в желудках агрессоров.

Сильнейший удар Кейста опрокинул уверенных в своих силах орков. Горы изрубленных тел, еще долго напоминали о страшной битве, произошедшей в глубине горы. На поверхности сражение осталось незамеченным, но подземные орки получили хороший урок. Кейст показал, что умеет защищать владения, и подчинять врагов своей воле. Орки не могли вернуться в недра Тенафара, там обитало великое зло, что гнало их наверх, поэтому они приняли подданство Караманта, признав Кейста своим королем.

Гномы Даноста первыми узнали о новом союзе под землей. Товард активно искал союзника на поверхности, но все время наткнулся на равнодушие и неискренность. Неожиданно к нему прибыло посольство из Мальдиды. Поначалу горный король решил, что это очередное предложение от Кейста. Начавшиеся переговоры развеяли его заблуждения.

Двор Танорта не верил тому, что слышал, Мальдиды предлагали союз против Кейста, и в том не могло быть сомнений. Эбон прислал дорогие подарки и предложение создать Лигу Святых, чтобы оказать достойный отпор экспансии Караманта.

Товард хорошо помнил возможности рыцарей Мальдиды, еще по сражениям в Иргаме, и решил не упускать шанс, так удачно подкинувший ему умелого в военном деле союзника. К тому же стратегическое положение Мальдиды, делало положение Кейста крайне неустойчивым. В случае союза двух королевств Карамант оказывался зажат между противниками. Начиная войну с одним из членов Лиги, Кейст вынуждено отвлекался на тылы, вступая в войну сразу на две стороны. Крайне неприятная ситуация озадачила короля Караманта и остудила воинственный пыл некроманта.

На полгода все затихло, старый хитрец исчез. Ходили слухи что Кейст спустился в глубины Тенафарских гор, к древним. После визита темного владыки в подземный мир, началось нашествие полчищ подземных орков. Волны безобразных жителей глубин, одна за другой ударяли в непреступные твердыни Даноста. Ближе к осени пришло известие о падении Белого Камня, судьба короля Мальдиды долго оставалась неизвестной. Шум поднялся, когда у Королевских ворот показалась большая группа рыцарей. Воины шли без знамен, и гербов на одежде и щитах. Лишь несколько часов спустя удалось выяснить, что перед гномами стоит Эбон, выживший король Мальдиды.

Эбон попросил права укрыться в Танорте. Позже выяснилось, что он привел с собой, самых верных вассалов, а также жену и дочь. Перед Товардом встала не простая задача, пришлось выбирать между, союзническим долгом, и угрозами короля Караманта, что пришел следом за беглецами. Лагерь Кейста расположился неподалеку от Королевских врат Даноста. Некромант требовал выдать семью его внука, обещая в случае отказа начать штурм древней дороги в подземное королевство.

Тогда в столице гномов впервые появились гоблины. Жители Танорта с неодобрением

смотрели на шустрых, тонкокостных уродцев, шнырявших в самом сердце гномьей святыни.

Несколько дней спустя в лагере Кейста начались диверсии. Кто-то портил лошадей, раскидывая чеснок под ноги скакунов, несколько раз отравил воду, погубив немало воинов и скота. Спустя неделю вредителей удалось изловить, и к удивлению, Кейста, это оказались охотники гоблинов.

После допроса они заговорили, и темный король узнал, что против него под землей сформирована коалиция. Неприятным сюрпризом оказался союз гномов и гоблинов, Кейст о таком и помыслить не мог. Сколько раз он спускался к зеленым охотникам, и всегда отказ, а тут союз заклятых врагов. Король Караманта никак не мог разобраться в причинах такого противоестественного союза.

Через сутки начался штурм крепости Королевские ворота. Древние стены, высеченные в цельной скале, не поддавались ударам тарана, и стенобитных машин, в старину гномы умели строить. Начавшаяся была паника быстро сошла на нет, и все вошло в привычное русло. Где-то шла война, но она была далеко и почти не касалась обывателей в глубине королевства. Затем все резко прекратилось и войска Кейста, сняв осаду крепости, отступили на территорию королевства Лампеда.

Прибыв в Лампеду Кейст застал разоренный край, он опоздал, королевство уже находилась в руках врага. Опять неугомонный Гумберт подло напал на владения его семьи.

Отступать пришлось спешно поскольку рыцарская конница Амората уже подошла к границам Караманта. Огромное войско медленно продвигаясь по разоренной земле Лампеды, постоянно сталкиваясь с отрядами врага. В добавок армию поразила какая-то болезнь быстро выкосившая четверть войска. Возле Куватры, небольшого городка в землях Лампеды, армия Кейста неожиданно налетела на засаду. Войска не успели еще подготовиться к битве, когда дождь из стрел обрушился на первые ряды.

Началась паника, передние кинулись назад, сея страх в тыловых частях, а следом визжали стрелы и арбалетные болты. Орки и люди падали, заполняя стопами и проклятиями округу. Жители городка расположились на стенах, и с нескрываемой радостью наблюдали истребление армии темного короля.

Кейст протрубил в рог, густой звук гнутой меди огласил поле боя. Вперед вырвались мертвецы и рассыпавшись в цепочку помчались на лучников противника. Со стороны Амората выступили копейщики, прикрывая, отступивших за их щиты стрелков. Мечники опустили забрала шлемов, и угрюмо уставились на жидкую цепочку быстро приближавшихся всадников. Вопреки ожиданиям, мертвые всадники прошли, не останавливаясь четыре шеренги вражеской пехоты, пока не застряли в человеческой массе. Отчаянный сеча захлестнула рыцарей Кейста. Топоры и мечи разметали мертвую плоть, еще до того, как сам король успел вступить в бой. Стрелы вновь начали косить воинов Караманта, тогда как живая кавалерия некроманта остановилась перед линией аморатских копейщиков.

Попытки развернуться и вновь перестроиться, оборвали фланговые удары рыцарей Амората и Сальяда. Зажав в клещи войска Кейста, рыцари сломили последние попытки сопротивления и погнали врага к границе Иргамы. Густые леса предгорья спасли многих, но не всех. Тяжелая булава Кейста скосила сотни вражеских воинов, проложив дорогу темному правителю к границам его королевства.

Кейст с трудом добрался до Караманта, несколько, раз едва не налетев на усиленные разъезды, сновавшие по округе в поисках беглеца. Армия осталась на поле под Куватрой, а его войска в Мальдиде и Караманте находились слишком далеко, чтобы помочь своему

господину.

В столице Кейста ожидала плохая новость, Мальдида тоже отошли к Гумберту, войска зарвавшегося королька сумели наскоком выбить его армию из королевства Бластитов.

С большими потерями они отступили в Карамант, и прибыли к столице за содержанием. Недолго думая Кейст казнил командиров подразделений, что отдали приказ оставить Мальдиду. Затем устроил смотр оставшимся войскам, неудачная война заметно подточила мощь его королевства. Пришлось собирать лучших из лучших, воинов королевского стяга, тех самых, что Кейст облачил в доспех из митрила. Выучке этих рыцарей мог позавидовать любой король севера, четыреста превосходных воинов, готовых умереть за своего властелина. Долгое восстановление после ран, омрачалось отсутствием силы поднять новых, скованных волей некроманта мертвецов. Много часов темный король посвятил попыткам вернуть к жизни то, что умерло, но ответ так и не пришел.

В то же время, ученые Академии Луи Звездочета, старейшего университета востока, в изумлении взирали как мертвая плоть соединяется и приобретает утраченную форму и материю. Понять происходящего они не могли. Образцы, собранные после битвы, сильно перемешались, но с непостижимой точностью родные части находили друг друга. Периодичность явления не укладывалась ни в какие расчеты, все происходило случайно, без каких-либо взаимосвязей. Четыре месяца наблюдений закончились трагедией, мертвецы поднялись и поубивав профессуру вырвались наружу.

Действия покойников поражали продуманностью. Сначала они пришли за своими скакунами, а после в оружейные мастерские, откуда ринулись на стражу городских ворот.

Погоня, пущенная по их следу, не смогла догнать рыцарей Кейста, но по рассказам случайных свидетелей мертвые проследовали в Карамант. Взбешенный Гумберт, велел провести допрос ученых, а после, и тех, кто нарушил его приказ прижать воинов некроманта огню. Последовавшие казни послужили лишь назиданием на будущее, но нисколько не разрешили проблему.

В последнее время Товард плохо спал, он часто просыпался под звуки заливистого женского смеха, одновременно и страшного, и чарующего. Иногда голос с ним беседовал, о чем король вспомнить не мог, но после сна всегда оставалось ощущение гнетущей тоски.

В ушах еще звучали переливы звонкого смеха, но мысли уже путанно рыскали среди навалившихся проблем.

После поражения Караманта, Товарду пришлось пойти на союз с еще одним негодяем с поверхности. Попытки вернуть трон Мальдида Эбону, остались без обсуждения. Гумберт лишь презрительно хмыкнул на предложение вернуть Белый Камень его владельцу.

Сидевший неподалеку старик, в белой, вышитой золотом одежде, снисходительно смотрел на гнома. Товарда предупреждали о том, что Великий кастрат хитер, и очень опасен, но вид умирающей плоти так сильно не вязался с властью, сосредоточенной в руках старика, что гному это обстоятельство казалось неким недоразумением. В голове невольно всплыли философские мысли о скоротечности человеческого бытия.

Позже беседуя с глазу на глаз с королем Гумбертом, Товард получил предложение передать королевскую семью Мальдида под его защиту. Пришлось вновь хитрить, король гномов обещал обдумать предложение, хотя вопрос шел о предательстве. Короля Амората вводило в заблуждение придуманное происхождение молодого правителя. Отдать на растерзание инквизиции сестру и ее ребенка, Товард и помыслить о таком не мог. Соблазн

получить серьезные торговые льготы, не мог пересилить его привязанности к Эли. Удивляло, то, что никого не интересовала судьба Эбона.

Думая о положении королевства, Товард вспоминал последние донесения от гоблинов лазутчиков. Все говорило о скорой войне с подземными орками, там появился Рунк Красный Глаз, очередной король зеленых.

Харизма и неумемная энергия кровожадного орка, положенные на потрясающую жестокость, собрали под его началом все крупные племена, проживающие в подземельях Тенафара. В этот раз они шли не одни, их вел гигант Капир, что привел с собой огров. В далекой древности предки гномов загнали его племя глубоко в недра земли, теперь они вернулись. Гигант слыл любителем гномьей плоти, сказания о ненасытности которого превратились в фольклор подземников, и прочно заняли свое место в народных сказках.

Поначалу он не верил слухам, но пару дней назад пала крепость Удвага, что стояла на дороге к Старым копиям. Хочешь не хочешь, но пришлось озаботиться безопасностью границ.

Скинув ноги на пол, Товард сел на край кровати, и долго смотрел перед собой, он выспался, но сон не принес ему свежести.

— Что за гадость меня донимает — думал он про себя. — Надо сходить к придворному лекарю, пусть что-нибудь посоветует от кошмаров, а то совсем одолела баба проклятая.

В дверь постучали, а затем не ожидая ввалился Таго Оллап, командующий тяжело дышал.

— Там! Это! Ваше Величество! Орки они прорвались через Цитадель Медного двора, и Дом Енгарда! Крепости пали, одна за другой!

— Как пали? Не может быть! Там же армия стояла, не меньше! — изумился Товард, вскакивая с ложа и быстро семеня по шероховатому, теплому полу за штанами.

— Ты же отвечал за оборону этого прохода? Но как? Почти тысяча воинов, тут же не поле, две крепости и ни одна не устояла.

— Виноват Ваше... — начал Оллап.

— Этак мы и столицу сдадим! Глазом моргнуть не успеем как Капир устроит пир в залах дворца Дулина. Пожирая его никчемных потомков! — бурчал Товард натягивая кожаную куртку, и грозно поблескивая глазами на престарелого военачальника. Старый командующий ожидал рядом, потупив глаза, и все более краснея с каждым словом короля.

— Ваше Величество мы сделали все, что могли! Но мы гномы, а не колдуны! Этот Капир неуязвим, он не боится ни огня, ни копья, ни стрелы, и даже самые лучшие клинки не берут его шкуру. Мы дорого взяли за наше поражение, одних огров больше сорока убили, но древний монстр никому не по силам — сокрушенно оправдывался вояка.

— Больше сорока! Ага, доблестные воины! Огров они убили, ну и, что помогло? Остановили? Упрямыцы! А я вам говорил, что надо идти к Аар.

— Так легенды это. Сказки. Ваше...

— Легенды! Ты это лучше детям расскажи. Мой отец сам видел Великую мать, и она обещала помощь, если придет крайняя нужда. Похоже пришло время воспользоваться ее предложением!

Отвернувшись от короля Оллап, сокрушенно покачал головой и горестно сожмурил глаза. Старику казалось, что король свихнулся от страха, раз верит в детские сказки, но перечить решительному правителю не посмел, лишь в душе оплакал печальную судьбу Даноста.

В дверь вновь постучали.

— Кто там? — отозвался Оллап.

Вошел гвардеец, и отчеканил.

— Ваше Величество, Родриго Амадо просит аудиенции!

— Пусть войдет — задумавшись на мгновение ответил Товард.

В комнату прошел мрачный человек среднего роста, широкополая шляпа почти полностью скрывала лицо. При виде короля, Амадо снял головной убор и неуклюже поклонился, подметая пол королевской спальни черным фетром.

— Здравствуй Родриго — поприветствовал человека король. — Слышал о твоей работе в Железной Долине! Как всегда, великолепно! Тебе уже вручили награду?

— Да Ваше Величество! Но я здесь по иным причинам!

Король уселся на богато инкрустированное кресло из сине-зеленого камня, и внимательно посмотрел на гостя.

— Я прибыл в Даност просить Ваше Величество поддержать Аморат в предстоящей войне.

— Ты шпион? — угрюмо спросил Оллап, опуская руку на эфес.

Товард тут же сделал жест рукой, чтобы командующий успокоился. Затем приветливо махнул головой, побуждая Родриго продолжать его речь.

— Кейст невероятно силен, его поразило темное начало. Армия Краманта, что движется в Лампеду, завтра пройдет мимо Королевских ворот, а еще через четыре дня выйдет на границу Амората. И боюсь, что на этот раз Гумберт не сможет остановить полчища орков, под командованием Темного короля.

— Не понимаю, разве Кейст их не прогнал в степь? — удивился Товард.

— Так и было. Но повеление Наилы гонит орков из Великой степи, она приказала шаманам увести степной народ на запад. Орки страшатся голода.

— Что за Наила? Это, что правительница орков? — спросил Оллап, прищурился правый глаз.

— Наила древнейшая богиня степных жителей — досадливо морщась ответил Родриго. — Ее культ появился задолго до орков, но приказы Наилы выполняют всегда, у зеленых нет выбора. Земли Урсума, уже пострадали от их нашествия, амазонки откочевали далеко в степи, не в силах противостоять переселению степняков. Ситуация очень серьезная, орки несут большие потери, и все только для того, чтобы попасть на эту сторону горной гряды. Кейст умен, он воспользовался положением кочевников, и позволил селиться в Караманте и Иргаме, но взамен взял с них клятву вечной службы.

— Орки? Они же кочевники, кому они могут служить? — удивился король.

— Да, они не знают дисциплины, но они сильные и выносливые воины, и их очень много. К тому же Кейст обещал им в случае победы, земли Амората.

— Интересно — протянул Оллап. — А нам какая выгода влезать в войну человеческих королевств? У нас и без этого, хватает врагов! Вон из Черного предела идет армия Капира! Нам самим бы устоять, а ты втягиваешь нас в дела людей! Да еще рассказываешь сказки, про какую-то Наилу.

— Это не сказки! Наила древняя богиня плодородия и изначально покровительствовала пахарям, а когда появились кочевники стала их матерью, и хранительницей очага — спокойно, но с нажимом, охладил пыл своего командующего Товард.

Оллап прикусил губу и смущенно захлопал глазами, отворачиваясь в сторону.

— Что за Капир? Новый король орков? — поинтересовался Амадо.

— Да нет! Этот похуже будет! Один из древних, великан и король огров, да еще никакое оружие его не берет — с раздражением ответил Товард. — Я уже собираю отряд к Великой матери. Мне дед рассказывал, что мой отец ее встречал в Огненном саду. В его рассказах, ты тоже упоминался?

— Да Ваше Величество, я видел Аар, но зачем идти так далеко? Я помогу с Капиром, в ответ прошу, лишь одно, уступить моей просьбе и поддержать Гумберта Аморатского — с поклоном ответил Родриго.

Оллап недовольно поморщился, и приказал гвардейцам выйти за дверь.

— И чем же ты можешь помочь, человек! Тарма призовешь? — спросил он, топорща седую бороду в сторону Амадо, словно желая ею забодать подозрительного чужестранца.

— Для Капира, я пострашнее Тарма! Доверься мне, и сам все увидишь. Без командования древнего, орки разбегутся, а вам останется лишь очистить от дезертиров и бандитов проходы — не обращая на желчный тон Оллапа, ответил Родриго.

— Постой Оллап — остановил командующего Товард, тот уже налился кровью, грозя в любой момент взорваться гневом. — Дед мне говорил, что ты не раз помогал нашей семье. Да и мою жизнь спас. Я верю твоему слову, но как ты справишься с неуязвимым монстром, что породила сама бездна.

— Тебе придется довериться мне. Поверь, враг наверху сейчас намного опаснее. Некромант идет уничтожить старый мир, чтобы на его месте воздвигнуть новое королевство. Такое же, противное жизни, как его Карамант. Он несет с собой болезни, людоедство, рабство и смерть, смерть всему, что непохоже на него.

Жуткий взгляд бездонных глаз Амадо, опрокинул сознание командующего, и Оллап побледнел, немного подавшись назад. Спесь, бурно окрасившая его лицо улетучилась, а глаза испуганно потупились. Он увидел полчища Темного короля, падение известного ему мира, плечи командующего невольно передернуло.

— Ты меня убедил! Я назначаю тебя товарищем Таго Оллапа! Если ты сможешь нам помочь, я выступлю на стороне Амората! — король приказал командующему готовить армию в поход, а сам остался наедине с Родриго.

— Эли с Эбоном здесь — сказал Товард совсем убрав официальные нотки из голоса.

— Давно?

— Уже полгода.

— Я думал они погибли — ответил Амадо, и впервые улыбнулся. — Где они?

— В квартале Торговцев, улица Первой гильдии, они в хороших руках — Товард улыбнулся в ответ. — Эбон рассказал мне о том, что ты сделал для его семьи. Я почему-то всегда считал тебя занудой и равнодушным типом, а ты меня сумел удивить.

— Ну не стоит, я спасал и свою семью — поморщившись ответил на комплимент Амадо.

— Спаси мое королевство, ради них. Им наверху некуда идти, а я спасу их дом. Для меня Эли сестра, наверное, самый близкий человек из тех, с кем меня сводила судьба, поэтому за нее я многое готов отдать. Победа Амората не в ее интересах, Гумберт просит выдать Эли и Лафну.

— Хочет держать наследника под рукой — улыбнулся Амадо. — Понять можно, политика. У него хорошие советники, хоть и наши враги, но сейчас надо встать на его сторону.

— Хорошо, если тебе это нужно, я помогу Гумберту в войне. Хоть этот прощельга и

недостойн помощи.

Амадо не встретился с Эли, ему не хотелось вновь видеть ее разочарованное лицо, и злость от того, что ей приходится терпеть его присутствие.

Тем же днем он вышел в поход с армией Таго Оллапа. Дорога заняла больше суток, прежде чем они услышали орков. Неприятная гортанная речь прорезала мрачную тишину древних коридоров. Войска Оллапа вышли в огромную пещеру, со множеством входов, со всех сторон, величавые колонны, словно гигантские деревья поддерживали рванный свод.

Гномы построились рядами и выставив копья, ждали приближения врага. Появились первые орки, затем зеленые посыпались со всех коридоров, сливаясь в разношерстную массу посередине пещеры. Позади натужно ухнули самострелы, установленные на возвышенности. Длинные копья пролетели над головами гномов, и пробивая сразу несколько воинов проредили построение орков. Следом пошли луки, по щитам гномов застучали ответные стрелы. Косясь на броню Родриго, Оллап приказал самострелам дать следующий залп.

Вскоре из бокового прохода вышел Капир, он шел склонившись, стараясь уместиться в узкий коридор. Оказавшись на открытом пространстве, монстр выпрямился, рост гиганта поражал. Капир возвышался горой над своими войнами, в руке он тащил обломок каменной колонны.

Вперед вышел Амадо, он неторопливо прошел сквозь ряды удивленных гномов. Шлем на его голове исчез, и глаза Капира впелись в лицо бесстрашного человека, посмеявшегося бросить ему вызов. Стороны разразились воинственными криками, в ожидании боя между человеком и великаном, но прошла минута, а все оставалось по-прежнему. Родриго смотрел на Капира, великан смотрел на человека.

Гигант странно дернулся, но не смог сдвинуться ни на шаг. Затем раздался душераздирающий вопль, и страшные проклятья на древнем языке. С потока посыпался рванный камень, глыбы падали с грохотом разбиваясь на куски, убивая и ранив воинов внизу. Еще минуту спустя Капир упал, погребая под собой часть войска, орки кинулись в рассыпную. Тело великана истлевало на глазах, а голова, неестественно выгнутая в шее, все продолжала смотреть в сторону человека. Ошеломленные орки давили своих, стремясь как можно быстрее скрыться в спасительной темноте боковых коридоров. Рунк Красный глаз попытался остановить бегство армии, но орки страшного человека боялись больше, чем кровожадного тирана. Топча своих, мимо промчался огр. Не разбирая дороги, великан проложил путь через соратников в ближайший проход.

Гномы методично наступали на врага, поражая его точными уколами острых копий. Родриго подошел к телу Капира, и одним ударом рассек череп гиганта по полам. Внутри, что-то сверкнуло малиновым цветом, и тут же исчезло в руке человека. Победа в Пещере падающих камней, навсегда осталась в летописи гномов, как самая решительная виктория в истории подземного народа.

Теплый ветер трепал седую голову Гумберта, выстроенные войска ожидали появления короля-некроманта. До слуха отчетливо доносились ругань и топот тысяч ног, врага скрывала лишь дубрава. Оставалось совсем немного до того, как армии сойдутся в принципиальном сражении, которое должно определить судьбу человеческого востока.

Утрамбованная пашня гулко отдавала звуки. Армия Караманта неудержимой лавиной заполняла поле, стало ясно, что войск у Кейста действительно много. Пехота Амората

дрогнула, когда копейщики увидели нескончаемый поток вражеских воинов, и сотникам стоило больших усилий удержать строй.

Огромные степные орки, вызывали животный страх, но ровно до тех пор, пока не показались всадники Кейста. Мертвецы величественно выехали вперед, черные плащи скрывали большую часть подробностей, но и то, что оставалось на виду приводило любого живого человека в трепет. Оскаленные черепа уставились пустыми глазницами на живых, скелетированные кисти рук сжимали поводья, в правой руке мертвецы удерживали длинные копья, тяжело склонившие жала к земле. Кейст, сидя на черном жеребце протрубил в рог, и копья нацелились на врага. Лошади медленно пошли вперед, мертвецы склонились к шеям своих скакунов и до ушей смертных долетел устрашающий звук тихого шипения. Всадников не остановили ни копья, ни стрелы, мечники рубили иссохшую плоть, но рыцари Кейста прорвали строй Амората.

Следом налетели орки. Расширяя прорыв, зеленые разрушали мощными ударами стройные ряды Амората. Кругом слышались крики людей, воинственные вопли орков и рычание их ненасытных волков. С правого фланга, появились всадники на огромных волках, их удар попытались перехватить рыцари Гумберта. Железные всадники теряли коней, волки рвали грациозные шеи скакунов, и перекусывали тонкие ноги, вскоре всадники превратились в пешее войско. Следом на спешенных рыцарей налетела волна орков верхом на гигантских, хищных свиньях. Поджарые твари, в размерах мало чем уступавшие коням, раскидывая людей как щепки, перемалывая доспехи острыми копытами и челюстями с зубами подобными кинжалам.

Гумберта окружили телохранители, рыцари пытались отбиться от жутких тварей копьями, но враг оказался в большинстве и король Амората пал. Его отрубленная голова, украсила древко Пака Вислорукого.

Весть о гибели короля разнеслась по рядам войска Амората подобно пожару, воины побежали. Бешенный Гвидо попытался развернуть войска, и едва не стал добычей, Енаха Сопливого, самого жалкого из вождей орков. Принца спасли верные телохранители, вырвавшие сюзерена из лап беснующихся врагов. На память о пятиминутном пленении, у принца остался шрам на месте отсеченного уха.

Орки нагоняли бегущих, опрокидывали их и терзали плоть несчастных. Ближе к вечеру над полем боя разнесся запах жаренного мяса. Сотни костров объединили вокруг себя разноязыкие племена зеленых, так удачно преодолевших угрозу голода. Ведь каждый бой приносил столько пищи, сколько не могло принести самое большое стадо, выращенное в течение двух лет.

Сальяд не успел прийти на помощь Гумберту. Товард попытался выйти из Королевских ворот, но не смог пробиться через заслон, оставленный Кейстом и на двести метров, а к вечеру пришло известие о поражении Амората. Тревожная весть заставила гномов отступить, они ушли под гору, готовясь к обороне главного входа в королевство. С падением Амората положение Даноста становилось угрожающим. Король гномов не раз проигрывал в голове возможные последствия случившегося, и все время приходил к одному и тому же выводу, последний бой не за горами.

В пылу сражения пропал Амадо, Товард сначала разозлился на своевольного отчима, но после вспомнил слова деда: — «Этот человек чужой везде, куда-бы не приходил. Он как дворовый кот ходит сам по себе, и возвращается только, когда считает это нужным».

Раз ушел, значит, так нужно! — успокоил он себя, и нащупал на груди малиновый

камень. Рубин ярко блестел на золотой цепи, тяжело оттягивая мощную шею короля. Товард раздумывал над словами Родриго: — «Отнеси камень Хозяйке. Скажи, что принес душу древнего, и она не забудет твоего дара».

От королевского дворца святилище Хозяйки камня отделяло лишь несколько кварталов. Товард хотел отнести камень, но почему-то оттягивал этот момент. От камня, волнами исходила уверенность, мощь, власть, она словно проникала в существо гнома, придавая уверенности в собственных силах.

Иссеченная временем арка, с высоким сводом, нависла над монархом. Гвардейцы остались снаружи, Товард в одиночестве прошел в широкий зал. С фасада храм казался на много меньше, а тут огромная зала, ярко освещенная флуоресцентными лишайниками. Воздух напоил запах цветущей олании, ярко красные цветы устилали ковром пол храма. Журчание ручья, наискосок пересекавшего зал, успокаивало. За тысячи лет вода проточила в твердой породе русло. В прозрачных струях потока суетились бесцветные рыбки, вспыхивая время от времени яркими цветами синим, зеленым, красным, фиолетовым. Раньше Товарду никогда не приходилось бывать в доме Хозяйки, и гном не знал, как себя вести, король оробел. Он остановился у входа, потрясенный отрывшимся миром. От суеты города его отделял лишь вход, но перед глазами Товарда раскрылся другой мир, мир подземной жизни, царство Хозяйки.

Рука короля смело сдернула душу Капира с шеи, звенья цепи рассыпались по полу. Товард как во сне прошел к алтарю. Высокий камень в виде горного кряжа прильнул к дальней стене, на его поверхности ползали насекомые в таком количестве, что из далека казалось, будто монолит живой. Король в нерешительности постоял возле алтаря, прежде чем положить малиновый рубин на тарель в основании. Насекомые ярко вспыхнули, и взлетели в воздух, помещение наполнилось миллионами желтых огоньков, они как звезды вспыхивали и гасли где-то под потолком. Разинув рот Товард смотрел на окружающее волшебство природы.

— Еще один пал! — произнес грудной, женский голос.

Король завертел головой пытаясь определить откуда прозвучали слова.

— Не пугайся Товард сын Хельма и Май, я знаю тебя, а ты знаешь меня! Только не помнишь! Благодарю тебя за дар!

— Кто ты? Хозяйка? — одновременно удивленно и испуганно спросил Товард.

— Так вы меня зовете. Я Предел! — прозвучал голос.

— Предел? Чему Предел?

— Всему! Капира жизнь украл чужак с ужасным взглядом?

— Да. Он просил принести этот камень в дар тебе. Не понимаю зачем, но такова его просьба, и я ее исполнил! Хотя с радостью оставил бы себе такую красоту.

— Древние души опасны для смертных.

— Почему? Что страшного в мертвом камне?

— То, что не мертвый он! Суть древних растлевет и навсегда порабощает! Чужак, друг настоящий, он спас рассудок твой.

— А тебе он зачем? Ты ведь Хозяйка всему, что есть под землей, живому и мертвому...

— Хозяйка? Нет я мать, а это мои дети. И те, что живы и те, что не живые! И сверху, и снизу все созданы мной! Я суть всего, начало и предел. Со мной все появилось, с моим уходом все исчезнет! За дар твой, дам я шанс тебе! Есть враг, что ты не видишь, он прячется во снах! Суть женщина, но лисий облик носит! Одедась в белое и исподволь сомнения в души смертных вносит. Ее ты берегись, твоей желает смерти, нежная хитрюга!

— Что? — удивленно переспросил Товард.

Краски постепенно начали меркнуть. Насекомые вновь сели на алтарь и погасили огоньки, цветы закрыли чашечки, а рыбки потеряли краски, Хозяйка ушла. Это Товард понял

совершенно отчетливо, его словно выставили из покоев госпожи подземного мира.

Тихий голос Дарелиана поприветствовал королевский совет, главы старейших домов ответили поклоном. Владетели Эманторана худошавые мужчины без возраста, недоброжелательно смотрели на короля. Напряжение вызвал внеочередной Совет старейшин, что могло означать только одно, произошло нечто из ряда вон выходящее. Айларов беспокоило, что они совершенно не представляют, что послужило поводом для встречи.

— Я рад видеть всех айларов, на нынешнем Совете — поприветствовал глав старейших домов Эманторана, Дарелиан. — Понимаю, вы озадачены. Всех вас мучает вопрос, что послужило поводом для нашей встречи в Лунной ротонде.

Гомон птиц заглушал тихую речь монарха, а журчание воды в каскаде небольших озер, наполняло сад дремотой, усиленной жаром надвигающегося полудня. Лунная ротонда, выстроенная в форме вытянутой подковы, своей открытой частью смотрела в дивный сад, где цветение кустарников соперничало в красоте с листвой деревьев и оперением птиц, порхающих меж ними.

Эльфы чинно выстроились вокруг широкой чаши, выточенной из серебристого, искрящегося в лучах солнца, камня. Тридцать стариков с молодым телом решали судьбу мира. Многие помнили эти места еще в первозданной красоте.

— Не стану томить вас — прошелестел голос короля. — Нам предстоит война, но война с противником равным нам по силам. С теми, кто многие века служил для нас дверью на север. С теми, кто всегда нам клялся в союзничестве, но в сложный час предавал. Через десять дней королевские войска осадят Южную цитадель Железных королей, пришло время взять то, что по праву наше. Пришло время вернуть потерянное по недоразумению наследство мудрых, что оставили нас сохранять и приумножать дарованный нам мир.

В ротонде повисла тишина, нарушаемая галдежом птиц. Глава дома Илкор, Наймел, посмотрел стальным взглядом на Дарелиана, его лицо ничего не выражало, но взгляд говорил о крайне степени возмущения.

— Почему совет узнает о столь важном решении только сейчас? Вы нас ставите перед фактом, заставляя принять войну как неизбежность.

— Так сложились обстоятельства уважаемый Наймел — прервал его Дарелиани не принимая вызова, возмущенного айлара. — Как все вы знаете, на востоке военная катастрофа. Чума Ургеноя вырвалась на свободу, и теперь ее носитель некромант из Караманта.

— И что? Эманторан сегодня не способен избавиться от одного чернокнижника? — язвительно спросил Наймел.

— Наймел! Перед тобой король! — не выдержал архиварий Ванелор.

Глава дома Илкор смерил его презрительным взглядом, моментально поставив выскочку из низов на место, и продолжил.

— Если у нас поводом для войны служит, появление некроманта среди людей, то королевство вряд ли может себе позволить войну с таким врагом как Фарайз — припечатал айлар короля.

— Даже если некромант король Кейст? — тихо спросил Дарелиан и равнодушно посмотрел в сторону Наймела.

— Король? Да Кейст правит самым занюханным королевством востока, и опять же

причем здесь Железная долина. Как по мне так лучше сохранять железных рыцарей как буфер, между нами и тем сбродом, что живет за Аселраэлем! — не унимался Наймел.

— Кейст давно уже не занюханный корольчик из маленького восточного королевства. Его армия вот-вот разобьет Аморат и Сальяд, затем наступит очередь Железных королей, и я сомневаюсь, что они смогут выстоять против тысяч орков Некроманта. К сожалению, люди слабы и не могут противостоять соблазну получить бессмертие, пусть и в таком извращенном виде. Много веков назад, во времена Ургеноя, эльфам уже пришлось столкнуться с полчищами мертвецов, и это стоило нам больших жертв. Напомню, тогда мы потеряли нашего короля Камаэльдана Мудрого, поэтому эльфы должны остановить распространение заразы некромантии. Как король Эманторана, я считаю, что лучше это сделать на территории врага, чем в наших лесах, и так перенесших немало горя за последние годы. Одно Восстание вайи чего стоило!

— Почему такое сомнение в силах Гвидо? — с недоверием спросил Солзейр, глава дома Вайтра.

— Кейст разбил его отца, короля Гумберта, запер гномов под горой, и уже вышел на границы Амората. К тому же его силы постоянно растут. Некромант принимает в свою армию полчища подземных орков. Дикари считают его воплощенным божеством, и готовы положить жизнь за своего господина.

— Но почему обязательно война? Мы можем соединить наши силы с Железной короной! — вновь вступил в беседу Наймел.

— Послушай Наймел, хватит! Все знают о твоих торговых связях с Фарайзом, но это не повод предавать интересы королевства! — возмутился Майрен глава дома Лайран. Взгляды айларов сцепились, выражая непримиримую вражду.

— Причем тут мои интересы, когда завтра мы начнем войну с союзником, и будут гибнуть наши близкие! — вскричал эльф, теряя самообладание.

Майрен довольно усмехнулся, и пробубнил, как будто про себя, но так, чтобы все услышали.

— Да, особенно из твоего дома! — намекая на то, что дом Илкор уже много веков не участвует в войнах, откупаясь деньгами.

Наймел побледнел, назревала ссора, но Дарелиан быстро перехватил инициативу.

— Уважаемые члены совета, главы древних семейств Эманторана! Я призываю вас принять участие в войне, что стоит у нас на пороге. Мы не сможем отсидеться, как обычно за неприступными горами. К нам идет враг, опаснее десятка человеческих королевств. И нынешний некромант едва ли слабее прежнего, нам придется принять вызов Темного короля. Наша задача подготовиться к встрече с могущественным врагом!

Дарелиан внимательно осмотрел членов совета, эльфы неуверенно переглядывались.

— Что случилось с моим народом? Откуда страх в повелителях мира?! Вы и ваши дома правят Этланом! И только нам решать кто достоин жизни, а кто должен уйти! — неожиданно вскричал Вонтай, сверкая зелеными глазами на соплеменников. — Мы не боялись старых людей, мы никогда не робели перед прихвостнями Братьев! Енгард Тиран, Ургеной, Тизкар Нома, Сарназар все они пали от наших мечей, всех склонила непреклонная воля айларов. Наймел ты вел свой дом на бой с Ургеном, что с тобой случилось брат мой? — эльф повернулся к главе дома Илкор.

— Вонтай, ты не терял сына, и лучших воинов твоего дома. У тебя и сегодня самый сильный род. Назови Рейтай и любой житель Эманторана, предупредит тебя не произносить

это имя без нужды. Дому Илкор не тягаться с твоим, не в родовитости, ни в силе, поэтому не укоряй меня. Ты и сам все это знаешь, так к чему эти пафосные манипуляции, они не заставят меня участвовать в авантюрах Дарелиана. Семья Илкор не поднимет меч против союзника, коему дано столько клятв дружбы.

Эльф повернулся спиной к королю и покинул совет, демонстративно не прощаясь с остальными айларами.

— И так, кто еще готов продемонстрировать свое слабование? — спросил Кеннар из дома Алраер, представитель самой старой семьи эльфов.

Он единственный в совете оставался воином. Самый старый герой, подвиги которого наполнили многие древние легенды эльфийской традиции, и не только. Иные народы передавали мифы о его приключениях, и спорах с богами. Никто не посмел противопоставить свое слово, слову великого героя.

Дарелиан попросил айларов положить знак рода в серебристую чашу. Кеннар пересчитал знаки, и подвел итог.

— Единогласно!

Архиварий Ванелор принес королевский указ о мобилизации, тонкий пергамент лег на летающий столик подле Дарелиана. Айлары послушно приложили печати семьи к пергаменту с решением совета, дав согласие дома на участие в войне. Документ тут же попал в золотую тубу, а ловкие руки архивария Ванелора вцепились в ценную добычу. Не тратя время на церемонии Дарелиан поблагодарил совет за понимание, и объявил о его закрытии. За неподобающее поведение семья Илкор лишалась права участия в совете на десять лет, а лично Наймел получил прозвище Робкий, что легло пятном на честь всей семьи.

Губы молодого короля дрожали, гнев пятнами выступил на скулах бывалого война. Сейчас он впервые осознал, что его власть простирается не дальше дворца. Все давно подобрали слабые руки Могушественного кастрата. Скюло в грубой форме отчитал его за потерю Лампеды, намекая на трусость. Как опытный вояка Гвидо знал, что выйти в открытое поле против полчищ Кейта самоубийство, но верховный жрец требовал именно этого. Новому королю Амората и Сальяда предлагалось встретить врага на границе, где Кейст мог с полной отдачей использовать численное преимущество своей армии. Гвидо противился этому как мог, несколько раз король предлагал Скюло послать посольство в Эманторан с просьбой о помощи. Анна, мать молодого монарха, не раз говорила о том, что только эльфы могут справиться с неведомой силой Темного короля. Не принимая никаких доводов, Скюло стоял на своем, и категорически отказывался дать согласие на посольскую миссию. Верховный не мог признать, что его политическое чутье дало сбой. Жрец уже посылал легата с тайным визитом в Эманторан, предлагая сотрудничество и вечный мир, в обмен на помощь в войне с Кейстом, но эльфы отказали. Позже из проверенных источников стало известно, что Эманторан готовит армию к походу. Кто на этот раз станет целью эльфов, для Скюло осталось секретом. Страх, что его посольство могло дать повод к новому походу западного соседа, постоянно разъедал душу всемогущего скопца.

Гвидо попытался обойти упрямого старика, но столкнулся с откровенным саботажем своих приказов, что стало неприятным сюрпризом, и сильно ударило по гордости короля.

Сейчас Скюло сидя на резном кресле, украшенном драгоценными камнями, не менее пышно чем трон королей, отчитывал его. Происходящее доставляло видимое наслаждение

верховному жрецу, Гвидо едва сдерживал всплески бешенства. Оружие у него отобрали при входе в храм, а вокруг стояли суровые ветераны, прошедшие множество битв, и давшие клятву служить до своей смерти вестнику бога. И их суровые лица не вызывали сомнения в том, что они выполнят любой приказ воплощенного божества. Скюло тоже прекрасно понимал расклад сил. Старик видел гнев короля, и еще более распалялся в своем стремлении унижить молокососа, возомнившего себя равным ему, тому, кто силой ума возводит королей на трон и низвергает целые династии в небытие.

Вбежал молодой служка и объявил, что королева Анна просит аудиенции. Верховный жрец махнул головой, и в помещение вошла высокая, худощавая женщина, с глазами цвета стали, несмотря на возраст все еще красивая. Рыжие волосы, наполовину седые, причудливо заиграли в лучах света, окрашенного разноцветием витражей.

— Ваше священство! — произнесла она, кланяясь Скюло.

Жрец привстал и изобразил ответный поклон. Так и не осилив до конца движение, Верховный бессильно опустил тощий зад обратно в кресло. Бросилось в глаза насколько он изношен, движения Скюло, отражали все объемлющую немощь.

— Я прошу Вас простить моего сына! Это я ему дала неумный совет, а он слишком мало еще знает о государственном управлении! К тому же потеря Гунберта тяжело отразилось на душевном состоянии нашего короля! Обещаю Вам впредь не принимать никаких решений, без вашего высочайшего согласия и одобрения! — Анна склонилась почти до пола.

— Ну же Аннушка! Что ты? Дитя мое. Я же знаю Гвидо с младенчества, я любил его отца и люблю его многомудрую мать — приторно улыбнулся Скюло.

Нофль ухмыльнулся сидя на невысоком табурете по правую руку жреца.

— Я несколько не гневаюсь, лишь печаль омрачает мое сердце. Недоверие к вашему слуге, слуге королевства, слуге бога! Во истину, что я, слабый червь пред божественным промыслом, пыль, ничто. Меня не обижает Ваше непослушание. Меня удручает неверие в чистоту моих помыслов. Мне кажется, что весь мой земной путь служит тому неоспоримым доказательством. Так скажи мне дочь моя, чем я заслужил обман? — он вопросительно уставился на Анну, голова Скюло слегка дрожала, на иссохшей шее.

Мутные глаза впились в королеву, Анна, изображая покорность преклонила колено, и пригласила Гвидо последовать ее примеру. Король, сжимая кулаки упал на колено. Унижению не было конца, его заставили стоять в присутствии зарвавшегося скопца, а теперь еще требуют и склониться.

— Простите нас отче, и освятите своим благословением! Обещаю мы никогда более не посмеем усомниться в Вашей благосклонности к нам!

Скюло нехотя выбрался из кресла и громко шаркая ногами в белоснежных туфлях, из тонкой оленьей кожи, подошел к королеве. Положив руку на голову Анны, жрец произнес.

— Раба божья Анна, святость всезнающего, всевидящего, все любящего Ундо да пребудет с тобой! — Скюло поднес руку к губам королевы.

Ритуал повторился с Гвидо, король с отвращением поцеловал перстень на испещренной темными пятнами руке мерзкого старика.

— Ничего, мальчик, для тебя это хороший урок смирения. И королям иногда нужно чувство собственной ничтожности — подумал Скюло, произнеся вслух.

— Гвидо, мальчик мой, прими мою дружбу, помощь и любовь! Тебе предстоит стать великим властителем новой империи, что рождается в этот непростой час. И я готов жизнь положить дабы помочь тебе достичь твоего величия! — он улыбнулся Гвидо, как ему

казалось доброжелательно.

Короля поразила плотоядная ухмылка верховного жреца, но он улыбнулся в ответ, пряча очередной приступ гнева.

— Успокойся!!! — крикнула она ему в лицо.

Руки Анны обхватили голову Гвидо, она сверлила мутные от гнева глаза сына, стоя на коленях перед его креслом. Король сидел наклонившись вперед, и словно не замечал ее.

— Не смей!!! Слышишь меня!!! Не смей!!! Ты меня хочешь оставить одну, со старым упырем!!! — трясла она его голову, крупные слезы потекли по лицу женщины.

— Нет — глухо ответил Гвидо, не своим голосом.

— Пойми, сейчас у него все ниточки управления королевством, он силен как никогда. Гунберт, земля ему пухом, был доверчив, и прямо скажем не шибко умен, но ты другое дело. Главное справься с гневом, и отринь уязвленное самолюбие. Твоя гибель не принесет чести или славы нашему имени, а я буду обречена влачить жалкое существование в тени мерзкого кастрата. Ты единственная моя опора, моя защита, моя надежда. В тебе сосредоточено все будущее нашей династии. В одном святоша не лгал, тебе предстоит окончательно объединить Юг и Север, и заложить имперскую династию. И я не позволю никому, будь то верховный жрец, или его подручный инквизитор отнять это будущее у тебя, у меня, у наших потомков — она, не отрываясь вглядывалась в расширенные глаза сына, замороженно смотревшего в лицо матери.

— Прости. Ты права. Сейчас у меня нет власти наказать святошу, но что нам делать? Он не отдаст власть, ни при каких обстоятельствах — сокрушенно проговорил Гвидо.

— Не отдаст, но он смертен. Ты ничего сделать не сможешь, а вот я совсем иное дело. Для него я глупенькая Анни, с трудом принявшая обычаи Амората. Потерпи сынок, я сделаю все сама. Я верну тебе трон, только потерпи — женщина встала с колен, необычайное волнение охватило все ее существо.

От напряжения тело Анны потряхивало, в ее голове созрел план, неожиданно простой и в то же время опасный.

— Что ты имеешь в виду, мама? Не нужно идти на риск, предоставь мне самому расправиться с узурпатором...

— Нет!!! — вскричала Анна, и дико посмотрела на сына.

— Сделай, что хочет старик. Иди и разбей Кейста, если не сможешь, то обязательно возвращайся, ты мне нужен здесь, а я... я тем временем решу нашу беду.

— Мама, что ты хочешь... Ты попытаешься его...

— Не надо. Не произноси этого вслух, нас могут услышать. Доверься мне. Я все улажу — Анна ободряюще улыбнулась сыну.

Армия медленно скрылась за горизонтом. Король Объединенного королевства повел войска навстречу Кейсту. Полчища орков перешли границу и двигались к столице, Гвидо торопился перехватить врага.

Беженцы потоком, устремившиеся к столице, наперебой рассказывали ужасы, о том, как орки расправлялись с пленными. Издевательства и насилие среди рассказов казались не самым страшным, людоедство, вот, что внушало ужас простолюдинам. Орки воспринимали жителей Амората как корм, для себя, и своих питомцев, свор огромных волков и жутких свиноподобных существ, прозванных муттами. Люди истреблялись без различия возраста и

пола, дикари не брали в плен даже рыцарей, пренебрегая их родовитостью и выгодами, что несло их почетное пленение.

Обе армии вышли к Паттирам, бескрайним полям, засеянным пшеницей, одновременно. Легкая конница Амората врезалась в передние ряды неготовых к бою орков, и погнала степняков рубя все, что двигалось в высокой пшенице. Преследователи так увлеклись, что не заметили, как оказались в плотных рядах противника. Эффект неожиданности исчез и казалось, что им суждено сгинуть в этот прекрасный, летний вечер.

Положение спасла вовремя подоспевшая тяжелая кавалерия, она опрокинула опомнившихся орков. Разметав подземников и степняков по бескрайним полям Паттира.

Завыли волки, и с диким рычанием налетели на конных. Испуганные лошади металась в попытках спастись от жутких клыков огромных хищников. Тем временем на поля спустились сумерки, Гвидо остановил войска на краю бескрайнего моря пшеницы. Армия быстро выстроилась, повинувась командам сотников и тумакам десятников. Высоко привстав на стремях Гвидо наблюдал в трубу с волшебным стеклом, за боем, что шел в полях. Изобретение его академиков, позволяло увидеть удаленные предметы как будто они находились совсем рядом, хоть какая-то польза от бестолковых умачей, вечно воняющих химикатами.

Картина вырисовывалась невеселая, его рыцари массово отступали, брэнча доспехом, всадники мчались в сторону войска. Следом, едва не настигая, воя и рыча неслась лавина орков на волколаках. Лошади вязли в высокой пшенице, а волки, юзом рассекая траву нагоняли беглецов.

Прозвучал рог короля, первые ряды ошетинись копьями, рыцари выстроились на правом фланге, и приготовились к рывку. Отступающие рыцари развернули лошадей, на звук рога, Гвидо протрубил еще раз, и повел конницу навстречу серой лавине. Волки догнали рыцарей, огромные хищники прыгали на лошадей опрокидывая скакунов на бок, нередко напарываясь при этом на выставленное копьё. Топот сотен лошадей слился с невообразимым визгом и рычанием. Сошлись металл и природа, сталь поражала орков и волков, те отвечали, вгрызаясь острыми зубами в железо и плоть. С левого фланга подоспела конница Сальяда, застигнув врасплох волчью кавалерию. Орков в плен не брали, Гвидо ворвался в первых рядах, короля спасла преданность телохранителей, и великолепная броня, полностью покрывавшая его тело и верного скакуна.

Король собственноручно изрубил с десяток врагов, орки бежали. К нему подъехал командир сальядской тяжелой кавалерии Егарно Фарен. Рыцарь поднес руку к голове и коснулся шлема приветствуя короля.

— Сир враг отброшен, но мы слышали звук рога неподалеку, их основные силы на подходе нам следует...

С раздирающим уши скрежетом, лопнула пластина на груди у лошади короля, его опрокинуло, скакун даже не захрапел, верный спутник многих битв, погиб сразу. Не понимая, что происходит Гвидо пытался выбраться из-под лошадиной туши, но прижатая нога не позволяла это сделать. Вокруг все смешалось, он не мог разобраться, что происходит, мимо протопало что-то огромное: — «Кабан?!» — удивился король.

Огромные свиноподобные твари носились между рыцарями, ловко поддевая последних мощными мордами, оснащенными толстыми как колья клыками. Лошади в ужасе разбегались, создавая давку, сбиваясь и падая на скользкой, плотно утоптанной стерне. Острые копыта мутаммов, позволяли им прочно цепляться за землю, придавая ловкость

поджарым тушам на высоких ногах.

Кто-то потянул за руку, король попытался отбиваться.

— Сир это я, Жофруа, не мешайте! Я сейчас Вам помогу! Вскоре подоспели Анри Бурнет и Бежар де Олла, вместе они смогли сдвинуть тяжеленую тушу скакуна, облаченную в доспех, освободив короля из его стеснения.

Свиньи неожиданно исчезли, словно растворились в бескрайности пшеничных полей. Гвидо подвели лошадь, помогли сесть, он осмотрел конницу, рыцари растерянно топтались в ожидании повторного нападения. Протрубив сбор, Гвидо направился к правому флангу войска, взгляд машинально зацепился за знакомые латы, изуродованный доспех, пробитый в нескольких местах без сомнения, принадлежал Егарно.

Промелькнула отстраненная мысль: — «Где его голова?».

Потрясение постепенно спало, к рыцарям возвращалась былая уверенность, выстраиваясь за королем конница отступала к своим. Позади послышались крики, звон оружия, кто-то вел бой. Гвидо оглянулся, кровь отлила от его лица. Рассекая ряды всадников Амората, на него неслась конница Кейста, мертвецы сбивали воинов с лошадей, унося десятки жизней.

Гвидо развернул коня, и ринулся навстречу врагу. Мертвецы застряли в массе рыцарей, закрывшей собой короля.

Описав дугу, Гвидо вывел свою охрану в тыл воинам Кейста, привстав на стременах он увидел, что из полей к ним приближается черная масса пехоты, оставалось не более двухсот метров. Пришпорив коня, он атаковал врага с тыла. Немногочисленная конница Кейста, дрогнула и подалась назад. Мертвецы переключились на отряд Гвидо, методично уничтожая цвет рыцарства Амората. Гвидо прорвался к одному из них, в тот момент, когда мертвец попытался добить спешенного рыцаря. Тяжелым палаш короля снес голову мертвяку. Обезглавленный труп беспорядочно замахал руками, вслепую нанося удары. Спасенный рыцарь, поприветствовал короля.

— Как тебя зовут? — спросил Гвидо.

— Алан Брюс сир! — хотел было склониться рыцарь, но король знаком приказал ему оставаться на ногах.

— За твою отвагу, дарую тебе имение Де Клото! — пафосно произнес король.

— Ваше Величество сейчас не время — обеспокоенно произнес Жофруа. — Надо отступить к нашим войскам.

— погоди, ты как всегда прав мой мудрый Жофруа, но у меня есть еще один должок — король развернул лошадь в поисках главного врага.

Впереди кто-то невероятно сильный опрокинулась лошадь, туда и направил своего коня король.

— Стой!!! — прокричал Жофруа вдогонку, но Гвидо уже не слышал его.

Шум битвы заглушил крик телохранителя, лошадь вынесла Гвидо прямо на некроманта.

Темный, словно почувствовал приближение короля. Кейст удачно подгадал момент, чтобы ударить огромной булавой в голову королевского скакуна. Конь полетел кувырком, выбросив Гвидо из седла. Король сгруппировался, и после падения, сумел быстро встать на ноги.

Жуткое орудие убийства взорвало землю, в том месте, где только что находилось тело монарха. Палаш Гвидо со свистом рассек воздух, и отрубил правую руку короля некроманта. Кейст не успел среагировать на маневр врага, но оставшейся руки ему хватило, чтобы

нанести сокрушительный удар. Тело Гвидо отбросило на десяток метров, меч, выставленный для защиты, разлетелся на осколки.

Таранный удар опрокинул Кейста, тело короля пригвоздило к земле длинным копьём. Всадник промчался мимо, и налетел на одного из мертвецов Некроманта. Спешенный мертвяк точным ударом двуручного меча рассек лошадь пополам, вместе с ногами рыцаря.

Пользуясь передышкой Гвидо поднялся с земли. Королю показалось, что он оказался в густой патоке, каждое движение давалось с невероятным усилием. Он отчетливо видел, как распалась на две части лошадь, кувыркаясь полетел на землю обезноженный рыцарь. Как Кейст выдернул копьё из земли, и методичными рывками вытягивал его из тела. Находясь так близко к королю Краманта, Гвидо впервые увидел, настоящего Кейста.

Горящие глаза, обтянутый высохшей кожей череп, иссохшая рука и бескровная плоть.

Монарха подхватили, и подтолкнув усадили в седло, король попытался возражать. Гнев душил Гвидо и толкал на глупость.

— Заткнись щенок!!! — услышал Гвидо, сквозь пелену дурноты.

Резкий удар и лошадь понесла, повернув голову он увидел, как Жофруа прикрываясь щитом, отбивается от мертвеца. Кейст уже освободившийся от копья, провожал взглядом его скакуна, что-то с шипящим свистом пронеслось сверху. На шлеме закачался плюмаж, рядом вздрогнула земля, сбоку от лошади Гвидо из неглубокой ямы торчала длинная рукоять Кейстовой булавы. По спине пробежали мурашки. Гвидо представил, что Кейст мог и не промахнуться. Только теперь он осознал, как ему повезло. Впереди показались ряды его войска, позади неотступно следовала погоня, Гвидо повернулся чтобы встретить врага, но его нагнали Анри и Бежар.

— Что с Жофруа? — спросил Гвидо.

— Погиб, Ваше Величество — пряча глаза ответил Анри.

Гвидо захотелось ударить телохранителя, король не мог принять, того, что именно его глупость убила, единственного верного друга.

Сделав над собой усилие, он спросил.

— Кто-то еще остался?

— Нет! Мы последние! — ответил Бежар.

— Приготовить огонь!!! — прокричал Гвидо, приближаясь к рядам пехоты, по строю пошла команда. Лучники изготовились, факельный прошел по ряду поджигая пропитанный смолой трут на конце стрел.

— Огонь!!! — пролетела над рядами команда.

Ночное небо озарили тысячи звезд, с шумом разгоравшиеся от полета, и стремительно падающие на вытопанные поля. Сначала робко, затем все смелее заплясали огоньки, в почти спелых хлебах. Первые ряды Кейста подошли на линию атаки, волна тел нахлынула, на плотные ряды Амората. Треск ломающихся копий, звон мечей, удар щита о щит, разорвали ночной покой. Пламя уже ревело в тылу у Кейста, пожирая войска Некроманта. Орки разбежались, лишь те, что успели дойти до войск Амората, упорно бились, они сумели продержаться до подхода Кейста.

С появлением Темного натиск усилился, в довесок с тыла ударили мутаммы, а разбежавшиеся было части начали возвращаться на поле брани.

Удара с тыла люди не выдержали и побежали. Гвидо несколько раз вел остатки конницы на врага, и только чудом ни разу не столкнулся с Кейстом. Благодаря смелости короля и его рыцарей, армия Амората сумела отойти к столице, сохранив боеспособность.

Позже Гвидо насчитал десяток пробоин на своей кирасе, под ним еще раз убили лошадь, и пришлось третий раз менять скакуна. Отвага Бешенного Гвидо осталась в памяти воинов, обязанных своей жизнью самоотверженности храброго короля.

Сражение на полях Паттира не остановило Кейста. Несмотря на потери в огне горящих хлебов, Темный король сумел сохранить костяк войска. Правда ему пришлось остановиться в ожидании подкреплений, щедро предоставленных подземным миром Тенафарских гор.

Единственной невосполнимой потерей, стали восемь из поднятых мертвецов. Их останки сгорели, лишив Кейста возможности вернуть к жизни преданных слуг. Потеря весьма существенно повлияла на тактику Некроманта, впредь он никогда не кидал избранную семерку в первых рядах, сохраняя ее для решающего удара.

Вынужденная задержка Кейста дала необходимую передышку Аморату.

Возвращение в столицу обернулось спонтанным триумфом, жители славили бесстрашного короля. Никогда Гвидо не имел такой власти как в те часы, что последовали за его возвращением в Аргис. Радость триумфа разрушило известие о смерти королевы-матери. Потрясенный известием Гвидо ворвался во дворец верховного жреца, в жаркой схватке с ветеранами Скюло, его телохранители потерпели поражение. Никто не погиб, но Гвидо официально признали помешанным. Короля заключили под надзор, а его сторонников арестовали и раскидали по тюрьмам. Впереди предстояли громкие суды, и театрализованные казни богохульников.

Металл безжалостно впивался в нежную кожу короля, поминутно напоминая ему о его положении. Гнев ушел, равнодушие сменилось глубоким раскаянием, более всего удручала неизвестность. Короля мучил вопрос.

— Что произошло? Как могла погибнуть Анна? Где ее тело?

Окованная железом дверь отворилась, глаза резанул узкий луч света. В помещение вошел надсмотрщик, проверил его оковы, прикрепил факел на стене, и вышел. В дверях показались жрецы, деловито суется они внесли в камеру кресло, и поставили его напротив Гвидо. Шаркая, вошел Скюло, тяжелая одышка душила жреца после каждого шага.

— Здравствуй Гвидо — негромко поздоровался Верховный.

Потухшие глаза жреца, грустно смотрели на короля. Гвидо ничего не ответил, жрецы прислужники вышли из камеры, и затворили дверь.

— Ты не злился на меня. Ну должен же я был себя защищать.

— От чего! — почти крикнул Гвидо, бросая грозный взгляд на жреца.

— Ну как же? Неужели вы думали, что я оставлю вас без отцовского догляда? Ведь я считай вырастил твою мать, да и тебя. И кому как не мне знать, на что способна любящая мать, ради своего чада.

— Ты ее убил? — багровея спросил король.

— Нет — искренне возмущившись ответил Скюло.

— Врешь! Двуличный святоша!!!

— Нет! Не я! Анна сама выпила то, что приготовила в подарок мне. За это я дал ей обещание сохранить твою жизнь — жрец улыбнулся. — Глупо? Неправда ли? Меня хотят убить, а я проявляю милость, и прощаю моих врагов.

— Ты ее заставил выпить яд!!! — взревел Гвидо, с такой силой дергая цепи, что металл тонко запел.

— Не заставил, а дал ей выбор, и она выбрала твою жизнь. Анна действительно тебя любила, несмотря на то что ты абсолютный дурак. Ну потому оно и материнское сердце, что

слепо.

— Кто выдал ее? Кто предал нас?

— А, надеешься отомстить? Ну ты это брось, отсюда ты никогда не выйдешь. Поверь через год, ты будешь думать только о том, как набить брюхо, а через два тебе станет все равно куда срать в штаны или под себя. За несколько лет от твоей молодости и здоровья не останется и следа, а через десять и рассудок станет подводить, но жить ты будешь. В этом можешь не сомневаться.

Скюло мерзко хихикнул, глядя как испуг пробежал по лицу короля.

— Ты не вечен, год или два, и ты уйдешь! Тогда я верну все, что принадлежит мне по праву, и накажу моих врагов. Уж можешь мне поверить, накажу так, чтобы никто впредь не смел даже помыслить о покушении на династию Лушичей.

— Все-таки ты глуп. Думаешь я не знаю, что стар и мне немного осталось? Знаю. Поэтому, когда я предстану перед богом, мое место займет Жюль Арби, и можешь мне поверить он продолжит мое дело, а ты сгниешь в своей темнице.

Лицо Гвидо страдальчески сморщилось, но король взял себя в руки и совершенно спокойно спросил.

— Как это случилось?

— Зачем тебе это знать? Стоит ли беречь рану, ведь для тебя и так это известие тяжело? — заботливо поинтересовался жрец.

— Ничего. Выдержу. Я имею право знать! — жестко ответил Гвидо, не спуская требовательного взгляда с верховного жреца.

Насмешливость Скюло исчезла, что-то его беспокоило.

— Может ты и прав, пусть этот рассказ будет твоим маяком в бесконечной череде мрака, болезней и фекалий.

Щемящее сердце волнение охватило Амадо, когда он въезжал во двор своего имения в Аморате. Он всегда воспринимал этот дом как имущество временного пользования, но за двадцать лет службы Инану прикипел к этому месту. Напротив, ворот стоял высокий старик, он поприветствовал Родриго, склонив голову с достоинством присущим только дворянам Амората. Что-то неуловимо знакомое проглядывало сквозь старикивскую скованность, в груди коннетабля резануло.

Это же Григорий Артуа, его верный вассал, что спас жизнь своего патрона под Вранками. Старость источила опытного воина, пригнула седую голову к земле, сломав некогда горделивую осанку. Походка и движения Григория приобрели неуверенность и вялость.

Следуя за бывшим вассалом, Амадо с сожалением смотрел на усохшую спину старого друга. Мысли о бренности человека, скоротечности его жизни, тяжестью легли на сердце. Григорий почувствовал взгляд, и резко обернулся. Улыбка рассекла веером морщин лицо гордого старика.

— Не верится, что ты все такой же. Я вот, как видишь сдал, в последние пять лет. И всё-таки, как и обещал имение содержу в полном порядке. Ты, наверное, слышал, Гумберт сделал меня бароном.

— Я рад за тебя мой друг. Ты по праву владеешь поместьем. Этот дом и земли получили рачительного хозяина — Григорий удовлетворенно покачал головой.

Они поднялись до верха витой лестницы, и бывший вассал отступил в сторону

пропуская Родриго внутрь кабинета, услужливо придерживая тяжелую дверь.

— Приветствую тебя коннетабль! — вскрикнул сидевший в кресле усатый старик, похотливо сложив руки на столе он весело смотрел на Амадо.

— Килл Тортвайн? — удивился Родриго.

Он огляделся, пытаясь понять не ловушка ли это. В кабинете находилось еще несколько человек. Старый Тортвайн, почти слепой дед, необычно спокойный для своего неумного темперамента, Жак Орсини королевский сенешаль, у окна в кресле сидел какой-то человек лет тридцати, показавшийся Амадо знакомым. Тем не менее он мог поклясться, что никогда ранее не встречал его. Наконец привалившись к резной панели из черного дуба, около Тортвайна младшего стоял воин средних лет, седина едва тронула его голову, стальные глаза остро смотрели на Родриго.

— Угадал! Думал не узнаешь меня — сверкнул ровным рядом, желтых, но крепких зубов Тортвайн младший.

— Познакомьтесь господин Амадо, герцог Иор Флендер племянник Сигизмунда, младший сын герцогини Эльзы — представил воина, что стоял около Тортвайна младшего, Григорий.

Амадо протянул руку в приветствии, Иор ответил, не переставая изучать гостя. Самого молодого участника встречи никто так и не представил.

— Привет Гуго — обратился Родриго к старому Тортвайну.

— А привет, привет! — заполошно проговорил старик.

— Вижу все еще держишься — поддержал его Амадо.

— Да волей бога, пыхчу потихоньку. Силы уж не те, да и глаза совсем не видят — принялся жаловаться старик.

— Ладно отец, мы собрались не о твоих глазах говорить — оборвал его Килл, старик спохватился и зажевал губами.

— Я так и не понял, что вы от меня хотите? — проговорил Родриго, присаживаясь в кресло, специально приготовленное для него. — Письмо столь неконкретное, и расплывчатое, что я, грешным делом, подумал, что враги заманивают меня в ловушку.

— Да брось Амадо, ну какая ловушка! Я не стану опускаться до таких приемов! В моем распоряжении тайные агенты всего королевства. Неужели ты думаешь, что я не следил за тобой все эти годы? — обиженно ответил Килл. — Не забыл, что такое псы коннетабля?

— Нет. Не забыл. Учитывая, что ты глава Ока короля, не думаю, что могу тебе доверять — сухо ответил Родриго касаясь кольца.

— Да ладно, а то ты сам не обращался к нам? Мы хоть и секретная служба, но не преступники.

— Ну да — с сомнением произнес бывший коннетабль.

— Не стану отрицать методы во многом схожи, однако принципы совсем иные. Мы не враги тебе — искренне обиделся Килл.

— Думаю, что недоверие возникло от отсутствия информации — вмешался Жак Орсини.

— Прежде чем мы, что-то скажем, надо убедиться, насколько мы можем доверять господину Амадо. Заслуги господина коннетабля перед королевством никто не умоляет, но прошло слишком много времени. Я, например, не уверен, что мы можем вам доверять — строго произнес Иор Флендер.

— Я ручаюсь за Родриго — неожиданно вмешался Гуго Тортвайн.

— Господин Амадо всегда жил интересами королевства, и у нас нет оснований не доверять ему — весомо произнес Григорий, и укоризненно взглянул на Флендера.

— Господа не стоит — поднял руку Амадо. — Если кто-то не хочет меня посвящать во все подробности дела, так я и не навязываю свою помощь. Нет, так нет. А о моей преданности вашей династии советую поспрашивать у вашей матушки.

— Мама умерла, три года назад — строго оборвал Амадо, Иор. — Если бы вы больше интересовались делами королевства, которому вы якобы преданы, вы бы это знали.

— Сочувствую Вашей потере герцог, я не знал о кончине Эльзы. Я сейчас действительно слишком далек от дел королевства.

— Иор да хватит тебе, он нам нужен! Это единственный человек способный противостоять вездесущему кастрату! — Иор нахмурился, но сдержался, и продолжая сверлить взглядом Амадо, умолк. — Прости за недоверие, но мы вынуждены перестраховываться. Шпионы Скюло повсюду, Нофль от него не отстаёт. Сегодня мы все под ударом. После ареста Гвидо ни у кого нет королевского иммунитета — попытался примирить стороны Килл Тортвайн.

— Арест? — удивился Амадо. — Я слышал, что Гвидо удалился в монастырь, чтобы пройти обряд покаяния и очищения...

— Это ложь, придуманная святошами! В том то вся и суть, что Гвидо и его мать Анна пытались отравить старого кастрата. Вышло все совсем не так как они ожидали, Анна выпила свой же яд, а Гвидо пытаясь восстановить статус-кво попал в подземелье. И судя по методам Верховного, он там обосновался до конца своих дней — ответил глава Ока короля.

— Сколько лет Скюло? — спросил Амадо.

— Да согласен, много, но у него достойный приемник, Жуль Арби. Мало того, что он выходец из Сальяда, так еще и хитер как Тулвар. Поверь, Родриго, он достойный наследник кастрата, и он то как раз молод...

— Да не ной ты! — не выдержал старый Тортвайн, оборвав на полуслове сына. — Он, что бессмертный, любого можно отправить к праотцам, делов-то.

— Отец тебе бы все убить. Убьешь его расчистишь дорогу Нофлю, уж и не знаю, что будет хуже.

— Тьфу ты! Дохлаки! — сплюнул старик.

— Так что вы от меня хотите? — поинтересовался Амадо.

В комнате повисло молчание, никто не мог решиться озвучить план.

— Нам нужно, чтобы вы помогли мне вернуть корону — спокойно произнес незнакомец, о присутствии, которого Родриго уже успел позабыть.

— Вернуть корону? Кто ты? — вопрос оказался лишним, до Амадо наконец дошло, где он видел этого человека.

Он вытащил золотой и посмотрел на профиль монарха, изображенного на монете. Да, сомнений быть не могло, перед ним точная копия Инана.

— Да, и ты это увидел?! — удовлетворенно отметил Килл. — Перед тобой истинный наследник короны Амората, Инан Второй, единственный сын Сигизмунда.

— У Сигизмунда не было детей, ты сам это знаешь! — резко оборвал его Амадо. — Сигизмунд предпочитал мужиков, это известно каждому. Никто не купится на этого самозванца, будь он сто раз похож на Инана.

— Во-первых, Сигизмунд всегда отличался непостоянством и противоречивостью натуры — начал старый Тортвайн. — И я бы не стал так опрометчиво обвинять бывшего

короля в исключительном предпочтении мужеложества, в молодые годы он был еще тот ходок.

— Во-вторых, мать Инана не портовая шлюха, а никто иная как графиня Маргарита Горати. Ни много, ни мало королевская линия, пусть и очень дальняя. О ее положении знали лишь самые близкие и герцогиня Эльза. Именно она, чувствуя приближение смерти, поведала эту тайну Иору. Если бы не ее откровенность, все бы так и осталось сокрыто тайной — закончил старый Тортвайн.

— Видите ли моя матушка почила, когда я еще находился в том нежном возрасте, что зовется беззаботным детством. Ее смерть унесла тайну моего происхождения, а мои опекуны ничего не знали — вмешался в разговор Лже-Инан.

— Сколько тебе лет? — все еще с сомнением спросил Амадо.

— Тридцать шесть, моя мать понесла, когда Сигизмунд еще правил, она в то время только появилась при дворе. С ней сыграли злую шутку неопытность и легковерие, во многом сломавшие жизнь провинциальной дурочки, и, если бы не забота герцогини, меня и мою мать ждала бы нищета и унижительное прозябание в полуразрушенном родовом замке. Благодаря безграничной доброте герцогини Эльзы, я получил воспитание и образование достойное высшего света. Многие годы для меня оставалось загадкой, кто является моим тайным покровителем, и лишь знакомство с господином Флендером открыло мне глаза. О чем я никогда не забуду.

— Полно Вам Ваше Величество, для меня честь вернуть престол, истинному королю Астурии — отозвался Иор.

— Хорошо, положим я вам поверю, да и не важно, насколько правдивы ваши слова. Важно, что он до безобразия похож на Инана, и его можно посадить на трон. Тогда объясните мне как вы планируете повернуть вашу затею. Если мне не изменяет память на троне сейчас династия Лушичей, и Гвидо пока умирать не собирается. И думаю, что под чутким надзором церкви он проживет очень долго. Как вы рассчитываете доказать его право на трон? — Амадо кивнул головой в сторону претендента на престол Амората.

— А вот для этого, ты нам и нужен уважаемый Родриго Амадо — с улыбкой ответил Килл. — Отец и Григорий мне прожужжали все уши, что в этом деле никто лучше тебя не справится.

— Ну конечно, мы не забудем ваших заслуг перед короной — уверил Амадо, сенешаль.

— Что пожелаете, как только корона вернется ко мне — подтвердил Лже-Инан.

— Что скажешь? Каково твое решение? — напряженно спросил Килл.

— Я согласен. Почему бы нет, никогда не любил Шотали. Грязно играют — помолчав минуту ответил Родриго.

Покидая кабинет, он обратил внимание на группу воинов, пристроившихся прямо за дверью, они расступились, пропуская его. За исключением самого мощного из них, который нагло ухмыляясь перегородил путь Амадо. По изображению серебряного ястреба, увенчанного королевской короной, что, раскинув крылья парил на черном фоне гербового щита, Родриго определил, что это бойцы Килла. — Значит не доверял. Подготовился, на случай если откажусь — с раздражением подумал Амадо, обходя наглого задиру.

С грустью Григорий отпускал суверена, но долго оставаться в Аморате бывший коннетабль не мог. Вездесущие шпионы Нофля удивительно быстро и точно находили свои жертвы. Хозяин Зеленого дома, очень рисковал. Если известие о визите Родриго Амадо дойдет до инквизитора, не сносить Григорию головы.

Лошадь бодро бежала по мерзлой земле, впереди показалась деревня, при въезде Родриго заметил длинный шест с прибитой доской. На доске красовался рисунок стилизованной крысы, всадник сразу осадил лошадь, впереди шла земля, зараженная эпидемией. По пути в имение он ни раз слышал о том, что беженцы принесли с собой страшную хворь. Пришлось заночевать в открытом поле, сон долго не шел, и Амадо абсолютно без мыслей смотрел на звездное небо, ковыряя, время от времени палкой в костре.

Утром его пробудил гулкий топот копыт приближающейся лошади. Конник выехал на него, едва не налетев на подготовленное к отражению атаки копые.

— Господин Амадо, меня послали за Вами. Отец просит вас срочно вернуться — Родриго узнал в говорившем старшего сына Григория, Рена.

— Почему такая срочность? — удивился Амадо.

— Случилось страшное, в имение пришла хворь, та, что из Краманта — кратко ответил Рен.

От тесноты в сумраке спальни стояла духота, в комнату набилось слишком много людей. К нему подступили Килл и Григорий.

— Сам видишь. Еще вчера все было в порядке, а сегодня блюет и кровавые пузыри по всему телу. Что будем делать? — тихо говорил Килл, стараясь не разбудить мечущегося в горячке Лже-Инана.

— У нас есть четыре дня — отозвался Амадо. — Эпидемию надо остановить, выделения выливайте в огонь, все вещи больного так же сжечь. В комнату никого не пускать, кроме тех, кто ухаживает за больным, тех кто ухаживает тоже держать отдельно от здоровых. Людей выводите из имения. Больных определите отдельно, здоровых к ним не подпускайте, тех кто общался с больными держите неделю в закрытом сарае. Если не заболеют отпустите. Все вещи больных сжечь. Как бы дорого они не стоили, жизнь дороже — Амадо решительно направился к выходу.

— А нам, что делать? — обеспокоенно спросил Килл.

— Стараться остаться в живых! Я еду за доктором Пера, через два дня буду здесь. Надеюсь, успею спасти нашего короля — серьезно ответил Амадо.

— Доктор Пера сказка! — услышал вдогонку Родриго, но он не посчитал нужным опровергать заблуждение главы Ока короля.

— Почему я всегда тебе нужен, в тот момент, когда у меня полно больных. И всегда у тебя катастрофически важные дела, больной жизнь, которого настолько важна, что я должен бросить сотни простых людей — раздраженно отчитывал Амадо, Римант.

— Нет, я с тобой не поеду! Жизни этих крестьян для меня ничуть не менее важны, чем здоровье твоего аристократа, вот — он протянул флакон с мутной жидкостью.

— Обеспечь больному хороший уход, и давай это средство. Как принимать, я тебе написал, и более меня не беспокой со своими самыми важными людьми! Надоело!

— Да ты все время занят! Ты же не вылезашь из зараженных деревень! Ты уже стал фольклорным персонажем. Знаешь, что тебя зовут доктор Пера? — зло проговорил Амадо.

— Да, представь себе, люди имеют свойство проявлять благодарность, тем, кто им помогает! Не все они скоты и негодяи! И да, я занят, потому что некому кроме меня им помочь. Если я не буду это делать, тысячи погибнут, тысячи! Понимаешь, не кокой-то

дворянчик, а тысячи женщин, детей, их мужья, отцы и матери. Это жизни людей, а не игра в политику, в которой ты погряз. Прости меня, Родриго, но ты превратился в негодяя! Ты испачкался в том, что так презираешь в смертных!

— Вот только не надо мне читать мораль! — возмутился Амадо. — Не я виноват в таком положении вещей! Эти болезни не моя работа! Лучше поговори со своей подружкой! Может работы поубавиться.

— А при чем здесь Дальчи!!! — взвился Римант, бледнея от гнева.

— Не мне тебе говорить, сам все знаешь — огрызнулся Амадо.

— Нет, ты скажи, что же бросать на полпути!

— Эх Римант, если бы она тебя любила, хоть на десятую долю твоей любви, она бы тебя берегла, а не подвергала каждый раз опасности. Ведь можешь случиться так, что ты когда-нибудь не справишься. Ты можешь умереть, от любой из этих инфекций, просто не успеешь найти способ побороть недуг. Пойми, твоя любовь извращение. Дальчи бездушный, жестокий исполнитель чужой воли, а ты старый дурак. Романтичный дурак.

Не оглядываясь на опешившего Риманта, Амадо вышел из лачуги. Вдохнув полной грудью морозный воздух, быстро вытеснявший из легких смрад затхлой хибары. Родриго пожалел о том, что сказал, но гордость не позволила вернуться в дом бедняка. Тряхнув головой, он решительно вскочил в седло стальной лошади и через несколько часов въехал во двор Зеленого дома.

Напряженная неделя ожидания закончилась радостным известием, лекарство вернуло больного к жизни. Меры предосторожности позволили значительно сократить число умерших от мора. Правда пришлось повесить несколько особо жадных обывателей, чтобы остановить кражу вещей, оставшихся поле больных. Опасность эпидемии в поместье миновала, но осведомители Нофля напали на след Амадо, ему и Лже-Инану пришлось срочно спасаться бегством в Железную долину.

По счастливой случайности здесь находилось посольство Амората, посланное еще Анной Лушич. Посол Лотар Дюран, оказался на удивление разумным человеком. Его очень беспокоила судьба королевства, и как опытный царедворец, он понимал, что Гвидо мало пригоден для того, чтобы управлять королевством. Да и по факту, король потерял власть, бросив ее к ногам верховного жреца Скюло. В силу сложившихся обстоятельств, колебания посла оказались недолгими, и он с большой симпатией отнесся к идее воцарения истинного наследника престола, потомка Инана Великолепного.

В результате недолгих переговоров, Амадо удалось убедить, до того традиционно нейтральных Железных королей, выступить в поддержку истинного наследника трона Амората. Известие о появлении потомка Сигизмунда, облетело королевство быстрее пожара на мукомольне. Уставшие от всемогущества церкви и инквизиции, аристократы, потянулись в Железную долину.

Происходящее застало Скюло врасплох. Власть уходила из цепких рук верховного жреца. Не помогали ни репрессии близких бежавших аристократов, ни отлучения от церкви, ни сначала частичные, а немного погодя и полные изъятия земель и собственности перебежчиков.

В итоге политическая борьба закончилась покушением на Лже-Инана. Фанатик кинулся на короля с ножом, во время его проезда по улицам Феррочи. Ожидая такого поворота Амадо нанял два десятка амазонок, в окружении которых, Инан Второй передвигался по улицам гостеприимного города.

Воительницы вызвали живой интерес в глубоко патриархальном обществе долины. Местные женщины с удивлением и протестным соперничеством смотрели на грациозных наездниц, посвятивших жизнь ведению войны. Мужчины, особенно воины, стремились испытать девушек на прочность, провоцируя многочисленные инциденты. Продолжалось это, до тех пор, пока, магистрат города не запретил приближаться к кортежу короля Амората ближе, чем на десять шагов. К тому моменту воительницы успели подстрелить не менее дюжины весельчаков-идиотов из числа наиболее храбрых мужчин города.

Свежий воздух из открытого настежь окна, приятно охлаждал лоб закутанного в шерстяную шаль верховного жреца. Задумчиво глядя в окно, Скюло не видел, ни снежной чистоты раскинувшихся перед ним садов, ни яркого солнца весело игравшего на белоснежном убранстве зимнего Аргиса. В дверь постучали, сначала робко, затем все настойчивей. Скюло молчал, ему совсем не хотелось в очередной раз узнать о том, что какой-то аристократ предал Аморат и бежал к самозванцу. Последние недели породили в нем страх перед вестями.

— Да входи уже! — не выдержав гаркнул Верховный.

В комнату вбежал испуганный служка.

— Темный король идет!!! — в ужасе прокричал молодой человек, от волнения, забыв про этикет.

— Кейст?! Некромант? — спросил Скюло, точно не расслышав сказанного служкой.

В комнату Верховного жреца вошел архимагистр Жуль Арби.

— Надо что-то делать, через сутки Кейст будет под стенами Аргиса. Армии нет, это наступление для него легкая прогулка — спокойно сказал Арби.

Ответа не последовало, служка выбежал прочь. Арби в недоумении подошел к креслу Верховного жреца, и заглянув в лицо своего патрона сразу все понял.

Весть о смерти Скюло быстро облетела столицу. Деятельный Арби умело организовал оборону города. Пришлось пойти на заметные уступки аристократии, урезать амбиции церкви и пообещать еще большие уступки по окончании войны.

Наступившая ночь не принесла покоя, в городе творилось, что-то странное. Улицы запрудили вооруженные люди, которыми руководили агенты инквизиторов. Именем инквизиции монастыри вскрывались, не желавшие открывать ворота, брались штурмом. По домам жрецов прошли летучие отряды.

Большинство церковников подверглись аресту. Некоторых забили прямо на пороге родного дома, остальных определили в городскую тюрьму. Утром город облетела новость, что Жуль Арби погиб во время ночного избиения жрецов. К вечеру взбудораженным горожанам сообщили, что Жуль Арби узурпатор, и именно он повинен в смерти его святейшества Скюло. Позже начались судебные процессы над заговорщиками, в ходе дознания вскрылся заговор против Верховного жреца, который организовал его преемник. Хитрый и подлый интриган почти сумел всех обмануть, но недремлющее око инквизиции выявило предательство и вырвало скверну с корнем, в самом ее зачатке. Возмущенный обыватель потребовал расправы над еретиками, жестокой и показательной, дабы предостеречь наперед слабых духом.

Резкий лязг выкинул Гвидо из полусонной одури. Король удивился, потому что дверь сегодня уже открывалась, когда ему принесли баланду. Глаза больно слепил нестерпимый свет факелов, надзиратель испуганно суетился, Гвидо догадался, что к нему важный посетитель.

— Кому я понадобился? — спросил он, все еще пытаясь привыкнуть к свету.

— Аморату — прозвучал ответ.

Гвидо узнал этот хриплый, похожий на карканье голос, визит инквизитора его удивил.

— Что случилось? Где Скюло? Хотя, подожди, подожди, старый кастрат помер — предположил Гвидо, впрочем, не особо надеясь угадать.

— Угадали Ваше Величество — ответил Нофль. — Умер не только его святейшество, но и его приемник. Жуль Арби. Власть снова в ваших руках, и я предлагаю Вам ее взять.

— А что же себя обидел? — зло спросил Гвидо.

— Я лишь скромный слуга бога, поставленный следить...

— Да, да я это уже слышал! Не надо мне этой трахомудии. Скажи, что случилось? Зачем я тебе понадобился?! — не выдержал король.

— А вы поумнели. Ладно будь, по-вашему, открою вам свои карты. Мне нужна ваша помощь. Под стенами стоит Кейст, а из меня военачальник, как из кмета король. Интриги, заговоры, чистки — это мое, а война не для меня, не люблю простых решений. Вы же опытный воин, к тому же король, за вами рыцари пойдут, а я для них страшный инквизитор, тот кто карает и надзирает.

— Другими словами ты хочешь, чтобы я сохранил твои привилегии, и спас твою жизнь? Я правильно понимаю?

— В общих чертах — с улыбкой ответил Нофль. — Как мне кажется у вас особо выбора нет, или остаться здесь и ждать своей участи, или встать во главе армии и защитить город, сохранив в том числе и свою жизнь.

— А что потом? — спросил Гвидо.

— Потом, будет потом — усмехнулся Нофль. — В любом случае, Верховный престол не отдаст то, что получил по воле бога, и вам это нужно принять как данность. По крайней мере это будет самым правильным, в сложившейся ситуации.

Гвидо серьезно задумался. Впервые он принимал решение не только для себя, но и для пользы королевства. В муках осознанного решения рождался правитель, способный взять в свои руки государство.

— Хорошо, я помогу, но с условием! — ответил Гвидо.

— Я вас слушаю — с интересом ответил Нофль.

— Вы мне вернете гвардию, освободите моих телохранителей, отдадите тело матери и очистите наше имя.

— Неплохо! — восхитился инквизитор. — Со всем согласен, за исключением одного, но. Имя, нет. Его мы очищать не будем. Видите-ли очистить ваше имя можно, только вскрыв всю подноготную моего предшественника, а я этого допустить не могу. Интересы церкви, понимаете ли.

Немного помолчав, Гвидо ответил.

— Согласен.

— Не так быстро, мой король — ответил инквизитор. — У меня тоже будет требование. Мне нужно, чтобы вы признали соединение в моих руках власти церкви и инквизиции. Поверьте, сир, так будет лучше для всех. В отличие от моего предшественника, я знаю свое место, вернее место церкви, ее роль в жизни королевства, поэтому мы всегда сможем договориться. Ну, что по рукам?

Гвидо с удивлением отметил, что ему даже нравится Великий инквизитор. Умение договариваться, никогда не считалось его сильной стороной, но сейчас Нофль торговался как гном из Даноста.

— В целом, я готов признать это право за вами, но в деталях предлагаю обсудить после войны — уклончиво ответил Гвидо.

— Вы быстро учитесь. Я всегда подозревал, что вас подавлял авторитет отца — сделал ненавязчивый комплимент Нофль.

— Не знаю, как это воспринимать, но приму как комплимент — растерянно ответил Гвидо.

Король и инквизитор ударили по рукам.

Чехарда, происходившая в столице Амората, облегчила поход Темного короля, и позволила без потерь встать под стенами Аргиса. Войска Кейста буднично взяли город в кольцо, и начали приготовления к штурму. Вопреки ожиданиям никаких предложений от Некроманта не последовало. Король Караманта пришел за жизнями обывателей Амората, все остальное его уже не интересовало. Уничтожение жемчужины Востока требовалось, чтобы подавить волю у прочих, что посмеют помыслить о сопротивлении.

Жуткие сцены людоедства творившиеся за стенами столицы, еще более упрочили решимость горожан биться за свои жизни. Глава Инквизиции получил безоговорочную поддержку жителей Аргиса, поскольку они своими глазами видели к чему приводит служба Тулвару, врагу человечества.

Неделю спустя Кейст пошел на первый штурм, но из-за грамотно организованной защиты, отступил с большими потерями. Последующие штурмы приобрели личный характер, через неделю орки вновь пошли на приступ городских стен, с тем же результатом. Неудачи не испугали Темного короля, с маниакальным упорством, он каждые два дня устраивал новый штурм. Постоянный бой изматывал защитников, в то время как к Кейсту регулярно прибывали свежие силы. Через месяц появились осадные машины и в стены застучали каменные шары, постепенно разрушая башни, и кладку.

Люди гибли каждый день, хоронить не успевали, времени едва хватало на отдых. Женщины и дети очищали улицы города от завалов и мертвых тел.

Спустя два дня рухнула стена, сначала в одном месте, затем еще в трех. Орки сделали подкоп, который открыл широкий проход для армии Кейста. В провалах живой стеной выстроились воины, за их спинами оставались женщины, и дети. На лицах ополченцев еще читалась надежда, но опытные воины знали — это конец.

Неожиданная война, позже ее назовут Война юной Лафны, взбудоражила Даност. Гнев подземных жителей усиливал, тот факт, что орки Иргамы выкрали ребенка прямо из их столицы. Да так ловко, что никто не хватился девочки, пока перепуганная мать не обнаружила пустую детскую. Впервые Эбон умолял кого-то о помощи, но выбора у короля Мальдиды не оставалось. Он слишком плохо знал подземный мир, и еще хуже противника, что противостоял его семье.

Товард пришел в ярость, когда узнал, что его племянницу выкрали у него из-под носа. И решительно взялся за поиски. Его шпионы наводнили Иргам, подземные орки знали о связях гоблинов с новым королем гномов, но многовековая привычка совместного проживания продолжала работать. Вскоре пришли известия, что похожего ребенка видели в Каррале, и по слухам, девочку отправили в королевский дворец.

Решение о начале войны Скауг Грозный принял быстро, а вот общество Даноста разделилось на два лагеря. Коренные жители не понимали зачем гномам вступать в войну из-за какой-то человеческой девчонки, они ведь и так едва сдерживают натиск войск Кейста, осадивших Королевские ворота. Беженцы Иргамы воодушевились перспективой реванша за поражение в войне и гибель Рибигуда, к тому же им хотелось вернуть родные дома, и богатство их народа, митриловые копи.

Товард сомнений не испытывал, когда есть возможность прибрать к рукам митрил, его надо брать. Редчайший минерал сделает его королевство баснословно богатым, да и армии не помешает хорошее вооружение. Что может быть приятнее сочетания долга и выгоды? Товард не мог себе отказать в этой войне, тем более что обстоятельства так удачно усилили его позиции.

Совет поначалу уперся, аристократы не желали терять воинов из-за интересов какого-то наземного королька. Тогда Товард выступил с пламенной речью, обличая трусость полководцев, и высказывая сомнения в их верности короне. Гномы с гневом восприняли суровый приговор их воинской доблести.

— Вы ограничились своим маленьким мирком, забыли, что вокруг хищники. Мы обязаны заботиться о благе нашего рода! Мы великие строители, знатоки камня и минералов, не имеем права исчезнуть. Мне тоже страшно вступать в эту войну, но только сейчас у нас есть шанс разбить орков в Иргаме и освободить земли гномов от людей Кейста. Темный король застрял в Аморате, у него нет сил воевать сразу на два фронта, зато мы можем осложнить ему жизнь. Если мы присоединим Иргам, мы лишим врага митрила, и его воины станут слабее! Мыотрежем Кейста от орков, и его армия станет меньше! Мы вернем свои копи, и богатства нашего рода! Мы восстановим справедливость!

— Так мы воюем за митрил или за девчонку наземника? — спросил Довел Вукай, военачальник из древнего аристократического рода.

— Для меня дело чести вернуть ребенка нашего союзника, но я не забываю о благе моего народа! Нам нужен Иргам! Только мы имеем право владеть этим богатством, и никто кроме нас, поэтому мы вернем то, что по праву наше!

Восторженные крики поддержки успокоили Товарда, теперь он мог начинать поход за наследием своего народа.

Армия гномов вышла неожиданно для врага, секреты орков, стоявшие на подходах, уничтожили охотники гоблинов. Слюдяной проход, заранее подготовленный для вторжения, сократил время подхода к столице Иргамы настолько, что орки не успели собрать хоть сколько ни, будь серьезные силы. После первого удара, ворота города открылись и в течении часа Карраль пал.

Легкая победа поразила всех, орков своей стремительностью, гномов малыми потерями. Несколько недель спустя гномы очистили почти всю территорию королевства. Поиски девочки и допрос пленных показали, что Лафну увели в глубины, к городу Гар. Орки быстро опомнились и выступили огромным числом на Иргам, рассчитывая зажать гномов со стороны Урсумских ворот и с Зброшенных копей.

Товард попал в сложное положение, цели его королевства оказались достигнуты, более чем, но Эбон и Эли ждали спасения дочери.

Война внесла свои коррективы в планы короля Даноста, поиски пришлось отложить. К границам Иргам подошла армия Яростного Неру. Новый король орков столь же жестокий, как и его предшественники, не торопился наступать, ожидая пока все силы встанут под его стяг. О новом правителе ходили удивительные истории. Пленные орки рассказывали, что Неру колдун, что король орков обладает особой властью над жизнью и смертью. Из-за его дара Неру окружали шаманы, особенно выделялась шаманка Ганра Говорящая с древними. Несмотря на кроткий вид и почтенный возраст, она требовала каждодневных жертв Даймешу, Великому создателю земли. Не менее десятка.

Ритуал устроил даже бывалых гномов. С пленных живьем снимали кожу, а затем, тыкая копьями, заставляли совершить священный танец. После снятую кожу выворачивали и надевали на несчастную жертву, пришивая к оголенным мышцам. Как не странно пожертвованные подземному богу не умирали, а становились нечувствительны к боли и страхам. Правда назвать их живыми язык не поворачивался, потому что кроме страсти к войне у этих созданий ничего не оставалось.

В ответ на жертву, Ганра получала откровения, которые приносили победы Неру. Со временем орки обратили внимание, что их король неуязвим для подосланных убийц, а в бою его окружает особая защита, не позволяющая ни одному врагу коснуться тела Неру. Суеверия приписывали защиту, постоянным жертвам и привычке Яростного Неру носить снятые кожи жертв.

— Вы не представляете, как велик наш король, его не остановит ни копье, ни клинок, ни стрела. Неру бережет благословение Даймеша — повторяли как заведенные пленные орки.

Товард хорошо помнил Гар и пещеру со вздыбленным полом, подобно гигантской волне, застывшей в те далекие времена, когда гора еще не родилась, а вокруг бушевал жидкий камень. Среди этих волн он видел гигантское лицо, нет, оно и не лицо, скорее личина жуткого монстра. Орки поклонялись ему, и ухаживали, словно за живым, тогда, в юности, Товарда это позабавило. Пока однажды, ему не пришлось самому услышать зов Даймеша. Великий древний говорил с ним, на языке которого гном не знал, что ему нисколько не мешало понимал гиганта. Испытанное тогда чувство всепоглощающей воли и необоримой силы, до сих пор не оставляло его.

Невеселые думы поглотили разум монарха, когда в покои постучал гвардеец, и сообщил, что аудиенции просит Родриго Амадо. В очередной раз поразившись тому, как вовремя появляется этот удивительный человек, Товард велел пригласить посетителя.

— Ваше Величество...

— Оставь Родриго, ни к чему эти церемонии, мы одни — раздраженно прервал его Товард. — Ты словно чувствуешь, где беда, и всегда приходишь вовремя. Мой дед был прав, ты не прост. Почему ты здесь? До меня доходили слухи, что ты провернул аферу в Железной долине.

— Вы мне льстите Ва... — весело начал Амадо, затем осекся и совершенно серьезно произнес. — Товард пришло время выполнить договор с Аморатом.

— Я не могу. У меня война с орками. Наверху еще не знают, но мы вернули Иргам, и как мне кажется, тем не мало помогли Гвидо. Я благодарен тебе за помощь с Капиром, но сегодня пришла еще большая беда. Ко мне движется Яростный Неру, этот орк непобедим,

ему покровительствует сам Даймеш, думаю ты знаешь о ком я — нарочито равнодушно ответил Товард.

— Поздравляю тебя с очередной победой. Я в тебе не ошибся, когда спас из рук орков.

— Спасибо, но не стоит напоминать королю об услуге, оказанной когда-то. Короли все помнят и ценят тех, кто для них так много сделал. Хотя, как мне кажется, орки не были мне врагами, а вот твоя помощь скорее походила на кражу.

— Товард, вспомни деда, он тебя предупреждал от общения с орками, но ты был любопытным и многого не понимал...

— Говори прямо, что ты ходишь вокруг да около.

— Как пожелаешь. Если бы я тебя не украл, то сегодня ты бы вел войско орков. Ты бы приносил жертвы Даймешу, людоедствовал бы и испытывал ненасытную жажду крови. Как ты говоришь, кража, спасла то чистое, что вложила в тебя твоя мать — Товард переменился в лице, но промолчал.

— Я знаю и Неру и Даймеша, они тебе не враги. Ты можешь отправиться к Аар, и она остановит этих двоих. Собирай отряд, я отведу тебя к сестрам твоей матери, к твоим истокам, что так стремился замутнить Даймеш. Ты сам не понимаешь, что тебе дало твое происхождение. Тратишь себя на мелкие интриги и жажду власти. Ты один из немногих, кто поистине велик в этом мире, так принеси в него хоть немного справедливости и добра.

Король Даноста с изумлением смотрел на взволнованно говорящего Амадо, от привычного цинизма отчима не осталось и следа.

Немного подумав, Товард позвал Таго Оллапа, и приказал подобрать отряд из лучших воинов Танорта. Оллап неодобрительно покачал головой, но перечить не посмел, лишь недоброжелательно глянул в сторону чужака.

— Ох доведет он вас до беды — пробормотал командующий себе под нос, отправляясь исполнять приказ короля.

Знакомая дорога в Огненный лес, оказалась на удивление спокойной. Товард не мог понять, почему хищники подземелий на них не нападают. Особенно гномов поразило случившееся, когда, перед ними развернулась сцена борьбы большого отряда орков, явно устроивших им засаду, с подземными волками, к которым присоединился каменистый ягуар. Хищники на удивление слаженно атаквали орков, и в несколько минут растерзали зеленых. Гномы приготовились к бою, но Амадо, приказал опустить оружие и повел отряд прямо через поле боя. Звери отступили и пригнув головы, ждали пока они пройдут, после чего продолжили заслуженную трапезу.

Суеверные гномы, и так боявшиеся чужака, тихо обсуждали меж собой, что он колдун, и вовсе не человек. После уничтожения Капира, в подземелье за Родриго закрепилось прозвище Пожиратель древних. Рыцаря боялись едва ли не больше Хозяйки, которая как известно дама, и как всякая дама крайне капризна, поэтому может помочь, а может и наоборот. В то время как чужак, всегда, и всех без раздумья убивает.

Впереди замаячил карниз, со скрытым подъемом наверх, отряд остался внизу, в лагере.

Амадо вел Товарда по тропе наверх, в пещеру, в его настоящий дом. Сильное волнение охватило короля Даноста. Заметив это Родриго попытался успокоить Товарда.

— Не бойся король, Аар тебя любит, ты сын ее сестры.

— Не это меня волнует — почему-то возвышено начал Товард. — Я ощущаю близость моей матери, ее любовь и нежность. Она здесь, я это чувствую. Родриго она жива — слезы

покатились по щекам Товарда, быстро сбегая на бороду, где навсегда пропадали в густых волосах.

— Так и есть! — прозвучал женский голос, они не заметили, когда перед ними появилась Аар.

Весело щебеча, из-за спины матери выпорхнули Майи. Девушки окружили Товарда, и что-то говорили, наклонившись к его уху, так, чтобы слышал только он.

— Время беды пришло, много жизней забрал злобный Даймеш! Вижу, зачем вы пришли, но просить должен не ты! — она посмотрела в глаза Амадо.

Впервые он не почувствовал напряжения, наоборот его глаза словно наполнились живительной силой, усталость ушла, открыв в душе тихую радость.

— Все темнее становишься ты! Враги скоро станут светлее! Смертным оставь их судьбу, месть ведет тебя к гибели, а за тобой и семья твое. Не спрашивай! Знаю, правда с тобой, но мир справедливость не ценит! Слишком многим ты жертвуешь, чтобы исправить несовершенство его. Не ты создавал, ни тебе и менять. Знаю, не свернешь с пути своего, сделаешь, что задумал — говорила Аар вглядываясь в человека. — Будет ли лучше? Посмотрим.

Амадо опустил глаза, пытаясь скрыть сильное волнение, в тоже время Товард, встал на колени перед Аар. Женщина подняла его, и по-матерински обняла.

— Помогу я тебе, не будет в твоём королевстве жестокого орка. Только бойся слуг Даймеша, особенно белой лисы, она сгубила и мать, и отца твоего. Своевольна плутовка, не слушает просьбы моей, а ты ей отпор дай, и не бойся. Есть у тебя защитник, много сильнее Матери Мира. Вот это закроет тебя в страшный час — она протянула молочно-белый камень, с золотым свечением внутри.

Много еще говорил Товард с сестрами матери, совсем потеряв счет времени. Он не заметил, даже того, что Амадо спустился в лагерь. Чужак вернулся один, и гномы забеспокоились. На вопросы встревоженных воинов человек ответил.

— Вы здесь гости, а ваш король, дома. В пещерах Аар ему ничто не угрожает. Ждите, он скоро спустится.

Рациональные гномы пожали плечами, и не поверив словам чужака, да еще и колдуна поднялись за своим королем. То-что, они встретили наверху навсегда изменило их суть. Многие посчитали, что короля подменили, и, если бы не рассказы очевидцев дело могло дойти и до мятежа.

Орки отступили так и не дав сражения. Яростный Неру, потерял ареол непобедимого воина, в глубинном мире развернулась межплеменная война. Судьба Лафны так и осталась неизвестна, где искать девочку король не представлял. Товард не решился рассказать отчиму, что случилось с его внучкой, надеясь самостоятельно найти племянницу после войны с Карамантом.

Королевский дворец Батры постепенно возвращал былое величие. Со странным чувством Товард въезжал в дом преданного им короля. Раньше он не ощущал того чувства неловкости, что сейчас разъедало его сердце. Стараясь надолго не задерживаться в покоях Рибигуда, Товард поселился в доме, где прошли самые счастливые годы его детства, чем немало удивил соплеменников.

Среди подданных пошла молва о скромности и воздержанности правителя. Обыватели посчитали, что Скауг Грозный получил благословение хозяйки в своем паломничестве в

Огненный лес. Товард не стал противиться этим слухам, наоборот всячески постарался их укрепить.

Отцовский дом встретил его холодно. Многие комнаты оказались загажены и испорчены, но небольшой ремонт и уборка вернули былой уют. Только назойливый Амадо мешал полно прочувствовать возвращение домой. Отчим все торопил его выступить в поход на Кейста, что крайне беспокоило короля. Благо сейчас он куда-то исчез, говорят, что он три дня назад прошел через Врата Рибигуда в земли Урсума.

По ночам стали приходиться кошмары. То ли от пережитого, то ли под впечатлением от встречи с Аар, но во сне к нему начала приходить белая лиса. Стоило ей появиться в спальне, как сон прерывался. Под взглядом зеленых глаз лисы, гному казалось, что его тело обмирало, пронизанное мертвящим холодом. При этом он не мог пошевелить не одним мускулом.

Мягко ступая по полу, бестия подходила к его ложу, клала мягкую руку на лоб, и вглядывалась в глаза, жутким нечеловеческим взглядом. Сильное возбуждение томило дух, не давая остановиться до самого утра.

Поначалу его это даже забавляло, но вскоре Товард почувствовал, что начинает слабеть. Тело сделалось вялым, голова тяжелой, он не мог ни на чем задержать внимание. Как-то заглянув в эльфийское зеркало Товард к своему ужасу, заметил, что его взгляд потух. Сквозь молодость короля проглядывал старик.

Спустив ноги на теплый пол, Товард задумчиво разглядывал свои широкие стопы. В голове продолжало гудеть, а руки и спину ломило, так точно он всю ночь работал в забое.

В комнату не стучась вбежал Фарон Удан, товарищ главнокомандующего. Едва переведя дыхание, он прокричал.

— Они идут!

— Кто? Ты, о чем Фарон? — удивился король.

— Бабы воины! Их привел, этот человек, с плохим глазом! Ну этот, Амадо! Они сейчас уже подходят к перекрестку Хидана!

— Ничего не понимаю, почему... Как он..., а лошади с ними?

— Да, еле завели под землю. Человек просит предоставить фураж для них, и помочь бабам пройти к Королевским воротам — Фарон протягивал туго скрученный свиток.

— Дай письмо! — раздраженно потребовал король.

Бегло пробежав по строкам, Товард понял, что Амадо привел помощь. Не вдаваясь в подробности, отчим отмечал великое мастерство верховых лучниц.

— Вот ведь неугомонный! Армию баб притащил в мое королевство! Кто его просил? — несколько минут помолчав, Товард через плечо взглянул на Фарона.

— Дайте ему, то, что он просит. Хуже не будет — гнев постепенно улетучивался, пришло понимание возможностей, что давала помощь легендарных амазонок.

Фарон убежал, так же внезапно, как и ввалился в опочивальне монарха. Плюхнувшись на край постели, король дернул за шнурок и мелодичный звон разлетелся по дому. Вбежали слуги, и встали у двери ожидая указаний.

— Скажите, чтобы готовили гвардию, через час выдвигаемся! Дарим помощи мне одеться! — сухо приказал Товард.

В голове продолжалось кружение, тело болело все сильнее. Мысли о пути приводили короля в отчаяние, но его образ короля-воителя требовал личного присутствия на поле боя.

Неожиданно сильный удар заставил орков отступить от Королевских ворот. Отступление обернулось еще большей бедой, дерзкие воительницы на быстрых лошадях высыпали как горох из открывшегося зева подземелья. Все попытки контратаковать провалились, наездницы разошлись широким веером в полях и принялись отстреливать командиров орков. Завершила дело атака закованных в броню рыцарей Мальдиды, немногочисленные отряды орков бежали в сторону Караманта, под сень дремучих лесов.

Вход со стороны Урсума закрыла дружина Рабора, намертво перерезая пути для продвижения степных орков под гору.

Несколько дней спустя сборные войска вышли на территорию Амората, заходя в тыл армии Кейста, подготовившейся к решающему штурму столицы королевства.

Гномов вел Скауг Грозный, две тысячи лучших бойцов, копейщиков, и пятьсот кавалеристов верхом на баранах.

Неприятным осадком на душе лежало воспоминание о ссоре с Амадо. Вернее, ссорился Товард, его отчим, сумрачно глядя под ноги, слушал обвинения в свой адрес. Сейчас он остыл, а недомогание еще больше сковало его силы, и все обиды казались неважными. Конечно, Родриго злоупотребил своей близостью к престолу, но помощь амазонок может оказаться неоценимой. Да и Аморат надо спасать. После падения союзного королевства, не останется никого кто бы мог прикрыть Даност от мести Темного короля. Не смотря на доводы рассудка, Товард чувствовал себя обманутым и униженным. К тому же Родриго ушел в глубинные районы горы, за дочерью Эли. Отчиму кто-то рассказал о пропаже девочки. В гневе от того, что вскрылся его обман, Товард отказался дать Амадо сопровождение, и запретил кому-либо наниматься в его отряд, объявив общий сбор воинов Танорта.

Ночь обернулась кошмаром, палатка Товарда ходила ходуном от крика короля. С полуночи до трех утра, невидимой барьер не пропустил никого из желающих прийти на помощь монарху. В три утра все стихло, Товард едва держась на ногах вывалился из палатки, безумный взгляд короля испугал гвардейцев. Глубокие раны пересекали спину монарха, одежда свисала отяжелевшими, от напитавшей их крови, лохмотьями.

Гвардейца попытались помочь королю, но Товард набросился на воинов, потасовка закончилась полной победой телохранителей.

Армия двинулась дальше без короля, войска возглавил Фарон Удан, а Скауг Грозный отправился, против своей воли, в Танорт. Редкие минуты сознания, сменялись необъяснимой яростью. Несмотря на то, что короля связали, приходилось очень внимательно следить, чтобы Товард не сбежал. Особенно страшно становилось по ночам, когда он начинал выть, а на теле выступали медленно растущие раны. Гвардейцы пытались помочь королю, но в такие моменты, что-то не позволяло приблизиться к монарху ближе, чем на три шага.

Жаркое тепло разлилось среди высоко вздыбившихся протуберанцев застывшей лавы. Сама первозданная стихия, оставила следы в огромной пещере, куда вошел рыцарь в черном доспехе. Он появился из мрачных проходов Зала древних. Уже несколько часов путник спиной чувствовал враждебные взгляды орков, прятавшихся в темноте.

Амадо остановился, пальцы латной перчатки коснулись предплечья. В наручах открылось маленькое хранилище со светящимися шариками, каждый не больше горошины. Легко пробежав по рядам переливающихся сфер, указательный палец остановился на молочно-белой. Сфера точно прилипла к перчатке, окошко в наруче закрылось, а рука поднялась над головой. Молочно-белая горошина-сфера оторвалась от указательного пальца и увеличиваясь в размерах, взмыла под потолок пещеры, разгораясь все ярче, с каждым набранным метром высоты. Бледный свет разлился по гигантской каверне, спрятавшейся в глубине Тенафарской гряды.

Заметались тени, тысячи теней, разбегаясь от вездесущих лучей света. Впереди высился покатым холм, он напоминал королевские курганы амазонок, и размером, и формой. Тяжело ступая стальными сапогами по неровной поверхности пола, Родриго направился к кургану. Поглядев под ноги, он подумал, что уже видел подобное, тогда в пещере Забытых. Это то самое место, что осталось со времен юности мира. Камень под ногами напоминал застывшие волны, поступательная рябь, которых прерывалась лишь окаменевшими всплесками магмы, что со временем превратились в высокие протуберанцы. Из-за которых испуганно выглядывали безобразные лица орков и гоблинов.

Амадо подошел к холму, который теперь возвышался над человеком. Отсюда он мог различить крутой лоб, и выступающий мост переносицы огромного лица. Рыцарь обошел курган, стараясь не свалиться в яму, в которой и покоилось лицо великана. Казалось, что гигант провалился в магму, сумев удержать на поверхности лишь голову. Мрачные черты лица, совершенно не похожего на человеческое, избородили морщины и складки, перемежавшиеся выступами, которые сильно напоминали роговые наросты рептилий. Искаженный мукой рот, даже в закрытом состоянии не мог скрыть острых клыков чудовища.

Родриго оглянулся на шорох, далеко впереди чернел курган поменьше, с явными очертаниями длани гиганта. Кисть покоилась на застывшей каменной сфере, что так и не смогла высвободить рвавшийся из магмы газ. От кургана приближалась небольшая группа. По виду орки, только еще более безобразные чем их родичи с поверхности, и с совершенно черной кожей. Они подошли совсем близко, Амадо различил черты их изуродованных лиц. Носы исчезли, оставив лишь два отверстия-дыхальца, рот наполнили бритвенно острые зубы треугольной формы, за морщинами и складками он не сразу заметил, что орки лишены глаз. Лишены от рождения, как и большинство подземных тварей. Из-за спин черных собратьев выступила орчиха-шаманка, с удивительно белой кожей, так не вязавшейся с обликом остальных. В лицо Родриго цепко впились два ярко голубых глаза, что украшали лицо шаманки.

— Зачем ты пришел? Тебе здесь делать нечего. Это место для тебя закрыто. Уходи, наш господин не хочет тебя видеть — сказала шаманка удивительно низким голосом, указывая тонкой рукой на выход.

— Мне не нужно разрешение Даймеша, чтобы присутствовать в зале Становления —

равнодушно проговорил Амадо, не отвечая на вызывающий взгляд шаманки.

К голове начали стекаться древние. Огромные и низкорослые, похожие на людей, и уродливые чудовища, сотни существ, зародившихся вместе с самой землей, вышли защитить Первого.

— Ты смеешь кощунствовать?! — гневно прогудела шаманка. — Никто не нарушит покой господина, не заплатив за то высшим даром Хозяйки!

Амадо внимательно посмотрел в глаза шаманки, и спросил.

— Кто ты?

— Шиганда меня зовут, все, кто посмел встать на моем пути

— Врешь! Выходи, не прячься за брэнной плотью шаманки — жестко сказал Родриго, его глаза разгорались с каждой секундой все сильнее, наполняясь бездонной чернотой.

— Ааах!!! — выдохнула шаманка, и тело орчихи рассыпалось в пыль.

Перед человеком выросла огромного роста дева, с безобразной личиной вместо лица. Жуткая харя странно смотрелась на длинной, грациозной шее девы.

Тяжелая цепь, высекая искры, ударила в выставленный щит, и скрылась где-то наверху. Крайнее звено цепи задело светящийся шар под потолком. Тонко звякнула сфера, разбрасывая белые всполохи по пещере, хрустальный шар лопнул, погрузив в непроглядный мрак пещеру. Во тьме с гулким звоном упала цепь, Амадо опуститься на колено прикрываясь щитом, звенья соскользнули с покато́й поверхности. Копье рыцаря молниеносно вспороло воздух и самым концом зацепило живое. Цепи вспыхнули, освещая пещеру багровым светом, та, что дева зажала в правой руке взметнулась в высь и резко опала на неровный пол, едва не задев человека. Глаза скрестились, тишина и давящее напряжение завораживали. Дева не успела ударить человека, и попала в ловушку.

— Даймеш!!! Помоги!!! — взорвал тишину высокий крик.

Пол трянуло, казалось, вздохнула сама земля. Огромное лицо ожило, бездонные глаза раскрылись, и древние кинулись на одинокого человека.

Поврежденный доспех свернулся, оставив Амадо без защиты. Невысокий монстр, крепко перехватив человека в районе шеи широченной ладонью, легко приподнял его над землей, повернув так, чтобы огромные глаза Даймеша могли заглянуть в глаза Родриго.

Сбоку мелькнула белая лиса, и тут же снова скрылась в темноте.

— Зачем ты пришел, Вестник смерти? — голос великана закачал свод пещеры, запах удушающей серы распространился вокруг.

— За девочкой, что вы украли — с трудом переводя дыхание ответил Амадо.

— Мы украли?! Мы не крадем! Мы берем, то, что нам нужно! Все, что есть в этом мире принадлежит нам! Украсть мы никак не могли! Кто она тебе дерзкий человек?!

— Моя кровь — ответил Родриго.

— Да я забыл, что дети Аар питают особую привязанность к родственным узам! Все из-за смертности! Дети часть вас! Ваше продолжение!

— Верните мне ее, и я уйду — жестко проговорил Амадо.

— Она не принадлежит тебе! У нее другая судьба! Я ее сделаю правительницей мира, твой дар возвысит ее на века! Я подарю ей, то, что ты не смог! Девочка получит многие века жизни! Смирись и уходи!

Глаз дернулся и остановился, мощная рука монстра дрогнула, вызывая трещины в камне, застывшем много веков назад. Борьба продолжалась недолго, кровь потекла из носа, потом тонкими струйками из ушей, и Родриго обмяк в каменной длани невысокого чудовища.

— Ты смешон!!! Моей мощи хватит, чтобы уничтожить мир, а ты пытаешься мне противостоять!!! Снимите с него кожу, а сердце принесите мне, желаю видеть муки этой горстки плоти!!!

— Остановись великий!!! — прозвучал неприятный голос из темноты.

— Этот человек нам нужен, он тот, кто нас избавит от удушающей тесноты подземелий, подарит нам возрождение!!! — продолжал голос из темноты.

— Вагаал! Сколько можно нести эту чушь! Шанда потеряла рассудок и ее пророчества не стоят ничего!!! — оборвала старика белая лиса.

— Даймеш не слушай Алит, ее речи полны предательства. Лукавая сестра твоя давно живет в мире Янадау. И боюсь, ... предала нас!

— Это говорит, тот, кто покровительствует низшим и пророчит нам их милость? — пропела лиса, разглядывая кончик изящной лапки-ножки, которую она положила поверх другой, совсем как это делают женщины.

Тем временем монстры растянули Амадо, за руки и ноги, а образина с острыми как лезвия когтями приступила к отделению кожи от плоти.

— Стой!!! — прозвучал приказ головы. — Алит замолчи!!! Замолчи!!! Не гневи меня! — лиса села в сторонке и обиженно посмотрела на Даймеша.

— Вагаал, готов ли ты подарить жизнь этому человеку, в обмен на свою?!

— Готов! — не задумываясь ответил старик.

— Оставьте его! — приказал Даймеш, тело Амадо упало на землю. Человек ползал на коленях и пытался что-то найти на поясе. Лоскут снятой с руки кожи влажно хлопал по его боку при каждом движении.

— Помни Вагаал, ты дал зарок! Он не исполнит, ты умрешь! — старик склонился, показывая свое полное согласие.

Амадо плохо помнил, обратную дорогу, кальцер залечил раны, но потерянные силы восстанавливались плохо. В Танорте его арестовали, обвиняя в колдовстве, которое наложило безумие на короля Даноста. Стоило большого труда, достучаться до Туго Оллапа. Еще больше усилий пришлось приложить, чтобы убедить командующего позволить увидеться с королем.

Безумные крики разносились по дворцу, звук вибрировал в каменных лабиринтах коридоров резиденции. То усиливаясь, то угасая, он напоминал больше вой дикого зверя чем крик мыслящего существа. Ближе к покоям короля, Родриго почувствовал запах раскаленного железа.

— Что это? — спросил он.

— Уже пятый день воняет, все осмотрели, воняет от Его Величества — услужливо ответил один из гвардейцев.

— Не болтать!!! — рывкнул Оллап, и строго глянул на воина.

Двери королевских покоев оказались заперты, толстая цепь плотно обнимала мощные скобы дверных ручек. Снова раздался дикий вопль, стража вздрогнула, и расступилась перед командующим. Зазвенели ключи, Оллап отворил замок, скреплявший цепь и тяжело вздохнув, решительно отворил дверь. Удушливый запах аммиака ударил в нос. Обстановка в комнате превратилась в месиво, сохранились только большой каменный стол и кровать из яшмы. Вопли стихли, Оллап отступил, пропуская Родриго, и поспешно запер за собой дверь. Гвардейцы остались снаружи, суровые лица воинственных бородачей выражали облегчение.

— Где король? — спросил Амадо, озадаченно оглядывая разоренную комнату.

Оллап протянул руку и указал в темный угол, туда, где колыхался гобелен, под которым виднелись, мощные стопы гнома.

— Товард! — громко позвал Родриго.

Командующий неуверенно посмотрел на человека и отступил к двери, с явным намерением в случае чего сделать ноги.

— Выйди ко мне!!! — рассекая тишину приказал Амадо.

Из-за гобелена ответил мерзкий, тонкий голосок.

— Кто меня зовет?

— Даад из Менантра, я представился теперь ты назови свое имя — ответил человек.

— Хи, хи, хи, а не назову! Что ты мне сделаешь Даад из Менантра? — голосок снова захихикал.

Амадо решительно подошел к гобелену, и сорвал его со стены. Вскрикнув Оллап уперся спиной в двери, тараща выпученные глаза на то, что когда-то называл своим королем. Рука Товарда схватила Родриго за горло, броня напозла на тело, разжимая кисть гнома, и скрывая оставшиеся на шее человека кровоподтеки. Взоры встретились, гном рванулся, Родриго зажал его у стены. Лицо короля разгладилось, монстр попытался спрятаться, бессмысленно блуждая глазами по руинам спальни. Затем, против своей воли, они вернулись к глазам Амадо, и застыли, намертво примагниченные горящим взглядом.

Минуту спустя с губ сорвался звук отчаяния, и тело гнома, не двигаясь с места, задрожало. Оллап попытался остановить Родриго, но получил сильнейший удар в голову и отлетел к столу, где и пытался прийти в себя. Удар, усиленный броней, едва не вышиб из гнома жизнь. За несколько мгновений, что предоставило вмешательство Оллапа, король успел схватить кинжал и попытался перерезать себе горло. Стальная хватка выкрутила запястье Товарда. Клинок упал на пол, глаза короля с благодарностью посмотрели на человека, а рот открылся в жуткой ухмылке и насмешливо произнес.

— Тебе придется оставить гнома мне!!! Иначе жизнь Товарда погаснет!!!

— Имя!!! — грозно зазвенел голос Амадо.

— Хи, хи, хи угадай! — Товард исчез, и в глазах снова появился кто-то другой.

Глаза человека почернели, окончательно превратившись в бездонные ямы, воздух наполнился оглушающей тяжестью, сквозь вату одури едва слышно донесся крик ужаса и боли. Тело Товарда отшвырнуло на стену, разбив голову короля. Тело монарха сползло на пол оставляя густую красную полосу на стене. Перед Амадо стояла высокая женщина, через мгновение превратившаяся в белую лису. Припав на передние лапы, зверь испуганно смотрел в глаза человека, не в силах отвести взгляд.

— Даймеш!!! — раздался душераздирающий крик.

Спрятавшийся под столом командующий, с нескрываемым испугом наблюдал за происходящим из своего укрытия. Заметив, что про короля забыли, Оллап на четвереньках подобрался к его телу, и нащупал пульс. Лицо командующего расплылось в улыбке, Товард открыл глаза и осмысленно посмотрел на Оллапа.

— Что происходит, мы отступаем? — удивленно произнес он, оглядываясь вокруг. — Почему я во двор...? Это же страшный сон?

— Нет батюшка, это не сон — почти со слезами сказал Оллап, прикладывая ткань к разбитой голове короля.

— Даймеш!!! — разнеслось по городу, и ушло далеко в глубины горы.

Женская рука легла на нос лисы, и голос Алит смолк. Нежно коснувшись щеки Амадо, женщина проговорила.

— Оставь, не губи ее жизнь, брата воля испортила Алит. К вражде и крови устремление, вложил капризной в душу, старший по рождению. Обрек Даймеш на гибель род свой, в тот день, когда разгневал Андландов могучих. Древесные поднялись и ненасытный вновь попал под землю, где и закован по сию пору. Алит, дитя напуганное, Андландов расправой, впитала гнев поверженного брата, и подарила миру зло, что затмевает яростью Даймеша. Отдай нам это глупое дитя, и мы вернем ее в покой и мир добра, где никому она беды чинить не сможет. Так что решил, жестокий пожиратель, Хозяйки сыновей?

Амадо остановился, проникновенный взгляд Аар, лишил его силы. Великая Мать с сожалением и любовью смотрела в его иссохшее сердце.

— Не надо мстить. Оставь жестокость тем, кто создан для нее — проговорила Аар, и снова провела ладонью по щеке Амадо.

Человек еще раз взглянул на лису, испуганно жавшуюся к ногам Аар, и отвернулся. В комнате возникли девушки, сестры Май. Весело щебеча, они подхватили безгласную Алит, и приветливо помахав Товарду, растаяли в воздухе. Позади раздался громкий хлопок, это закрылась, отвалившаяся от удивления челюсть командующего.

— Верный выбор, еще не поздно, поверни назад — пропела Аар.

— Я не могу, Лафна в руках Даймеша. Его сестра мой шанс спасти девочку из лап подземного властелина.

— Верну тебе я внучку. Завтра жди в проходе на восток.

— Как я могу тебя отблагодарить? — спросил Товард.

— Даад мне сделал дар, что стоит гор златых, а от тебя мне нужен мир, и процветание народов подземелья. Верни его в прекрасные чертоги Праземли, и сделаешь подарок мне бесценный.

Рука Аар легла на голову Товарда, раны затянулись, глаза короля очистились и засияли как прежде. Женщина наклонилась и поцеловала гнома в лоб, удивленный Оллап не отрываясь смотрел на Аар, он глупо улыбался, при этом здорово смахивая на имбецила.

— А для тебя бесстрашный Туго, я припасла известие благое, когда домой вернешься, все поймешь — сказала она, повернувшись к командующему.

— Жди завтра, в восточном проходе — Аар остановилась напротив Амадо и посмотрела на человека с сочувствием. — Не отчаивайся, за тьмой всегда идет рассвет.

— Меня пугает, что после тьмы, освещать уже будет нечего — ответил Родриго.

— Ты видел, что такое время, и знаешь, лечит все оно. Нет, не погибнет без остатка мир. Всегда, хоть что-то остается. Пусть малое останется, но пролетят века, и из него родиться все, что ты утратил прежде. Из малого начало — Аар улыбнулась и растворилась в воздухе, оставив после себя легкий запах, щекочущей ноздри, свежести.

В разрушенных проходах выстроились ряды копейщиков. С башен второй стены со свистом летели стрелы, на излете гулко ударяя о броню воинов Королевского стяга. Митрил надежно защищал тяжелую пехоту Караманта. Вперед выступили орки, двигая перед собой плетенные щиты, зеленые совершили быстрый переход, затем остановились и присели, вновь прячась под защиту гнутой лозы, обшитой поверх дубленной кожей.

Наконец раздался звук рога, и Карамант начал наступление. Первая атака смяла копейщиков, отбросив мелких в сравнении с орками людей по обе стороны пролома стены.

Ворота второго рубежа отворились и к пролому вышли закованные в броню рыцари. Раздавая тумаки и зуботычины, они остановили повально бегство копейщиков, после чего погнали солдатню вперед. Неожиданный напор, отсек часть орков прижав их ко второй, внутренней стене, одновременно выталкивая поток воинов Караманта за пролом. Кейст внимательно следил за штурмом. Цепкий глаз Темного короля искал среди рыцарей Гвидо, к удивлению, Кейста король Объединенного королевства не вышел за стены.

— Учится! — подумал Некромант.

Снова запела гнущая медь Караманта и в бой пошла вторая волна воинов. В звуки сражения ворвался топот тысяч лошадиных ног. Со стороны Сальяда пришла тяжелая кавалерия, рыцари разорвали кольцо окружения, вокруг столицы Амората. Стремительным ударом железные всадники сняли штурмующих, отбросив орков к лагерю. Здесь произошла заминка, и началась принципиальная рубка.

На помощь увязшей кавалерии из города вышло войско, решительно ударившее в левый фланг армии Кейста. Наступление настолько удачно развернулось, что Гвидо довел свое войско до лагеря Темного короля. Кейст тем временем метался среди рыцарей Сальяда, в поисках Гвидо. Темный крушил неразумных врагов, что встали у него на пути. Опрокидывая лошадей ударом ноги или кулака, Кейст дробил булавой, закованных в доспехи воинов. Вскоре к королю пробилась рыцари мертвецы, стараясь защитить своего властелина, они расчистили ему путь для отхода. Только сейчас Кейст заметил, что над лагерем больше не реет синий флаг с кольцами, продетыми одно в другое. Под которыми висела надпись: — «Жизнь и смерть, соединяют вечность».

Королю подвели лошадь, протрубив сигнал к отступлению, Кейст направил скакуна в сторону лагеря. Его попытались преследовать, и тогда он развернулся и ударил на встречу, произошла свалка. В сложившейся неразберихе король Караманта, увел верных рыцарей. К месту свалки подоспели рыцари во главе с Гвидо, но Кейст уже скрылся за пехотой, и лучниками.

Вопреки ожиданиям, армия Караманта, отступила в полном порядке, и в сумерках бой замер.

Утреннее солнце осветило огромное поле, по краям, которого выстроились армии. Несмотря на огромные потери, армия Караманта, казалось, нисколько не уменьшилась, в то время как войска Амората и Сальяда сильно поределели.

Гвидо разъезжал со свитой вдоль строя копейщиков, раздавая последние указания, и воодушевляя воинов личным присутствием. Желание бросить оружие и бежать посещало многих, останавливало только то, что бежать некуда, либо повесят как дезертира, либо попадешь в лапы многочисленных разъездов захватчиков.

Столица оставалась последним оплотом. Несколько крупных замков еще держали оборону, но остальные города и цитадели жители покинули и широкими потоками устремились в холодный Сальяд. Воины оставались последним рубежом между простым людом, бегущим от верной гибели и орками Кейста. Хотя, как поговаривали пережившие нападение Темного короля, люди Караманта ничем не отличались от орков, единственное, что не ели себе подобных. В остальном же их жестокость, пожалуй, даже превосходила дикость кочевников из Великой степи.

Победы никто не ждал, жрецы ходили по рядам воинов, и благословляли их на ратный подвиг. Многие потеряли близких, и ненависть к врагу, заменяла храбрость.

Гвидо опустил забрало, готовясь повести свое крыло в последнюю атаку. Напряжение

росло, враг впереди двинулся на их позиции. Туча стрел закрыла небо. С душераздирающим свистом, пролетели смертельные снаряды. В ответ пошла жидкая череда выстрелов, как град застучали по щитам и доспехам стрелы Караманта. В середину ухнуло огромное ядро, и прокатившись с резким хрустом по воинам Амората, застыло, накатив на ноги не успевшего отскочить в сторону рыцаря. Крик воина погас в дробных ударах новой волны стрел. Рог Гвидо запустил движение войска, спустя две минуты стены щитов с грохотом столкнулись. Обстрел с навеса прекратился, теперь орки выцеливали свои жертвы, забивая снаряды в незащищенные места тяжелой пехоты.

Машины замерли, Гвидо повел рыцарей в обход правого фланга Кейста, как ему казалось там он видел Некроманта и его мертвецов. Всадников перехватили волколаки, ярость рыцарей Амората удивила орков, гвардейцы закрывали Гвидо не давая убить короля. Символ, потеря которого обрекало на гибель все королевство.

Удар свирепых, хищных свиней выдержать уже не хватило сил. Гвидо потащили из образовавшейся мясорубки, король вырвался и помчался в сторону Кейста, врубившегося в ряды пехоты. Сокрушая булавой воинов Амората, король Караманта искал своего главного противника. Стук копыт наверняка не мог достигнуть ушей Темного короля, но он его почувствовал, и повернувшись в сторону Гвидо запустил булаву.

Лошадь из-под Гвидо выбило, короля выкинуло из седла вперед. Выставив щит, король Амората закрыл голову, и выдержал первый удар кулака, налетевшего Кейста. На щите осталась глубокая вмятина.

Специфический шелест, вынимаемого меча, предвещал неминуемую смерть, но удара не последовало. Король боязливо выглянул из-за щита, Кейст исчез. Прямо перед ним зашевелилась куча тряпья, что-то сильно походившее на дикобраза, поднялось на ноги. Неужели Кейст? Спустя секунду сомнений не осталось, только Темный король мог выдержать такое количество стрел, поразивших его тело. Со свистом с десятков стрел вновь опрокинули Кейста, мимо пронеслись всадники на длинноногих конях, один наклонился к Гвидо и протянул руку.

Он заглянул в лицо воина и обомлел. Из-под открытого шлема ему улыбалась молодая девушка, слишком милая, для того чтобы быть воином. Воительница вывезла короля с поля боя, и тут же вернулась к соплеменницам, одарив Гвидо белоснежной улыбкой, и блеском возбужденных карих глаз.

Королю подвели свежего коня. Рыцари окружили Гвидо, не давая вновь ворваться в гущу сражения, монарху пришлось повиниться и отъехать к Лысому холму. Пытаясь разобраться, что происходит на поле сражения, король слушал доклады посыльных, из которых следовало, что силы на пределе, еще четверть часа и люди побегут.

Неизбежное поражение остановило вступление в бой союзников из Даноста. Железная стена щитов гномов копейщиков, упорно сдерживала навалы пехоты Караманта. Но одного взгляда оказалось достаточно, чтобы понять, что гномов слишком мало. Гулкий бас их командира долетал даже сюда, на холм. Железная дисциплина и выдержка подземников поразили Гвидо, хотя женщины воители, на лошадях, с короткими, тугими луками, казались чем-то непостижимым.

— К нам подошли войска Даноста — отрапортовал Узвил Тогарт командир, приставленный Нофлем к Гвидо.

— Да! Вижу! — сухо ответил король.

— Сир надо командовать отступление, иначе случится катастрофа — посоветовал

Тогарт. — Пока Кейст занят гномами и этими степняками, мы можем увести наши войска без лишних потерь.

Гвидо посмотрел на него, и ничего не ответив отвернулся.

— Где конница? — спросил он, стараясь разглядеть своих рыцарей в хаосе сражения.

— Отступила Ваше Величество! — ответил Тогарт.

— Кто приказал?! — вскричал Гвидо, его губы затряслись от гнева.

— Я Ваше Величество — нагло глядя в глаза короля ответил Тогарт.

Только сейчас Гвидо заметил, что среди рыцарей, стоявших с ним на холме, нет ни одного из его охраны или гвардии. Короля окружали ветераны Скюло. Те самые, что совсем недавно арестовали его по приказу Верховного жреца. Гвидо попытался выхватить меч, но его скрутили, и насильно повели прочь с поля боя. В последний момент Гвидо заметил, что армия Кейста подалась назад, орки в панике бежали к лагерю. Прозвучал низкий, бархатистый сигнал, что это за рог Гвидо знал, но не мог поверить.

С левого фланга ударила конница Амората. Кейст с изумлением наблюдал, как неизвестный полководец сокрушает его армию. Присмотревшись Темный, узнал герб на щите.

— Этого не может быть — проговорил он в полголоса.

— Инан!!! За короля Инана!!! — кричали воины Амората усиливая натиск.

Пропела труба, на правый фланг Кейста налетела конница в вороних доспехах. Эту конницу знал весь цивилизованный мир. Орки столкнулись с самым сильным противником, что могли выставить люди. В бой войско вели три всадника в необычных доспехах, такие Кейсту уже приходилось видеть, когда он потерпел поражение возле Изумрудных холмов.

— Железные короли! Почему? Долина никогда не вмешивается в войны — недоумевал Кейст.

Предстояло ввести самые сильные части, к Кейсту подвели лошадь. Король уже успел освободиться от стрел, и даже облачился в доспех. Прогредел рог Караманта и сметая все на своем пути помчалась конница Темного короля. Гулкий стук доспехов, и ржание перепуганных лошадей, огласили поле боя. Жуткие свиньи ворвались в строй конницы Железной долины, а следом глубоко вклинилась семерка мертвецов, во главе с Некромантом.

Первое смятение сменилось ожесточенной схваткой. Железные короли неистово рубили орков, и их свиней, начали падать мертвецы. Кейст поразил одного из королей Долины, стальная лошадь, исковерканная нечеловеческой силой Темного, механически дергала задней ногой.

До Пард рассек мечом лошадь Кейста, оставив глубокий след на митриловом доспехе короля Караманта, и не останавливаясь промчался мимо. Навстречу Темному выехал Ару Ентар, Некромант только поднялся на ноги, король Железной долины с отяжкой нанес удар, впечатывая в голову врага пернач. Удар пробил шлем Кейста, он упал на колено, но огромная булава короля попала под ноги коня Ентара. Осколки стали прыснули во все стороны рая и убивая находившихся поблизости. Ноги стального скакуна рассыпались, Ентар вылетел из седла. Кувыркаясь и матерясь, железный король упал подле павшего соправителя. Ентар начал подниматься, Кейст быстро шел на менавтра. Булава взревела, взлетая над головой Темного, но несколько стрел, оборвали стремительный ход орудия смерти. Петли арканов упали на руки ошеломленного короля Карманта. Он попытался сдернуть всадниц с лошадей, но еще несколько веревочных колец обвилились вокруг тощих рук

Темного, и десятков скакунов, с усилием растянули их в стороны. Огромным напряжением воли, Кейст сумел свести руки к груди и лошади оступились и подались следом.

Стрелы как назойливые комары, зажужжали, глухо ударяя в щели между пластинами. Одна прошла в забрало шлема, опрокинув голову Темного короля назад. Тяжелый удар сбоку исковеркал и без того помятый шлем Кейста, это подоспел пернач Ентара. Тело короля Караманта повисло на веревках, руки с хрустом вывернулись в плечах и отвалились от туловища, лошади их тут же унесли. Кейст упал на колени, силы покинули его. Ентар ловко поддел шлем Некроманта, скидывая искореженную полусферу на землю, а До Пард, прицелившись, нанес точный удар сбоку, одним движением отделив голову от шеи. В ту же минуту пали мертвецы, кто-то на скаку, а кто-то с занесенным над очередной жертвой клинком.

Подъехала амазонка, ловко подхватив голову Кейста, дева надела ее на копье. Высоко подняв над собой, воительница прокричала высоким голосом боевой клич амазонок, возвещая о победе.

Клич поддержали тысячи женских голосов. Крик устрошил орков, которые слишком хорошо знали, что значит этот призыв. Подпрыгивающая и оседающая на копье голова, красноречиво свидетельствовала о поражении армии Темного короля. Орки и воины Караманта побежали, теряя в бегстве еще больше воинов чем в бою. Всадницы, не сбавляя ход, преследовали и рубили врага. Их примеру последовали рыцари Амората, на поле боя остались только всадники железной долины.

Им запретили погоню, их ждал еще один важный бой, возможно самый важный для Фарайза и его правителей.

— Почему они ушли? — недоумевал Товард, его состояние значительно улучшилось, только седая прядь напоминала о пережитом.

— Их ожидает новая война, с бывшим союзником — уклончиво ответил Фарон Удан.

Новости с поля битвы и обрадовали, и расстроили Товарда. Ему так хотелось принять личное участие, возможно, в самой великой битве ближайших столетий.

— Говорят Амадо опять ушел?

— Так и есть сир. Как только привел девчонку Мальдидского короля, сразу и ушел — степенно ответил Удан.

— Куда, знаете?

— Так в глубины ушел, он проходил заставу на Мертвый город, а оттуда никто уже не следил.

— Интересно, что он опять задумал?

— Да очередную авантюру! Что может задумать такой тип, только пакость какую — вмешался в разговор Оллап.

Старик еще злился на Амадо, хотя уже не так сердечно, как прежде. Все-таки он привел ту, что подарила ему сына, первенца. Командующий уже отчаялся дожидаться главного события в своей жизни, в его доме почему-то родились только бабы, и не одного мужика. А теперь другое дело, есть кому продолжить дело рода Оллапов. Зуська, жена его, так совсем с ума сошла от радости. Будучи хорошим семьянином Оллап ценил, и берег чувства супруги, веселой, но немного пустой бабенки. И сейчас задумавшись, расплылся в глупой, мечтательной улыбке.

— Хватит лыбиться! Как дурачок на базаре! Ты мой командующий, а рассуждаешь точно молотильщик! — оборвал приятные мысли командующего Товард.

— Родриго спас мне жизнь! И заодно это, вам следует проявлять уважение к этому типу! — отчитывал он командующего и его товарища, попавшего заодно под горячую руку.

— Завтра надо отправить посольство в Аморат. Пора пожинать плоды нашей победы. И желательно, чтобы плоды звенели, и имели цвет солнца. К послу Железной долины следует проявить особые почести и уважение, а также предоставить помощь, если пожелают! — отдал приказы Товард и тяжело опустился на подушки, утомление еще не оставило его тело.

Но долго отдохнуть не получилось. Вскоре комната наполнилась детским смехом, и звоном женского голоса, Эли пришла навестить названного брата.

— Через два дня мы уедем — сообщила она Товарду, лицо гнома немного насупилось. — Ну что ты? Ты прекрасно нас принял, благодаря тебе мы спасены, спасена династия Мальдиды. Благодаря тебе Лафна в порядке, если бы не ты, мне страшно подумать, что нас ожидало...

— Не меня ты должна благодарить — негромко проговорил король. — Лафну спас твой отец. Не знаю, как он ее нашел, но это его заслуга. Мы не смогли ничего сделать.

Лицо Эли вытянулось и приобрело упрямое выражение. — Не говори мне пожалуйста о нем, где он там всегда смерть и беда.

— Эли мы выросли. Пора уже принять все так как оно есть. Он не враг тебе...

— Ты не понимаешь. Мы потеряли мать из-за его игр в политику. Семья для него всегда оставалась на втором месте. Если бы ты видел, как страдала моя мама, когда не знала

вернется он или нет.

— Верю, он холодный человек, и другим уже не будет. Прими его таким. Забудь обиды детства. В его действиях нет злого умысла.

— Я не обижена. Я хочу, чтобы он оставил меня и мою семью в покое. Он для меня чужой человек — Эли отвернулась, пряча слезы, Лафна с удивлением посмотрела на мать.

— Мама почему ты плачешь? — удивилась девочка, и подбежала к Эли.

Девочка забралась на колени к матери и крепко обняла, обвив длинную шею маленькими ручками.

— Не плачь, мама! Не плачь! Дедушка нас не оставит! Он всегда будет нам помогать! — лепетала Лафна, не замечая усиливающихся слез матери.

— Мне жаль, что вы покидаете мой дом — расстроено произнес Товард. — Я отправлю с вами сотню воинов, сейчас небезопасно на дорогах — перевел разговор Товард. Он жалел Эли, жалел Амадо, но ничего не мог сделать. В голову почему-то пришла мысль.

— Чувства не подвластны даже королям.

Открытый портик заканчивался обрывом в лазурное море. Сверху скала казалась кораблем плывущем в бескрайней водной глади. Дом Эйлайна стоял на высоком утесе, далеко выдававшемся в море. Удивленные рабы выглядывали из дверей, посетитель появившийся словно из воздуха, мирно беседовал с их хозяином. Мужчины сидели у низкого столика, сложив крестообразно ноги. Бокал вина в руках Эйлайна все еще наполовину полный, играл рубином, в ярких лучах южного солнца.

Гость почти не прикасался к пище, его кружка со странным травяным напитком, давно остыла, а ветка винограда лежала едва тронутая. Незнакомец повернулся в сторону слуг, и его жуткие глаза впились в беднягу Тилора, юноша застыл на месте не в силах сделать ни шагу. Амадо отвернулся, и парень со всех ног бросился в полуоткрытую дверь, спасаясь сам не зная от чего, остальные последовали его примеру. Это событие навсегда вошло в местный фольклор. Собираясь у очага на кухне, слуги рассказывали историю о страшном волшебнике, что однажды появился в доме их хозяина.

— Ты напугал моих слуг — улыбнулся Эйлайн. — Прости, но Ланаэль не здоровится, поэтому...

— Тебе не обязательно искать оправдания. Если моя дочь меня ненавидит, то в том есть только моя вина, и не нужно искать способы смягчить наши противоречия. Просто передай ей, что она в моей душе, как и прежде.

— Так что тебя привело в мой дом? — спросил эльф, кивком головы давая понять, что он благодарен Амадо за понимание.

В течении получаса гость изложил причины своего визита. Эльф внимательно слушал, почти не перебивая. Когда чужак умолк, Эйлайн еще некоторое время обдумывал услышанное. Затем спросил.

— Почему ты считаешь, что он меня послушает? С тех пор как убили Танаис, Маттейос сильно изменился. Его нрав пугает даже приближенных. Он не станет слушать эльфа, а вот ты, совсем иное дело — сказал Эйлайн глядя на гостя.

— Мне запрещено, приближаться к границам Протен. Если арестуют, казнят — эльф с удивлением взглянул на человека, но ничего не спросил.

— Раз так я постараюсь сам убедить императора, хотя сомневаюсь, что из этого выйдет что-то стоящее — с сомнением покачал головой Эйлайн.

К вечеру чужак исчез, также, как и появился, а Эйлайн приказал заложить старый колодец, вырубленный в скале много веков назад, оставив лишь небольшую кованную дверь, сверху. Слуги дивились странностям хозяина, но исполнили приказ со всей возможной точностью.

Амадо шел в Даност подземными коридорами, что вели от древнего колодца в имении Эйлайна. Путанные и многоуровневые, они казались совершенно не проходимыми, для тех, кто никогда не ходил древними дорогами. Карты сильно облегчали поиск нужных поворотов, брошенные города человек старался обходить, мало-ли, что там могло поджидать случайного путника.

Проложенный под землей путь до Крефей оказался много короче, морского путешествия, но века стерли память о нем из преданий гномов. Проход Будовара перегородил завал, пришлось обходить, через Гесемфер, древнюю столицу Фолина Седобородого. Город пал больше тысячи лет назад. Высокие террасы, резной потолок над строениями и гигантские колонны строгих форм, загадочно переливались в тусклом свете газовых горелок, которые все еще освещали мертвые улицы.

Амадо хорошо помнил этот город, как и его короля, толстяка Фолина, с длиннющей бородой, подметавшей своим концом пол. Город все еще могли населять орки и тот, кто их привел к гномам.

Безумный Тарм, до сих пор вызывал непреодолимый ужас в детских сердцах гномьих отпрысков. Матери и бабки пересказывают из поколения в поколение истории о страшных временах, когда властелин глубин, пришел в Тагастат. Ничто не могло встать на пути безжалостного горного короля, он сокрушал ворота, и своды, погребая города под толщей камня. Тогда им пересечься не случилось, Амадо находился слишком далеко, и лишь случай привел его в Даност, спустя почти тысячу лет после событий. По слухам, к тому моменту Тарм уже много веков спал в Гесемфере, под неусыпной охраной орков. Откуда это стало известно, Родриго так и не понял. Смельчаков готовых проверить правда ли горный король спит в заброшенном городе, не нашлось.

Дорога сильно петляла, за века орки натоптали тропы среди руин. Путника окружали груды битого камня, оставшиеся на месте разрушенных домов, черные пятна костровищ на граните, и множество костяков, белевших в неясном свете горелок.

Обитатели вымерли, орки или ушли, или выродились. Город казался более чем мертвым, как не напрягал человек слух, ничего кроме звука осыпающейся породы не слышал. Доспех включил инфракрасный диапазон, кругом синева и мрак. Амадо присел возле дома какого-то бедняка, привалившись спиной к остаткам стены.

Легкая вибрация прошла по спине. Путник приложил ладонь к полу, камень слегка задрожал. Человек поднялся и пошел вглубь города, время от времени касаясь стен, для того чтобы почувствовать движение камня. Дрожь приобрела ритм, длинный период сменялся маленьким замиранием, и вновь следовал прилив вибрации. До слуха долетел звук, еще немного, и перед Родриго открылся черный мавзолей. Основанием ему служил дворец Фолина, но стены возвели титаны. Огромные блоки базальта, монолитом возвышались над путником, доставая до самого верха огромной пещеры. Мастерство каменщиков удивляло, ни одного зазора, что мог бы пропустить свет, но эта работа никак не вязалась с тем, что строили гномы.

Огромные ступени вели внутрь дворца. Амадо в нерешительности стоял перед входом, ему не хотелось идти внутрь, но ноги сами повели его тело в глубь мрачного обиталища

горного короля.

Круглый постамент, высеченный из цельного куска черного обсидиана, украшали витые узоры по всему периметру, охватывая, толстыми и тонкими кольцами основание. Поверх обсидианового постамента, на боку лежал великан. Огромное тело в кольцах металлической брони, плотно облегавшей полную фигуру великана, тускло блестело металлом в свете ламп. Широкая спина вздымалась, при вдохе раздуваясь с боков. Круглая голова, совершенно лишенная ушей, неподвижно лежала на руке, уютно подложенной под щеку. Толстый живот ходил в такт дыханию. Несмотря на оглушающий грохот храпа горного короля, от всего веяло покоем и многовековым сном. Пол чистый, как, будто его только, что прибрали, матово переливался в неровном пламени горелок. Постоянная циркуляция воздуха не давала оседать пыли.

Шум дыхания великана изменился. Амадо прислушался, к храпу прибавился посторонний звук. Поначалу едва слышный, но сейчас уже совершенно отчетливый.

Бой барабанов, начавшийся от входа, распространился по городу как пожар, вызывая к жизни спящий Гесемфер. Родриго снова включил инфракрасный визир, везде куда он мог посмотреть мелькали огненно-красные силуэты. Город кишел существами, совершенно не похожими на орков. Сначала они беспорядочно метались по руинам города, затем как по сигналу двинулись к мавзолею. Так Амадо для себя назвал дворец, в котором спал горный король.

Мгновение спустя путник встретил первую волну существ. Худые, лысые, покрытые тонким слоем слизи, они кидались на него, стараясь достать острыми как ножи когтями. Белесые глаза зловеще сверкали, отражая свет. Их бешеное и бессмысленное выражение пугало не меньше, чем уродливый вид охранников горного короля. В помещение ворвались тролли, топая огромными ножищами, неуклюжие великаны топтали своих же. Амадо избегал прямой схватки с ними, разбрасывая врагов поменьше. О броню застучали копья и стрелы, меч упруго цеплялся за плоть врагов, вызывая к жизни вопли гнева и ужаса.

Отвратительная слизь покрыла отполированный пол мавзолея, тролли, оскальзываясь падали, давя нечаянно попавших под их туши защитников Тарма.

Неожиданно все стихло. Очередная волна безобразных существ откатила к выходу. Тролли, завывая кинулись прочь из мавзолея, прокладывая широкие дороги в толпе соратников.

Непривычная тишина повисла в полумраке дворца. Родриго повернулся назад, взгляд человека уперся в опустевший постамент. Тяжело опираясь на молот, из темноты, шагнуло огромное тело. Кольца брони отдавались звоном при каждом движении, мощная рука в латной рукавице опиралась на стальную чужку. Металлическая рукоять орудия доставала до груди гиганта, служа опорой для неуклюжей фигуры. Искры, вылетающие из-под рукояти, после каждого удара о базальтовый пол крипты, гипнотически притягивали взгляд. Могучая поступь вызывала дрожь земли, белые глаза с черными точками грозно уставились на человека.

Гигант остановился напротив Амадо, взгляды встретились. Ничего не говоря, горный король нанес удар, делая быстрый шаг к человеку. Путник увернулся, но огромный молот, размер которого мало уступал полугодовалому теленку врезался в стену дворца, крошево и пыль плотным облаком обдали Родриго. Человек подскочил на месте, и потеряв равновесие упал на одно колено. Огромная нога, окованная железом, отшвырнула его в толпу стражей, которая с визгом прыснула в разные стороны. Рядом ударил боек молота, высекая искры и

раскидывая острые осколки камня.

С первого взгляда Амадо понял, перед ним не древний, он столкнулся с чем-то иным. Порождение глубин, древнее и жестокое, такое же, как и Хозяйка. С трудом поднявшись, путник кинулся под ноги врагу, рядом топнула железная стопа. Копье человека воткнулось в колено второй ноги гиганта, и вырвалось из рук, Родриго попытался поймать упущенный конец древка. Великан, зарычал, и несколько раз топнул целой ногой, отшвырнув рыцаря в сторону. Увернувшись от атак разъяренного монстра Амадо, налетел на раненую ногу, руки сами схватили копье. Сильнейший пинок вновь отшвырнул его в сторону. Человек пролетел над рядами тварей, и ударился о стену богатого дома. В месте удара, по камню пошла паутина трещин, а от угла отвалился большой кусок стены.

Сотрясающие твердь шаги, быстро приближались. С трудом поднявшись, Родриго кинулся обратно во дворец. От удара молота о землю человека подбросило в воздух, и путник вновь оказался на земле. Рука со свистом пронеслась над Амадо, поднявшись на ноги, он кинулся к Тарму, и проскользнув между ног титана нырнул в мавзолей. Следом шагнул великан, человек выбежал в противоположный проход, но стальная рука обхватила тело путника и подняла в воздух, возвращая под сень базальтового дворца. На мгновение глаза Родриго оказались напротив глаз великана, меч превратился в копье, и блеснув молнией глубоко вошел в глаз горного короля.

Стальное тело дернулось, а огромная ладонь непреодолимо сжала доспех Амадо, сминая и разрушая его. Оскользнувшись на слизи, в которую превратились сотни тел, раздавленных Тармом существ, горный король с грохотом обвалившейся скалы, рухнул на постамент, отколов край обсидианового ложа.

Тело Амадо оказалось зажатым между могучими пальцами великана, ослабившими хватку, но все еще крепко державшими человека. Броня свернулась, и путник вывалился на пол, прямо в отвратительную жижу, оставшуюся от защитников короля.

Мавзолей опустел, нечисть разбежалась, потеряв своего бога. Родриго осмотрел горного короля. Голова Тарма откинулась назад, широко открыв рот, великан с шумом тянул воздух, из глаза вызывающе торчало копье. Огромный как поднос глаз, неподвижно уставился в потолок. Амадо осторожно поднялся на бронированную тушу.

— Митрилл — пробубнил он себе под нос, ткнув латным пальцем в сегмент кирасы, что прикрывала грудь гиганта. — Столько драгоценного металла. Этого хватит, чтобы купить королевство, а то и не одно.

Оскальзываясь и цепляясь за кольчугу из орихалка, Амадо добрался до головы гиганта. Отсюда открылся вид на изголовье обсидианового ложа, которое венчала отдельная тумба из светящегося камня. На отполированной до зеркального блеска поверхности, покоился шлем Тарма. Гладкая сфера, с полумаской, лежала на бармице, король так и не успел ими воспользоваться.

Широкое лицо казалось выточенным из камня. Амадо расставил ноги и уперся в переносицу и свод глазницы, крепко ухватив древко. Резко рванув его вверх, он попытался вытащить меч-копье, но оружие даже не шелохнулось, что-то не пускало. Еще несколько раз путник брался за древко, наконец с невероятным усилием рыцарю удалось извлечь копье. Вместе с жалом на свет показался линзовидный камень. Извлеченный из глаза он стал мягкий как воск, и легко снялся с жала копья. Дыхание Тарма замерло.

В руках линза сжалась, края пореза сошлись без следа, возвращая целостность мягкому камню. Мерцая перламутром, кристалл становился все тверже, пока не превратился в

огромный алмаз, прозрачный с черным зерном в самом центре.

Родриго покрутил удивительный трофей в руках. От него исходило необычное тепло, которое разлилось по телу, а в кончиках пальцев появилось покалывание. Стоило прикоснуться к кристаллу голой рукой, алмаз начинал тихо вибрировать, а голову наполнял туман. В сознании возник образ, черный мавзолей, железный великан, голова и разверстый глаз, рука потянулась в непреодолимом желании вложить камень в рану.

Тряхнув головой Амадо сдернул наваждение, и выронил алмаз. Кристалл со звоном запрыгал на митриловом доспехе горного короля, отскакивая от острых углов бронированного тела, пока не упал на пол, где, немного прокатившись в зловонной слизи, застыл возле ноги поверженного гиганта.

Броня восстановилась и окутала человека. Путник спрыгнул вниз, вонючая жижа веером разлетелась в стороны. Оскальзываясь и спотыкаясь Родриго, добрал до алмаза, переборов сомнение он поднял камень и спрятал подальше, стараясь не касаться трофея незащищенными руками.

Случившееся отняло последние силы человека, и Амадо решил переночевать в мавзолее, расположившись с противоположной стороны от входов, у глухой стены за обсидиановым постаментом. Требовалась передышка, прежде чем он даст бой тварям снаружи. Тело Тарма служило надежным препятствием для любых неожиданностей. Он присел у стены и облокотившись на теплый камень задремал.

До слуха донесся протяжный вой. Родриго подумал, что уснул и ему приснился кошмар, но к первому несмелому звуку присоединилось еще несколько. Через минуту пещера наполнилась нечеловеческим стоном, от которого у путника мурашки пошли по спине. Обнажив клинок, он взобрался на тело горного короля, и застыл.

Все пространство мавзолея и площадь перед ним, заполнили твари, они не двигались, лишь повернув к нему слепые морды протяжно выли. Твари стояли на коленях, уродливых конечностей, что Амадо однозначно определил, как ноги. Только трое уродцев, совсем маленьких, ростом едва достигавшие его паха, стояли напротив человека.

В отличие от остальных, у этих на теле имелись кожаные наросты, напоминавшие длинные плащи, густо покрытые слизью. Уроды ловко задрапировали наготу этими складками, чем-то напоминая жителей Крефей.

Тонкая ручка взметнулась к потолку, в мавзолее прошли тролли. Громадные туши прошествовали к мальчикам и склонившись предложили огромные лапы, распластав их по полу. Карлики взошли на ладонь и используя ее как подъемник добрались до специальной платформы, укрепленной на правом плече троллей. Теперь они оказались вровень с Амадо, путник увидел огромные, без радужки, глаза карликов.

— Человек ты пришел в наш город. Ты разбудил Тарасмунда. Ты напал на нашего господина. Ты лишил нас его покровительства, но мы готовы отпустить тебя если ты вернешь нам душу горного короля — услышал у себя в голове Амадо.

Над городом повисла тишина, наступившая также неожиданно, как начался гул.

— Я не нападал — ответил Амадо.

— Человек лжет — прозвучало в голове. — Мы знаем кто ты. Тарм тебе не по зубам, его душу ты забрать не сможешь, он из камня рожден, и душа его камень — опередил возражения человека карлик.

— Ладно, спорить смысла нет. Я защищался, но для вас я так понимаю разницы нет — перед глазами человека встала картина, как он схлестнулся взглядом с горным королем.

— Ты все видел — прозвучало в голове Амадо.

— Хорошо, что вы от меня хотите?

— Чтобы ты вернул нам душу нашего бога.

— Вы же сами сказали, что я не смогу забрать его душу — перед глазами возник образ удивительного алмаза, который Родриго извлек из ока великана.

Путник качнул головой, и потянулся к сфере, намереваясь достать алмаз, но его рука остановилась на пол пути.

— Я могу вам верить?

Карлик поднял палец толщиной не более вязальной спицы, тролль протянул огромный кулак к Амадо. Человек посторонился, выставляя вперед клинок, но толстые пальцы тролля разжались, на широкой как обеденный стол ладони лежал прямоугольный кофр.

— Мы тебе дадим оружие, которого ты достоин — прозвучало в голове.

— Ты мне предлагаешь обмен? Алмаз на какой-то кофр? — удивился Амадо.

— Это равноценный обмен. Не сомневайся, мы свято соблюдаем данное слово. Открой и посмотри, что внутри.

Тролль наклонил ладонь, и кофр съехал на броню Тарма, неподалеку от человека. Родриго осторожно шагнул к подарку и склонился над кофром, секунду помедлив он нажал на клавиши защелок. Узкая крышка длинного ящика, легко отошла наверх, открывая содержимое. Черная ткань, сильно истлевшая, судя по виду проведенная в ящике не меньше тысячи лет, скрывала, что-то длинное.

— Смелее. Разверни. Оцени наше предложение.

Амадо взял в руки сверток, ткань рассыпалась, руки обожгло холодом, тело сковало, а кисти сильно сжали полторный меч. Путник с нескрываемым интересом разглядывал удивительный артефакт. Рукоять с круглой гардой, и ровный клинок без изгибов и острия, от металла исходило почти не видимое глазу испарение. Темный туман поднимался над полотном меча на высоту не более толщины самого клинка, и расползлся чернотой к краям, где срывался с заточенной кромки, и таял в нескольких миллиметрах от лезвия. Гарду украшали старинные письмена, свитые в необычный узор.

— Что это? — изумленно выдохнул Родриго.

— Это клинок Палача. Свою историю он тебе поведаст сам, если захочет. Теперь отдай душу Тарма.

Нехотя Амадо вернул клинок в кофр, и извлек из сферы алмаз. К нему снова потянулась рука тролля, камень упал на широкую ладонь. Пальцы жадно сомкнулись, скрывая драгоценный дар, рука плавно ушла к карлику.

— Мы благодарим тебя человек. Ты можешь уйти. Меч твой. Об одном только прошу не вдевай сей клинок в ножны. Пусть остается на свободе куда служит тебе — карлик снова поднял тонкий палец и твари разбежались, исчезая в городском сумраке, тяжелая поступь троллей затихла где-то в центре Гесемфера.

Шлем сполз, обнажая голову, Родриго отер вспотевший лоб, странное нетерпение толкало его снова взять в руки клинок.

— Меч непростой. В нем что-то есть — подумал человек, склоняясь к артефакту, и внимательно вглядываясь в черноту полотна. Амадо искал, но ничего похожего на жизнь там не нашел.

Глаза скользнули по внутренней поверхности крышки кофра, они зацепились за знакомые буквы. Это же язык Ура, изумился человек, но откуда у них кофр из древнего

города?

«Ты, тот, что открыл сей дом клинка испорченного нрава, прими свою судьбу. Неббианер рожден служить лишь одному, и только он ему хозяин. Тебя же меч обманом приведет на край, и сбросит глубоко во мрак. Коль безрассуден ты и смел, возьми его, быть может именно тебе, самой судьбой написано смирить ту тьму, что поместил неумолимый в творение лукавых демиургов. Останови кровавый след из тысяч поражений. Направь всю мощь клинка испорченного нрава, туда откуда черпает он силу».

Пробежали глаза по старинным знакам, внизу красовалась подпись Кастиор из Падама. Интересно, кто этот Кастиор? Падам исчез больше десяти тысяч лет назад, потепление унесло ту цивилизацию. Море поглотило без остатков последние следы Калистофер. Еще семь тысяч лет спустя немногие выжившие перебрались в Менантр, остальные сгинули в Трехлетней войне. Тогда же погибли и Ур, с его военной мощью, и Анареон с ученым Советом. Можно сказать, начало конца сильных людей.

Руки вновь коснулись клинка, Амадо почувствовал силу оружия, меч пытался добраться до самых глубин его сознания, пока не достиг того, что сгубило немало древних.

Полотно завибрировало, черные испарения повалили столь сильно, что в несколько минут полностью окутали человека. Воздух взорвался с сотрясающим Гесемфер грохотом. Молнии пошли по броне Тарма, раскидывая разветвленные щупальца далеко за пределы мавзолея. Звук высоко напряжения непрерывно гудя достиг своего высшего порога, белая вспышка ярко осветила город, на секунду вернув в могильник искру жизни. Затем все стихло, молнии еще несколько минут бегали по стенам мавзолея, но и они немного погодя исчерпали свою силу.

Удивленные твари постепенно собирались на площади, перед дворцом горного короля. Гулко топая, подошли тролли с карликами на плечах, они остановились на почтенном удалении внимательно прислушиваясь к тому, что происходит внутри мавзолея.

Тяжело дыша, человек встал на колени, руки все также сжимали черный меч, только теперь он ярко светился, постепенно угасая. Такой схватки ему еще не приходилось испытывать, если не считать Даймеша. Рука разжалась, глубокие следы порезов наполнились алой кровью. Не обращая внимания на боль Амадо взялся за рукоять, волна сопротивления прошла по телу, но воля человека подавила своеволие клинка. С трудом поднявшись он взмахнул мечом, и силы оставили его. Снова опустившись на колени, человек попытался отдышаться.

Глаза уставились на кофр, внизу, на самом дне, располагались ножны. Настолько простые, что казалось, они вовсе не от этого клинка. По ним вился тот же узор, что и на гарде меча. Внутри почему-то возникло беспокойство, не зная языка Родриго почувствовал, что перед ним предупреждение.

Скользкий от крови меч, тянул руки, и без того лишенные сил предыдущей борьбой. Человек вынул ножны и прикрепил к поясу, они оказались под одноручный клинок. Амадо усмехнулся, некомплект, как я и думал, ножны не родные.

Покачиваясь от усталости, он поднялся на ноги и вернул клинок в ножны. Меч вошел в маленькие для него ножны, полностью.

— Ну, что тут удивляться, сразу видно технологии старых людей — размышлял Родриго, стоя на подгибающихся ногах.

Снаружи раздался дружный вой, там, что-то происходило. В мавзолей вбежали твари они в ужас метались по крипте в поисках спасения. Что-то тощее, в черном балахоне

скользило меж ними, калеча и разрывая несчастных.

Амадо упал на колени не в силах более стоять, тощий в балахоне, взлетел на тело Тарма и остановился напротив человека.

— Передо мной можешь не стоять на коленях. Я не бог — гулко отозвались слова того, что скрывал балахон, с капюшоном.

— Не робость меня поставила на колени, а отсутствие сил — слабо улыбнулся человек.

— Сон вернет твою волю. Ты мне подарил свободу, теперь я твой должник.

— Зачем ты их — Родриго кивнул головой, на трупы охраны.

— Они продлили мое заточение на многие века, за то и наказаны.

— Эти лишь исполнители — слабо вздыхая заметил человек.

— Что не снимает с них ответственности. Я Палач, и потому караю, не оглядываясь на милость. Мне неведомо сочувствие, или милосердие.

Амадо пожал плечами.

— Мне тоже, хоть я и не палач.

— Ты прав у нас много общего, но ты случай, а я рожден для того, чтобы карать. Теперь верни мне мой клинок — рука в перчатке требовательно вытянулась к человеку.

У Родриго не осталось сил спорить, и он, отстегнув меч, протянул его вместе с ножнами владельцу. Тощий наполовину вытянул клинок из ножен и застыл, по полотну оружия плясали черные вихри, руки Палача затряслись и клинок вырвался из крепкого хвата владельца. Глухо звякнув о митрил доспехов Тарма, он упал рукоятью к человеку, а клинком к тощему.

— Ясно — с досадой протянул Палач.

— А ты интереснее чем кажешься — проговорил он, обратив пустоту капюшона на человека.

— Возьми его. Теперь он твой — после недолгого раздумья приказал тощий.

— Нет. Ему это не принадлежит — раздалось в голове Амадо.

Человек скосил глаза. Рядом стоял карлик, задрапированный в складки своей кожи.

— Архитектор, не тебе решать судьбу моего меча. Я сделал этот дар, мне и определять, кто достоин им владеть — возразил Палач.

— Меч безусловно твой, но только твой. Мы создали его для тебя, и Он не одобрит если такой мощи артефакт окажется в руках смертного. Это нарушает равновесие — с укором отозвался карлик.

— Равновесие? А запереть меня на несколько веков, это не нарушило равновесие?

— То дело рук смертного, не стоит заключать с ними пари. Мы тут ни причем — ответил архитектор.

— Лукавый архитектор, я знаю, что без вас, смертный никогда бы не смог меня заточить. Но это мы обсудим позже, когда Судья вынесет свой вердикт. И не надейтесь на помощь Цензора, его я первым обвиню.

Архитектор покачал головой и недовольно хмыкнул.

— Вот и объяснишь Судье, зачем подарил смертному Неблу.

— Это не подарок. Клинок подчинился воле человека. Значит он и будет его хозяином. Я поставил такое условие, и я не отступлюсь от своего решения. Смиритесь. Будет так, как я решил — раздраженно ответил Палач.

— Смотри Палач, твои игры лишь удлиняют путь к свободе. Он будет недоволен — заметил архитектор и исчез.

Палач указал на меч и сказал.

— Возьми его, и более не верь никому. Эти негодяи тебя обманули. Архитекторы желали твоей гибели, потому и дали Неблу, хитростью выманив душу Тарма.

— Я сам согласился. Это был мой выбор — слабо отозвался Амадо.

— Нет, у тебя не было выбора. Тебя обманули. Ты не знал всей правды, потому не мог сделать выбор. Архитекторы хотели завладеть душой великана Тарма, чтобы вернуть его к жизни.

— Но это же был обмен — возмутился человек.

— Обмен? Они тебе дали клинок, который может подчиниться только тому, кто способен обуздать его тьму. Я сам поставил такое условие, когда подарил Неблу Урчида, герою давно забытых времен. Но Урчида не справился с силой капризной Неблы, и погиб, от руки Енгарда, наделенного даром инвентов. Четыре века темный владел мечом, пока эмраны не покончили с ним.

— Тысячи героев сменил клинок, но никто так и не смог им овладеть. Случай, природа, дала тебе способность, которую я не мог предвидеть, когда наказал ваш мир. Хитрые карлики тебе солгали, потому что знали, что Небла неизбежно погубит тебя, и снова вернется к ним в руки. Потому и не согласны архитекторы с моим решением, теперь ты слишком многое можешь. Так используй на благо мой дар, пока не придет момент, когда меня отправят забрать твою жизнь.

Амадо качнул головой в знак согласия, рука протянулась за мечом, и коснувшись рукояти застыла, человек уснул.

Во сне он снова видел Палача, протянув человеку алмаз, демиург тихо сказал.

— Отнеси его Хозяйке. Пусть супруга решает, пробудить Великого Тарма или сохранить покой сумасшедшего бога.

Сотрясающий землю крик выбросил Родриго из сна, он испуганно огляделся, мавзолей исчез, теперь он находился в предместьях столицы Амората. До города осталось совсем чуть-чуть, пройти сосновый бор, и впереди раскинется широкая полоса желтых полей, на поясе он обнаружил Неблу, руки саднило от глубоких порезов.

— Что могло так кричать? — подумал Амадо, раскрывая сферу.

Порывшись внутри, он достал кальцер, который в несколько минут решил проблему с порезами.

Он убирал инструмент на место, когда заметил странный блеск на дне. Выудив находку на свет, Родриго замер. В его руках засиял огромный алмаз с черной точкой в центре.

Пряча неожиданную находку, он вошел под раскидистый лапник хвойников, вдыхая полной грудью густой, смолистый воздух. Время поджимало, ему и так пришлось слишком надолго задержаться в мертвом королевстве Фолина.

Железная долина отбила уже третий штурм Южной цитадели. Эльфы откатились назад, но Армина Карната беспокоили потери. Еще один такой штурм и крепость падет, ее железные стены, поплыли под ударами горючих снарядов эльфов. Сейчас вновь началась атака огненными ядрами, они рвались уже внутри башен и стен, плавя камень и металл. Защитники отступили в долину, и смотрели в бессильной ярости на гибель своей твердыни. В Бентарне, собралась тяжелая кавалерия, в ожидании решающего сражения. Всадники вывалили на дорогу и замороженно глядели, как огненные шары пересекают темное небо.

Обстрел закончился пять дней назад, атаку ожидали через два дня. К тому времени оплавленная крепость должна остыть до нужной температуры. К границе вышли первые разведчики. Армин в нетерпении ходил возле шатра, то и дело поднимая к глазам подзорную трубу. Наконец показался всадник, влетев в лагерь, разведчик взволнованно доложил.

— Ваше Сиятельство противник просит принять его делегацию для переговоров!!!

— Что? Ты, что мелешь? — изумился Армин.

— Вот их послание, Ваше Сиятельство!!! — разведчик протянул сверток с именной печатью принца Эманторана.

Сомнений быть не могло, это послание от эльфов. Дрожащими от волнения руками, Карната развернул письмо. Напряженно прочитал его и повернувшись к командирам, объявил.

— Они просят мира, обещая нам возместить разрушение крепости!!! Ничего не понимаю! — удивлялся командующий.

Канцлер Вильшу, суровый толстяк, недоверчиво посмотрел на Карната и взял из его рук письмо.

— Ну, что, если они просят мира, надо им дать его! — заключил канцлер, прочитав послание.

— Согласен. Тем более, что короли еще в пути, да и войск у нас маловато, для ответного визита к «союзникам» — согласился Карната.

Два дня спустя обе стороны встретились перед разрушенной крепостью, и подписали мирный договор. Прощаясь, принц Амаэль, напутствовал делегацию долины.

— Война краем опалила наши народы, надеюсь, что впредь ваши правители будут осторожнее с теми силами, что им не подвластны. Смерть Кейста Чернокнижника спасла ваш народ от гибели, а нас уберегла от ненужного кровопролития. Через год, другой, все забудется, и вернется на привычную стезю.

— Эльфы живут вечно, но они смертны. Мы, люди живем мало, но мы бессмертны, как бессмертна наша память. Впредь мы будем знать, чего стоят ваши заверения в дружбе, и уж можете мне поверить никогда не забудем, того, что случилось — задумчиво ответил канцлер Вильшу.

— Тем лучше! Нам не придется вам напоминать — блеснул белоснежными зубами принц.

Канцлер хотел ответить, но Армин жестко посмотрел на него, и слова застряли в глотке управляющего.

— Мы обязательно вернем долг, но не сейчас — тихо сказал он Вильшу, слегка склонившись к его уху.

Эльфы пришпорили лошадей, и горделиво поскакали в лагерь, белевший среди раскидистых деревьев Эманторана.

Полоска леса пролегла черной линией на горизонте справа, с этой стороны джунгли подходили к самой воде. Слева раскинулось совершенно ровное поле, уходящее далеко за горизонт, которое покрывала чахлая трава, иссушенная до шелеста жарким солнцем. Лишь у самого моря оно плавно переходило в широкую полосу белого песка ришамского пляжа. Лазурная гладь Эльфийского моря пестрела разномастными кораблями, которые сменяя друг друга подходили к берегу. Суда высаживали воинов на белоснежный песок, и вновь отходили на открытую воду. Многоцветие парусов, и пестрота вооружения, отражали все разнообразие владений императора Маттейоса. Заиграли на ярком солнце, анатомические кирасы алкмейцев, в небо взвились длинные пики.

— Их тысячи!!! — испуганно произнес молодой разведчик.

— Они любят собирать огромные армии, управлять только ими не умеют! Не бойся и этих разобьем. Нет, не было и не будет такой армии, что сможет победить эльфов. Так есть, и так будет — успокоил молодого его старший соратник.

— Однако армия, что-то медленно подходит! — недовольно пробубнил третий.

— Так быстро и не получится, считай через всю страну идут — успокоил старший. — Придут, не стоит паниковать раньше времени. Я не первый раз в компании участвую, и не в таких битвах выигрывали. Это же всего лишь люди. Жалкие смертные, единственной заботой, которых всегда была власть, деньги и удовольствия. Я часто задаюсь вопросом зачем, ведь они все равно не смогут в полной мере насладиться всем перечисленным — философствовал старший.

— Так и я, не в первой войне участвую — откликнулся третий. — Вот только заметь, люди сумели Темного короля победить. Это я к тому, что они учатся, хоть и медленно, но учатся. Живут мало, но у них хорошо поставлена система передачи опыта, из поколения в поколение растут их знания и умения. Вот, что, пожалуй, надо поставить под контроль, так это право передачи опыта и знаний, тогда они всегда будут оставаться там, где и должны — поделился третий своим мнением.

— А мы отняли у них больше половины Ришама, заметь почти без потерь — упирался старший.

— Вот только не надо, а то ты не знаешь, что, если бы не чума, то не гулять нам тут как у себя дома — возразил третий.

— Что-то мне не нравится твои речи. Ты вообще на чьей стороне? — зло скривившись прошипел старший.

— Я эльф, и люблю Эманторан не меньше твоего. Потому и считаю преступным недооценивать силу врага...

— Ты ими восхищаешься — оборвал соратника старший.

— Тьфу ты — выругался про себя третий.

— И все-таки много их, очень много! — с недоверием отозвался молодой.

Опытные покачали головами, но не стали более убеждать молодого. Разведчику предстояло самому убедиться в непобедимости эльфийского воинства.

Войска выстроились едва пришло известие о появлении эльфийской армии. Не давая противнику передышки, Маттейос двинул фалангу на врага. Стрелы полетели в копейщиков,

но мифриловые доспехи и щиты надежно защищали копейщиков. В ответ из-за строя фаланги, посыпались стрелы и копья ришамких воинов. Упали первые убитые.

Вдоль рядов промчался всадник на тонконогой лошади, белой масти. Роскошный серебристый доспех с плащом, на котором красовался герб дома Колмаэль, родного дома Дарелиана, красноречиво говорили о происхождении рыцаря. Бой только начался, а у эльфов уже сотни раненных, над головой командующего засвистели ответные залпы эльфийских стрелков. В фаланге упали первые раненные и убитые. Принц Амаэль, удовлетворенно улыбнулся, и скрылся за спинами тяжелой пехоты. Личная гвардия принца следовала по пятам за патроном, закрывая командующего своими телами.

— Мы потеряли стратегическую инициативу! Надо отступить в лес! Срочно! — жестко произнес Амаэль.

Протяжно пропел рог, мелодия приказывала армии отступить. Командиры отрядов перестроили войска, и пехота организованно отступила под прикрытие густой растительности джунглей.

Мимо отступающих пронеслась тяжелая кавалерия. Аманасар не слушая приказ принца повел конницу в обход фаланги, стремясь ударить во фланг построения. Не доходя двести метров до алкмейцев, эльфы увязли, напорвшись на тяжелую пехоту из гуппарана, известного великими воинами меча.

— Что делает этот идиот?! — возопил принц. — Он же погубит рыцарей!

— Ваше Высочество, это дом Кулум — вполголоса предупредил дальнейшее истечение брани, друг принца Тигиан.

— Как надоели эти счеты? — уже спокойнее проговорил Амаэль, вынимая меч.

Принцу ничего не оставалось как повести вторую линию конницы на противоположный фланг алкмейцев, выслав навстречу стене копий эльфийскую пехоту. Фаланга встала каменной стеной, даже великие герои эльфов ничего не могли противопоставить единой мощи тысяч копий.

Амаэль также застрял в вязкой массе тяжелой пехоты Крефей. Фаламины оказались на удивление стойкими, Дурим Танарский не давал рассыпать ряды его пехоты. Отчаянно бросаясь на всадников и подрубая ноги великолепным эльфийским коням, мечники выравнивали шансы на победу.

Эльфов спасал большой военный опыт каждого воина в отдельности, выстоять против опытного эльфа мало кто мог. Ударила тяжелая конница Крефейцев, впервые эльфы столкнулись в прямом бою с вызывавшим ранее смех, мечом махайрой. Шутки о том, что это не более чем нож пригодный для рубки виноградной лозы, или тростника, опровергли отрубленные ноги лошадей и их хозяев. Поблескивая золоченными шлемами, мимо прошли колонны гейтар, всадники двигались в обход застрявшим у фаланги пешим эльфам.

Амаэль попытался перехватить их, но напор крефейских мечников только возрос. Опыт эльфийской конницы, позволил Амаэлю наконец вырваться из вязкого капкана. Прекрасный доспех эльфийских мастеров, спас не мало жизней во время прорыва. Тонконогие лошади Эманторана легко уносили эльфийских рыцарей от пехоты островитян.

Амаэль опоздал, гейтары уже заходили в тыл его пехоты. Из леса, на тяжелую кавалерию людей, посыпались стрелы. Легкие всадники Ришама ворвались в джунгли, лучники эльфов рассеялись.

Мощный удар в тыл эльфийской пехоты, опрокинул ее, следом пришла конница Амаэля, а еще немного погодя вернулись лучники Эманторана, разобравшиеся в лесу с легкой

кавалерией империи.

Каэлькор вернул порядок в ряды лучников. Амаэль неистово рубил гейтар, люди не уступали. Эльфийская пехота отошла назад, перестроилась и вновь ударила на фалангу.

Мечники Гуппарана не сдержали натиск тяжелой кавалерии эльфов, и разбежались. Но южане выполнили свою роль, мечники удержали рыцарей Кулума до подхода алкмейской фаланги. Взбешенный Аманасар яростно атаковал копейщиков в мифриловых доспехах. Маттейос, со своей сотней, стоял в фаланге против главного направления удара конницы Кулума. Впервые эльфы потеряли так много славных воинов, лишь несколько десятков, из восьмисот сорока отступили к родным позициям, под защиту лучников.

Стрелы эльфов делали свое дело, вырывая все больше воинов фаланги. Острые жала оперенных снарядов впивались в т образный вырез шлемов, незащищенные места рук и ног. Меткость эльфов всегда считалась эталоном, и теперь она работала на победу Эманторана. От лучников Протен остались жалкие крохи, те, что выжили бежали в лагерь.

Гейтары опрокинув пехоту эльфов, не смогли вырваться из двойного окружения, почти все они пали. Израненные и без лошадей тяжелые всадники Крефей продолжали драться, но подошедшая пехота Эманторана подавила последние очаги сопротивления. Перестроившаяся пехота эльфов вновь пошла на фалангу островитян, но серебряный звук рога остановил ее в двадцати шагах от людей.

Упорство островитян, и эффективность их тактики, смутили эльфов. К закату, войско Эманторана откатило под защиту лучников Каэлькора, надежно укрытых джунглями.

Войска Протен в боевом порядке отошли к лагерю, по пути забирая раненных. Уже на месте выяснилось, что потеряли всю конницу, и Крефейскую тяжелую пехоту, все луки, а под занавес, что пропал император Маттейос. Никто не мог сказать, как так случилось, что императора забыли. Все встало на свои места, когда обнаружили, что мечники Южного Гуппарана вместе с махараджами исчезли в полном составе.

Эльфы потеряли слишком много воинов, еще больше раненных мучилось в лазаретах. Двадцать героев получили ранения и более не могли участвовать в войне.

Амаэль широким шагом мерил деревянный настил шатра. Еще одно такое сражение и армия Эманторана исчезнет, а его лишат права наследовать трон за отцом. Переход раджей, значительно снижал шансы на победу Протен, и если бы не сумасшедший император, то мечники Гуппарана опрокинули бы фланг алкмейцев. Особенно принца злило, то, что Маттейос, судя по всему, остался жив. Пол дня боя, а этот заносчивый человечиска жив, да еще и отвел войска в полном боевом порядке.

Отряд ветеранов пригнувшись, перебежал от одного укрытия к другому. Алкмейцы пробирались по полю, заваленному телами раненных и мертвых. Воины прятались от эльфов, собиравших неподалеку своих раненных. Время от времени слышались приглушенные стоны, это остроухие добивали тех бедолаг, которым не повезло попасть в заботливые руки соратников.

— Тут мы стояли. Тут. А потом двинулись вперед — шепотом сообщил Ермаль Лода, седой воин. — Мenea тогда оттеснили мечники Ашоки, они налетели на нас, мы и не ожидали. Фиг бы остроухие сбежали, если бы не предатели гуппы — оправдывался он.

Мертвые тела в этом месте особенно густо устилали поле. Стараясь не шуметь, алкмейцы переворачивали останки и всматривались в лица погибших. Несколько воинов гуппарана оказались живы, их тут же зарезали, ударами широких кинжалов в шею.

Мальтиор Даорес застыл, над одним из тел. Неподвижная поза разведчика сказала больше, чем слова. Император лежал перед ними, с рассеченным горлом, и изрубленными в лохмотья руками. Сбоку послышалась возня, отряд эльфов столкнулся с алкмейцами. Завязалась почти бесшумная драка. Стороны не издавали звуков, опасаясь привлечь основные силы противника.

Дайэл Кэйпа, возглавлял отряд эльфов, посланный на место, где сражался Маттейос, чтобы убедиться, что император жив. Разведчики случайно налетели на врага. Воины алкмей ловко бросали эльфов на землю, остроухие с изумлением наблюдали за приемами, что люди применяли к ним. Ножи били мимо островитян, ловко уходя в сторону люди наносили удары в глаза, горло, пах или по коленным чашечкам, одновременно хватая руки и выводя конечности на излом, чтобы секундой позже сломать их с громким хрустом. В несколько минут эльфы оказались повержены, свернутые шеи, чавкающие удары ножей. Дайэл, тупо уставился на сломанную руку, не в силах, что-либо произнести. Хотелось кричать, но не хватало дыхания. Его поволокли в сторону лагеря противника. Рядом двое здоровенных воинов тащили тело с ужасно изуродованными руками.

— Маттейос! — мелькнула догадка в голове эльфа, но волна удушающей боли отключила сознание.

Утром эльфы, держа боевой порядок, выступили из леса, но вопреки ожиданиям противник не вышел им на встречу. Неспешно наступая, эльфы добрались до лагеря Протен, но и тут не обнаружили людей. Амаэль приказал наступать, не отвлекаясь на разграбление лагеря. Вскоре показался берег, абсолютно пустой, он навевал ощущение мира и покоя. Корабли противника исчезли. Чистая лазурь океана мерно набегала на песчаный берег, слизывая последние следы пребывания людей.

Война закончилась, не пришлось даже применять машины, которые ожидали со дня на день. В качестве трофея Амаэлю достался лагерь врага.

Спустя месяц армада эльфийского флота причалила к берегам Ришама, и не встречая сопротивления высадила войско, покончившее с Протенами. Слабое сопротивление местных подавили в несколько недель. Алкмейцы ушли на Крефеи, окончательно потеряв свою часть Ришама, а местные князья и сатрапы один за другим перешли под покровительство эльфов. Эманторан не простил гибель своих соплеменников, и взял дань рабами, каждый десятый отправился на работу в эльфийские хозяйства, без права освобождения. Суровое наказание Ришама, вызвало возмущения и народные восстания, подавленные силами Гуппарана. Судали Гипай возглавил королевство, создав новую династию из Гуппов, что в очередной раз вызвало междоусобные войны уже среди махараджей Гуппарана.

Несмотря на победу, эльфы потерпели существенное поражение от людей, в принципиальном сражении. Многочисленные наемники искали Латрея, наследника империи, но молодого императора тщательно спрятали. Много искателей удачи сгинуло в засушливых землях Крефей, так и не сумев добраться до наследника. Смертоносный Эйлайн зорко следил за здоровьем и умом будущего правителя великой империи.

Випул в гневе ударил кулаком по подлокотнику кристального трона, пес немного испуганно вывернул печальный газ на хозяина, юноша слуга стоически молчал. Совет начался полноценным разносом, уже четверть часа Отец объяснял пробужденным, кто они есть и где их место. Андланды терпеливо слушали правду о себе, кто-то испуганно, кто-то, уязвленно поджав губы и потупив глаза, некоторые едва сдерживая ярость, а иные с

нескрываемой насмешкой. Крылатый Гурда гневно сверкал глазами, а его острый клюв то и дело задирался кверху, выдавая пренебрежение к говорившему.

— Ведь попросил простейшую вещь, ну простейшую же, ладно Дальчи тетеха. Знал, что не справиться! Ну, а ты мой Великий Гурда, повелитель солнца — с сарказмом произнес Випул. — Как ты мог провалить элементарное задание? Ну сколько мне... — Отец заметил взгляд орла. — Как я устал от вашей тупости — произнес он с таким трагизмом в голосе, что не могло остаться и сомнения, что перед ним сборище самых никчемных идиотов всех миров.

— Я не мог вмешаться. Там опять менантры. Ты запретил им показываться. Хотя много проще было бы разобраться с ними раз и навсегда.

— Мнантры, откуда? Кто именно? — удивился Випул.

— Лекарь и Убийца, Даад...

— Ох, как же они мне надоели! Хурукам, тебе задача, разберись с Лекарем, надеюсь это тебе по силам? — человек-лев сложил три пары рук ладонями вместе и поклонился, едва скрывая ненависть к Отцу.

— Да Отец, я сделаю это.

— Только не в лоб, еще не хватало чтобы он стал легендой, а мы проявились там, где этого не следует делать. Чужими руками, ты меня понял! — уточнил Випул тяжело глядя на Хурукама, лев встряхнул гривой и издал утробный рык.

— Понял! — выдавил он из себя, его руки заметно дрожали.

— А назойливого Убийцу, я предлагаю известить тебе, мой печальный друг. Никто лучше тебя не знает его, да и ума у тебя по более, чем у остальных. С этим можешь не церемониться, как получится, так и покончи с ним, ты единственный кто меня никогда не разочаровывает. Я полагаюсь в этом вопросе на тебя мой мудрый Бустия.

Длинный Бустия, посмотрел усталым взором на Отца, и качнул головой в знак согласия.

— И еще. Прошу тебя, не играй в гляделки с этим выродком, он невероятно силен. Он убил Тарма.

— Тарма?! — поразились боги.

— Он же человек? — выдохнул Рован, хватаясь могучей рукой за привешенный к поясу топор.

— Человек. Похоже не наврала сумасшедшая Шанда. А знаешь, что, Рован. Приведи-ка мне ее сестер, надо поподробнее разузнать о видениях Слепой — задумчиво проговорил Випул.

— Отец не стоит нарушать, границу — осторожно вмешался Тлакиль, янтарные глаза змея внимательно смотрели на Випула.

— Что, испугался, змей? Тебе только соблазнами и ведать, да подлости исподтишка делать. Не для великих дел, ты пробужден.

— Отец я так считаю, что давно пора нам покончить с древними. Сколько можно смотреть на их пакости. Змею они, конечно, по нраву. Такие же низкие трусы, как и он, а по мне раз и навсегда надо решить этот вопрос! — рявкнул Рован.

— Вот и реши, приведи мне Луну и Румильду, а тогда уж и за остальных примемся — язвительно улыбаясь поддержал Рована Отец.

Затем повернулся к рыжей, и знаком позвал ее к себе. Ламина безропотно повиновалась, и присела подле его ног, рядом с псом, тот недобро посмотрел на соперницу, и с тоской отвел взгляд в сторону.

— Тебе Ламина нужно завершить начатое Дальчи. Инан должен умереть, иначе умрешь ты моя прелесть — Випул сладострастно взглянул на выдающиеся формы рыжей красавицы. — Жаль будет с тобой расстаться, для меня это будет ударом. Не подведи меня Ламина — строго закончил Отец, поглаживая рыжие кудри красавицы, склонившейся к протянутой руке Отца. Ламина заглянула в холодное лицо Випула, и зажмурила миндалевидные, с сильным зеленым оттенком глаза, как кошка, что радуется ласке хозяина.

— Гурда верни мне потерянный знак, помоги Бустии. Если понадобится тоже можешь не скрываться, главное добудьте мне ключ, и я вас награжу, как подобает любящему отцу.

Гурда поклонился, бросив косой взгляд в сторону Бустии. На лице печального мудреца играла пренебрежительная улыбка, выражающая предельную скуку от всего происходящего.

Тяжело поднявшись Випул дал сильного пинка юноше, и крикнул.

— А ты чего стоишь? Беги приготовь мне куари, сегодня будет не простой день — закончил Отец старческим ворчанием.

Юноша исчез, а следом разошлись члены совета, Випул остался один. Отец задумчиво смотрел на воду, бегущую меж разноцветных трав. Над головой бога шуршала стебли, настолько высокие, что казалось они касаются неба своими метелками. Травы играли разными цветами, раскрашивая воду ручья, и вызывая причудливые узоры и видения. Старик покачал головой и стряхнув тяжелые мысли исчез, оставив пустую поляну, чудному зверью Андланда.

Лошадь медленно брела по пустой дороге, которая на глазах раскисала от мелкого, густого дождя. Амадо повернул за край березовой рощи, и заметил небольшую кавалькаду рыцарей, которые неторопливо следовали в направлении столицы Амората. Пришпорив коня, он догнал процессию. Из далека заметив верхового, рыцари выстроились полукругом, закрывая повозку, по виду принадлежавшую кому-то из родственников короля.

— Стой!!! Кто такой!!!? — прокричал рыцарь в малиновом плаще, обнажая меч, спутники последовали его примеру.

Вытянув руки вперед, Родриго миролюбиво произнес.

— Ну что вы, господа! Я вовсе не разбойник, я одинокий странник, что нуждается в сильных спутниках, способных дать ему защиту — конь под Амадо приветливо заржал, точно подтвердил слова наездника. В целях маскировки ему пришлось пересест на живую лошадь.

— Вам защита?! Не смешите, скорее вы можете нас защитить!!! Кто не знает Родриго Амадо?! — крикнул полный мужчина, лет тридцати, с вьющимися каштановыми волосами, постриженными в каре. Напомаженные локоны смотрелись неестественно среди окружающей сырости и грязи.

— Вы меня не узнаете? Ну да, столько лет. Когда я вас видел в последний раз мне было восемь! Я герцог Рогелен, Нуар Рогелен, племянник старого Гумберта. Вы тогда еще были молодой, да, впрочем, как и сейчас. Поразительно вы не постарели ни на год — искренне удивился Рогелен.

Любезно пригласив Родриго в свою повозку, Нуар принялся расспрашивать о новостях.

— Вы случаем не из Даноста путь держите?

— Совершенно верно господин Рогелен — ответил Амадо.

— Ну что вы, просто Нуар. Это мне впору вас именовать и величать. Редко удается пообщаться с человека такой судьбы, у кого вы только не служили. Сколько войн прошли, а о

ваших приключениях легенды слагают.

— Да много всего было — скромно подтвердил Родриго.

— А что там за шум по поводу «Плача Тарма»? Миф или правда?

— Смотри, что принять за истину, «Плач» правда, смерть вымысел.

— Так я и думал. Тарм это же старинная легенда, о ней мало кто знал до этих звуков.

Однако крики и впрямь громкие были. Прямо мороз по коже.

— Ну а вы куда едете? — поинтересовался Амадо, пытаясь обуздать поток вопросов герцога.

— О, не поверите, мне поручили доставить вот это — герцог заговорщически снизил голос, и достал из короба под ногами, большой ларец. Крышка со скрипом отворилась, внутри показалась отрубленная голова мумии, высохшая, и почерневшая от давно поразившего ее разложения.

— Что это? — спросил Родриго, глядя с отвращением на мумифицированную голову.

— Это голова Темного короля — священным шепотом ответил Нуар.

— И куда вы ее везете?

— В Железную долину, там ее поместят под замок, навечно, чтобы никто, никогда не смог вернуть монстра к жизни — с восхищением ответил Рогелен.

— Лучше сожгите ее.

— Пробовали, не горит — ответил Нуар удрученно-испуганно.

— Тогда это не навсегда. Рано или поздно, найдется дурак, что попытается оживить его — Амадо ткнул пальцем в разложившуюся голову короля Караманта.

— Потому и везем в Феррочи. Где, так же безопасно как у железных королей? Вот именно, нигде. Так, что думаю, это самое верное решение. Вообще должен вам заметить, что господин Нофль, очень неглупый человек, и совсем не так кровожаден, как его рисуют злопыхатели.

— Нофль? Так это, его люди, там, снаружи? — обеспокоенно спросил Родриго.

— Да, именно так, но вы даже не думайте беспокоиться, они у меня ручные как домашние котята, что скажу то и сделают. Ветераны Скюло, что вы хотите. Эти рыцари знают, что такое порядок — заключил герцог, подняв толстый палец кверху.

Заверения герцога мало успокоили Родриго, опыт ему подсказывал, что он попал в ловушку, а глупый попугайчик не более чем манок, что отвлекает его от реального положения вещей. Ночь застала путников на дороге, пришлось разбить лагерь. Амадо согласился разделить шатер с герцогом.

Плотный ужин немного пьянил, вино грело изнутри, его сосед громко храпел, явно перебрав красного Умбрийского. Амадо присел возле большого сундука, не давая себе полноценно уснуть. Какое-то беспокойство не позволяло отдаться сонной неге. Сквозь сомкнутые веки, он видел, как полог шатра отошел в сторону, четверо тихо прошли внутрь, двое остались снаружи.

Факел заиграл на вороной стали, большой щит уперся в пол, прикрывая Родриго от укола полуторным мечом. Сталь зазвенела, высекая искры из металла доспехов и оружия. Двое пали сразу, не ожидая точных уколов меча, превратившегося в копьё. В палатку ввалились оставшиеся ветераны, через десять минут кровавой рубки, восемь человек лежали на полу шатра. Один навалился на уснувшего мертвым сном Нуара.

— И того девять человек, где-то еще один, — подумал Амадо, и услышал топот копыт. Лошадь уносила тяжелого седока по раскисшей от дождя дороге. Стальная лошадь бежала

намного быстрее, и она никогда не уставала, в чем вскоре убедился беглец. Рыцарь бился бесстрашно и очень умело. При равных условиях, Родриго скорее всего погиб бы, но его доспех и оружие, во всем превосходили оснащение ветерана. Меч воина сломался, и клинок Амадо, молниеносно скользнул в смотровую щель шлема противника. Отряхнув меч от крови, он вскочил в седло стального скакуна. Комья сырой земли ударили в еще стоявшее тело ветерана, окончательно склонив его к черному месиву дороги.

Позже, в столице, ходил анекдот про то, как герцог Рогелен вез голову Кейста в Долину. История регулярно пополнялась подробностями из первых уст. Нуар очень любил рассказывать о том, как он проснулся среди трупов, с головой Кейста под мышкой, и окровавленным мечом в руке.

Погода выровнялась, показались скалы Тенафарского хребта. До Сальяда рукой подать, а там и Долина совсем близко. Несколько дней пришлось идти без отдыха, бездорожьем и лесом, чтобы не привлекать внимания, очень уж необычно смотрелся стальной конь.

Пришло время остановиться на отдых, для этого Амадо приглядел незаметный проход среди скал, густо увитый девичьим виноградом, так, что с дороги его не сразу заметишь.

Раздвинув лозы, и проехав чуть вперед, всадник оказался в ином мире. Там, снаружи, холодно и суровый ветер рвет полы плаща, а здесь солнце и щебет певчих птиц. Алые маки и бардовые пионы, напоили ароматом воздух убежища. Стройная мальва вытянула упругие стебли к солнцу, а вьюнки с большими, синими цветами обняли все до чего смогли дотянуться. Впереди высился увитый цветами камень, а под ним разверзлась, черная как смоль яма.

Позади раздался хор женских голосов, из марева вышли девушки. Раскачивая стройными бедрами, они, едва касаясь земли, грациозно шествовали по направлению к камню. Головы их покрывали белые кружева, ниспадавшие по высокой груди вниз, до земли. Статная женщина, с роскошной копной рыжих волос, поразительной красоты, возглавляла процессию. Глубокий, проникновенно-нежный голос красавицы, вел мелодию. Многократно поддержанный звонкими голосами прекрасных дев, он выворачивал душу мужчины.

Не в силах отвести взгляд, Амадо застыл, вбирая в себя разрывающую душу, безысходную тоску. Процессия не спешно прошла мимо, показалось тело, зависнув над землей, оно плыло в направлении камня. Следом из марева показалась белокурая Дальчи. Поравнявшись с рыцарем, девушка подняла на него глаза полные слез, боль тяжелой потери навсегда поселились в юной душе андландки. Густые ресницы задрожали, слезы покатались по белоснежным щекам богини.

Приподнявшись в седле Родриго, заглянул в лицо покойника, тело которого уплыло чуть вперед. Девушки постепенно подходили к могиле, обступая ее полукругом. Лепестки цветов слетали с их гибких рук, устилая жуткую черноту могильной ямы, голову покойника украшал венок. В столь необычном облике Амадо не сразу узнал старого друга, случай привел его на похороны Риманта.

Осознание, что это его соплеменник, друг, один из последних, что помнил его родной мир, обожгло Родриго. Краски волшебной долины погасли, он спустился с лошади, и последовал за процессией.

Девушки тем временем развернули белоснежный саван, и выстлали им дно могилы. Римант подплыл к камню и опустился на подушку из лепестков, покрытую саванном. Дальчи склонилась над ямой, и опустилась на колени. Роняя слезы, девушка поцеловала холодные губы Риманта. Точеная фигура выпрямилась, тонкая рука бросила веточку с белоснежными цветами. Ландыш упал на грудь лекаря, а Дальчи растворилась в воздухе. Пение смолкло, саван с шумом обвил тело, спеленав Риманта плотным коконом. Огромный валун взлетел в воздух и опустился поверх могилы, запечатав захоронение. Опавшие вьюны поползли по камню, закрывая его холодную поверхность буйством красок. Птичий гомон ударил в уши, Амадо оглянулся, девушки исчезли. Сейчас ему казалось, что все, что он видел лишь наваждение. Взгляд уперся в единственное не заросшее место на камне, а губы произнесли: — «Здесь лежит Великий лекарь Римант из Менантра. Жил во имя любви.

погиб во имя ненависти».

— Наконец-то! Изволил приехать! — раздраженно бурчал Килл Тортвайн. — Ушел за помощью, и пропал! Я уж думал ты нас бросил, или того хуже, предал!

Разговор происходил в рабочем кабинете роскошного особняка, что ранее принадлежал одному из королей долины. Сейчас здание отдали под резиденцию короля в изгнании Инана Второго. Чтобы незаметно попасть внутрь приходилось проходить тайным путем из дворца десяти.

В просторной комнате собрались четверо заговорщиков, не считая Амадо, вездесущий интриган Килл Тортвайн, капризный герцог Йор Флендер, и сенешаль Амората Жак Орсини.

— Килл не говори глупостей. Видишь же, я вновь с вами. Даност помощь привел? — спросил Амадо раздраженно.

— Привел. Согласен, здесь не обманул — нехотя согласился Килл. — Но Инан, так и не провозглашен королем Амората — ворчал командир Ока.

— Всему свое время, сейчас нельзя начинать войну с Гвидо. Сначала надо разобраться с Нофлем. Великий инквизитор потерял чувство меры, и теперь претендует на безраздельную власть — проговорил Родриго, отмахиваясь от Килла, как от назойливой мухи.

— Так и есть, Гвидо вновь объявлен душевнобольным, похоже он никогда не покинет Окарн — поддержал Амадо, Жак Орсини, сенешаль рисковал больше остальных, тайно встречаясь с заговорщиками.

Предательство каралось смертью, но знание секретов короны, приближенного к монарху сенешаля, требовало его присутствия.

— Тогда может и нас посвятите в ваши планы? — с сомнением спросил Йор Флендер.

— Понимаю ваше сомнение, но сейчас, когда королевство расколосось на два лагеря нужно действовать осторожно — уклончиво ответил Амадо.

— Понятно, как я и думал плана нет — усмехнулся герцог. — Ну тогда мы более не нуждаемся в ваших услугах, армия сделает все необходимое!

— Не торопись Йор! Нофль не так слаб, как кажется, да и люди верят церкви. Не стоит наступать на то, что свято для простолюдинов, а то война за трон превратится в войну с подданными. У нас пока недостаточно сил, чтобы пренебрегать такой мелочью как поддержка простолюдинов — предостерег герцога, Килл Тортвайн.

— Килл, надеюсь ты понимаешь, что каждый день промедления, делает инквизитора сильнее? — раздраженно спросил Йор Флендер.

— Конечно, поэтому, в окружение Нофля внедрен мой человек, он сделает все, что нужно. В итоге мы сможем обвинить в отравлении Великого инквизитора, сторонников Гвидо. Нанесем двойной удар! — довольный произведенным впечатлением заключил главный королевский шпион.

— И кто же согласился на такую самоубийственную миссию? — деланно равнодушно спросил Флендер.

— Известный своим благочестием монах Иззра Скопец, но не думаю, что вам это имя, что-то скажет! Однако среди жречества, сей монах пользуется непререкаемым авторитетом.

— Как же благочестивый согласился взять на себя такую миссию? — удивился Амадо.

— Родриго ты плохо думаешь обо мне, и моей службе! У нас немало сторонников и сочувствующих среди самых влиятельных людей королевства. Есть они и среди жречества, Ирвин де Платен, например, тоже наш сторонник.

— Платен!? Архижрец, правая рука самого Скюло? Право, я удивлен! — воскликнул Жак Орсини.

— О не стоит! Это моя работа! Поэтому, дорогой мой Йор терпение, и еще раз терпение! Мы близки к победе, нужно, лишь дождаться пока все нити сойдутся в единой точке — польщенно проговорил Килл.

— Мне план нравится! Его и будем придерживаться — поддержал Тортвайна, Родриго.

— Особенно, то, что тебе ничего делать не придется! — ядовито улыбнулся Йор Флендер.

Пропустив мимо ушей колкости герцога, Амадо встал с кресла и раскланявшись с присутствующими покинул кабинет.

— Что будем делать с нашим другом? — спросил Йор указывая на дверь.

— Пока он нужен, а дальше надо добавить в список преступлений Гвидо и его безвременную кончину, например, от лиора — улыбнулся сенешаль.

— Да ладно вам, господа! Амадо может оказаться полезен и в будущем, не стоит раскидываться такими людьми — заступился за Родриго, Килл Тортвайн.

— Сколько ему лет? — задумчиво спросил Йор, герцог силился посчитать возраст коннетабля.

— Сложно сказать. Он необычный, внешне совершенно не стареет. Насколько мне известно он немного моложе моего отца — ответил Килл. — Хотя это не точно. Когда Инан его заметил, ему уже было около сорока, так, что где-то под девяносто.

— Вам не кажется странным, что человек за восемьдесят выглядит на сорок? — с сомнением спросил Йор. — Вот и работа для инквизиции, пусть проверят после смерти Нофля. Колдун для инквизитора, что может быть более иронично, а для достоверности сделаем его сторонником Гвидо Сумасшедшего. Скажем, в процессе дознания выяснится, что нечестивая рука Амадо отравила его священство.

Заговорщики переглянулись и весело рассмеялись.

Деревенские мужики в страхе разбежались кто в ближайший лес, кто в поля. Решительный напор Родриго, привел в трепет сельскую общину. Староста бледный, с растрепанной бородой, плакал стоя на коленях перед страшным рыцарем. Ни до, ни после ему не приходилось видеть такого жуткого человека. Амадо отпустил перепуганного старика, и прошел в избу, где в последний раз Риманта видели живым.

Хозяйка растерянно посмотрела на не званного гостя, пряча за широким задом детей. Пустые глаза уставились в пол, боясь выказать хоть малейший признак дерзости или неповиновения. Не обращая на нее внимание, Родриго прошелся по убогому жилищу, ища, хоть, что-нибудь интересное, но ничего не найдя, вышел вон из хаты, бросив на стол из грубо струганных досок золотой. Рассказ старосты повел его в сторону Труфы, небольшого городка к югу от деревни. Стальной конь остановился в том месте, где произошло убийство. Вытоптанная трава и срубленные двухгодовалые березки, точно обозначили место борьбы. Густое пятно жирной, черной земли, назойливо лезло в глаза. Амадо осмотрел его, и догадался, что здесь пролилась кровь лекаря. Глядя на пятно, рыцарь определил, что лисы уже поработали над следами преступления. Хитрюги выели всю кровь, и уничтожили большую часть картины произошедшего.

Рубили мечом из хорошей стали, срезы ровные, без зазубрин, профессиональное вооружение. Сделал заключение Родриго осматривая обрубленные, широким ударом,

березки. Следы лошадей почти затерялись, отпечатки сильно попортили купцы, что нашли тело. И все-таки в одном месте остался четкий рисунок подковы. Пройдя немного вперед, Амадо нашел и место, где скрывались убийцы, в ожидании жертвы. Сомнений не осталось, это не разбойники, это засада, организованная со знанием дела, опытными воинами. Шансов спастись Риманту не оставили. Амадо мучал вопрос, кто убил лекаря, и чья рука направила клинок убийцы.

Рыцарь опустился на поваленное дерево, задумчиво разглядывая место убийства. В голове никак не укладывалось, кому могла понадобиться жизнь безобидного доктора, который только тем и занимался, что боролся с заразой.

Погруженный в свои мысли он не сразу заметил девушку, что стояла напротив, глядя на него в упор. Она подошла к Родриго, села рядом, и молча уставилась на черное пятно на земле.

— Это сделали эльфы — нарушила молчание девушка, нервно поправив непослушный локон белокурых волос.

— Зачем им смерть лекаря?

— Не знаю. Возможно, он вылечил, кого-то, кто мешал Эманторану. Это месть — ответила она придушенным голосом.

— Возможно — отозвался Амадо. — Где они?

— Остановились в Нервике, завтра войдут в Железную долину.

— В Нервике? Не близко, но я их догоню — сказал Родриго, показывая на железную лошадь.

— Они могут тебя убить. Ты плохо защищен.

— У меня один из лучших доспехов, что когда-либо создавался...

— Он хорош, но недостаточно. Он тебя не защитит — упрямо повторила Дальчи. — Вот возьми! Это лучшее из того, что я нашла в доме Отца.

— А если он узнает!

— Бери! Я не боюсь! Мне надо, чтобы ты наказал убийц моего..., Риманта!!! — горячо заговорила Дальчи, протягивая пояс, очень похожий на те, что изготавливают на юге из тонких пластин слоновой кости. Решимость с какой она предлагала ему доспех Випула, заставила Амадо подчиниться.

— В этом тебе не страшен, даже Того!

— Кто?

— Зверь Отца — нахмурилась Дальчи. — А теперь спеши, ты узнаешь их по дереву на щитах, что раскинуло ветви под восходящим солнцем. Спеши, не трать время, они двигаются очень быстро и через два дня достигнут Эманторана — девушка растворилась как, будто ее и не было.

К вечеру лошадь прошла Нервик, а под утро пронеслась мимо небольшого бивуака. Поначалу Амадо даже не обратил внимание на мерцание тлеющих углей, в почти погасшем костре, и пролетел мимо, но затем, предчувствие заставило его вернуться. Эльфы уже собирались, и встретили всадника напряженным вниманием.

Подарок Дальчи плотно обхватил талию, и как Амадо не пытался его снять, не поддавался. Металл словно прирос к телу, стал одним целым с плотью рыцаря. Родриго уже пожалел, что надел пояс, его кольцо само реагировало на опасность, что иногда спасало его от угрозы раньше, чем он успевал ее заметить. Новая броня подчинялась его приказам, но и только. К тому же она, не зная своего хозяина, щит так же не входил в комплект. Холодное

чувство наползающего на плоть металла перехватило дыхание, сковывающий холод сменился ощущением небывалой ясности в голове, и легкости в движениях.

Все сомнения по поводу подарка Дальчи развеялись с первых же секунд боя, доспех не пробивали даже эльфийские клинки, теперь Амадо понял почему нет щита.

Не сбавляя хода, он влетел в группу воинов, раскидав эльфов в стороны. Хлесткий удар Неблы, развалили тело одного из них пополам, разрубив от плеча, до пояса.

Высокий, поджарый эльф ударил лошадь мечом по ногам. Клинок разлетелся на несколько частей, а воин откатился в сторону, сбитый грудью стального скакуна. Лошади эльфов в страхе разбежались, когда к ним приблизился железный конь Амадо.

Рыцарь повернул скакуна и подъехал к поджарому, меч разрубил голову воина, расколов шлем как скорлупу. Начавший было подниматься эльф, повалился ничком на землю. Лошадь рыцаря пошла вперед, топча бездыханное тело, сбоку выскочил еще один эльф, удар стальной ноги отбросил мечника в сторону. Амадо придержал скакуна, краем глаза он заметил жало копья, что летело прямо в его голову. Холодный рассудок, точно подсказал, как развернуть тело, чтобы уйти с траектории удара.

Склонившись на сторону, Родриго взялся за свой меч, и вытянув клинок в пику, поддел эльфа копейщика. Протащив немного насаженное тело, он стряхнул его с четырехгранного штыря.

Последний убийца поймал лошадь и вскочил в седло. Пришпорив скакуна, эльф бодро уходил перелеском от смертоносного врага. Что-то очень мощно ударило в руку, затем в грудь, отскочив от доспеха мелодично прозвенела стрела. Эльф, развернувшись в седле пускал стрелу за стрелой в преследователя, еще одну стрелу Амадо встретил предплечьем.

Лошадь эльфа скоро выдохлась и снизила темп, расстояние начало сокращаться, враг скрылся за выступом, образованным рощицей молодых топольков. Увлеченный погоней, Родриго не заметил, что топот лошади эльфа стих. Завернув следом за беглецом, скакун Амадо оступися и опрокинулся, выкинув седока вперед.

Сверху вырос убийца, с безобразно перекошенным лицом, остроухий нанес тяжелый удар полуторным мечом, целя в живот. Меч отскочил от доспеха, как от камня и завибрировал в руках убийцы, едва не выскочив вон. Поборов первое изумление эльф рубанул клинком, рассчитывая отрубить руку, выставленную Родриго для защиты, меч переломился, отбросив человека обратно на землю. Гнев захлестнул врага. Шестопер взметнулся для решающего удара в голову Амадо, но клинок, превращаясь в копьё, выстрелил с такой силой, что, пробив тело врага, отбросил эльфа на метр назад. Прекрасный доспех эльфийской работы не выдержал мощного удара древнего оружия Менантра.

— Кто ты? — выплевывая кровь, спросил эльф. Пробитое тело не слушалось его, удар перебил позвоночник.

— Друг лекаря — ответил Амадо немного помолчав. — Скажи, зачем?

— Я воин, я не выбираю... приказ... — глаза эльфа закатились, лицо обмякло, смерть подчеркнула красоту лица убийцы.

Обыск седельных сумок картины не прояснил, пришлось копаться в выпотрошенных останках врагов. В подкладке дорожного плаща, у павшего последним эльфа, нашлось письмо.

Рассвет окрасил горизонт красным, придавая пергаменту зловещий, кровавый оттенок. Бегло пробежав содержание послания, Амадо не мог поверить глазам. Письмо давало право беспрепятственного перемещения, всем участникам убийства. Эльфы принадлежали к дому

Кулам, помимо подробной инструкции и описания места нахождения жертвы и ее особых признаков, содержалось распоряжение замаскировать убийство под разбойное нападение. Внизу красовалась подпись архивария Ванелора. Все встало на свои места, теперь Амадо не сомневался, за убийством стоит сам король Дарелиан, иначе чем объяснить подпись второго лица Эманторана под смертным приговором Риманта.

Праздник простолюдинов, уход Летней Думилы, превратил обычно грязное и непривлекательное поселение людей, в украшенное цветами и осенним многоцветьем листа и трав место. Пламя весело взбегало по длинным бревнам к темнеющему небу, влага в стволах с треском разрывала кору и выбрасывала снопы искр высоко над головами селян. На гумне музыканты выжимали из инструментов все, что умели. На этот раз пригласили профессионалов, пришлось поить и кормить увеселителей, но оно того стоило.

Шустрыми стайками сновали дети, вокруг костра плясали молодые девки и парни. Раскрасневшиеся, они весело смеялись, и многозначительно переглядывались.

Старики заняли свои места за рядом длинных столов, на расставленных подле них лавках. Их главной задачей стало уничтожение запасов местного алкоголя. Где-то бранились бабы, вмешались мужики и развели скандалисток.

Бархат ночи поглотил бирюзу неба, когда она неприметно вошла под навес гумна. Бабы ревниво смотрели на незатейливый наряд незнакомки, тайно завидуя ладной фигуре гостьи.

Женщина прошла к музыкантам и бросив кошель с золотом, попросила исполнить песню. Поначалу они замялись, мотив оказался им не знаком, но она напела, и вскоре удивительная песня наполнила сарай, чтобы выплеснуться в ночное село, к костру и пляшущей молодежи.

Женщина переходила от одного стола к другому, ее голос будил радость и желание. Веселье продолжалось, как и прежде, но, что-то невидимое изменилось. Исчезла привычная сдержанность, напускная важность, люди отринули роли, что вынужденно исполняли в повседневной жизни.

Старики перестали осуждать молодых, молодые потеряли страх перед старшими, взаимное понимание и любовь наполнили праздник. Женщина шла меж селян, и люди менялись. Веселье наполняло их сердца, отодвинув тяжесть сельского бытия. Чистое, настоящее открылось в душах простолюдинов.

Нарушая все табу, и условности, в эту ночь любовь пробила себе дорогу там, где общество и традиции казалось задавили это чувство навсегда. Старые, молодые, замужние и свободные все любило, все радовалось свободе и откровенности, наслаждаясь даром природы.

Утро встретило селян в ненадлежащем виде. Церковники, многие сами подпавшие под странное влияние рыжей колдуньи, постарались замолчать случившееся, но сумасшествие любви охватило еще несколько сел и везде видели, прекрасную ведьму с огненными волосами.

Инквизиция поначалу не очень беспокоилась появлением колдуньи. Лишь, когда любовная болезнь распространилась на десятки сел, а священники забили тревогу, специальный отряд пошел по следу блудницы.

Села поочередно впадали в грех, поэтому отряд направился последовательно по тем местам, где произошли случаи безумия. Недалеко от столицы инквизиторам повезло, Константин Тон капитан ветеранов, что защищали экзорцистов и инквизиторов, заметил в

отдалении от центрального тракта рыжую женщину. Колдунья стояла на высоком холме осматривая окрестности. На удивление подъехавшие к ней рыцари, не вызвали страха у женщины, хотя каждый с детства знал символ инквизиции.

Без криков и сопротивления, рыжая позволила себя заковать в железо, и сама вошла в клетку, приготовленную для нее. Вопреки обычной практике, избивать ведьму дабы ослабить ее магию и отобрать силу к ворожбе, никто не решился хотя бы толкнуть или нагрубить пленнице. Чувство какой-то робости и почтения охватывало мужчин при приближении к таинственной красавице.

Экзорцисты изучили колдунью и пришли к заключению, что колдовство есть, но природа его не ясна. Клетку накрыли пологом, оставив решение вопроса о судьбе колдуньи до специальной комиссии, что применит, все имеющиеся в ее распоряжении силы и знания, и без сомнения выведет сокрытое наружу.

Необычная процессия въехала в столицу рано утром, пока еще на улицах не собралась толпа. По городу прошел слух, что везут удивительную ведьму. И каждый жаждал на нее взглянуть, а заодно и швырнуть гнилым помидором, а уж если совсем повезет так еще и попасть ей в нечестивую зурну. Телега прогрохотала по мостовым, и въехала в замок инквизиции, навсегда сокрыв взбудоражившую общественность тайну за кованными воротами заведения, приводившего любого жителя Амората в священный трепет.

Угли то вспыхивали, то угасали в неглубокой чаше медной жаровни. Прут уже покраснел на конце, Хулио Свинопас раскладывал инструмент на верстаке.

Коллегия инквизиторов и архижрецов расселась за длинным столом, установленным на возвышении. Сбоку, за небольшой кафедрой, расположился писарь. Перед ним лежала толстая книга, в которой тщательно фиксировалось все сказанное в процессе дознания. В глубокой задумчивости писарь приводил в порядок перья, раскладывая их по правую руку.

Багровая ткань драпировавшая и стол коллегии, и кафедру писаря, наводила на неприятные ассоциации с кровью несчастных жертв, подвергшихся в великом множестве дознанию в этой тесной комнатке.

Вдоль стен, на высоких скамьях сидели экзорцисты. Суровые мужчины в черных одеждах. Их лица закрывали островерхие колпаки, с прорезями для глаз, а на груди красовался наполовину закрытый серебряный глаз.

Отворилась дверь, в темное помещение ввели осужденную, из одежды на ней осталась только льняная рубашка. Скованные руки и ноги, соединенные цепями, сильно кровоточили в местах соприкосновения с металлом. В зарешеченные окна второго этажа падал мягкий свет, создавая в пыточной на удивление уютную атмосферу полуденного покоя.

Как только ведьма вошла в круг света, присутствующие ахнули. Поразительная красота женщины, привела в трепет бывалых садистов, многие из которых превратились за годы службы в законченных маньяков.

Капли лазурной крови падая на грубый, дощатый пол источали нежный аромат, так сильно не подходивший обстановке каземата. Присутствующие как будто не замечали ни странного цвета крови, ни одуряющего благоухания, постепенно заполнившего помещение.

Хулио как под гипнозом подошел к колдунье, и сняв оковы отступил к столу с инструментами для пыток. Экзорцисты, точно очнулись ото сна. Несколько человек подскочили к рыжей, и один из них нанес сильный удар в лицо колдуньи, а следом в живот. Женщина упала на колени, из рассеченной губы потекла струйка голубой крови. Сверху навалились остальные экзорцисты и заломили ведьме руки за спину, стянув тугим узлом

маленькие кисти красавицы, позади.

— Подвесьте ее! Хулио прижги рану на лице, надо лишить ведьму красоты! — прозвучал холодный голос инквизитора Одельдо Руна.

Раскаленный прут впился в нежную плоть рыжей, вызывая агонию боли и душераздирающий крик. Маска удовлетворения наползла на лица членов коллегии, теперь все встало на свои места, все идет, как и должно.

Запах сжигаемых благовоний наполнил помещение. Хулио отдернул руку, и выронил прут, глаза палача наполнили слезы. Изуродованное лицо колдуньи быстро восстанавливалось, женщина попыталась, что-то сказать, но ее рот закрыл удар тяжелой дубинки экзорциста.

Крюк зацепил петлю на кистях, цепь с грохотом потянула соблазнительное тело колдуньи вверх, выворачивая руки в плечах, пока ноги не повисли над полом. Несколько секунд женщина боролась с сопротивлением силы тяжести, но слабые плечи с хрустом провернулись в суставах. Пальцы ног коснулись пола, крик боли вырвался из горла жертвы. Цепь подтянулась вверх, и ноги снова оказались на весу. Заботливые руки Хулио обхватили тонкие лодыжки грубой веревкой с петлей на конце, которую зацепили за крюк с привязанным грузом. Вновь руки вывернулись, причиняя невыносимую боль испытываемой. Цепь поползла наверх, а груз потянул вниз, пока окончательно с сухим хрустом не вывернул плечи несчастной. От боли колдунья потеряла сознание.

Ведро холодной воды привело женщину в чувства, безвольно повиснув на сломанных руках, она простонала.

— Мне очень больно, не надо, остановитесь... — голос замер, чтобы через секунду сорваться на крик, жуткий, беспомощный и полный отчаяния.

Оторопь сковала мужчин, страх и сожаление доходящие до отчаяния, привели в смятение присутствующих.

— Понимаю — ответил, приходя в себя Одельдо Руна. — Мне жаль тебя дитя мое, но ты обвиняешься в сговоре с нечистым. Ты предалась его черным силам?

— Отвечай!!! — остервенело вскричал архижрец, со старым сморщенным как сушенное яблоко лицом.

— Признай вину, и мы прекратим, истязать твоё тело — почти ласково проговорил сидевший рядом толстяк, судя по мантии тоже из жречества.

— Я не колдунья! Я дарю людям любовь! — ответила рыжая.

— Не лги святой коллегии! Признай свое заблуждение, и мы освободим твою плоть от мук телесных, а душу от мук вечных — строго проговорил Одельдо.

Неожиданно лицо архижреца изменилось, глаза лихорадочно заблестели, на щеках заиграл румянец. Мужчина тяжело задышал, и вытянув руку в сторону ведьмы промычал, запечатайте ей рот.

Стоявший позади экзорцист, прижал нижнюю челюсть женщины к верхней, а экзорцист, что бил рыжую, наметил длинный гвоздь в подбородок, и методично ударяя мотком прибил нижнюю челюсть к верхней. Следом еще шесть гвоздей прошили лицо колдуньи. Сверху легла широкая полоса раскаленного металла, концы, которой сковали на затылке жертвы, сжигая прекрасные, рыжие локоны, и навсегда запечатывая рот женщины. На шее повисла полоса алого шелка, с необычным орнаментом.

Колдунья потеряла сознание, послышался густой бубнеж, экзорцисты выстроившись вокруг ведьмы, читали гимн изгнания Тулвара.

Прошло не менее получаса прежде, чем они отступили от ведьмы, наступила тишина. Результат явно их не удовлетворил, один из колпаков повернулся к коллегии, и вопросительно посмотрел.

— Ну думаю, тут и так все ясно. Ведьма! Допрос совершенно лишнее, да и как показала практика небезопасно, уж слишком сильна мерзавка! — проговорил Одельдо Руна, нечленораздельным мычанием его поддержали остальные члены коллегии.

— Да вы на кровь посмотрите, она же лазури подобна, и эта вонь, прямо как в темных храмах Гуппарана — подтвердил архижрец с высушенным лицом.

Все шло заведенным порядком, но почему-то происходящее угнетало участников дознания. Куда-то исчез тот обычный кураж, что возникал в ходе допроса, особенно после первой крови, или увечья, когда уже совсем не жалко порушенной красоты.

Мощная спина Хулио закрыла ведьму. Палач готовил рыжую к приговору, пытаясь привести в чувства.

Писарь скрепя пером, оформлял стандартный в таких случаях вердикт, когда почувствовал едва заметные изменения, произошедшие вокруг. Он на секунду поднял глаза, и точно застыл, глядя на то, как, Хулио снял колдунью с крюка, и освободил ее руки и ноги от пут. Внешне писарь не проявил никакого беспокойства, потому что внутри знал, что все правильно, все делается так, как и должно.

С мужчинами творилось что-то странное. Экзорцисты попадали на колени перед рыжей ведьмой, и хватая ее подол, молили о прощении, бросая в воздух клятвы любви. Хулио, сурово сверкая глазами, размахнулся и резко швырнул раскаленный прут в Одельдо. Металл с шипением вошел в плоть инквизитора, намертво пригвоздив тело к высокой, резной спинке стула. Коллегия кинулась к двери, где их настигли экзорцисты. Минуту спустя, избитые до неузнаваемости члены коллегии, агонизируя дергали конечностями, завалив выход своими телами. Расплющенные лица и расколотые черепа, не оставляли им шанса остаться среди живых.

Хулио извлек последний гвоздь из челюстей колдуни, приходя в религиозный экстаз от вида заживающих ран. Рыжая шагнула к мужчинам и экзорцисты тут же окружили ее плотным кольцом.

Дверь с трудом отворилась в комнату ввалились ветераны Скюло. Первый шок от увиденного сменился священным трепетом перед рыжей. Упав на колено, рыцари в исступлении стучали кулаками по кирасам, принося клятвы верности и вечной любви. Несколько человек упали замертво с блаженными улыбками на лицах, сердца старых воинов не выдерживали, наплыв все поглощающей любви.

Скучный прием очередных послов от лжекороля, порядком утомил Верховного инквизитора. Только закрылась дверь за назойливыми аристократами, предавшими свое королевство, как вновь тяжелые золоченные створы распахнулись.

В зал вошла большая процессия, затянувшая стражу, стоявшую снаружи. Без объявления и просьбы о приеме, они заполнили зал. Стража выстроилась в линию и выставила копыя навстречу визитерам, но ожидание долго не продлилось.

— Нильс, зачем ты привел сюда всех этих людей? — удивленно спросил Нофль, экзорциста возглавлявшего посетителей.

Вместо ответа, Нильс Хозельфельд, разбежался и кинулся на выставленные копыя, положив начало бойни. Пришедшие навалились на стражу, завязался бой.

Вопреки ожиданиям Нофля, стража вовсе не защищала своего господина. Очень скоро

Великий инквизитор заметил, что мужчины дерутся друг с другом без всякой связи с их долгом.

Воины сцепились в смертельной схватке, прямо под ноги Нофля упал ветеран, удивленный инквизитор так и не нашел ран на теле павшего. Неожиданно, воины прекратили бой и почтительно расступились, в образовавшийся проход вышла красивая женщина с непослушными, рыжими волосами.

Нофль хотел убежать, но ноги не слушались. Рыжая подошла так близко, что инквизитор почувствовал ее дыхание. Обхватив его голову руками, ведьма поцеловала Нофля в губы, долго, упруго прижимаясь к тонким губам инквизитора. Внутри Нофля вспыхнул пожар, огонь, постепенно поднимаясь снизу добрался до сердца, охватил трепещущую мышцу. Резкая боль скрутила тело инквизитора, он попытался вырваться, но как-то вяло, ему совсем не хотелось останавливаться. Все его существо жаждало продолжения, лишь на самом дне угасающего сознания еще билась мысль, предостерегая о неминуемой гибели. Тело Великого инквизитора упало на пол, в тот же миг исчезла рыжая колдунья, оставив в народной памяти легенду о побоище в замке Окарн

Известие о смерти Великого инквизитора застало Амадо в пути. В момент, когда его лошадь подходила к главным воротам столицы Амората, королем уже провозгласили Инана Второго. Ушлые царедворцы подсустились, и используя заключение «умалишенного» Гвидо, наскоро присягнули самозванцу. Дело оставалось за малым, убедить жречество поддержать кандидатуру нового монарха, и провести официальную церемонию коронации.

Дорогу до дворца монарха запрудили радостные горожане, каждый желал увидеть нового короля, жречество многозначительно молчало. На парадной лестнице Родриго встретил камергер, такой прием мог означать только то, что его ждали. Чопорный старик проводил рыцаря во дворец.

Зал приемов такой же переполненный, как и улицы города, едва вмещал всех представителей аристократических родов, пожелавших присягнуть потомку старой династии. Многие знали Амадо, но при встрече с ним сторонились или делали вид что не заметили, поэтому путь до королевских покоев занял совсем немного времени.

Суровые гвардейцы, пропустили камергера в покои, и преградили дорогу посетителю. Несколько минут спустя дверь открылась, и камергер махнул рукой приглашая Родриго пройти внутрь. Уже переступив порог, он заметил, как из боковой двери вышли люди Килла Тортвайна, они направились к гвардейцам, и поравнявшись, что-то им тихо сказали. Что Амадо не слышал, он уже прошел в комнату, и тяжелая занавесь, упавшая за спиной, отсекала помещение от зала, заглушив звуки снаружи. За столом сидел сам Инан Второй, подле открытого окна, в кресле развалился Иор Флендер. Напряженный сенешаль оседлал край стола, и о чем-то тихо разговаривал с Инаном. У дальней стены около ажурного, колченого столика, развалившись в роскошном кресле расположился глава Ока короля.

На Родриго никто не обратил внимание, лишь Килл показал на стул у стены, и снова погрузился в разговор сенешаля и короля.

— Пора, пора, промедление наша гибель! — убеждал сенешаль, Инана.

— Да, что ты такое говоришь, Жак, так мы сразу оттолкнем всех потенциальных сторонников, и уж тем более наших святош — с жаром возразил Тортвайн младший.

— И что? Ждать, пока его сторонники, поднимут мятеж? Не стоит давать даже шанс. Нам и так повезло! — недовольно возразил Иор Флендер, он намеренно избегал смотреть в сторону Амадо.

— Ох как, же я устал объяснять! — вскричал Килл. — У нас уже есть поддержка церкви, осталась инквизиция. Иззра Скопец сделал свое дело, у нас в кармане слово Ульфри Праведника, а не сегодня, завтра купим и Чиоллино. Учитывая разгром в Окарне, вряд ли у них есть силы противостоять усилению власти монарха, поэтому наши уступки им и так покажутся дорогим подарком. К тому же нас поддержит жречество Суверенной церкви!

— Это те, что за отделение власти духовной от светской власти короля? — брезгливо морщась уточнил Иор.

— Да, они! И это лучшее, что мы можем взять у церкви. Это вам не Нестяжатели, с их бреднями о бедной церкви, и всеобщем братве, и равенстве, или поборники идей Скюло, где король придаток Верховного жреца. Нам протянули руку самые мудрые представители церкви, так не стоит бить их по этой руке. Они готовы нам предоставить гарантии освящения власти короля, как богом избранного ставленника. Король станет

неприкосновенной фигурой для церкви и инквизиции! Что еще нужно?! Скажите мне пожалуйста?!!!

— И ты веришь святошам?! — с насмешкой спросил Флендер, смерив главу Ока пренебрежительным взглядом.

— Верю — убежденно ответил Килл. — У церкви сейчас не то положение, чтобы ерепениться. Я заверяю Вас, что заставлю жрецов выполнить все, что они нам обещают — с жаром проговорил Тортвайн младший глядя на короля.

Инан смущенно отвел взгляд, и уставился на блестящую поверхность стола, разглядывая замысловатый узор на наборной столешнице.

— Я уже неделю слышу эти басни! Килл, уж утряс бы ты этот вопрос! — угрожающе наклонился к главному шпиону сенешаль.

Лицо Тортвайна побледнело, седой ус дернулся в зверском оскале, но секундой позже он погасил ярость и как ни в чем не бывало улыбнулся Орсини.

— Решаю, решаю, не все так просто. С этими буквоедами приходится биться за каждый пункт королевских пожалований. Подожди немного, и все решиться.

— Надеюсь! А пока мы ждем, совсем не лишне будет проредить очередь наследников на престол. У нас и так шаткое положение. Гвидо надо удавить в башне, пока ему не помогли бежать — холодно отозвался Иор Флендер.

Килл сокрушенно всплеснул руками, и сложив их на груди, откинулся на спинку стула. Инан до того молчавший, и явно находившийся в нерешительности к какому решению примкнуть, поднялся со стула и подойдя к окну, посмотрел на город внизу.

— Не хочется начинать с убийства, но Жак прав! Надо это сделать сегодня же. Иор проследи за исполнением, а после надо сообщить, подданным, что король в припадке покончил с собой. Жаль, но другого пути нет.

Голова Тортвайна качалась в такт словам короля, глаза покрылись патиной непроницаемости, взгляд Килла упал на Родриго, неожиданная мысль озарила лицо шпиона.

— А ты, что думаешь? — спросил он Амадо, и осклабился.

— Я поддерживаю твое решение. Потерять поддержку инквизиции сейчас никак нельзя. Если вам интересно у меня есть идея как склонить на свою сторону черные мантии. Правда боюсь мы сместим центр силы в сторону экзорцистов.

— Ну и зачем нам это надо! Мы только получили возможность навсегда придушить эту гидру, а он предлагает отрастить ей заново, отсеченные головы — патетично возмутился Иор.

— Или так, или мы не сможем доказать, что наш король не самозванец — с усмешкой ответил Амадо.

— И что ты предлагаешь? — заинтересовался Килл, наклоняясь всем телом к Родриго.

— Суд!

— Суд? Что еще за суд? — разочарованно переспросил Килл.

— Что за чушь!!! — взорвался сенешаль, вскакивая с места, ему вторил Флендер. — Мы обсуждаем вопросы государственной важности, а он устроил фарс!!! — продолжил возмущаться сенешаль.

— Пусть говорит! — прервал король, и Орсини, и Флендера.

— Я предлагаю провести суд над Скуюло — лица заговорщиков вытянулись.

Флендер не знал, что ответить, сенешаль даже присел обратно на стол, а Килл откинулся на спинку многострадального кресла. Конструкция натужно скрипнула под

Тортвайном.

— Над покойником?! — выразил общее изумление Килл.

— Да. Поэтому нам нужно сотрудничество инквизиции. Черные мантии как наиболее компетентные и уважаемые в этой области, способны внушить людям веру, в то, что суд настоящий. Взамен нам придется лишиться авторитета наших святых жрецов. На, что инквизиция пойдет с удовольствием. Ты Килл сам только что говорил о борьбе внутри церкви. Суд над Скюло лишит влияния те силы, что стояли за Верховным жрецом, а мы получим богоизбранность Инана. Беспокоиться о скором усилении инквизиции пока бессмысленно. Судя по тому, что мне рассказали, погиб весь цвет черных мантий, они не скоро наберут силу. У нас будет время ограничить аппетиты Великой инквизиции.

— Да, что, ты несешь?! — заорал Йор, теряя привычную флегматичность.

— Килл, ты обещал!!! — вскочил на ноги Жак Орсини.

Глава Ока короля кивнул, Амадо успел заметить, как меч скользнул по броне, окутавшей его тело. Зверский оскал Флендера мелькнул перед глазами, герцог прятал клинок за шторами окна, у которого он так уютно расположился. И почти наверняка убил бы Родриго, если бы не кивок Килла, показавший, что он в опасности. Сенешаль ткнул мечом в шею Амадо, но промахнулся, Родриго точно чувствовал, куда надо уходить от атак противника. В ответ клинок Амадо успел отбить удар Флендера, и скользнув по мечу герцога отсек кисть Йора. Меч герцога упал на ковер, а кровь алым шлейфом окрасила цветной узор.

Орсини кинулся к двери, и отбросив в сторону занавесь рванул на себя ручку. Створы распахнулись, и сенешаль застыл, из его спины вылезли лезвия мечей, хриплое дыхание резко оборвалось, клинки исчезли. Орсини рухнул на пороге, тело тут же схватили за ноги и уволокли прочь. В комнату вошел нагловатый детина, что примерялся к Амадо в предыдущую встречу, он посмотрел на Килла, глава Ока кивнул. Детина без лишних церемоний схватил Флендера за волосы и оттянув голову герцога назад, нанес кинжалом серию ударов в ямку между ключиц, тело Йора обмякло. Еще захлебывающегося кровью герцога выволокли из помещения, и дверь вновь закрылась.

Бледные губы Килла немного дрожали, Инан открывал и закрывал рот как рыба, выброшенная на сушу, глупо хлопая глазами.

В дверь постучали.

— Войдите!!! — прокричал Килл, король вздрогнул всем телом.

В комнату ввели Тортвайна старшего, Григорий вел старика заботливо ограждая слепого от опасностей незнакомой комнаты.

— Привет Родриго, мне жаль, что мы так встретились! — громко проговорил Гуго, на удивление точно определив, где находится Амадо. — Прошу прощения Ваше Величество за кровавый совет, но у нас не оставалось выбора — сказал слепой Гуго кланяясь королю. — Килл расскажи, что, к чему. Что молчишь? Наводишь тут интригу — обратился он недовольно к сыну.

— Ваше Величество, эти двое планировали для вас судьбу Гвидо. Потому и толкали на убийство узника Окарна. За нашей спиной они вели переговоры с инквизицией, этим и объясняются столь значительные проволочки в заключении договора. Видит бог, я сделал все возможное, чтобы избежать такого конца. Простите меня Сир, или накажите если пожелаете, но я защищал вас и вашу свободу. Ваше право на власть.

— Ты прощен! — все еще испуганно ответил Инан, глядя то на Амадо, то на отсеченную

руку Флендера, то на кровавое пятно на ковре.

— Впервые вижу такой доспех — наконец проговорил монарх, стараясь скрыть страх. — Хоть и наслышан о чудесах, что сопровождают вашу жизнь, но все равно, увиденное воочию меня поразило. Напомните мне почему вас отстранили от должности коннетабля?

— Я не смог уберечь, свободу и жизнь вашего отца — с горечью в голосе ответил Родриго.

— Ну тогда, вряд ли, кто-то мог, что-то сделать! Кругом измена, и подлость. А если я вам предложу вновь занять эту должность? — с надеждой спросил Инан, и дружелюбно улыбнулся, совсем не по-королевски.

— Простите Ваше Величество я не имею на то морального права. Я служил двум королям вашей династии, и сделаю все, чтобы их потомок правил Аморатом. Но присягнуть, я не смею, потому что не смогу всегда быть рядом с Его Величеством. Простите мне мою дерзость — Амадо склонился в глубоком поклоне.

— Не стоит просить прощения, там, где вы не виновны. Я принимаю ваш ответ, и прошу лишь об одном, обещайте никогда не воевать против меня.

— Обещаю Ваше Величество! — не задумываясь ответил Родриго.

В покои важно прошли члены королевского совета, Амадо вышел в коридор, за ним последовал Гуго, ведомый Григорием.

— Жаль, что ты отказался — расстроено проговорил Гуго. — Больше такого шанса не будет.

— Я знаю, но не могу принять это предложение. Благодарю, что поддержал меня, и не позволил убить.

— Да ладно. Я уже один раз позволил негодьям занять престол, второй раз я себе не прошу предательства моего суверена. Ты тогда, под Варной, храбро сражался. Да и Григорий нам кое-что порассказал. Такой человек как ты нужен нашему королю. Подлецы вроде Флендера, и Орсини сгубили Сигизмунда, могли сгубить и Инана Молодого. Так мало верных людей, старость дает много времени подумать. Особенно в моем положении — старик показал на белесые глаза.

— Мне жаль — отозвался Амадо.

— Да, что тут жалеть. Таков наш удел. Мы смертны, и за тобой она придет, рано или поздно. Вон коков был Григорий, один против пятерых мог выйти, а сейчас пердун старый — Григорий покачал головой и улыбнулся.

— Гуго, у меня к тебе еще одна просьба — несмело начал Амадо.

— Ну?! — отозвался Тортвайн старший.

— Помоги мне получить доступ к личному архиву Нофля.

— Ты с ума сошел? — вскинув брови воскликнул Григорий.

— Ну в этом, я тебе постараюсь помочь. Личные покои сейчас под охраной Ока, и Килл там полновластный хозяин. Как раз сейчас наш секретарь разбирает переписку Великого инквизитора, если ты ему поможешь, думаю, Килл не будет против. А что ты хочешь там найти?

— Следы предательства и вероломства. Хочу понять, что случилось в Окарне, что-то в этой войне странное — ответил Амадо.

— Так там и так все ясно, чего-то перебрали братья экзорцисты, вот и напали на своих. Горюны дело такое — мечтательно улыбнулся Гуго. — Правда выжившие все как один

твердят о какой-то рыжей, что околдовала их, прельстив прекрасными формами, ну сам видишь, бред — необычайно бодро для своего возраста делился информацией старый Тортвайн.

— Не знаю, как и благодарить тебя Гуго — воскликнул Амадо.

— Ерунда, сегодня в моих силах оказать тебе услугу, когда-нибудь и ты ответишь нам добром за добро. Чем могу. Хотя сейчас уже ничего не могу.

— Ты и так немало сделал, Гуго — поддержал старика Амадо.

— Да хрена там, если б молодость вернуть! Слушай Родриго, мне говорят, ты не стареешь? Правда?

— Да Гуго, у меня другая наследственность. Мне отведен очень длинный срок — ответил Амадо.

— Ты человек? — спросил Гуго, удивленно вскинув брови на Родриго.

— Человек, но наследие у меня иное. Вас когда-то предали, и лишили вашей природы. Хитрый враг, что жаждет безграничной власти над всем живым, обманул человека. Если бы мудрость тогда не покинула род людской, человек никогда бы не узнал ужаса старости.

— Почему мы этого не помним? — удивился Григорий.

— Потому, что смертны. Ваше знание ни раз пресекалось, и теперь вы лишены своих корней, а мы обречены на вымирание.

— А вернуть дар? — с надеждой в голосе спросил Григорий.

Амадо покачал головой, Григорий понимающе кивнул, и поник.

— Жаль, я бы вернул молодость — отозвался Гуго. — Мое тело как трухлявый пенек, а дух точно закован внутри старого сосуда. Думаешь, я ощущаю себя на свои года, как бы не так. Иногда забудешься и думаешь, как будто тебе тридцать с небольшим, а потом пытаешься встать и понимаешь, что смерть уже заглядывает тебе через плечо. Старость неизбежна, но как она несправедлива. Ты еще молод, а тело уже почти мертво, плоть предала тебя.

Старик горько усмехнулся. Григорий с сочувствием посмотрел на Тортвайна старшего, и опустил глаза. Перед ним стоял образ того, что ждет его самого, всего десяток лет спустя.

Невыносимая вонь висела в приемном зале верховного жреца. Открытый для всех желающих зал, буквально ломился от любопытных. Многочисленные курильни, призванные отбить смрад разложения, помогали слабо. Стоявшие рядом с престолом черные мантии, одели специальные маски с длинным клювом, плотно набитым душистыми травами, чтобы хоть как-то спастись от всепроникающего зловония.

Жречество образовало полукруг, отделив толпу от престола, на котором восседал распухший труп Скюло, в полном облачении Верховного жреца. Лица жрецов кривились в гримасе отвращения. Оставалось загадкой, что больше вызывало недовольство, вонь их патрона, или сама процедура суда над покойником. Церковь вынуждено пошла на этот фарс, поскольку Гвидо бежал из-под стражи. Многие подозревали, что сидельца отпустили. История так и осталась покрыта мраком, даже самые осведомленные жреческие круги находились в неведении. В любом случае, возвращение Гвидо в Амورات, ничего хорошего для церкви не сулило. Поэтому посоветовавшись, жрецы приняли предложение Инквизиции.

Перед престолом, развернулась церемония. Группа экзорцистов выстроилась в границах затейливой пентаграммы, начертанной на полу при помощи песка, пропитанного кровью особо проявивших себя в святом служении монахов. Зазвучал бубнящий гимн, нарастающий в своем звучании, и под конец резко оборвавшийся. Толстые свечи, черного и красного

цвета, вспыхнули сами собой, толпа суеверно выдохнула, от ужаса и восхищения. Экзорцисты впали в транс, их тела заметно дрожали, а губы что-то шептали, переводя звук молитв в неразборчивое шуршание, или шипение, от которого по коже побежали мурашки.

Появился Верховный инквизитор, он вел слепого монаха. У пентаграммы слепец встал на колени, и минуту спустя, качнулся вперед, затем назад, раскачиваясь все сильнее, монах произнес.

— Раб божий Скюло, здесь ли ты?

Наступила гробовая тишина, лишь шуршание экзорцистов, неприятно нагнетало психику. Толпа замерла в ожидании чуда. Неожиданно, несмотря на всеобщее ожидание, прозвучал потусторонний голос.

— Кто спрашивает?

— Монах монастыря Логанда, Вильям Благословенный! — громко ответил монах, теперь застывший как каменное изваяние, шевелились только его губы. — Кто пришел на мой зов, назовись!

— Альфред Скюло, Великий грешник, что звал себя наместником бога на земле — нехотя, со стоном произнес голос.

Нервные дамочки взвизгнули, мужики зашикали на них.

Джованни Чиоллино кивнул писарю, стоявшему за кафедрой, тот принялся строчить несмотря на то, что едва переводил дух.

— Неплохое представление — шепнул Тортвайн младший, склонившись к новому коннетаблю Амората Питеру Новису.

— Да, весьма убедительно. Если бы не знал, сам поверил бы — ответил Новис, кивая головой.

— Представляю, как мучается тот несчастный, что спрятан в тайнике позади престола — поморщился Григорий.

— Не, тут все сделано так, что он почти не чувствует вони — отозвался Килл. — Запах не проникает в камеру, она не сообщается с внешним миром, к ней подведена независимая вентиляция.

— Голос пробирает, аж мурашки по коже — вмешался в разговор Альбер старший сын Григория.

— О, здесь инженеры постарались. Мастеровые установили систему труб, которая идет за панелями вдоль стен, мы ее не видим. Эти то трубы и позволяют монаху говорить таким потусторонним голосом, я, когда впервые услышал...

— Здесь не место, это обсуждать — шикнул на болтунов Гуго.

Голова Килла напряженно завертелась, но никого постороннего на их балконе не оказалось, и волнение шпиона улетучилось, оставив место любопытству. Группа посвященных наблюдала спектакль из особой логи, получая удовольствие от представления.

— Кем ты был при жизни, раб божий Альфред? — продолжал допрос Вильям из Логанды.

— Я служил богу нашему Единому, Верховный жрец меня именовали!

— Знаком ли тебе Сигизмунд Креспи?

— Да, он был моим королем! — со стоном ответил Скюло.

— Расскажи нам, что ты сделал со своим королем!

— Я предал его!

— Да, а еще!

— Я приказал его лекарю давать зелье, что лишило короля радости отцовства, но пути господни неисповедимы, и единожды случилось так, что лекарь не успел преподнести злостный яд своему господину. И тогда зачала от него чистая дева Маргарита Горати, и понесла ее утроба будущего наследника престола. Я много лет искал его, и даже один раз видел мальчика, но после ребенок исчез и сколько я не пытался, так и не смог дознаться куда подевали наследника, что получил имя Инан.

— А что же король?

— Короля я предал! Заговор у него за спиной организовал, купив его ближайших вассалов.

— Говори всю правду, не таись от нас! Очисти совесть от греха!

— А после свержения и пострижения в монахи подло отравил! Я отравил моего господина — с трудом преодолев нежелание говорить, произнес загробный голос.

Толпа ахнула, прозвучали гневные выкрики. — На костер еретика!!! Дубинки инквизиторов в несколько минут навели порядок в рядах зевак.

— Зачем ты это сделал?

— Желал власти, над душами и жизнями подданных Сигизмунда. Страсть моя привела королевство к беде. За грехи мои Единый на Аморат наслал Темного короля, что безжалостно унес бесчисленное множество жизней.

Ряды расступились и вперед вышел Инан Второй, он вошел в полукруг, и прижимая платок к носу, остановился напротив трупа.

— Признаешь ли ты в этом человеке законного сына Сигизмунда Креспи?

— Да! Я узнаю Инана, сына Сигизмунда Креспи, законного короля Амората!

— И так, ты признаешь себя виновным в преступлениях против бога и короля?!

— Признаю!!! — не в силах переносить тяжести греха, возопил мертвец.

— Ты признаешь себя виновным в заговоре против законного наследника?!!!

— Признаю!!!

— Я, монах монастыря Логанды, раб божий Вильям, отпускаю твою грешную душу, Альфред!!! Покойся с миром!!!

Экзорцисты пришли в себя и запели гимн, начиная с высоких нот, и постепенно переходя на низкую вибрацию, пока совсем не затихли, падая без сил за границы пентаграммы. Черные мантии оттащили своих товарищей от зловещего круга. Монах Вильям взял из рук Джованни Чиоллини посох, и решительным движением разрушил знак, соединявший этот мир с миром теней. Неловко разбрасывая красный песок, по отполированному полу торжественного зала дворца Скюло. Свечи тут же потухли, и зачадили.

На шею покойника накинули петлю и потащили по полу к выходу. Толпа шархалась от разящего разложением тела. На улице покойного подвергли надругательству. Верховного жреца отлучили от церкви, и лишили всех атрибутов сана, а останки сожгли. Прах же выбросили в коллектор, так закончилась эпоха Скюло, и продолжилось правление династии Креспи.

Долгие ночи в архиве Великого инквизитора, принесли немало удивительных открытий. Хитрый Стефан Нофль опутал все королевства своими агентами, умудрился залезть даже к гномам. Богатая переписка вскрыла множество преступлений, совершенных черными мантиями, многие из которых считались делом рук убийц Гинну. Среди прочего Амадо узнал, что Елену Бластиту убили по заказу Нофля, эльфы разведчики. Из многочисленных донесений складывалась картина, полного доминирования эльфов в политике человеческих королевств. Агенты Эманторана пронизали высшие сословия, многие сановники, включая и жречество, оказались тесно сплетены с секретными службами эльфов. Часто в письмах упоминался Старый пастух, поначалу Родриго не мог понять о ком речь. Да и не предал особого значения, пока ему не попалось донесение от агента Ивора Адсена на имя Стефана Нофля, в котором докладывалось об убийстве семьи некоего имперского шакала, и лишь в конце промелькнуло имя Родриго Амадо. Агент сокрушался, что убийцам не удалось устранить цель, и сообщал, что по данным агентуры, заказчиком разорения гнезда, выступил загадочный Старый пастух. С удвоенной энергией Амадо взялся за архив, и в течении недели перерыл все содержимое инквизиторской переписки последних тридцати лет, но никаких указаний на Старого пастуха не нашел.

В отчаянии он обыскал личные покои Нофля, его кабинет, но и там ничего нового не открылось. Потеряв надежду на успех Родриго, сел в кресло перед камином, где должно быть любил посидеть сам Великий инквизитор. Его взгляд скользнул по витым колоннам, окаймлявшим вход в камин, потом поднялся на картину, что висела над очагом.

На картине стадо оленей убегало от всадника, натянувшего лук для выстрела, с краю припал к земле серый волк, которому и предназначалась стрела, а над белоснежными горными пиками вставало кровавое солнце. Амадо удивился безвкусице инквизитора, только человек лишенный всякого эстетического чувства, мог повесить эту пачкотню для созерцания. Он посмотрел в огонь, но глаза вновь вернулись к картине, и, неожиданная мысль прошила мозг.

— Это же Дарелиан, король эльфов. Да нет, не может быть! Зачем? Так жестоко..., но все сходиться. Герб дома Дарелиана, вмещал на зеленом поле всадника, приготовившегося к выстрелу, под кровавым диском заходящего солнца. Но почему пастух? Королевство стадо, эльфы делятся на множество враждующих домов, что как овцы разбредаются, кто куда, а он как пастух их собирает в единое королевство.

Все сомнения ушли, щемящее чувство подсказывало Амадо, что его поиски подходят к концу.

Неприятный свист в ушах и чувство разрывающего холода отступили, глаза резанул яркий свет, настолько чернота небытия казалась темной по сравнению с сумраком помещения, в которое попал Родриго. Неясные еще силуэты колонн, и яркие, удивительно гармоничные росписи на стенах приобрели четкость. Под ногами заиграла мозаика наборного пола, яшма, смальта, сердолик, сливочный мрамор разошлись в стороны и вновь собрались, сложившись в правильный геометрический узор.

Впереди чернело открытое окно, сбоку высилась куча манускриптов, валявшихся горой свертков на огромном столе, черного дерева. Несколько кресел в беспорядке расположились в разных частях огромной комнаты, еще дальше высилась стена с множеством маленьких

полочек уходивших далеко под потолок. Рядом, на платформе, парящей над землей, стоял резной стул с высокой спинкой, и атласной, алого цвета подушкой на сиденье. Черета закрытых окон вдоль стены противостоящей стене с ящичками, осветилась вышедшей луной, и пол рассыпался на освещенные сектора, поделившие комнату на равные части. Яркий свет луны, выхватил темный угол у открытого окна, возле которого стоял худощавый эльф.

Длинные, ниспадающие волосы перехватил серебряный обруч. Молодое лицо, с глазами умудренного жизнью старика, смотрели на человека.

Амадо сразу его узнал, Дарелиан совершенно не изменился. Заметив гостя, он жестко улыбнулся и проговорил.

— Я ждал тебя раньше. Хотя, признаюсь, ты все-таки застал меня врасплох. Раз ты здесь, то разумно предположить, что тебе все известно!

— Известно. Скажи, к чему такая жестокость? Ведь она принадлежала к вашему роду, она одна из вас — спокойно проговорил Родриго.

— К своим требования всегда выше. Лафна нарушила главный закон эльфов не смешивать высокую кровь с кровью смертных. Поверь, то, что с ней случилось не так уж и жестоко, она знала на, что идет. Такая участь ждет любого, кто посмеет нарушить традицию народа Эманторана — Дарелиан легко оттолкнувшись от окна прошел к столу, и сел в одно из кресел.

— Я искренне оплакивал, прекрасную дочь семьи Аманитель. Издревле ее род считался украшением королевского двора, но ты уничтожил эту красоту своей неумемной похотью.

— Что за сопливый бред? Дарелиан, ты убивал не Лафну, ты убивал меня! Я знаю, кто был целью для убийц! — не выдержал Амадо.

— Ты так думаешь? Скажи мне, что ты знаешь о женщине, с которой прожил столько лет?

— Говори прямо. Я не понимаю твоих полунамеков — раздраженно отозвался Родриго.

— Для меня целью была Лафна. Твоя жалкая жизнь мне ни к чему. Достаточно прямо? — спросил Дарелиан усмехаясь.

— Из-за того, что она жила с человеком?

— Это повод. На беду, несчастной девочки она стала слишком опасна, для самого существования Эманторана. Особенно когда некто Ксенон, привел наследницу Золиды в Ришам.

— Что? Это тут при чем? Она никак не участвовала в политике.

— Не в ней дело, а в ее происхождении. Ты настолько тупой, что даже не поинтересовался почему красавица Эйлель покинула двор.

— Она понесла дитя, и приняла решение уединиться в имении своего супруга. Тут нет никакой интриги — равнодушно отозвался Амадо.

Дарелиан усмехнулся.

— Моего ребенка.

— Твоего? Лафна твоя дочь, а Валеандль спрятал позор?

— Он прятал не позор, а собственное бессилие и никчемность! Лафна наследница престола, потомок двух великих домов! Да у нее прав на престол, больше, чем у моего сына! Поэтому она умерла!

— Из-за твоих игр, мне пришлось оборвать ее жизнь. Я убрал в самом зачатке любую возможность мятежа в Эманторане. Ее смерть полностью лежит на твоей совести.

— Ты убил собственную дочь, чтобы сохранить единство эльфов. Где-то я могу тебя

понять, но мы говорим о моей жене — жестко глядя на Дарелиана, проговорил Амадо.

— Когда ты назвался Ксеноном, все встало на свои места. Я понял, что ты делаешь ставку на легенду, что ты стремишься вернуть человечеству героя древности. Похвально. Хороший ход. Пришлось провести немало дней, беседуя с королями и императорами, чтобы каждый из них смог убедиться в ложности твоих притязаний. Твои попытки противопоставить свой авторитет, авторитету Эманторана, остались тщетны. Ты не сможешь собрать коалицию человеческих королевств, чтобы выступить против меня. Совет айларов, уже принял решение о твоём устранении, а короли поклялись нам в верности. Даже твой ставленник Инан Молодой, дал согласие.

— Люди, люди, глупые, самонадеянные властолюбцы — задумчиво продолжил Дарелиан.

— Ну, в этом нам далеко до эльфов.

— Мы не ищем власти. Мы ограничиваем стремление низших рас, к саморазрушению.

— Проводя геноциды?

— Жестоко, конечно, но равновесие требует жертв. Как вас убедить жить в гармонии с природой, с соседями, оставить войны в прошлом? Вы порочны по своей сути, неисправимы. Если бы не совет, я давно покончил бы с человеком, как с явлением природы. Орки и те способны прийти к высшей точке развития, но не лживый, алчный, жестокий и жадный до денег и власти человек.

— На это мне нечего ответить! Человек таков, каков есть, но, если эльфы не остановятся их ждет судьба всего, того, что вставало на пути человека. Вспомни историю великой расы, и сам увидишь истинность моих слов.

— Ха, а ты похоже неплохо покопался в архивах. Я помню ты просил у меня манускрипты посвященные истории королевства Ур. Вижу ты многое узнал о своем народе.

— Это так, я люблю старинные записи, но в них мало правды. Многие утрачено навсегда, думаю не без вашей помощи.

— Справедливо! Мы немало постарались, чтобы ваше прошлое осталось только в наших архивах. Но как ты догадался, что мы исказили историю?

— Многие из того, о чем вы пишете я видел своими глазами. Я Ксенон — Амадо мрачно посмотрел на Дарелиана.

Король Эманторана внимательно взгляделся в лицо человека стоявшего, напротив. Многие странности чужака, его незаконное владение ключом, и удивительная живучесть, теперь обрели логичное объяснение. Перед ним достойный противник, осколок бывшего величия человека.

— Меня всегда поражало, как такое великое племя могло так низко пасть, так обмельчать, выродиться. Если бы ты знал, каких высот достигли твои предки. Нам еще только предстоит научиться тому, что знали древние люди. Единственное чего вам всегда не хватало, это мудрости, хотя, пожалуй, это и есть ваша родовая черта. Жадность лишила вас вечной жизни, знаний, памяти, корней. И с тех пор вы усыхаете как умирающее дерево, принося все более и более ущербные плоды.

— Человеку и впрямь не хватает мудрости, но не в этом причина его падения. Нас предали, и обманом лишили наших прав.

— Я помню закат твоего рода. Мне было жаль вас, но теперь я сделаю все, чтобы человек навсегда исчез с лица Этлана. Вас не должно быть, вы ошибка, неудачный эксперимент, и он подходит к концу.

Эльф щелкнул пальцами, толстые веревки обвилились вокруг лодыжек Амадо, и дернув повалили на пол. С потолка к человеку, тянулись сотни длинных щупалец, присмотревшись он заметил стебли лианы. Меч быстро рассек упругие стебли, но поток лиан столь плотно облепил его тело, что казалось невероятным вырваться из смертельных объятий агрессивного растения. Комнату окутал сизый дым, миллионы спор витали в воздухе. С густым жужжанием, залетная муха, ворвалась в облако, и секундой позже, стремительно упала под ноги Родриго.

Доспех Отца совершенно не поддавался тугим кольцам лиан, а шлем надежно защищал от ядовитых испарений. Амадо подумал, сюда бы огонь, неожиданно рисунок кирасы, а затем и всего доспеха загорелся ярким оранжевым светом, и растение отпустило его, быстро подтягивая опаленные стебли к потолку.

Дарелиан в изумлении смотрел на происходящее, он попытался вновь натравить лианы на незваного гостя, но растение не повиновалось, оно впало в ступор и более не реагировало ни на какие приказы.

— А мерзкое отродье! Все придется делать самому — прошипел король.

От обычной меланхолии короля не осталось и следа. Сейчас перед Амадо стоял опасный противник. Глаза Дарелиана необычно сверкали, точно затянутые льдом, вокруг тела эльфа образовался вихрь, и яркая вспышка подожгла клубящуюся массу спор. Огненные воронки поднялись под своды комнаты, быстро расширяясь в диаметре. Перед глазами Родриго стояла сплошная огненная пелена, сбоку, что-то сильно ударило, на кирасе остался след от жала копья, затем еще несколько быстрых тычков, откуда-то сверху.

Амадо не видел противника, кружа где-то в огне король наносил быстрые уколы, грозя рано или поздно пробить доспех. Напрягая волю, Родриго атаковал, но ткнул мимо. Вдруг все изменилось, пелена огня покраснела, а там, совсем рядом, с правого бока, показался синий силуэт. Амадо нанес мгновенный удар мечом-копьем, в сторону силуэта. Копье мягко дрогнуло, коснувшись чего-то в огненной пелене, пламя тут же погасло, прямо перед Родриго застыл Дарелиан, клинок пробил короля насквозь.

Ноги монарха подкосились, жало вышло из тела Дарелиана. Заливая прекрасный пол кровью, эльф скорчился и тяжело дыша, что-то бормотал. Амадо прислушался.

— Я бог... Я не могу умереть... Нет... Нет, этого не может быть... Я бо... — голос затих, тело задрожало в последней спазме.

Родриго склонился к королю, и осмотрел рану, смертельная, сомнений не осталось. Он отошел к столу Дарелиана и поджег шнур, что в несколько секунд осветил комнату, пробежав длинный путь по многочисленным светильникам и люстрам. Амадо повернулся к эльфу, чтобы еще раз взглянуть на короля при свете. По спине пробежал холодок, кровь, светилась зеленым, как и широко открытые глаза мертвого короля. Тело медленно вставало с пола, глаза приобрели изумрудный цвет, и внимательно посмотрели на Родриго.

— Это глаза не покойника — подумал про себя человек.

— Вот мы и встретились Убийца! — произнес чужой голос, устами короля эльфов.

— Вижу мой доспех, тебе пришелся в пору! — в руках короля появился клинок, блестящий как ртуть. Первый выпад Амадо почти не заметил, но что-то ему подсказало куда надо уйти от неминуемого столкновения с необычным клинком.

— Хороший подарок тебе преподнесли! Может расскажешь, кто?

Копье Амадо точно вошло в череп короля и вырвав кусок кости, опрокинуло тело, которое, впрочем, тут же начало подниматься.

— Как же это отвратительно, когда тебя прерывают на полуслове! — прорычал покойник. — А мой старый доспех хорошо дополняет твое слабое воинское искусство. Видно, как он тебя ведет. Приятно оценить дело своих рук, в бою с настоящим противником. Тебе достался доспех превосходного качества, но ты его не заслуживаешь!

Копье сложилось в клинок, меч нырнул в ножны, в руках Амадо задымилась Небла. Клинки жестко схлестнулись, с меча покойника слетел веер серебряных капель, несколько коснулись брони, и прожгли почти сквозные дыры. Родриго отшатнулся, дверь в покои отворилась, показались стражники.

Ловко выхватывая луки и снаряжая их стрелами, эльфы выстроились в полукруг. Туго ухнула тетива, посыпались удары. Сбивая равновесие, стрелы отскакивали в сторону от доспеха человека. Спотыкаясь Амадо кинулся прочь, от мертвеца и его стражи, окна находились слишком высоко, рука потянулась к знаку, но ничего не произошло. Он попробовал еще раз, и опять без результата. Дарелиан быстро приближался, широко размахивая мечом, и разбрасывая опасные брызги далеко впереди себя.

Отступая Родриго, наступил во что-то вязкое, глянув под ноги, человек увидел пруд, с красными карасями, рыба вильнула в сторону от его стопы. Нога невольно дернулась, человек оскользнулся и повалился в бассейн. Матерясь про себя, он постарался как можно быстрее подняться, но сколькое дно не позволило этого сделать. Наконец голова вынырнула из-под воды, со всех сторон на него обрушились трели незнакомых птиц. Удивительное небо, красноватого оттенка, мигало тысячами звезд, высокие травы, упирались в небосвод, ежеминутно меняя цвета.

Животное похожее на оленя испуганно выглянуло на лужайку, но заметив Амадо тут же скрылось в чаще. Человек устало брел по колено в воде, вдоль мелководной речушки.

Впереди маячил неясный мираж, мешавший рассмотреть сокрытое по ту сторону. Дверь распахнулась, Амадо прошел внутрь, белый, почти безжизненный мир, окружал его. Ровные, геометрически правильные углы, выхолощенные пейзажи, созданные из кристаллов молочного цвета, вперемешку с чем-то сильно напоминавшим выходы горного хрусталя.

Очередная дверь распахнула створы, и выпустила человека в мир красного небосвода и разноцветных древовидных трав. Вдалеке замаячил, темный провал еще одной двери, Родриго торопливо пошел в ее сторону. Новый мир оказался темным, вокруг сновали какие-то твари. Под ногами хрустели трубчатые растения, рассыпавшиеся в мелкую крошку, от прикосновений ног человека. Горизонт закрыла высокая башня, окруженная зубцами крепостных стен. Родриго прикоснулся к знаку, его тело подхватила невидимая сила, и крутанув вокруг своей оси, выбросила в тесную комнату. Тесной она показалась только с первого взгляда, на самом деле перед глазами Амадо раскрылась бесконечная зала, забитая всяким хламом, где-то знакомым, но в больше своей части ранее не встречавшимся человеку.

— Приветствую тебя в моем доме! — прозвучал голос с боку.

Человек резко развернулся, перед ним стояло высокое существо утонченно, длинное во всех пропорциях тела, с огромными печальными глазами, от которых Амадо не мог отвести взгляд.

— А ты еще кто? Что тебе надо, урод? — с напряжением пытаюсь отвести взгляд в сторону, спросил Родриго.

— Ну, ну оскорблять хозяина в его доме. Как же нескромно с твоей стороны Менантр.

— Я к тебе в гости не напрашивался, так, что извиняй!

— Пряма-таки и не напрашивался? Мы с тобой знакомы, но ты привык меня видеть в

ином облике — печальные глаза медленно скрылся и превратился в уродливого гнома.

— Крапор Семипалый? — удивился Амадо.

— Вот и вспомнил. Только меня зовут не Крапор, я Бустия, бог мудрости и тайного знания. Ха, ха, ха не пытайся менантр, тебе не вырваться, здесь я намного сильнее. Мой мир поддерживает меня, тебе не преодолеть завесу, поэтому лучше отдай мне знак, которым владеешь не по праву. Ты все равно им пользоваться не умеешь, да и привлекаешь слишком много внимания к себе.

Крапор протянул руку, требуя знак, их глаза вспыхнули огнем, воздух начал потрескивать, волосы на голове Амадо поднялись дыбом.

— Отдай глупец, пока я силой не вырвал у тебя артефакт, он принадлежит Андланду. Ты вор, что владеет украденной реликвией не по праву.

— Я вор?!!! Тогда верни мое сокровище! — взорвался Амадо.

— Почему ты так обеспокоен своей коробкой? Что она скрывает в себе?

— Неважно! Предлагаю договор ты мне мою коробку, я тебе знак...

— Какая невыгодная сделка! Минутой позже я получу знак, а ты исчезнешь, и все останется в моем распоряжении.

— Ваша заносчивость когда-нибудь сгубит Андланд! — отозвался Родриго, его глаза превратились в черные дыры. Крапор вновь стал Бустией, огромные печальные глаза сверкнули яркой вспышкой изнутри. Волна прошла путь из глубин огромных глаз и вырвалась наружу, разрывая голову, и распыляя тело андланда. Не прозвучало ни звука. Лишь яркая вспышка осветила огромный ангар с кучей древностей и редких артефактов.

Дворец казался безжизненным, мир Бустии на удивление пустой и мрачный, встретил Амадо могильной тишиной. В огромном коридоре величественные статуи провожали человека пустыми глазами, вот Родриго вышел к парадной лестнице, и замер, созерцая открывшуюся картину. Навязчивое беспокойство заставило его повернуться. Позади, возвышаясь на две головы над ним, кралось чудовище, от неожиданности монстр застыл на месте. Секундное замешательство переросло в яростную битву, меч Амадо отрубил несколько рук твари, ее когти продолжали яростно стучать по броне. Перепрыгнув через человека, тварь успела схватить его за ногу, и с размаху ударила о колонну. Человек выскользнул из огромной ладони, и как тряпичная кукла полетел вниз через десяток пролетов лестницы. Монстр в один прыжок оказался подле него, и нанес несколько ударов сверху не давая подняться. Родриго заметил необычное растение, много веков назад он уже видел подобные травы.

Мелко вздрагивая, стебель переливался фиолетовым цветом, обдавая алым прожилки листа.

Точным ударом человек сшиб тварь с кирасы, монстр отлетел на несколько метров и перевернувшись на конечности изготавился к прыжку. Амадо ринулся к фиолетовому растению, и одним ударом подрубил стебель, растение повалилось на землю и интенсивно меняя цвета погасло. Сверху рухнула тварь, сильно придавив человека волосатой тушей, острые как бритва когти одной из многочисленных рук, воткнулись в землю, рядом с головой человека.

Туша оказалась неподъемной, у Родриго не менее четверти часа ушло на то, чтобы выбраться из-под поверженного противника. Обтерев, о тело врага клинок, Амадо использовал знак.

Шум от сильного ветра, оглушил после абсолютной тьмы и ваты всепоглощающей

тишины. Бескрайний океан неторопливо накатывал волны на одинокий утес, высоко вздымавшийся над водяной рябью. У самого основания, источенного ветром и водой гигантского камня, похожего на слоистый пирог, где каждый слой олицетворял целую эпоху в жизни этого мира, неторопливые волны разгонялись и с великой силой ударяли в непокорный кусок суши. Точно желая истереть выступающее, нарушающее гармонию недоразумение, так преступно, вызываясь возвышающееся над необъятным океаном. Амадо сделал несколько шагов по зеленому ковру, к краю скалы, далеко внизу прибой ухнул о стену, мириады брызг взлетели к его лицу.

— Чем обязан? — раздался доброжелательный голос позади.

Амадо развернулся и столкнулся нос к носу с существом, голова, которого напоминала хищную рыбу. Серебристые в синюю крапину челюсти, снабженные солидными зубами, изобразили подобие улыбки. Выпуклые глаза смотрели умно, совсем не по рыби, а красные жабры, широко раскрытые, методично втягивали воздух, потрескивая щетинка росшими по их краю. Больше всего забавляла борода из длинных наростов, похожих на щупальца, густо усеявших нижнюю челюсть андланда. Чешуйчатый халат переливался на солнце, руки вполне человеческого вида, разве, что с перепонками и опасными на вид когтями на концах пальцев, лежали на посохе. Оголовье посоха выглядело как огромная жемчужины, не совсем правильной формы, но с удивительным набором цветов. Черный переходил в белый и розовый, что при долгом взгляде превращало набор цветов в подвижную картинку, или вернее объемное изображение. Родриго даже показалось, что он видит планету, по которой движутся материки, окруженные атмосферой, вот мелькнула молния.

— Мы так и будем молчать? Кто вы? — теряя терпение, но все еще доброжелательно спросил андланд.

— Я гость! — соврал Амадо.

— Странно, не припомню, чтобы Андланд, когда, либо принимал гостей — улыбнулся рыболод. — А вы батенька врун. Ну да ладно, это даже интересно. Вы себе не можете представить, как здесь скучно. Кстати, вы бы сняли шлем, чтобы я мог увидеть ваше лицо, а то такое ощущение, что я разговариваю с Випулом, аж передергивает. Шлем сполз на затылок, и исчез в броне.

— Так, так, так это еще интереснее! — почти ликуя проговорил андланд.

— Что здесь интересного? — настороженно поинтересовался Родриго, стараясь незаметно вытащить меч.

— О, ну что вы, господин Убийца! Я вовсе не намерен сводить с вами счеты! Скорее мне интересно, что могло вас привести в наш мир. Андланд ведь закрыт для менантров — миролюбиво проговорил рыболод.

— Я вовсе не к вам стремился, это случайность, что меня занесло сюда.

— Какое заблуждение! Запомните, мой юный друг, ничего случайного в этом мире нет! Раз вы здесь, значит вам и положено находиться в этом месте, ровно в этот час! Вот полюбопытствуйте, крайне занятная картина — андланд убрал руку с оголовья трости и пригласил Амадо посмотреть на него.

С осторожностью дикого кота, человек взглянул на огромную жемчужину. Все пришло в движение, его кинуло вниз, в бушующее море. Крик капитана заставил Родриго повернуть голову в сторону корабля, что метался на волнах подобно щепке. Стоило ему взглянуть на судно, как он оказался на палубе. Моряки из последних сил налегали на весла, их усилия не могли преодолеть мощь океана. Капитан крикнул очередную команду, и застучал ритм

барабанов, частый и дробный бой, задавал темп гребцам. Рулевой выворачивал судно навстречу волне, неумолимо растущей на горизонте. И вдруг все стихло, волна продолжала расти, но шум моря погас, вокруг судна появился густой туман, моряки в ужасе побросали весла, и цепляясь за амулеты принялись на перебой читать заклинания.

Неожиданно Амадо вновь оказался на скале, довольный представлением андланд, усмехался.

— Видели?! Вот она судьба, сейчас их участь решиться!

— Что с ними будет? — спросил человек. — Куда мы идем?

Андланд не спеша подошел к выступу, нависшему над бескрайним океаном и повернувшись к человеку, ответил.

— Кормить моих рыбок! — он поднял посох высоко над головой, и с неба, расплескивая воды моря, упал корабль, что попал в шторм. Люди в изумлении оглядывались, не веря в счастливое спасение. Тем временем вода вокруг судна закипела, на поверхности выросли плавники, высокие с шипами, они быстро закружили вокруг вновь прибывших, постепенно сужая круги. Похватав весла и багры, моряки выстроились вдоль борта, лучники принялись пускать стрелы в монстров, что быстро приближались к их посудине.

Вот одна «рыбка», вынырнула из воды раззявив огромную пасть, усыпанную рядами копьевидных зубов, и сверкнув чешуей на солнце обрушила всю массу огромного тела на корабль. Судно, натужно скрипнув, вильнуло в сторону, лишившись части борта, и нескольких человек команды. Люди барахтались в воде, привлекая шумом монстров, пару минут спустя на поверхности моря остались лишь кровавые пятна. На корабль обрушилась еще одна рыбина, длинная как змея, с выпуклыми глазами, каждый размером с тарель, и такими же огромными зубами, выпирающими вперед, по краю челюстей. Ухватив огромной пастью корабль, рыба вильнула хвостом и резко ушла под воду. Вместе с ней исчезло и судно, чуть погодя на поверхность всплыли тюки с шерстью, и несколько человек команды. Ни крики, ни мольбы, не могли спасти людей, отчаянно борющихся за жизнь.

Амадо отвел взгляд от вспененной поверхности моря. Лихорадочный блеск глаз, выдавал чувства человека. Рыболод не обращая внимания на нарастающий гнев случайного гостя, продолжил свои рассуждения на тему судьбы и ее путей.

— Вот и все. Судьба в ее непреодолимой безысходности. Эти несчастные изначально были обречены, судьба их привела в мои сети, и они пошли на корм рыбкам. Ваша судьба господин Убийца также непреодолима, вы сделаете то, что должны, превратившись в итоге, в такой же корм для рыбок, в чужом аквариуме.

— В твоих рассуждениях нет истины — жестко ответил Амадо.

— Да и в каких именно? — вежливо поинтересовался бог, немного переборщив с проявлением уважения, что напомнило отношение взрослого человека к несмышленому ребенку.

— Это вы решили, жить им или умереть, а не мифическая судьба.

— Заблуждаетесь. Поверьте, у меня гигантский выбор, но сегодня попали именно они, так, что это судьба, несчастливая, но судьба. А я лишь инструмент, что исполнил волю высшего предопределения — с иронией в голосе ответил рыболод, и приветливо улыбнулся Родриго, так, точно они много лет дружны.

— Это тебя успокаивает?

— Не понимаю? — удивился андланд.

— Ты убиваешь, живых, мыслящих созданий. Скармливаешь их хищным рыбам, в своем

огромном аквариуме, и тебя не мучает чувство вины. Ты же уничтожаешь великое, то, что стоит над животным миром.

— Какой пафос, какое самомнение, вы люди все в этом. Ваша гордыня возносит вас в фантазиях на недостигаемые высоты, а когда жизнь роняет вас в реальность, вы начинаете роптать на бога — усмехнулся рыбочеловек.

— Почему ты считаешь, что имеешь отношение к свершению судеб? Почему ты убиваешь людей, так словно это блохи? — немного волнуясь спросил человек, глаза Амадо засверкали.

— Наверное потому, что могу! — отрезал андланд, а затем вновь улыбнулся.

— Неограниченная власть со временем развращает, и то, что вам смертным кажется непостижимым, для нас норма — продолжил рыболод, взор человека, помрачнел, и уперся в аквариумные радужки бога.

— Не желаете выпить превосходного одента, у меня он лучший во всем андланде — предложил рыболод, отойдя к центру скалы, где тут же начали расти стены из водяных струй, постепенно превращаясь в небольшой, уютный домик. Осторожно приблизившись к строению, Родриго ткнул пальцем в стену, и ощутил упругую отдачу, как от хорошей стали, расплющенной в лист.

— Вы не беспокойтесь господин менантр, я вас не выдам — упокоил его андланд, приглашая широким жестом пройти внутрь.

— Випул всем надоел до икоты. Он, конечно, Отец, но его страсть к мертвящей стабильности, утомила его детей. Спустя столько времени, мне кажется, что и война между нашими народами, имела не вполне окончательный и бесповоротный характер. Решения Отца привели к тому, что мы называем, гармоническим сдвигом. А это как вы понимаете несет свои издержки и неприятности. Мир замер и перестал развиваться, в случае с Випулом такая участь постигла многие миры, а это предвестник грандиозного слома.

— Что значит гармонический сдвиг? — удивился Амадо.

— Это просто. Иногда складывается такое положение вещей, когда одна из сторон нарушает принцип гармонии, создавая сильнейший крен в пользу одной из линий развития. В итоге теряем мы все, и те, что исчезают, и те, что находятся в иллюзии абсолютной победы и неограниченной власти. Вселенная не терпит однобокости, любой перекосяк ведет к кризису, и деградации. Противоречия накапливаются, и появляется новая сила, бросающая вызов вчерашнему победителю, а затем происходит взрыв, катарсис, что выравнивает возможности противоборствующих сторон. Происходит уничтожение старого, и рождение нового, несущего на себе печать старого, того, что наиболее жизнеспособно, на что опирается новое, это слияние дает толчок движению вперед. Процесс этот бесконечен, поскольку новое в своей основе уже несет противоречие, дающее жизнь тому, что порождает очередной полис противодействия новому, которое в этой ситуации занимает место старого. А Випул пытается остановить естественный ход вещей, там, где как ему кажется, он находится на пике могущества. Это его и погубит, а ты похож тот инструмент, что призван исправить нарушение гармонии, разрушить застывший мир Випула. В нынешнем сдвиге виноват именно он, но отвечать будем мы все.

Амадо внимательно слушал лекцию андланда, полулежа на удобном кресле из воды. Одента приятно холодила небо, гнев куда-то улетучился, а мозг удивительно четко оценивал каждое слово рыболода.

— В последнее время Отец, и сам почувствовал, что близится время больших перемен, к

тому же вновь всплыло пророчество Шаны. Понятно, его это не может радовать, но радикально, что-то изменить у него не выходит, как он не старается. Все его начинания рассыпаются в прах, потому что не соответствуют моменту.

— Випул верит в предсказания? — спросил Амадо, удивленный самой мыслью, что прожженный скептик Випул может склоняться к древним суевериям.

— Да, верит! Он приволок сюда двух древних дев, но на его беду, лишь третья сестра владела даром пророчества. И бедные существа совершенно зря страдают. Шана давно убита Того, а Румильда и Луна ничего не знают. Тупой Рован еще умудрился, и ранить Румильду, да так, что она умирает.

— Почему он так боится? Он почти бог, а я простой человек. Не в моих силах уничтожить его, или, тем более ваш мир?

— Э, тут все не так просто! Андланд не всегда был таким как ты его видишь. Отец родился первым, тогда мир еще не обрел формы, когда же Андланд получил материю, он создал живое и населил его. Вернее, он получил дар использовать энергию, он владеет ею.

— Тогда он бог.

— Нет, он владелец дара, но дар не вечен, закон, создавший его для своих целей, даровал ему волю, а сам устранился.

— И где он сейчас, если Випул нарушил основы гармонии?

— То никому не ведомо, но можешь не сомневаться, когда-то Отец будет лишен дара, и тогда появится Он, тот кто создал Отца, но мы отвлеклись. Сначала Випул руководствовался мудростью, также дарованной ему при рождении. Он сумел разбудить первых андланд, наделив их разумом и знанием. Тогда он любил свои творения, и помыслить не мог, чтобы прервать жизнь кого-то из нас. Андланды оказались на редкость удачны, их рождение всегда несло в мир новые качества и способности, которых не хватало Отцу.

Прошли тысячелетия, и в наш мир пришли хищные чужаки из Этлана. Их назвали Ураны, жестокость и жадность до любой плоти, вели чужаков из мира в мир. Они пожирали нас, а мы возрождались из тела наших древ жизни. Ураны нашли идеальный мир, и долго мучили Андланд, пока Отец не сказал им хватит. Тогда-то и началась война, мы победили, загнав уранцев в подземелья их мира.

В Этлане мы встретили людей, и тогда Випул впервые осознал силу эманации веры. Чистая, незапятнанная энергия, что так требовалась для возрождения Андланда, после опустошительной войны. И отец склонил людей принять его дар, чем лишил их бессмертия, а позже и памяти. Люди верили новым друзьям, почитая их как богов, а боги отняли их корни, и бросили в омут забвения.

За Этланом, мы вышли в иные миры, и там получили немало адептов. Вскоре Андланд превратился в дивный сад, полный жизни и чудес. Мы получили силу создавать свои миры, но более всех преуспел Отец, он неусыпно следил за рождением новых последователей, что в итоге породило систему управления, селекции и контроля за стадом, дающим столь ценный ресурс. Випул привлек к управлению многих андланд. Тех же, кто выступил против, так или иначе умертвил.

Позже он заключил договор с равным народом, менантрами, тогда мы и не думали, что может когда-то начаться новая война, но ты нарушил залог нашего мира. В итоге наша победа, обернулась поражением. Отец потерял чувство реальности, и не видит, что сам уничтожил гармонию мира, и ведет свой народ к неминуемой гибели.

— Для меня многое встало на свои места, но зачем ты мне все это рассказал?

— Я верю, что ты сможешь вернуть нас на путь, что когда-то сам и разрушил. Ты нужен, ты фактор гармонии. Есть Випул, поэтому нужен Убийца.

Амадо уезжал по высокому мосту, глядя сквозь него на бушующее море. Мост созданный рыболодом из воды упруго вибрировал под копытами его коня.

— Как тебя зовут, мудрейший из богов!!! — крикнул он, почему-то только сейчас вспомнив, о том, что так и не услышал имени странно приветливого бога.

— Зови меня Ирридон!!! — долетело с другого конца моста.

Лошадь легко несла человека к раскрытой двери. Краем глаза Родриго видел, как рыбочеловек прыгнул с высоты утеса в морскую пучину, широкие круги тут же погасли от накатывающих волн, окончательно скрывая властелина в бездонной пучине его совершенного мира.

На полном скаку Амадо въехал в мир гигантских цветов. Сверху жужжали насекомые столь же огромные, как и цветы, они барражировали где-то под небом, время от времени погружаясь в прекрасные медоносные чаши. Земля, выстланная опавшими лепестками, словно разноцветными, шелковыми коврами, приглушала любые шаги. Яркое солнце пробивалось между цветочными граммофонами. Родриго не хотелось покидать дивный мир, но лошадь, быстро вынесла его сквозь отворившуюся дверь.

Человека вновь окружал густой лес из трав, потрогав знак, он попытался вернуться в Фанарион, который мудрые эльфы называли Этланом, но знак не работал. Неспешно бредя среди густой растительности, всадник выехал на поляну, которая сильно отличалась от видимых им ранее. Позади открылась дверь, послышалось рычание, сотрясшее округу. Путник обернулся, оттуда, из прохода, что-то бежало на Амадо. Осталось совсем немного, сейчас оно выскочит на поляну, но дверь захлопнулась, отрезав путь зверю.

Очертания поляны походили на зал без сводов и стен, травы обступили площадку, не позволяя ничему и никому проникнуть за их плотный строй. В центре висел большой прозрачный куб из него капало, что-то голубого цвета.

Немного в стороне росло высокое дерево, с густой кроной пепельных листьев, за ним спряталось удивительной работы кресло из молочного цвета кристаллов. Вокруг дерева, густой стеной разрослись кустарники, поражающие разнообразием красок и оттенков переливающейся листвы и стеблей.

Проезжая мимо куба, Амадо увидел рыжие волосы. Всадник объехал куб кругом, внутри лежала женщина. Стенки прозрачной тюрьмы сжались и с хрустом сломали руку несчастной, запертая в ужасной клетке, она не могла пошевелиться, истошный крик перешел в плач.

Клинок высек искры из края куба, женщина открыла глаза и с благодарностью посмотрела на человека. Клетка снова сжалась, что-то с хрустом ломая, женщина застонала, струйка голубой крови потекла на землю. Амадо пытался освободить несчастную, но как не бил, орудие пытки не поддавалось.

Дверь распахнулась на поляну выскочила огромная тварь. На несколько секунд она застыла напротив Родриго, животное никак не могла решить, кто перед ней.

— Того это менантр! Убей его! — устало прозвучал голос Випула.

Мягко оттолкнувшись на задних лапах, Того прыгнул на Амадо, но знак оказался быстрее, человек исчез.

Бронированный великан выбежал на поляну, и всплеснул руками.

— Не успел! Опять он ускользнул! — кричал в гнев Випул, Того спрятался в кустах.

Один за другим на поляну вышли андланды, с удивлением взирая на Отца, который обретал прежний облик, глубокого старика. Випул подошел к креслу, и тяжело опустился на сидение. Пепельный крона распустилась, и сплетая ветви превратился в круглый стол. Андланды начали занимать свои места. Растения, окружавшие кристальное кресло, принимали форму стульев с витыми спинками, стоило хозяевам коснуться их листвы. К хозяйской руке подобрался Того, с виноватым взглядом и прижатыми ушами. Випул почесал ему лоб, и проговорил.

— Я не виню тебя дружок! Ты сделал все, что мог! Я на тебя не злюсь — глаза зверя

обрадованно расширились, Того лизнул руку хозяина, и лег у его ног.

— Я собрал вас, потому что среди нас появился предатель! Пришло время принять важные решения! — громко проговорил Випул.

Собравшиеся замолчали, с благоговением внимая словам Отца.

— В наш мир пробрался менантр! Один из тех, что сумели выжить, после Войны Чести — тихий ропот прошелестел над столом.

— Мы его все знаем, этот менантр стал причиной войны! Он получил прозвище Убийца, но вернее будет его назвать Трусом! Его подлость и трусость привели к гибели Менантра, но ему этого показалось мало и теперь он разрушает мир Этлана!

— Так почему мы смотрим на этого преступника? — возмутилась старушка в платье устаревшего покроя. Высокий воротник из черного кружева, с проросшими в нем цветочками чайной розы, напоминал воронку, в которой застряла седая голова старушки.

— Беда в том, моя дражайшая Идола, что это не так просто. Убийца обладает редким даром.

— Мы знаем Отец, но у нас же есть Бустия! Его никто не смог одолеть, он даже Даймеша победил — отозвался толстый, похожий на жука оленя, бог.

— Даймеша одолел, а Убийцу не смог!

— Что?! Как не смог?! — пробежал всплеск удивления по рядам собрания андланд.

— Бустия погиб! Погиб окончательно! Менантр подрубил его древо жизни. Сегодня же он убил нашего друга и давнего соратника, короля Дарелиана! — снова возгласы недоумения и гнева пронесли над столом.

— Я понимаю ваше возмущение и удивление. Как какой-то менантр сумел убить андланда и эльфа? Ответ прост! Нас предали!!!

Шум возмущения перешел все границы дозволенного и Випул строго глянул на собрание. Над столом, тут же повисла тишина.

— Вы спросите, кто предатель? И я вам отвечу, вернее покажу — рука Випула протянулась в сторону куба, он еще несколько раз сжался, а затем растаял в воздухе. Изломанное тело упало на землю. Того вскочил, дрожа всем телом, глаза зверя светились злорадством и плотоядным вожделением.

— Ламина, имя предавшего нас андланда! Эта женщина самовольно нарушила наш главный закон, невмешательства! Все мы знаем, как важно сохранять наше присутствие в тайне! А она!!! — Отец указал рукой на Ламину. — Она, не таясь пришла к людям, обнажая нашу божественную суть. Творя чудеса, вмешиваясь в естественный ход событий, напрямую! Позволила себя арестовать, и подвергнуть пыткам, а потом уничтожила наших главных адептов из круга черных мантий. Такое преступление само по себе достойно сурового наказания, но она сумела и в этом переполнить чашу терпения андланд. Ламина украла Варну, и вручила доспех Убийце. В итоге ее подарок стоил нам лучшего друга. Мы потеряли нашего брата. Я поражен не меньше вашего, таким вероломством! И так же, как и вы, хочу знать, что она скажет в свое оправдание!

— Не крада я доспех! — прокричала Ламина, и заплакала. Искалеченное тело затряслось мелкой дрожью, причиняя невыносимую боль несчастной.

— Лжешь!!! Рыжая стерва!!! — заорал Випул.

Движением руки, Отец раздвинул заросли, открылся проход в мир золотой осени. Высокое дерево с ветвями, каскадом ниспадающими к земле, играло на свету красно-золотистыми листьями. Громкий шелест беспокойной гривы ветвей, мечущейся, точно на

сильном ветру, ответил на движение руки Випула.

В проход вошел широкоплечий Рован, в руках бога войны сверкнул клин. Перед ним встали девы, протягивая руки навстречу. Широкий топор снес девушек, одним четким движением, окропив древо голубой кровью. Клин с размаху вошел в ствол, Ламина зашлась в крике.

— Отец!!! Остановись!!! Ты сгубишь меня, еще немного и свет жизни погаснет во мне — голос чаровницы журчал, проникая в сознание присутствующих. На мгновение Випул испытал раскаяние в своей жестокости, даже Того, жалобно заскулил.

— Ах ты дрянь!!! — вскричал Отец секундой позже, от его крика спало наваждение, андланды стряхнули очарование. — Как ты смела применять чары! Против своих братьев и сестер!

— Рован!!! — еще один клин глубоко вошел в ствол, трещина поползла в стороны, одним краем к верхушке, другим к корням дерева. К Ламине лениво подошел Того, крутанул лапой несчастную, и схватив пастью руку резким рывком оторвал ее. Женщина пришла в себя, и задыхаясь попыталась, что-то сказать.

— Твои слова нам уже не важны! Андланды, вы сами все видели! Ламина пыталась вас очаровать, что может быть красноречивее этого преступления! Думаю, тут уместен лишь один приговор! Смерть!

— Прощу тебя Отец, пощади ее, лиши тела, но не гаси ее свет!!! — взмолилась Дальчи, она припала к ногам Випула, глядя в холодные глаза мучителя. Слезы текли по юному личику, Отец застыл, и нерешительно посмотрел на андланд.

— Может она и права. Випул не стоит губить очаровашку, ведь она твоя любимица. Отложи решение, хоть ненадолго — поддержал просьбу Ирридон, забавно булькая при каждом слове.

Тяжелый взгляд Отца задержался на Ирридоне, и скрылся за тяжелыми веками, Випул мучительно думал, как поступить.

— Так и быть, я уступлю твоей просьбе дитя! Сегодня она получит еще один день жизни, чтобы вы все могли проститься с вашей сестрой. А завтра Ламина умрет! Того, она твоя!

Раздосадованный вынужденной уступкой, Випул исчез, не попрощавшись с андландами. Зверь с чувством пожирал тело рыжей богини, стараясь продлить ее мучения. Острые как бритва шипы, густо усеявшие язык зверя, снимали слой за слоем, кожу, мясо, изредка хрустели кости, перемолотые мощными челюстями. Жуткие крики, перешли в стоны невыносимых мучений, затем хрустнул череп, и все стихло. Пустая поляна, встретила равнодушием смерть богини страсти и любви.

В то же время Випул, пробуждал очередную богиню любви. Легко касаясь кроны куста, с иссиня-черной листвой, и розетками кипенно-белых цветов, Отец лепил живую плоть. Из кроны показалась голова, с длинными распущенными волосами, цвета воронового крыла, черноту прерывала белоснежная прядь. Лицо молодой женщины выражало удивление, а большие, черные глаза, в которых светилось любопытство и озорство юности, смотрели расширенными зрачками на Отца.

— Надеюсь ты меня не разочаруешь — удовлетворенно проговорил Випул, и положив руку на тугую грудь, поцеловал юную богиню, в раскрытые от удивления губы.

Вздрыгнула земля, беспокойно зашумели плакучие ветви красно-золотистого цвета.

Того привстал на полусогнутых лапах, и зарычал. Легкий прыжок вытолкнул сильное тело зверя высоко вверх, передние лапы скользнули по базальтовому телу, многорукой великанши Утнаты. Каменная длань перехватила пасть зверя стальной хваткой, Того выкрутился, и ухватил богиню смерти за ногу. Мощный пинок отшвырнул зверя в сторону, но он тут же поднялся на пружинистых лапах и в один рывок настиг Утнату, покачнув великаншу. Руки богини ловко ухватили челюсти зверя и растянули смертоносный капкан в стороны, острые когти рвали живот и ноги великанши, оставляя на камне глубокие борозды. Разъяренная Утната уперлась ногами в землю, стопы потонули в прибрежной гальке ручья, по широкой спине Утнаты заходили валы мышц, а три пары рук с усилием разошлись, раздирая пасть Того. Зверь рванулся, но лапы заскользили на окатанном щебне, мощный хруст сломанных челюстей оборвал истеричную возню любимца Випула. Налитые яростью глаза закатились под верхнее веко, тело обмякло. С глухим стуком Того упал на землю.

Великан застыл, белокурая дева подбежала к дереву Ламины, ее тонкая рука держала хрустальный флакон похожий на каплю. Пространство всколыхнулось, на месте дерева образовалась глубокая яма. Внутри флакона застыла миниатюрная копия израненного дерева с застывшими в движении плакучими ветвями красно-золотого цвета. Флакон исчез в черепе, одном из тех, что в изобилии украшали шею и пояс Утнаты. Великанша ожила, и с громким топотом направилась к роще Совета, впереди возник Рован, огромный топор не успел ударить Утнату. Быстрый кулак великанши отшвырнул бога войны в сторону. Изумленно глядя во след удаляющейся богине, Рован попытался встать, но ноги воина плохо слушались. Он тряхнул головой, и дурнота отступила.

— Стой Дальчи, сейчас придет Отец! Стой дура, с ним ты не справишься! Хотя тебе уже ничто не поможет. Беги!!! Пока можешь.

Великанша застыла на поляне и минутой позже испарилась, оставив легкую дрожь воздуха. Появился Випул в куари белого дракона, извиваясь длинным телом отец проскользнул на поляну.

— Почему ты ее отпустил?! — прогремел голос дракона. — Даже я почувствовал, что она совершила преступление, а ты, страж нашего мира, как всегда, оказался не способен остановить преступника!

— Отец, ты потерял своего зверя, потому, и почувствовал, что свершилось преступление. Я всего лишь воин, не вини меня, лишен я дара интриги!

— Отговорки! Всегда отговорки! А ну тебя! — Випул махнул рукой на Рована, его тело уже вернуло облик старика. — Что с ними случилось? Предают один за другим — с недоумением проговорил он про себя.

— Рован найди Дальчи, и принеси мне ее голову! И не забудь Ламину, ее мы казним показательно, чтобы другие видели, чем кончается предательство Андланда! О, я постараюсь, чтобы этот урок не забыли никогда — процедил Отец сквозь зубы.

Непроглядная чернота застыла не меняясь. Родриго подумал, что застрял между миров, пока едва слышный всплеск капли, не оглушил его. Подземелье догадался человек, вопрос только какое. Зеленоватый оттенок сменил бархат черноты, пространство начало обретать привычные формы. Вот скалы, вот сталагмиты, а там небольшое озерцо, он уже бывал здесь, когда вместе с отрядом гномов попал в засаду Хозяйки. Это случилось в соседней пещере, ага вот и поток. Стараясь не шуметь Амадо пошел вдоль речушки, зверье разбежалось в стороны, не желая переходить ему дорогу.

Он скорее почувствовал, чем увидел присутствие. Присутствие, того, что не должно находиться в мире живых. Из темноты вспыхнули два горящих пятна, сбоку появились еще два. Огненный оскал мертвецов, устремился к Амадо. Братья нашли его, он слишком беспечно пользовался знаком.

Кромешную тьму осветили искры, разлетающиеся яркими снопами. Хлесткий звон отскакивал от камня и долгим эхом угасал в невидимых коридорах подземного царства. Четкие силуэты синеватого оттенка, мелькали перед Амадо, нагината одного из Братьев, несколько раз задела шею человека. Второй норовил прижать Родриго щитом к стене, чтобы покончить с врагом одним ударом хопеша. Броня Отца выдерживала самые точные удары, отбрасывая оружие Братьев. Короткий меч удобный в узком пространстве пещерных коридоров, дал значительное преимущество человеку. Вскоре один из нападавших отступил, удивленно сжимая ярко светящийся в темноте обрубок руки. Только вовремя подставленный щит соратника, спас его от неминуемой гибели.

Молниеносный удар хопеша оглушил Амадо, и его прижали щитом к полу. Клинок, превращенный в копье, скользнул по металлу щита, и уткнулся во что-то сбоку. Инвент с отрубленной рукой, выронил нагинату и пошатываясь отступил назад, мгновением позже скелет повалился на спину.

Изогнутое лезвие хопеша высекая сноп искр скользнуло по горлу Родриго, мощный толчок отбросил навалившегося сверху Инвента. Ловко кувыкнувшись, Брат встал в стойку. Человек отбросил короткий клинок, в руке Амадо закрутился полторный меч. Щит задрожал от удара Неблы, а секунду спустя распался на две части. Силы удара не хватило, чтобы отрубить Брату руку, державшую щит, но последовавший укол достиг своей цели. Череп скелета потек потоками лавы, заливая глаз монстра. Качнувшись, Инвент осел на колени прикрываясь хопешем, так, что последующие удары соскользнули с выпуклой грани клинка. Амадо навалился сверху на врага, пытаясь сдвинуть секиру Темного, чтобы нанести последний удар. Хопеш переломился, Инвент ловко увернулся и успел перехватить Неблу за рукоять и клинок. Скелет попытался оттолкнуть человека. Пальцы, что ухватились за полотно меча отлетели, но толчок со стороны рукояти потряс Родриго в сторону.

Меч менантров, что отбросил Амадо, оказался в руке врага. Высоко подскочив Инвент перепрыгнул человека, и исчез в темноте у него за спиной. Мгновение спустя, позади что-то с силой врезалось в шлем Родриго, в голове зазвенело, рыцарь оступился, прикрываясь руками, и стараясь увернуться от града ударов. Редкие всплески света, от обильных искр, слетавших с его брони, освещали зверский оскал чудовища. Темный меч закрутился вокруг, отрезая путь к телу Амадо. Брат сделал сальто назад, и в один прыжок поднялся высоко на стену, чтобы затем атаковать человека из-под потолка пещеры. Рукоять Неблы встретила голову Инвента, отшвырнув череп неживого назад, скелет рухнул около Родриго. Удар сверху пробил грудину Брата, клинок менантров выпал из скелетированной руки, и громко звякнув, отскочил в сторону. Инвент попытался подняться, затем резко опал, и застыл. Амадо склонился над телом, скелет несомненно умер, его соратник также не подавал признаков жизни.

Родриго отошел к копейщику и резким движением отсек череп скелета, от тощего тела. Удерживая за нижнюю челюсть трофей, он вернулся к мечнику.

— Вот и обещанный дар! — прозвучал позади знакомый голос.

Испуганно обернувшись Амадо почему-то спросил.

— Хозяйка?!

— Отдай ее мне! — строго ответила Хозяйка, протянув руку к отсеченной голове.

— Да, конечно. Я тебе обещал, она твоя — голова в руке, постепенно остывала, глазницы почернели, а на срезе застыли горячие капли внутреннего огня Инвента.

Хозяйка взяла краснеющий обрубок, поднесла к лицу, и шумно втянула воздух, точно, что-то вынюхивая. Жуткая улыбка наползла на лицо старухи, глаза алчно сверкнули.

— Вот, благословение мое, прими и помни щедрость Ками — проскрипела Хозяйка. Сухая рука протянула фигурку, изящно выточенную из камня, сильно смахивающего на малахит. Амадо покорно принял подарок. Доспех исчез, в его ладонь упала подвеска в виде неизвестного животного. На ощупь она показалась необычно теплой. Подвеску хотелось держать бесконечно, ощущая тепло и покой, исходящий от камня.

— Благодарю Хозяйка.

— То помощь моя, что облегчит твой путь. Коснись ее и вспомни обо мне, когда наступит самый страшный час. Приду к тебе на выручку, но только под землей, нет власти сверху у меня, давно утрачена она. Вторую голову возьми себе, кто знает, может пригодиться.

Амадо повернулся, чтобы продолжить потрошение врагов, резкий окрик Хозяйки остановил его.

— Постой, я чувствую, принес ты душу!

— Душу? Кого? — испуганно спросил человек.

— Тарма! Супруга моего!

— Прости! Я не успел...

— Не стоит! Тарм сошел с ума, в припадке ярости бог камня чуть не извел детей своих под корень. Сон дал ему покой, и передышку гномам, что славятся любовью к камню. Подземные трудяги, смогли вернуть себе свой дом, но то давно уже предания седых времен. С собою носишь ты, угрозу для всего живого. Верни мне Тарма душу, и никогда гневливый боле не проснется. Я сберегу покой супруга, и не позволю глупым детям поддаться зову их отца — старуха тепло улыбнулась, ее глаза лучились светом.

Впервые Амадо увидел, что она когда-то тоже носила имя Мая. Не минуты, не сомневаясь он отдал Хозяйке Душу Тарма. Камень вибрировал и зывал к человеку, но прикосновение старухи успокоило его, погрузив в беспробудный сон.

— Какой у тебя жуткий меч — покачала головой Хозяйка. — Много бед он принес, многих сделал злодеями, дар плохой, но честный. Что ж заканчивай дело и наверх возвращайся, к солнца яркому свету — проговорила Ками, строго глядя на человека.

Родриго поклонился, и привешивая фигурку на цепочку подле знака, подошел ко второму телу. Стоя над Инвентом, человек оглянулся, Хозяйка исчезла, на груди Брата что-то сверкнуло. Удивленный Амадо наклонился к телу, и резко отшатнулся, вытаскивая меч. Рука мертвеца лежала совсем иначе, а в ладони Брата блестел небольшой медальон. Отскочить Родриго не успел, враг впился одной рукой ему в горло, а второй, лишенной пальцев, прижал рукоять меча к ножнам, не давая извлечь клинок. Костяные пальцы все сильнее сжимали горло, без доспеха побороть Инвента сил не хватало. Амадо дотянулся до пряжки пояса, броня окутала тело, и шея выскользнула из цепких пальцев Брата. Неожиданно Инвент исчез, точно растворился в воздухе. Едва переведя дух, Родриго, ощупал саднившее горло. Страшная мысль обожгла сознание человека.

— Знак!!!

Амадо испуганно ощупал цепь. Фигурка Хозяйки обдала руку приятным теплом, а знак

исчез, осталось только разорванное кольцо, что соединяло его с цепью. Звонко ударив себя по лбу, человек заходил кругами в абсолютной темноте, гневно проклиная свою глупость и злую судьбу.

Толпы празднично одетых горожан, и селян, что пришли из близлежащих деревень, запрудили улицы. Мимо прошли мужики навеселе, громко горланя кабацкую песню. Пришлось пробираться пешком, стража, также немного под мухой, лениво провожала сурового путника мутным взглядом. Городские сады гремели музыкой и веселым смехом, женский голос выводил романтическую песню.

Грозные гвардейцы остановили его на подступах к залу приемов, общее веселье обошло их стороной, отчего они особо ретиво придирались к посетителям. Пришлось сдать оружие, уличное веселье сменилось, чопорным этикетом двора. Танцы много сдержаннее, мелодии аристократичнее, а дамы, с виду, скромнее.

Инан вышел, и Амадо решительно никто не мог ответить, где находится новоиспеченный монарх. Расспросы о короле вскоре привлекли внимание стражи, и людей Килла Тортвайна. Нагловатый детина, проводил его к командиру королевских соглядатаев.

Тортвайн младший обрадованно поприветствовал Родриго, и пригласил в соседний зал. Малый зал вмещал в себя весь цвет Амوراتской аристократии. Среди гостей Его Величества Амадо заметил Эбона. Король Мальдиды со скучающим видом беседовал с новым коннетаблем. Раскрасневшийся от выпитого вина Питер Новис, пытался, что-то втолковать Эбону, но тот сдержанно отказывал настырному собеседнику. Заметив Родриго, он сделал ему знак и облегченно вздохнув, покинул несколько растерявшегося коннетабля.

— Эту коронацию запомнят на долгие годы! — начал беседу король Мальдиды.

— Наверное — уклончиво ответил Амадо.

— Что вас привело во дворец? Говорят, у вас тут есть очень влиятельные враги, и они поклялись кровно отомстить вам — предупредил собеседника, Эбон.

— Не удивительно — усмехнулся Амадо. — Этим меня не испугать, рад вас видеть дорогой мой зять — он искренне улыбнулся. В ответ, блеснула, белоснежная улыбка темнокожего короля.

— А, вот вы где собрались, родственнички — шутливо вмешался, в разговор Килл Тортвайн.

— Представляешь, Родриго, мне удалось убедить Инана вернуть Лампеду Эбону. Ох у меня и врагов теперь, если бы ты знал — откровенничал главный соглядатай, будучи немного в подпитье.

— А взамен, что? — удивленно отозвался Амадо.

— Защита границ — ответил Эбон. — Мне придется отгонять орочи орды, и банды Караманта от Амората. Поверь это выгодное предложение, половина золота Лампеды останется в моих руках — попытался оправдаться Эбон, заметив сомнение на лице Родриго.

— Ты вассал Инана? — спросил Амадо.

— Нет, я король, равный среди равных, но мы заключили вечный союз с Аморатом. После такого разорения, мне понадобится мощный союзник — ответил Эбон. — К тому же после гибели Темного короля, орки притихли. У них теперь война между собой, а люди темного королевства сбились в банды и пытаются вернуть свой дом. К тому же мне обещано не препятствовать в моем продвижении на земли Караманта. Думаю, что лет через пять наведу порядок в землях деда, и тогда все встанет на свои места.

— Что ж тебе виднее. Ты король, и только ты принимаешь ответственность за судьбу своего королевства — ответил Амадо. — А что стало с телом Кейста? Я слышал, что не могли найти места, где его можно окончательно похоронить.

— Мы его тело спрятали в секретной гробнице, далеко в горах. Там теперь стоит сторожевой форт в сто человек, охраняет вход в усыпальницу от любопытных и сумасшедших, что считают Кейста богом. Дорого, но покой дороже, лучше пусть он никогда не проснется — с содроганием проговорил Эбон.

— А голова в железной долине? — не унимался Амадо.

— Нет, она исчезла. Мы пытались ее найти, но в смуте, после смерти Скюло, все так сильно перепуталось, что следы похитителей затерялись — почему-то оправдывался глава Ока короля. — У меня есть подозрение, что наш предприимчивый Нофль организовал ее кражу и отправку в Эманторан. Уж очень у Великого инквизитора теплые отношения сложились с остроухими — ответил Килл, раздраженно закусив седой ус.

— Ясно. Может оно и к лучшему — отозвался Родриго.

— Пожалуй. Так оно надежнее — согласился Эбон, Килл неодобрительно покачал головой, но промолчал.

— Как Эли? Лафна? — неожиданно сменил тему Амадо.

— У них все хорошо, они круглосуточно под надежной охраной. Хотя мне думается, что только Темный король и желал смерти моей жены.

— Возможно. Возможно — с сомнением, пробубнил Амадо.

Повисло неловкое молчание, в зал вошел Инан, придворные потянулись к монарху. Эбон виновато улыбаясь попрощался и протиснулся к Инану, король Амората, хитро щурясь поманил короля Мальдиды к себе, и вышел вместе с дорогим гостем из зала.

— У них вроде союз намечается — тихо проговорил Килл. — Жаль отец совсем плох, он так ждал этого момента, так хотел, чтобы Аморат освободился от власти дурака Шотали.

— Что, совсем плох? — с сочувствием спросил Родриго.

— Да — придавлено отозвался Тортвайн младший.

— Жаль старика Гуго, настоящий рыцарь, проклятая старость... — Амадо оборвал себя на полуслове.

— Ты теперь куда собираешься? — спросил Килл, испытующе глядя на собеседника.

— Мне надо в Железную Долину, туда и отправлюсь.

— А потом?

— Не знаю. Боюсь, потом не будет — грустно ответил Амадо.

— Что за чушь ты несешь? Инан коронован, что тебе еще надо, прими его предложение и служи как его деду.

— Ты не понимаешь, Килл, в мире есть вещи пострашнее ваших междоусобных войн, и сейчас идет время, когда вам придется договариваться или...

— Или? — напряженно повторил Килл.

— Или нас не будет — подытожил Амадо.

— О чем ты говоришь, никак в толк не возьму? Говори яснее, хватит этих, вокруг да около. Кто наш враг, если это Гвидо, то я его спровадил в Сальяд. Подальше от нашего короля, так сказать, чтобы соблазна не было. Но Сальяд нам сейчас не противник, завтра сюда приедет посольство от Железных королей. Этот союз заставит Гвидо десять раз подумать, прежде чем начать войну. У нас нет врагов. Эльфы? Им не до нас. Кто еще? Кто может сейчас бросить вызов Аморату с его союзниками?

— Пока я ничего тебе не отвечу Килл. Ты мне, не поверишь, но, когда придет время, обещаю, я приду и встану в первых рядах. Когда придет время.

— И когда оно придет? — с усмешкой поинтересовался глава королевских шпионов.

— Думаю скоро, у нас есть год, может чуть больше.

— Мне кажется ты сгущаешь краски — совсем расслабился Тортвайн младший, он от души хлопнул Родриго по плечу, и весело проговорил. — Пойдем напьемся, все-таки праздник!

— Не могу. Я вечером уже уеду. В другой раз Килл.

— Ох и нудный ты Родриго! Ну в другой, так в другой! Жаль! В «Веселых окорочках» сегодня собрались все наши знакомые, они были бы рады тебе!

— Не могу — извиняюсь, но твердо ответил Амадо.

Тортвайн улыбнулся и еще раз хлопнул по плечу старого знакомого, понимающе махнул головой и отпустил странного чужака.

Темные коридоры, пропахшие плесенью и сыростью, резко оборвались. Гвидо ослеп от серебристого света полной луны. Закрыв глаза руками, он простоял несколько минут, не решаясь отрыть их.

— Сир надо торопиться, стража скоро хватится — громким шепотом предупредил освободитель.

— Да, да, ты прав Батисто, идем.

Тайный ход вывел их за пределы крепости инквизиции, и вскоре беглецам вновь пришлось нырнуть в непроглядную тьму городских подземелий Амората. Спустя полчаса они оказались за пределами городских стен. По неприметной тропе, Батисто уверенно провел короля к лодке, что ожидала беглеца качаясь на темной воде широкого рва. На противоположном берегу, в тени домика лодочника, паслась оседланная лошадь.

— Поторопитесь сир, скоро начнет светать, надо спешить — приговаривал его освободитель.

Едва Гвидо опустил в седло, как рядом неизвестно откуда появились несколько всадников. Испуг короля быстро растаял, когда он заметил среди окруживших его, воительницу, ту самую, что спасла жизнь монарха в битве с Темным королем.

— Ты?! — удивленно воскликнул Гвидо, забыв об осторожности.

Жесткая, маленькая ладонь твердо легла на его губы, сверкнув белоснежной улыбкой, воительница прошептала.

— Король, не дури. Нас мало, и, если они услышат, тебе и моим девочкам конец — она показала глазами на стены города, а потом на отряд амазонок, что окружали короля.

Гвидо закрыл и открыл глаза, давая понять, что будет молчать. Дева улыбнулась и повела его лошадь в поводу, прячась в тени хат простолудинов, которые выстроились по ту сторону городского рва. Отряд двинулся следом, стараясь окружить, важную персону. Руки воительниц то и дело касались, готовых к стрельбе луков. Батисто куда-то пропал, а дорога вскоре вывела их на тракт ведущий в Сальяд.

Несколько дней спустя, по Сальяду прошло известие, король вернулся и собирает армию, чтобы оспорить трон Амората. Первоначальный энтузиазм быстро пошел на спад после появления новостей о союзе Амората и Мальдиды, но Гвидо еще надеялся на помощь со стороны Фарейза.

Король Сальяда отослал несколько сундуков с золотом в качестве подарка, желая заручиться поддержкой сильнейшей армии региона. Через неделю пришел ответ от канцлера Вильшу, который привел в уныние окружение Гвидо. Несмотря на обещание пятисот тысяч золотых, канцлер Железной долины в учтивой форме, нахамил, королю Сальяда. Ссылаясь на союзный договор с Аморатом, он сообщил буквально следующее: — «Поскольку мы уже имеем союзнические обязательства перед нашим дражайшим соседом, Инаном Аморатским, то корона Железной долины не видит возможным, принять Ваше предложение. Сколь бы оно ни было заманчиво. К тому же следует присовокупить, определенное обережение Вашего Величества от необдуманных решений, поскольку смею Вас уверить, при любом движении к границам Амората, Железная корона исполнит свой союзнический долг, с присущей ее политике неотвратимостью и жесткостью. По сему кланяюсь, безмерно нами уважаемому Гвидо Шотали, королю Сальяда, с пожеланием долгих лет правления, в мире и

дружбе с соседями. Да приумножит Всевышний ваши дни, и убережет Ваше драгоценное здоровье от напастей земных и духовных. Искренне Ваш Казимир Вильшу, канцлер Фарейза, уполномоченный его королевским Величеством, королем Ару, и Его Величеством, королем До».

Ответ железных королей привел Гвидо в бешенство, он разнес кабинет, и едва не кинулся с мечом на своего слугу, случайно попавшего под руку. Отказ Вильшу решил исход не начавшейся войны, Гвидо вынуждено принял решение свернуть поход на Аморат.

Рыцарство Сальяда убедило короля отказаться от войны. В процессе обсуждения вопроса, зал королевского совета едва не превратился в зал убийства Гвидо. От прямого нападения короля спасла его новая охрана, только на воительниц мог положиться молодой король Сальяда. Периодически впадая в бешенство, Гвидо приказал, отправить посольство в Аморат для заключения мира, на чем настаивали аристократы королевства, кровно заинтересованные в рынках соседа, и Торговом тракте железной долины. Посольства долго разбирались, и спорили, как решить возникшую наследственную коллизию, пока Килл Тортавин, не подкинул идею коннетаблю. Старый хитрец предложил передать престол тому из монархов, что оставит после себя наследников мужского пола.

Обрадованные стороны, быстро состряпали договор, по которому предусматривались следующие условия разрешения династической неразберихи. В случае если у одной из корон, по смерти правителя, не останется наследника, ее трон переходит монарху соседнего королевства. В случае если у одного из королей есть наследник женского пола, а у другого наследник мужского, они обязуются сочетаться браком, дабы впредь пресечь распри вокруг наследования престолов обоих королевств. В случае если у обоих правителей останутся наследники мужского пола, то трон передается от отца к сыну. Последний пункт договора признавал право на трон, настоящих королей обоих королевств, пожизненно.

Задачу облегчало совершенное равнодушие к заключаемому договору со стороны Гвидо. Он уступил своим вассалам, и оставил все последствия по заключенному миру на их совести. В этот момент Гвидо больше волновала внезапно вспыхнувшая любовь к экзотической амазонке. Очень скоро завершившаяся грандиозным празднеством бракосочетания.

Новая королева Этельвейда, единственная, из приближенных к королю, умела усмирять его необузданный нрав. Многие ранее знавшие Гвидо, поражались переменам, произошедшим с королем Сальяда после брака с иноземной воительницей. Не все смогли принять смену политических сил при монаршей особе, и вскоре вскрылся заговор, Этельвейду попытались отравить. Жестокость, с которой Гвидо умертвил заговорщиков, вызвала шок среди аристократии Сальяда, и новый заговор, столь же провальный, как и первый. Год спустя руки оппозиции связало появление наследника, мальчика охраняли днем и ночью, к ребенку не подпускали никого кроме самых доверенных лиц, и он выжил. К королеве потянулись первые, робкие сторонники. И вскоре Этельвейда могла опереться на мощный кулак среднего рыцарства, внезапно отодвинувшего от двора старинные аристократические семьи.

Комната, привычно бедная, других он в последнее время и не знал, тускло освещалась луной. Ночное светило роняло призрачные лучи сквозь решетку оконного переплета, разделяя грубый, дощатый пол на ромбы. Амадо устало опустился на горбатую крышку сундука, прислонившись спиной к прохладной стенке. Мысли роились вокруг последних событий в Сальяде. Участь Гвидо Шотали его не очень беспокоила, но идея приставить к

королю амазонок оказалась весьма неглупой, хорошо, что Килл не понимает его интерес в этой затее. Хотя он неглуп, и скорее всего что-то подозревает, ну пусть все так и остается. Погрузившись в мысли Родриго, непроизвольно улыбнулся.

— Впервые вижу, чтобы ты улыбался. Я думала ты не умеешь — прозвучал из темноты высокий женский голос.

Холод пробежал по спине Амадо, доспех мгновенно закрыл тело, а рука забегала в поисках клинка. Затем застыла на половине пути, и вернулась на колени, доспех исчез, свернувшись в пояс.

— Ты меня напугала. Ей богу, я чуть в штаны не навалил — все еще приходя в себя ответил Родриго.

— Что-то ты слишком пугливый, для того, кого сами боги зовут Убийцей — отозвался из темноты задиристый голос.

— Зачем ты пришла? Мне казалось, что смерть Риманта расставила все точки над и. Что ты еще от меня хочешь? — спросил Амадо, сурово сдвигая брови.

— Мне нужна твоя помощь. Мне и моей подруге. Помочь нам можешь только ты, поэтому я здесь.

— Дальчи я не стану встречать в ваши разборки. Андланд слишком много у меня отнял, чтобы я влезал в ваши дрызги, и искал среди вас хороших и плохих. Для меня вы все одинаковы, и все заслуживаете смерти. Поверь, мне совершенно без разницы кто вас убьет, я или ваши же сородичи, что возомнили себя богами.

— Другого ответа я и не ждала — делано равнодушно ответила Дальчи. — Поэтому, я пришла не с пустыми руками — она показала на стол перед Родриго, он с удивлением заметил, что прямо перед ним стоит его сокровище.

В голове пробежала мысль, что он совсем потерял внимание, если не заметил черную коробку, прямо у себя под носом.

— Как ты? Где? Я ее искал, но не смог... Откуда ты знаешь, тебе рассказал Крапор? Ты с ним заодно?!

— Кто? Не знаю никакого Крапора, я слышала ваш разговор с Бустией, когда ты его..., когда ты его убил. Я за тобой следила, это я закрыла двери перед Того, когда он тебя почти настиг. Потому можешь меня не убеждать, что тебе все равно, что будет с нами. Я видела, как ты пытался спасти Ламину. Тогда я поняла, что ты единственный, кто не боится Випула.

— Ты ошибаешься — недовольно пробурчал Амадо. — Да, если даже и так, зачем мне лезть в ваши дрызги. Там я поддался случайному порыву души, сейчас я не готов выступить против Випула.

— Я дам тебе мотив. Это Випул приказал убить Риманта.

— Что за бред?! Зачем?! Кому мог помешать, какой-то поехавший лекарь?! — не сдержался Родриго, его затрясло мелкой дрожью, а тело напряглось как перетянутая струна.

— Инан Второй должен был умереть, его место предназначалось Стефану Нофлю, Римант вмешался в планы Отца.

— Я знал, что вы сволочи, но, что настолько — после недолгого молчания произнес Амадо.

Он грохнул кулаком по столу, и вскочил с места. В дверь постучал половой, и поинтересовался все ли в порядке. Родриго ответил, что во сне упал с кровати, а сам сверлил глазами ночную гостью. Дальчи начала тяжело дышать, Амадо с заметным усилием отвернулся.

— Значит мор принесла ты? — спросил он, глядя в сторону.

— Я. Я много раз его приносила, неурожай, и голод тоже моих рук дело, верующих надо прорезать, останавливать, когда они переходят черту.

— Что за черта? Вы и так лишили мой народ бессмертия, неужели вам мало?

— Это не я решаю. Отец приказывает, и никто не может ему противиться. Мы низшие боги, он верховный. Випул решает, кого, когда и как удалить из общей игры. Наша главная задача остановить развитие человека. Нам требуется ваша вера в высшие силы, она питает мой мир, делает его бессмертным.

— Значит Ирридон не врал?

— Нет. Войны, голод, болезни, неурожай способы контроля за развитием человека. Мы лишили вас бесконечно долгой жизни, и нам казалось, что тем самым мы остановили вас. Но человек невероятно приспособляемое существо, вы начали передавать знания из поколения в поколение, и хоть, и медленно, но двигаться в своем развитии вперед. Тогда пришлось использовать методы регуляции. Иногда мы полностью зачищаем зрелые поколения оставляя лишь младенцев и несмышленишек. Тогда мир начинает развитие заново, пока не приходит миг максимальной жатвы.

— Сколько?

— Что сколько?

— Сколько раз, вы зачищали взрослое поколение?

— Шесть. Поначалу мы не умели пользоваться методами политической игры. Сейчас, в соединении с методами регуляции численности, они позволяют избегать полного уничтожения поколений. Агенты Андланда есть во всех королевствах, их интриги позволяют незаметно проводить нашу волю, потому народы Фанариона сами того не замечая идут путем, который заложил Отец. Випул стремиться сохранить необходимый баланс между развитием и верой, для чего одни народы поднимаются, а другие падают вниз, теряя свою культуру и знания, накопленные за тысячелетия.

— Кто занимается войной?

— Это не так просто. В политику играем мы все, зачастую враждуя друг с другом, но общий интерес никогда нас не разведет в стороны окончательно. Главный стратег Отец, его мудрое планирование обеспечило наше многовековое благополучие.

— Но вы его боитесь.

— Нет, мы ему благодарны. Хотя, наверное, и боимся, как строгого отца, и сурового учителя.

— Почему теперь? Почему ты предала свой народ, Отца?

— Он убил Риманта, он едва не убил Ламину, что заменила мне мать. Отец жестокий. Он меня обидел, и мое сердце жаждет мести.

— И ты хочешь, чтобы я свершил твою месть. Нашла Убийцу. А если я и впрямь убью его, что тогда будешь чувствовать? Ты ведь меня возненавидишь.

— Мне все равно, что ты сделаешь с ним. Для меня нет пути назад, как нет его и для Ламины. Випул нас убьет, а я хочу жить. Поэтому я пришла к тебе, к тому, кто призван вернуть гармонию миру. Спаси меня, и тогда наш мир, оставит ваш в покое. Даю тебе свое слово!

— Да, тебя похоже действительно жизнь прижала — ухмыляясь проговорил Родриго.

— Где твоя подруга? — спросил он, сдержанно глядя в холодные глаза Дальчи.

— Она нам не помешает, я ее поместила в фиал покоя — в руке Дальчи засветилась

похожая на каплю прозрачной жидкости, бутылочка, размером не больше золотого.

— Тем проще. Тебе придется переодеться, в платье простолюдинки. Завтра я найду место куда смогу тебя вывезти, и хоть ненадолго спрятать. А пока ложись спать, завтра решим, что делать дальше.

— Ложись, спи. Я тебя постерегу — не двигаясь с места отозвалась Дальчи.

— Как хочешь, а мне надо выспаться — Родриго встал из-за стола, и прямо в одежде повалился на кровать.

Немой свидетель непростого разговора дух представителей разных миров, луна, исчезла, уступив место мириадам сверкающих звезд.

Небесно-голубое окружение усыпляло, даже Дальчи начала зевать. Приемная в доме Эвелин, все так же напоминала комнату легковесной дурочки, живущей лишь новостями светской жизни. Глаза хозяйки дома сияли, слишком много времени прошло с последней их встречи. Она проводила его в путь, а после узнала, что он оказался в центре резни, произошедшей во дворце, никаких подробностей она так и не смогла получить. До нее доходили лишь слухи, что Амадо жив. Эвелин обижало, что, посещая Железную долину, Родриго, так ни разу и не появился в ее доме, но сейчас она это скрывает и светилась радушием.

Дальчи узнала свою жертву, она помнила первый провал, и про себя радовалась тому, что хозяйка не догадывается, кто сегодня гостит в ее доме.

После вежливых приветствий, Амадо сообщил Эвелин, о гибели Риманта. Лицо женщины изменилось, она с трудом справлялась со слезами, неожиданно подступившими к горлу. Они душили Эвелин не давая вздохнуть, отчего голос казался придушенным и неестественным. Мокрые глаза смотрели с мольбой на Родриго, особенно когда он попросил позволить ему воспользоваться ее родовым замком, располагавшимся далеко в горах.

Замок достался Эвелин от мужа, строение больше семидесяти лет пустовало, и совершенно не годилось для проживания. Эвелин догадывалась, что Амадо вновь ввязался в какую-то опасную историю, и эта молодая красотка главная ее участница. Сердце влюбленной женщины чувствовало страшную угрозу от невинной девушки, даже не от нее, а от того, что виделось за ее спиной. Отказать она не смогла, Нарагон пустовал и отказ выглядел глупо, ее могли неправильно понять.

Как только Дальчи вышла из комнаты, в отведенную для нее гостевую, Эвелин подошла к Амадо. Руки женщины обхватили его лицо, не отрывая взгляда от чужих, черно-потусторонних глаз мужчины, она заплакала.

— Остановись! Ты же видишь, чем это закончилось для Риманта! Его уже нет. Нас некому спасать, без нашего лекаря у нас больше нет второго шанса. Я не хочу и тебя потерять. Нас и так очень мало. Остайся, остайся со мной, не бросай меня, как ты это делаешь с другими своими женщинами. Остайся. Я тебя люблю, прошу, остайся. Я чувствую беду, я не хочу... — Эвелин зарыдала не в силах остановить поток горечи, накопившейся в сердце за многие годы суровых испытаний.

Когда-то она верила, в то, что выжить удалось только ей, и от этой мысли ей становилось тоскливо и жутко, но ее не мучила надежда. Теперь, когда она знала, что остались и другие, в ее сердце нестерпимой болью отдавалась потеря каждого из соплеменников. Проживая в покое, она с замиранием сердца собирала крупицы известий о ее любимом мужчине. С надеждой ожидая, что когда-нибудь он вернется, чтобы остаться

навсегда рядом с ней, но Эвелин вовсе не желала, чтобы с ней осталось его упокоенное тело.

Опустив глаза, Родриго слушал причитания женщины, ставшей за долгие годы родной. Его сердце рвалось к ней, а разум заставлял показывать сдержанность, не позволяя проявить, хоть каплю сострадания или тепла. Он отстранился, и высвободившись из ее объятий встал. Она испуганно и непонимающе посмотрела на него, он, не глядя ей в глаза проговорил.

— Эвелин, я вернусь! Вернусь к тебе! Но сейчас! Мне надо идти. Я должен помочь этой женщине. От этого зависит, и моя и твоя жизнь, а может и жизнь множества миров. Я вернусь. Я обязательно вернусь — он быстрым шагом вышел из комнаты, оставив заплаканную Эвелин в одиночестве.

Дорога вилась крутым серпантинном, охватывая отвесную стену вздыбленного в незапамятные времена камня. Над головой беспрестанно слышался клекот орлов, Амадо то и дело поднимал лицо к небу, стараясь разглядеть птиц, преследовавших их на протяжении всего пути. Дальчи испуганно оглянулась, ее лошадь шла впереди, рыцарь мотнул головой давая понять, что ничего страшного не произошло, девушка вновь уставилась на узкую дорожку, бегущую вперед. Стены, сложенные прямо на скальном выступе, нависли над путниками. Дальчи остановила лошадь, пораженная величием строения человеческих рук.

— Зачем она здесь? — спросила девушка.

— Ее построили триста лет назад, люди тогда воевали с эльфами. Нарегон следил за основными путями, и в случае опасности подавал сигнал — Родриго показал вниз, где далеко в долине вились две дороги, сталкиваясь возле самых гор.

— Кто победил? Ладно можешь не отвечать — тут же оборвала себя девушка, заметив, как ее провожатый поморщился.

— Эльфы победили, но крепость так и не смогли взять. Правда защитникам пришлось снести ворота и вывести гарнизон. С тех пор Нарегон стоит почти всегда пустой, в угрюмом ожидании, когда люди вернуться и вновь засияют его огни, призывая взять реванш над коварным и жестоким врагом.

— Почему вы не можете жить без войны? Зачем уничтожать Эманторан?

— Эльфы делают, тоже, что и твои сородичи. Только в качестве подопытных у них людское племя. Они разрушают все, что может представлять угрозу их могуществу. Вражда, кровь, рабство все это несут вечно живущие. Мудрые и жестокие подстать их учителям и создателям. Люди не забудут нанесенных им обид, и когда-нибудь вернут все с торицей.

— Эманторан тоже ждет упадок, их судьба предрешена, но эльфы не заслужили того, чтобы их народ исчез. Их помыслы и устремления чище, чем у вас, у людей. Вы пали намного раньше, чем мы вас лишили долголетия. Твои предки устроили страшную войну, едва не лишившую этот мир всего живого. Андланд спас Этлан, подарив ему великих и мудрых эльфов первой эпохи, но вам людям показалось, что вы в опасности, и следуя своей врожденной жажде власти, твои сородичи истребили всех мудрецов нового народа. Мы вмешались, чтобы дать возможность эльфам подготовиться к сосуществованию рядом с вами. Тогда, мы впервые истребили целое поколение, доверив ваших детей силе природы. К нашему удивлению, вы выжили, только стали еще более кровожадными, и злобными. Эльфы долго пытались изменить вашу суть, но вы неизменно восставали и превращали все доброе, во зло, истребляя своих благодетелей. Эманторану не осталось ничего другого, как сделать вас теми, кто вы есть теперь — пылко вступилась за эльфов его спутница.

— Как трогательно, вы устроили геноцид моего рода, и еще смеете, тут же читать

мораль человечеству. Твой цинизм меня даже не бесит, скорее мне смешно от вашего самомнения, от вашей убежденности в своем божественном праве решать судьбы миров, при том, что вы не более чем паразиты, копошащиеся на полуразложившемся трупе великой цивилизации. Я понимаю тебя этому учили твои старшие наставники. Ты молода, но я помню войну Менантра и Андланда, и могу тебе точно сказать, что вы отнюдь не боги, и как ты говоришь, ваши устремления, не столь чисты.

— Как смеешь ты, тот, что развязал эту бойню, винить мой народ...

— Войну начал Андланд! А я оказался в плену, и сполна познал божественную суть твоего Отца и прочих упырей растительного происхождения! — яростно сверкнув глазами ответил Амадо.

Девушка вжала голову в плечи, и тут же замолкла. Слегка тронув поводья скакуна, она отъехала от человека.

— Вот ты и показал, то, о чем я тебе только, что говорила — бросила она через плечо.

Амадо с ненавистью смотрел ей в спину, пока Дальчи неспешно раскачиваясь в седле, удалялась вверх по дороге.

Замок оказался совершенно непригодным для жизни. От строения остались только каменные стены. Почти все, что когда-то составляло его внутреннее устройство сгнило и провалилось в подвал. Сохранились лишь помещения, втиснутые в продольную щель в скале, которая напоминала след от гигантского когтя. При общей разрухе удивительно смотрелись целые двери, словно ведущие в никуда, в черный зев пустых внутренностей Нарегона.

— Как мы туда попадем? — почти испуганно спросила девушка, растеряно глядя на окружающую ее разруху.

Запустение, царившее вокруг, с одной стороны, устраивало беглянку, но сама мысль провести в этом гадюшнике, хоть сколько-нибудь длительное время взывала у Дальчи отвращение.

Вместо ответа, Амадо взял повод ее лошади и привязав к дереву пошел куда-то вверх. Здесь, за уступом, обнаружился провал, ведущий в недра древней скалы. Зашипел факел, с треском разгорелось пламя. Дальчи несмело ступала, за решительно шагающим человеком, он знал путь и не отвлекаясь на ненужные повороты, четко шел к цели.

Впереди показались некогда мощные ворота. Железо почти истлело, и осыпалось грязной рыжиной на пол подземного хода. Дерево расслоилось и вздыбилось от влаги и плесени, что превратила дуб в труху. Родриго с силой толкнул врата, и они осыпались, развалившись в прах. Удушливое облако пыли окутало незваных гостей, покинутой цитадели.

— Фу, какая грязь! — с нескрываемым омерзением проговорила девушка, отмахиваясь от пыли.

Недлинный узкий коридор привел их к очередным дверям на удивление хорошо сохранившимся. Тут почему-то совсем не пахло влагой. Амадо отворил дверь и вошел в комнату. Минуту спустя он позвал девушку, Дальчи заглянула внутрь и поразилась. Трапезная замка казалась почти обитаемой, внутри горел очаг, извергая пламя через небольшие отверстия в камне. Вдоль стен стояли покрытые слоем пыли лавки, а посередине, комнату делили обеденные столы. Дальше пошли коридоры, ведущие к комнатам, настолько небольшим и темным, что Дальчи с трудом могла протиснуться в них.

— Не беспокойтесь, лишний хлам вынесем, и места хватит — успокоил Родриго, заметив сомнение на лице девушки.

— А моей подруге?

— И ей расчистим комнату. Кроме того, дальше по коридору оружейная, там есть световые шахты и места более чем достаточно. Обустроите по своему вкусу, и все покажется родным и близким — улыбнулся он, Дальчи с сомнением посмотрела на мужчину.

— Здесь кто-то живет?

— Нет, тут проходит газ, и помещения всегда сухие, поэтому, эта часть замка так хорошо сохранилась. Здесь можно жить, вас никто не побеспокоит. У местных пастухов Нарегон пользуется плохой репутацией. Гиблое место, сюда никто годами не суется. Думаю, вам не помешают. Ну, а если шайка разбойников забредет, что-то мне подсказывает, что для вас это не станет проблемой.

— Не людей я боюсь. Нас могли выследить, мои сородичи или древние... — обеспокоенно начала Дальчи.

— Нет здесь древних, они глубоко под землей, а, чтобы твои сородичи нас не нашли, советую тебе не пользоваться знаком.

— Знаю! О куази тоже придется забыть, Випул видит, когда я изменяюсь.

— С магическими шгучками также необходимо завязать, по крайней мере пока. Жизнь вам это усложнит, но зато она у вас будет.

— О многом теперь придется позабыть — с грустью произнесла девушка.

— Очевидно — отозвался Амадо. — Ну ты не одна, подруга тебе поможет, вдвоем быстро освоитесь с обыденной жизнью.

— Ламина, мне сейчас не помощница! Ее долго еще придется возвращать. Пока она спит, смерть ее воплощения многое стерла из памяти несчастной.

— Ты так рискуешь ради дружбы. Я честно признаться был уверен, что вы сплошь эгоисты, а взаимовыручка для вас не более чем признак младших рас.

— Ламина не совсем друг, она для меня скорее мать, давшая представления о многих явлениях мира. К тому же она невиновна, ее муки спасли меня.

— Не понимаю, ты же сказала, что Випул хотел ее смерти потому, что она привлекла слишком много внимания к себе? — с подозрением спросил Амадо.

— Это не так, ее наказали из-за меня. После похорон Риманта, я долго не могла прийти в себя. Ламина пыталась понять, что меня связывало с этим человеком, она же богиня любви и семейного очага, поэтому, ей не составило труда слиться со мной, и пережить, те чувства, что наполняли мое сердце. Новое открытие поразило ее, а немного погодя Ламина созналась, что присутствовала на совете, где решалась судьба Риманта. Я не сдержалась и сильно на нее накричала, а потом узнала, что ее заперли в сужающемся мире, более страшного наказания и придумать сложно. Випул и тут проявил величие, сумел превзойти самого себя.

— На мои мольбы Отец отвечал, что Ламина предала нас, и должна понести наказание в назидание другим. Единственное, что я сумела выпросить у него, это недолгое свидание.

— Свидание с тем, что от нее осталось в кубе? — сочувствуя спросил Родриго.

— Тогда она еще не страдала. Куб только начал сжиматься. То, что я узнала от нее, все перевернуло в моей душе — девушка всхлипнула. — Оказывается, после нашей ссоры Ламина решила сама посмотреть, что же такое люди.

— Посмотрела? — с горькой усмешкой спросил Амадо.

— Посмотрела. Ее пытали в застенках инквизиции, и она убила мерзкого интригана и садиста Стефана Нофля, а также его подельников. Конечно, Випул не мог такое простить, у

него были большие планы на этого человека. Люди разочаровали, хотя простые селяне ей понравились, несмотря на свою природную дикость. Она их назвала дети земли, почти животные. По возвращении, Ламину обвинили в том, что сделала я.

Випул столкнулся с тобой во дворце короля эльфов, и решил, что Ламина преподнесла тебе его пояс, как плату за голову Дарелиана.

— Почему ты мне не сказала, кто настоящий убийца Риманта? — сурово спросил Амадо, с укором глядя на девушку.

— Я не успела. Все так быстро случилось, что даже произошедшее с Ламиной для меня оказалось неожиданностью. А самое главное, я так виновата перед ней, она ведь для меня всегда была самой близкой, самой родной, а я... моя глупость едва не стоила ей жизни — сорвалась на плачь, Дальчи.

— Жизнь нас все время учит, и к сожалению, чаще всего на наших ошибках. Ты не желала, чтобы она мучилась. Так ведь?

— Да — пробубнила сквозь рев девушка.

— Потом, Ламина сама выбрала свой путь. Пойти к людям ее решение. Ты за него не отвечаешь, а доспех в конце, концов не один раз спас мою жизнь. Всех последствий наших решений мы предвидеть не в силах, поэтому различные неожиданности следует принимать как должное. Мы действуем, мир отвечает, любой опыт делает нас мудрее, и чему-то учит.

Амадо немного помолчал, потом добавил.

— Правда не все учатся, кого-то ничто не способно сделать мудрее.

Девушка заулыбалась, утирая слезы тыльной стороной ладони.

— Что было, то было. Главное сейчас выжить, об ошибках потом будем горевать. Вам надо спрятать вход, и стать незаметными на долгие месяцы, а я постараюсь вернуть Випулу то, что он заслужил.

— Ладно. Я тебя поняла. Вход я спрячу, и буду сидеть тише мышки, а тебе, наверное, пора — вежливо намекнула Дальчи человеку, что грубовато, но искренне, всего минуту назад пытался ее успокоить.

Амадо усмехнулся, и подумал, какие же они все, но ответил совершенно ровно.

— Нет, я еще немного побуду здесь. Прослежу, чтобы вы хорошо устроились.

— Что ж, как пожелаете — показно равнодушно отозвалась Дальчи.

Капля мелко дрожала, издавая хрустальный звон. Дальчи водила длинным стеклом по краю сосуда, вызывая мелодичное гудение. Капля начала раскрываться, точно цветок распускает лепестки. Казарму заполнил одуряющий аромат, а посередине комнаты, прямо на полу выросло дерево с красно-золотистыми, плакучими ветвями. Из ствола торчали два стальных клина, дерево время от времени вздрагивало, точно от неожиданно набежавшего ветра. Рассеченный ствол сочился, душистым, янтарного цвета соком, быстро застывавшим на воздухе. Тяжелые капли смолы, замирали на выступе, неровного ствола, чтобы через секунду со стуком упасть на доски пола. Амадо коснулся вязкой жидкости, тепло ушло от кончиков пальцев по руке, а голова немного закружилась. Дыхание участилось, огонь побежал по венам, ноздри раздулись, стремясь вдохнуть глубже невыносимо сладостный аромат. Не понимая, что с ним происходит человек отпрянул в сторону, Дальчи весело рассмеялась, сверкая небесно-голубыми глазами. Пульс подскочил, внутреннее томление подсказало, что за чувства захватили тело Родриго: — «Это же возбуждение, непреодолимое желание, но как?».

— Что это? — придушенно поинтересовался Амадо, стараясь прикрыть плащом набухшие чресла.

— Ламина мастерица разжигать страсть, она воплощение идеальной женщины! В ее власти повелевать мужчинами, может влюбить, а может и убить. Не бойся! Ты ей понравился! Ха, ха — не удержалась девушка, глядя на неуверенность брутального мужчины.

— Тьфу, ты, бабы — Амадо отвернулся, стараясь прийти в себя.

Спокойствие никак не желало возвращаться, в его, почти умершее сердце. Даже голос Дальчи вызывал волнение, а смех кружил голову, и непреодолимо толкал к молодой женщине.

— Ха, ха, ха — смеялась в голос белокурая богиня, обхватив себя руками, и немного нагнувшись вперед.

Мужчина посмотрел на девочку в теле взрослой женщины, возникшая было обида улетучилась. В голове промелькнуло: — «Дура малолетняя, сразу видно не знает, что такое мужик».

От этой мысли ему стало легче, ощущение полного контроля над собой вернулось окончательно.

Легкие руки девушки касались ствола, тот вздрагивал в ответ на прикосновения, вот она резко выдернула один клин. Крона испуганно зашелестела, а в треске ствола отчетливо слышался стон. Дальчи мягко приговаривая, опустила руку в склянку с широким горлом, в тонкой ладошке засветилась прозрачная слизь, которая тягучими струями, медленно поползла между пальцами. Слизь постепенно впитывалась в рану на стволе, стягивая края. Дальчи усердно втирала ее в ствол, приговаривая что-то доброе и нежное. Разобравшись со вторым клином, девушка, отступила на несколько шагов, и громко произнесла на своем языке — Ламина!!! Проснись!!! Прими сознание и яви свой лик!!!

Секунду спустя ветви зашумели, почти незаметно для глаза от ствола отделился призрачный силуэт, он точно выходил из дерева. Поначалу, почти прозрачный, силуэт приобрел плотность и четкие очертания, когда окончательно отделился от гладкой коры ствола.

Золотые локоны рассыпались по нагим плечам, зеленные глаза посмотрели на Амадо. Чистые, незамутненные грязью жизни, глаза девы, расширились, где-то в глубине появился страх, он быстро рос, захватывая все существо богини. Она смотрела в глаза смерти, в памяти всплыли ужасы, наказания непреклонного Отца, укусы стальных челюстей Того, хруст ее костей, и боль, нескончаемая боль. Ламина вскрикнула и закрыла руками лицо. Плечи задрожали, с каждой минутой сотрясаясь все сильнее. Дальчи обняла подругу, прижавшись к ее вздрагивающему телу. Понемногу дрожь улеглась, ужас ушел, подруги вместе справились с его всеобъемлющей властью.

— Пусть он уйдет — попросила Ламина не поворачивая лица к Амадо. — Он меня пугает.

— Хорошо, хорошо Ламина, только не плачь. Он наш друг, но, если ты хочешь, он уйдет — Дальчи выразительно глянула на мужчину.

Амадо хмыкнул, и зашагал в столовую. В общем-то он уже привык, что его сторонятся, но сейчас почему-то в душе заскребло. Четверть часа спустя, дверь приоткрылась, вошла Дальчи. Присела у очага, поправила жар, а минуто спустя стремительно подошла к мужчине. Девушка постояла напротив Родриго, неловко переминаясь с ноги на ногу, точно подбирая слова, а затем присела рядом и заглянув в глаза спросила.

— Ты обиделся?

— Нет. Я уже не в том возрасте, когда обижаются на женские капризы, а тем более, когда перед тобой женщина женщин. Нет я не обижен, я устал.

— Устал? Дорога и впрямь слишком затянулась...

— Не от дороги. Я устал от одиночества. С тех пор как я потерял свой дом, я все время один. Хотя, наверное, это нормально, человек всегда одинок. Даже когда рядом самые близкие, только в этом случае ему кажется, что жизнь наполнена смыслами.

— Ламина тебя испугалась. Она пережила слишком страшный урок, а твои глаза вернули ее в те мгновения. Я в ужасе, если ее так сломала ярость Отца, что же она чувствовала — горло Дальчи перехватила спазма, девушка отвернулась, пряча слезы.

— Она вернется. Нужно время, и все встанет на свои места — Амадо попытался успокоить девушку. — Мне жаль, что я вновь кого-то испугал. Похоже права Аар, не той дорогой я иду, но остановиться у меня уже нет сил.

— Что ты имеешь в виду?! — удивилась девушка.

— Я стал злом. Каждый убитый мною оставляет внутри, что-то темное. Иногда я теряю себя и мне кажется, что мое имя не Даад, а Убийца. В чем-то ты была права, тогда на дороге, я и сам это знаю, от чего становится еще страшнее. Страшно от осознания, что у людей нет будущего, они уничтожат и себя, и свой мир, со всем, что в нем есть. Мы как неизлечимая болезнь, но я человек, и буду биться за своих до последнего.

Дальчи покачала головой, и положила белую, тонкую ладонь на темную, загорелую руку мужчины. Впервые она видела мужчину так близко, такого незащищенного, открытого. Легкий поцелуй Родриго застал врасплох неопытную деву, но минуто спустя жесткое тело расслабилось, и губы Дальчи ответили. Страсть наполнила заброшенную столовую древней крепости, никто не мог увидеть желание голодного мужчины и любопытство юной девы. Только зеленные глаза рыжей богини удивленно смотрели, на рожденную магией любовь, из черноты дверного проема.

Громкий перезвон серебряных колокольчиков, наполнил ночную тишину Нарегона.

Девушки выскочили из комнат и застали Амадо в полном облачении в дверях столовой. Требовательным жестом, он указал им на коридор.

— Уходите и спрячьтесь как можно дальше, я их уведу...

Закончить он не успел, шум крыльев оповестил о появлении андланда. Мечи скрестились, Гурда, перелетал через Родриго, зашел с тыла и атаковал человека. Затем мгновенно взмыл под потолок, ловко уходя от контратаки. Человек-орел стремился обойти его, чтобы попасть в коридор, где скрылись беглянки, но Амадо не пропускал Гурду, стойко защищая двери. Мечи Гурда мелькали как вихрь перед глазами рыцаря, но крепкий доспех выдерживал натиск андланда.

Четыре руки бога-орла, ловко перебрасывали два изогнутых клинка. Virtuозно вращая ими, андланд пошел на Родриго. Затем взлетел под потолок, и упал сверху как орел на свою жертву. Амадо не успел, отреагировать на атаку врага. Сознание тормозилось от скорости движения человека-птицы, копьё не впопад тыкало в пустоту, перед глазами все мелькало, плечо обожгла резкая боль. Доспех не выдержал напора Гурда, волнистый клинок, окропил красной дорожкой стол трапезной. Под торжествующий клекот андланда, Родриго пропустил еще один страшный удар в ногу. Опустившись на колени, рыцарь пытался сохранить равновесие. Легко взмахнув крыльями, Гурда опустился за спиной человека и скрестив клинки над головой Амадо, приготовился наказать Убийцу, столько веков уходившего от возмездия.

Перепуганные насмерть беглянки, выглянули в проем. Вот уже должен свершиться момент, что решит жить им или умереть в страшных муках. Ламина вскрикнула, видя занесенные клинки, Гурда повернул полуптичью голову и торжествующе посмотрел на девушек. Мечи пошли вниз, но дойдя до цели, безвольно скользнули по металлу доспеха, а тело бога обвисло. Конец длинного лезвия человеческого копья вышел из спины бога, пробив тело Гурда насквозь точным ударом назад.

Птичьи глаза заволкло прозрачной пленкой третьего века, клюв открылся и застыл, издав придушенный, клокочущий звук.

— Что нам делать?! Они нас нашли?! — в панике воскликнула Ламина, она металась между столами трапезной и входом в оружейную.

— Мне нужен твой знак — попросил Амадо, обращаясь к Дальчи.

— Но я не смогу вернуться.

— Не сможешь, но, если они вас найдут, не думаю, что вы захотите вернуться — ответил Родриго, хмуря брови от напряжения, кальцер срачивал рану на его ноге.

— Надеюсь я не зря доверила тебе наши жизни — ответила почти испуганно Дальчи, пытаясь получить от человека заверения в честности его намерений.

Замок выворачивался из-под пальцев, руки плохо слушались, но она отстегнула знак, и протянула мужчине, что теперь казался таким далеким. Амадо принял ее жертву, и глядя девушке в глаза проговорил.

— Я их уведу. Воспользуюсь знаком, они пойдут по следу, а вы спрячьтесь. Используйте все, чему тебя научили. Вы все-таки богини, а я всего лишь человек — он ей весело подмигнул, одевая черный перстень со щитом на указательный палец.

Минуту спустя его тело растворилось в воздухе, а девушки смущенно переглянулись.

— Он сумасшедший! — в восхищении проговорила Ламина.

— И везучий — отозвалась Дальчи.

— Сейчас бы не помешало чутье Того — грустно проговорил Випул, осматривая заброшенную трапезную.

— Их тут нет. След ведет под землю...

— Ты уверен Рован?! — строго спросил Отец.

— Совершенно, это знак Дальчи. Наверное, этот дурак думает, что его дружки из-под земли, могут им помочь — улыбнулся Рован.

— Вряд ли. Он не так глуп — с сомнением покачал головой Випул, искоса бросив презрительный взгляд на Рована.

— А ты, что скажешь, Хурукам?! Чего молчишь?! — обратился он к богу с львиной головой.

— Я согласен с Рованом, они в чертогах Даймеша — сурово глядя на отца прорычал Хурукам.

— Думаю, надо собрать всех. Там может оказаться много древних, они не оставят своего первородного — прошипел Тлакиль, неподвижные, янтарные глаза, разделенные чертой посередине, уставились на Отца.

— Зови, но не сюда! Здесь пусто! Пусть идут в чертоги! Одним ударом решим сразу несколько дел. Пора закончить эту войну.

Запах влаги окутал Амадо, вокруг переливались лишайники, отражая люминесценцию в тысячах кристаллах, усыпавших стены, и колонны гигантской пещеры. Впереди высился трон, частично заплывший в сталактитах. Замечательные размеры, явно делались под не менее замечательное в объеме сиденье. Родриго вспомнил лицо Даймеша, сомнений не осталось, это его трон. Когда-то прекрасно украшенный потолок пещеры, зарос известковыми отложениями и переросшими кристаллами солей. На стенах еще угадывались образы, что некогда повествовали о героической истории древних. Пол устилал толстый ковер бесцветного мха, свет лишайников красил его в различные цвета. Мигая и переливаясь, он на мгновение рождал замысловатые узоры в мягкой подушке, что упруго прогибалась под ногами человека. Вдоль стен сохранились остатки тронов поменьше, часть совсем разрушенные, а некоторые настолько поросли мхом и кристаллами солей, что узнать в них некогда прекрасные творения древних мастеров, не представлялось возможным. Бесшумно ступая, Родриго приблизился к трону Даймеша. В густом переплетении тысяч слоев мха, он заметил что-то похожее на ключ, обрамленный огромными опалами.

Воздух завибрировал, в глухой тиши прозвучал тихий хлопок, затем еще один, слившийся в бесконечную череду хлопающих звуков.

Доспех менантров напалз на тело Амадо, броня Випула теперь не могла его спасти. Край щита утонул в ковре мха, скрывая человека целиком. Родриго видел, как к нему бесшумно подходят андланды, из-за отсутствия звука, казалось, что все происходит во сне. В руках Випула фосфоресцировал меч, с которого срывались блестящие капли, прожигая мох до камня. Сотни андланд окружали человека, осторожно сокращая расстояние. Страшный взгляд Амадо выхватывал врагов из плотных рядов, с воплями ужаса дети Випула падали замертво. Стрела взвизгнула, и ударилась в моментально появившийся шлем, качнув тело человека назад.

— Убрать стрелы!!! Прекратить стрельбу!!! — прогремел голос Отца.

Амадо пытался поймать глаза Випула, но его лицо скрывал шлем. Круг сомкнулся, вперед вышел сам Отец, меч вспыхнул и воткнулся в пол у ног андланда.

— Где мои дети?! — грозно прозвучал голос Отца, прокатившись долгим эхом по

пустому помещению.

— Забудь о них! Сейчас тебе надо думать о себе, а не о глупых девках! — дерзко ответил Родриго.

— Можешь дерзить, глупец! Тебе осталось недолго! Сегодня я испачкаю свои руки в твоей крови, потому что не хочу, чтобы потом, менестрели сочиняли трогательные баллады о твоей героической гибели. Ох уж эти пачкуны, бумагомаратели. Как же меня раздражает ваша культура, такая же убогая и никчемная, как и весь ваш род. Любое вранье можете превратить в легенду, негодяя в святого, труса в героя, но тебе я не дам такого шанса.

Випул рывком вырвал клинок из пола, и шагнул к Амадо, круг немного раздался в стороны, освобождая пространство для поединка.

— Кому рассказывать о смерти моей? Или ты не веришь, детям своим? — с издевкой спросил Родриго.

Щит сотряс мощный удар, старик обогнул его, и ткнул сбоку. Меняя размеры, щит повернулся за мгновенным движением старика, отбив смертельный укол, и отбросив сухое тело в сторону. Восстановив равновесие, Випул завертелся в бешеном танце вокруг человека, сотрясая ударами прикрывавший его щит. Амадо остутился и рухнул, распластавшись на животе. Клинок с бешеной силой ударил о панцирь, от удара руки старика подкинуло вверх, на металле осталась глубокая зарубка.

Випул отскочил в сторону, и опираясь на эфес клинка ожидал пока поднимется его соперник. Только Родриго почувствовал землю под ногами, как его опрокинул, мощный удар в грудь. Острие его меча зацепило Випула, глубоко распоров руку андланда. Голубые капли легли строчкой на бесцветный мох, яростно-удивленное лицо Отца, замелькало перед Амадо. Кое как выбравшись из подушки мха, человек встретил щитом несколько сильных ударов, а затем выстрелил вперед копьем, изменяя форму клинка. Ловко пропустив мимо себя быстрый удар копья, Випул, прижал ногой древко к земле, и нанес удар сверху вниз. Сверкающий клинок андланда пробил кирасу, глубоко войдя в грудь, и вышел под грудной мышцей, в районе живота. Родриго вскинулся телом и опрокинул старика, высвободив копье. Клинок Випула со скрежетом вырвался из разреза в кирасе. Меч Амадо рубанул ногу Отца, пока тот падал на землю.

Кровь из глубокой раны, заполняла доспех изнутри. Силы мгновенно оставили человека, Родриго упал на колено, затем на второе. Тяжело дыша, он пытался поднять щит, но рука не слушалась, холодная испарина выступила липким потом на теле, в глазах завертелось.

Сильно хромая, старик подошел к человеку, доспех Амадо собрался в кольцо. Одна рука Випула висела плетью, но вторая перехватила тело врага за пояс, и рванула вверх. Пояс растянулся, Амадо упал на землю, Випул перекинул трофей через плечо.

— Ты не заслуживаешь этот пояс, он создан для богов, не смертным его носить. Ты просто удачливый мошенник, но сегодня тебе не повезло! Пришло время умереть и тебе! — клинок брызнул каплями, и опустился на тело человека.

Тяжелый доспех менантра сработал, последний раз прикрыв владельца от смертельного удара, стена андланд, развернулась наружу, в круг ворвались звуки битвы.

Забыв про человека Випул проковылял вперед. Один только вид Отца, вызывал ужас у древних. Отобранный доспех покрыл тело Випула, а меч завертелся с жутким свистом рассекая врагов.

С другой стороны, андланды отступали перед чем-то очень грозным. Випул со своего края не видел, что за враг обратил в бегство его детей. Распаляясь все больше, он двинулся

навстречу неизвестному противнику.

Строй окончательно развалился на группы бойцов, ведущих поединки меж собой. Неожиданно Випул вышел на тощего старика, с длинной бородой и подставь ей, седыми патлами на голове. Дед неторопливо волочил за собой огромный молот. Они встречались не первый раз, и хорошо знали друг друга. Випул не обманывался кажущейся медлительностью врага, он знал, что неподъемный с виду молот может в мгновение ока оказаться в его голове. Знал своего врага и Вагаал, он помнил мертвящий холод от прикосновения плачущего клинка Випула.

Молот взметнулся, и едва не зацепил Отца, ответный выпад, парировал подставленный черенок кувалды. Работая на инерции Вагаал ударил противоположным концом в лицо Випула, шлем спас голову хозяина, а клинок андланда скользнул по груди древнего. Глубокая рана расплзлась, обнажая черные жгуты мышц. Вагаал развернул молот, и подбросил, ударом снизу, Отца высоко к потолку. Кувыркаясь как тряпичная кукла Випул рухнул вниз. И едва успел увернуться от добивающего удара сверху, осколки камня веером разлетелись по сторонам. Затем еще несколько быстрых ударов Вагаала, заставили Отца сделать сальто назад, он приземлился на ноги, и припадая на колено раненной ноги, сразу нанес удар перед собой. Молот бесшумно погрузился в толстый слой мха вместе с отрубленной рукой Вагаала.

Древние бросились к своему герою, им наперерез выступили андланды. Вновь разгорелась жаркая битва. Под потолком бились летающие, на земле огромные и совсем крошечные, постепенно перевес оказался на стороне андланд. Их армия постоянно пополнялась вновь прибывающими куари. Они с громким хлопком появлялись прямо на поле боя, и тут же вступали в сражение выматывая своей неисчислимостью врага.

Меч Випула проткнул грудь Вагаала, упиваясь болью врага, Отец вертел клинком в ране побежденного.

Подоспели огромные огры, великаны навалились на богов, но их сил не хватало что бы победить сплоченное войско андланда, а немного погодя подоспели конные куари, началась настоящая травля древних. Перворожденные защищались, кидаясь с горящими мечами на врага. Волны холода, и все сотрясающие удары великанов, грозившие обрушить самый свод чертогов Даймеша, оказались бессильны против бессмертного врага.

Рован пронесся мимо шеренги великанов, опрокидывая одного за другим, огромными топорами. В помещении потемнело, лишайник сгорел и света не стало. Только яркие всполохи огня резко выхватывали фрагменты битвы из мрака. Дальние зарницы вызвали переполох среди андланд, они сгрудились за спиной Отца и в нерешительности ожидали появления самого страшного врага.

Сухой треск пламени проник в зал. В проходе показалась голова огненного древнего, затем разрывая тьму вошел сам пылающий великан, за ним неспешно следовал второй. Минутой позже, из другого прохода, появились оставшиеся двое. Яростно клокоча, гиганты шагнули в тронный зал Даймеша. Пришли последние четверо, что поклялись вечно служить Первому. Рожденные вместе с Даймешем перворожденным, они приняли его волю, став вечными телохранителями.

Земля задрожала от бега чудовищ, Випул стряхнул с клинка Вагаала, и выставил меч вперед. Повинуясь воле Отца, конница куари пошла в обход огненных чудовищ, а воины, что стояли за Випулом рассыпались по залу. Хлопки усилились, в помещение перемещались все новые и новые куари.

Четверо достигли линии врага, взмах огненного меча застыл, так и не достигнув цели, невидимая волна пробежала между врагами, расшвыривая их в разные стороны.

Женщина в черном, неторопливо вошла в образовавшийся просвет между армиями, она остановилась напротив Випула. Андланд поднялся и заглянул ей в глаза.

— Почему ты здесь? Помнишь ли ты наш уговор Андланд Отец? — спросила она, вглядываясь в лицо старика.

— Я все помню. Только ты нарушила его Ками. Ты спрятала нашего врага, и моих детей, что посмели ослушаться отеческой воли. А предательства я не прощаю — рука Випула метнулась в сторону женщины.

Клинок взорвался брызгами, разлетающегося металла, когда коснулся каменного пола, следом на землю упал пустой доспех, тут же свернувшийся в пояс. Из его недр вырвался столб пыли, клубясь он медленно оседал на землю.

— Домой идите, Андланда дети! Здесь более делать нечего вам! И помните, крепко слово мое! Я прощаю Отца неразумного, мира Андланд!

Андланды расступились и вперед вышел молодой слуга Випула, скривив по-женски красивые губы, он произнес.

— Твоя сила пока еще у тебя Ками. Однако в твой дом скоро придет враг пострашнее мирного Андланда, и когда твоя мощь истощится, я вернусь, чтобы забрать то, что мое.

— Придешь. Только многое будет не так, как видится нынче тебе. Свой мир сбереги, а я о своем позабочусь сама.

— Твои упыри, не устоят против Инветов. Братья идут! Этот дурак! — палец молодого Випула указал на тело Амадо. — Подарил им знак!

Скорченная рука человека сжимала в кулаке подарок Хозяйки. Кровь из рассеченной груди перестала сочиться, а края раны медленно стягивались к центру.

— Благодаря ему, узнала я о вероломности твоей. Он спас детей моих...

— Детей?!?! Дети твои вечно голодные твари, что рыскают между мирами, сея смерть и разруху. Это ты называешь детьми? — Отец указал на братьев Улкиду, напоминавших кого-то из хищных котов, невероятно больших размеров.

— Они людоеды, что забывают свою первородность предавшись страстям — хищники нервно зевнули и старший прогнулся в спине, демонстрируя кошачью пластику, и острые клыки, обрамляющие алый язык.

Хозяйка, презрительно изогнув бровь, скривила губы в усмешке.

— Ты смеешь попрекать меня детьми моими?! Хищники? Да Хищники, но такова природа их! Одни родились чтобы пищей для других служить, таков удел всего живого. И у детей моих такой же путь, не могут хищники отринуть свою суть! А чем ты лучше, тех кого коришь?!?!

— Да, ты не поедаетшь плоть, и не хлебаешь кровь, но жадность к чувствам смертных, что богом выбрали тебя, ничем не лучше жажды плоти. Скажи мне сколько жизней ты уже забрал, чтоб силу веры получать бесперебойно?!?! Молчи! Сама отвечу я на свой вопрос, без счету жизней ты людских унес, чтоб сохранить свое величие и Андланда красоты возродить! Чтоб жить за счет чужого мира! Ты, и боги лживые твои, народам мира моего куда страшнее беды принесли, чем хищники Фанариона! Ничем не отличим ты от детей моих, они пожрали множество миров, а ты миры калечил! Теперь в мой дом пришел, и сеешь смерть в нем и раздор!!!

— Я подарил твоему миру эльфов, по-моему, дар более чем великодушный! Лучше этого

в нем не было создано ничего — зло улыбаясь, парировал молодой Випул.

— Да, это правда. Я приняла их как детей своих, но мудрые последовали за тобой, воздвигнув храм благополучия, где на алтарь сложили жизни поколений иных народов мира, давшего приют. Страшнее хищника чем эльф, не знал Фанарион ни до, ни после. Ведь не потребность движет мудрыми, а алчность, и вера в собственное превосходство. Бесславный ждет конец народ, что получил твое благословение, и виноваты в том лишь жадность и гордыня — улыбка с лица молодого Випула слетела, а глаза матово заблестели, он сверлил взглядом Ками, не в силах выплеснуть скопившийся гнев.

— Уходи, и не возвращайся! Еще раз спустишься ко мне, закрою вход в мой мир навечно для тебя — почти спокойно закончила женщина.

Випул сломался, и опустив глаза повернулся к андландам.

— Все домой!!! — прогремел голос Отца, сотрясая стены древней каверны.

За спинами его воинов открылся широкий проход, из-за призрачного полога вылетела цветная муха и с громким жужжанием взвилась под потолок зала.

— Мы еще поговорим с тобой Ками. В другой раз, после прихода Братьев. Посмотрим, как ты заговоришь, когда потеряешь силу. Время поставит все на свои места. Оно самый беспристрастный судья и потому честно определит кто бог, и кому суждено править в твоём мире.

— Остановись Випул! Не нарушай закон великий равновесия, иначе потеряешь Андланд, а с ним и всех детей, что сердцу дороги — с жалостью глядя на Отца предупредила Хозяйка.

Випул ухмыльнулся, и покачав головой ответил. — Время нас рассудит! — после чего перешагнул черту, между мирами, и тут же захлопнул проход, который всосал остатки его воинства.

— Спасибо матушка! — склонился перед хозяйкой Вагаал, все еще с трудом переводя дыхание. Раны жуткого деда медленно срастались, отмечая покалеченные места безобразными шрамами.

— Зачем привел в мой мир детей Отца из Андланда? — с укором в голосе спросила жуткого деда Хозяйка.

— Это я привел Випула — выступил вперед Амадо, о ране на груди напоминала только кровь на разорванной одежде и коже человека.

— Ты?! Зачем?! — брови Ками взметнулись вверх.

— У меня не было выбора. Только так я мог спасти тех, кто готов изменить положение вещей в Андланде. Жестокий Отец охотиться за своими дочерьми, желая их смерти, я же воспрепятствовал этому.

— Ты их сюда привел?!

— Нет, нет я бы не посмел Хозяйка! Они остались на поверхности, но Отец решил, что я спрятал девушек в твоём доме, знак одной из дочерей ввел его в заблуждение.

— Хозяйка он не мог иначе поступить. Человека ведет судьба, он нас освободит из подземелья — вступился Вагаал за человека.

— Хватит! — жестко оборвала их Ками. — Все ваши войны мелочь, их след исчезнет слишком быстро, а вот слова Отца о Братьях, поистине ужасное известие! Зачем ты отдал им врата?! Открыв их, Мертвый, уничтожит этот мир! — спросила она, сурово глядя в лицо человека.

— Хозяйка, я не хотел губить дом, что дал мне приют.

— Однако погубил! Ты потерял, ты и верни, то, что опустошить способно весь мой дом! Год сроку дам тебе, а там ты наказание понесешь..., детей твоих я тоже не забуду — добавила она, жестко взглянув в глаза Амадо.

— Матушка, он всего лишь человек. Не хозяин он себе, его рукой ведет судьба — опять начал Вагаал.

— Вагаал, мое решенье неизменно! Как сказано, так и случиться! — резко оборвала она древнего.

Вагаал сжался, впервые Родриго видел, как деда, что-то напугало. Хозяйка исчезла, ушли и древние, кроме тех, что остались на поле боя. Павших еще предстояло похоронить со всеми почестями, но это потом, а сейчас настало время залечивать раны и готовить усыпальницы для великих детей суровой хозяйки. Немного погодя появились орки, с видимой неохотой принявшиеся за возложенные на них обязанности. Подземники суетливо собирали трупы, отделяя врагов от своих. Древних тут же куда-то уносили, а андланд скидывали в отдельные кучи.

— Что с ними будет? — спросил Амадо, указывая на андланд.

— Сбросят в ущелье Последнего Приюта, там много всякой гадости. Там они будут на своем месте — недовольно пробурчал Вагаал, старик сидел на остатках трона, и тоскливо смотрел на возню орков.

— Сделай как сказала Ками, она шутить не любит, и зачем ты им отдал врата?

— Я не отдавал... — начал оправдываться Родриго.

— Не лги! Я знаю, что Випул сказал правду. Смотри не потеряй все что успел сделать — предупредил старик, затем тяжело поднялся и пошел к ближайшему выходу из пещеры.

— В этом деле я тебе не помощник. Здесь ты сам — проговорил он, стоя уже под высоченной аркой искусно изукрашенного прохода.

Амадо качнул головой в знак согласия, и пошел к другому проходу, орки шарахались от него, стараясь избегать страшных глаз чужака.

Сумерки сгустились черными тенями в углах комнаты. Голубой шелк, укрывший стены, стал почти синим. Эвелин не отрываясь смотрела на Амадо, женщина никак не могла поверить, что он вернулся. Еще более молчаливый и мрачный чем прежде. У нее на коленях лежала черная коробка из незнакомого материала, теплого на ощупь, но твердого как металл.

— Сохрани ее для меня. Никому, слышишь никому не отдавай коробку. Для меня это очень важно — твердил Родриго, сумрачно глядя в огромные глаза женщины.

Она качала головой, стараясь осознать, что говорили его губы. Волнение не давало собраться с мыслями, только глаза впитывали ставший родным образ.

— Ты меня слышишь? — спросил он.

Эвелин качнула головой, и глупо улыбнулась.

— Завтра я уйду, вернусь через... Не знаю, когда вернусь, но очень постараюсь... Вернуться — с сомнением проговорил Амадо, и опустил глаза.

— Я надеялась, что ты хоть немного побудешь — голос женщины задрожал, Родриго подошел к Эвелин и обнял, прижимая ее лицо к своей груди.

— Не плач. Я вернусь, осталось совсем немного. Я должен наказать Андланд за все, что они с нами сделали.

— Почему ты? Оставь ненависть другим.

— Кто-то должен. Других нет. Остались только мы с тобой.

— Ты же сам рассказывал, об убежищах. Ты говорил, что их тысячи...

— И не врал. Их тысячи, но они там, и им приходится куда как тяжелее, они ведут войну с Братьями. Они не знают, того, что узнал я. Только мне под силу остановить Випула и его живодеров.

— Прошу тебя сбереги свою жизнь. Мы и так слишком много потеряли! Я не смогу пережить твоей смерти, с меня хватит Риманта! — крупные слезы потекли по лицу женщины.

Амадо улыбнулся, и покачал головой, соглашаясь с подругой.

Ночью в дверь постучали, Эвелин испуганно поднялась на локте, надеясь, что ей приснилось. Но стук повторился, из-за двери донесся глухой голос Жана, ее старого слуги. Родриго поднялся с кровати, и оступаясь прошептал к двери. В прямоугольнике света показалась сутулая фигура Жана, старик, что-то шептал.

— Что там случилось, Жан? Говори громче, что за секреты? — возмутилась женщина.

— Все нормально. Жан иди, спасибо — отозвался Амадо.

Он повернулся к Эвелин, она умолкла на полуслове. Лицо ее мужчины изменилось до неузнаваемости.

— Родриго что случилось? Не молчи. Скажи, кто-то умер? — заволновалась Эвелин.

— Ланаэль — хрипло выдавил из себя Амадо.

Он отошел от двери, и сел в первое попавшееся кресло. Тяжелый взгляд уставился в залитое лунным светом окно.

— Ланаэль? Почему? Она же эльфийка, не может быть ...

— Ее убили, вчера днем.

— Может это ошибка.

— Нет, сообщение прислал Эйлайн. Ее убили. И ее не уберег, проклятье. Как же я ненавижу эту жизнь!!! — закричал Родриго яростно сжимая кулаки, затем вскочил и тут же снова сел, сбившееся дыхание начало успокаиваться.

— Я знаю кто это сделал, а ты говоришь оставить другим! Нет только я, и только убить, извести под корень.

Вскочив с кресла, Амадо как ошпаренный выскочил из комнаты, забыв прикрыть двери. Эвелин упала обратно на подушку, она поняла, теперь пути назад нет. Началась настоящая война.

Меч вибрировал в руках Эйлайна, он снова ощущал необъяснимый прилив сил. Уверенность в каждом движении и непреклонная воля наполнили все естество эльфа. Он посмотрел на Амадо, и ответил на немой вопрос.

— Теперь это не страшно, у меня больше нет ничего. Последнее, что меня держало в этом мире, забрал Випул — глаза эльфа потемнели от гнева. — Теперь пришла моя очередь, я заберу его жизнь, но прежде уничтожу все, что дорого этой твари — клинок со свистом вошел в ножны, Родриго кивнул в ответ.

Рыбаки в лодке бросили сети, с любопытством глаза на двух господ, что роются в прибрежном песке. Когда же рыцарь в черном доспехе наколдовал из ниоткуда стального коня, а затем сел на скакуна верхом и исчез. Был и нету. Анфим, старшой, приказал грести к противоположному берегу. Подальше от высокого воина в эльфийском доспехе, с длинным, кривым мечом на боку, который удивленно крутил головой в поисках пропавшего товарища.

На месте старой урсумской крепости Камла, эльфы построили новый город. Остроухие откуда-то навезли камня, и вскоре выросли мощные стены. Уже два года, как сын Рабора находился в плену у эльфов, и только теперь удалось договориться о выкупе. Пятнадцать телег, груженных бесценным куньим мехом, неспешно тащились по распутице, сильно задерживая отряд. Сколько не отговаривал Рабора, от глупого поступка Ардос, князь отказался слушать старого дружинника, и сам отправился в город врага. С ним поехали его лучшие воины, отряд казался совсем не большим, но любому врагу стоило дважды подумать, прежде чем нападать на всадников. К тому же тайно, чуть в стороне, следовал еще один отряд, очищая путь для основного каравана.

Вскоре показались высокие стены, окружавшие город, который эльфы называли Камэлаль. Пришлось поднять штандарты, чтобы дозорные могли опознать, кто приближается. Улицы города оказались на удивление пусты, сразу бросалось в глаза, что эльфов очень мало, лишь иногда то тут, то там сновали рабы из местных, да лавочники, что сумели договориться с магистратом. Дворец местного айлар поразил урсумцев простотой линий и необыкновенным изяществом, что придавало строению вид стильный и дорогой, но без излишеств.

Стража сплошь эльфы, вела себя крайне учтиво. Рабору и его людям помогли слезть с лошадей, а затем проводили в зал приемов, где уже ожидал местный правитель айлар Генемлай из дома Вонтай, такой же зеленоглазый, как и глава его дома.

— Приветствую тебя князь! Как дорога, все ли спокойно на моих трактах? — нажимая на слово моих, поприветствовал Рабора айлар.

— Приветствую тебя великий айлар, да принесут боги долгие годы благоденствия твоему дому и городу. Вашими заботами, на дорогах тихо. Мы добрались совсем без

приключений, даже скучно — попытался пошутить Рабор, пропуская язвительность эльфа мимо ушей.

— Тогда присядь. Отведай от моего стола, пусть и твои воины располагаются и возьмут от моих щедрот — эльф показал на столы, накрытые к приезду гостей.

Рабора усадили на почетное место, возле правой руки хозяина, а дружина расселась за расставленными в ряды столами, чуть поодаль. Поначалу пир не ладился, но вскоре к ним присоединились придворные айлара, а затем появились женщины и песни, что растопили суровые сердца урсумцев.

— Итак, как я понимаю, ты привез оговоренное количество соболя? — спросил Генемлай и широко улыбнулся.

— Да, все как договаривались — напряженно вертя головой подтвердил Рабор.

— Так давай поднимем эти чаши лучшего вина, привезенные в твой холодный край, с солнечных равнин Самрумы, в знак вечного союза между эльфами и людьми Унгелора — протянул кубок Генемлай, вынуждая Рабора принять тост.

Нехотя Рабор пригубил рубиновый напиток, поражаясь его изумительному качеству, такого вина ему никогда не приходилось пить. Вскоре воины князя с непривычки захмелели, и Рабор справившись с напряжением поднял тост.

— За эльфов, наших учителей и наставников, а также за отвагу воинов Урсума! — Генемлай хищно улыбаясь поддержал тост гостя.

От выпитого в голове Рабора кружилось, но к этому в общем приятному чувству, примешивалось что-то еще, что он пока не мог осознать. Айлар подозвал эльфа из стражи и что-то шепнул ему на ухо, тот кивнул и вышел.

— А теперь я выполню свою часть договора — радостно улыбнулся эльф, заметив волнение Рабора.

В комнату ввели худого мальчика, он затравленно озирался по сторонам. Сразу бросалось в глаза, что он давно не видел такого количества людей, и это пугало ребенка.

— Вот и моя часть договора, возвращаю тебе сына — торжественно произнес Генемлай, он сделал знак рукой, и стоявший за ребенком эльф вытащил нож.

Рабор попытался встать, но его руки и ноги превратились в камень, тело не слушалось. Глаза князя расширились, от осознания происходящего.

Клинок легко скользнул по горлу ребенка, и не дожидаясь пока стечет кровь, отделил голову от тела.

— Я обещал тебе вернуть сына, но забыл упомянуть, что вернуть его целиком не смогу. Зато голову я тебе отдам или скорее отошлю твоей милой супруге, вместе с твоей.

Рабор уже не чувствовал, как холодное лезвие меча отсекало его голову, последние мысли князя смешались с сожалением о совершенной им глупости. Он видел, как его дружина погибала, пронзенная ножами соседей по столу. Отчаяние заполнило сердце князя от осознания, того, что дружинники не могли себя даже защитить, их тела также отказались служить своим хозяевам.

Вечером из ворот города выехал отряд эльфов, с ларцом, их перехватил отряд, сопровождавший князя. После того как воины Рабора открыли ларец, эльфы poznали все ужасы урсумского садизма. Головы решили не показывать Авдалее, их сожгли в костре. Княгине рассказали, что князь и княжич погибли. Женщина молча выслушала ужасную весть. Несколько дней, она не выходила из спальни, сколько не прислушивались слуги, но никто не мог разобрать, что она там делает.

Авдалея не плакала, ее холодный ум искал способ отомстить злым врагам, но она не могла решить, как это сделать. В голове женщины роились различные варианты, но все они показались ей слишком мягкими. Наконец в комнату ввалился Ардус и без обиняков принялся ей объяснять, что пора принимать управление, иначе княжество возьмут соратники Рабора.

— Я возьму в мужья, того кто согласится объявить эльфам войну — совершенно спокойно ответила женщина.

Спокойствие и разумность Авдалеи поразили Ардуса, и он надолго умолк.

— Ну, что сидишь старый? Ступай, передай, что я тебе сказала — выставила она воеводу прочь.

Несколько дней шел спор, никто не желал вступать в войну с эльфами. Не раз звучали сомнения в рассудке княгини. И дело могло кончиться признанием княжны помешавшейся, и отстранением от власти, но жесткое давление Ардуса, и мечи его дружинников подавили любые попытки сместить Авдалею. Спор завершил командующий отряда, что сопровождал Рабора в Камэлааль, Щелк Шумило. Немного седой, похожий на огромного медведя воин поднялся и не глядя ни на кого проговорил.

— Горестно мне смотреть на трусость, что поразила моих соратников. Вот уж не думал, что вас так напугает просьба нашей княгини. Так вот, так и знай Авдалея, я готов повести рать на поганых! Об одном только предупреждаю тебя хозяйюшка, я не знатного рода, нельзя тебе замуж за меня.

Повисшее молчание прервал холодный голос Авдалеи.

— Это мне решать, что можно, а что нельзя в моем княжестве! Я дала слово, и сдержу его! Раз не нашлось среди знати героя, готового защитить честь своего княжества, так пусть ими правит безродный, но наиболее достойный! — Авдалея поднялась с кресла и вышла прочь из палат.

— Ты рехнулся?! Куда ты лезешь, безродье?! — зашипела родовая знать.

В зал ввалились дружинники, воины оттеснили от будущего князя разъяренную толпу аристократии Малвея. Княжество едва не встало на путь междоусобной войны, но через два дня армия эльфов подошла к крепости, и потребовала сдачи без гарантий и условий.

В ответ Ададлея приказала, расстрелять из луков переговорщиков, что пришли передать ультиматум айлара. На глазах у правителя Унгелора изрешетили его посыльных, более наглого вызова ему еще не приходилось видеть.

— Я хочу эту бабу! — сказал он своему командующему. — Предупреди, чтобы ее не убивали. Я желаю видеть ее живой и невредимой, невредимой ты меня понял — строго подчеркнул Генемлай.

В то же время в осажденной крепости появился новый князь, свадьбу провели скромно, без торжеств. Разъехавшиеся собирать свои дружины князья, непростительно задерживались, между тем неумолимо приближался момент начала штурма. Под стены прибыли камнеметные машины, прислуга суетилась подле механизмов, доводя их до нужного состояния, нацеливая и выверяя место установки.

Первая брачная ночь, прошла тихо, и не заметно. Ардус тихонько постучал в дверь. Ответа не последовало, тогда он осторожно отворил их, и тут же отшатнулся. Из комнаты пахло горелой плотью и кровью, на языке появился привкус железа. Слабо освещенная комната, ничем не отличалась от обычного своего вида, за исключением сгорбленного силуэта над жаровней, в которой, лежала обгоревшая человеческая голова. Одеяло,

сброшенное с супружеского ложа на пол, алело пятнами, а на кровати лежало огромное тело Щелка. Подушка и изголовье пропитались кровью, толстый обрубок шеи уже успел заветреться.

— Что ты натворила? — выдохнул Ардус, закрывая за собой двери. — Зачем, Авдалея? Он же уже князь... За что ты его? — вопросы оборвались, бледное лицо женщины с запавшими глазами повернулось к старику.

— Он сжег их головы, сжег... Я не смогла с ними проститься, он их сжег... — она замолчала, и также медленно отвернулась.

Ардос схватил платье и заставил ее одеться. Авдалея как кукла машинально выполняла все его указания. Приказав страже не входить в покои князя, Ардос повел княгиню к тайному ходу, что выходил к реке. Там, в укромном месте, лежала припрятанная на всякий случай долбленка. Если повезет он успеет ее вывести из крепости, иначе не сносить Авдалее головы. Костры горели по всему периметру стен, и хорошо освещали двор княжеского детинца. Воины группами сидели подле огня, и узнавая княгиню поднимались, чтобы поприветствовать ее. Сильнейший удар, сотряс деревянную стену крепости, затем еще один, штурм начался. Огромный валун влетел внутрь крепости и упал прямо перед Ардосом и Авдалеей. Из княжеского терема выбежали воины и закричали. — Князь убит!!! — началась паника, воины метались в поисках врага.

Ардос открыл проход из заброшенного колодца, темный коридор вонял сыростью, но звуки сверху приглушала толща земли, что немного успокаивало. Авдалея было рванулась назад, Ардос съездил ей по лицу, отвесив увесистую оплеуху, и прорычал.

— Что дура, опомнилась?! Поздно! Ты князя убила, теперь только бежать!

Позади послышались шаги, судя по звуку преследователи шли небольшим отрядом, человек семь, восемь.

Выход из крепости перекрывала старая дверь, дубовая створа с шумом сдвинулась, впуская свежий воздух в затхлый коридор. Ардос вытолкнул Авдалею, а затем сам выбрался наружу. Не по возрасту шустро, старик выволок из кустов долбленку и спустил ее на воду, сунул в руки женщины весло и заставил княгиню сесть в лодку. Вода расплзлась в стороны под напором неустойчивого судна.

— Гребь дура!!! Гребь, быстрее!!! Беги к своей матери!!!

Из прохода показался первый воин, Ардос перерезал ему дорогу, выставив вперед руки. Следом вышел второй, Авдалея повернулась и увидела, как старик застыл пронзенный с двух сторон мечами дружинников.

В лодку со свистом воткнулась стрела, стреляли с берега. От ночной прохлады или шума битвы Авдалея очнулась и принялась энергично грести к противоположному берегу.

Подзорная труба застыла на одинокой лодочке посреди реки. Генемлай поднял руку, и прокричал.

— Отставить, не стрелять! Прекратить я сказал!!! Приведите ко мне Финлара!

Через полчаса отряд конников отправился в погоню за беглянкой. Финлар имел четкие указания от айлара, женщину надо привести живой. Молодой эльф не понимал зачем пятнадцать воинов, когда он и один может справиться. Это же всего лишь баба.

Лодку прибило к берегу, Авдалея выпрыгнула и побежала в степь. Она знала, что далеко убежать не получится, но инстинкт гнал женщину вперед. Позади послышался тяжелый топот лошадиных ног, преследователи нашли долбленку и быстро определили направление, в котором побежала княжна.

Авдалея остановилась и пойкала глазами, где можно спрятаться, но повсюду, куда падал ее взор, простиралась бескрайняя степь. Даже река и та вилась посреди равнины, едва опущенная редким кустарником. Водная гладь припадала к глинистой круче на той стороне, и полого разливалась на ее берегу. Чувство ярости захлестнуло беглянку, она встала навстречу всадникам, дерзко глядя на конных преследователей. Ветерок распахнул ворот едва прихваченного на груди платья, машинально рука поправила, отворот. Под рукой скользнула цепь, и оберег ее мужа, Авдалея как сомнамбула коснулась украшения.

Эльфы осадили лошадей, перед ними неожиданно вырос всадник на железном скакуне. Финлар уже видел этого рыцаря, и сейчас очень пожалел, что с ним не сотня другая воинов, да еще бы не мешало и доспех покрепче.

Не понимая, что произошло Родриго закружил вокруг женщины, затем его взгляд упал на эльфов. Он развернул лошадь, и погнал скакуна навстречу преследователям, копье пробило одного, а меч выбил из седла второго. Его окружили, застучала сталь, то и дело из седла выпадал, кто-то из эльфов. Один отделился от общей массы, и припустил в сторону Авдалеи. Амадо растолкал противников, сшиб одну из зазевавшихся лошадей, опрокинув вместе с седоком, и помчался следом за всадником.

Мгновение спустя он оказался подле эльфа, тот попытался подхватить Авдалею к себе на седло, но девушка, ловко перескочила на другую сторону, едва не выбив всадника из седла. Вторая попытка Финлара закончилась, столь же неудачно. Баба выбила его из седла, и в последний момент перед падением, он заметил, как к нему приближается живая сталь.

Стальная лошадь присела на задних ногах. Приподняв голову над землей Финлар провожал глазами, удаляющихся соратников. Авдалея ловко вскочила в седло его лошади и вместе с рыцарем поскакала в открытое поле.

Алое зарево разлилось по горизонту, окрашивая еще не до конца высохшую траву в кроваво-красный цвет. Багряная поверхность стального скакуна играла в первых лучах солнца отраженными бликами. Эльфийская лошадь давно выбилась из сил, поэтому Амадо пришлось пересадить девушку к себе, Авдалея прижалась к нему и затихла. Впереди выросли стены Наполя. Вскоре к ним присоединились воительницы, сопроводившие беглецов до ворот столицы амазонок. Мать встретила дочь строго, особенно поле рассказа Авдалеи о последних часах ее княжения.

— Ты теперь не можешь вернуться в Малвей, но зачем тогда меня просишь собрать воительниц? — недоуменно изогнув бровь спросила Липита, она решительно не понимала свою дочь.

— Если мы не приведем помощь, Урсум погибнет. Погибнет Малвей, погибнет память о Раборе. Я должна отомстить лощеным зверям, что подло украли все, что у меня было. Они должны за это заплатить своей кровью. Мама я хочу отмщения, страшной кары для этих тварей!!! — перешла на крик Авдалея, ее расширенные глаза светились безумием, а бледные губы сильно дрожали, голос неожиданно иссяк и наступила тишина.

Женщина не плакала, ее взгляд полный боли застыл на лице матери, а рот ловил воздух, которого так не хватало рвущемуся из груди сердцу.

Липита повернулась к компаньонке и что-то прошептала ей на ухо. Девушка кивнула и выбежала из комнаты.

— Иди за мной! — строго сказала она дочери.

Липита в первый раз за весь разговор взглянула на Родриго, и застыв на мгновение на его жутких глазах, кивнула головой приглашая следовать за собой.

— Белоснежный зал, драпированный багровой шелковой тканью, наполнился пришедшими на зов королевы воительницами. Женщинами уже не молодыми, ставшими полноценными воинами. При появлении Липиты они смолкли, и склонив головы приветствовали правительницу. Крепкие ноги королевы тихо ступали по высокому ворсу восточного ковра, свивающего красочные узоры из растений и птиц. Ответив поклоном на приветствия соратниц, Липита опустила на трон, покрытый леопардовой шкурой.

— Сестры мои, я собрала вас потому, что к нам идет война! Сейчас она пришла к нашим союзникам, Урсумцам, но завтра коварные враги встанут у порога нашего дома, и попытаются отнять нашу свободу! С просьбой о помощи, к нам, в Наполь, приехала княжна Малвея! Авдалея потеряла мужа, и сына! Эльфийские звери убили их, коварно заманив в ловушку! Все вы знаете, что Авдалея мне не чужая, и вам она сестра! Многие из вас ходили вместе с ней против орков, и видели ее преданность нашей семье! Так защитим же нашу сестру и ее новый дом от безжалостного врага, что сегодня губит соседей, а завтра придет в наши степи!!! — закончила Липита, сверкая глазами, амазонки угрюмо смотрели на Авдалею.

— Она нас предала. Ушла в дом иноземца. Почему мы должны ее спасти? — наконец проговорила средних лет, поджарая женщина, с тугими жгутами мышц на руках.

— Это правда, она нас предала!!! — поддержали говорившую остальные женщины.

— Почему на нашем собрании присутствует мужчина? — продолжала поджарая.

— Эвмея права!!! Мы требуем, чтобы он покинул город!!! Немедленно!!! — послышалось из рядов собрания.

— Вы правы! — отозвалась Липита. — Авдалея ушла от нас, но в том нет предательства, она соединила оба наших мира, лес и степь! Благодаря ее жертве мы много лет не воюем с Урсумом, ее муж, князь Рабор, остановил нашествие эльфов, и закрыл наши земли от жестокого врага, так не пора ли нам вернуть долг соседу!

— Хорошо, в твоих словах есть правда Липита, но почему ты нарушаешь наши традиции? Почему на собрании мужчина?! — спросила с вызовом поджарая.

— Эвмея, зачем ты настраиваешь совет против моей дочери, этот мужчина ее отец — Авдалея удивленно уставилась на мать. — И он спас вашу сестру, он спас меня в далекой юности, вашу королеву. Этот рыцарь много раз приходил на помощь амазонкам, и только он знает нашего нового врага. Родриго Амадо не раз скрещивал меч с клинками остроухих, поэтому этот воин как никто другой должен присутствовать на собрании. Нам нужна помощь, на нас идет враг много страшнее безмозглых орков.

— Я против, того, чтобы наши традиции разрушались в угоду твоей привязанности. Ты пытаешься навязать нам беды своей дочери и ее пихаря! Похоже Липита, ты решила использовать своих сестер, в собственных интересах! — желчно отозвалась поджарая Эвмея.

— Да как ты смеешь! — схватила ее за руку молодая девушка, с огромными, черными глазами, и тугой косой, бившейся своим концом о выпуклости ниже талии.

— Калисия отпусти руку! Иначе... — жестко проговорила Эвмея. — Я имею право задавать вопросы, потому что я поведу свой отряд на смерть! И я хочу знать, ради чего девчонки будут умирать!

— Они будут умирать, ради того, чтобы завтра могли появиться новые амазонки, и передать традиции, поспание, которых тебя так волнует! — холодно ответила Липита. Бледное лицо и грозный блеск серых глаз женщины, подействовали на Эвмею как мороз на распустившийся цветок.

Воительница внутренне сжалась, и уже более миролюбиво добавила.

— Прости Липита мою грубость. Я лишь хочу, чтобы все было по-честному. Мы пойдём за тобой, но только за тобой. Ты наша королева. Авдалея нас отвергла, поэтому её мы не признаём никогда. Прими наше решение и тогда, мы поддержим любое твоё предложение.

— Авдалея не претендует на трон, и не может требовать корону ...

— Ты принимаешь решение сестер? — настаивала Эвмея.

— Принимаю.

Всадницы разлились широкой рекой по степи. Армия амазонок казалась вдвое большей, из-за лошадей, что шли в поводу у каждой наездницы, для смены утомленных скакунов. Отдельно выделялась группа, окруженная опытными воительницами. Внутри кольца телохранителей, на гнедой лошади ехала Липита, а рядом, на рыже кобыле, Эвмея. За кольцом всадниц, тяжело сотрясая иссушенную землю, шел стальной конь Амадо. Зарево пожара точно указывало направление сражений, вскоре ветер принес запах паленной плоти, и тряпок, пахло сгоревшим жильем.

— Мы опоздали — заговорил мужчина, внимательно взглядываясь в блики на горизонте. — Малвей пал.

— Я другого и не ожидала — ответила Липита.

— Может поход уже не имеет смысла? — подхватила беседу Эвмея.

— Враг все еще там. Сейчас эльфы громят соседей Малвея, готовят тыл — ответила Липита.

Эвмея уныло опустила голову, и замолчала, так и не сказав того, что едва не сорвалось с ее губ.

— Кажется разведка возвращается — снова заговорил Амадо.

К ним подъезжали запыхавшиеся воительницы. Улыбчивая девушка доложила, что крепость горит, а жители перебиты. По следам разведка определила, что эльфы двинулись к Ваглам и возможно на Ругоз.

— Они идут медленно. Обоз и огромные деревянные штуки, чтобы метать камни, тормозят их армию — закончила амазонка и снова улыбнулась.

— Хорошо Пенатлара, присоединяйся к Авдалее, и как начнется бой проследи за тем, чтобы она не лезла в самое пекло — девушка коснулась пальцами груди и отъехала в сторону.

Снова показались разъезды, разведчицы сообщали о большом лагере в пяти километрах на северо-запад.

По рядам амазонок пробежала команда, и кони встали, повисла ночная тишина, прерываемая редким стрекотом насекомых. Девушки достали глиняные лампадки с откидывающейся крышкой, внутри каждой плескалось немного масла. Вскоре ночная степь светилась тысячами небольших огоньков. Казалось, что невидимый великан пробежал по жухлой траве, и поднял мириады светляков, которые теперь беспорядочно роятся в бархатной темноте. Потом огоньки потухли, снова пробежала команда, лошади двинулись вперед. Пошел последний километр, разговоры смолкли, слышался лишь топот лошадиных ног.

Лагерь всполошился, издали уловив дрожь земли, эльфы забегали между шатров, разбирая оружие, и облачаясь в доспехи. Волна горящих стрел, с диким воем упала на лагерь врага, огненный дождь осыпал эльфов со всех сторон. Из лагеря вырвались первые рыцари, тяжело вооруженные, они с трудом набирали скорость, стремясь догнать ускользающего врага. Одетые в металл кони эльфов, почти не страдали от стрел, но амазонки отличались мастерством в обращении с луком, и быстро сообразили, что надо стрелять по ногам животных.

В ответ полетели эльфийские стрелы, с лошадей амазонок упали первые убитые и

раненные. Огонь захватил лагерь, и погнал запаниковавших сидельцев в поле. За пределами светового круга пожара, то и дело слышались ругань, крики и звон оружия.

Эльф лучник прицелился и выпустил стрелу в девушку на лошади, но оперенная убийца пролетела мимо. Воительница, легко соскользнув с седла спряталась за боком скакуна, что спасло всаднице жизнь. В затылке эльфа-стрелка громко хрустнуло, и глаза бессмертного закатились, белоснежные волосы залила кровь, обильно бежавшая из-под шлема на кирасу. Амадо ворвался в лагерь и пробился к шатру Генемлая, но айлар уже покинул его.

Сбоку, за языками бушующего пламени, послышался топот нескольких лошадей. Родриго направил коня прямо через огонь, и выскочил наперерез конным эльфам. Они опешили на несколько секунд, видя, как из пламени на них вывалилось нечто, на странном сооружении чем-то, напоминающем лошадь.

Этого мгновения Амадо хватило, чтобы опрокинуть первого из отряда, и ранить еще двух сопровождавших. Из темноты, в круг света, вылетела разгоряченная боем Авдалея. Она отбилась от своего отряда, и стряхивая кровь с короткого клинка, искала глазами врага.

Увидев Родриго, девушка направила скакуна к нему, сбоку подъехали сразу четверо рыцарей эльфов. Копье впереди идущего впилося в бок лошади воительницы, и с сухим щелчком переломилось. Животное повалилось, прижав ногу Авдалеи, и жалобно заржало. Девушка пыталась выбраться, но освободить ногу не хватало сил. Амадо стремительно таранил обидчика Авдалеи, опрокинув его лошадь, и выбив из седла всадника. Оставшиеся трое окружили его, и попытались стянуть с коня. Острое жало человеческого клинка, вонзилось в забрало одного из эльфов, покончив с его попытками ухватиться за выступ на броне Родриго. Пернач тяжело упал на затылок человека, и тут же ушел на второй удар, эльф не успел закончить атаку, его тело сползло с седла. Из подмышечной впадины воина торчала стрела. Авдалея вновь натянула лук, но выстрелить не успела, на воительницу навалился тяжело бронированный убийца ее лошади. Пал последний из атакующих Амадо, стальной конь пронесся мимо склонившегося над амазонкой рыцаря, удар клинка высек искры из горжета, прикрывающего шею эльфа.

Сильный удар, укрепленной латной перчаткой руки, почти выкинул из сознания Авдалею, затем тяжесть, что душила ее сверху исчезла. Она повернула голову пытаясь разглядеть куда делся ее обидчик, глаза воительницы заметили огромную тень. Что-то блеснуло в воздухе, и нелепо взмахнув конечностями упало в пяти шагах от нее. Вернулся Амадо, спрыгнул с лошади и решительно подошел к рыцарю. Ловко поддев забрало, он открыл лицо эльфа, Авдалея сразу узнала Генемлая. Лицо айлара, искаженное гримасой боли, выражало полное пренебрежение к происходящему.

С размаха ударив Генемлая в нос, Родриго отпустил его. Эльф повалился, захлебываясь кровью, хлынувшей из разбитой рта. Амадо подошел к Авдалее и приподнял тушу мертвого животного. Она ловко выскользнула из своей ловушки, и нерешительно посмотрела на отца, Родриго ничего не говоря вернулся к эльфу.

Схватив Генемлая за шикарные кудри белоснежных волос, человек заставил его встать на колени.

— Ты хотела его голову, возьми. И перестань мучать себя желанием мести — спокойно прозвучал голос Родриго.

По спине Авдалеи пробежал холод, она как во сне подняла короткий меч, и поднесла к горлу Генемлая, эльф засмеялся.

— Что шлюшка, не так просто убивать своих врагов, повезло тебе...

Договорить эльф не успел, молниеносным движением она провела отточенным клинком по незащитной шее, горячая кровь хлынула на ее руки. Хрипы и булькающие всхлипы оборвал удар сбоку.

Амадо одним движением отделил голову Генемлая от тела, и протянул ее Авдалее, женщина с отвращением отшатнулась.

— Хорошо, а то я уже начал думать, что твоя психика никогда больше не придет в норму.

— Я не понимаю тебя — ответила она как во сне, не сводя глаз с отрезанной головы.

— И не надо! Все хорошо! — успокоил ее Родриго, он размахнулся и кинул голову в костер догорающего лагеря. Из темноты на них вылетел всадник, заметив людей, эльф натянул поводья.

— Спасайся, пока еще можно! — крикнул ему Амадо, закрывая собой Авдалею. Большой щит закрыл тело человека, оставив только голову над верхним краем.

Всадник покружился на месте, взвесил длинный изогнутый меч в руке, и пришпорив коня снова скрылся в темноте ночной степи.

Конница эльфов еще несколько раз возвращалась на поле боя, но каждый раз гналась за призраком. Воительницы быстро рассыпались по степи, выматывая лошадей противника постоянной погоней. Меткие выстрелы лишали рыцарей скакунов, и в спешенном виде они попадали в плен, затянутые тугими кольцами арканов. К утру бой закончился. Армия противника частично уничтоженная, частично бежавшая, потеряла боеспособность. Большое количество раненных и плененных врагов, тормозило стремительно продвижение амазонок, и Липита приняла решение раненных добить, а живых продать в Остопор. Развернув лошадей, армия амазонок направилась к береговым торгашам. Эльфы пришлось по вкусу местным работорговцам, в дальнейшем за многих из них, ушлые перекупщики выручили весьма значительные суммы, получив выкуп за плененных жителей Эманторана.

Шелест набегавшей волны гасил песок прибрежной косы. Ярko пылал костер, укpывшийся под широкими ветвями старинного дуба. Высокий эльф сгорбился, выставив руки к огню. Зябко поведя плечом, он опустилcя на корягу, и уставился на оранжевые языки, пляшущие по чернеющему дереву. Отстегнув ножны Эйлайн положил саблю на колени, рука пробежала по богатому узору ножен. Драгоценные камни, вплетенные в замысловатый орнамент, приятно холодили ладонь.

Он ненавидел, когда Родриго так исчезал, но ничего поделать с этим не мог, потому приходилось сидеть и ждать пока человек вернется, и скорее всего и не опускаясь до объяснений, поведет его в Андланд. Эйлайн никак не мог взять в толк, как у такого, как Амадо могла родиться Ланаэль. Утонченная, нежная, полная любви женщина, истинная представительница прекрасного рода Аманитель.

В памяти всплыли голубые глаза Ланаэль, она словно живая стояла за трескучим пламенем костра. Руки девы теребили кудрявую головку мальчика, такого же светлого, как и его родительница. Тонкие губы растянулись в улыбке, она, что-то произнесла, но предательский треск полена заглушил голос. Эйлайн вскочил, наклоняясь в сторону жены.

— Я тебя не слышу — выдохнул эльф, срывающимся голосом. — Ланаэль.

Видение колыхнулось, рука девушки вытянулась в сторону Эйлайна, а лицо исказила гримаса муки. В ногах Ланаэль лежал бледный как полотно мальчик, темное пятно крови расплывалось на груди белоснежной туники ребенка.

Огромная тень закрыла Ланаэль, воздух пронзил высокий крик девушки. Эйлайн выхватил клинок и кинулся на другую сторону костра. Пустота и тихий шелест воды, набегающей на прибрежный песок, и больше ничего. Слезы брызнули из глаз эльфа. В отчаянии он бегал вокруг костра в поисках жены, пока не застыл на месте. В гневе рука воина вогнала острие сабли в песок. Ноги подкосились и Эйлайн упал на колени, его плечи сотрясали беззвучные рыдания, у него не осталось сил сдерживать боль, сжигавшую многоопытную душу эльфа.

Огонь играл на зеркальной поверхности полотна сабли, превращая его в горящую во тьме полосу.

— Слезы не помогут — прозвучало над головой Эйлайна.

Эльф вздрогнул и поднял лицо, над ним стояла его старая знакомая.

— Что тебе надо? — спросил он бесцветным голосом.

— Ты мне не безразличен. Твоя боль ранит и меня. Мы с тобой слишком близки, чтобы я могла равнодушно взирать на твои муки — нежно проурчала Игиги Гула, кошачьи черты ее красивого лица скривила милая гримаска сочувствия.

— С трудом вериться — раздраженно ответил эльф, вытирая рукавом глаза.

Поднявшись на слабые ноги, он побрел к угасающему костру, рядом мягко касаясь песка семенила Гула. Ее зеленные глаза с огромными зрачками, наполнили слезы, она обошла Эйлайна и требовательно глядя в лицо эльфа преградила дорогу.

— Зачем ты так со мной? Я же твоя первая любовь... Я тебе подарила себя... помнишь... тогда... — голос Гулы оборвался, слеза скатилась по нежной щеке.

— Ты хоть женщина? — с усмешкой спросил эльф, стараясь отодвинуть девушку в сторону движением руки.

Жгучая боль обожгла его предплечье, Эйлайн удивленно посмотрел на четыре царапины, быстро заполнявшиеся кровью. Гула спрятала руку, на которой Эйлайн успел заметить крючковатые когти, стремительно скрывшиеся в тонких пальцах точенной кисти девушки.

— Прости — выпалила Гула, смущенно опустив глаза.

— Ничего — как во сне пробормотал Эльф. — Я знаю, что ты меня любишь. Но твоя жажда крови пугает меня. Как и способность проникать в мою голову — слегка удерживая за острый подбородок голову Гулы, он повернул ее лицо к себе.

Девушка улыбнулась, обнажив хищные клычки, ее руки как лианы обвилились вокруг шеи воина, а кукольные губки прошептали в ухо.

— Я женщина, не кровь мне нужна, а твоя любовь — полуоткрытый рот эльфа принял поцелуй Гулы.

Сильные руки обхватили тонкий стан девушки, а губы впились в податливый рот соблазнительницы.

Предрассветные сумерки выкрасили в серый все, что смогли украсть у тьмы. Цепочка изящных следов тянулась к воткнутому в песок клинку, все еще горевшему огнем, несмотря на потухший костер. Задумчивая Гула оглянулась на спящего эльфа. Эйлайн мерно дышал, примостив голову на бревне, которое давеча служило ему скамьей. Тонкая рука коснулась горячей черты, и проникла на ту сторону. Грациозно качнув бедрами, Гула полностью исчезла в огненной щели. Полотно сабли слегка вздрогнуло и потухло. Первый луч солнца скользнул по бритвенно-острому краю клинка, и застыл, заиграв яркой звездочкой на одной из граней.

Малвеи так и не восстановили, оставшиеся без князя и дружины Ваглы приняли Авдалею. История с Щелком осталась в сгоревшей крепости, да и не осталось никого, кто мог бы поведать о случившемся в княжеской спальне. Поначалу жители крепости озаботились поиском достойного князя, для дважды вдовы, но скоро вопрос о наследнике отпал, Авдалея вновь понесла ребенка.

Возвращение Амадо к озеру, не осталось без внимания вездесущих рыбаков. Он застал Эйлайна возле догорающего костра, эльф терпеливо ожидал появления пропавшего товарища.

— Я думал, тебя уж не застаю — вместо приветствия сказал Родриго, присаживаясь к малиновым углям.

— Я тебя жду — спокойно ответил эльф.

— Опять маяк? — равнодушно спросил Эйлайн.

— Да. Урсум трясет. Там требовалась моя помощь, вот меня и кинуло — нехотя ответил человек.

— Кто?

— Дочь — коротко ответил Амадо не желая продолжать беседу.

Они молча уставились на тлеющие угли, цвет которых менялся от ярко красного до темно-малинового, но мужчины не видели притягивающей глаз красоты, они погрузились в призрачные видения прошлого.

— В замке никого нет — глухо прозвучал голос Эйлайна.

— Это маскировка. Девчонки здесь, поверь они в этом мастера — отозвался Родриго.

Не глядя на каменную кладку, человек смело шагнул сквозь стену, и оказался в оружейной. Эльф нерешительно последовал примеру соратника, внутри на него пахнуло теплом и забытым чувством уюта. Стены укрыли цветущие вьюны, а по полу стелилась мягкая трава приятного сизого оттенка. В дальнем конце комнаты сидели две женщины, одна совсем юная, другая постарше, внешность обеих поразила эльфа своей необычной, почти идеальной красотой.

— Мы тебя ждали — проговорила та, что помоложе. — Вот, Ламина приготовила тебе подарок — она протянула Амадо, тонкую накидку.

— Что это? — с недоумением спросил мужчина.

— Накидка, она тебе может сильно пригодиться. Так, что возьми, не обижай мою подругу — настаивала Дальчи.

Грубые руки Амадо коснулись тонкой ткани, приятное ощущение тепла и нежности пробежали по телу.

— Опять колдовство — подумал Родриго.

— Ты привел эльфа? — спросила Дальчи, заметив вошедшего Эйлайна. — Он плохой, темный — предостерегла она Амадо.

— Я знаю.

Рыжая так и не подняла глаз на вошедших, все ее внимание поглотил большой синий кристалл, который женщина держала в руках, внимательно вглядываясь в камень.

— Ты нас спас, я все видела — продолжала болтать Дальчи.

— В твоём доме беда. Пролилась твоя кровь — внезапно прогудел голос Ламины.

— Пролилась, и уже не единожды — меняясь в лице отозвался Амадо. — Випул убивает

моих детей — пояснил он удивленной Дальчи.

— Нет. Эта кровь сейчас проливается. Посмотри — Ламина протянула камень человеку, Родриго взглянул на излом граней кристалла.

В темноте спальни, молодая женщина пыталась вырваться из стальных колец, огромной змеи. Амадо даже услышал ее хрипкое дыхание и хруст ломающихся ребер. Змея бросила почти безвольное тело, и грациозно сползла на пол. Небольшая головка гада нависла над детской кроваткой. Глаза девушки открылись, булькающее дыхание заставило змею повернуть голову в ее сторону. Гад застыл не в силах сдвинуться с места, только сейчас Амадо узнал Эли, и ее дочь Лафну. Он коснулся знака, и привычное ничто окутало тело человека.

В комнате послышался хриплый вздох, Эли отвлеклась на появившегося в спальне рыцаря. Змей метнулся к ее кровати, и впился длинными клыками в руку. Затем также быстро нырнул под ковер на полу, и в одно движение оказался над кроватью ребенка.

Место укуса быстро багровело, Эли завывала, тихо, жалобно, из ее пор проступили капельки крови. Следом кровь потекла из носа, ушей и глаз, девушка билась в конвульсиях, тихо вскрикивая, а из пор сочилась кровь, с каждым движением, разбрызгиваясь, точно под напором по стенам и потолку спальни.

Небла прошла через шею гада, едва заметив сопротивление плоти. Аккуратная головка упала в кроватку, разбудив Лафну. Девочка открыла глаза и с изумлением и ужасом смотрела на муки погибающей матери. Амадо тут же подхватил потерявшееся дитя на руки. Девочка громко заплакала, чуть погодя дверь отворилась и в комнату вбежал мужчина со светильником, он также изумленно-испуганно уставился на окровавленную спальню и застывшее в невыносимой муке, скорченное тело жены.

— Эли!!! — наконец вырвалось из его груди. — Да что же это?! Как я?! Кто?! — как-то по-детски, беззащитно спросил Эбон, глядя на Родриго, полными слез глазами.

— Он — Амадо пнул ногой тело змеи.

— Что? Откуда он здесь? — с недоумением и сомнением спросил Эбон.

Король Мальдиды отпустил руку Эли, и отступил на шаг.

— У нас не водятся ядовитые змеи — проговорил он почти спокойно.

— Это не змея, это андланд, он из другого мира.

— Но зачем ему убивать Эли? — спросил Эбон.

— Из-за меня. Я оскорбил Эландо, и он убил всех моих детей... — договорить Амадо не успел, в комнате завоняло мускусом. С громким шипением на рыцаря обрушился, огромный, выше Родриго почти на голову, змей с человеческим телом. Амадо развернулся спиной, пряча ребенка от разъяренного андланда, Лафна громко попискивала. Стальная хватка тощих рук змея, начала стягивать Родриго, затем она резко ослабла, за спиной послышалась возня.

Опустив дитя на пол, Амадо развернулся к врагу. Змей лежал на полу, его тело мелко дрожало. Со стороны головы андланда, опустившись на одно колено, склонился Эбон. Его рука лежала на голове змея, и слегка вибрировала, тело гада постепенно усыхало, превращаясь в мумию, глаза медленно потухли, а затем ввалились во внезапно опустевший череп.

— Дедушкины таланты — неудачно пошутил Родриго.

Ничего не отвечая Эбон подошел к Эли, и положил одну руку на лоб, другую на грудь. Зазвучали древние слова, воздух накалился, готовый разразиться разрядами электричества.

Лицо девушки посветлело, сведенные судорогой руки и ноги расслабились, грудь Эли вздрогнула, и женщина закашлялась.

Она села на кровати, изо рта вытекали черные сгустки крови, падая на окровавленную ночную рубашку.

— Эли? — тихим голосом позвал Эбон.

Эли повернула к нему голову, совершенно пустые, мутные глаза смотрели на него, не узнавая и ничего не выражая.

— Эли? — снова позвал король, упавшим голосом.

— Мама!!! Мама!!! — подскочила к Эли Лафна, и обхватив шею матери заплакала.

Секунду спустя, пустые глаза матери наполнили слезы. Женщина заплакала, а руки обхватили худенькое тельце девочки. В глазах начала таять муть, возвращая привычную цепкость взгляду Эли. Амадо не мог поверить в увиденное, он хотел поблагодарить Эбона, но тот движением руки остановил его.

Окно на верху башни, позволяло осмотреть лежащую далеко внизу равнину, что окружала древнюю цитадель. Белой лентой вилась дорога, извиваясь точно змея, между старинных курганов, что давно превратились в невысокие, изумрудного цвета холмы. Черный силуэт четко выделялся на фоне тракта, быстро удаляясь от Белого камня, он уносил то немного, что осталось от семьи.

Эли смотрела в след отцу, впервые ощущая спокойствие, ненависть и страх покинули ее повзрослевшее сердце. Лафна все еще спала в своей кроватке, Эли удовлетворенно посмотрела на свое дитя, минуту спустя ее взгляд снова вернулся к дороге. Зажужжал шмель, пристраивая лохматое брюшко на цветок бегонии, росшей в узорной вазе подле окна. Улыбка играла на губах женщины, рука сама протянулась к цветку, нежные пальцы коснулись стебля. Черное пятно расплзлось вверх и вниз по стеблю, захватывая лепестки цветка как неожиданный мороз, что разрушает тонкую красоту недолговечного дара природы. Шмель, гневно жужжа, взлетел и снова опустился на цветок, тут же превращаясь в тлен, осыпавшийся на землю под сухим кустом. Только играющие разноцветьем крылышки насекомого еще какое-то время плавно опускались вниз.

Пораженная Эли отдернула руку. Задыхаясь от ужаса, она смотрела на скелет благоухавшей секунду назад бегонии. Она вскочила с места и кинулась к кроватке дочери, немного не доходя Эли попала в объятия Эбона. Он вошел так незаметно, что супруга даже не почувствовала его присутствия.

— Тихо, тихо — приговаривал Эбон прижимая ее к себе, так крепко, что Эли не могла пошевелиться. — Это не страшно, только так я мог тебя оставить среди живых — шептал он ей в ухо. Эли расслабленно слушала его голос пытаясь осознать произошедшие с ней изменения. Эбон продолжал успокаивать жену, напряженно думая, о том, что еще не сообщил ей о гибели Ланаэль. Одна мысль о том, что ему предстоит рассказать эту ужасную новость, приводила в иступление и ярость.

Замок скрылся за горизонтом. Амадо сосредоточенно раздумывал над тем, что делать дальше, так не могло больше продолжаться. Навстречу ему ехали телеги какого-то купца, увидев стальную лошадь они сбились с дороги на обочину, и испуганно выглядывали из-за ближайших кустов, пока скакун проносил мимо них рыцаря в черном доспехе. Давно уже среди народа ходили слухи о том, что сам бог войны мечется по трактам стравливая королей, и их рыцарей. Видать боги совсем осерчали на грешников, погрязших в пороках.

Купец было выбрался из кустов, когда на тракт вырвались двое всадников, судя по виду эльфы, но какие-то не обычные. Грузное тело купчины опять оказалось в придорожном кустарнике.

Звук стремительно приближался, Родриго глянул через плечо, прямо на него неслись рыцари Эманторана, разгоняясь перед таранным ударом. Легкое движение руки вырвало лошадь Амадо вперед. Пейзаж вокруг замелькал, сливаясь в линию по бокам. Звуки погони стали отдаляться, пока совсем не затихли. Рыцари осадил почти выдохшихся скакунов, лошади в раздражении встали на дыбы.

Два дня спустя Родриго подъезжал к полуразрушенному замку в горах, около тайного прохода его встретил Эйлайн. Эльф ничего не спрашивал, молча глядя на человека.

— Где Дальчи? — спросил Амадо вместо приветствия.

— Внутри, с Ламиной...

Амадо прошел в замок, тонкий аромат какого-то цветка, окутал его еще при входе. Неторопливая мелодия, срывавшаяся со струн неизвестного музыкального инструмента, чем-то похожего на огромные гусли, заставила остановиться в проходе столовой. Женщины сидели на полу склонив прекрасные головки к инструменту, что лежал между ними. Ламина начала петь глубоким голосом, будоража все естество мужчины. Зеленные глаза, подернутые дымкой воспоминаний, посмотрели на Родриго. Не в силах оборвать чарующие звуки, человек замороженно слушал песню.

Мелодия стихла, Дальчи поднялась и протягивая руки, торопливо подошла к гостю.

— Ты вернулся! Все в порядке? — зашебетала она, заглядывая голубыми ледышками в его лицо.

— В порядке — отозвался Амадо. — Спасибо я успел, но за мной идет погоня, скоро могут быть здесь.

— Что же делать?! — испуганно проговорила Ламина, заламывая руки.

— Дальчи, мне нужно, чтобы ты провела нас в твой мир — не обращая внимания на испуг Ламины продолжил Родриго.

— Я не могу! Нельзя! — почти испуганно отозвалась Дальчи, отступая от него.

— Надо! Иначе, рано или поздно, он вас найдет. Мы должны ударить первыми, пока Випул не ожидает.

— Он всегда ждет! И сразу узнает, что я пришла в Андланд. Не получится, неожиданно! Будет тоже, что случилось под землей! Он убьет тебя — испуганно ответила девушка.

— Пусть. Без тебя я не смогу туда попасть, поэтому, нам придется идти вместе, но я не прошу, чтобы ты оставалась там со мной. Ты можешь вернуться...

— Нет, не могу! Он меня увидит, как ты не понимаешь? Твоя просьба меня убьет — Дальчи почти плакала.

— Тогда как мне тебя защищать? Он будет присылать своих подопечных одного за другим, пока не придет тот, кто сумеет со мной справиться.

— Я пойду с тобой — прозвучал тихий голос Эйлайна из-за спины.

Амадо развернулся, с удивлением вглядываясь в лицо эльфа.

— Она права — это верная смерть — наконец ответил Амадо.

— Меня нельзя убить, пока во не живет она — эльф показал на саблю.

— Эти смогут. Не сразу, конечно, но постепенно, они найдут способ, поэтому не надо.

— Они забрали не только твою дочь, но и мою жену. Мою жизнь. Я хочу наказать того,

кто меня лишил последней радости моей жизни. Не отнимай у меня этого права — заметно волнуясь, ответил эльф. Мертвенная бледность напозла на его, и без того белокожее лицо.

Амадо всплеснул руками, но отговаривать более не стал, его взгляд устался на Дальчи. Девушка упрямо надув губки, смотрела в сторону. Грациозная рука Ламины легла на ее плечо.

— Не надо Дальчи, не печалься, я проведу их — гулко отозвался глубокий голос рыжей.

— Ты?! Нет уж, только не ты! Я сама все сделаю! Может ты и прав, человек! Глупо сидеть как крысы в норе. Надо вернуть старому уроду должок! Я проведу вас.

Размытые мазки начали приобретать более отчетливые формы, пока не сгустились в физически осязаемый цветок. Это занятие приносило наибольшее удовлетворение Випулу, страсть к творчеству изначально отличала его от остальных созданий Андланда. Многие из его творений наполнили яркими красками бескрайний мир растений-великанов. Птичий гомон оглашал округу, к новому цветку сбежались небольшие зверьки, пушистые с иссиня-черным мехом, отливавшим на солнце зеленым. Любопытные глазки-бусинки любовались произведением отца, пытаясь определить на что же может сгодиться новое творение бога.

Птицы неожиданно смолкли, а зверьки насторожились, приподнявшись на задние лапки, и уставив блестящие глазки куда-то за спину Випула. Он повернулся, не зная, чего ожидать, издав издав долетел протяжный крик. Випул хорошо знал этот звук. По лицу Отца пробежала волна беспокойства, а глаза расширились. Несколько секунд он еще продолжал стоять, затем сухое тело потеряло плотность и растворилось как утренний туман.

Испуганный шум листвы, мычание, клекот наполняли сгустившийся воздух мира Рована, склонившийся Отец застыл над обрушенным стволом кряжистого дерева. Траву под деревом устилала изрубленные части тела, десятка куари, попытавшихся остановить убийц. Определить куда ушел враг Випул не смог, отдельные миры его детей, оставались замкнутыми домами в огромном мире Андланда. Откуда в открытый мир почти не проникали ни звуки, ни запахи, ни известия о внутренних событиях личных мирков.

Воздух вновь задрожал и пронесся очень близкий крик. Випул сразу определил, что сейчас погиб Гурда, поэтому состояние мира самого непокорного подопечного ничем не удивило Отца. Тело Гурда распласталось, поверженное с высокой скалы. Вырванный с корнем ствол лежал на дне темного ущелья, разможенный огромным валуном. Сверху упал камень, звонко щелнув о валун он отскочил под ноги Випула. Отец наклонился и поднял небольшой осколок рваного гранита. Повертев находку в пальцах, мужчина задумчиво сунул ее в карман шитого золотом халата.

Мощная рука обросшего громилы, впилаясь в рыжие кудри Ламины, и нещадно тряхнув подняла женщину над землей.

— Рован, прошу тебя оставь мне жизнь! — взмолилась Ламина, обливаясь слезами.

Громила задумчиво рассматривал прекрасное тело богини, грудь воина заходила ходуном, а глаза застыли на розовых сосках девы.

В комнату вошел Гурда, в когтистой лапе он держал прозрачный фиал, с плакучим деревом внутри.

— Чего застрял! Давай шевелись, нам пора возвращаться! Второй все равно здесь нет — грубо заклекотал андланд. Ладонь Рована разжалась, Ламина упала ему под ноги, широкий топор со свистом полетел в грудь Гурда. Тот взмыл под потолок, с криком.

— Остынь идиот!!! Это чары!!!

Мощное, но подвижное как ртуть тело Рована, сжалось подобно пружине, и резко распрямилось, выкинув андланда высоко вверх. Топор прошел мимо верткого Гурда, но вторая рука уцепила летуна за ногу. Подтянув к себе subtilного, по сравнению с ним, врага, Рован методично принялся ломать крылья Гурда, с оглушающим хрустом выворачивая их из суставов. Стараясь не оставаться в долгу Гурд усиленно наносил дары в живот Рована.

Осознав, что пробить стальной пресс врага не удастся, Гурда ткнул под ребра извилистым клинком кинжала. Рован даже не поморщился, продолжая с остервенелой увлеченностью выворачивать многострадальные крылья Гурда.

Страх навалился на ястреба андланда, он, не отрываясь смотрел в пустые глаза Рована, горящие ненавистью к нему, потом что-то изменилось. Глаза воина закатились, а руки скользя по плечам Гурда опали вниз, увлекая все тело к полу.

В комнату, глухо топая, вошел змей, гад взглянул на Рована.

— Эта тварь его обольстила.

— Что его убило? — озабоченно заметил Гурда, даже не оборачиваясь к змею.

— Твой клинок — ответил змей.

— Нет, его так просто нельзя убить, тут всего ничего... — с сомнением ответил Гурда.

Ловко извивая длинное тело, гад подбежал к павшему Ровану, и мельком взглянув, отпрянул. Мгновение и змей исчез, Гурда все понял, но уйти не мог.

— Сегодня тебе не выжить тварь — прошипел он, зло глядя на рыжую.

Гурда размахнулся и швырнул о пол фиал, стекло не поддалось, сфера, звякнув завертелось на месте.

— Ты не сумеешь ее открыть — с надеждой в голосе проговорила Ламина.

— И не надо — отозвался Гурда, вынимая клинок и направляясь к рыжей.

Дойти он не успел, извилистое лезвие воткнулось в вытертые половицы старого замка, а изломанное тело бога упало сверху.

Ламина смеялась и плакала, перемежая радость со страхом, все еще не веря в счастливое спасение.

Змей упорно сопротивлялся, кидая на незваных гостей полчища куари, рептилии с шипением валились под ноги рыцарей. Амадо с огромной скоростью метался по узкой долине. Пытаясь зацепить хозяина мира, человек выстреливал копьё из раза в раз промахиваясь. Огромная рептилия попыталась ухватить шею его лошади, но сталь раскрошила зубы чудовища.

Длинный изогнутый меч Эйлайна, ровными движениями отсекал все, что стремилось добраться до тела эльфа. Змей прытко убегал от копья Родриго, опускаясь на четыре лапы, в особо опасные моменты. Усеянная рядами острых зубов пасть, широко раскрывалась в тщетных попытках схватить человека. Амадо искал древо, сердце змея, но вокруг высились лишь камни. Опрокинув очередную рептилию, злобно щелкающую зубастой пастью, человек сумел-таки прорваться к змею. Широко раззявив безразмерный капкан ядовитых зубов змей, ринулся на преследователя, и сумел опрокинуть Родриго. Зубы закрипели по металлу, огромная пасть пыталась раздавить скорлупу, надежно спрятавшую врага. Человек протиснул в пасть гада щит, и мгновенно расширил его. Главное оружие змея растянулось, напоминая собой горло огромного, запечатанного кувшина, в котором хранят зерно. Змей попытался вытащить щит из пасти цепляя острыми когтями ручку с внутренней стороны. Бросивший щит Амадо, на секунду остановился сбоку от головы змея, клинок зловеще блеснул в тусклых лучах вечернего солнца. Из пасти пораженного в глаз гада не вырвалось ни единого звука, только земля вздрогнула от падения огромной туши.

Натиск рептилий усилился, они заполнили всю долину, давя друг друга и заваливая телами все свободное пространство. Клинок Эйлайна хлестко рассек небольшого хищника, острое меча зацепило ближайший камень. Металл мягко прошел внутрь каменного столба, легко преодолевая твердую корку. Из разреза брызнула влага. Секундное замешательство

сменилось решительным натиском гадов. Эйлайн опрокинул еще с десятков тварей, и молниеносным движением рубанул под основание столба. Из камня хлынула белесая жидкость, превратившаяся на глазах из белой в темно-синюю. Звенящая тишина повисла над долиной, тела куари разом упали вниз, пыль клубами взвилась к небу.

— Как ты его нашел?! — подъезжая на стальной лошади к эльфу, спросил Амадо.

— Случай! — криво улыбаясь ответил Эйлайн.

Взбудораженный Андланд не пожелал, чтобы враги в тот день встретились. Пока Амадо с Эйлайном и Дальчи ждали Випула в его мире, Отец мотался по миркам своих чад в поисках не званных гостей. Желание дождаться Випула в его мире, вызвало жесткое сопротивление Дальчи, Родриго поначалу не уступал, но, когда вмешался Эйлайн, человеку пришлось уступить.

— Пока мы здесь сидим, Випул может завершить начатое змеем — задумчиво предупредил эльф.

— Он прав тут мы его не найдем, но он обязательно придет в Белый камень. Там его ждать и надо — поддержала эльфа Дальчи.

Внутри у Амадо похолодело от мысли, что Отец сейчас может убивать его Эли.

— Возвращаемся в Белый Камень — недовольно проговорил человек.

Пейзаж поплыл, Родриго с волнением ждал того, что может встретить его в замке Эбона. В мутном мареве его взгляд привлекло движение, он совершенно отчетливо увидел, как на поляну вышел Випул, их глаза встретились, прежде чем человек окончательно растворился.

Испуганная мать кинулась к Лафне, закрывая ребенка своим телом, прежде чем поняла, кто появился в ее спальне. Спустя мгновение Эли узнала Эйлайна, ее лицо расплылось в улыбке, смешанной с крайним удивлением, затем она заметила Амадо, и сухо поздоровалась. На Дальчи она даже не посмотрела. Эли прорвало, поток вопросов о том, как они здесь оказались, и зачем пришли, прервал Родриго.

— Мы здесь, чтобы защитить тебя и Лафну.

— От кого? — удивленно спросила женщина, все еще закрывая собой испуганную дочь.

Объяснения заняли остаток ночи, Эли не верила словам отца, но присутствие Дальчи, и ее способности развеяли сомнения осторожной дочери Амадо.

На несколько мгновений Дальчи исчезла из поля зрения, чтобы через пять минут снова появиться, но уже под руку с Ламиной.

— Они там были — сообщила Дальчи.

— Пришли нас убить, но с ними, что-то случилось? — растерянно поделилась рыжая.

— Их убили — отозвалась Дальчи, давая всем своим видом понять, что убили это убили, а не уничтожили очередного куари.

— Кто они? — не понимая, о чем говорят эти странные женщины спросила Эли.

— Андланды. Випул рассылает своих детей, так он их называет, в поисках тех, кого считает врагами своего господства — отозвался Эйлайн.

— Да, но я и моя дочь ничем ему не можем угрожать — возмутилась Эли.

— Вы лишь способ мести, через вас Випул хочет спровоцировать твоего отца на гнев, и неизбежные в таком случае ошибки. Все рассчитано верно, жестоко, но верно — снова ответил эльф, хмуро глядя себе под ноги.

В комнату ввалилась охрана, следом вошел Эбон, с обнаженным мечом.

— Что здесь происходит? — спросил король, выпучив большие, черные глаза. — Зачем вы сюда пришли? — Эли подошла к супругу.

Негромкий голос королевы вернул Эбону спокойствие. Пока Эли тихо рассказывала мужу то, что только, что узнала сама, Амадо склонился к эльфу, что присел на резной стул подле невысокого столика.

— Я вернусь, в Андланд.

— Нет ты нужен здесь, сейчас мы должны спасти жизнь Эли и ее дочери — резко возразил Эйлайн.

— Я это и хочу сделать. Если я уйду, и встречу с Випулом, он оставит в покое моих близких. Не обязательно всем погибать из-за меня — тихо проговорил Родриго.

— Это логично, но я тебя не отпущу одного.

— Эйлайн ты мне и так помог.

— Я иду не тебе помогать. Я иду мстить, поэтому твои доводы меня не остановят! — поднял голос эльф, и сверкнул серыми глазами на человека.

— Мстить? За кого? За кого, ты хочешь мстить? — спросила Эли, впиваясь темными глазами в эльфа.

— Дорогая, не волнуйся так — попытался Эбон остановить жену, но ее волнение и гнев уже перехлестнули точку покоя. — Что случилось с моей сестрой?! — неожиданно закричала Эли, багровея лицом. — Остановись Эли, не пугай Ла...

— В бездну твою разумность!!! — закричала она в лицо мужу. — Как вы могли? Как вы могли скрыть от меня ее смерть?!!! Это все ты проклятый злодей!!! Ты убил маму, теперь убил Ланаэль, все из-за тебя, да будь ты... Проклятие потонуло в возмущенном вскрике Дальчи и Эбона, оба пытались остановить зашедшуюся в ярости женщину. Эли остановилась, вперив взгляд в спокойные глаза Амадо, потом отвернулась и не обращая внимания на мужа выбежала из комнаты.

Родриго подошел к Лафне, девочка испуганно таращила на него темные глазки, не понимая, как к нему относиться.

— Лафна, твоя мама на меня злиться, но я вас люблю, и прошу только одного не забывай меня. Вот возьми — он протянул оберег, подаренный ему Ками.

На детском личике появилась борьба между осторожностью и любопытством, спустя мгновение любопытство победило, и детская ручка с гуттаперчевыми пальчиками доверчиво приняла подарок деда. Тепло разлилось по телу ребенка, девочка удивленно подумала о том, что только, что боялась этого человека, а теперь чувствует его заботу и защиту. Страх улетучился навсегда из детской головки Лафны. Она оторвалась от созерцания подарка и осмотревшись не нашла ни деда, ни приятно пахнущего эльфа, ни красивой тетеньки с ледяным взглядом.

Молодой мужчина с крупным носом, не красивый, но достаточно мужественный, чтобы не замечать некоторых огрехов его внешности, сидел в кресле, выточенном умелой рукой из большого кристалла молочного цвета. По краю поляны расселись оставшиеся андланды, все смотрели на Отца. В воздухе появилось мерцание и из небытия вывалились три силуэта, постепенно обретая четкие очертания.

— Ну вот мы вас и дождались! — хищно улыбаясь произнес Випул. Красивый шлем изысканного доспеха напалз на голову Отца, скрывая лицо андланда.

Дальчи попыталась убежать, но ее знак не сработал, и девушка спряталась за мужчин.

Амадо спокойно смотрел на первого андланда, ожидая развязки странной игры.

— Даже не пытайся! Ты привела в наш дом врагов! Дальчи ты понимаешь, что для тебя теперь возможна только смерть? — нарочито низким голосом произнес отец.

Молчание повисло в воздухе, Амадо все еще пытался разгадать в чем подвох. К его удивлению, никто не стремился к ним приблизиться или напасть. Андланды продолжали чинно сидеть на своих царственных стульях, наблюдая за ходом разыгравшегося у них на глазах спектакля.

— Но я хочу, чтобы ты прочувствовала всю неотвратимость кары древнего Андланда! Поэтому сегодня я тебя отпущу, но теперь твоя жизнь превратится в непрекращающийся бег, бег от неизбежного конца.

Перепуганная Дальчи непрерывно нажимала на знак, стремясь как можно скорее сбежать от изверга, называвшегося ее отцом. Появление Дальчи всполошило собравшихся в спальне Эли, Ламина подскочила к бледной как мел девушке, и обхватив ее плечи начала трясти, спрашивая. — Что произошло? Что с ними случилось? Где они?

Дальчи едва шевеля бескровными губами выдавила из себя. — Надо бежать!

— Надо бежать!!! — закричала она, пытаясь вырваться из рук рыжей.

Но Ламина продолжала удерживать падчерицу, пока сопротивление не угасло, а паника не сменилась апатией. Теплая ладонь легла на лоб Дальчи, и девушка обмякла, ее тело мягко стукнуло об пол, и затихло.

— Теперь с вами господа одержимые! Проклятый тебе здесь делать нечего, ты мне не нужен — Эйлайн исчез, чтобы вывалиться над озером, из которого задумчивые рыбаки вытягивали сеть.

— Ну все допрыгался! — солидно прокомментировал старший. — Теперь утоп!

— Почему знаешь, что утоп? — с вызовом спросил молодой рыбак, с задиристым носом, и веснушками по всему лицу.

Старший отвесил ему оплеуху. Сбив кожаную шапку на палубу, накренившийся лодки.

— Сказал утоп. Значит утоп. Глубина какая, а он весь в железе. Так подумай своим куриным умом, может он всплыть или нет? — назидательно закончил старшой.

Тем временем, в двадцати метрах от берега забурлила вода. Сначала показался свод шлема, затем из воды выросли плечи и торс определенного в утопленники Эйлана. Рыбаки бросили сеть и хватаясь за обереги, принялись читать гимны великому вседержителю, покровителю света.

— Я же говорил! Нежить он! — заорал молодой, и тотчас получил очередную оплеуху.

— Сам ты нежить! — рявкнул старшой. — Не видишь эльф это! А они сам знаешь, все сплошь черные колдуны...

— Но он же не утоп... — рука старшого нависла над многострадальной головой молодого, но немного погодя опустилась, так и не ударив.

— Говорил же не всплывет, он и не всплыл! Вышел он на берег, дном озера вышел! — закончил спор старшой, и отвернувшись от ожившего утопленника, принялся раздавать указания рыбакам, щедро отвешивая при этом пинки, и затрещины.

— Вот мы и остались вдвоем! — зловеще проговорил Випул, пряча глаза за шлемом. — Природа тебя по ошибке одарила талантом, которого ты не заслужил! Много веков я тебя терпел! Терпел твои выходки, и глупость! Теперь ты пришел в мой дом и снова принес смерть...

— Ты разрушил мой дом. На твоей совести куда больше смертей, не тебе меня укорять.

— И кто тому причина?! Кто начал войну, своим глупым любопытством и упрямством? Не ты ли?!

— Ох и любишь же ты пафос, мелкий тиран, убого мирка! — ответил Амадо. — Возомнивший себя богом! Моя вина есть, это отрицать глупо, но войну начал ты, рассчитывая на легкую победу, а закончу ее я!

— Нет! Не закончишь! Ты можешь только гадить, а что-то создать или исправить ты не в состоянии.

— Я убью тебя прямо сейчас, сам здесь останусь, но тебя уничтожу — прорычал Амадо обнажая меч, и покрываясь железом брони.

— Может и убьешь, но не сегодня. Прямо сейчас, в мир твоих предков открываются врата, и чем дальше, тем они будут больше.

Родриго молча смотрел на Випула, ожидая продолжения.

— Они пришли на твой зов. Ты выпустил такое зло, которое не по силам никому, ни тебе, ни твоим соплеменникам, ни древним, ни даже Ками. Ты убил очередной мир — Випул окончательно покрывся металлом, его рука легко взмахнула мечом, а тело ринулось к Амадо.

Человек не успел ничего сделать, острый конец клинка завис в миллиметре от его головы. Тугая струя воды, подхватила тело Випула, и завертев в вихре водоворота, унесла далеко в травяной лес. Амадо растерянно глядел на вихрь, проложивший широкую дорогу по пути следования, на вывернутые с корнями травы, и переливающиеся разными цветами насекомых. Вырванные из своей среды, они носились по вспученной земле в поисках нового убежища.

— Хватит пялиться! Пора бежать, это не на долго, он скоро будет здесь! — Амадо обернулся на голос.

Рыбочеловек протягивал ему руку.

— Ну же! Спешите! — Родриго протянул руку в ответ и тут же попал во все поглощающий холод, а потом упал перед заброшенным замком в горах.

— Зачем ты меня спас? — удивился человек.

— Я же тебе объяснял, нужен противовес. Тебе это не понятно, но именно ты и есть этот противовес. Ты создан, чтобы восстановить гармонию, прими свое призвание и подчинись судьбе, тебе от нее не уйти как бы ты не пытался.

— Зачем Ирридон, Випул же тебя казнит?

— Возможно. Если хватит сил — рыбочеловек улыбнулся и исчез, оставив Амадо в недоумении.

Для погребения Дарелиана, в несколько недель соорудили великолепную усыпальницу, которая несмотря на свои размеры не смогла вместить всех желающих проститься с Вечным королем.

Знать терялась в догадках о причинах смерти монарха. Ходили слухи, что король погиб от руки убийцы с Крефей, нанятого сподвижниками покойного императора Маттейоса, но то были слухи, и никто в серьез им не верил.

Многочисленные тетки Майси переполошились, скорбь по почившему королю Дарелиану, сменило предчувствие праздника коронации принца Амаэля. Торжество сулило не только радость веселья, оно несло с собой возможность изменений, больших изменений. Новый двор, новые должности, новые возможности. С молодым королем к власти приходили

молодые дома, которым Амаэль всегда покровительствовал. Милитаризация двора обещала, помимо приращения земель и увеличения потока рабов, появление экзотических новинок и интересных впечатлений.

После смерти Гюло прошел почти год, девочка успела прийти в себя, но прежняя Майси исчезла навсегда. Девочку часто видели одиноко бродившей в садах королевского дворца. Сверстников она сторонилась, предпочитая проводить время рассматривая коллекцию Дарелиана. Первоначальное увлечение необычными вещами, быстро переросло в интерес к свиткам, что вдыхали жизнь в артефакты, окружавшие девочку. С трудом разбирая незнакомые буквы мертвых языков, при помощи архивария Валиодора, Майси проникала в давно забытые страны. Перед детским взором проносились века истории, великие свершения и страшные преступления.

Исторические знания, наполнявшие юную головку, меняли окружавшее ее настоящее. Прошлое ее народа больше не казалось таким загадочным, а вот люди ее удивили. Майси не могла и предположить, что они имеют столь древнюю историю.

Не по годам взрослая девочка не разделяла всеобщего возбуждения, она часто ходила в усыпальницу Дарелиана, и горько оплакивала почившего монарха. Старый король, жестокий и мрачный, все же интересовался ее жизнью, никогда не забывая, что она дочь его сестры.

Амаэль напротив всегда сторонился странной девочки, с темным прошлым. Длительный плен в стане рабов, у многих вызывал сомнения в ее чистоте. Со смертью старого короля Майси осталась совершенно одна. Многочисленные тетки смотрели на чудачку, как на досадную помеху, стремясь как можно скорее избавиться от ее общества.

С утра королевский дворец опустел, подарив Майси целый день покоя, и тишины. Девочка наслаждалась приятной прохладой цветущих садов, неторопливо прохаживаясь затейливо петлявшими тропками. Позади послышался топот, так мог бежать только человек, Майси испуганно обернулась и сойдя с тропы, прильнула к стволу ближайшего дерева. Осторожно выглянув, девочка разглядела запыхавшуюся Анни.

Неуклюже переваливаясь с ноги на ногу, девушка-рабыня прошла мимо, она не заметила Майси.

— Госпожа Майси!!! Майси!!! Да где же ты!!! — вскричала рабыня, остановившись на месте и внимательно вглядываясь в окружающую зелень сада.

— Я здесь! — несмело ответила Майси, отделяя хрупкую фигурку от кряжистого ствола фруктового дерева.

— Тебя зовет айлар!!! — прокричала Анни широко улыбаясь.

— Зачем?! — удивилась девочка.

— Не знаю Ваша светлость! Говорят, там какой-то ваш бог пришел! Ну тот, которого вы давно ждали... Эндю, что ли!

— Эндю?! Это же легенда, ерунда какая! — фыркнула Майси. — Передай..., мне нездоровиться, я не приду.

С сожалением взглянув на одинокую девочку Анни пожала плечами и побрела обратно во дворец. В душе она ее жалела, хоть тайно и ненавидела всех эльфов, но в этой девчужке ей почему-то виделось, что-то родное. Рабыне казалось, что Майси почти такая же, как и близкие ее сердцу люди.

Прохлада, идущая от пруда с небольшим водопадом, потянула Майси к краю водоема. Кристально чистая вода весело журчала, перескакивая с одного валуна на другой. Девочка любовалась искристым веретеном водных струй, погрузившись в думы, легкое

прикосновение заставило ее вздрогнуть. Она обернулась, уставившись распахнутыми глазами на мужчину, который заметив испуг резко отдернул руку от худенького плеча ребенка.

— Здравствуйте! — почти прокричала она, узнавая айлара дома Илкор.

— Прости, я тебя напугал — улыбнулся Наймел. — Просто ты одна, в такой дали от дворца. Здесь уже небезопасно, особенно если помнить о том, что случилось в прошлом году — он протянул руку девочке предлагая следовать за собой.

Майси доверчиво протянула ладошку, утонувшую в широкой руке опытного воина.

— А вы почему не отмечаете день Эндо? Ваш долг присутствовать на коронации нового монарха — пытливо заглядывая в мудрые глаза айлара, спросила девочка.

— Клятву я уже принес, а дальше участвовать в этом фарсе не имею ни малейшего желания — усмехаясь отозвался Наймел.

Они вышли на тропу, ведущую во дворец, девочка с трудом попевала за быстрым шагом айлара.

— Ну, а ты почему не на празднике? Тебя вроде тоже ждут, для проявления верноподданнического смирения — спросил он в ответ.

— Не желаю участвовать в этом фарсе — ответила, она, повторяя слова айлара.

— Ха!!! Ты посмотри на нее! Пигалица, а туда же! Фарс! Ты хоть понимаешь, что я под этим имею в виду? — Майси помотала головой.

Видя смущение спутницы, Наймел немного осадил себя. — Амаэль, конечно, законный наследник, наш король, но с его приходом, спокойная жизнь Эманторана закончилась. Понимаешь, а хотя, о чем я. Откуда тебе знать такие вещи — айлар махнул рукой в отчаянии.

— Отчего же, я прекрасно понимаю — совсем не по-детски ответила Майси, насупившись на слова айлара. — Такое уже происходило в нашей истории, но тогда эльфы еще только появились. Наш народ вел войну с остатками бессмертных людей, а после победы, поработил смертных! — горячо говорила девочка.

— Откуда такие познания в истории?! — вскидывая бровь удивился Наймел.

— Из свитков дяди Дарелиана! — строго ответила Майси, победоносно покосившись на зазнавшегося айлара.

— Так, так, и? — подбодрил он девочку.

— Тогда молодые дома, те, что теперь старшие, начали войну, и она принесла много горя и потерь. Теперь пришли новые молодые дома, и они тоже хотят войны — серьезно закончила Майси.

— Справедливо, тут уж ничего не скажешь! К сожалению войны, хотят не только молодые, но и некоторые старые дома! Старым надо направить энергию молодых в нужное русло, во вне, а молодым нужны земли, рабы, слава, поэтому впереди долгие годы войн. А войны принесут за собой потери, будут гибнуть наши близкие, друзья, правители. Ты ведь знаешь, что Дарелиан не первый наш король?

— Он четвертый — довольная своей осведомленностью проговорила Майси.

— Да, верно, четвертый. А знаешь, что стало с его предшественниками?

— Нет — смущенно ответила девочка. — В свитках об этом мало говорить.

— Они погибли на войне. Хамаэль Прародитель, первый правитель Эманторана, тогда еще Вальяэльталя, пал в битве с бессмертными людьми. Его приемник Пангаэль Суровый, пал от руки наемного убийцы, проникшего прямо в военный лагерь, уже от смертных людей. Наконец его сын Камаэльдан Мудрый, погиб сражаясь с порченным королем Ургеном. Я

там был, ужасное зрелище... — Наймел замолк, затем немного помолчав продолжил.

— Наши короли, почему-то гибли от руки людей, как проклятие какое-то. Ведь мы воевали и с великим королевством гномов, и с древними, что привели из-под земли полчища порченных орков, но люди умудрялись лишать нас самого дорогого, наших королей.

— Может потому, что эльфы всегда к ним проявляли презрение и ненависть? — тихо спросила Майси, не глядя на айлара, Наймел от неожиданности вздрогнул.

Девочка почувствовала, как рука мужчины похолодела. Впереди показались ступени дворцовой лестницы, навстречу им ковыляла Анни. Кандалы, надетые на ее стройные ноги, после восстания Справедливого Арля, уродовали легкую походку девушки.

— А вот и твоя служанка — проговорил Наймел, радуясь возможности сменить тему. — Ну, что же, здесь мы попросаемся — остановился айлар. — И последнее, Майси, никому никогда не говори, того, что только, что сказала мне. Никому и никогда, запомнила? — очень серьезно произнес Наймел, глядя в испуганные глаза девочки. — Ты меня поняла? — снова спросил мужчина, не услышав ответа.

— Да — совсем тихо отозвалась Майси.

— Вот и хорошо — снова заулыбался айлар, передавая руку девочки в мягкую, потную ладонь заботливой Анни.

В этот год, день Эндо выдался необычайно жарким. Приподнятого настроения, так отличавшего этот праздник от многих других, сегодня почти не чувствовалось. Эльфы, скорбевшие по погибшим в рабской резне, вяло распевали гимны и приносили привычные жертвы Мудрому Эндо.

Церемония уже подходила к концу, и великие семьи начали покидать балконы, нависающие над амфитеатром для плебса, когда жертвенная площадка, засыпанная цветочными лепестками, взорвалась разноцветным ворохом. Амаэль отступил на шаг, прикрыв лицо рукой, его советники из дома короля кинулись к монарху стараясь закрыть собой от налетевшего порыва ветра. Изумленная толпа поднялась с мест, а айлары застыли в пролетах лож. Лепестки осели, открывая вид на площадку. На очищенном от многоцветия мраморе стоял высокий юноша, с мужественным лицом. Гость окинул строгим взглядом заносчивых эльфов, человека окружили воины с копьями. Повелительным жестом руки, он остановил обходивших его телохранителей Амаэля, и громогласно провозгласил.

— Вот это прием!!! Амаэль сын Дарелиана, неужели меня так прочно успели забыть?! Мудрейшие из живущих на земле, к вам вернулся ваш учитель и небесный покровитель Эндо!!! — растерянные воины опустили копья жалами к земле, и неуверенно посмотрели на короля. Не скрывая удивления Амаэль медленно подошел к мужчине.

— Я думал ты выглядишь иначе! — проговорил он, осторожно приближаясь к богу.

— Облик ничего не стоит! Сегодня я человек, завтра эльф или чудовище, все относительно! Не верь тому, что видишь! — с улыбкой проговорил Эндо, обнажая большие, крепкие зубы. Из-под густых бровей сверкнули голубые глаза, казавшиеся еще более голубыми из-за контраста между воронового цвета волосами и небесно-голубыми радужками.

— Если ты и впрямь Эндо, тогда докажи нам! Яви чудо!!! — обнаглев от панибратства бога, потребовал Амаэль.

— Чудо?! Почему ты считаешь, что чудо докажет мою божественность?! Любой шарманщик, или дешевый фокусник может явить чудо! Я сделаю больше, я одарю вас! Даром поистине достойным мудрецов! — Эндо опять улыбнулся. — Принеси мне хрустальный

бокал, и увидишь чудо! — торжественно произнес бог.

Слуга торопливо взбежал на площадку, неся на серебряном подносе бокал тончайшей работы, от соприкосновения с металлом хрусталь едва слышно пел. Эндю приложил к краю бокала указательный палец, и прозрачную глубь, искрившуюся на солнце мириадами огоньков, наполнила рубиновая жидкость. Сладкий аромат разлился по воздуху, вызывая необоримое желание радости и покоя. Тоска, что наполнила сердца участников праздника разорвала душу. По лицу молодого короля потекли слезы, он смахнул их резким движением, и принял протянутый кубок.

Несколько мгновений король колебался, затем протянул его слуге, что принес поднос. Человек испуганно посмотрел на рубиновую жидкость, и сглотнув комок, подкативший к горлу, отпил. Освобожденный от рубинового питья хрусталь заблестел на солнце, но секунду спустя красная жидкость вновь наполнила бокал, удивляя эльфов обещанным чудом.

Раб захмелел, и поблескивая масляными глазами, осоловело уставился на хозяев. Придворный лекарь осмотрел человека, и мотнул головой.

— Не опасно, пить можно! — заключил Даланиэль Хромой.

— Достаточно чуда, чтобы ты вновь признал своего бога?! — с кривой усмешкой спросил Эндю.

— Пей, не бойся! Впереди у тебя тяжелое испытание!

— Эльфы!!! Наш создатель вернулся, как и обещал предкам!!! — срывающимся голосом прокричал архиварий Ванелор.

— Прости нас создатель! Прошло слишком много времени, мы успели позабыть тебя! — пафосно проговорил король, опускаясь на колени и протягивая наполненный бокал к Эндю.

— Время, для вечно живущих, лишь слово! Ничего не значащее слово! Я прощаю тебя и твой народ! Прими дар Эндю в знак моего расположения к мудрейшим на земле!!! — Эндю настойчиво отклонил руку Амаэля, приглашая испить рубиновый напиток.

Жидкость окрасила губы короля эльфов, щеки Амаэля покраснелись, а глаза заблестели. Король удивленно осмотрелся вокруг, и вскричал от восторга, бокал вновь наполнился. Эльфы вкушали долгожданный дар создателя, передавая бокал по рядам. Эндю простер руки над головой короля, заставляя воздух вибрировать песнопением, заполнившим густым, низким гулом округу. Старейшие окружили бога, и опустившись на колени, вторили гимну, что звучал из уст Эндю.

Гул смолк, тишина зазвенела в ушах.

— Сегодня мудрейшие я подарил вам великий дар чистоты! Скверна никогда не сможет коснуться эльфа, испившего из сей чаши!!! — разрезал тишину низкий голос Эндю.

Старейшие стояли полукругом внимая каждому слову создателя.

— Амаэль тебе надлежит выступить вместе с людьми, против врага, что придет из мертвого мира!!! Без вашей мудрости и дара чистоты люди не устоят!!! Падут рабы, Братья придут в твой дом!!!

Король склонился, выказывая самым движением полное подчинение воле бога. Независимые айлары, смирили гордость и присоединились к королю. Эльфы протянули руки к Эндю, раскрытой ладонью приветствуя бога, а затем приложили ее к груди, там, где бьется сердце. Айлары клялись в вечной верности пути чистых, клялись служить Эндю, им вторили остальные эльфы Эманторана.

Зыбкое марево колыхалось над полями Амората, расширяясь с каждым днем все больше. Первые любопытные земледельцы пропали бесследно в открывшемся по ту сторону черном мире, где сама природа пропиталась злом, и превратилась в ненасытного хищника. Вскоре массовый исход простолудинов заставил обратить внимание на случившееся, и короля Амората, и инквизицию, и даже надменных жрецов.

Оттуда из мрачного Менантра в живой мир Фанариона начали переходить монстры, о которых прежде никто не слышал. Опустошив округу, они быстро растворялись на богатых землях королевства. Принося смерть и ужас, в деревни куда монстров занес случай.

Вскоре в столице Амората появился Амадо, и двор засуетился. Инан Второй собирал войска, в спешке рассылая посольских к союзникам. Нехороший человек снова исчез, как поговаривали ушел далеко на юг, к островам, что зовутся Крефеи.

Через месяц поползли слухи от жителей сел, расположенных по краю Тенафарской гряды. Селяне рассказывали об огромной армии гномов, что шла в направлении Надара. Рассказывали о коннице на ездовых баранах и тяжелых машинах, для метания копий.

В несколько недель напротив «ворот в Менантр», вырос город, обнесенный рвом и высокой деревянной стеной, с двенадцатью башнями. Каждый день прибывали все новые и новые войска, огромный обоз кишел маркитантками, кузнецами и оружейных дел мастерами, сапожниками и портными, все кто желал быстро разбогатеть стремились попасть в новый город Палла. Ресурсы королевства стекались к новому центру светской жизни. В ожидании появления врага, король Инан устроил празднество с рыцарскими боями, в лагере царил приподнято-веселый настрой. Многие из пришедших к воротам, через неделю спокойной жизни, ощущали все происходящее как приятное приключение, необременительное и относительно безопасное. Главными врагами собравшегося воинства теперь представлялись вши, болезни, и различные мошенники, слетевшиеся к городу, как мухи на дерьмо.

Месяц спустя, ранним утром, Паллу разбудили трубы и походный шум войск. Обитатели города-крепости вывалили на улицу. Протирая заспанные глаза, с трудом открывшиеся после бессонной ночи, проведенной в оргиях, пьянстве и азартных играх они наблюдали, как к городку подходили войска совсем незнакомые жителям Востока. Рыцари Амората слышали о фалангистах с Крефей, но многие знали о них лишь из рассказов отцов и дедов, что участвовали в битве у Изумрудных врат Иргамы.

Не тратя время на отдых, воины Алкмей приступили к сооружению лагеря, много меньшего по размеру, чем Палла, но сильно укрепленного. С первых дней появления островитян, вход на территорию крефейцев ограничили разрешением прохода только для лиц королевской крови. Любопытное жулье, подрядившееся сопровождать эту компанию, с нескрываемой алчностью взирало на надежно укрытый обоз южан. Заботливо спрятанный в черте лагеря, обоз не раз привлекал воров, но после того, как несколько любителей присвоить чужое лишились кистей рук, попытки проникнуть в лагерь алкмейцев прекратились. Отрезанные руки в назидание остальным прибили к воротам при входе в лагерь. Жесткая дисциплина внутри армии алкмейцев, раздражала соседей, им казалось, что заносчивые южане пренебрегают гостеприимством жителей востока.

Раздражение вскоре вылилось в серию нападений на союзников, со стороны

аристократов Амората. Конфликт закончился несколькими казнями зачинщиков, и дорогими дарами, принесенными вместе с сожалением о случившемся. После чего тон предприятия резко поменялся. Вся прилипшая к походу шваль лишилась права присутствовать в пределах военного лагеря, многих после предупреждения либо повесили, либо приковали к позорным столбам. Этих мер хватило, чтобы привести в чувство сотрапезников. Молодой король удивил многих, некоторые посчитали, что Инан взял слишком круто.

Зато у гномов сложились крайне душевные отношения с заморскими гостями. Многие из воинов Товарда помнили войны с Кейстом, и помощь алкмей. Те же кто воевал против Иргамы, вспоминали железную дисциплину, и доблесть южан.

Войска, расположенные в Палле, все больше теряли терпение. Король Инан собрал совет из наиболее родовитых участников компании, где после долгого обсуждения, короли приняли решение выдвигаться в глубь открывавшегося перед ними мира. Решение включало в себя разведку передовым отрядом, с последующим походом на ту сторону.

Инан Второй с нетерпением ждал прихода еще двух союзников, амазонок Великих степей, и рыцарей Железной долины. Первых обещал привести Амадо, а вторых вели железные короли.

Амазонки прибыли раньше, как раз в тот день, когда за завесу ушел отряд рыцарей. Амадо рвал и метал, требуя вернуть воинов, но Инан оставался непреклонен.

По истечению третьего дня, со стороны завесы появился всадник, единственный выживший. Рыцаря спасло то, что лошадь под ним покрывала тяжелая броня.

Рассказам вернувшегося никто не мог поверить, только Амадо слушал с напряженным вниманием, понимая с каждым мгновением, что шансы на победу призрачны.

На следующий день, несмотря на протесты Родриго, король объявил сбор армии. Примеру Инана последовали гномы, нехотя подтянулись и алкмейцы. Эйлайн посчитал бессмысленным ждать разгрома основных сил, чтобы потом остаться один на один с армией Братьев.

Войска выстроились и медленно двинулись к «вратам», где за зыбкой пеленой, что-то угрожающе темнело, колыхаясь как прилив морской пучины вот-вот готовый обрушиться на прибрежные скалы.

По рядам пробежал ропот, и войско остановилось. Инан со свитой выехал вперед и помчался на левый фланг, где располагались гномы. Навстречу выехал Амадо, за ним следовал Эйлайн на белой лошади, немного не доезжая до середины первой линии воинов, всадники встретились.

— Остановите наступление сир! — крикнул Родриго еще издали. — Прикажите готовится к бою!

— Что за глупости Амадо?! Почему вы остановили движение войск?! — прокричал в ответ король Амората.

— Ваше Величество за завесой враг, там стоит огромная армия...

— Почему? Какой враг? Ничего не вижу? — удивленно оглядываясь на зыбь пелены пробормотал Инан.

Не успел он завершить фразу, как из черной неизвестности вырвались первые создания жуткой армии Братьев. Взрывая почву длинными когтями, они, пригнув голову бежали прямо на короля и его свиту. Приземистые, покрытые клочковатым, свалывшимся мехом, бурого цвета, твари рвались к своим жертвам. Следом таинственная темнота завесы

выплюнула толпы скелетов, которые постепенно увеличивая скорость побежали за приземистыми тварями. Накатывая как прилив, бело-черная волна костяных воинов захлестнула уже прорванные ряды копейщиков Амората.

Короля вовремя успели отвести в тыл, тяжелая конница окружила Инана. Потрясенные рыцари, с замиранием сердца ждали сигнала к началу атаки.

Из Менантра полезли твари по крупнее, с несколькими головами, и руками, тощие и мощные как скалы. В неисчислимых количествах выходили чудовища на залитое солнцем поле близ города Паллы.

Сверкнул меч Инана, трубачи поднесли к губам медные трубы, в этот момент над головами воинов заревели огненные шары. Воины задних рядов удивленно развернули головы в том направлении откуда летели снаряды. Первая порция негаснущего огня упала в гущу врагов, разливая пламя по равнине. Те, кто не сгорел сразу, с визгом и воплями разбежались живыми факелами, внося сумбур и панику среди своих.

Только скелеты как марионетки шли вперед, поджигая союзников и врагов. Костяные ноги сгорали и тогда они падали в огонь, чтобы еще какое-то время ползти, врываясь костяшками пальцев в раскаленную землю, и вызывая каждым движением вспышки искр, пока пламя окончательно не пожирало кость.

Следом заревела вторая партия огненного шторма. Чтобы через секунды обрушиться на воинов Братьев.

— Кто это? — недоумевал Инан.

— Эльфы! — прокричал в ответ Эйлайн. — Их машины бьют прямо из-за той рощицы — бледная рука Эйлайна указала в сторону густой дубовой рощицы, опушившей неглубокий овраг.

— У нас же нет договора... — начал Инан, и оборвал себя на полуслове.

К ним подъезжали разряженные всадники свиты эльфийского короля. Рыцари Инана перекрыли дорогу неожиданным визитерам, эльфы остановились, немного не доезжая до короля Амората. Всадник в высоком шлеме с цветным плюмажем на макушке, проехал немного вперед и прокричал.

— Ваше Величество, король Эманторана Амаэль Гордый предлагает Вам свою помощь!!! Мы готовы поддержать ваших рыцарей огнем, но, чтобы ваши подданные не попали под удар, нам нужна координация действий! Король Амаэль предлагает оставить при вашем штабе несколько посыльных, для связи! Мы ждем Ваше решение! — эльф отъехал к своим.

Инан задумался, такой союзник как эльфы, мог скорее оказаться врагом в тылу, чем действительно полезной поддержкой, но сейчас пренебрежение любой помощью могло привести к роковым последствиям. Выбирать союзников времени не осталось, король махнул головой, и отвернулся от парламентариев, демонстрируя особую холодность к старому врагу, неожиданно изъявившему желание принять участие в битве. Эльфы приблизились к Инану, рыцари пропустили союзника, напряженно ожидая обмана.

— Приветствую тебя Мрачный Эйлайн! — проговорил с поклоном эльф в высоком шлеме с белым плюмажем.

— И я тебя Благородный Неймал! — ответил Эйлайн, слегка склонив голову.

Коренастый Товард неодобрительно посмотрел на эльфийскую делегацию, подбоченясь в седле, укрепленном на широкой спине круторогого козла.

— Ваше Величество не могу промолчать, но разумно ли подпускать врага столь близко

к Вашей Светлости?! — прокричал он в ухо склонившегося к нему короля Амората.

— Дорогой Скауг, я ценю твою прямоту, однако не стоит так беспокоиться, у эльфов сейчас общий с нами враг! — над головой с ревом пролетел огромный огненный шар, заглушив звук голоса Инана.

— Это Мантикора, Ваше Величество! — бестактно вмешался в обсуждение Неймал. — Обратите внимание на эффект от ее огня!

Гном сплюнул, и развернув козла двинулся к своим войскам. Эльф краем рта улыбнулся, Инан последовал совету Неймала. Далеко впереди раздался грохот, земля содрогнулась, сильный порыв горячего ветра покачнул ряды копейщиков, испуганно прикрывшихся щитами. Привстав на стременах Инан увидел, как пламя от центра падения гигантского снаряда волной разлилось в стороны. Подобно огненному шквалу, оно поглощало воинов армии Братства. Пришло обжигающее дыхание стихии, принеся с собой вонь паленной плоти, и раскаленной земли.

— Что это?! — со страхом в голосе спросил король Амората.

— Негаснущий огонь, новый рецепт Фалдейса! — удовлетворенно ответил Неймал, эффект оказался еще более значительным, чем ожидалось.

Горизонт горел, не давая пройти ни одной твари с той стороны. Прошло более трех часов, прежде чем пламя угасло, обнажив выжженную до серого цвета землю с расплавленными камнями. Булыжники светились малиновым, напоминая о силе огня пожравшего врага. Армия Братьев отступила за завесу, и виделась как безликая темная масса за дрожащей пеленой воздуха.

Враг остановился, первый день остался за Фанарионом. Отрядив патрули, армии союзников вернулись к городу.

Вечерние сумерки оглашали крики, далеко разлетавшиеся за пределы королевского шатра. Военный совет собрал командующих эльфов во главе с Амаэлем, военачальников гномов с Товардом, полководцев Амората и Сальяда, от Аклмей присутствовал Эйлайн и стратег Камелон, даже Липита, королева амазонок приняла участие в совете. Тихо стоя неподалеку от ругающихся мужчин, царица мрачно разглядывала носок богато расшитого сапога.

Товард сцепился с Вонлаем, ор гнома оглушал. Эльф спокойно парировал, сверкая зелеными глазами на своего оппонента. В противоположных сторонах шатра сидели монархи Амората и Сальяда. Стараясь не замечать друг друга, короли внимательно слушали перебранку союзников. Эйлайн с Амадо неодобрительно смотрели на Товарда, гном доказывал, что, его армия должна встать прямо позади эльфов, для защиты позиций орудий остроухих. Прекрасно понимая, зачем Скауг Грозный рвется в тыл эльфам, Вонлай, как главный командующий армией Эманторана, не желал даже слышать о гномах в тылу. Король эльфов с улыбкой наблюдал за детскими попытками гнома надуть его командующего.

— Скауг, хватит! — вскричал Инан, потеряв терпение. — Они не согласятся, и я бы не согласился поставить у себя в тылу заклятых врагов, случаем ставших союзниками. Оно и так понятно, но нам нужны гарантии и тут я согласен со Скаугом Грозным — он вопросительно глянул на Амаэля.

Король Эманторана хмыкнул, и втянув с шумом воздух, произнес.

— Понимаю Ваши опасения, какие гарантии развеют Ваше недоверие?

— Заложники!

— Об этом не может быть и речи! — жестко отрезал Амаэль. — Эльфы не дают

заложников, что еще может успокоить Вас?

Инан растерянно посмотрел на Килла Тортвайна, глава Ока повернулся к Амадо, мрачная улыбка играла на губах менантра. Он кивнул Киллу, и склонившись перед королем попросил слова. Глядя с удивлением на страшного человека, король Амората кивнул.

— Как я понимаю дать заложников Вам не позволяет традиция? — спросил Родриго, поклонившись Амаэлю.

— Совершенно верно! — не скрывая неприязни ответил король.

— Тогда я смею предложить Ваше Величество — Амадо поклонился Инану. — Придать две стони алкмейцев в помощь орудийной обслуге эльфов, чтобы вас не смущали люди, я предлагаю отдать их под командование одного из эльфов, например, Эйлайна.

Эйлайн едва не подскочил, но строгий взгляд Родриго остановил было сорвавшийся с его уст протест.

Командиры Амаэля затараторили на эльфийском, король эльфов поморщился, и движением руки оборвал поток советов.

— Меня не смущают люди, но командовать ими будет Майренет...

— Согласитесь ведь это не справедливо — неожиданно надавил на эльфа робкий Инан. Эльф осекся и с удивлением посмотрел на напористого человека, гордыня захлестнула его прекрасное лицо краской гнева, но он сдержал себя. Белоснежная улыбка озарила молодое лицо, и Амаэль утвердительно кивнул головой.

— Пусть будет, по-твоему, Инан! — Вонлай потупил глаза, и побледнев отступил от короля.

— Что-то не так? — строго спросил Амаэль сверля взглядом командующего.

— Нет Ваше Величество, Вы как всегда правы — кривясь ответил глава дома Рентай, склонившись пред монархом.

Злобная улыбка пробежала по губам Амадо, Эйлайн раздраженно взглянул на человека.

— Вы слышали Эйлайн, мы предлагаем вам и вашим людям обеспечит защиту орудий наших союзников. Вы готовы оказать нашей короне такую услугу?

Недолгое молчание оборвал хриплый голос эльфа.

— Да Ваше Величество, мы окажем такую услугу короне Амората, но...

— Не беспокойтесь, награда будет достойной — прервал его Инан, понимающе глядя на эльфа.

— Ну как хотите!!! Попомните, ваш союз с остроухими ошибка!!! Они вас предадут, как только почувствуют, что враг по ту сторону ослабел!!! — гневно вскричал Товард.

Командующие Амаэля двинулись к гному, король Эманторана остановил их, Амадо резко оборвал Торварда.

— Если мы сумеем победить, то, что пришло из-за полога. Сейчас не время вспоминать старые обиды! — отчитал он короля гномов.

Товард грозно взглянул на Родриго, и тут же опустил глаза, бесконечная тьма поглотила его гнев. Амаэль отступил от жуткого человека, его приближенные удивленно смотрели на Амадо, Липита напряженно вглядываясь в лица королевей, отошла к выходу.

— Кто этот человек? — точно про себя проговорил Амаэль.

— Он мой гость! — спокойно ответил Эйлайн, жестко глядя в испуганные глаза короля эльфов.

Амаэль кивнул, и устало отвернулся к Инану, вдалеке раздался звук рога. Потом еще раз, но уже рядом, к лагерю приближался конный разъезд. Всадники принесли весть о

надвигающейся угрозе, армия Братьев снова вышла из-за марева.

Лагерь зашумел, оживая как огромное животное, побеспокоенное в своей берлоге. С эльфийских позиций понеслись снаряды, развеяв огненными смерчами непроглядную тьму, повисшую над полем боя. Монстры Братьев разбежались, стремясь спастись от всепоглощающего пламени. Несколько снарядов ушли за зыбкую преграду, осветив всполохами огня Менантр. На краткий миг Инан увидел колыхание бесконечных орд войск врага, испуг пронзил его сердце. Впервые с начала компании, король Амората полностью осознал, что его мир стоит на грани гибели.

Войска союзников построились, расслабленно ожидая пока пламя завершит разгром врага. Мрак постепенно серел, где-то взошло солнце, но его лучи не пробивались сквозь пелену, наложившую постоянный сумрак на округу.

— Ваше Величество прикажите войскам приготовиться!!! — прокричал Амадо подъезжая к Инану, лошади рыцарей телохранителей, испуганно косились на стального собрата чужестранца.

— Почему?! Что случилось?! — недоумевал король.

— Ваше Величество к нам идут Братья...

— С чего ты взял?! Мне ничего такого не сообщали!

— Видите туман, это идут Братья, они несут с собой мрак, огонь их не остановит.

— Не мели чушь!!! — закричал на Амадо, маршал Клодель. — Уведите его отсюда, чтобы не сеял панику! — приказал он рыцарям.

Войны нехотя подчинились приказу, Родриго развернул лошадь и не дожидаясь столкновения поскакал в первые ряды, пехота удивленно расступалась, пропуская его скакуна.

— Куда это он? — удивленно спросил король.

— Он колдун Ваше Величество, он Вам лгал. И зачем Вы только приближаете к себе таких мошен... — договорить маршал не успел.

Стена огня расступилась и показался всадник на безобразной твари. Пламя, гневно зашумев снова сомкнулось позади Брата оранжевым пологом.

Конь Амадо вылетел навстречу неживому, и помчался по полю, стремясь к Инвенту. Рассекая огненные смерчи, по равнине мчались Бартья, с разных сторон на Родриго бросились искаженные подобия живых.

В эльфийском лагере раздались звуки рога, оглянувшись Инан увидел всполохи за дубовой рощицей. Возле орудий шел бой. Оставалось только понять кого с кем.

Копье Амадо опрокинуло мерзкую тварь Брата, что служила неживому лошадь. Кольцо темных сомкнулось вокруг упавшего Инвента. Родриго прошел мимо и вновь направил лошадь на врага, всадники братства рассыпались, оставив пешего собрата один на один с человеком.

Рыцари в золотых доспехах напали неожиданно, Эйлайн даже не успел организовать серьезное сопротивление. От мгновенного разгрома спасла выучка алкмейцев. Всадники на костяных лошадях, не обращая внимания на стрелы и копья, врезались в строй эльфов. Орудийные расчеты падали, не успевая отбежать за щиты алкмейцев.

Эйлайн приказал наступать на врага. Копья фаланги ничего не могли поделать со скелетированными существами, которые несли на спинах золотых рыцарей. Скользя по гладким выступам кости, древки ломались, оставляя копейщиков безоружными.

Фаланга завязала врага на себя, эльфийская конница налетела с тыла беспощадно рубя

врага. Великолепные клинки мудрых эманторан не наносили вреда золотым рыцарям, и эльфы откатили назад, оставив алкмейцев наедине с непобедимым противником. Некоторые из островитян умудрились запрыгнуть на жутких коней золотых воинов, и вырвать рыцарей из седел. За первыми мгновениями надежды пришло разочарование, оказалось, что всадники также превосходны и в пешем бою. Эйлайн приказал отступать, не ломая строй. Конница врага насадала на фалангу сокрушая ее воинов.

Пользуясь неразберихой Эйлайн спустился в овраг, и спрятавшись с несколькими воинами, ждал пока конница оттеснит алкмейцев.

Сверху прогремел стук копыт последней лошади, отряд вынырнул из густого кустарника, опушившего овраг. Быстро добравшись до орудий, Эйлайн велел запалить факелы, разлитая горячая смесь едко щекотала ноздри. Эльф распустил отряд, неподалеку стонал алкмеец с отрубленной рукой, из кустов появились эльфы, скрывшиеся от золотых рыцарей в соседнем рукаве оврага.

Они попытались сбежать к своим, но Эйлайн сумел охладить их страсть к дезертирству, и заставил снарядить одно из уцелевших орудий.

Снаряд с ревом сорвался в полет, по высокой дуге устремляясь далеко в поле, туда, где стояла армия Инвентов. Золотые рыцари развернули лошадей и помчались обратно к расчетам, Эйлайн приказал эльфам бежать.

Впереди клубилась земля, звенел металл, орудия вздрагивали от галопа костяных коней. Факел упал на землю, дорожка огня побежала к снарядам и кувшинам с горючим. Эльф кошкой метнулся в овраг, рыцари попытались последовать его примеру, взрыв вскинул землю высоко к небу. Лошади, на доли секунд, зависшие в воздухе, в прыжке, разлетелись на мелкие осколки изранив вспученную землю тысячей острых снарядов. Земля опала, с неба посыпал огненный дождь, накрывая овраг с исчезающим краем. Из плотной пелены дыма и огня выполз Эйлайн. Эльф прижимал к телу перебитую руку, стараясь отползти от огня как можно дальше.

Повернувшись лицом к солнцу, он перевалился на спину и застыл. Рваные раны оголили содержимое живота, обожженная плоть чернела на белой коже эльфа. Из пламени вышел золотой рыцарь, его доспех свернулся. Эйлайн видел, как скелетированный человек навис над ним. Пернач взлетел для последнего удара, зависнув на мгновение, рука упала, так и не донеся смертоносный снаряд до головы эльфа. Ноги рыцаря подломились прожженные негаснущим пламенем, он повалился на землю, пожираемый огнем.

Стальные ноги взбивали пепел в облака пыли. Амадо приближался к сбитому на землю Брату, копьё нацелилось в грудь врага. Яркий всполох, огненная дуга рассекла пространство перед ним, конь споткнулся падая вниз, перед глазами завертелась земля. Мозг Амадо равнодушно отметил, ровные, еще светящиеся белым, места среза на металлических конечностях его скакуна. Клинок, объятый темным пламенем, с шумом описал дугу. Брат прыгнул на человека, нанося мощный удар сверху. Вовремя подставленный щит зазвенел, меч Инвента отбросило вверх, разбросав веером капли жидкого металла, тут же погасшие в пепле. Копье скользнуло снизу, проткнув Брата насквозь. Откачнувшись немного назад, неживой застыл. Копье резко вырвалось из костяного плена, свернувшись в короткий меч. Брат оступился и облокотился на огненный клинок, воткнутый в землю перед ним. Жар, исходивший от длинного меча, колыхал воздух, расходясь легким маревом, от чего создавалось ощущение, что перед Родриго стоит призрак, мерцающий в предрассветном сумраке.

— Я тебя узнаю человек! — прозвучал глубокий голос из-за безобразной личины, прикрывавшей лицо Брата. — Ты убийца Наргала! Вор, что украл наш путеводитель!

— Путеводитель? Это все, что ты помнишь? Ты и твои братья украли мой мир! Украли мою семью, мою жизнь! И ты меня обвинять в воровстве, выродок из грязной клоаки за пределами всего живого! — Амадо нанес удар, пытаясь отрубить голову врага.

Огненный клинок взметнулся, встретив меч человека, металл мелодично звякнул. Клинок человека переломился, осколок острия, отлетая зацепил маску Инвента, личина слетела в пепел под ногами бойцов, подняв клубы пыли. Переплетения костяных жил затрепетали, формируя подобие лица, вспыхнули огни жестоких глаз, щит Амадо обвел удар, сбросив его полет в сторону.

Взбешенный Инвент налетел на Родриго, огненный клинок неистово кромсал щит, сокрушая стальную защиту человека. Изрубленный щит свернулся в кольцо. Амадо отскочил в сторону, пригнулся, и вновь ушел от злобно шипевшего клинка. Огненный меч вспорол землю, взорвав ее клубами серого пепла. Скрываясь за облаком пыли, Родриго отступил к своим. Он на мгновение отвлекся, и не заметил высокого прыжка Брата, меч которого, с непостижимой силой сокрушил человека, опрокинув Амадо на спину. Глубокая зарубка с оплавленным краем прорезала плечо доспеха. Серия ударов, следовавшая затем, все глубже вбивала его тело в мягкий грунт. Клинок Инвента вырывал ошметки металла из его брони.

Амадо судорожно искал выход из смертельного капкана. Рука скользнула по рукояти темного меча, клубясь клинок вышел из ножен. Небла сбила очередной удар Брата, огненный клинок соскользнул в сторону. Рывком Амадо поднялся на ноги, тут же уклоняясь от клинка Брата. Огненная дуга пронеслась над его спиной, следующий удар Инвента, уже встретил клинок Палача.

Небла парировала меч Брата, оставляя в оружии темного глубокие зарубки. От каждого соприкосновения с клинком Палача, меч Инвента взрывался брызгами расплавленного металла. Усталость постепенно начала сковывать движения человека, в то же время Брат оставался быстрым и непредсказуемым.

Мощный удар меча вновь опрокинул человека, снова последовала серия ударов сверху. Небла перекрывала разящую сталь, не давая касаться доспеха Амадо, и неожиданно клинок Брата погас. Человек удивленно смотрел на врага, в руках которого, остывал сломанный пополам клинок. Удивление Брата оказалось не меньшим, Родриго пришел в себя первым.

Легкий взмах Неблы рассек лицо Брата и предплечье, которое Инвент выставил, пытаясь прикрыться. Отрубленная чуть ниже локтя рука неживого, бессильно повисла, из раны забило темное пламя. Брат отступил, и отбросив обломок меча, шатаясь побрел к черневшей невдалеке туше чудовищного скакуна.

Амадо попытался догнать врага, чтобы не дать ему вытащить оружие, притороченное у седла, но сил на бег не осталось.

Брат остановился у трупа образины, служившей ему скакуном, и оглянувшись на человека, резко оборвал ошметок плоти, болтавшийся на краю раны. Восстанавливая дыхание, Родриго последовал за Братом. Инвент склонился к туше и что-то отвязал от седла. Потом разогнулся, и зашагал к человеку, в его руке чернел боевой топор. Ухмылка растянула страшную рану на лице Инвента, а изо рта неживого вырвались слова.

— Наргал тебя переоценил, ты ничего не стоишь!

— Рука отрублена не у меня — ответил Амадо.

— В том нет твоей заслуги, все дело в подарке! В том мече, что тебе достался не по праву! — Брат указал на клинок Палача.

— Это не важно — отозвался человек. — По праву или нет, этот меч в моих руках, и он оборвет сегодня твою жизнь, если ты вообще живой.

— Может так и будет, а может и нет! Не будем торопить события! — с улыбкой ответил Брат. — У меня для тебя тоже есть подарок! — он поднял руку, и теперь Родриго заметил тонкую цепь, что уходила за громаду туши скакуна. Резко дернув ее, Брат заставил выйти из-за тела своего питомца, то, что назвал подарком.

— Что это? Кто эт... — Амадо осекся.

На него смотрели до боли знакомые глаза, совсем другие, но все такие же близкие, как и много веков назад.

— Рут?! — вырвалось у него из груди.

Мелькнул топор темного, и немного не доходя до головы человека, скользнул в сторону, потеряв направление. Инвент неловко оскользнулся на пепле, точно преодолевая чье-то сопротивление. Высохшее тело Рут уперлось в землю ногами, а тонкие руки вцепились в стальной поводок, что обхватил ее горло. Она тянула Брата назад, не пуская Инвента к Амадо. Топор ушел за спину темного. Повернувшись вокруг своей оси, Брат яростным движением рассек тело женщины наискось, подкинув несчастную в воздух. Рут отлетела на павшего скакуна, и облокотившись спиной на ногу чудовища застыла в сидячем положении. Рот женщины ловил воздух в тщетной попытке остановить смерть.

Опомнившись Родриго подсек ноги Брата. Упав на обрубки, король Инвентов попытался защититься топором, но следующий удар отсек оставшуюся руку, затем клубящееся лезвие совершив полукруг легко срезало голову неживого. Отрубленная голова покатила по земле, корона отлетела в сторону, неуклюже воткнувшись в пепел. Со стороны зыбкой преграды послышались звуки барабанов, враг пошел вперед. Амадо краем глаза видел, как в его сторону двинулись Братья всадники. В ушах звенел гомон на грубом наречии.

— Гисмант!!! Гисмант!!!

Рут еще дышала, тяжело, надрывно. Глаза, подернутые дымкой, то прояснялись, то вновь погружались в туман. Амадо склонился к жене, он видел, что инвенты ее изменили, она превратилась в иссохшее полуистлевшее создание. Следы пыток и издевательств, страшными рубцами избородили некогда прекрасное тело жены. Он смотрел на нее и не видел того ужаса, что обезобразил близкого человека. Глаза его Рут остались прежними, в них все также светилась любовь и нежность.

Амадо что-то попытался сказать, но она остановила его, сжав своей рукой латную перчатку мужа.

— Спасибо... Спасибо, что спас Лем... Я знаю, как тебе было не просто... Когда все кончится, разбуди ее...

— Как? Я не смог этого сделать, сколько не пытался...

— Просто позови ее на языке предков... Она тебя обязательно услышит... Она услышит... — рука Рут обессиленно упала на землю, а глаза навсегда заволокло туманом.

Амадо в бешенстве ударил кулаком в тушу твари, секунду спустя рыцарь резко поднялся на ноги, враг подошел уже совсем близко. Позади воины союзников кричали ему, чтобы он бежал. Над головой засвистели эльфийские стрелы, на несколько секунд оперенный ливень остановил движение армии Братьев.

Не обращая внимание на крики, Родриго направился к телу поверженного Брата. Огонь уже угас, открыв поле для обзора, позади земля дрожала от топота всадников врага. Мимо проносились скелеты и многорукие великаны, отвратительные твари, иногда останавливались и поворачивали к человеку жуткие хари, не то звериные, не то разумные. Они словно не замечали его, обтекая место, где стоял человек. Склонившись над обезглавленным телом, Амадо шарил рукой в толстом слое пепла. Пальцы коснулись гладкой поверхности знака. Привычно скользя среди хитросплетений узора, что украшал поверхность ключа Инвентов, Родриго открыл проход. Точно шторы, завеса поползла в стороны, расширяя границы прохода в яркий Андланд. Поляна для совещаний Андландов, поначалу пустая наполнилась жителями древесного края. Прямо напротив Родриго возник Випул, удивленные глаза молодого Отца смотрели на него, а рот, что-то говорил, чего человек не мог услышать с этой стороны.

Среди андланд появился Ирридон. Рыболод минуту смотрел на расширяющийся проход, не понимая, что происходит. Затем глядя на Родриго склонился в полупоклоне и весело рассмеялся. Миг, и бог морей растаял в воздухе.

Випул обратился в гигантского, белого дракона, но мгновением позже, вернув облик человека, тоже исчез. Раскрывшийся проход скрыл армию людей, волны воинства Братьев вытекая из прохода в Менантр, втекало непрерывным потоком в мир Андланда. Чудовища хищно уничтожали жизнь нового для них мира. Амадо шагнул в Андланд, позади раздался страшный храп, Инвенты настигли его. Неумолимая Небла взметнулась, клубясь клинок Палача разил всадников Братьев, опрокидывая врага, и забирая из несменяемых рядов все новые жертвы. Братья потеряли еще пятерых, скелеты окружили злейшего врага Инвентов, стремясь навсегда покончить с Даадом Оредо.

Копье Инвента скользнуло по щиту человека, Небла встретила Брата. Сбоку о кирасу Родриго ударил топор, огненные всплески разлетелись по вытопанной земле. Булава с шумом пролетела мимо головы человека, спереди появился Випул, в руках Отец держал каплевидную склянку. Амадо такую же видел у Дальчи, когда она пробуждала Ламину. На Отца навалились твари из армии Братьев. Випул провел вокруг серебристым мечом, оставляя от врагов лишь клубящийся пар. Темные отшатнулись от первого Андланда, Родриго отбил удар меча Инвента и вдруг все застыло.

Точно преодолевая сильное течение, Випул медленно подошел к человеку, и протянув руку сорвал с его груди до.

— Умно! Три знака будут быстрее чем один... Эти шлюшки все-таки решились тебе помочь. Можешь не сомневаться, они обязательно заплатят за гибель Андланда — сказал Випул, заглядывая в лицо Амадо.

С огромным усилием рука Випула поднялась к знаку на шее древесного, кристалл Отца засверкал, проход в Андланд резко схлопнулся. Перед глазами Родриго все быстро приобретало гигантские размеры, белая пелена захлестнула мозг человека, мир застыл.

Копейщиков Амората сменила фаланга Алкмей, она закрыла центр, выдавив воинов востока на фланги.

Товард как во сне смотрел на Амадо, копошащегося возле никому не нужного трупа. Отчим проявил удивительное равнодушие к смертельной опасности, несущейся на него. Братья приближались к Родриго, волна врагов, шедшая впереди Инвентов, накатила на фалангу, врезаясь с железным хрустом в лес копий алкмейцев. Чуть позже, такая же волна тел обрушилась на фланги, чудовища неистово налетели на копейщиков Амората и Даноста.

Где-то впереди вспыхнула яркая линия, разделившая горизонт на двое. В пылу боя мало кто заметил появление прохода. Полоса постепенно расширялась, закрывая маревом весь горизонт.

Рыцари Амората и Сальяда взяли врага, связанного боем с копейщиками, в клещи. Конница смело врбалась в хаотичную толпу чудовищ, прорубая широкие дорожки в ее рядах, но число врагов не уменьшалось. На место погибших прибывали все новые и новые. Конница постепенно теряла инициативу, ее попытались окружить, на выручку пришли стрелы амазонок, выкосившие зарвавшихся врагов. Стрелы закончились, в ход пошли короткие клинки воительниц, их ряды быстро таяли. В отличие от тяжелой рыцарской конницы, защитой амазонкам служила лишь храбрость, но она не спасала от когтей и оружия.

Армия Амората подалась назад, оголив левый фланг алкмейцев. Правый фланг заняли гномы, быстро перестроившиеся в суматохе сражения. Тысячи убитых устилали землю, стрелы находили свои жертвы с обеих сторон. Одна из пернатых убийц пробила кольчугу Товарда, прошив мышцу на плече, возле шеи. Король Даноста с досады, рубанул вставший перед ним скелет с такой силой, что вколотил его по колени в землю.

Несколько раз Инан порывался вступить в сражение, но телохранители сумели остановить монарха. Негласное соревнование с Гвидо, требовало, чтобы он принял участие в сражении. Его визави Гвидо, носился по полю боя, блистая доспехом эльфийской работы. Черный плюмаж появлялся то тут, то там, сопровождая его атаки на полчища братьев рогом Сальяда.

Стройные ряды фаланги стояли каменной стеной, не давая возможности ни одной твари пройти вперед. Чудовища накатывали на алкмейцев с неизменной яростью, но натыкались на острия жадно ищущих копий.

С правого фланга прозвучал рог Железной долины. Сначала побежали чудовища, затем пришла волна стали и рыцарской мощи. Опрокидывая врага, всадники долины топтали и рубили, бегущих тварей. Пострадали и союзники, не успевшие уйти в сторону.

Товард с удивлением заметил, что враги иссякли. Черная лавина все также шла из мертвого мира, но не доходя полста метров до них, воины Братьев исчезали в мареве, затянувшем весь горизонт. От яркого света и ряби болели глаза, но гном успел заметить мгновение, когда вспышка света озарила горизонт. Звуки вновь нахлынули с той стороны завесы, а оба прохода закрылись. Исчезла пелена, возникшая прямо перед армией союзников, закрылся и проход в черный мир Менантра, поглотив полчища нежити. Солнце вышло из-за пелены, играя на доспехах, и матовой поверхности кровавых луж. Весело пробегая лучом по лезвиям клинков, светило возвещало о победе.

Успевшие выскочить из Менантра чудовища, растерянно смотрели на случившееся, оценивая перспективы. Быстро сообразив, что они остались без предводителей, монстры побежали. Сначала тонкими ручейками по округе, стараясь скрыться в лесах и пещерах ближайших гор, а затем полноводной рекой в сторону Караманта, точно чувствуя, где их может приютить новый мир.

Конница нещадно преследовала врага, уничтожая чужаков тысячами. В течении двух часов избиение закончилось, что смогло укрыться в горах и лесах, осталось жить в новом мире, чтобы еще многие годы беспокоить жителей Фанариона.

Солнце нещадно палило, играя на зеркальной поверхности мраморной столешницы,

одноногого столика, который приютился в закрытом дворике гостиницы «Белый Пеликан». За столиком расположились двое, темноволосая женщина и молодой мужчина. Легкие пальцы посетительницы неуверенно пробежали по гладкой поверхности столика, точно пробуя качество полировки. Затем обхватили синий камень, украшавший ухоженные руки дамы, и в задумчивости покрутили его, перемещая по пальцу из стороны в сторону. В недрах сапфира, вделанного в изящное кольцо, заиграли синие огоньки. Камень будто зажигал лазурным глаза Эвелин. Женщина настороженно смотрела на человека, что сидел, напротив. Волевой нос, и контраст черных, вьющихся локонов с голубыми глазами, делали привлекательным некрасивое лицо мужчины. Скривив рот, он барабанил пальцами по мрамору стола, напряженно вглядываясь в Эвелин.

— Это лучшее предложение из тех, что вам когда-либо делали — говорил молодой, стараясь не моргать.

— Зачем тебе его сокровище? — подозрительно прищурившись спросила Эвелин.

— Это моя гарантия, что он меня найдет, когда освободиться — с ухмылкой ответил мужчина.

— Не сомневайся. Он тебя найдет — с угрозой в голосе ответила женщина.

— Я знаю. Так что? Ты согласна? — нетерпеливо оборвал угрозы мужчина.

Вместо ответа Эвелин вытащила из сумочки небольшую коробку черного цвета, и немного подумав положила на стол. Белизна столешницы усиливала черноту объемного прямоугольника, который чем-то напоминал миниатюрный саркофаг.

— Вот и отлично — довольно произнес мужчина, выставляя на мрамор стола небольшой ларец, выточенный из кристалла молочного цвета. Крепкая рука владельца коснулась крышки, она с мягким щелчком отползла в сторону. Лучи заиграли на пузатых баночках, внутри которых находились различные растения и животные, подобно тому, как мухи или листва сохраняются в янтаре.

— Что это? — с интересом спросила Эвелин.

— Мой мир — сухо отозвался мужчина. — Вернее, то, что от него осталось — он порылся в недрах ларца, пока не нашел отсек, где хранились прозрачные, каплевидные сосуды, размером с яйцо куропатки.

Порывшись среди фиалов, мужчина выудил один из них, и протянул Эвелин.

— Вот, сами убедитесь, все без обмана.

Женщина поднесла прозрачную каплю к глазам вглядываясь в содержимое фиала. Внутри шел бой, застывший в самый жаркий момент. Рыцарь почти коснулся клубящимся клинком, одного из Братьев, к нему с тыла и флангов заходили еще пятеро. Все они застыли с тем же выражением на лицах, что сопровождали их в момент боя.

— Да это он — с волнением проговорила Эвелин. — Но как я могу его освободить? — спросила женщина, перехватывая, протянутую за черной коробкой, руку мужчины.

— Об этом вам лучше спросить, его верного друга, здесь он известен как Армин Карната. Командующий знает, как развернуть застывшее время. Вот только захочет ли? Это большой вопрос — ответил Випул хитро ухмыляясь.

Черная коробка оказалась в его руках. С трудом скрывая дрожь нетерпения, Отец поднес ее к перстню с большим желтым камнем. Мини саркофаг начал сжиматься, пока не достиг размеров кольца. Випул легко провел пальцем по кристаллу. От прикосновения минерал вздрогнул подобно желе, крепкие пальцы молодого погрузили сокровище Амадо в мягкий камень, и саркофаг опустился в его недра, где продолжил сжиматься, превращаясь в

узкую, черную щель. Перстень теперь походил на глаз тигра.

Не теряя времени, Отец встал и поправил плащ. Надвинув капюшон на глаза, он повернулся к выходу.

— Мне пора. С вами приятно иметь дело госпожа Малино — проговорил он с поклоном.

— Не могу вам ответить тем же — несколько раздраженно ответила Эвелин. Женщина немного помолчала, глядя на ухмыляющуюся физиономию мужчины, и спросила. — Скажи, андланд, стоила ли твоя власть гибели целого мира?

— Без меня этого мира не было бы. Лучше спроси своего Убийцу, стоила ли его мечь гибели целого мира — парировал Випул.

— Неправда! Он не мстил, он стремился защитить этот мир от тебя, от Инвентов и вам подобных...

— Тогда почему он пожертвовал своими женами, детьми, и не одной сотней жизней? Как знак попал в руки Бартьев? Да и спас ли он ваш мир? Не знаю, что лучше рабство или иллюзия свободы?

— Теперь мы сможем вернуть утраченное... — начала Эвелин, гневно глядя на андланда.

— Теперь вы рабы! Скоро проснется перворожденный, и он потребует свое право, свою кровавую жертву! Посмотрим, что в итоге выберут жители Фанариона — не прощаясь, андланд вышел с уютного дворика гостиницы, на пыльную, выжженную солнцем улицу.

Мимо пробежали дети. Двое, оседлав метлы, изображали всадников, а третий одного из Братьев, замотав скрученной в жгут тряпкой лицо, и надев поверх одежды рваный мешок. В руках мальчик держал толстый стебель крапивы, то и дело норовя хлестнуть бежавших впереди «рыцарей» по голым икрам.

В тени, под выступом второго этажа стоял нищий, он поднял голову, надежно укрытую глубоким капюшоном, когда на улице появился андланд. Страж, проходивший мимо, сразу почувствовал неладное, и внимательно уставился на попрошайку. Прозвучал приказ скинуть капюшон, но нищий, не обращая внимания на грозный окрик стража плавно двинулся в сторону андланда. Мгновение спустя тело в лохмотьях вытянулось, возвышаясь над человеком более чем на голову. Перепуганный насмерть страж мог поклясться, что капюшон скрывал призрака. Андланд исчез, а следом за ним исчез и нищий, напоследок погрозив неестественно длинным пальцем, и без того напуганному стражнику.

Тем временем улица продолжала шуметь, погрязнув в буднях, точно ничего и не произошло.

Больше книг на сайте - Knigoed.net